

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2022. № 476. Март

• ИСТОРИЯ

• ФИЛОСОФИЯ

• СОЦИОЛОГИЯ

И ПОЛИТОЛОГИЯ

• ПЕДАГОГИКА

• ПРАВО

• HISTORY

• PHILOSOPHY

• SOCIOLOGY

AND POLITICAL SCIENCE

• PEDAGOGICS

• LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2022. № 476. March

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Учредитель – Томский государственный университет

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глушенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р
филос. наук, проф.; Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов,
д-р техн. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол.
наук, проф.; Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р
ист. наук, проф.; Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц.;
А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.;
И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; В.П. Парначев, д-р геол.-
минерал. наук, проф.; О.В. Петрин, директор Издательского
Дома Томского государственного университета; Т.С. Портнова,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потехаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; Л.М. Прокументов, д-р
юрид. наук, проф.; З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; В.С. Сумарокова, директор
Издательства ТГУ; С.П. Сушенко, д-р техн. наук, проф.;
П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; Г.М. Татянин,
канд. геол.-минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р юрид. наук,
проф.; О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р
пед. наук, проф.; Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –

Н.А. Глушенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

Founder – Tomsk State University

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chair-
man); V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Pro-
fessor (Vice Chairman); N. Glushchenko, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); V. Bertsun, PhD in Physics and Math-
ematics, Associate Professor; Ye. Borisov, Dr. of Philosophy, Pro-
fessor; D. Vorobyov, PhD in Biology, Associate Professor; S. Vo-
robeyov, PhD in Biology, Senior Researcher; A. Glazunov, Dr. of
Engineering, Professor; A. Gortsev, Dr. of Engineering, Professor;
S. Gural, Dr. of Education, Professor; T. Demeshkina, Dr. of Philo-
logy, Professor; Yu. Yershov, Dr. of Philology; V. Zinoviev, Dr.
of History, Professor; D. Katunin, PhD in Philology, Associate
Professor; A. Korotaev, PhD in Physics and Mathematics, Senior
Researcher; I. Malkova, Dr. of Pedagogy, Professor; V. Parnachev,
Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; O. Petrin, Head of Tomsk
State University Publishing House; T. Portnova, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical
Literature Publishing House; A. Potekaev, Dr. of Physics and Mathemat-
ics, Professor; L. Prozumentov, Dr. of Law, Professor; Z. Sakharova,
PhD in Economics, Associate Professor; Yu. Slizhov, PhD in Chemistry,
Associate Professor; V. Sumarokova, Director of TSU Publishing
House; S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor; P. Tarasenko,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; G. Tatianin,
PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; V. Utkin, Dr.
of Law, Professor; O. Chaikovskaya, Dr. of Physics and Mathematics,
Professor; E. Chernyak, Dr. of History, Professor; V. Shilko, Dr.
of Education, Professor; E. Shrager, Dr. of Engineering, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasily P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Керимова М.М. Всероссийская выставка 1867 г. – новый этап в развитии этнографической науки	5
Конеv К.А. В ожидании интервенции: образ стран Антанты и США в небольшевистской периодической печати востока России в ноябре 1917 – августе 1918 гг.	14
Жилина Н.В. Резьба по кости и рогу как декоративное искусство Древней Руси IX – первой половины XI в.	24
Загваздин Е.П. К вопросу о вариативности положения рук усопших в русской православной погребальной традиции	39
Кравчук А.А. Инновационный вектор развития морской промышленности Норвегии	47
Левина Ж.Е. Победа советского государства во Второй мировой войне: особенности ранней памяти в официальных источниках на примере календаря-справочника на 1946 г.	58
Петин Д.И. Взрыв 1 августа 1918 г. в Омске	65
Салихова Л.Б. Англоязычные исследователи XX в. о событиях на Северном Кавказе в 1917–1921 гг.	76

ФИЛОСОФИЯ

Дубовский Ю.А., Заграевская Т.Б., Заграевская С.М. Абстрактное в мышлении: интерпретация концепции Г.В.Ф. Гегеля	84
Казачанская Е.А., Овчинников А.И., Оганесян А.К. Религиозное правосознание в условиях цифрового мира и европейский консерватизм	95
Крюков А.Н. Феноменология жизненного мира и греки	105
Шевченко О.К. Хронотопность понятия «власть» в русском языке (к вопросу об археологии власти в русском тексте)	111

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Власова К.В., Тимченко В.А. Реформа ООН и ее влияние на современную систему международных отношений	121
Данилова Е.А. Технологии позиционирования оборонно-промышленного комплекса в стратегии российского национального брендинга как ответ на глобальные угрозы и вызовы	130
Ефимова Г.З. Основания для субъективной оценки справедливости оплаты труда научно-педагогических работников	139
Зинурова Р.И., Никитина Т.Н., Фатхуллина Л.З. Социальные практики и социально-психологические характеристики поколения Z (по результатам фокус-группового исследования)	146
Матвеева Е.В., Сат А.В. Политическая культура избирателей Республики Тыва как индикатор отношений власти и общества (по результатам социологических исследований)	159

CONTENTS

HISTORY

Kerimova M.M. The 1867 All-Russian Exhibition – a new stage in the development of ethnographic science	5
Konev K.A. In expectation of intervention: The image of the Entente countries and the United States in the non-Bolshevik periodical press of the East of Russia in November 1917 – August 1918	14
Zhilina N.V. Bone and horn carving in decorative art of Kievian Rus in the 9th – the first half of the 11th centuries	24
Zagvazdin E.P. On the variations of the deceased's Arm position in the Russian Orthodox burial custom	39
Kravchuk A.A. Innovative vector of Norway's maritime industry development	47
Levina Zh.E. The victory of the Soviet state in World War II: Peculiarities of early memories in official sources as illustrated by a reference calendar for the year 1946	58
Petin D.I. The explosion on 1 August 1918 in Omsk	65
Salikhova L.B. English-language researchers of the 20th century about the events in the North Caucasus in 1917–1921	76

PHILOSOPHY

Dubovsky Yu.A., Zagrayevskaya T.B., Zagrayevskaya S.M. The abstract in thinking: Interpretation of Hegel's concept	84
Kazachanskaya E.A., Ovchinnikov A.I., Oganessian A.K. Religious legal consciousness in the conditions of the digital world and European conservatism	95
Krioukov A.N. The phenomenology of lifeworld and ancient Greeks	105
Shevchenko O.K. Chronotopicity of the concept “power” in the Russian language (On the archeology of power in Russian texts)	111

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Vlasova K.V., Timchenko V.A. UN reform and its impact on the contemporary international relations system	121
Danilova E.A. Technology for positioning the military-industrial complex in the strategy of Russian national branding as a response to global threats and challenges	130
Efimova G.Z. Grounds for subjective assessment of academic and teaching staff pay equity	139
Zinurova R.I., Nikitina T.N., Fatkhullina L.Z. Social practices and socio-psychological characteristics of Generation Z (Based on the results of focus group research)	146
Matveeva E.V., Sat A.V. The political culture of the voters in the Republic of Tyva as an indicator of relations between the authorities and society (results of sociological research)	159

ПЕДАГОГИКА

Мелёхина Е.А., Минаева Е.С. Роль мотивации в формировании готовности переводчиков русского жестового языка к профессиональной деятельности	168
Болдовская Т.Е., Десятникова М.В., Раскина И.И. Научная социализация студента при подготовке к предметной олимпиаде	176
Романова С.П. Методика оценки развития специальной выносливости легкоатлеток-спринтеров на этапе начальной спортивной специализации	184
Салосина И.В., Демидова Т.А., Гриценко Л.М. Дистанционное образование без дистанции: гармонизация педагогического общения на занятиях по РКИ в вузе	191
Сосуновский В.С., Загrevская А.И. Теоретико-методологические основы системного подхода в педагогической науке	201
Чам М.Ф., Минакова Л.Ю. Межкультурный коммуникативный тренинг и его роль в формировании межкультурной компетенции обучающихся иностранному языку	208

ПРАВО

Бавсун М.В. Проблемы законодательного конструирования уголовно-правовых норм, направленных на защиту объектов топливно-энергетической инфраструктуры Российской Федерации	220
Безруков А.В., Иксанов И.С., Исаева А.А., Федорова А.П. Защита права мигрантов на семейную жизнь в странах Северной Европы	225
Брежнев О.В. Эволюция статуса органов конституционного правосудия в Кыргызской Республике	233
Корецкий Д.А., Стешич Е.С. Уголовно-правовые аспекты профилактической деятельности в условиях «новой нормальности»	248
Кузнецова С.С., Мочалов А.Н., Саликов М.С. Биометрическая идентификация в Интернете: тенденции правового регулирования в России и за рубежом	257
Филатьев В.А. Особенности мотивировки и обжалования приговора в части применения заключения под стражу	268
Челышева Н.Ю. Способы защиты прав покупателя по договорам международной купли-продажи в случае поставки товаров из государств, применяющих экономические санкции к России	278
Черкасов К.В., Пиптюк А.В. Публично-частное партнерство в сфере транспорта: основные механизмы и перспективы совершенствования правового регулирования	290

PEDAGOGICS

Melekhina E.A., Minaeva E.S. The role of motivation in developing the readiness of Russian Sign Language interpreters for professional activities	168
Boldovskaya T.E., Devyaterikova M.V., Raskina I.I. Students' scientific socialization in the preparation for subject olympiads	176
Romanova S.P. Methods of assessing the development of special stamina in female sprinters during the initial sports specialization	184
Salosina I.V., Demidova T.A., Gritsenko L.M. Distance education without distance: Harmonization of pedagogical communication in the RFL classroom at the university	191
Sosunovsky V.S., Zagrevskaya A.I. Theoretical and methodological foundations of a systems approach in pedagogical science	201
Cam M.F., Minakova L.Yu. Intercultural communications training and its role in the formation of cross-cultural competence of foreign language learners	208

LAW

Bavsun M.V. Problems of the legislative design of criminal law norms aimed at protecting fuel and energy infrastructure facilities of the Russian Federation	220
Bezrukov A.V., Iksanov I.S., Isaeva A.A., Fedorova A.P. Protecting migrants' right to family life in the Nordic countries	225
Brezhnev O.V. Evolution of the status of constitutional justice bodies in the Kyrgyz Republic	233
Koretsky D.A., Steshich E.S. Criminal and legal aspects of preventive activities in the conditions of the "new normality"	248
Kuznetsova S.S., Mochalov A.N., Salikov M.S. Biometric identification on the Internet: Trends of legal regulation in Russia and in foreign countries	257
Filat'yev V.A. Features of the motivation and appeal of a sentence in part of applying remand in custody	268
Chelysheva N.Yu. Ways to protect the rights of the buyer under international sales contracts in the case of the supply of goods from states applying economic sanctions to Russia	278
Cherkasov K.V., Pipyuk A.V. Public-private partnership in the field of transport: main mechanisms and prospects for improving legal regulation	290

ИСТОРИЯ

Научная статья

УДК 03.39

doi: 10.17223/15617793/476/1

Всероссийская выставка 1867 г. – новый этап в развитии этнографической науки

Мариям Мустафаевна Керимова¹

¹*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Москва, Россия, mkerimova@yandex.ru*

Аннотация. Показано, что первоосновой проведения Всероссийской этнографической выставки 1867 г. были не политические амбиции России, а научные задачи. Анализ архивных источников и литературы второй половины XIX в. позволил показать место и роль выставки в структуре российской науки последних десятилетий XIX в. Впервые проанализирована объемная экспозиция западных и южных славян. Показан вклад российских ученых и известных деятелей национального возрождения славянских стран в подготовку и проведение выставки.

Ключевые слова: новый этап науки, история создания выставки, южные и западные славяне, этнографический музей, Этнографический отдел ИОЛЕАЭ

Для цитирования: Керимова М.М. Всероссийская выставка 1867 г. – новый этап в развитии этнографической науки // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 5–13. doi: 10.17223/15617793/476/1

Original article

doi: 10.17223/15617793/476/1

The 1867 All-Russian Exhibition – a new stage in the development of ethnographic science

Mariam M. Kerimova¹

¹*Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Moscow, Russian Federation, mkerimova@yandex.ru*

Abstract. In historiography dedicated to the First All-Russian Ethnographic Exhibition of 1867, the emphasis is usually placed on its political goals – the demonstration of the imperial ambitions of Russia rallying the foreign Slavic peoples around it. The aim of this article is to show that the primary principles of the exhibition were scientific tasks: the creation of the Dashkovo Ethnographic Museum at the Rumyantsev and Public Museums in Moscow and the Ethnographic Department of the Imperial Society of Devotees of Natural Science, Anthropology and Ethnography at Moscow University. These two events marked a new stage in the development of ethnographic science in Russia. After the exhibition ended, ethnology loudly proclaimed itself an independent science. The author relies mainly on archival sources and literature of the second half of the 19th century, using a systematic analysis of sources related to various issues raised at the exhibition. The comparative-historical method is also used, which made it possible to show the place and role of the exhibition in the structure of Russian science in the last decades of the nineteenth century, in the context of the historical, social and ideological situation in Russia and foreign Slavic countries. The author shows that the exhibition raised important problems of further expanding the comparative study of history, everyday life and customs, religion, economic development of the peoples of Russia, the Southern and Western Slavs, and expanding cultural interaction with them. The purpose of the exhibition was to stimulate interest in the study of the material and spiritual culture of different peoples, and for this it was necessary to make the exposition detailed, visual and reliable. The article discusses in detail the stages of preparation and holding of the exhibition and its results. For the first time, the author analyzes a large exposition of Western and Southern Slavs: Czechs, Slovaks, Croats, Slovenes, Poles, Serbs, Montenegrins, Macedonians, and Bulgarians; describes in detail scenery scenes (Russian fair, Slovenian wedding), which attracted the greatest attention of visitors. The author highlights the huge contribution to the preparation and holding of the exhibition of initiators and organizers: A.P. Bogdanov, V.A. Dashkova, N.A. Popova, M.F. Raevsky and others, and also shows the role in the organization of the exhibition of famous figures of the national revival of the Slavic countries: M. Mayar, B. Petranovich, J. Milutinovich, N. Ducic and other fighters for the freedom and independence of their peoples, who were at that time under the rule of the Austro-Hungarian and Ottoman empires. The Dashkovo Ethnographic Museum was founded on the basis of the exhibits collected in different regions of Russia and in the countries where Southern and Western Slavs lived. The exhibition contributed to the founding in 1868 of the Ethnographic Department of the Imperial Society of Devotees of Natural Science, Anthropology and Ethnography at Moscow University. These events marked a new stage in the development of ethnography, anthropology, and Slavic studies.

Keywords: new stage of science, history of creation of exhibition, Southern and Western Slavs, ethnographic museum, Ethnographic Department of Imperial Society of Devotees of Natural Science, Anthropology and Ethnography

For citation: Kerimova, M.M. (2022) The 1867 All-Russian Exhibition – a new stage in the development of ethnographic science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 5–13. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/1

Разница между русской этнографией и западной антропологией заключается не только во времени их зарождения, но и в мотивациях и практической направленности. Российское народоведение (этнография) зародилось как эмпирическое и практическое знание. В его основе лежало самопознание и консолидация народов Российской империи. Внимание этнографии в восемнадцатом и первой половине девятнадцатого столетия было обращено либо на отдельный народ, либо на имперскую галерею народов. Западная антропология, напротив, синтезировала общий ход эволюции человека из фрагментов различных культур. Не отдельные люди, а развитие культурных стадий народов мира фигурировало в работах западных эволюционистов [1. С. 13]. Это различие ярко проявилось на первой Всероссийской этнографической выставке 1867 г. в Москве.

Следует отметить, что во второй половине XIX в. этнографическая наука прочно утвердилась не только в Западной Европе и Америке, но и в России. За этот период был накоплен огромный фактический материал, что способствовало появлению обобщающих аналитических работ, теоретических концепций, возникновению этнографических обществ и специальных периодических изданий, созданию музеев и выставок.

Неслучайно первая Всероссийская этнографическая выставка состоялась в Москве в 1867 г. К выставке был приурочен съезд ученых из зарубежных славянских стран: Сербии, Хорватии, Словении, Болгарии, Польши, Чехии и Словакии. Славянские ученые прислали на выставку многочисленные экспонаты материальной культуры своих народов. Поводом для Славянского съезда в России стала идея славянской взаимности, единства языков и культур славянских народов. Этноинтеграционные тенденции были связаны с новыми всплесками сопротивления западных и южных славян германизации, мадьяризации и османскому игу. Российская империя, будучи в то время единственным славянским независимым государством, поддерживала славянские страны.

Основная научная и просветительская цель выставки – продемонстрировать огромное разнообразие народов необъятной Российской империи и соседних зарубежных славянских стран.

Анатолий Петрович Богданов (1834–1896), молодой профессор Московского университета, в то время уже был известным антропологом и зоологом (рис. 1).

Он стал идейным вдохновителем, организатором и автором оригинального плана и программы Московской этнографической выставки 1867 г.

Мысль о необходимости проведения выставки в России возникла у Богданова в 1862 г., после вторичного посещения Всемирной выставки 1851 г. в приго-

роде Лондона – в прекрасном Хрустальном дворце Сиденгама. За Лондонской выставкой последовала целая череда других: в Париже – в 1867, 1878 и 1889 гг., в Филадельфии и Чикаго – в 1876 и 1893 гг.; в Москве – в 1867, 1872 и 1879 гг.

Богданов считал, что для успеха мероприятия необходима фундаментальная организационная и общеобразовательная поддержка, для которой он считал необходимым создание нового научного Общества любителей естествознания при Императорском Московском университете с широким составом. Такое Общество было основано в 1863 г.

Рис. 1. Анатолий Петрович Богданов

Следующим важным шагом стало получение помещения для выставочной экспозиции. Я обнаружила ранее неизвестные и неопубликованные документы в Центральном государственном архиве Москвы (ЦГАМ). Они помогли более полно осветить историю выставки. В архиве отложился документ 1865 г., подписанный президентом Общества любителей естествознания Г.Е. Щуровским, в котором содержалась просьба разрешить проведение этнографической выставки в московском Экзерциргаузе (Exzierzirgauz – здание Манежа в Москве). После этого в 1865 г. было получено разрешение императора на проведение выставки в Московском Манеже (рис. 2).

Рис. 2. Московский Манеж (Exzierzirgauz)

Затем был разработан программный план. К просьбе о проведении выставки А.П. Богдановым был приложен текст этой программы: «Каждая группа племен, представленная на выставке, должна быть размещена в географической последовательности. Посетители выставки, начавшие осмотр с жителей полярных стран, постепенно переходят на тропики... Группы разных племен могут быть окружены типичными растениями и животными той или иной местности... Для организации такой выставки по приблизительным подсчетам нужно собрать 20 тыс. рублей серебром. Эта сумма необходима, потому что потребуются экспедиции специалистов и художников на Север и Юг России, которые должны будут изготовить оригинальные манекены (фигуры в полный рост) из представителей разных племен, зафиксировать народные костюмы и различные предметы быта» [2].

С 1865 г. по весну 1867 г. была проделана колоссальная работа по сбору и оформлению всей грандиозной выставочной экспозиции. Главой организационного комитета выставки был назначен заместитель директора Румянцевского музея в Москве, известный меценат Василий Андреевич Дашков (1819–1896) (рис. 3).

Рис. 3. Василий Андреевич Дашков

Он пожертвовал 18 тыс. рублей серебром на организацию выставки (после ее закрытия ему сполна возвратили эту сумму).

Итак, летом 1865 г. были окончательно решены вопросы о размещении выставки в Манеже, дате ее открытия весной 1867 г. – и об оказании помощи ее организаторам и кураторам. В течение двух лет – с 1865 г. и до весны 1867 г. шла гигантская по своему размаху работа по собиранию и оформлению огромной выставочной экспозиции. Под руководством В.А. Дашкова и при помощи А.П. Богданова состоялось 45 заседаний организационного комитета, утвер-

дившего дополнения и корректировки, внесенные в план, также были созданы пять специальных комиссий: экспедиционная по отбору на натуре типичных фигур из представителей разных народов; художественно-оформительская для создания фонда декоративных и архитектурных аксессуаров; фотографическая по составлению коллекций портретов и фотографий для скульпторов; ботаническая для природного фона и, наконец, финансовая для выработки правил взноса денег юридическими и физическими лицами [3. С. 259–294].

Известный историк, славист, архивист, профессор Московского университета Нил Александрович Попов (1833–1891) стал инициатором создания на выставке специального славянского отдела (рис. 4).

Ему было поручено установление контактов с зарубежными учеными и отслеживание сбора, изготовления и доставки в Москву многочисленных экспонатов из земель, населенных западными и южными славянами Центральной и Юго-Восточной Европы [4. С. 53]. Кроме того, он был одним из инициаторов серии торжественных мероприятий для славянских гостей в Москве и Санкт-Петербурге, получивших название Славянский съезд [5. С. 19; 6].

Рис. 4. Нил Александрович Попов

Общество любителей естествознания при Московском университете организовало благотворительную акцию для сбора дополнительных средств. Профессора прочитали серию публичных лекций по различным историческим, этнографическим и антропологическим вопросам. В них приняли участие известные ученые: А.П. Богданов, И.Д. Беляев, И.К. Бабст, Н.А. Попов, С.М. Соловьев, М.П. Погодин и др.

Первая Всероссийская этнографическая выставка открылась 23 апреля 1867 г. За два месяца ее посетило около 90 тыс. человек, что вызвало большой общественный резонанс не только в России, но и в различных странах Западной Европы. Среди посетите-

лей были люди разных социальных категорий и профессий: любители этнографии, студенты российских учебных заведений, видные ученые и общественные деятели из различных культурных центров России и зарубежья. Почетными гостями были: академики Российской академии наук В.П. Безобразов, Л.Н. Майков; от вузов – проф. Ф.И. Буслаев, К.Н. Бестужев-Рюмин, В.И. Ламанский, М.П. Петровский, В.И. Григорович и др. Литературно-художественные круги представляли поэты Ф.И. Тютчев, А.Н. Майков, А.П. Плещеев, композиторы М.А. Балакирев, Н.Г. Рубинштейн и др.

Количество зарубежных славянских гостей, прибывших из стран, находившихся под властью Австро-Венгерской и Османской империй, было впечатляющим (81 человек). В список гостей вошли известные борцы за свободу и независимость своих стран, историки, лингвисты, писатели, переводчики и журналисты, юристы, биологи, медики, а также представители духовенства и купечества и даже студенты.

Открытие выставки было очень торжественным. Отслужили молебен, Великий князь Владимир Александрович был объявлен Почетным председателем выставки. 24 апреля выставку посетил император Александр II со свитой, наследником цесаревича и его супругой Марией Федоровной. Почти 3 часа они с интересом знакомились с экспозицией, Александр II поблагодарил организаторов выставки и одобрил идею ее проведения.

Экспозиция выставки была похожа на красочное театрализованное представление. На специальных помостах было размещено около 300 искусно изготовленных манекенов в традиционной народной одежде (рис. 5, 6). Основная экспозиция (первый отдел) состояла из трех подразделов [3. С. 30]. В первом подразделе были представлены манекены аборигенных народов.

Рис. 5. Бродячие или дикие тунгусы в чуме (Бродячие или лесные тунгусы возле чума).

Источник: Всероссийская этнографическая выставка 1867 г. Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, в составе Императорского Московского университета: исторический очерк структуры выставки, описание и перечень предметов, которые были на выставке, и протоколы выставки. Заседания комитетов по структуре выставки. М.: Тип. М.Н. Лавров и К°, 1878, II, 93 с., 19 л. ил; 32 (Известия Общества любви естествознания, антропологии и этнографии. Т. 29 [вып. 1]. С. 88

Рис. 6. Группа башкир у кибитки.

Источник: Всероссийская этнографическая выставка 1867 г. Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, в составе Императорского Московского университета: исторический очерк структуры выставки, описание и перечень предметов, которые были на выставке, и протоколы выставки. Заседания комитетов по структуре выставки. М.: Тип. М.Н. Лавров и К°, 1878, II, 93 с., 19 л. ил; 32 (Известия Общества любви естествознания, антропологии и этнографии. Т. 29 [вып. 1]. С. 76

Они обитали на огромных просторах России – от Аляски, Сибири и окраин европейской части Русского Севера до Кавказа и Крыма, Прибалтики, Средней Азии (30 групп и 116 манекенов). Восточные славяне – русские, украинцы и белорусы (10 групп и 118 манекенов), а также западные и южные славяне Центральной и Юго-Восточной Европы – составляли второй и третий подразделы.

В процессе подготовки выставки 1867 г. собирались не только предметы, фиксировалась информация о вещах и их владельцах, выполнялись зарисовки и фотографии. Для изготовления манекенов и демонстрации народного костюма были приглашены скульпторы: профессор Н.А. Рамазанов, академик С.И. Иванов, а также художники М.Л. Севрюгин, Я.М. Яковлев, С.П. Закревский, А.М. Любимов, Гейзерт. Они работали на основании фотографий, полученных из разных регионов России и зарубежных славянских стран, а в некоторых случаях делались с натуры.

В третий подраздел вошли западные и южные славяне Центральной и Юго-Восточной Европы. Выставка впечатляла своей красочностью и праздничным колоритом: 62 манекена, представляющих разные национальные типы, знакомили публику с чехами, моравцами, словаками, поляками, кашубами, словенцами, хорватами, сербами, черногорцами, македонцами и болгарцами. Все экспонаты были выполнены в натуральную величину, передавали как физический тип и народный костюм уже сложившихся народностей, так и основные черты племенных групп и локальных этнических общностей. Часто сделанные со слепков лиц или фотографий реальных людей, они производили неизгладимое впечатление подлинности и оригинальности разнообразных типов. Также были тщательно подобраны аутентичные аксессуары одежды, головные уборы и украшения.

Поражал посетителей и декоративный фон. Манекены были окружены разнообразными красочными экзотическими растениями, скрупулезно подобранными с учетом особенностей климатических зон. Макеты заснеженных горных вершин, в натуральную величину срубы, глинобитные мазанки, юрты, чумы, караваны, инструменты ремесленников, охотников, рыбаков и даже чучела животных – оленей, лошадей и собак – подчеркивали и без того красочные картины [7].

Второй общий этнографический отдел демонстрировал 400 комплектов будничной и праздничной мужской и женской одежды; 1 200 предметов домашнего быта, моделей построек и орудий труда, 2 000 рисунков и фотографий; более 500 различных музыкальных инструментов, в том числе гусли, тамбурины, губной орган (варган), глиняные и деревянные свистульки и даже алеутские кастаньеты из клювов птиц и шаманские бубны.

Посетителей привлекала коллекция лубочных картин, альбомы старинной одежды этнографических и субэтнических групп чешских ганак, далматинцев и придунайских болгар; литографии австрийских славян (чехов, словаков, хорватов и словенцев), сербов и русинов Южной Венгрии, многочисленные фотографии жителей Триединого королевства Хорватии, Славонии и Далмации, чешских депутатов пражского сейма, изгнанных из него в самом начале образования дуалистической монархии Австро-Венгрии. 2 000 предметов приобрели и передали для подготовки выставочной экспозиции священник русской посольской церкви в Вене М.Ф. Раевский (1811–1884) (рис. 7), чешский поэт и переводчик К.Я. Эрбен, славонский фабрикант Ф. Лай, сербский национальный деятель Б. Петранович и черногорский архимандрит Н. Дучич.

Третий антропологический отдел с археологической коллекцией был создан в основном на личные средства А.П. Богданова. Он состоял из 1 500 экспонатов, в том числе 600 черепов, множества анатомических рисунков, 23 антропологических инструментов, среди которых были краниологические устройства: кефалометр Ансельма и краниометр Брока. В археологическую коллекцию вошли извлеченные из курганов предметы (ядра, монеты и другие археологические артефакты – всего 300 единиц), старопечатные издания. Этот отдел был в основном предназначен для специалистов данного профиля.

Кратко остановимся на экспозиции русских, украинцев, белорусов, западных и южных славян.

Экспозиция русских отличалась тем, что была задумана как демонстрация разнообразия форм экономической деятельности крестьянского и городского населения нескольких центральных губерний России. Для этого были созданы три постановочные экспозиции: производственная, ярмарочная и сельскохозяйственная. Первые две привлекли наибольшее внимание посетителей. Изба с тремя окнами зажиточного крестьянина-ремесленника и купца впечатляла не только своими естественными размерами, но и внут-

ренним убранством: лубочные картины XVII в., икона, размещенная в углу, кровать, покрытая одеялом из разноцветных лоскутков. Известно, что они были подарены профессором Московского университета, историком русской литературы Н.С. Тихонравовым. На выставке в эту избу заходили Александр II и великая княгиня Мария Федоровна.

Рис. 11. Михаил Федорович Раевский

Двор хижин был забит телегами, колесами, метлами, табуретами, а рядом с домом находился торговый магазин со всеми видами изделий из дерева, кожи, меди, олова и стекла. Он изобилует товарами, удовлетворяющими повседневные нужды крестьян: ткацкими изделиями, крестами различной конфигурации, украшенными медью и финифтью; игрушки, зеркала, дешевые стеклянные серьги и даже очки по десять рублей за дюжину. Все эти товары свидетельствовали о широком развитии русского кустарного производства.

Особенно живописной была ярмарочная сцена (рис. 8). По ярмарке можно было походить, посмотреть на народные костюмы. Большое оживление вызывали манекены, изображающие людей разных профессий: здесь были кузнец, извозчик, продавец книг, лубка и ложек, мальчик-продавец кваса, старик, водный медведь, и др. Манекены в основном были изготовлены по рисункам и фотографиям из разных регионов России и зарубежных славянских стран (рис. 9, 10) [8. С. 78–79].

Следом за русской шла экспозиция украинцев и белорусов. Украинцы были представлены шестнадцатью манекенами в народных костюмах из Харьковской, Воронежской, Киевской, Подольской, Черниговской губерний, задействованными в сюжетных сценах из жизни крестьян, а также макетом мазанки в натуральную величину.

Рис. 8. Российская ярмарка.

Источник: Всероссийская этнографическая выставка 1867 г. Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, в составе Императорского Московского университета: исторический очерк структуры выставки, описание и перечень предметов, которые были на выставке, и протоколы выставки. Заседания комитетов по структуре выставки. М. : Тип. М. Н. Лавров и К^о, 1878, II, 93с., 19л. ил; 32 (Известия Общества любви естествознания, антропологии и этнографии. Т. 29 [вып. 1]). С. 9

Рис. 9. Цветная иллюстрация. Слепой певец-серб и дети. Сербия. Крагуевский округ. Фотография Т.Л. Митрейтера. Коллекция РЭМ

Белорусов изображали шесть фигур, задействованных в жанровых сценах, представляющих домашний быт и основные занятия крестьян Могилевской губернии.

Экспозиция южных и западных славян поражала красочностью и праздничным колоритом. 62 манекена знакомили зрителей с чехами, моравами, словаками,

поляками, кашубами, словенцами, хорватами, сербами, черногорцами, македонцами и болгарами. Все манекены также были выполнены в натуральную величину, головы были из воска.

Рис. 10. Крестьянская девушка Архангельского уезда, 20 лет. РЭМ. Русские № 8764-368

Фигуры были сделаны со слепков лиц или фотографий реальных людей. Мастерски подобраны аксессуары к одежде, головные уборы и украшения. Над экспозицией работала огромная команда скульпторов, художников и фотографов. 62 манекена (16 групп) демонстрировали народные костюмы зарубежных славян. Дарители и коллекционеры из числа зарубежных гостей выставки сделали все, чтобы она была максимально полной и разнообразной. Примечательно, что многие экспонаты представляли местные эт-

нические группы, различающиеся одеждой, ритуалами и особенностями диалекта. Процесс формирования этнической идентичности славянских народов осложнялся территориальной разобщенностью, языковыми особенностями, политическим и национальным подчинением и угнетением. Отметим, что впервые вопросы существования различных типов этнических сообществ, «местных» названий и диалектов были подняты П.-Ю. Шафариком, автором выдающихся произведений «Славянские древности» (1837) и «Славянские описания народов» (1842), переведенных на русский язык О.М. Бодянским в 1841 и 1848 гг. Исследования первых русских университетских славистов И.И. Срезневского, О.М. Бодянского, П.И. Прейса и В.И. Григоровича, путешествовавших по землям южных и западных славян, заостривших внимание в том числе и на существовании локальных этнических групп, стали важной вехой в истории этнографической славистики [9. С. 60–102].

Чехи и словаки, расселявшиеся в XIX в. в Богемии, Моравии, Словакии, Славонии, Австро-Венгрии и отчасти в Пруссии и Галиции, были изображены на выставке в народных праздничных костюмах, собранных Эрбеном, Лаем и Раевским. Фигуры чешских крестьян из Домажлицкого уезда, представляли местную этническую группу ходов (или булаков) – они были расселены вдоль границы, защищая чешские земли от баварских немцев. Их костюмы являлись отголоском старинной одежды и отражали влияние новой городской культуры (кожаные и замшевые брюки, меховые шубы и шапки). Вторая сцена знакомила с мужским и женским костюмами из окрестностей Пльзеня, третья группа – с ганаками и словаками из Моравии (из окрестностей Кромержижа и Подивина). Этнографическая группа чехов-ганаков была представлена манекенами, сделанными по слепкам и фотографиям реальных людей.

Семь фигур демонстрировали *словацкий* костюм Южной Моравии и Венгрии. Лица манекенов, также воспроизведенные с живых персонажей, впечатляли достоверностью.

Польская экспозиция состояла из четырех групп: великопольян из пограничья с Восточной Пруссией и Познанью, поляков-краковян из Келецкой губернии, поляков-мазуров – жителей Варшавского уезда, поляков-курпов (курпиков) Ломжинской губернии. Традиционная одежда, предметы домашнего быта и фотографии из Царства Польского были подарены кн. В.А. Черкасским, генералами А.И. Рожновым и Н.А. Буцковским, бароном Н.В. Медемом, коллежским советником А.А. Жерве.

Словенцы выглядели очень экзотично и колоритно. Разбросанные по землям Каринтии, Штирии и Крайны, которые были частью Австро-Венгрии, они делали все возможное, чтобы защитить свою самобытную этническую культуру. Праздничная сцена сельской свадьбы локальной этнической группы словенцев-зилян (из Зильской долины на границе с Италией) была прислана католическим священником Матией Маяром (1809–1892) [10. С. 70–76], выдающимся

словенским общественным деятелем, филологом и этнографом (рис. 11).

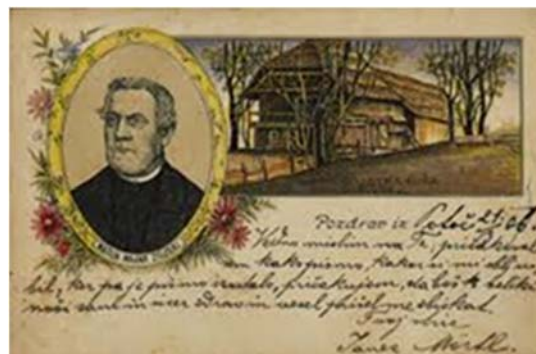

Рис. 11. Матия Маяр (Зильский)

Епископ отказал ему в поездке в Москву, но ему удалось отправить в подготовительный комитет выставки в 1866 г. фотографии и рисунки с изображением главных героев словенской свадьбы (4 мужчин и 2 женщин из Зильской долины (рис. 12)). Маяр сопровождал экспонаты подробным текстом, который представлял собой не просто описание всех деталей свадебной церемонии, а целый трактат, в котором излагались его взгляды на историю и обычаи словенцев [11. С. 75–76]. В этой композиции внимание привлекал старинный обряд «разбивания бочки» (символ счастливого брака и потери девственности невестой в первую брачную ночь). В хижину, украшенную живописной резьбой по дереву, можно было войти, а свадебная сцена была устроена так, чтобы зрители могли лично участвовать в действии.

Рис. 12. Словенские свадьбы в Зильской долине, фотография с экспозиции этнографической выставки в Москве, 1867 г.

Несмотря на все препятствия, Маяру удалось приехать в Россию и побывать на выставке в Москве.

В XIX в. хорваты жили в Триедином королевстве Хорватия, Славония и Далмация, которое сначала находилось под властью Габсбургской монархии, а с 1867 г. – под властью дуалистической Австро-Венгрии; они были расселены частично в Истрии, на Военной границе и на западе Герцеговины. Здесь су-

ществовало множество субэтнических групп хорватов: морлаки, загорцы, буньевцы, чичи, личане, безьяки и др. В экспозиции были представлены загорцы (загорянин и загорянка), граничары Слуинского полка и хорваты Центральной Загребской жупании (окрестности г. Карловац). Важную роль в приобретении народных костюмов сыграло «Общество истории и языка» в Загребе.

В хорватской экспозиции зрителей больше всего привлекала группа граничаров Военной границы — территории, искусственно созданной в середине XVI в. в связи с опасностью продвижения Османской империи в глубь Европы. К концу XVIII в. область Военной границы простиралась от берегов Адриатики до Карпат. Пограничники военных поселений на южных границах Австро-Венгрии несли военную службу, за что были освобождены от ряда феодальных повинностей. Экспозиция — 4 манекена в военной амуниции, славонские народные костюмы, коллекция фотографий, музыкальных инструментов — в основном была приобретена на деньги гостя выставки Ф. Лая и священника М.Ф. Раевского.

Сербы были расселены в Сербском княжестве, вассальном Османской империи, а также в Боснии и Герцеговине. Часть их проживали в Австрии и на юге Венгрии. В XVII–XVIII вв. из Австрии сербы переселялись в Россию, где образовался Славяносербский уезд Екатеринославской губернии, жители которого тоже были представлены в экспозиции.

В сербской экспозиции (14 фигур) особенно колоритной была группа, изображающая слепого гуслея в окружении 14 крестьян из разных регионов княжества на фоне монастырской стены. Манекен певца был выполнен по слепку и фотографии одного служителя сельской церкви. Дарителями костюмов и некоторых предметов были князь Михаил Обренович, священник Й. Милутинович, писатель, историк, общественный деятель Б. Петранович. Идея этой сцены принадлежала Н.А. Попову, который в 1862–1864 гг. по собственной инициативе объездил многие славянские земли.

Маленькая Черногория привлекала русскую публику как практически единственный непокоренный уголок на Балканах — оплот свободы и независимости для всех южных славян, веками сражавшихся с османскими и австрийскими захватчиками. Исконные черногорские земли (Бока-Которская, или Которский регион), имевшие большое значение для черногорцев как выход к морю, с 1815 г. вместе с Далмацией входили в состав Габсбургской монархии. Находясь в состоянии постоянного противостояния между Османской империей и Австро-Венгрией, Черногория

в XIX в. оставалась преимущественно крестьянской страной с элементами родоплеменных отношений.

К черногорцам, живущим в бухте Которского залива, относили локальную этническую группу бокезцев. Здесь же расселялись и другие группы: добройцы, парастчане, рисанцы. Поэтому неслучайно в черногорской экспозиции присутствовали фигуры двух бокезцев, в одежде которых чувствовалось итальянское влияние (со второго десятилетия XV в. по конец XVIII в. эти земли входили в состав Венецианской республики). Также были представлены черногорцы из внутренних частей страны в старинных праздничных одеждах (мужчины с кинжалами и пистолетами; женщина с характерным массивным народным поясом, украшенным тремя рядами сердоликов и серебряными ножницами на поясе). Их фигуры на фоне высоких горных вершин выглядели суровыми и величественными. Народные костюмы были подарены князем Черногории Николаем, княгиней Даринкой и архимандритом Н. Дучичем.

Болгары были представлены манекенами в женской и мужской одежде из Тырновского округа, *македонцы* — 12 комплектами одежды из Битольского района и левого берега реки Струмы [12. С. 120].

Приезд славянских гостей в Россию оставил глубокое и яркое впечатление как у них, так и у российской общественности. Выставка пробудила глубокое осознание общих интересов, культурного единства и братства славянских народов, помогла им сблизиться и помочь друг другу [13. С. 23]. Этнографическая выставка в Москве закрылась 19 июня 1867 г. За два месяца работы ее посетили 83 048 человек, среди которых были представители всех стран Европы и всех социальных слоев населения [14. С. 30].

Подводя итог скажем, что Всероссийская этнографическая выставка 1867 г. открыла новый этап в развитии этнографической науки в России. На основе собранных экспонатов был создан первый этнографический музей в Москве. Выставка способствовала основанию в 1868 г. Этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Таким образом, русская этнология громко провозгласила себя отдельной наукой.

Кроме того, была продемонстрирована мощь имперской России и многообразие входивший в ее состав народов, этнических и конфессиональных групп. Она способствовала сплочению и культурному единению южных и западных славян вокруг России.

Драгоценное собрание выставки до сих пор хранится в Российском этнографическом музее (РЭМ) в Санкт-Петербурге.

Список источников

1. Головнев А.В. Этнография в российской академической традиции // Этнография. 2018. № 1.
2. Центральный Государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 36. Д. 140, Л. 19; Ф. 459. Оп. 2. Д. 2976. Л. 4, 6, 8; Ф. 16. Оп. 24. Д. 5093; Ф. 455. Оп. 1. Д. 4, 13.
3. Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 г. М. : Университетская типография, 1867.
4. Чуркина И.В. Этнографическая выставка и Славянский съезд в Москве в 1867 г. // Славяне и Россия: славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы : сб. статей / отв. ред. С.И. Данченко. М. : Институт славяноведения РАН, 2018.
5. Лаптева Л.П. Идея славянской взаимности и славянские съезды XIX в. // Славянские съезды XIX – XX вв. М. : ИСБ РАН, 1994.
6. Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1960. 364 с.

7. Этнографическая выставка 1867 года в Москве // История России до 1917 года. URL: <http://russiahistory.ru/e-tnograficheskaya-vy-stavka-1867-goda-v-moskve/>
8. Бодрова О.А., Сулейманова О.А. Этнографический манекен как средство репрезентации этнического: к столетию этнографической выставки 1867 года // Труды Кольского научного центра РАН. 2017. № 9-12.
9. Керимова М.М. Югославянские народы и Россия. Этнографические сюжеты в русских публикациях и документах первой половины XIX в. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997.
10. Указатель этнографической выставки. М., 1867.
11. Чуркина И.В. Русские и словенцы. М.: Наука, 1986.
12. Керимова М.М. Первая Всероссийская этнографическая выставка 1867 г. и проблема взаимодействия славянских народов // Европейская интеграция и культурное многообразие. М.: ИЭА РАН, 2009.
13. Жакова Н.К. Славянские гости на Этнографической выставке 1867 г. // Россия и славянский мир на Этнографической выставке 1867 г. СПб.: Навигатор, 2009.
14. Этнографическая выставка 1867 г. // Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Т. XXIX, вып. I. М.: Тип. М.Н. Лаврова и К°, 1878.

References

1. Golovnev, A.V. (2018) Ethnography in the Russian academic tradition. *Etnografiya*. 1. pp. 6–39. (In Russian). DOI: 10.31250/2618-8600-2018-1-6-39
2. Central State Archive of Moscow. Fund 418. List 36. File 140. Page 19; Fund 459. List 2. File 2976. Pages 4, 6, 8; Fund 16. List 24. File 5093; Fund 455. List 1. File 4, 13.
3. Anon. (1867) *Vserossiyskaya etnograficheskaya vystavka i slavyanskiy s"ezd v mae 1867 g.* [All-Russian Ethnographic Exhibition and Slavic Congress in May, 1867]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
4. Churkina, I.V. (2018) Etnograficheskaya vystavka i Slavyanskiy s"ezd v Moskve v 1867 g. [Ethnographic exhibition and Slavic Congress in Moscow in 1867]. In: Danchenko, S.I. (ed.) *Slavyane i Rossiya: slavyane v Moskve. K 870-letiyu so dnya osnovaniya g. Moskvy* [Slavs and Russia: Slavs in Moscow. To the 870th anniversary of the founding of Moscow]. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS.
5. Lapteva, L.P. (1994) Ideya slavyanskoy vzaimnosti i slavyanskie s"ezdy XIX v. [The idea of Slavic reciprocity and Slavic congresses of the 19th century]. In: Dostal', M.Yu. (ed.) *Slavyanskie s"ezdy XIX – XX vv.* [Slavic Congresses of the 19th–20th Centuries]. Moscow: ISB RAS.
6. Nikitin, S.A. (1960) *Slavyanskie komitety v Rossii v 1858–1876 godakh* [Slavic Committees in Russia in 1858–1876]. Moscow: Moscow State University.
7. Russiahistory.ru. (n.d.) *Etnograficheskaya vystavka 1867 goda v Moskve* [Ethnographic exhibition of 1867 in Moscow]. [Online] Available from: <http://russiahistory.ru/e-tnograficheskaya-vy-stavka-1867-goda-v-moskve/>.
8. Bodrova, O.A. & Suleymanova, O.A. (2017) The ethnographic mannequin as a representation of ethnicity. Concerning the centenary of the 1867 ethnographic exhibition. *Trudy kol'skogo nauchnogo tsentra RAN – Transactions of the Kola Science Centre*. 9-12. (In Russian).
9. Kerimova, M.M. (1997) *Yugoslavyanskije narody i Rossiya. Etnograficheskie syuzhety v russkikh publikatsiyakh i dokumentakh pervoy poloviny XIX v.* [The South Slavic Peoples and Russia. Ethnographic subjects in Russian Publications and documents of the first half of the 19th century]. Moscow: Institute of Anthropology and Ethnography RAS.
10. Anon. (1867) *Ukazatel' etnograficheskoy vystavki* [Index of the Ethnographic Exhibition]. Moscow: Universitetskaya tipografiya (Katkov i K°).
11. Churkina, I.V. (1986) *Russkie i sloventsy* [Russians and Slovenes]. Moscow: Nauka.
12. Kerimova, M.M. (2009) Pervaya Vserossiyskaya etnograficheskaya vystavka 1867 g. i problema vzaimodeystviya slavyanskikh narodov [The first All-Russian ethnographic exhibition of 1867 and the problem of interaction of Slavic peoples]. In: Martynova, M.Yu. (ed.) *Evropeyskaya integratsiya i kul'turnoe mnogoobrazie* [European integration and cultural diversity]. Moscow: Institute of Anthropology and Ethnography RAS.
13. Zhakova, N.K. (2009) Slavyanskije gosti na Etnograficheskoy vystavke 1867 g. [Slavic guests at the Ethnographic exhibition of 1867]. In: *Rossiia i slavyanskiy mir na Etnograficheskoy vystavke 1867 g.* [Russia and the Slavic World at the Ethnographic Exhibition of 1867]. Saint Petersburg: Navigator.
14. Izvestiya obshchestva lyubiteley estestvoznaniya, antropologii i etnografii pri Moskovskom universitete. (1878) Etnograficheskaya vystavka 1867 g. [Ethnographic exhibition of 1867]. *Izvestiya obshchestva lyubiteley estestvoznaniya, antropologii i etnografii pri Moskovskom universitete*. 1 (29).

Информация об авторе:

Керимова М.М. – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: mkerimova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.M. Kerimova, Dr. Sci. (History), leading researcher, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Russian Federation). E-mail: mkerimova@yandex.ru.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.04.2021;
одобрена после рецензирования 20.10.2021; принята к публикации 28.03.2022.

The article was submitted 19.04.2021;
approved after reviewing 20.10.2021; accepted for publication 28.03.2022.

Научная статья
УДК 94(47).084.3
doi: 10.17223/15617793/476/2

В ожидании интервенции: образ стран Антанты и США в небольшевистской периодической печати востока России в ноябре 1917 – августе 1918 г.

Кирилл Александрович Конев¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
konev-k-92@rambler.ru, kk.tsu@yandex.ru

Аннотация. Определяется содержание образа союзников, конструируемого в небольшевистской периодической печати востока России с ноября 1917 по август 1918 г., и выявляется его влияние на идеологический аспект формирования антибольшевистского движения на данном этапе. Автор приходит к выводу о двойственности содержания формировавшегося накануне интервенции образа Антанты и США. Отмечается, что в этот период формировалась ключевая ценностная установка антибольшевистских сил – необходимость сплочения общества и создания твердой власти.

Ключевые слова: Антанта, Великобритания, США, Франция, Япония, образ Другого, интервенция, периодическая печать, Сибирь, Дальний Восток, Гражданская война в России

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20–78–00094).

Для цитирования: Конев К.А. В ожидании интервенции: образ стран Антанты и США в небольшевистской периодической печати востока России в ноябре 1917 – августе 1918 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 14–23. doi: 10.17223/15617793/476/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/2

In expectation of intervention: The image of the Entente countries and the United States in the non-Bolshevik periodical press of the East of Russia in November 1917 – August 1918

Kirill A. Konev¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, kk.tsu@yandex.ru, konev-k-92@rambler.ru

Abstract. Under the conditions of society's movement towards a civil war at the end of 1917 – the first half of 1918, the images of "Others" (allies or opponents) acted as meaningful elements of the constructed identities of its potential participants and influenced the ideas they put forward. An analysis of the formation of the image of the UK, France, Japan and the USA in the non-Soviet periodical press of the East of Russia in the period from the end of 1917 to the summer of 1918 reveals the peculiarities of the foreign policy context's influence on public sentiment and the content of propaganda discourses of political opponents of the Bolsheviks. The aim of this work is to determine the content of the image of the Allies, constructed in the periodical press of the East of Russia, and to identify its influence on the ideological aspect of the formation of the anti-Bolshevik movement at this stage. The main source for the study were non-Soviet newspapers and magazines – party, cooperative and private publications published in the Urals, Siberia and the Far East in the period from November 1917 until August 1918. The author comes to the conclusion that the image of the Entente countries and the United States, which was formed in the non-Bolshevik periodical press of the East of Russia at that time, was distinguished by the duality of content. The change in value judgments, which were elements of this image, depended on a number of factors – the incoming information about the policies of the allied countries and the course of the World War, the perception of the external and internal political actions of the Bolsheviks, the peculiarities of the functioning of the information field itself. According to socialists (Social Democrats and Socialist-Revolutionaries), the "imperialistic" Entente and the United States were no longer allies and helpers of Russia, which was sometimes expressed in the using of the term "former allies". The analysis of the vicissitudes of international relations from the point of view of the class approach seriously forced the Siberian "revolutionary democracy" to fear an invasion from the East, which undoubtedly promoted to the formation of an opinion about the allies as a threat in the relevant publications. Liberals, in particular, the publications of constructive democrats, did not agree with their opponents from the left and viewed allies more as a potential helper, although they expressed concerns about the consequences of a possible intervention. At the same time, the key value-based attitude of the anti-Bolshevik forces was also being formed – the necessity of rallying society and creating a firm government capable of starting the revival of the country. Both socialists and liberals persistently sought to root in the minds of readers the idea that the unity of

the whole society around the Constituent Assembly would create a new government – more effective than the Soviet one, thereby ensuring peace and avoiding the intervention of the Entente and the United States.

Keywords: Entente, UK, USA, France, Japan, image of Other, intervention, periodicals, Siberia, Far East, Civil War in Russia

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation (Project No. 20-78-00094).

For citation: Konev, K.A. (2022) In expectation of intervention: The image of the Entente countries and the United States in the non-Bolshevik periodical press of the East of Russia in November 1917 – August 1918. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 14–23. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/2

В конце бурного 1917 г. на страницах томской газеты «Знамя революции» появились размышления о будущем. «Война будет беспощадная, – мировая война – детская забава перед грозной борьбой двух титанов», – так представлялся наступающий 1918 г. Борьба «мира страждущих» и «господина капитала» рассматривалась как неизбежность с закономерным итогом – гибелью «капитала» и его «приспешников» [1]. Предзнаменование советской газеты во многом сбылось. В наступившем году, первые месяцы которого на востоке России характеризовались развитием двух тенденций – установлением власти большевиков над Советами, а также консолидацией антибольшевистских сил [2. С. 142], перспектива гражданской войны вырисовывалась все отчетливее. Важную роль в этом способен был сыграть и внешнеполитический фактор.

Стремление советского правительства вывести Россию из мировой войны и нацеленность большевиков на разжигание мировой революции не могли не беспокоить руководство стран Антанты и США, побуждая их к активным действиям в отношении России. Политика союзников, в свою очередь, приковывала к себе внимание всех политических группировок в стране. Последствия заключения сепаратного мира с центральными державами обсуждались в обществе и на страницах газет, где также публиковались сведения о возможном вмешательстве Антанты в российские события. В условиях постепенного движения общества к гражданской войне, образы «Других» (союзников или противников) выступали содержательными элементами конструируемых идентичностей и картин мира ее потенциальных участников, также оказывая влияние на выдвигаемые ими идеи и реализуемые дискурсивные приемы и стратегии.

К реконструкции и анализу образов стран Антанты и США неоднократно обращались как автор данной публикации, так и другие исследователи. О.С. Поршнева в ряде статей и совместной с А.В. Голубевым монографии рассмотрела образ союзников в период Первой мировой войны и в 1917 г. [3]. Как отмечает исследовательница, к концу 1917 г. в сознании широких слоев населения укоренилось мнение, что союзники стремятся использовать Россию и ее народ лишь для собственной выгоды [4. С. 50]. В работах М.М. Стельмака реконструируется содержание образа союзников в официальной и неправительственной периодической печати в период существования на востоке страны антибольшевистских правительств [5]. В меньшей степени исследователи обращались к изучению образа союзников и анализу его влияния на

выдвигаемые противниками большевиков идеи в период с конца 1917 г. по август 1918 г.

Вместе с тем работа с материалами обозначенного времени дает возможность для определения предпосылок восприятия союзников, вмешавшихся в ход Гражданской войны в России. Немаловажной представляется необходимость анализа влияния внешнеполитического контекста на формирование идеологем, складывавшихся в среде противников большевиков накануне свержения советской власти на территории востока России, ставшей впоследствии важным плацдармом для создания антибольшевистских правительств. Цель данной работы – определить содержание образа союзников, конструируемого в периодической печати востока России в период с конца 1917 г. по лето 1918 г., и выявить его влияние на идеологический аспект формирования антибольшевистского движения на данном этапе.

Основным источником для исследования выступили несоветские газеты и журналы – партийные, кооперативные и частные издания, выходившие на территории Урала, Сибири и Дальнего Востока с ноября 1917 г. и вплоть до выступления Чехословацкого корпуса и установления антибольшевистских органов власти. Также источником послужили воспоминания очевидцев и участников рассматриваемых событий, охватывающие данный период. Согласно подсчетам Е.Н. Косых, в период с ноября 1917 г. по май 1918 г. количество периодических изданий в Сибири (без учета Дальнего Востока) сокращалось – с 95 наименований до 60. Причем количество большевистских газет увеличилось с 10 до 28. Сокращалось и общее количество журналов – с 29 до 20 [6. С. 102–103]. Таким образом, в данный период доля небольшевистских изданий в информационном пространстве неуклонно снижалась вследствие закрытия и запрещения советскими властями. Тем не менее, пусть и не полностью сохранившиеся в Научной библиотеке ТГУ, Государственном архиве РФ и Российской государственной библиотеке источники, относящиеся к представляющему интерес отрезку времени, позволяют подойти к решению обозначенной задачи.

На пути к Бресту. Взяв курс на выход из мировой войны, большевики активно формировали негативный образ бывших союзников, не делая различий между двумя блоками, одинаково преследовавшими, по их мнению, «грабительские, хищнические» цели [7]. Представители других партий и местных органов власти, однако, продолжали высказываться за необходимость сохранения союзнических обязательств перед

Антантой. Еще в конце 1917 г. красноярские кадеты предостерегали – Сибирь беззащитна перед союзниками, которые могут захотеть «наказать» русских за выход из коалиции и смогут зайти сколь угодно далеко, чтобы «захватом территории гарантировать данные России деньги» [8]. Собравшееся впервые в конце ноября 1917 г. амурское земское собрание под председательством меньшевика И.Н. Шишлова заявило о верности Амурской области «старым русским союзникам» [9]. Съезд сибирских кооператоров, прошедший 25–28 ноября в Новониколаевске, также выразил опасения в связи с сепаратными переговорами, указав на то, что такой мир либо поставит страну перед лицом новой «ужасной войны», либо приведет к заключению всеобщего мира «за счет экономического и политического закрепощения России» [10]. В конце 1917 г. начали появляться и первые противоречивые сообщения о возможных действиях союзных стран в отношении России. Томская «Сибирская жизнь» сообщала, например, о появлении японских военных кораблей и офицеров во Владивостоке и вводе китайских войск в Харбин [11]. Публиковались и телеграммы об обсуждении в японской печати «анархии», развивающейся в России [12].

Опасения, звучавшие в русских изданиях, подтвердились, когда 12 января 1918 г. (30 декабря по старому стилю) в порт Владивостока прибыл японский крейсер «Ивами». Вскоре вслед за ним появились британский и американский военные корабли, что стало первым открытым шагом союзников на пути к интервенции. В ноте японского генерального консула председателю Приморской областной земской управы указывалось на то, что японское правительство «не намерено вмешиваться в вопрос о политическом устройстве России», а приход корабля вызван необходимостью защиты подданных [13. С. 66]. Управа, выразив протест, заявляла о том, что региональные власти способны поддерживать порядок и безопасность, а появляющиеся в зарубежной и русской печати слухи об оккупации союзниками Владивостока волновали население и не способствовали сближению русского и японского народов [13. С. 67]. По городу также прошли митинги протеста с участием большевиков [14. С. 71].

Местные газеты крайне неоднозначно восприняли приход кораблей. Заявляя о недопустимости вмешательства иностранцев в «наш спор», журналист «Далекой окраины» подчеркивал: «...и центр тяжести обиды не в том, что корабль появился без спроса и даже не в удивительной ноте, объяснявшей этот приход, а в ужасающем несоответствии того и другого великим историческим дням нашей страны» [15]. Эсеры и социал-демократы, оценивая внешнеполитические проблемы через призму классового подхода, рассматривали действия союзников как посягательство иностранных капиталистов на ресурсы и рынки востока России. Обращаясь к населению с призывом выступить на защиту Учредительного собрания, томские эсеры подчеркивали, что отсутствие всеми признанной власти и сохранение правительства большевиков являлись причинами «ужасного» внутреннего и

внешнего положения России. Прибытие кораблей союзников и вмешательство китайцев во внутренние дела страны, свидетельствовали о том, что в «погоне за рынками иностранная буржуазия начинает теснить нас и захватывать наши земли, как с Запада, так и с Востока» [16]. Аналогично высказывалась и Томская земская управа, на страницах официального органа которой союзники были охарактеризованы как «хищники», покушающиеся на богатства Сибири [17]. Со схожей риторикой обращались к населению и члены Временного сибирского областного совета: «...союзниками в ответ на большевистскую власть и борьбу ее с Учредительным Собранием сделан первый шаг к занятию Сибири». Для обеспечения безопасности востока страны и восстановления прерванного снабжения Совет призывал ликвидировать власть большевиков и передать ее Областной думе [18].

Волнующие население публикации о беспорядках на Дальнем Востоке и как следствие – вмешательстве союзников, продолжали циркулировать в сибирской прессе и разносились молвой. Так, сообщение газеты «Алтай» об иркутских боях сопровождалось информацией о намерениях японских и китайских властей принять особые меры для охраны интересов иностранных подданных, распространив свое влияние на Дальний Восток [19]. Житель Красноярска штабс-капитан В.В. Зверев 17 января в своем дневнике отмечал: «Говорят, что большевики разбиты под Иркутском. Семёнов идет на Красноярск, а за ним следом – союзники» [20. С. 160]. В конце января ряд изданий поместили на своих страницах заметки о том, что союзники собирались потребовать вывода русских войск из Владивостока и возможном открытии порто-франко. Сообщалось также о вероятной отправке японских и китайских войск против Германии, для чего Япония и США могли взять под контроль Транс-сиб, причем Япония в рамках компенсации претендовала на Уссурийский край [21]. Обилие слухов связывалось авторами газетных статей с «жаждой порядка» у обывателя. «То водворяет порядок вездесущий Каледин, то его насаждают,двигающиеся с востока союзные войска, то вот, вот должен быть избран в президенты республики Алексей Романов», – отмечалось в красноярском меньшевистском издании, указывавшем, что спасение лишь в «здоровом инстинкте» сознательного пролетариата [22].

Если в начале января японское правительство опровергало информацию о вводе войск во Владивосток, подчеркивая, что возможность высадки десанта исключена [23], то последующие телеграммы указывали на ведущую роль Японии в возможной интервенции. Согласно заявлению премьера, Япония, считавшая себя ответственной за сохранение мира на Дальнем Востоке, была готова принять необходимые меры для поддержания порядка в регионе и в случае угрозы собственным интересам [24]. При этом японская печать во Владивостоке сообщала о «воровстве, разбое, всеобщей забастовке, прекращении торговли, недостатке съестных припасов» [25], намекая на необходимость высадки иностранных вооруженных отрядов. О необходимости поддержания правопорядка

ка и безопасности в городе писала и местная русская пресса, указывавшая на то, что промедление при решении данной проблемы грозило нежелательным вмешательством иностранцев [26].

Рост анархии и появление очагов гражданской войны, создававшие угрозу жизни и благосостоянию иностранных граждан в России, не были единственной причиной для возможного вмешательства союзников. Более весомым поводом выступало вероятное усиление Германии за счет России вследствие заключения мира между советским правительством и Центральными державами. Особую остроту приобретал также вопрос о германских военнопленных в Сибири. В дальневосточных газетах со ссылкой на зарубежные источники печатались сведения о разгуливающих на свободе германских военнопленных. Кроме того, по сведениям из газет, большевики использовали их в боях против своих противников. Так, в описании столкновения в Иркутске упоминался захваченный в большевистском штабе командный состав – германцы и австрийцы [27]. «Земская газета» в Томске сообщала о вовсе парадоксальной ситуации – вследствие демобилизации солдат гарнизона в Чите службу по охране местных цейхгаузов и обслуживанию военных госпиталей и штабов стали нести военнопленные [28].

Характеризуя японское общественное мнение, сотрудник владивостокской «Далекой окраины» К. Пылынов отмечал, что «Япония до крайности опасается германских интриг и возобновления на Дальнем Востоке германской завоевательной работы» [29]. Как указывалось в благовещенском «Амурском эхе», со страниц японских газет не сходили сообщения о том, что «немцы открывают против Дальнего Востока и Японии громадную кампанию», используя для этого шпионов и пленных, центром деятельности которых являлся Иркутск. На основании этого делался неутешительный вывод: «тревога японцев насчет германских шпионов может иметь нехорошие последствия для нас» [30].

В конечном итоге, для подтверждения или опровержения слухов о вооруженных пленных в Сибирь была послана специальная миссия, о чем сообщила как советская, так и небольшевистская печать [31]. Союзные представители – капитан Хикс (Великобритания), капитан Уэбстер и майор Дрисдэйл (США) в итоге пришли к выводу, что слухи о немецком фронте в Сибири «были лишь формой пропаганды, направленной к тому, чтобы повлиять на США в вопросе о военных мероприятиях» [32. С. 21]. При этом Госдепартамент США и его глава Р. Лансинг подталкивали консулов в Сибири к поиску «немецкой опасности» и скрывали информацию, рисующую иную картину [33. С. 54].

«Плохой мир» и «бывшие союзники». Подписание мира с Германией в Брест-Литовске 3 марта 1918 г. интерпретировалось противниками большевиков как окончательное подтверждение «измены» и сотрудничества ленинцев с немцами. По мнению министра в правительстве А.В. Колчака Г.К. Гинса, «разложение армии и Брестский мир казались русской интеллигенции таким предательством, что она почти

целиком, даже с левыми эсерами, отшатнулась от советской власти и отдала себя в распоряжение тем, кто подготавливал борьбу с большевиками» [34. С. 57–58]. В то время как большевики говорили о том, что «у нас будет плохой мир, но хорошие советы», а передышка позволит русскому и зарубежному пролетариату воспользоваться «грызней» империалистов [35], печать других политических группировок высказывала неутешительные прогнозы.

«Революционная демократия» в своих изданиях выражала мнение о том, что заключение сепаратного мира способно превратить восток России в арену противостояния двух империалистических блоков. Алтайские социал-демократы отмечая, что «Россия при всем своем стремлении к военному нейтралитету, оказывается самым верным союзником Германии», называли вполне вероятной оккупацию Сибири Японией, Америкой и Китаем вследствие стремления союзников не допустить усиления центральных держав и неспособности России защищать свои рубежи [36]. Через «оптику» классового подхода социалисты одинаково рассматривали германцев и бывших союзников по Антанте в качестве реальной угрозы как для суверенитета и целостности России, так и для «завоеваний революции». «В железное кольцо взята страна, в железное кольцо взята революция», – характеризовала ситуацию эсеровская газета, призывавшая к поддержке Учредительного собрания, прекращению гражданской войны и созданию единого демократического фронта для защиты «родины Великой Революции» от «хищных птиц империализма», к которым были отнесены и немцы, и союзники [37].

Несоциалистические издания, которые еще не были закрыты большевиками, сдержаннее и с большей долей симпатии относились к союзным державам. Редакция «Томского церковно-общественного вестника» полагала, что в результате сепаратного мира, Россия наложила на себя «несмываемое пятно национального позора» не только перед крупными союзными державами, которые отныне не станут церемониться с Россией, но и перед малыми «единопленными» странами: Сербией Черногорией, Румынией и Грецией [38]. Грандиозное наступление немецких войск на западном фронте мировой войны, начавшееся в марте 1918 г., расценивалось как битва, в которой решалась судьба мира, культуры, свободы народов, а также России. Сотрудник «Голоса Приморья» Новиков-Сибирский связывал возможность возрождения страны с успехами союзников: «...если германцы будут отражены, для России останется еще надежда остаться независимым государством, которое будет восстановлено союзниками» [39]. Вместе с тем чуть ранее данный автор полагал, что вмешательство союзников могло затянуть процесс восстановления и «оздоровления» России, а значит, являлось нежелательным [40].

Ожидания интервенции тем временем усиливались, чему способствовал соответствующий информационный фон. Опубликованные, например, в «Омском вестнике» отголоски сообщений с Дальнего Востока о действиях Г.М. Семенова, общественных

настроениях в Приморье, публикациях японской печати подытоживались заключением: «...трудно составить определённое мнение о дальневосточной опасности, но угроза непрошеного вмешательства чужих штыков несомненна» [41]. Разумеется, ключевая роль в вероятном вторжении отводилась Японии, выступление которой мыслилось как «неизбежное», «внезапное» и «ошеломляющее» [42].

Однако в самой Японии общественное мнение и политики не пришли к единодушному мнению по вопросу об интервенции, о чем сообщал корреспондент «Далёкой окраины» К. Полюнов, считавший при этом, что пресловутая «германская угроза» в Сибири не могла быть существенной причиной для активных действий японцев в силу скованности Германии боями в Европе [43]. Находившийся в марте 1918 г. в Японии барон А.П. Будберг отмечал наличие разногласий между союзниками относительно интервенции, непонимание иностранцами ситуации в России и нежелание японцев «ради других таскать горячие каштаны из большевистской печки» [44. С. 284].

Единственным средством избежать оккупации и раздела России авторы публикаций небольшевистской прессы видели в объединении общественности. В апреле 1918 г. ряд газет опубликовал обращение Г.Н. Потанина к сибирякам от 13(26) марта, в котором степень угрозы от союзников, готовых выступить на востоке страны, ставилась в зависимость от степени сплочённости общества перед лицом внешних сил. «Будет совершено естественно, если идущие с востока союзники, встретив в нас безгласную массу, не думающую о своих общественных интересах, решат нашу судьбу, преследуя только свои личные выгоды», – говорил областник, призывая всех к единению на почве интересов Сибири [45].

Выступление Г.Н. Потанина не прошло незамеченным. Редакция «Омского вестника», оценив патриотизм «последнего из могикан сибирского идейного прошлого», посчитала его обращенным в пустоту, поскольку то «сибирское общество», к которому он обращался, было растворено в массе пришлых элементов, появившихся на востоке страны в результате войны и революции [46]. Постоянный автор «Голоса Приморья» Новиков-Сибирский считал, что возможность объединения политических группировок на востоке России для борьбы с большевизмом и встречи «восточной опасности» зависела от способности и готовности социалистов трансформировать свою классовую тактику в «тактику национально-государственную» ради компромисса с другими политическими силами [47]. Таким образом, в ходе обсуждения проблемы возможного вторжения союзных войск под тем или иным предлогом в прессе актуализировалась тема объединения небольшевистских политических сил и общества в целом, приобретающая все большее значение по мере того, как росло недовольство советским правительством.

5–6 апреля 1918 г. во Владивостоке высадились отряды британских и японских морских пехотинцев, что стало ответной мерой в связи с убийством в городе японских подданных. Командующий японской эс-

кадрой адмирал Х. Като обосновывал ввод войск необходимостью защиты жизни и имущества японцев, живших в Приморье, заявив также о невмешательстве в дела России [48]. Рекомендации о невмешательстве из своего МИДа получал японский консул во Владивостоке Кикучи [14. С. 169]. Тем не менее регион вновь стал наполняться всевозможными слухами и опасениями относительно действий союзников. Редакция либерального «Голоса Приморья» обвинила в произошедшем социалистов из городской думы и «их друзей» «из совдепа и красной гвардии», допустивших беспорядки, насилия и убийства в городе [49]. Несколько дней спустя на страницах газеты появился призыв к ликвидации советов и формированию новой власти на базе земства и переизбранного городского самоуправления, которая и должна была определить свое отношение к союзникам. Вопрос о возвращении утраченного суверенитета ставился в зависимость от решения проблемы власти в крае – «или единая власть, или крушение в государственные небытие» [50].

Газета «Далёкая окраина», протестуя против вмешательства союзников, называла день десанта «днем национального горя». При этом призыв передать власть от совета земству соседствовал со словами о том, что «моментом слабости и нашей внутренней неустроенности желает воспользоваться третий, чтобы урвать “кусоч”, чтобы приспособить нас своим жадным аппетитам», отражавшими настороженное отношение к появившимся иностранным войскам [51]. Собственный корреспондент хабаровской газеты «Приамурская жизнь», характеризую общественные настроения Владивостока в дни десанта, отмечал, что большинство горожан отнеслись к появлению союзников индифферентно, люди «успели приглядеться к иностранным штыкам». Апатичность соседствовала с разобщенностью, тревогой и тягой к слухам: «...вдумчивого отношения к свершившемуся факту, умения разобраться в положении не встретишь...», – подчеркивал автор [52].

Откликнулись на событие и сибирские газеты. Алтайские меньшевики призывали к прекращению террора, гражданской войны и воссозданию «единого революционного фронта» для защиты Сибири от иностранных империалистов [53]. Накануне получения в Сибири телеграмм о десанте в печати также появилась статья Г. Эрлиха, в которой предсказывалось вероятное соглашение германцев и союзников о разделе России, осуществлением чего и могла стать японская экспедиция. «Утолив, таким образом, свой “колониальный” голод, мировые хищники смогут вслед за тем приступить к “замирению” на почве взаимного прощения», – полагал автор [54].

Десант, однако, оказался лишь репетицией масштабного вторжения стран Антанты и США на Дальний Восток. В то время как переговоры между союзными дипломатами и политиками продолжались, сибирская и дальневосточная пресса продолжала публиковать отрывочные и противоречивые сведения о политике держав в отношении России, а авторы статей и партийные идеологи – предугады-

вать дальнейшие шаги иностранцев. Так, сообщения о достижении союзниками согласия относительно японского вмешательства [55] могли появляться наряду с публикациями о наличии разногласий относительно интервенции в самой Японии [56]. В данном контексте внимание журналистов привлекала тема японо-американских противоречий. По мнению некоторых авторов, соперничество Токио и Вашингтона за доминирование в Тихоокеанском регионе могло принести ослабленной России некоторые выгоды. На страницах «Приамурской жизни», например, выражались надежды на помощь со стороны США, которые, стремясь не допустить усиления Японии, окажут поддержку России [57].

Май 1918 г. социалистическая пресса востока России встречала публикациями об интригах и «авантюрах» на Дальнем Востоке, союзнических переговорах об интервенции и критикой большевиков. Всесибирский краевой комитет партии эсеров в обращении к «революционной демократии» связывал воедино идеи автономной Сибири, Учредительного Собрания и антиимпериалистические призывы. Обвиняя большевиков в предательстве и неспособности защитить Россию от империалистов, эсеры видели спасение Сибири от вторжения иностранных войск с востока в ликвидации большевистского правительства, отказе от брестского договора и формировании «из недр народа вышедшей, однородной социалистической областной власти» [58].

Освещение нового витка борьбы с Г.М. Семеновым алтайские меньшевики сопровождали призывом к его «разоблачению». Характеризуя есаула как «японского башибузука», Ю. Вайнберг считал, что его выступление, несомненно, выгодно «империалистам», «потому что не сегодня-завтра японский генерал придет, как судья между большевиками и Семеновым». Выгодным оно считалось и большевикам, поскольку позволяло «разжигать страсти в Сибири призраком гражданской войны, которой, в самом деле, нет» [59]. Как и эсеры, меньшевики в данном случае призывали «демократию» к самоорганизации и единству.

«Освобождение Сибири» и интервенция. В конце мая–июне 1918 г. в ходе вооруженного выступления Чехословацкого корпуса и антибольшевистского подполья произошло свержение советской власти на востоке России. Возобновился выпуск ранее закрытых газет – социалистических и кадетских. В Западной Сибири властные полномочия взяло на себя правительство, созданное в январе 1918 г. делегатами Сибирской областной думы [2. С. 206; 60]. Создание новых антибольшевистских органов власти привело также к формированию еще одного дискурса, в рамках которого происходило конструирование образа стран Антанты и США. В декларации, адресованной населению, Западно-Сибирский комиссариат одной из своих задач называл «предотвращение вторжения в Сибирь с востока путем возобновления дружественных отношений с союзными странами» [61. С. 57]. Внешнеполитическая линия новоявленного органа власти практически совпадала с резолюцией по меж-

дународной политике, обозначенной на VIII Совете эсеро-партии, прошедшем 20–27 мая в Москве. В ней указывалось на необходимость ликвидации власти большевиков и создания правительства, опирающегося на Учредительное собрание, которое, в свою очередь, и примет помощь союзников для продолжения войны с Германией в том случае, если союзники гарантировали бы невмешательство во внутренние политические вопросы и территориальную целостность России, а также осуществляли операцию совместными усилиями [62].

Формировавшийся на востоке России фронт борьбы с большевиками на страницах газет превращался в возрожденный восточный фронт, а Чехословацкий корпус – в авангард Антанты, вмешательство которой переставало расцениваться как покушение «империалистов». Так, телеграмма французского посольства чехословакам с объявлением благодарности за восстановление фронта против «врагов права и справедливости», т.е. немцев, была проинтерпретирована кадетской печатью как выражение воли Франции «не покидать гибнущую Россию, уже посиневшую в германо-советской петле» [63]. Профессор И.И. Аносов в «Сибирской жизни» отмечал, что для скорейшего окончания войны, России придется искать помощи союзников [64]. Красноярские кадеты, обосновывая необходимость возобновления дружественных взаимоотношений с Антантой, высказывали идею, которая в той или иной форме впоследствии неоднократно появлялась в печати. По мнению кадета Н. Лаврова, ради недопущения гегемонии Германии за счет российских ресурсов и территорий союзники продолжали вести борьбу с ней, а значит, сражались и за Россию [65]. Желание видеть Россию возрожденной, приписываемое союзникам, являлось, по сути, переосмыслением стереотипа о расчетливых иностранцах, стремившихся использовать русских. Однако этот стереотип теперь использовался в ходе конструирования позитивного образа Антанты и США.

Социалисты, соглашаясь с необходимостью помощи извне, призывали к укреплению власти и возрождению вооруженных сил. Редакция издания Акмолинского губернского комитета партии эсеров полагала, что «несравненно лучше было бы, если бы русский народ мог самостоятельно, без помощи иностранных штыков отстоять свою независимость, т.к. за помощь могут потребовать компенсаций». Но признавая, что шансов на самостоятельную борьбу с большевиками и немцами нет, эсеры, во избежание вмешательства союзников, считали необходимым создать единую власть и боеспособную армию [66]. Похожим образом рассуждали и красноярские меньшевики, вспомнив также и об интересах союзников. «Для Франции и Англии чрезвычайно важно создать из России мощное государство, которое бы могло до известной степени обезопасить их от Германии в будущем», – указывалось в газете «Дело рабочего». Америке приписывалась заинтересованность в России как в рынке сбыта, а «наиболее опасная» японская угроза считалась компенсированной захватами Японии в Китае [67]. Таким образом, рассуждения об ин-

тервенции как в кадетской, так и социалистической прессе затрагивали зачастую внутренние проблемы страны – о власти и возможном продолжении войны. Однако суждения различных группировок о будущей власти отличались. Представления о союзниках как о потенциально опасном Другом, возможном оккупанте, сложившиеся в первой половине года, постепенно превращались в образ помощника в общей борьбе.

Несмотря на негативное отношение к Брестскому договору, выражавшееся на страницах меньшевистских газет востока России, Временное Сибирское правительство до августа 1918 г. не давало однозначной оценки данному событию. Как отмечал премьер-министр П.В. Вологодский, объяснялось это желанием правительства выждать определенных последствий этого мира, но вызывало лишь недоумение представителей держав и чехов [68. С. 70]. В декларации от 6 августа 1918 г. Временное Сибирское Правительство заявляло о непризнании Брестского мирного договора в контексте объявления военного призыва, необходимого для создания армии и возрождения государства [69. С. 254]. Затем 10 августа в обращении к союзным державам правительство вновь подчеркнуло, что не признает мира в Бресте, заявив об обязательности для Сибири и других частей России всех договоров и обязательств перед союзниками и что «во имя общероссийских и союзных интересов Сибирская армия готовится к совместной с союзниками мировой борьбе» [69. С. 275]. Тем самым правительство легитимизовало присутствие иностранных войск на территории России, также стремясь установить со странами Антанты и США коммуникацию в статусе равного партнера по общей борьбе и выразителя интересов всей страны.

К этому времени войска союзников уже находились в Мурманске. А в начале августа британские, американские, французские и японские силы были высажены на Дальнем Востоке, что сопровождалось выпуском официальных деклараций от командования и заявлениями дипломатов, в которых подчеркивалось стремление союзников к «невмешательству» и сохранению целостности России [14. С. 264–265]. Интервенция для борьбы с «германо-большевиками», о которой неоднократно писала печать востока России, началась.

Таким образом, образ стран Антанты и США, формировавшийся на протяжении периода с ноября 1917 г. по лето 1918 г. в меньшевистской периодической печати востока России, отличался двойственностью содержания. Изменение оценочных суждений, бывших элементами данного образа, зависело от ряда факторов – поступавшей информации о политике союзных стран и ходе мировой войны, восприятия внешне- и внутриполитических действий большевиков, особенностей функционирования самого информационного поля.

Газеты, выражавшие интересы меньшевиков, эсеров и других социалистических группировок, представляли читателям взгляд на Антанту и США через призму классового подхода, в рамках которого данные государства рассматривались как «империали-

стические». Воспринимаясь уже как «бывшие союзники», вследствие сепаратного выхода России из войны, по мнению «революционной демократии», Британия, Франция, США и Япония могли представлять для ослабленной России не меньшую угрозу, чем центральные державы. Следовательно, их превращение из соратников по войне в Другого, представляющего угрозу, обуславливалось как идеологическими, определявшими картину мира социалистическими партиями, так и непосредственно политическими и военными событиями и их подачей в печати. Кроме того, презентация союзных стран в качестве потенциальной «империалистической» опасности позволяла «революционной демократии» выстраивать негативный образ большевиков как виновников внешнеполитической изоляции России, а также спланировать своих сторонников перед лицом внешней угрозы. Тем не менее «бывшие союзники» не стали для социалистов однозначно враждебным Другим, что позволило летом 1918 г. скорректировать риторику и приступить к формированию образа Антанты и США как помощника антибольшевистского движения. Начав борьбу против советского правительства под лозунгом возрождения «восточного фронта», социалисты неизбежно вступали на путь союзнической ориентации и вставали перед необходимостью обоснования интервенции.

«Буржуазные», либеральные издания в конце 1917 г., писавшие о необходимости верности России союзническому делу, были более лояльны к Антанте и США. Избегая сугубо классовой трактовки мировой войны, они рассматривали ее как столкновение политических систем, наций и культур, считая, что и воссоздание России должно происходить на национально-государственной основе с оглядкой на Западные державы. Не выражая согласия с трактовками своих оппонентов слева, кадетские и другие несоциалистические издания острее реагировали на выход России из войны, считая его предательством, и не исключали помощи извне для достижения победы над «германо-большевиками». Впрочем, даже рассматривая союзников в роли помощников антибольшевистских сил, либералы также могли отмечать и потенциальные опасности, связанные с возможным хозяйничаньем в стране интервентов. Следует отметить, что «буржуазные» издания в большей степени подвергались преследованиям со стороны советских властей, большинство из них к весне 1918 г., за исключением отдельных газет и дальневосточной печати, были закрыты, что ограничивало возможности по ретрансляции более позитивного образа союзных стран в противовес социалистам. Лишь с началом активной борьбы с большевиками летом 1918 г. и возобновлением выпуска ряда кадетских газет в информационном поле стал распространяться образ «доблестных союзников», идущих на помощь России.

В едином контексте с конструированием образа Антанты и США формировалась и одна из основных ценностных установок антибольшевистских сил – необходимость объединения общественности и создание единой, твердой и признаваемой всеми власти, нацеленной на воссоздание страны. Как либералы, так

и социалисты противопоставляли советскому правительству Учредительное собрание, рассматривая его как институт, способный сформировать новую власть и обеспечить настоящий мир, избежав при этом вмешательства иностранных государств или минимизировав его риски. Хотя различные группировки в составе антибольшевистского движения представляли себе будущую власть по-разному, сама идея «пробуждения» и объединения общества на почве борьбы с большевиками и возрождения государственности прочно вошла в содержание газетной риторики.

Косвенно пресса дает представление об отношении населения к союзным державам в первой половине 1918 г. Первые контакты с иностранцами в

Приморье в январе и апреле затрагивали лишь ограниченную часть общества. В силу этого образ союзников в сознании большинства обывателей востока России формировался исходя из различных противоречивых и зачастую не вполне достоверных сведений, в основном поставляемых прессой. Газетные сообщения и источники личного происхождения свидетельствуют, с одной стороны, об индифферентном отношении общества к возможной угрозе, с другой – о склонности к различным слухам, культивации страхов и опасений, связанных с интервенцией, сочетавшихся с «тоской» по порядку, олицетворением которого для некоторых могли стать и иностранные штыки.

Список источников

1. Буренин В.К. Грядущий год // Знамя революции. Томск. 1918. 25 декабря.
2. Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 428 с.
3. Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М. : Новый хронограф, 2011. 392 с.
4. Поршнева О.С. Эволюция представлений о союзниках в массовом сознании революционной России 1917 // Уральский исторический вестник. 2014. № 1 (42). С. 43–52.
5. Стельмак М.М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 – декабрь 1919 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2016. 326 с.
6. Косых Е.Н. Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 гг.) : указатель газет и журналов. Томск : Ветер, 2009. 144 с.
7. Вопросы войны и мира // Известия Пермского губернского исполнительного комитета Совета рабочих и красноармейских депутатов. Пермь. 1918. 20(7) февраля.
8. Переговоры о мире // Свободная Сибирь. Красноярск. 1917. 19 ноября.
9. Местная хроника // Амурское эхо. Благовещенск. 1917. 21 ноября (4 декабря).
10. Кооперация и текущий момент // Жизнь Алтая. Барнаул. 1917. 6 декабря.
11. Последние известия // Сибирская жизнь. Томск. 1917. 20 декабря.
12. Россия и Япония // Амурское эхо. Благовещенск. 1917. 22 декабря (4 января).
13. Борьба за власть советов в Приморье (1917–1922) : сб. докл. / сост. Л.И. Великова, П.К. Волгин. Владивосток : Приморское книж. изд-во, 1955. 831 с.
14. Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке (октябрь 1917 – октябрь 1918 г.): документы и материалы / ред. В.Л. Ларин и др. Владивосток, 1997. 304 с.
15. Стыд за чужих // Далекая окраина. Владивосток. 1918. 17 (4) января.
16. Солдаты, Рабочие, Крестьяне и все Граждане! // Путь народа. Томск. 1918. 14 января.
17. Денисов В. Угроза самостоятельности России // Земская газета. Томск. 1918. 14 января.
18. К гражданам Сибири! // Известия Временного Сибирского областного Совета. Томск. 1918. 18 января.
19. Иркутск // Алтай. Бийск. 1918. 3(16) января.
20. Зверев В. «Город ожил, совет бежал, появилась новая власть...». Выписки из дневника // Сибирские огни. 2016. № 9. С. 155–179.
21. Угроза с востока // Дело Алтая. Барнаул. 1918. 26 января.
22. Казакова А. На перевале // Дело рабочего. Красноярск. 1918. 22 января.
23. Японское правительство о десанте во Владивостоке // Свободный край. Иркутск. 1918. 16 января.
24. Япония готова выступить на Дальнем Востоке // Амурское эхо. Благовещенск. 1918. 13 (26) января.
25. Точка над і // Голос Приморья. Владивосток. 1918. 28 января (10 февраля).
26. Безопасность в городе // Голос Приморья. Владивосток. 1918. 26 января (8 февраля).
27. Кровавые дни в Иркутске // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 4 января.
28. Из газет // Земская газета. Томск. 1918. 21 (8) февраля.
29. Польшов К. Японцы // Далекая окраина. Владивосток. 1918. 1 февраля (19 января).
30. Россия и Япония // Амурское эхо. Благовещенск. 1918. 17 февраля.
31. Американская миссия // Омский вестник. Омск. 1918. 21 (8) марта
32. Гревс В. Американская авантюра в Сибири (1918–1920 гг.). М. : Военизгиз, 1932. 248 с.
33. Фоминых С.Ф. К истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке: Критический анализ американской дипломатической переписки как исторического источника. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1988. 198 с.
34. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Пекин : Общество Возрождения, 1921. Ч. 1. 327 с.
35. Вынужденный шаг // Сибирская рабоче-крестьянская газета. Иркутск. 1918. 23 февраля (8 марта).
36. Мир ли? // Алтайский луч. Барнаул. 1918. 19 (6) марта.
37. Омск, 3 марта // Дело Сибири. Омск. 1918. 3 марта.
38. Мир заключен // Томский церковно-общественный вестник. Томск. № 12. 4 апреля (22 марта). С. 2.
39. Новиков-Сибирский. Великое наступление // Голос Приморья. Владивосток. 1918. 15 (28) марта.
40. Мы и союзники // Голос Приморья. Владивосток. 1918. 10 (23) марта.
41. Дальневосточные события // Омский вестник. Омск. 1918. 28(15) марта.
42. Омск, 31 (18) марта // Омский вестник. Омск. 1918. 31(18) марта.
43. Польшов К. Японцы // Далекая окраина. Владивосток. 1918. 19 (6) марта.
44. Будберг А.П. Дневник барона А.П. Будберга // Архив русской революции : в 18 т. Берлин, 1923. Т. 12. С. 197–290.
45. Потанин Г.Н. К населению Сибири (Опубликовано в приложении) // Сибирская земская деревня. Тобольск. 1918. № 7. 17(30) апреля.
46. Омск, 17 (4) апреля // Омский вестник. Омск. 1918. 17 (4) апреля.

47. Временное сибирское правительств и иностранная помощь // Голос Приморья. 1918. 1 (14) апреля.
48. Высадка иностранного десанта // Голос Приморья. Владивосток. 1918. 6 апреля.
49. Начало конца // Голос Приморья. Владивосток. 1918. 24 марта (6 апреля).
50. Десант // Голос Приморья. Владивосток. 1918. 27 марта (9 апреля).
51. Десант и наши задачи // Далекая окраина. Владивосток. 1918. 7 апреля (25 марта).
52. Приамурская жизнь. Хабаровск. 1918. 10 апреля (28 марта).
53. Николаев В. Перед лицом нового нашествия // Алтайский луч. Барнаул. 1918. 9 апреля (27 марта).
54. Эрлих Г. На Дальнем Востоке // Дело рабочего. Красноярск. 1918. 8 апреля (26 марта).
55. Разные вести. Японское вмешательство // Призыв. Харбин. 1918. 8 апреля.
56. Телеграммы // Голос Приморья. Владивосток. 1918. 3 (16) апреля.
57. Хабаровск, 6 апреля // Приамурская жизнь. Хабаровск. 1918. 6 апреля (24 марта).
58. Ко всей революционной демократии Сибири // Многострадальный путь народа. Томск. 1918. 1 мая.
59. Вайнберг Ю. Японский башибузук // Алтайский луч. Барнаул. 1918. 11 мая (26 апреля).
60. Шишкин В.И. Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства: дискуссионные вопросы организации и деятельности // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в. : материалы VII Всерос. науч. конф. (Новосибирск, 6–8 июня 2011 г.). Новосибирск, 2011. С. 103–119.
61. Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.) : сб. док. и материалов / отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск : НГУ, 2005. 246 с.
62. Восьмой совет партии Соц.-Революционеров // Голос народа. Томск. 1918. 4 июня.
63. Великая новость // Сибирская речь. Омск. 1918. 29 июня.
64. Перспективы // Сибирская жизнь. Томск. 1918. 20 июня.
65. Святой долг // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 23 (10) июня.
66. Омск, 29 июня // Дело Сибири. Омск. 1918. 29 июня.
67. К вопросу о военной помощи союзников // Дело рабочего. Красноярск. 1918. 28 июля.
68. Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань : Частн. изд-во П.А. Трибунского, 2006. 619 с.
69. Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.). Сборник документов и материалов / В.И. Шишкин. Новосибирск : ИД «Сова», 2007. 818 с.

References

1. Burenin, V.K. (1918) Gryadushchii god [The year to come]. *Znanya revolyutsii*. 25 December.
2. Shilovskiy, M.V. (2003) *Politicheskie protsessy v Sibiri v period sotsial'nykh kataklizmov 1917–1920 gg.* [Political Processes in Siberia During the Period of Social Cataclysms of 1917–1920]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
3. Golubev, A.V. & Porshneva, O.S. (2011) *Obraz soyuznika v soznanii rossiyskogo obshchestva v kontekste mirovykh voyn* [The Image of an Ally in the Consciousness of Russian Society in the Context of World Wars]. Moscow: Novyy khronograf.
4. Porshneva, O.S. (2014) Evolution of the popular image of the allies in the 1917 revolutionary Russia. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 1 (42). pp. 43–52.
5. Stel'mak, M.M. (2016) *Obraz inostrannykh soyuznikov antibol'shevistskogo dvizheniya v periodicheskoy pechati Zapadnoy Sibiri (may 1918 – dekabr' 1919 gg.)* [The image of foreign allies of the anti-Bolshevik movement in the periodical press of Western Siberia (May 1918 – December 1919)]. History Cand. Diss. Omsk.
6. Kosykh, E.N. (2009) *Periodicheskaya pechat' Sibiri (mart 1917 – may 1918 gg.): ukazatel' gazet i zhurnalov* [Periodical Press of Siberia (March 1917 – May 1918): index of newspapers and magazines]. Tomsk: Veter.
7. Izvestiya Permskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta Soveta rabochikh i krasnoarmeyskikh deputatov. (1918) Voprosy voyny i mira [Questions of war and peace]. *Izvestiya Permskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta Soveta rabochikh i krasnoarmeyskikh deputatov*. 20 (7) February.
8. Svobodnaya Sibir'. (1917) Peregovory o mire [Negotiations on peace]. *Svobodnaya Sibir'*. 19 November.
9. Amurskoe ekho. (1917) Mestnaya khronika [Local chronicle]. *Amurskoe ekho*. 21 November (4 December).
10. Zhizn' Altaya. (1917) Kooperatsiya i tekushchii moment [Cooperation and the current moment]. *Zhizn' Altaya*. 6 December.
11. Sibirskaya zhizn'. (1917) Poslednie izvestiya [The latest news]. *Sibirskaya zhizn'*. 20 December.
12. Amurskoe ekho. (1917) Rossiya i Yaponiya [Russia and Japan]. *Amurskoe ekho*. 22 December (4 January).
13. Velikova, L.I. & Volgin, P.K. (eds) (1955) *Bor'ba za vlast' sovetov v Primor'e (1917–1922)* [The Struggle for Power of the Soviets in Primorye (1917–1922)]. Vladivostok: Primorskoe knizh. izd-vo.
14. Larin, V.L. et al. (eds) (1997) *Podgotovka i nachalo interventsii na Dal'nem Vostoke (oktyabr' 1917 – oktyabr' 1918 g.): dokumenty i materialy* [Preparation and Beginning of Intervention in the Far East (October 1917 – October 1918)]. Vladivostok: Nauka.
15. Dalekaya ukraina. (1918) Styd za chuzhikh [Shame for strangers]. *Dalekaya ukraina*. 17 (4) January.
16. Put' naroda. (1918) Soldaty, Rabochie, Krest'yane i vse Grazhdane! [Soldiers, Workers, Peasants and all Citizens!]. *Put' naroda*. 14 January.
17. Denisov, V. (1918) Ugroza samostoyatel'nosti Rossii [The threat of independence of Russia]. *Zemskaya gazeta*. 14 January.
18. Izvestiya Vremennogo Sibirskogo oblastnogo Soveta. (1918) K grazhdanam Sibiri! [To the citizens of Siberia!]. *Izvestiya Vremennogo Sibirskogo oblastnogo Soveta*. 18 January.
19. Altay. (1918) Irkutsk [Irkutsk]. *Altay*. 3 (16) January.
20. Zverev, V. (2016) "Gorod ozhil, sovet bezhal, poyavilas' novaya vlast'...". Vypiski iz dnevnika ["The city came to life, the council fled, a new government appeared ..."]. Extracts from the diary. *Sibirskie ogni*. 9. pp. 155–179.
21. Delo Altaya. (1918) Ugroza s vostoka [The threat from the East]. *Delo Altaya*. 26 January.
22. Kazakova, A. (1918) Na perevale [On the pass]. *Delo rabocheho*. 22 January.
23. Svobodnyy kray. (1918) Yaponskoe pravitel'stvo o desante vo Vladivostoke [The Japanese government about the landing in Vladivostok]. *Svobodnyy kray*. 16 January.
24. Amurskoe ekho. (1918) Yaponiya gotova vystupit' na Dal'nem Vostoke [Japan is ready to perform in the Far East]. *Amurskoe ekho*. 13 (26) January.
25. Golos Primor'ya. (1918) Tochka nad I [Dot over i]. *Golos Primor'ya*. 28 January (10 February).
26. Golos Primor'ya. (1918) Bezopasnost' v gorode [Security in the city]. *Golos Primor'ya*. 26 January (8 February).
27. Svobodnaya Sibir'. (1918) Krovavye dni v Irkutske [Bloody days in Irkutsk]. *Svobodnaya Sibir'*. 4 January.
28. Zemskaya gazeta. (1918) Iz gazet [From newspapers]. *Zemskaya gazeta*. 21 (8) February.
29. Polynov, K. (1918) Yaponsy [The Japanese]. *Dalekaya ukraina*. 1 February (19 January).
30. Amurskoe ekho. (1918) Rossiya i Yaponiya [Russia and Japan]. *Amurskoe ekho*. 17 February.
31. Omskiy vestnik. (1918) Amerikanskaya missiya [American Mission]. *Omskiy vestnik*. 21 (8) March.

32. Greys, V. (1932) *Amerikanskaya aventyura v Sibiri (1918–1920 gg.)* [American Adventure in Siberia (1918–1920)]. Moscow: Voengiz.
33. Fominykh, S.F. (1988) *K istorii interventsii i grazhdanskoj vojny v Sibiri i na Dal'nem Vostoke: Kriticheskiy analiz amerikanskoy diplomaticheskoy perepiski kak istoricheskogo istochnika* [On the History of Intervention and Civil War in Siberia and the Far East: A Critical Analysis of American Diplomatic Correspondence as a historical source]. Tomsk: Tomsk State University.
34. Gins, G.K. (1921) *Sibir', soyuzniki i Kolchak. Povorotnyy moment russkoy istorii 1918–1920 gg. (Vpechatleniya i mysli chlena Omskogo pravitel'stva)* [Siberia, Allies and Kolchak. The turning point of Russian history 1918–1920. (Impressions and thoughts of a member of the Omsk government)]. Part 1. Beijing: Obshchestvo Vozrozhdeniya.
35. *Sibirskaya raboche-krest'yanskaya gazeta*. (1918) Vynuzhdenyy shag [Forced step]. *Sibirskaya raboche-krest'yanskaya gazeta*. 23 February (8 March).
36. *Altayskiy luch*. (1918) Mir li? [Is it peace?]. *Altayskiy luch*. 19 (6) March.
37. *Delo Sibiri*. (1918) Omsk, 3 marta [Omsk, March 3]. *Delo Sibiri*. 3 March.
38. *Tomskiy tserkovno-obshchestvennyy vestnik*. (n.d.) Mir zaklyuchen [Peace is made]. *Tomskiy tserkovno-obshchestvennyy vestnik*. 12. 4 April (22 March). pp. 2.
39. *Golos Primor'ya*. (1918) Novikov-Sibirskiy. Velikoe nastuplenie [Novikov-Siberian. The Great Offensive]. *Golos Primor'ya*. 15 (28) March.
40. *Golos Primor'ya*. (1918) My i soyuzniki [We and the allies]. *Golos Primor'ya*. 10 (23) March.
41. *Omskiy vestnik*. (1918) Dal'nevostochnye sobyitiya [Far Eastern events]. *Omskiy vestnik*. 28 (15) March.
42. *Omskiy vestnik*. (1918) Omsk, 31 (18) marta [Omsk, March 31 (18)]. *Omskiy vestnik*. 31 (18) March.
43. Polynov, K. (1918) Yaponsy [The Japanese]. *Dalekaya okraina*. 19 (6) March.
44. Budberg, A.P. (1923) Dnevnik barona A.P. Budberga [Diary of Baron A.P. Budberg]. In: Gessen, I.V. (ed.) *Arkhiv russkoy revolyutsii* [Archive of the Russian Revolution]. Vol. 12. Berlin: Slovo. pp. 197–290.
45. Potanin, G.N. (1918) K naseleniyu Sibiri [To the population of Siberia]. *Sibirskaya zemskaya derevnya*. 7. 17 (30) April.
46. *Omskiy vestnik*. (1918) Omsk, 17 (4) aprelya [Omsk, April 17 (4)]. *Omskiy vestnik*. Omsk. 17 (4) April.
47. *Golos Primor'ya*. (1918) Vremennoe sibirskoe pravitel'stvo i inostrannaya pomoshch' [Temporary Siberian government and foreign aid]. *Golos Primor'ya*. 1 (14) April.
48. *Golos Primor'ya*. (1918) Vysadka inostrannogo desanta [The landing of a foreign landing party]. *Golos Primor'ya*. 6 April.
49. *Golos Primor'ya*. (1918) Nachalo kontsa [The beginning of the end]. *Golos Primor'ya*. 24 March (6 April).
50. *Golos Primor'ya*. (1918) Desant [Landing troops]. *Golos Primor'ya*. 27 March (9 April).
51. *Dalekaya okraina*. (1918) Desant i nashi zadachi [Landing and our tasks]. *Dalekaya okraina*. 7 April (25 March).
52. *Khabarovsk*. (1918) Priamurskaya zhizn' [Amur life]. *Khabarovsk*. 10 April (28 March).
53. Nikolaev, V. (1918) Pered litsom novogo nashestiya [In the face of a new invasion]. *Altayskiy luch*. 9 April (27 March).
54. Erlikh, G. (1918) Na Dal'nem Vostoke [In the Far East]. *Delo rabochego*. 8 April (26 March).
55. Prizyv. (1918) Raznye vesti. Yaponskoe vmeshatel'stvo [Different news. Japanese intervention]. *Prizyv*. 8 April.
56. *Golos Primor'ya*. (1918) Telegrammy [Telegrams]. *Golos Primor'ya*. 3 (16) April.
57. *Priamurskaya zhizn'*. (1918) Khabarovsk, 6 aprelya [Khabarovsk, April 6]. *Priamurskaya zhizn'*. 6 April (24 March).
58. *Mnogostradal'nyy put' naroda*. (1918) Ko vsey revolyutsionnoy demokratii Sibiri [To the whole revolutionary democracy of Siberia]. *Mnogostradal'nyy put' naroda*. 1 May.
59. Vaynberg, Yu. (1918) Yaponskiy bashibuzuk [Japanese bashi-bazouk]. *Altayskiy luch*. 11 May (26 April).
60. Shishkin, V.I. (2011) [The West Siberian Commissariat of the Provisional Siberian Government: debatable issues of organization and activity]. *Problemy istorii gosudarstvennogo upravleniya i mestnogo samoupravleniya Sibiri v kontse XVI – nachale XXI v.* [Problems of the history of public administration and local self-government in Siberia at the end of the 17th – beginning of the 21st centuries]. Proceedings of the 7th All-Russian Conference. Novosibirsk. 6–8 June 2011. Novosibirsk: Nonparel'. pp. 103–119. (In Russian).
61. Shishkin, V.I. (ed.) (2005) *Zapadno-Sibirskiy komissariat Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva (26 maya – 30 iyunya 1918 g.)* [Siberian Commissariat of the Provisional Siberian Government (May 26 – June 30, 1918)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
62. *Golos naroda*. (1918) Vos'moy sovet partii Sots.-Revolutsionerov [The Eighth Council of the Party of Social Revolutionaries]. *Golos naroda*. 4 June.
63. *Sibirskaya rech'*. (1918) Velikaya novost' [Great news]. *Sibirskaya rech'*. 29 June.
64. *Sibirskaya zhizn'*. (1918) Perspektivy [Prospects]. *Sibirskaya zhizn'*. 20 June.
65. *Svobodnaya Sibir'*. (1918) Svyatoy dolg [Holy Duty]. *Svobodnaya Sibir'*. 23 (10) June.
66. *Delo Sibiri*. (1918) Omsk, 29 iyunya [Omsk, June 29]. *Delo Sibiri*. 29 June.
67. *Delo rabochego*. (1918) K voprosu o voennoy pomoshchi soyuznikov [To the question of the military aid of the Allies]. *Delo rabochego*. 28 June.
68. Vologodskiy, P.V. (2006) *Vo vlasti i v izgnanii: Dnevnik prem'er-ministra antibol'shevistskikh pravitel'stv i emigranta v Kitae (1918–1925 gg.)* [In Power and in Exile: Diary of the Prime Minister of the Anti-Bolshevik governments and an emigrant in China (1918–1925)]. Ryazan: Chastn. izd-vo P.A. Tribunskogo.
69. Shishkin, V.I. (ed.) (2007) *Vremennoe Sibirskoe pravitel'stvo (26 maya – 3 noyabrya 1918 g.)* [Provisional Siberian Government (May 26 – November 3, 1918)]. Novosibirsk: ID "Sova".

Информация об авторе:

Конев К.А. – канд. ист. наук, ассистент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. отделом рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: konev-k-92@rambler.ru, kk.tsu@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.A. Konev, Cand. Sci. (History), assistant lecturer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kk.tsu@yandex.ru, konev-k-92@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.11.2021;
одобрена после рецензирования 06.12.2021; принята к публикации 28.03.2022.

The article was submitted 19.11.2021;
approved after reviewing 06.12.2021; accepted for publication 28.03.2022.

Научная статья
УДК 902/904
doi: 10.17223/15617793/476/3

Резьба по кости и рогу как декоративное искусство Древней Руси IX – первой половины XI в.

Наталья Викторовна Жилина¹

¹*Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия, nvzhilina@yandex.ru*

Аннотация. Представлена характеристика древнерусского декоративного искусства резьбы по кости по материалам всей Руси с уточнением хронологии. Изделия распределены по видам орнамента. Охарактеризованы иконография/композиция, стилистика, семантика, эстетика произведений. Анализ позволил прийти к выводам, что наряду с произведениями народного искусства наблюдались и усваивались образцы скандинавского, византийского, европейского орнаментов, вырабатывались варианты их совмещения, ложившиеся в основу будущих стилей.

Ключевые слова: Древняя Русь, декоративное искусство, декор, орнамент, резьба, кость, иконография, стилистика, семантика, эстетика

Для цитирования: Жилина Н.В. Резьба по кости и рогу как декоративное искусство Древней Руси IX – первой половины XI в. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 24–38. doi: 10.17223/15617793/476/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/3

Bone and horn carving in decorative art of Kievan Rus in the 9th – the first half of the 11th centuries

Natalia V. Zhilina¹

¹*Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, nvzhilina@yandex.ru*

Abstract. The aim of the work is general characteristics of bone carving art of Kievan Rus. The source is the archaeological material of South and North Rus. The methodology includes iconographic and stylistic analysis; use of the results of archaeological dating. In the course of the study, the author characterized iconography, stylistics, symbolism, aesthetics of objects; arranged objects from different regions in a single chronological row according to the dates of archaeological sites and analogies; characterized bone carving in the context of the art of the period in accordance with the kinds of ornament. As a result, conclusions are drawn. The role of the kinds of ornament in the formation of artistic appearance of bone objects and in the formation of style is determined. Complication of geometric ornament in the 9th and 10th centuries destroys the harmony of products, but the rhythmic organization in the 10th and 11th centuries returns harmony. Abstract curvilinear ornament regularly and harmoniously fills the zones and effectively accentuates the shape of the object with grotesque motifs. Curvilinear irregular braided ornament tends to Scandinavian styles; the regular one creates the basis for their adaptation and formation of local styles. Examples of plant ornament demonstrate the development in Rus of Eurasian decorative elite style. Zoomorphic ornament complements the elongated household items with volumetric ends, accentuating their form and function. Some of zoomorphic ends on the horn tips of the 10th and early 11th centuries has Scandinavian style, others original geometrized forms. A number of works reflect a stylistic symbiosis: European and Byzantine traditions; Scandinavian and plant ornaments. The pagan semantics is noted: the crest from Pskov with a mythological plot, idol-like image of human face; other symbolic schemes. The semantics reduces the aesthetic level; accents contradict the rhythm and create disharmony. Some of the works correspond to the level of the folk art: household items and amulets with geometric and abstract curvilinear ornaments, simplified transfer of zoomorphic motifs. The other part corresponds to advanced elite art of the Viking Age: spread and use of Scandinavian, Byzantine, and Eurasian tendencies, the formation of mixed stylistic variants. Display in a simplified manner of Scandinavian ornamental patterns of the 10th–11th centuries indicates its mastering. The art of bone carving demonstrates the same laboratory of choice as other forms of decorative art in Rus. It is related with woodcarving in the active use of geometric and braided ornaments, generalized zoomorphic and idol-like images. Plant ornament is not as widespread as in embroidery, filigree, woodcarving, which emphasizes the stage of its formation. The traditions of folk art were combined with the Scandinavian, Byzantine, and Eurasian ones; the developed versions formed the basis for future styles of Kievan Rus.

Keywords: Kievan Rus, decorative art, décor, ornament, carving, bone, iconography, stylistics, semantics, aesthetics

For citation: Zhilina, N.V. (2022) Bone and horn carving in decorative art of Kievan Rus in the 9th – the first half of the 11th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 24–38. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/3

Этот вид художественного ремесла много изучался, но главной целью таких работ был анализ региональных материалов и отдельных категорий костяных изделий [1–11].

Историография. Многие авторы уделили внимание характеристике технологии изготовления изделий из кости и рога [6, 8, 9, 12]. В ряде работ дана конкретная или общая характеристика развития орнамента. О.И. Давидан отметила, что орнамент расчесок с дугообразными накладками из Старой Ладogi становится более четким, а плетеный схематизируется до геометризации [13. С. 56. Рис. 1]. Г.Н. Бочаров указал, что в X–XI вв. декорировка новгородских произведений была хаотичной и случайной, а в дальнейшем сменилась более логичной и закономерной. Узоры подчеркивают конструктивные особенности вещи или заполняют все пространство, а утилитарная функция при этом отодвигается на второй план. По мнению исследователя, кость может отчетливо рассматриваться как материал прикладного искусства лишь с рубежа XII–XIII вв. [3. С. 114]. В монографии Л.И. Смирновой изучена организация декора новгородских гребней X в.: его виды и схемы

расположения [6]. При характеристике костяных изделий Южной Руси М.С. Сергеева выделяет виды и варианты орнамента. Отмечено, что орнаментация большинства южнорусских изделий в X – первой половине XIII в. основывалась на абстрактных мотивах в контурной технике, объемный и рельефный декор более характерен для элитарных вещей. Редко используются растительные мотивы, зооморфный декор носит индивидуальный характер. Определенные знаки и надписи на вещах демонстрируют попытку владельца самостоятельно их украсить [8. С. 164–165]. Но полному использованию богатого южнорусского материала мешает отсутствие хотя бы относительной хронологии, только отдельные вещи имеют значимую для хронологических сопоставлений дату. Подробно рассмотрела декор русских гребней, в том числе и костяных, О.А. Кондратьева. Охарактеризованы виды, элементы и композиционные схемы орнамента. Большое внимание уделено характеристике смысловой нагрузки орнамента [9]. Для ряда простых орнаментов и мотивов отмечен их межрегиональный характер и надэтничность [9. С. 84, 99].

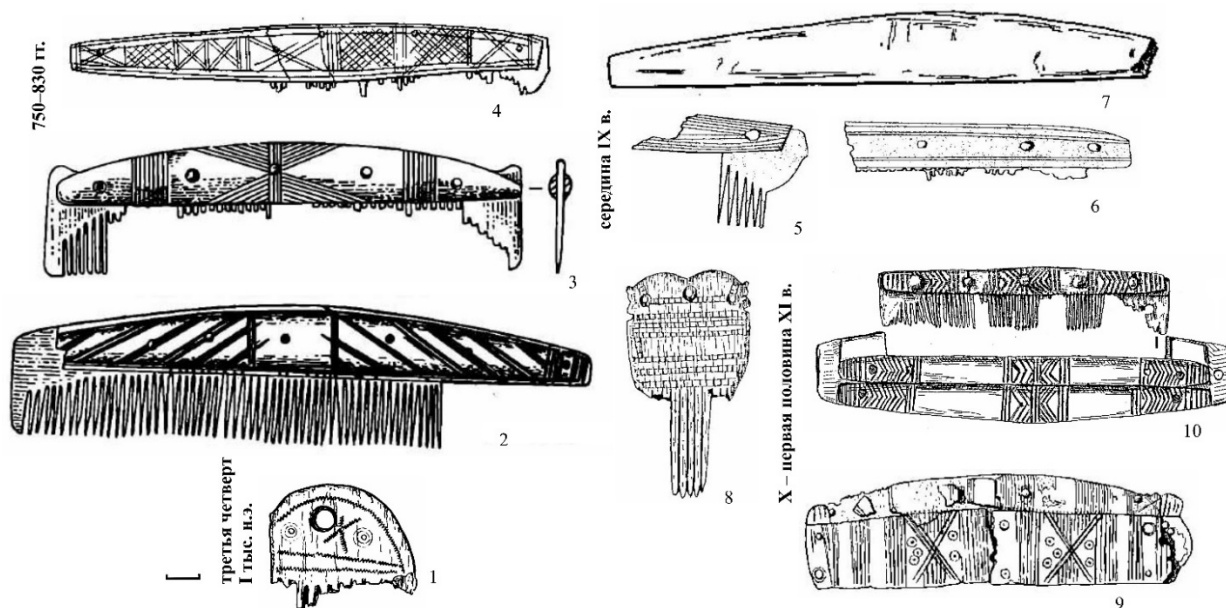

Рис. 1. Геометрический орнамент на гребнях VIII–IX вв.: 1 – Псков, третья четверть I тыс. н.э. [28. Табл. XIX: 17]; Старая Ладога: 2–4 – 750–830 гг. [1. Рис. 1: 1; 29. Рис. 1: 5; 2: 1]; 5, 6 – середина IX в. [10. Рис. 3: 1, 2]; 7 – заготовка гребня, 840–е гг. – вторая половина 860-х гг. [1. Рис. 2: 7]; 8 – середина IX в. [10. Рис. 4: 1]; 9 – Киев, погребение, усадьба Десятинной церкви, X в. [8. Табл. 31: 8]; 10 – Новгород, X – начало XI в. [6. Fig. 3.2: A50, 51]

Цель работы – общая характеристика древнерусского косторезного дела как декоративного искусства в период IX – первой половины XI в.

В связи с этим выполняются следующие задачи:

1. Анализ произведений декоративного искусства, включающий характеристику: а) иконографии/композиции; б) стилистики; в) символики; г) эстетики.

2. Расположение произведений из кости различных регионов в единый хронологический ряд в соответствии с датами археологических памятников (изделия из Южной Руси и другие с чрезмерно широкими датами размещаются по аналогии) для выявления общей истории развития.

3. Характеристика искусства резьбы по кости в общем контексте искусства периода.

Методика включает применение иконографического и стилистического анализа; использование результатов методов археологического датирования.

Основные понятия. Декор – это любое художественное оформление¹ предмета, орнамент – ритмизованное [14]. Декор подразделяется на: бесструктурное оформление, надпись, сюжетное изображение, схему, орнамент.

Бесструктурные покрытия находятся на доиконографической стадии, не давая никакого изображения. Иконография (система изображения) включает характеристику структуры и ориентации изображения. Для сюжетного или фигуративного изображения описывается его состав, поза персонажа, расположение. Для орнамента характеризуются композиция и расположения мотивов в отведенных зонах.

Орнамент подразделяется на общепринятые виды: геометрический, абстрактно-криволинейный², плетеный, растительный, зооморфный; выделяются композиции: свободная, бордюр, розетка, парная/геральдическая, сеточная [15. С. 374].

Многие простые орнаменты находятся на достилевом уровне. Отнесение орнамента к тому или иному виду уже намечает его предварительную стилистическую характеристику, полная же – включает определение формы орнаментальных мотивов и элементов, конкретной специфики линий, очерчивающих их [16. С. 28–31; 17; 18].

Сведения о смысловой нагрузке изображений для данного материала немногочисленны, характеристика семантики дается, когда это представляется возможным.

Характеристика эстетики – красоты и гармонии произведений – проводится по степени соответствия между конструкцией, формой и декором изделий в результате анализа всего материала (выводной раздел).

Источники. Использован археологический материал Старой Ладogi (с середины VIII в.), Новгорода, Гнездовского археологического комплекса, Киева, других памятников Южной и Северной Руси.

Импортные изделия (Скандинавия, Византия и другие регионы) также рассматриваются, поскольку отражают стилистические закономерности своего времени и важны для анализа процесса сложения древнерусской орнаментации.

Геометрический орнамент (линейный). Древнейшие роговые гребни с горбатой или высокой спинкой с раннего поселения на территории Пскова (третья четверть I тыс. н.э.) относятся к общеевропейским формам. Аналогичные есть у финно-угорских и балтских народов, а также на памятниках со смешанным населением (городище Рыуге) [9. С. 8–10. Рис. 2; 19. С. 11]. Одинарный линейный бордюр вторит контуру предмета, орнаментация нерегулярна, центр помечен отверстием и крестообразной фигурой (рис. 1, 1). Орнамент гребня IX в. с зооморфной спинкой из Старой Ладogi организован в узкие бордюры, разделенные на мелкие прямоугольники (рис. 1, 8). Такая орнаментация, иллюстрирующая местную народную традицию,

бытует и на двусторонних гребнях конца X в. [10. Рис. 4: 4, 7].

Односторонние гребни из рога оленя второй половины VIII–X в. считаются предметами скандинавской или северо-европейской культуры [1. С. 99–100; 6. Р. 87–89, 99; 13. С. 58]. По мнению Л.И. Смирновой, данных об их изготовлении в Новгороде нет, а большинство вещей было личной собственностью людей скандинавского происхождения. Но, по данным о сырьевых материалах, изготовление гребней не исключено и наблюдалось недолгое время. Такое производство иногда связывается с работой бродячих мастеров [6. Р. 101–102] (рис. 1, 2, 3). Важно также, что в слоях IX в. Староладожского городища найдена заготовка для накладной пластины гребня с намеченным краевым линейным бордюром. Известны и находки кусков рога для выпиливания пластин [1. С. 100]. Вещи распространялись с помощью торговых и международных связей, были работой приезжих мастеров, передававших свой опыт местным. Определенная часть гребней, по мнению О.И. Давидан, изготавливалась в Ладoge, и, как она справедливо отметила, вещи, распространяясь, перестают принадлежать только тому месту, из которого распространились [13. С. 58, 62–63] (рис. 1, 7).

Фрагменты с ладожского посада демонстрируют использование одинарной и множественной линейной бордюрной орнаментации (рис. 1, 5, 6). В Старой Ладoge во второй половине VIII – первой трети IX в. используется орнамент из косых параллельных линий, создается противопоставление заштрихованных и гладких частей в рамках выделенных вертикальных зон и с выделением центральных. Штриховка геометрических зон создает предпосылки для образования крестообразного раппорта (рис. 1, 2, 3).

В IX–XI вв. линейное подчеркивание зон орнаментации продолжает усиливать внешний контур. Вертикальными линиями помечаются края предмета, поперечные зоны (рис. 1, 5, 6, 9, 10). Орнаментация усложняется косыми линиями, линейными мотивами, разделяющими поверхность на ячейки [10. Рис. 3: 20; 2: 6]. Орнаментальное умножение косых, угловых и вертикальных линий создает либо обильные продольные бордюры по всей центральной пластине, где используются разные раппорты орнамента (рис. 1, 4); либо выделение краевых и центральной зон (рис. 1, 10).

Основная зона орнаментации гребня имеет форму сегмента. Орнамент стремится соответствовать этой зоне, сужается или расширяется в связи с ее формой. Разделение площади поперечными вертикальными линиями выделяет на сегменте несколько зон (от трех и более), вертикальные линии могут быть одинарными, двойными или множественными. Зоны поразному заполняются штриховкой. В целом умножение вертикальных зон разрушает впечатление гармоничной удлиненности формы.

В X в. среди новгородского материала преобладают композиции с поперечными линиями, а в XI в. – с продольным расположением декора [6. Р. 70].

К X – началу XI в. на основе линейного орнамента складывается вариант с использованием крестообразных раппортов, сектора заполняются параллельными линиями (рис. 1, 9). На древнейших экземплярах из Старой Ладogi второй половины VIII – первой трети IX в. поперечные зоны покрыты косой штриховкой в композиции сетки (рис. 1, 4). В X–XI вв. орнаментация усложняется вертикальными делениями и циркульными мотивами (рис. 1, 9).

На различных предметах (гребни, ложки, копоушки, наконечники стрел, игольнички) с линейным орнаментом также наблюдается тенденция все большего соответствия орнамента форме. Простые линии в виде бордюров подчеркивают контур, множественно вторят ему, иногда орнаментация этим ограничивается (рис. 2, 4, 9–14). На пряслице IX в. из Старой Ладogi горизонтальные линии выполнены рельефно на токарном станке (рис. 2, 2).

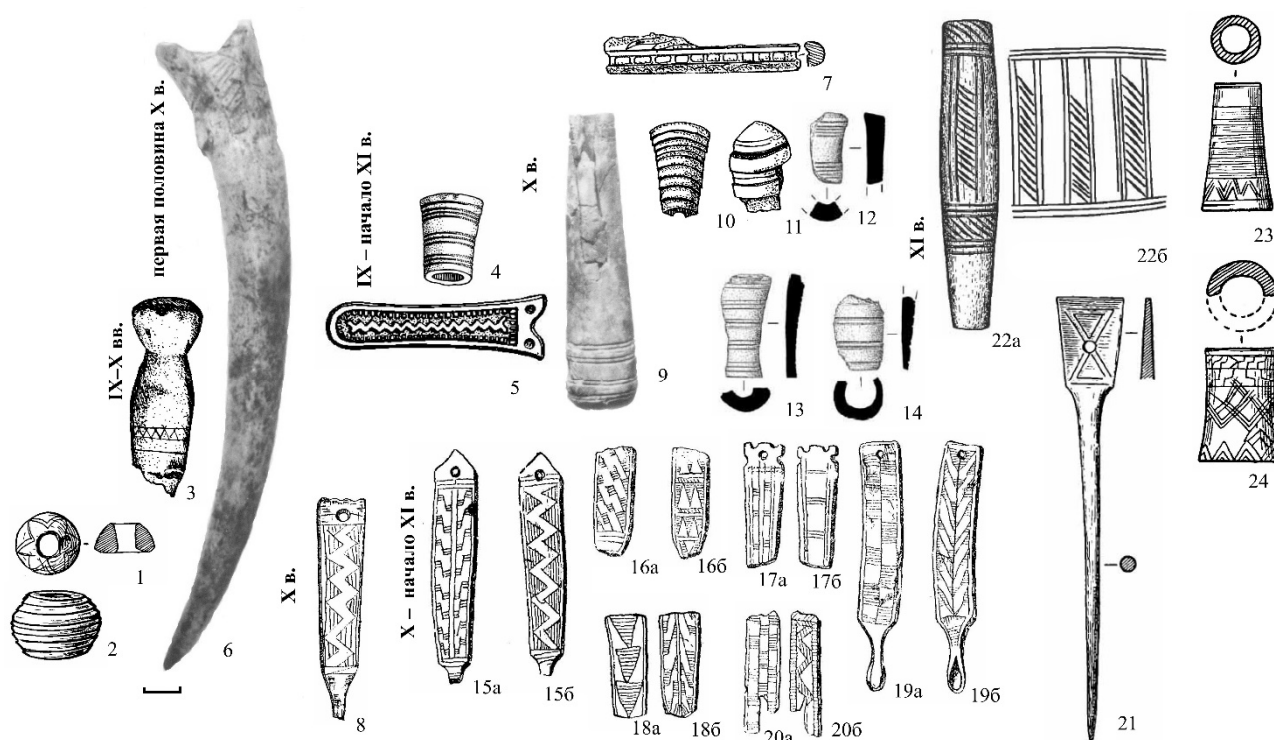

Рис. 2. Геометрический линейный орнамент на костяных и роговых изделиях, IX–XI вв.: 1, 2 – пряслица, Старая Ладога, 840-е – вторая половина 860-х гг. и после второй половины 860-х – 20-е гг. X в. [21. Рис. 3: 2, 3]; 3 – рукоять, Изборск, IX–X вв. [20. Рис. 80: 4]; IX – начало XI в.; Псков: 4 – наконечник стрелы; 5 – накладка [30. Рис. 27: 4, 3, без масштаба]; 6 – острие, Шестовицкое городище, первая половина X в. [23. № 279]; X в.: 7 – накладка, Гнездово, курганы [4. Рис. 3: 2]; 8 – копоушка, Старая Ладога [10. Рис. 5: 1]; 9 – рукоять шила, Шестовица, погребение [23. № 172]; 10–14 – наконечники стрел, Гнездово, курганы [4. Рис. 2, 7, 8; 31. Рис. 1: 3, 5, 6]; копоушки, X – начало XI в.: 15–17, 19, 20 – Петровское, 24, 25, 27, 28 – Тимирево, 18 – Михайловское [2. Рис. 23: 1, 3, 4, 6, 8, 9]; 21 – писало, Новгород, вторая половина X – первая половина XI в. [32. Рис. 1: 2]; 22 – игольничек, Киев, XI в. [8. Табл. 26: 5]; 23, 24 – обоймы, Старая Ладога, 930–960 гг. и позже [21. Рис. 4: 10, 11]

В орнаментации бытовых предметов IX–X вв. наблюдаются и более сложные композиции. Бордюры из ломаных линий или косо расположенных прямоугольных элементов создают предпосылки для формирования витых и плетеных орнаментов, композиции прямой сетки (рис. 2, 15a, 16a, 19a, 20a, 24). Бордюры из прямоугольников и треугольников дробят поверхность на мелкие участки, штрихуемые или разделяемые параллельными линиями (рис. 2, 7, 16b, 17a и б, 18a).

Косая штриховка зон выделяет детали объемного изображения или формы: пасть зверя на зооморфном навершии (рис. 2, 6), косой крест на навершии писала (рис. 2, 21). Продольные и поперечные полосы-бордюры с косой штриховкой соответствуют форме предмета (рис. 2, 22). Прямые полосы с зигзагообраз-

ными линиями подчеркивают его основные оси (рис. 2, 3, 5, 8, 15b, 20, 23). Иногда зигзагообразные полосы заштрихованы (рис. 2, 20b). Расположение зигзагообразного бордюра на круглом предмете рождает звездообразную розетку (рис. 2, 1). Симметрично расположенные бордюры из косых линий образуют более сложные варианты из угловых фигур: «елочка», «шевроны» (рис. 2, 18b, 19b).

Примеры использования циркульного орнамента (точка в центре окружности) на гребнях с высокой фигурной спинкой VIII–IX вв. из Пскова и Александровой Горы характеризуются свободным заполнением зоны спинки циркульными мотивами и простейшими линейно-угловыми группировками из них (рис. 3, 1, 8, 9). Для односторонних гребней характерна

композиция, соответствующая сегменту, приближающаяся к сетке или бордюру, но не достигающая регулярной строгости (рис. 3, 2, 3, 5, 6). На двусторон-

них гребнях X–XI вв. предпочтительна регулярная сеточная организация мотивов в виде розеток и линий вдоль центральной зоны (рис. 3, 12, 13).

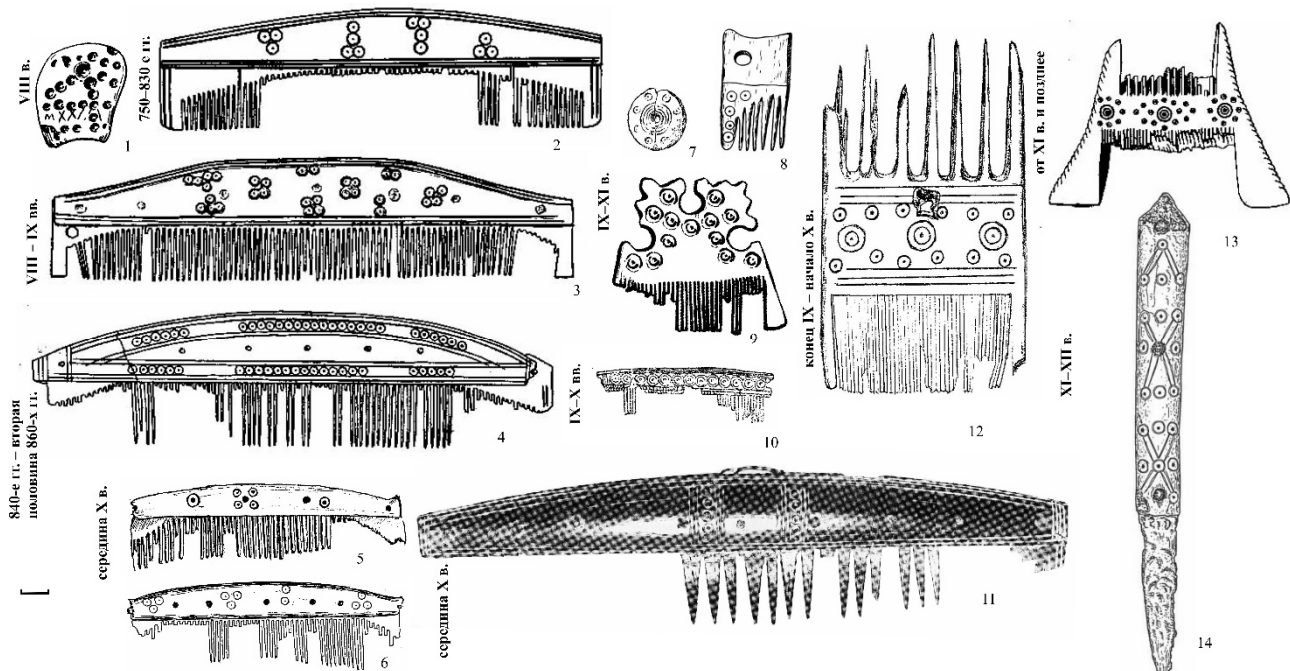

Рис. 3. Циркулярный орнамент, различные предметы, гребни: 1 – Псков, VIII в. [9. Рис. 1: 1]; Старая Ладога: 2, 3 – VIII–IX вв.; 4 – 840-е гг. – вторая половина 860-х гг. [1. Рис. 1: 3, 4, 6]; 5, 6 – Новгород, середина X в. [6. A122 и A144. Fig. 3.33]; 7 – пуговица, Тимирево, курган, IX–XI вв. [2. Рис. 23: 13]; гребни: 8 – Псков, конец IX – начало XI в. [33. Рис. 39в: 20]; 9 – Александрова Гора, Ярославская обл., IX–XI вв. [9. Рис. 11]; 10 – Тимеревское поселение, IX–X вв. [27. Рис. 16: 5]; 11 – Новгород, середина X в. [6. A326. Fig. 3.37]; Старая Ладога: 12 – конец IX – начало X в. [10. Рис. 4: 9]; 13 – от XI в. и позднее [1. Рис. 4: 10]; 14 – рукоять, Киев, площадь Майдан Незалежности, конец XI в.; [8. Табл. 30: 1]

Циркулярный декор других предметов показывает аналогичные тенденции. Заполнение свободной поверхности с вниманием к форме зоны орнаментации характерно для IX–X вв. [4. Рис. 4: 8; 3: 1; 20. Рис. 80: 4]. Циркулярный орнамент достаточен для орнаментации круглых полусферических предметов, условно называемых «пуговицы», их форма стимулирует возникновение розеточной композиции (рис. 3, 7). Изделия X–XI вв. демонстрируют геометрические группировки циркулярных мотивов: розетка, крест, полоса [8. Табл. 55: 1; 59: 8; 21. Рис. 3: 11].

Линейный орнамент, как правило, объединяется с **циркулярным**. В середине VIII – первой трети IX в. малорегулярные композиции оконтуриваются линиями (рис. 3, 2). В IX в. наблюдаются линейно выделенные в полосы краевые и поперечные регулярные бордюры (рис. 3, 4), развивающиеся и в X–XI вв. (рис. 3, 10, 11). Выделение поперечных бордюров сочетается с краевыми и поперечными линиями. В XI–XII вв. циркулярные элементы соединяются линиями в геометрические крестообразные фигуры (рис. 3, 14).

Наблюдаются орнаменты, переходные к сеточной композиции. Во-первых, это орнаментация с крестообразными раппортами (рис. 1, 9). Во вторых, в IX–

X вв. – это полосы крестов (одинарных и двойных), ряды треугольников (рис. 4, 1–3). В X–XI вв. этот орнамент типичен, он зрительно удваивается, повторяясь на гребне и футляре (рис. 4, 4–6), по краям он дополняется поперечными линиями или делится на зоны с выделением центральной (рис. 4, 6).

Итогом движения к регулярности разных вариантов геометрического орнамента является сложение устойчивой сеточной композиции.

Линии в композиции косой сетки на односторонних гребнях Старой Ладоги середины VIII – начала IX в. заполняют всю поверхность, пересечения иногда помечаются группировками циркулярного орнамента (рис. 5, 1, 2). В IX–X вв. композиция усложняется: сегментообразная зона делится на поперечные части с выделением центральной (рис. 5, 3). В X–XI вв. сетчатую композицию имеет, как правило, центральная зона (рис. 5, 4, 6–11), иногда – центральная и краевые [9. Рис. 18: 4; 22. Рис. 4: 2] (рис. 4, 8). По материалам Мининского археологического комплекса орнамент с зонами сформировавшейся сетки связан с изделиями из погребений по обряду ингумации XI в. [7. С. 224] (рис. 5: 11). Это дает важное хронологическое подтверждение сложения регулярной композиции сетки к XI в.

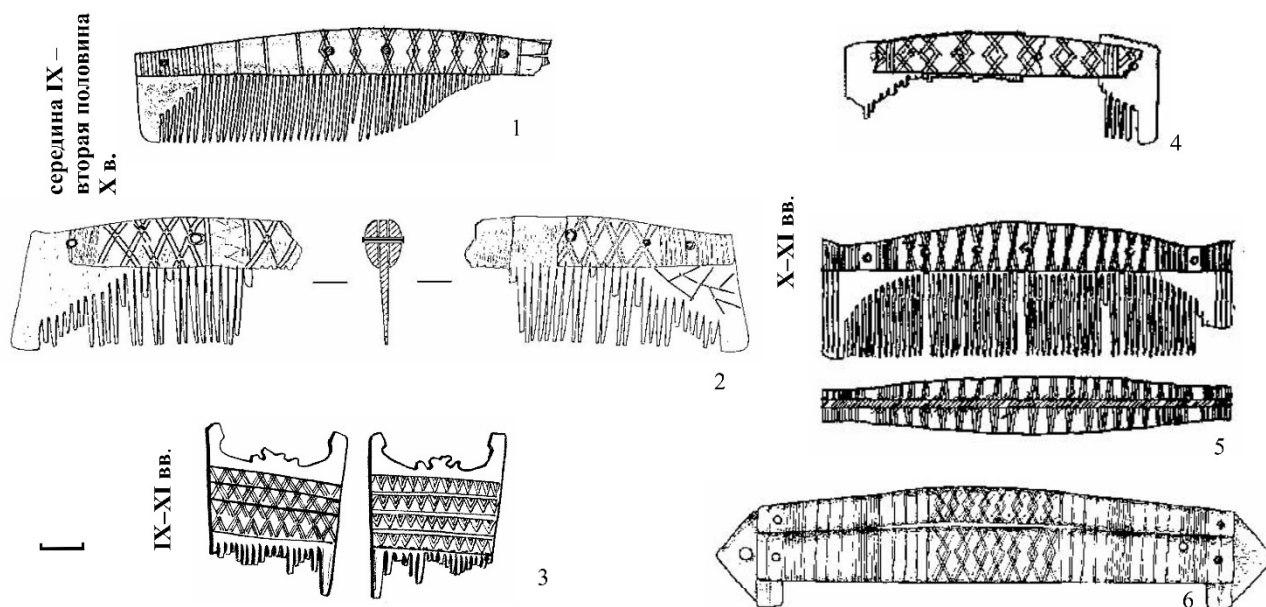

Рис. 4. Орнамент геометрический (формирующаяся композиция сетки), VIII–X вв.: односторонние гребни; 1, 2 – Старая Ладога, середина IX – вторая половина X в. [10. Рис. 3: 3, 7]; 3 – двусторонний гребень, Тимерево, поселение, IX–XI вв. [9. Рис. 6]; односторонние гребни, X–XI вв.: 4, 5 – Старая Ладога [1. Рис. 3: 7, 9]; 6 – Киев [8. Табл. 31: 9]

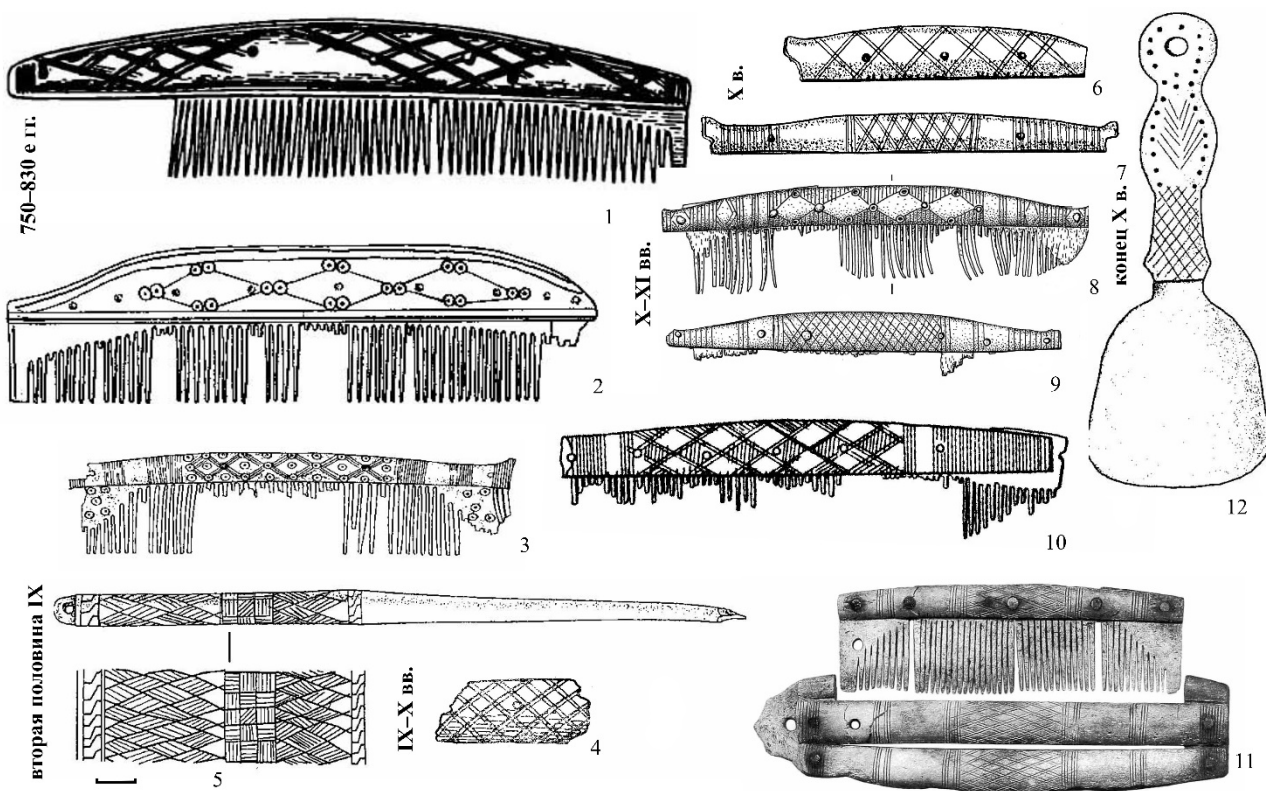

Рис. 5. Геометрический орнамент, композиция сетки: гребни, VIII–IX вв.: Старая Ладога; 1, 2 – 750–830-е гг. [29. Рис. 1: 5; 1962. Рис. 1: 2]; 3 – середина IX – вторая половина X в. [10. Рис. 3: 6]; 4 – Тимерево, поселение, IX–X вв. [27. Рис. 17: 7]; 5 – булава, Старая Ладога, вторая половина IX в. [10. Рис. 6: 17]; гребни, Гнездово: 6, 7 – X в. [4. Рис. 1: 1, 2]; 8, 9 – середина X – начало XI в. [22. Рис. 3: 3; 4: 1]; 10 – Старая Ладога, X–XI вв. [9. Рис. 18: 6]; 11 – могильник Минино II, середина X – последняя четверть XI в. [7. Рис. 186: 2]; 12 – ложка, Старая Ладога, конец X в. [10. Рис. 8: 5]

На других предметах второй половины IX – начала XI в. сетчатые бордюры расположены вдоль и поперек. Косая и прямая сеточные композиции, сочетаясь, создают разнообразие (рис. 5, 5). На ложке сетчатая зона занимает суженный участок при переходе к ло-

паске, на более широких частях использованы линейный и точечный орнаменты, подчеркивающие очертания расширений (рис. 5, 12).

Абстрактно-криволинейный орнамент. Элементы орнамента могут использоваться сплошь по поверх-

ности, но его более эффектные мотивы могут выделяться, акцентируя видные части предмета; он естественно сочетается с линейными и циркульными элементами.

На гребнях с высокой спинкой: в одном случае спинка образована ажурными соединенными S-овидными завитками – Псков, VIII–IX вв.; в другом – покрыта сеткой из дугообразных ячеек – Изборск, IX–X вв. (рис. 6, 1, 2). Сходная арочная сетка есть и на копоушке из Тимерево (рис. 6, 13). Амулет из материала роменской культуры имеет сложную трехзубчатую форму окончания (рис. 6, 8). На булавке из Старой Ладogi объемно выполнено округло-криволинейное навершие (рис. 6, 14).

Во второй половине IX – начале XI в. на односторонних расческах повторяются дугообразные фигуры или используются одиночные S-овидные, выполненные циркульными элементами (рис. 6: 3–7).

Арочная сетка или бордюр, а также витой орнамент характерны для фрагментов накладок византийских костяных ларцов из Гнездово X в. (рис. 6: 9–12).

Плетеный или витой орнамент. Симметричная относительно вертикальной оси абстрактно-криволинейная композиция орнамента на гребне из Пскова VIII–IX вв. дает основу для более сложной завитково-плетеной орнаментации гребней с высокой спинкой IX–X вв. из Изборска и Старой Ладogi (рис. 6: 1; 7: 1, 2).

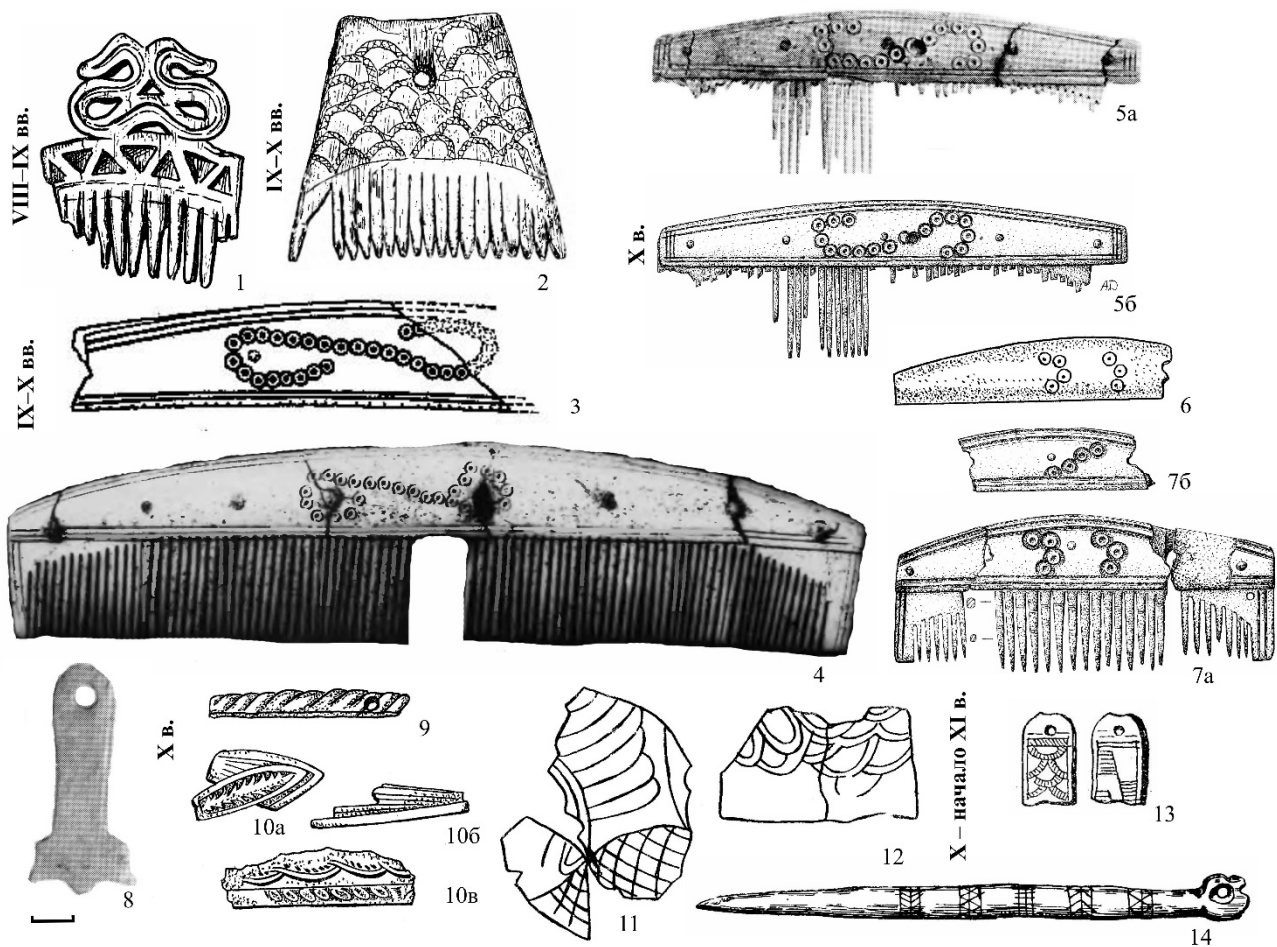

Рис. 6. Абстрактно-криволинейный орнамент: гребни: 1 – Псков, VIII–IX вв. [28. Табл. XIX: 6]; 2 – Изборск, вторая половина IX – начало X в. [20. Рис. 82: 2]; 3 – Старая Ладoga, конец IX. – начало X – XI вв. [1. Рис. 2: 3]; 4 – Изборск, рубеж IX–X вв. [20. Рис. 83]; 5–7 – Гнездово, X в. [4. Рис. 1: 5; 11. Рис. 1: 1, 2; 34. № 474]; 8 – амулет, Большое Горнальское городище, Суджанский район, роменская культура, IX–X вв. [34. № 639 – без масштаба]; 9–12 – накладки, Гнездово, курганы, X в. [4. Рис. 3: 3–6]; 13 – копоушка, Тимерево, курган, X – начало XI в. [2. Рис. 23: 5]; 14 – булавка, Старая Ладoga, 930–960 е гг. и позже [21. Рис. 4: 14]

Стилистика. Орнаменты подразделяются на прямолинейные и криволинейные. Прямолинейные витые (из двух полос) и плетеные (из трех полос) орнаменты есть на односторонних гребнях X–XI вв.

(рис. 7: 3–7, 12). Независимо от происхождения вещей такой орнамент вряд ли напрямую связан со скандинавскими стилями, скорее, он выглядит как развитие линейного.

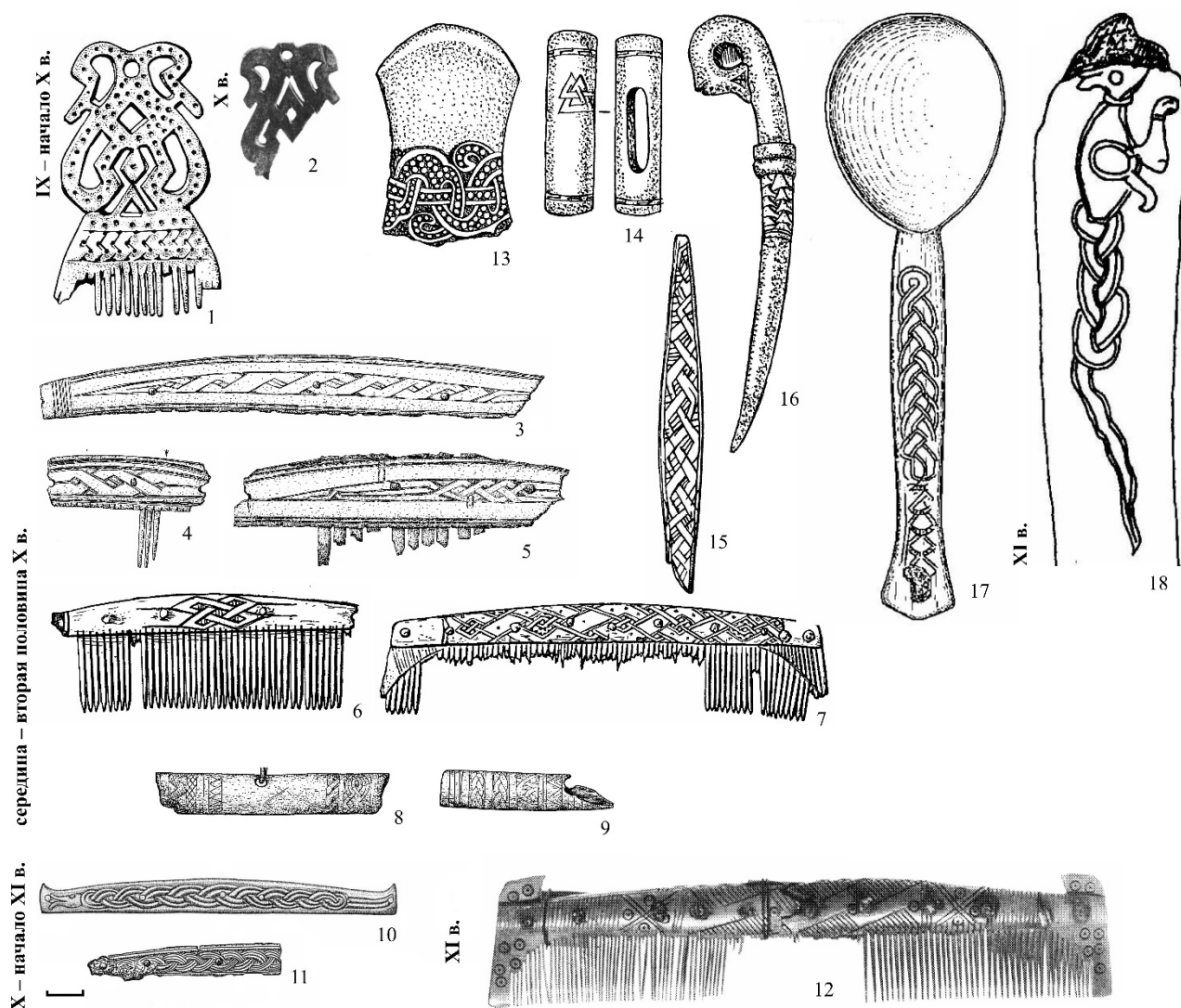

Рис. 7. Плетеный орнамент: 1 – гребень, Изборск, вторая половина IX – начало X в. [20. Рис. 82: 1]; 2 – гребень (?), Старая Ладога, X в. [35. № 341]; гребни: 3–5 – Гнездово, вторая четверть – вторая половина X в. [11. Рис. 2: 1, 2, 6]; 10, 11 – X – начало XI в. [22. Рис. 3: 1, 2]; Новгород: 6, 7 – середина X в. [6. A18. Fig. 3.31; A115. Fig. 3.70]; 12 – середина XI в. [6. Fig. 3.14. A77]; X в., Гнездово: 8, 9 – игольники [36. Рис. 4: 4, 5. № 11, 20]; 13 – рукоять, курган; 14 – цилиндр со схемой, городище; 16 – острие [4. Рис. 4: 6, 10; 5: 4]; 15 – часть ложки, Старая Ладога, 930–960-е гг. и позднее [21. Рис. 4: 19]; 17 – ложка, Киев [8. Табл. 40: 1]; 18 – ребро коровы, место находки неизвестно, XI в. – ? [23. № 239]

На игольниках из Гнездово X в. наряду с регулярным наблюдаются варианты скандинавского узловатого плетеного орнамента с выделяющимися треугольными звеньями, совмещающего прямолинейность и криволинейность (рис. 7, 8, 9).

Гребни X – начала XI в. из Гнездово имеют регулярный плетеный криволинейный орнамент (рис. 7, 10, 11). Примеры криволинейного орнамента с узловатой нерегулярной структурой тяготеют к скандинавским стилям Еллинг и Маммен – фрагмент острия [23. № 27, 227] (рис. 7, 13).

Скандинавский плетеный орнамент характеризуется разной толщиной переплетающихся лент и выделяющимися

треугольными звеньями [24. Р. 13; 25. Рис. 3] (рис. 7, 15–17).

В X–XI вв. есть примеры с нанесенными в упрощенной манере одиночными схемами звеньев сложных скандинавских орнаментов, что можно рассмотреть как свидетельство их освоения (рис. 7, 14, 18). Плетеный регулярный, прямолинейные витой или плетеный орнаменты можно также рассматривать как упрощение и адаптацию сложных образцов скандинавских звериных стилей.

Растительно-завитковый орнамент известен на накладках для лука X в. из курганов из окрестности Чернигова (рис. 8).

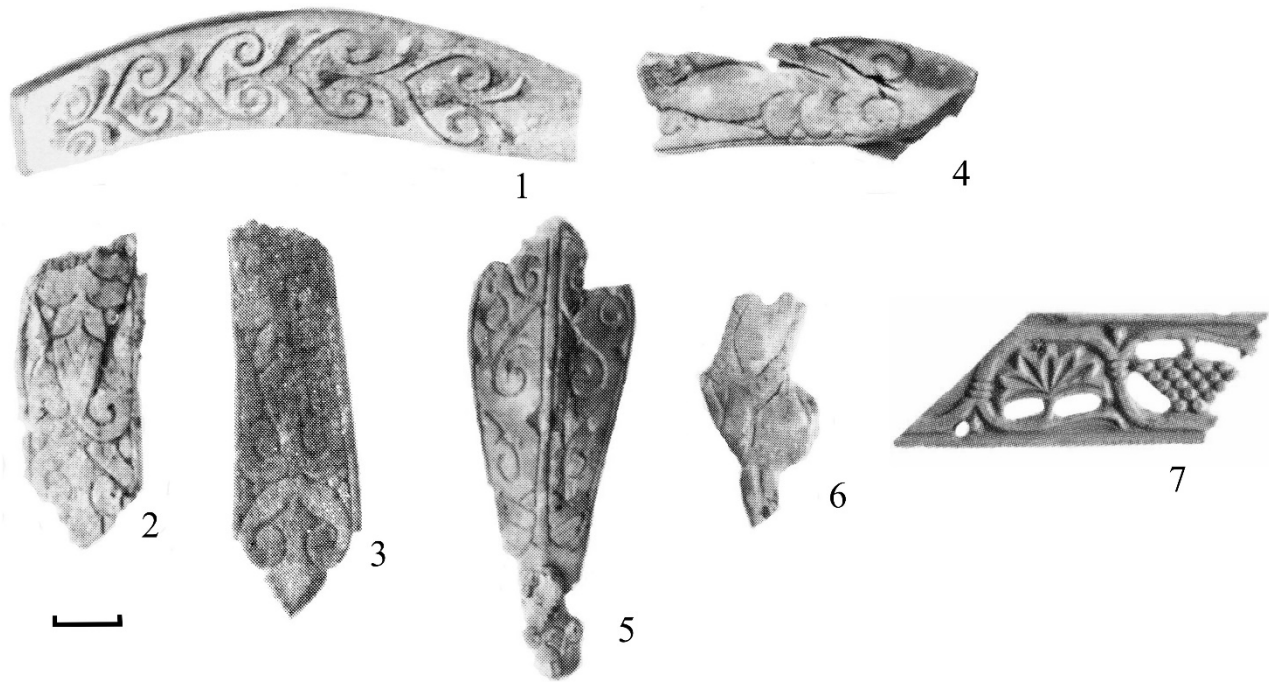

Рис. 8. Костяные изделия с растительным орнаментом, X в.: 1 – накладка, Черниговская обл., Седневские курганы; 2–6 – фрагменты накладок на лук, курган Гульбище, Чернигов.; 7 – Херсонес, X–XI вв. [34. № 716, 692, 784]

Преобладает бордюрная композиция, ориентированная в соответствии с продольной осью предмета или разделенная ею; бордюр подразделен на раппорты. Характер орнамента на одном из фрагментов неясен (геометризованные соты?), возможно, это композиция косой сетки (рис. 8, 6).

Стилистика. На накладке из Седневских курганов орнамент геометризован, состоит из четких сердцевидных раппортов, из центра которых выходят раздваивающиеся стебли с пышными почками или листьями (рис. 8, 1). Этот вариант демонстрирует линейную основу, способствовавшую возникновению пышных элементов в промежутках между линейными. На примере из кургана Гульбище наблюдается сходный вариант орнаментации (рис. 8, 5). Но на остальных фрагментах с завитковой основой связываются пышные растительные элементы: листья, почки (рис. 8, 2–4). Эти примеры демонстрируют разработку на Руси широко известного в Европе одного из наиболее ярких стилей данного времени – растительного декоративного, значительно более широко представленного в металле.

В качестве образцов для растительного орнамента Руси с конца X в., вероятно, начали выступать византийские образцы, подобные костяной пластине ларца из Херсонеса с орнаментальным геометризованным бордюром «виноградная лоза» (рис. 8, 7). Но примеров проявления такой орнаментации в древнерусской резной кости этого времени пока не обнаружено.

Зооморфный орнамент. Композиция и иконография. Звериноголовые объемные завершения возникают на окончаниях удлиненных предметов, продолжая или акцентированно завершая конструкцию острия или рукояти. Зона головы, как правило, четко отделена от основной части вещи, которая либо оставлена

гладкой, либо ее в основном плоскостная орнаментация (геометрическая, витая, плетеная) носит абстрактный характер (рис. 9; 10, 9).

Сходна и композиционная трактовка подвесок, вся форма которых, не связанная конструктивным назначением, уподобляется фигурке водоплавающей птицы (рис. 10, 1–3).

Симметричная форма гребней и застежек узды стимулирует развитие парных изображений в виде силуэтно- и объемно-выделенных звериных голов, переходящих в соответствующую деталь конструкции, принимающую вид условного туловища (рис. 10, 6, 11–13). В отдельном случае парное зооморфное изображение на гребне становится частью сложной мифологической композиции (рис. 10, 1).

На плоских пластинах – деталях ларцов или других предметов – присутствует не только изображение головы, но и полное изображение зверя, вписываемое в зону, определяемую общей конструкцией предмета. Имеющиеся примеры демонстрируют стремление орнаментировать всю фигуру, но абстрактно, без выделения реальных деталей звериного облика (рис. 10, 8, 10, 14, 16).

Стилистика. Целый ряд зооморфных завершений роговых острий X – начала XI в. дают скандинавскую стилистику³, некоторые сопровождаются нерегулярным плетеным орнаментом (рис. 9, 1, 2, 7–10, 12). Но сопоставить зооморфные головки с элементами конкретных скандинавских звериных стилей трудно в связи с упрощенностью трактовки. Возможно, это также примеры освоения сложной орнаментации. Можно указать более простые, переданные в геометризованной манере изображения (рис. 9, 3–6). Есть и формы, выполненные чрезвычайно грубо (рис. 9, 11, 13). Эти вещи, сделанные, возможно, при определенном подра-

жании скандинавским изделиям, приобрели самостоятельный облик. Головки зверей дополнены линейным и геометрическим орнаментами (рис. 9, 10, 12). Поделка X–XI вв. из Плесненска (Галицко-Волынские земли) с зооморфным криволинейным завершением дополнена

циркульным орнаментом (рис. 9, 16). Традиция геометризированной передачи завершений удлиненных предметов продолжается на копоушках XI–XII вв. из Киева и Старой Ладogi, пасть зверя передается прямыми линиями (рис. 9, 17–19).

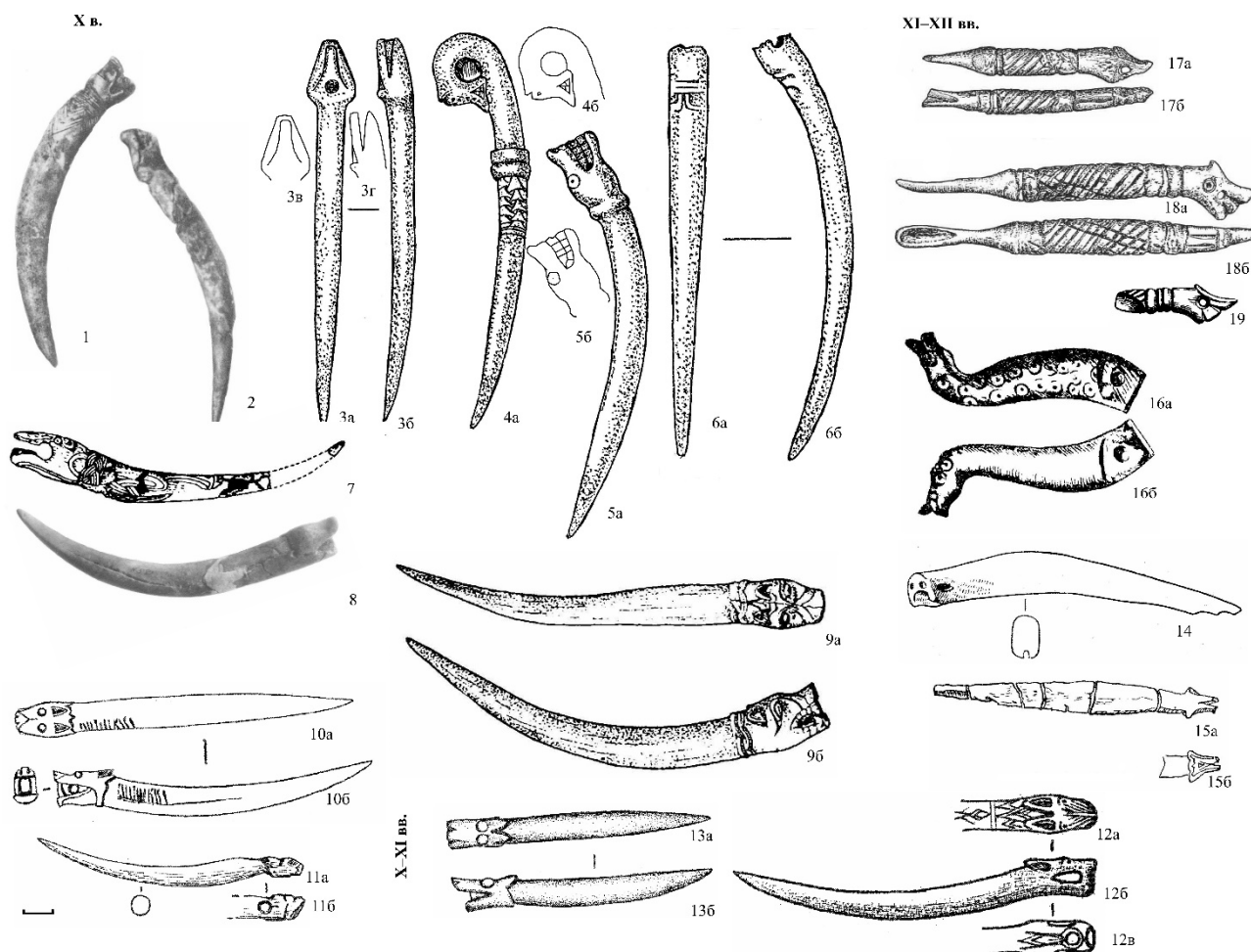

Рис. 9. Зооморфные завершения на удлиненных костяных предметах: остря, X в.: 1, 2 – Киев, погребения [23. № 19, 20]; 3–6 – Гнездово, курганы [4. Рис. 5: 1–4]; 7, 8 – Шестовицы, погребения [23. № 158, 173]; 9 – Городище, Полтавская обл., Чернухинский р-н [23. № 243]; Беларусь: 10, 11 – Прудники; 12, 13 – Менка, Укля, X–XI вв. [12. Мал. 1: 1, 2; 2: 1, 3]; 14 – Тимеревское поселение, IX–XI вв. [27. Рис. 46: 4]; 15 – Тимеревский могильник, X – начало XI в. [2. Рис. 23: 14]; 16 – псалий (?), Плесненск, Галицко-Волынские земли, X–XI вв. [37. Табл. IV: 11]; 17, 18 – копоушки, Киев, XII в. [8. Табл. 39: 15, 16]; 19 – Старая Ладога, переотложенные слои, по аналогии XI–XII вв. [21. Рис. 4: 9]

Геометризованный характер декора наблюдается на рукояти кнута из Киева (Щекавица) X в. и на вершини из Старой Ладogi (рис. 10, 8, 9). Оба предмета обильно дополнены бордюрами геометрического и абстрактно-криволинейного орнамента. Трактовка пасти зверя на вершини близка к скандинавскому стилю Осеберг [24. Р. 122].

Народную традицию обобщенной передачи зверя и птицы с элементарной стилизацией демонстрируют гребень из Пскова и привески-уточки из Изборска и Старой Ладogi VIII–IX вв. (рис. 10, 1–4), гребень из Старой Ладogi X–XI вв. (рис. 10, 6); застёжки узды из Киева, Вышгорода и Шестовиц XI в. (рис. 10, 11–13).

Поделки из Тимеревского комплекса IX–XI вв. и Старой Ладogi дают примеры примитивных попыток передать звериный образ на концах удлиненных

предметов, можно видеть подражание гребням с выступами, в которых улавливаются реликты звериных морд (рис. 9, 14, 15; 10, 14). Накладка из Старой Ладogi в виде змеи восьмеркообразной формы вызывает ассоциации со скандинавскими орнаментами [24. Р. 127] (рис. 10, 15).

Наиболее интересны две пластины, являющиеся фрагментами более крупных орнаментальных композиций, с изображениями частей звериных тел. Киевская накладка с территории горы Киселевки X–XI вв. близка к скандинавскому стилю Еллинге лентообразным телом зверя (грифон?), но для данного звериного образа характерна большая цельность по сравнению со скандинавскими и более геометризованная стилистика, контур заполнен трехгранно-выемчатой резьбой (рис. 10, 10). Как

относительную аналогию можно рассмотреть орнамент в стиле Еллинг на деревянных брусках из Новгорода [26. Табл. 19: 1, 2]. Но также, возможно, что киевское изображение относится к европейской

романской стилистике, сохранившей реликты германских стилей. Европейская или германская традиция представлена и на ложке с Гнездовского городища X в. (рис. 10, 7).

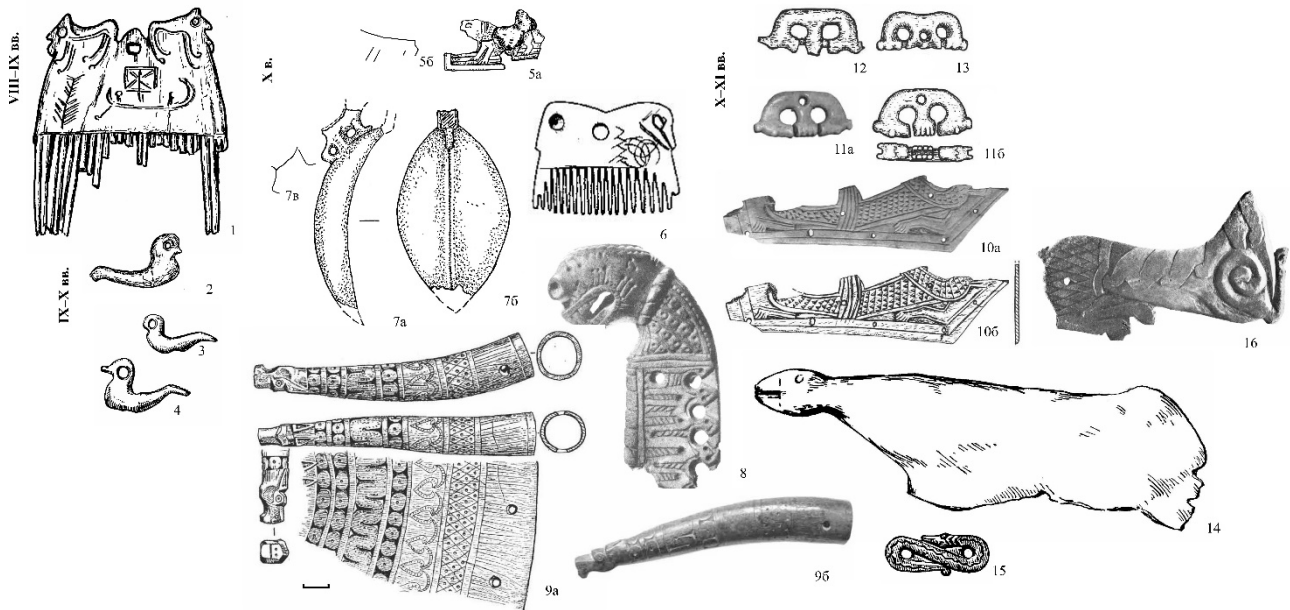

Рис. 10. Костяные и роговые изделия с зооморфным орнаментом: гребни: 1 – Псков, VIII–IX вв. [28. Табл. XIX: 2]; 6 – Старая Ладога, X–XI вв. [1. Рис. 4: 2]; привески: 2 – Изборск, IX–X вв. [20. Рис. 81: 1]; 3, 4 – Старая Ладога, 840-е – вторая половина 860-х гг. [21. Рис. 4: 3, 4]; X в., Гнездово: 5 – фрагмент ларца [4. Рис. 3, 3]; 7 – ложка [4. Рис. 3, 8]; 8 – навершие, Старая Ладога, X–XI вв. [35. № 354a]; Киев: 9 – рукоять кнута, X в. [8. Табл. 61: 8, 62: 1]; 10 – накладка, X–XI вв. [8. Табл. 61: 9, 62: 5]; 11–13 – застежки узды, Киев, Вышгород, Шестовицы, XI в. [8. Табл. 61: 4, рис 55: 2]; Старая Ладога – 14 – поделка, X–XI вв.; 15 – накладка, горизонт не указан [21. Рис. 1: 11; 4: 5]; 16 – пластина, Н. Новгород, XI в. [3. Ил. 75 – без масштаба]

Пластина XI в.⁴ из Новгорода имеет форму четвероногого зверя, очерченного плавными линиями. Грива (льва?) их отображена параллельными мягкими завитками, впереди находится спиральный завиток. Здесь можно увидеть комбинацию скандинавского стиля Рингерики с растительным декоративным. Сходная стилистическая комбинация характерна для резных новгородских деревянных колонн XI в. [25. Рис. 4: 6, 14, 16]. Задняя часть тела покрыта сеточной штриховкой, что сближает изображение с манерой нанесения зверей на турьем роге из Черной Могилы (рис. 10, 16). Указанные произведения демонстрируют процесс стилистического симбиоза.

Пластина византийского ларца с изображением четвероногого зверя отличается геометризованной стилистикой, свойственной византийскому искусству в данное время (рис. 10, 5).

Семантика. Различного рода схемы на изделиях из Изборска, с Тимеревского селища и из Старой Ладоги можно считать попытками освоения орнаментов или общими религиозными символами: крест, стрела, звено плетеного орнамента [20. Рис. 79: 9; 21. Рис. 4: 17; 27. Рис. 39: 11].

Высокая спинка гребня из Пскова передает, скорее всего, мифологический сюжет, связанный с путешествием в загробный мир на ладье (рис. 10, 1). Привески-уточки, вероятно, служили амулетами, связанными

с общим мифом о сотворении мира водоплавающей птицей (рис. 10, 2–4).

Среди костяных изделий пока особняком стоит *антропоморфная личина*, идолообразное изображение (рис. 11). Аналогии имеются среди деревянных изображений [25. Рис. 1]. Общая форма головы и лицо очерчены грубо и крупно, но правильно и пропорционально. Выделен крупный нос. Заострение внизу свидетельствует о том, что предмет мог втыкаться в землю, глину, какую-либо временную мягкую основу, возможно, для совершения индивидуального обряда. Изображение лишено декоративности, акцентировано достаточное для узнавания изображение идола. Голова берет на себя смысл и роль самого идола.

Примеры объемной резьбы показывают совершенное умение создавать граненый или сферический корпус изделий, что было важно при изготовлении рукоятей и кистеней [21. Рис. 3: 5, 6, 10].

Заключение. Древнерусские костяные бытовые предметы с линейной орнаментацией соответствуют уровню народного искусства и общеевропейской культуре обработки. В VIII–IX вв. линейная орнаментация подчеркивает форму вещей, но возникают и композиции с противопоставлением гладких и заштрихованных зон, выделяющих детали формы и изображений. В X – начале XI в. распространены композиции с поперечными зонами (крестообразные раппорты). Бордюры, построенные ломаными линия-

ми, создавали предпосылки для формирования витых и плетеных орнаментов; крестообразные раппорты и полосы одинарных и двойных крестов – устойчивого

орнамента в композиции сетки. В XI в. складываются сложные композиции с включением сеточной орнаментации.

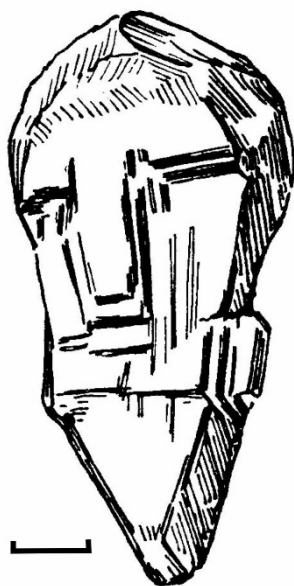

Рис. 11. Антропоморфная личина, Старая Ладога, X–XI вв. [21. Рис. 4: 2]

Процесс усложнения геометрического орнамента в отдельные периоды (IX–X вв.) приводит к разрушению общей гармоничности (эстетичности) изделия, но развитие ритмической организации и регулярности орнамента в X – начале XI в. возвращает эстетическую гармонию. Итогом является распространение сеточного орнамента.

Абстрактно-криволинейный орнамент (S-овидные фигуры, дуги, арки) в VIII–X вв. использовался и на народном уровне и на предметах иностранного происхождения (Скандинавия, Византия). Прямолинейные, плетеный и витой, орнаменты выглядят как развитие линейного и могут иметь местное происхождение. Примеры криволинейного плетеного орнамента с узловатой нерегулярной структурой тяготеют происхождением к скандинавским стилям Еллинг и Маммен. Регулярные варианты можно рассматривать как адаптацию сложных образцов орнаментации, связанных со скандинавскими звериными стилями, а также как базу для развития дальнейшего древнерусского стилеобразования.

Предметы с абстрактно-криволинейным орнаментом выглядят гармонично и эстетически завершено, поскольку он дает и непрерывность заполнения любых по форме зон (пропорционально расширяясь или сужаясь, умножая количество элементов), не теряя при этом регулярности, и эффективное акцентирование гротескными мотивами формы предмета.

Немногочисленные примеры декоративного растительного пышного стиля в резной кости демонстрируют разработку на Руси широко известного в Европе растительного декоративного стиля, сопутствующего оформлению элитарных предметов воинской экипировки.

Зооморфный орнамент дополняет объемными окончаниями удлиненные широко распространенные бытовые предметы, акцентируя их форму и функцию. Некоторые вещи позволяют отметить языческую семантическую нагрузку изображения. Высокая спинка гребня из Пскова VIII–IX вв. передает мифологический сюжет. Конфигурация полного изображения зверя определяется общей конструкцией предмета, орнамент покрывает фигуру абстрактно.

Часть зооморфных завершений на роговых остриях X – начала XI в. характеризуется скандинавской стилистикой, сопровождаясь нерегулярным плетеным орнаментом; другая – простыми и грубыми геометризованными формами звериных изображений, выполненных с долей подражания скандинавской стилистике, но дополненных линейным и геометрическим орнаментом и получивших самостоятельный облик.

Народную традицию обобщенной плавной передачи зверя и птицы демонстрируют гребни с высокими фигурными спинками, зооморфные амулеты VIII–X вв., детали узды XI в. Есть примеры примитивной передачи звериных образов.

Ряд произведений отражает процесс стилистического симбиоза: одни позволяют предполагать европейскую или германскую традицию, ощутившую византийское воздействие; другие – комбинацию скандинавского стиля Рингерики с растительным пышным стилем.

Примеры X–XI вв. с передачей в упрощенной манере схем или звеньев скандинавских орнаментов можно рассмотреть как свидетельство их освоения. Другие схемы были религиозными символами: крест, стрела. Идолообразное костяное изображение человеческой личности находит аналогии среди деревянных идолов.

Семантическая нагрузка снижает эстетический уровень, поскольку акценты противостоят ритму и создают дисгармонию, или совсем лишают изделие эстетичности.

Искусство резьбы по кости сходно в своем развитии с другими видами декоративно-прикладного искусства Руси. С резьбой по дереву его роднит активное использование геометрического орнамента, сходных традиций плетеного (скандинавской узловой и регулярной византийско-древнерусской), создание обобщенных зооморфных образов, наличие идолообразных изображений.

Малое распространение растительного орнамента таково же, как и в орнаменте золотных вышивок, фи-

лиграни, резьбе по дереву [18, 25]. Все это подчеркивает, что растительный орнамент, широко известный в рассматриваемое время только в художественном металле, находился в состоянии формирования.

Так же, как и в других видах искусства на Руси в рассматриваемый период, наблюдались, выбирались, адаптировались и усваивались образцы скандинавского, византийского и европейского орнаментов. Упрощенные и обобщенные варианты оказались способны лечь в основу будущих древнерусских стилей. Резная кость демонстрирует ту же лабораторию выбора в сфере искусства, какой Русь осуществляла в сфере государственной и религиозной организации.

Примечания

¹Слово «художественный» не имеет характера термина с жестко определенным содержанием; его общий смысл означает «связанный с искусством», «эстетический». В нашем случае это слово означает какое-либо украшение изделия, т.е. приближение его к сфере произведений искусства.

²Абстрактно-криволинейный орнамент состоит из элементов и мотивов, очерченных прямыми и кривыми линиями, которые невозможно сопоставить с какими-либо природными или художественными объектами – растительными, зооморфными, плетеными и т.п.

³Благодарю Е.В. Смирницкую за консультации по орнаментике германских звериных стилей и возможность использовать материал спецкурса «Германский звериный стиль раннего Средневековья», читаемого Е.В. Смирницкой на кафедре археологии МГУ.

⁴Данная датировка и происхождение нуждаются в уточнении.

Список источников

1. Давидан О.И. Гребни Старой Ладogi // Археологический сборник. Вып. 4. Л.: Государственный Эрмитаж, 1962. С. 95–108.
2. Фехнер М.В. Изделия костяного производства // Ярославское Поволжье X–XI вв. По материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников. М.: Советская Россия, 1963. С. 39–42.
3. Бочаров Г.Н. Резьба по кости в Новгороде // Древний Новгород. История. Искусство. Археология. Новые исследования / сост. С.В. Ямщиков М.: Изобразительное искусство, 1983. С. 111–140.
4. Пушкина Т.А. Изделия костяного ремесла из Гнездова // Средневековые древности Восточной Европы / отв. ред. Н.Г. Недошивина. Труды Государственного исторического музея. Вып. 82. М.: Государственный исторический музей, 1993. С. 57–68.
5. Флёрова В.С. Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела–Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.: Алетейя, 2001. 252 с.
6. Smirnova L. Comb-Making in Medieval Novgorod (950–1450). An industry in transition // British Archaeological Reports. International Series 1369. Gordon House. Oxford, 2005. 334 p.
7. Меснянкина С.В. Изделия из кости и рога // Археология севернорусской деревни. М.: Наука, 2008. Т. 2. С. 215–253.
8. Сергеева М.С. Косторізна справа у стародавньому Києві. Київ: КНТ, 2010. 252 с.
9. Кондратьева О.А. Гребни IX–XIX вв. в быту, обрядах, фольклоре, ремесле и художественном творчестве Древней Руси – России. Археологические и этнографические очерки. СПб.: ИПК «Вести», 2011. 242 с.
10. Иванова И.В., Иванова Н.Ю. Коллекция костяных изделий Ладogi (по материалам из раскопа близ Варяжской улицы в пос. Старая Ладogi // Археологические вести. 2012. № 18. С. 124–144.
11. Дементьева А.С. Гребни первой группы из Гнездова // Гнездовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1: тр. Гос. ист. музея. Вып. 210. М., 2018. С. 91–101.
12. Мядзведзева В.У. Зааморфныя вастры-амулеты // Археалогія эпохі сярэднявечча / гал. рэд. П.Ф. Лысенка. Матэрыялы па Археалогіі Беларусі. Вып. 15. Мінск: ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі», 2008. С. 168–171.
13. Давидан О.И. К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенек Старой Ладogi // Археологический сборник. Вып. 10. Л.: Советский художник, 1968. С. 54–63.
14. Жилина Н.В. Вещь вне искусства и вещь в искусстве // Уваровские Таврические чтения III: тез. докл. и сообщений Междунар. науч. конф. Севастополь: Гос. историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», 2018. С. 17–19.
15. Макарова Т.И. Симметрия в растительном орнаменте Древней Руси // Древняя Русь и славяне / отв. ред. Т.В. Николаева. М.: Наука, 1978. С. 370–377.
16. Сарабянов Д.В. Модерн. История стиля. М.: Галарт, 2001. 343 с.
17. Жилина Н.В. Славяно-русская филигрань VIII–X вв. // Stratum plus. 2005. № 5. С. 21–170.
18. Жилина Н.В. Древнерусская зернь X – начала XI в. как декоративное искусство. Рождение стилей // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 449. С. 120–134.
19. Белецкий С.В. Культурная стратиграфия Пскова (Стратиграфические данные к проблеме происхождения города) // Краткие сообщения Института археологии. 1980. № 160. С. 3–18.
20. Седов В.В. Изборск в раннем Средневековье. М.: Наука, 2007. 413 с. 13 л. вкладок.
21. Давидан О.И. Староладожские изделия из кости и рога (по раскопкам Староладожской экспедиции ИИМК АН СССР) // Археологический сборник. Л.: М.: Советский художник, 1966. Вып. 8. С. 103–115.
22. Дементьева А.С. Односторонние составные гребни с металлическими накладками из Гнездова // Российская археология. 2014. № 1.
23. Андрощук Ф., Зоценко В. Скандинавские древности Южной Руси. Каталог. Paris: ACHByz, 2012. 367 с.
24. Graham-Campbell J. The Viking World. London: Frances Lincoln Limited Publishers, 2013. 192 p.
25. Жилина Н.В. Древнерусская резьба и роспись по дереву: хронология стилистического развития // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 4 (74). С. 80–96.
26. Колчин Б.А. Новгородские древности. Резное дерево // Свод археологических источников. E1-55 / отв. ред. Г.К. Вагнер. М.: Наука, 1971. 62 с. 48 табл.
27. Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего Средневековья (историко-археологические очерки). Л.: ЛГУ, 1982. 248 с.

28. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР. М. : Наука, 1982. 327 с.
29. Давидан О.И. Новые находки гребней в Старой Ладогe // Российская археология. 1999. № 1. С. 167–174.
30. Тараканова С.А. Новые материалы по археологии Пскова // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1950. № 33. С. 48–62.
31. Дементьева А.С. Наконечники стрел для охоты на пушного зверя с территории Гнёздовского археологического комплекса // Археологические вести. 2015. Вып. 21. С. 230–237.
32. Медведев А.Ф. Древнерусские писала X–XV вв. // Советская археология. 1960. № 2. С. 63–88.
33. Тараканова С.А. Раскопки древнего Пскова // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1949. № 27. С. 104–112.
34. Путь из варяг в греки и из грек...: Каталог выставки / ред. В.Л. Егоров. М. : Государственный исторический музей ; Калинин и Ко, 1996. 102 с.
35. Древности северо-западной России: Каталог выставки: К 90-летию со дня рождения Г.П. Гроздилова / сост. А.Н. Мазуркевич; науч. ред. М.Б. Шукин. СПб. : Государственный Эрмитаж, 1995. 197 с.
36. Дементьева А.С., Лебедева О.С. Костяные игольники Гнёздовского археологического комплекса // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 2; Труды Государственного исторического музея. Вып. 215 / отв. ред. С.Ю. Каинов. М. : Государственный исторический музей ; СПб. : Первый издательско-полиграфический холдинг, 2021. С. 76–84.
37. Ратич О.О. Древньоруські вироби з кості і рогу, знайдені на території Галицької і Волинської земель // Матеріали І дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Київ : Видавництво Академії наук Української РСР, 1959. Вып. 2. С. 119–131.

References

1. Davidan, O.I. (1962) Grebni Staroy Ladogi [Combs of old Ladoga]. *Arkheologicheskii sbornik*. 4. pp. 95–108.
2. Fekher, M.V. (1963) Izdeliya kostezhnogo proizvodstva [Bone carving products]. In: Smirnov, A.P. (ed.) *Yaroslavskoe Povolzh'e X–XI vv. Po materialam Timerevskogo, Mikhaylovskogo i Petrovskogo mogil'nikov* [Yaroslavl Volga Region of 10th–11th Centuries. Based on the materials of Timerevsky, Mikhailovsky and Petrovsky burial grounds]. Moscow: Sovetskaya Rossiya. pp. 39–42.
3. Bocharov, G.N. (1983) Rez'ba po kosti v Novgorode [Bone carving in Novgorod]. In: Yamshchikov, S.V. (ed.) *Drevniy Novgorod. Istoriya. Iskustvo. Arkheologiya. Novye issledovaniya* [Ancient Novgorod. History. Experience. Archaeology. New research]. Moscow: Izobrazitel'noe iskustvo. pp. 111–140.
4. Pushkina, T.A. (1993) Izdeliya kostezhnogo remesla iz Gnezdova [Bone cutting products from Gnezdov]. In: Nedoshivina, N.G. (ed.) *Srednekovyye drevnosti Vostochnoy Evropy* [Medieval Antiquities of Eastern Europe]. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey. pp. 57–68.
5. Flerova, V.S. (2001) *Reznaya kost' yugo-vostoka Evropy IX–XII vekov: iskustvo i remeslo. Po materialam Sarkela–Beloy Vezhi iz kollektsii Gosudarstvennogo Ermitazha* [Carved Bone of the South-East of Europe of the 9th–13th Centuries: Experience and craft. Based on the materials of Sarkel-Belaya embroiders from the collections of the State Hermitage Museum]. Saint Petersburg: Aleteyya.
6. Smirnova, L. (2005) *Comb-Making in Medieval Novgorod (950–1450). An industry in transition*. Oxford: Gordon House.
7. Mesnyankina, S.V. (2008) Izdeliya iz kosti i roga [Bone and horn products]. *Arkheologiya severnorusskoy derevni*. 2. pp. 215–253.
8. Sergeeva, M.S. (2010) *Kostorizna sprava u starodavn'omu Kievi* [Bone-Cutting in Ancient Kiev]. Kyiv: KNT.
9. Kondrat'eva, O.A. (2011) *Grebni IX–XIX vv. v bytu, obryadakh, fol'klore, remesle i khudozhestvennom tvorchestve Drevney Rusi – Rossii. Arkheologicheskie i etnograficheskie ocherki* [Combs of 9th–19th Centuries in Daily Life, Rites, Folklore, Craft and Art of Ancient Rus' – Russia. Archaeological and ethnographic essays]. Saint Petersburg: IPK "Vesti".
10. Ivanova, I.V. & Ivanova, N.Yu. (2012) Kolleksiya kostyanykh izdeliy Ladogi (po materialam iz raskopa bliz Varyazhskoy ulitsy v pos. Staraya Ladoga) [Collection of Bonework from Ladoga (Based on materials from the excavation near Varyazhskaya Street in the Staraya Ladoga village)]. *Arkheologicheskie vesti – Archaeological News*. 18. pp. 124–144. (In Russian).
11. Dement'eva, A.S. (2018) Grebni pervoy grupy iz Gnezdova [Combs of the first group from Gnezdovo]. *Gnezdovskiy arkheologicheskii kompleks. Materialy i issledovaniya*. 1 (210). pp. 91–101.
12. Myadzvedzeva, V.U. (2008) Zaamorfnyya vstryi-amulety [Zoomorphic sharp amulets]. In: Lysenko, P.F. (ed.) *Arkheologiya epokhi syarednyavechcha* [Archaeology of the Middle Ages]. Vol. 15. Minsk: DNU "Instytut gistoryi NAN Belarusi". pp. 168–171.
13. Davidan, O.I. (1968) K voprosu o proiskhozhdenii i datirovke rannikh grebenok Staroy Ladogi [The question of the origin and dating of the Early Greek Old Ladoga]. *Arkheologicheskii sbornik*. 10. pp. 54–63.
14. Zhilina, N.V. (2018) [A thing outside of art and a thing in art]. *Uvarovskie Tavricheskie chteniya III* [Uvarov Tauride readings III]. Proceedings of the International Conference. Sevastopol. 19–21 September 2018. Sevastopol: Gos. istoriko-arkheologicheskii muzey-zapovednik "Khersones Tavricheskii". pp. 17–19. (In Russian).
15. Makarova, T.I. (1978) Simmetriya v rastitel'nom ornamente Drevney Rusi [Symmetry in the growing ornament of Ancient Rus']. In: Nikolaeva, T.V. (ed.) *Drevnyaya Rus' i slavyane* [Ancient Rus' and the Slavs]. Moscow: Nauka. pp. 370–377.
16. Sarab'yanov, D.V. (2001) *Modern. Istoriya stilya* [Modern. The History of Style]. Moscow: Galart.
17. Zhilina, N.V. (2003) The Slavonic-Russian filigree of VIII–X centuries. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya – Stratum Plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 5. pp. 21–170. (In Russian).
18. Zhilina, N.V. (2019) The old Russian granulation of the 10th and 11th centuries as a decorative art. The birth of styles. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 449. pp. 120–134. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/449/15
19. Beletskiy, S.V. (1980) Kul'turnaya stratigrafiya Pskova (Stratigraficheskie dannye k probleme proiskhozhdeniya goroda) [Cultural stratigraphy of Pskov (Stratigraphic Danish problems of the city)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii – Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 160. pp. 3–18. (In Russian).
20. Sedov, V.V. (2007) *Izborsk v rannem Srednevekov'e* [Vyborg in the Early Middle Ages]. Moscow: Nauka.
21. Davidan, O.I. (1966) Staroladozhskie izdeliya iz kosti i roga (po raskopkam Staroladozhskoy ekspeditsii IIMK AN SSSR) [The Old Ladoga bone and horn products (based on the excavations of the Old Ladoga expeditions of the IMC of the USSR AS)]. *Arkheologicheskii sbornik*. 8. pp. 103–115.
22. Dement'eva, A.S. (2014) Single-side composite combs with metal brackets from Gnyozdovo. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archaeology*. 1. (In Russian).
23. Androshchuk, F. & Zotsenko, V. (2012) *Skandinavskie drevnosti Yuzhnoy Rusi. Katalog* [Scandinavian Antiquities of Southern Russians. Catalog]. Paris: ACHByz.
24. Graham-Campbell, J. (2013) *The Viking World*. London: Frances Lincoln Limited Publishers.
25. Zhilina, N.V. (2018) Carving and painting on the wood in Old Rus': chronology of stylistic development. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki – Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 4 (74). pp. 80–96. (In Russian). DOI: 10.25986/IRI.2018.74.4.007
26. Kolchin, B.A. (1971) Novgorodskie drevnosti. Reznoe derevo [Novgorod Antiquities. Carved wood]. In: Vagner, G.K. (ed.) *Svod arkheologicheskikh istochnikov. E1–55* [Collection of Archaeological Sources. E1–55]. Moscow: Nauka.
27. Dubov, I.V. (1982) *Severo-Vostochnaya Rus' v epokhu rannego Srednevekov'ya (istoriko-arkheologicheskie ocherki)* [North-Eastern Russia in the Early Middle Ages (historical and archaeological essays)]. Leningrad: Leningrad State University.

28. Sedov, V.V. (1982) *Vostochnye slavyane v VI–XIII vv.* [Eastern Slavs in the 6th–13th Centuries]. Moscow: Nauka.
29. Davidan, O.I. (1999) Novye nakhodki grebney v Staroy Ladoge [New comb finds in Staraya Ladoga]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archaeology*. 1. pp. 167–174. (In Russian).
30. Tarakanova, S.A. (1950) Novye materialy po arkheologii Pskova [New materials on the archeology of Pskov]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii – Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 33. pp. 48–62.
31. Dement'eva, A.S. (2015) Blunt arrowheads from Gnezdovo. *Arkheologicheskie vesti – Archaeological News*. 21. pp. 230–237. (In Russian).
32. Medvedev, A.F. (1960) Drevnerusskie pisala X–XV vv. [Old Russian styluses of the 10th–15th centuries]. *Sovetskaya arkheologiya*. 2. pp. 63–88. (In Russian).
33. Tarakanova, S.A. (1949) Raskopki drevnego Pskova [Excavations of ancient Pskov]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii – Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 27. pp. 104–112.
34. Egorov, V.L. (ed.) (1996) *Put' iz varyag v greki i iz grek....: Katalog vystavki* [The way from the Varangians to the Greeks and from the Greeks: Exhibition catalogue]. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey; Kalinikin i Ko.
35. Shchukin, M.B. (ed.) (1995) *Drevnosti severo-zapadnoy Rossii: Katalog vystavki: K 90-letiyu so dnya rozhdeniya G.P. Grozdilova* [Antiquities of North-Western Russia: Exhibition catalogue: To the 90th anniversary of the birth of G.P. Grozdilov]. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh.
36. Dement'eva, A.S. & Lebedeva, O.S. (2021) Kostyanye igol'niki Gnezdovskogo arkheologicheskogo kompleksa [Bone needle cases of the Gnezdovo archaeological complex]. *Gnezdovskiy arkheologicheskiy kompleks*. 2 (215). pp. 76–84.
37. Ratich, O.O. (1959) Drevn'orus'ki virobi s kosti i rogu, znaydeni na territorii Galitskoї i Volins'koї zemel' [Ancient Russian bone and horn products found on the territory of the Galician and Volyn lands]. In: *Materiali I doslidzhennya z arkheologii Prikarpattya i Volini* [Materials of the First Study on the Archeology of the Carpathian Region and Volhynia]. Vol. 2. Kiev: Vidavnistvo Akademii nauk Ukrain'skoї RSR. pp. 119–131.

Информация об авторе:

Жилина Н.В. – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: nvzhilina@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.V. Zhilina, Dr. Sci. (History), leading researcher, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: nvzhilina@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.05.2021;
одобрена после рецензирования 14.09.2021; принята к публикации 28.03.2022.

The article was submitted 24.05.2021;
approved after reviewing 14.09.2021; accepted for publication 28.03.2022.

Научная статья
УДК 902
doi: 10.17223/15617793/476/4

К вопросу о вариативности положения рук усопших в русской православной погребальной традиции

Евгений Петрович Загваздин¹

¹ Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук,
Тобольск, Россия, kulay_arx@mail.ru

Аннотация. Проанализирован один из элементов православного погребального обряда – положение рук покойного. На основе материалов раскопок кладбища XVII в., перекрытого Софийско-Успенским собором (г. Тобольск), рассмотрены закономерности в положении рук усопших с использованием половозрастных определений. Проанализированы 38 погребений, располагавшихся в западной части собора и за его пределами – под фундаментом паперти.

Ключевые слова: Тобольск, Софийско-Успенский собор, погребальный обряд, положение рук, половозрастные определения, XVII в.

Для цитирования: Загваздин Е.П. К вопросу о вариативности положения рук усопших в русской православной погребальной традиции // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 39–46. doi: 10.17223/15617793/476/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/4

On the variations of the deceased's arm position in the Russian Orthodox burial custom

Evgeniy P. Zagvazdin¹

¹ Tobolsk Complex Scientific Station, UB RAS,
Tobolsk, Russian Federation, kulay_arx@mail.ru

Abstract. In this article, I aim to conduct a comparative analysis of the deceased's arm positions (taking gender and age specifications into account) and define their distinct features. The burials examined are located in the Dormition Cathedral of St. Sophia, Tobolsk, and dated to the 17th century. The relevance of this study relies on examining one of the most important elements of the Orthodox funeral rites, the deceased's arm position, while simultaneously regarding age and gender specifications of funeral rites. The earlier studies researched these subjects separately. In order to define the region-specific features of the arm position variations, the frequency of their occurrences is also compared against the published data regarding other Christian burial sites in Northwest Russia, the Cis-Ural region, and Western Siberia, dated to the 16th–19th centuries. The research material comes from the excavations conducted by A. Adamov in 2005 at the cemetery grounds overlapped by the Dormition Cathedral of St. Sophia, Tobolsk (1683–1686). For the analysis, I selected 38 burials located in the western part of the cathedral grounds and outside them, under the parvis foundation. The skeletons' good preservation with the original position of bones intact enabled me to select such a number of burials for the analysis. All the burials analyzed had age and gender specifications. In order to organize different arm position variations into groups, I opted for a vertical division of the human body as per the principles of topographical anatomy. Three arm position groups were distinguished: arms on the abdomen or below the chest, arms crossed on the chest at the heart area, and a mixed position (the abdomen – the middle/upper part of the chest, the shoulder). By conducting a comparative age and gender analysis of arm positions discovered at the Dormition Cathedral's cemetery, I found that arms positioned on the abdomen and parallel to each other was the typical position for children. Arm positions among adults offered more variety. I should note that the position with arms crossed on the chest was typical for some of the male burials but did not occur in female burials. The positions from the other two groups occurred with similar frequency for both genders, taking into account the 2:1 male to female burial ratio in this cemetery. The comparison of arm position groups and variations in the burials at the Dormition Cemetery against the data from other burial sites dated to roughly the same time period and located in Northwest Russia, the Cis-Ural region, and Western Siberia, did not enable me to define any distinct region-specific features. In general, the frequency of the occurring arm position variations fluctuates considerably in different regions. It is evident that the positions with arms across the abdomen, below the waist, and on the chest are by far the most common ones. The mixed position occurs the least often.

Keywords: Tobolsk, Dormition Cathedral of St. Sophia, burial custom, arm position, gender and age specification, 17th century

For citation: Zagvazdin, E.P. (2022) On the variations of the deceased's arm position in the Russian Orthodox burial custom. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 39–46. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/4

Введение

Одним из важных элементов погребального обряда, который связывают с христианством, становится сам умерший, а вернее положение его тела при погребении. Этот признак обряда как характерную черту этно-религиозной идентичности в начале XX в. удачно подметил антрополог С.М. Чугунов, общавшийся с любопытными горожанами при изучении старинных кладбищ Томска: «Ввиду того, что с понятием о народности тесно связан определённый круг бытовых привычек и религиозных представлений, сопровождающих человека с колыбели до могилы, та же толпа желает знать, каково было положение скелета» [1. С. 1, 2]. Здесь С.М. Чугунов под положением скелета имел ввиду ряд черт, идентифицирующие захоронения по религиозному признаку (языческие, мусульманские, православные). Одним из таких признаков, указывающих на православную веру усопшего, являются скрещенные на груди руки [1. С. 1].

Казалось бы, крестообразное положение рук при погребении и его смысловое содержание определены и регламентированы каноном русской православной церкви: «Во гробе умерший полагается лицом горе, устремленным к небу, с глазами закрытыми и с устами сомкнутыми по подобию спящего и умолкшего, с руками, сложенными на персях крестообразно, во свидетельство веры в Распятого» [2. С. 1291]. Отличие в положении на груди рук мирянина от архиерея заключается лишь в том, что в правую руку последнего помещается крест, а на грудь кладется Евангелие [2. С. 1290].

Каноничность крестообразного расположения рук на груди покойного в Московии отмечает Петр Петрей в начале XVII в., описывая обряд обряжения покойного [3. С. 454–455]. Эту стандартная диспозиция рук покойного в последующем фиксируется многочисленными этнографическими примерами [4. С. 88; 5. С. 348].

Однако существовало не каноническое положение рук, зафиксированное в XVI–XVII вв. иностранцами в Московском государстве. В 1580-е гг. Джильс Флетчер отметил, что в руки покойнику вкладывают письмо к святому Николаю [6. С. 185]. Позже, в 1660-х гг., его наблюдение подтвердил Август Майерберг [6. С. 185]. Несомненно, что этот обычай возник намного раньше, в XI в., когда фиксируется возникновение обычая, утвержденного затем в православии, вкладывать в руку умершего список с текстом – «пропуск» на «тот свет» с молитвой Феодосию Печерскому [7. С. 268].

Отражена традиция положения в руки покойного сопроводительного письма и в современности, в частности, в среде старообрядцев Сибири [8. С. 388; 9. С. 209]. Некоторые конфессиональные отличия в положении рук в погребении у старообрядцев Сибири зафиксированы П.Е. Бардиной, отметившей, что руки умершему укладывали под грудью согнутыми в локтях, а

пальцы складывали «крестиками по бокам» – по два пальца сверху на предплечье другой руки, как для крещения двоеперстием, а правая рука располагалась сверху [8. С. 388]. Обычным атрибутом при погребении старообрядцев была лестовка (разновидность чётков).

Таким образом, письменные и этнографические свидетельства, описывающие варианты положения рук покойного, немногословны и указывают следующие варианты: крестообразно на груди и с складыванием в руку покойного сопроводительного письма.

Совершенно иную картину положения рук в православных захоронениях демонстрируют материалы могильников, изученных археологически. Особенно заметна эта динамика, если проводить сравнение в ретроспективе. Так, изучение погребений курганного могильника на Старорязанском городище, относящегося к середине XI – середине XII вв. показало отсутствие строгой регламентации в расположении рук (на груди) как в ранних, так и в позднейших частях некрополя. По мнению В.П. Даркевича и Г.В. Борисевича, это связано с начальным периодом перехода к обычаю складывать руки, когда на грудь или живот клали только одну руку [10. С. 363].

Схожая картина в положениях рук погребенных отмечена Н.А. Макаровым в материалах могильника Нефедьево (первая половина XI–XIII вв.), частично синхронного могильнику на Старорязанском городище. В этом могильнике положение рук вдоль тела отмечено в 23 из 69 случаев. По мнению автора, положение костяков мало изменилось за всё время функционирования могильника [11. С. 113].

Увеличение вариативности положения рук стабильно фиксируется с XIV в. Это явление исследователями объясняется по-разному. По мнению А.С. Лапшина, исследовавшего могильник Водянского городища XIV в., это не является примером изменений или нововведений в обряде русского населения. Он предположил, что руки в погребения намеренно положены в определенную позу. Косвенным основанием для такого вывода стали миниатюры Лицевого свода XVI в., иллюстрирующие разное положение рук погребенных [12. С. 30–31].

По материалам могильников Вятского края X–XV и XVI–XIX вв. Л.Д. Макаров отметил, что наиболее часто руки сгибались в локтях, а кисти рук складывались у таза. Несколько реже фиксировалось положение левой руки вдоль тела, а кисти правой у таза либо на груди. По его мнению, отмеченные положения рук являются переходными к православным. Положение же рук вдоль туловища характерно для языческой традиции, встречается нечасто. Однако он отмечает, что не удастся как-то внятно объяснить различия в положении рук умерших. Ясно только то, что расположение предплечий в области грудной клетки более свойственно поздним погребениям [13. С. 229].

Г.Х. Самигулов, исследовавший челябинское кладбище 1730–1770-х гг., полагает, что положение

рук связано с внутриконфессиональными течениями – официальному российскому православию и старообрядчеству. Он не исключил вариант региональных обрядовых особенностей, сложившихся до переселения их носителей на Урал [14. С. 135].

Л.В. Татаурова по материалам могильник Изюк-1 (XVII–XIX вв.) в Омском Прииртышье, напротив, пришла к выводу, что положение на груди или животе более унифицировано и характеризует сложившийся погребальный обряд [15. С. 97–99].

Нейтральной позиции придерживается И.М. Бердников, изучавший иркутские православные некрополи XVIII–XIX вв. Им сделаны наблюдения, говорящие о том, что преобладающим положением являются скрещенные на груди руки, а уложенные на пояс встречаются, но меньше. Однако каких-либо закономерностей в различном расположении рук исследователем не выявлено [16. С. 114–115].

В целом археологические источники от Средневековья к Новому времени показывают изменения в положении рук покойного и являются одним из характерных маркеров, определяющих православный обряд. Трансформация в положении верхних конечностей при погребении шла от их положения вдоль тела, что единодушно трактуется как элемент язычества, до расположенных на теле в различных комбинациях в более позднее время, что определяется исследователями как признак сложившегося православного погребального обряда, либо наоборот, конфессиональную дифференциацию с элементами региональных обрядовых особенностей. К сожалению, материалы этнографических исследований, которые могли бы дать разъяснения на этот счёт, достаточно скупы не только в описании, но и в интерпретации. Порой же вопрос о положении рук покойного этнографами вообще не затрагивался.

Для решения ряда проблем, связанных с интерпретацией положений рук в православном погребальном обряде, нами также были привлечены половозрастные определения по захоронениям в Софийско-Успенском соборе (1683–1686 гг.) г. Тобольска. В свою очередь эти определения были сопоставлены с вариантами положений рук по этому могильнику для выяснения локальных особенностей в обряде. Эта информация сравнивалась с опубликованными данными по православным могильникам XVI–XIX вв. Северо-Западной России, Приуралья, Западной Сибири, но уже для выявления региональных особенностей этого элемента погребального обряда.

Материалы и методы

Впервые остатки захоронений близ Софийско-Успенского собора выявлены в 2003 г. археологическими исследованиями А.А. Адамова. По внешнему периметру собора для изучения состояния его фундаментов заложено восемь шурфов, в двух из которых обнаружены остатки погребений. В шурфе 7, заложенном с южной стороны Софийско-Успенского собора, обнаружены две ранние, вытянутые в плане,

могильные ямы, расположенные параллельно друг другу и стене храма [17].

Исследований кладбища было продолжено в 2005 г. из-за начавшихся работ по сооружению крипты в западной части Софийско-Успенского собора. В этом же году на месте нового строительства паперти, демонтированной в 1961 г., проводились дополнительные раскопки, выявившие под её фундаментом православные захоронения. В общей сложности, в 2005 г. широкомасштабными археологическими раскопками было изучено 73 погребения, совершенных по христианскому обряду [17; 18. С. 26, 29, 65].

Итоги исследований кладбища при Софийско-Успенском соборе подведены в 2008 г. в коллективной монографии «Город Тобольск. Археологический очерк». Авторами дана обобщающая характеристика погребальной обрядности населения Тобольска в XVI–XVIII вв. [18. С. 64–65]. По материалам раскопок кладбища были рассмотрены отдельные черты погребального обряда тоболяков в XVII в. [19].

В последние годы антропологическая база данных кладбища при Софийско-Успенском соборе используется И.Г. Ширококовым в исследованиях по палеодемографии России [20]. В 2020 г. вышла коллективная монография «Очерки истории Тобольской епархии (XVII–XX вв.)» [21]. И.В. Балюновым материалы раскопок использованы в качестве иллюстрации к истории Спасской церкви и Софийско-Успенского собора.

В целом после 2008 г. принципиально новых сведений, связанных с изучением погребального обряда кладбища, открытого в Софийско-Успенском соборе, не появилось.

Для сравнительного анализа по этому кладбищу использованы половозрастные определения, проведенные антропологом ИПОС А.Л. Антоновым¹. Отметим, что помимо хорошо сохранившихся индивидуальных захоронений, на пространстве погребального поля выявлено немало костных останков, полностью разрушенных в ходе строительства Софийско-Успенского собора и при сооружении кирпичных склепов церковных иерархов в позднее время. С учётом разрозненных останков, количество захоронений составляет более 110. Из них для 92 индивидуумов проведены надежные половозрастные определения (45 мужчин, 21 женщина, 26 детей).

Для анализа взяты лишь 38 индивидуальных погребений, располагавшихся в западной части Софийско-Успенского собора и за его пределами – под фундаментом паперти, что составляет 57,5% от общего числа изученных захоронений, кроме четырех более поздних захоронений, находившихся за алтарной частью. Выбор такого количества захоронений продиктован их хорошей сохранностью, при которой положение костей верхних конечностей не нарушено. Все рассмотренные погребения снабжены половозрастными определениями.

Для группировки разнообразных вариантов положения рук использовано вертикальное деление человеческого тела согласно принципам топографической анатомии [22. С. 129]. Согласно топографической ана-

томии груди, нижняя граница грудной клетки проходит от основания мечевидного отростка по краю реберной дуги до X ребра. Проблема заключается в том, что нижняя граница грудной клетки не соответствует границам грудной полости, так как ряд органов брюшной полости расположен в правом и левом подреберьях. Поэтому при описании расположения рук покойных, находящихся выше мечевидного отростка грудины, будут считаться расположенными на груди, а ниже него – на животе. Частота того или иного признака расположения рук отражена в форме иконографии (табл. 1, 2). Общая группировка признаков проведена согласно горизонтальному (лево–середина–право) и вертикальному (верх–низ) принципам деления тела.

Сравнения положения рук на Софийско-Успенском кладбище с другими территориями России проводилось по ряду опубликованных материалов могильников, частично синхронных Софийско-Успенскому кладбищу: кладбище городища Воронич в Псковской области (XVII–XVIII вв.); сводная информация по могильникам Вятского края (XVI–XIX вв.); кладбище г. Сарапул в Удмуртии (XVII–XIX вв.); могильник Изюк-1 в Омском Прииртышье (XVII–XIX вв.). Сопоставление пола и возраста покойных и вариаций положений рук по данным кладбищам не проводилось либо из-за отсутствия определений, либо их неполноты.

Таблица 1

Положение рук покойных. Тип 1

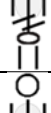
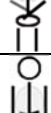
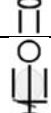
Тип 1	Вариант		♂								♀					Д				
			18–20	20–25	25–30	30–35	35–40	40–45	45–50	45–55	ок. 60	18–20	25–30	30–35	45–50	50–60	2–3	3–4	10–11	12–15
	1.1		-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-
	1.2		-	-	-	1	-	-	-	-	1	1	1	-	-	-	-	1	-	-
	1.3		-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1	-	-	-	-
	1.4		-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-
	1.5		-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	1.6		-	-	-	-	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
	1.7		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
	1.8		1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1.9		-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
1.10		-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Итого:			12								6					4				

Таблица 2

Положение рук покойных. Типы 2 и 3

Тип 2	Вариант		♂					Тип 3	Вариант		♂				♀			Вариант		♂			♀
			20-25	25-30	40-45	55-60	60-70				18-20	30-35	40-45	50-60	15-18	18-20	20-25			30-35	40-45	ок. 60	20-25
	2.1		1	-	1	1	1		3.1		-	1	-	1	-	-	-	3.4		1	1	-	1
2.2		-	1	-	-	-	3.2		-	-	-	-	-	1	-	3.5		-	-	1	-		
									3.3		1	-	1	-	1			-	1				
Итого:			5					7							4								

Результаты и обсуждение

При анализе погребений в Софийско-Успенском соборе Тобольска зафиксировано 17 вариантов положений рук [см. табл. 1, 2). При объединении этих вариантов выделено три группы: на животе; на груди в области сердца; комбинированная группа (живот – средняя, верхняя части груди, плечо). Половозрастное сопоставление положения рук показало, что для детей характерно расположение рук на животе параллельно друг другу. Для взрослых погребений, наоборот, преобладает большее разнообразие в положении рук.

Если проводить статистику по группам, то наиболее часто частый вариант – это положение рук на животе. Зафиксирован в 57,9% случаев. На втором месте – комбинированный тип (28,9%), а на последнем – на груди в области сердца (13,2%).

Интересно сопоставить варианты положения рук с некоторыми женскими погребениями с сохранившимися прическами. В погребении 12 (вариант 1.3), принадлежащем престарелой женщине 50–60 лет, сохранилась причёска – две косы, уложенные вокруг головы. Идентичные причёски встречены в погребении 16 (вариант 3.4) молодой женщины 15–18 лет, а также в погребении 19 (вариант 1.8), принадлежащей женщине зрелого возраста 30–35 лет. По этнографическим сведениям, женская причёска, оформленная подобным видом, была признаком замужней женщины [23. С. 128]. В данных примерах не обнаружено четкой закономерности между семейным статусом женщины и положением её рук из-за небольшой выборки.

Отмечено, что для мужчин свойственна крестообразная позиция рук на груди в области сердца (табл. 2). По остальным группам положение рук примерно одинаково для обоих полов в соответствии с пропорцией мужских и женских захоронений на Софийско-Успенском кладбище, в отношении 2 : 1.

Проведено сравнения с опубликованными материалами могильников XVI–XIX вв. с европейской части России, Вятского края, Удмуртии, Западной Сибири для выяснения территориальных особенностей. Достаточно полно опубликованные материалы обширных раскопок кладбища XVII–XVIII вв. на городище Воронич (Псковская область) позволили более детально провести сопоставление [24]². С Софийско-Успенским кладбищем по трем группам его сближает: положение рук на животе – 69,56%/50%; комбинированно – 20%/15,8%. Как и в Тобольске, наименее распространен тип положения рук на грудь, в области сердца. Этот вариант положения рук покойного в материалах городища Воронич единичен и встречается менее чем в 2% случаев. Более детальный анализ показывает ряд отличительных особенностей положения рук в погребениях могильника городища Воронич от Софийско-Успенского кладбища. К примеру, на Софийско-Успенском кладбище часто встречается расположение рук на животе, когда одна рука лежит поперек, а другая под небольшим углом направлена вверх (13,15%). В могильнике городища Воронич этот вариант единичен (тип 1.8). Однако для него характерен немного другой вариант положения рук, близкий тому, который наблюдается в обряде Софийско-Успенского кладбища. Он заключается в том, что одна рука лежит поперек живота, а другая рука направлена от локтя не вверх, а вниз (16,6%). На Софийско-Успенском кладбище такой вариант единичен (вариант 1.7).

Для Софийско-Успенского кладбища положение рук в область таза единично (вариант 1.6), в то время как в материалах могильника городища Воронича этот признак встречается относительно часто, в 15,23% случаев. Остальные варианты: руки у плеч; правая рука на груди, а левая в районе таза – единичны, а в материалах Софийско-Успенского кладбища

не выявлены. Встречены захоронения, когда одна рука вытянута вдоль тела, а другая лежит поперек живота или на груди, в области сердца (5,4%). В Тобольске такие варианты положения рук отсутствуют.

Л.Д. Макаров представил статистику по 16 вариантам положений рук покойных на материалах погребальных памятникам XII–XV и XVI–XIX вв. Вятского края. Сопоставление его данных по XVI–XIX вв. [13. С. 209] с материалами по Софийско-Успенскому кладбищу показало, что для Вятского края характерно положение рук в области пояса – 23,9%. По тобольским материалам этот признак является наиболее распространенным и присутствует в 36,8% случаев. На втором месте в захоронениях Вятского края – расположение рук в области таза – 21,2%, однако в материалах Софийско-Успенского кладбища это единичный случай (2,6%). По Л.Д. Макарову, в 9,7% захоронений встречается положение правой руки на поясе, а левой – на груди. Идентичное положение рук в тобольских материалах невелико и прослежено в трех погребениях (7,89%). В то же время на Софийско-Успенском кладбище отсутствуют захоронения с руками, вытянутыми вдоль тела, тогда как в могильниках Вятского края они присутствуют в 11,5% случаев. К сожалению, автором не указывается какова доля захоронений этого времени с руками скрещенными на груди.

Сопоставление с материалами кладбища XVII–XVIII вв. в г. Сарапул показало, что для него характерна значительная доля погребений со скрещенными на груди, а не на животе руками (52,06%) [25]³. Для Софийско-Успенского кладбища отмеченный вариант имеет место быть, однако он не идентичен представленному в материалах Сарапульского могильника (рис. 1), так как в тобольских материалах кисти рук покойных лежат друг на друге, а предплечья не пересекаются (13,15%). На втором месте в Сарапуле – захоронения с руками на животе параллельно друг другу (14,94%), а в Тобольске, наоборот, на первом (36,8%). В материалах Софийско-Успенского кладбища не встречены расположения рук вдоль тела, а также вариант, когда одна рука лежит на животе, а другая вытянута вдоль тела.

В целом сопоставление материалов с Софийско-Успенского кладбища с рядом кладбищ и могильников XVI–XIX вв. Северо-Западной России, Приуралья, Западной Сибири показывает высокую вариативность в положении рук покойных. Однако полной идентичности между ними нет. Для всех могильников характерен вариант положения рук на животе, параллельно друг другу. Он колеблется в интервале от 14,94 до 36,8%. Для Софийско-Успенского кладбища, могильников Вятского края и могильника городища Воронич частота этого признака на первом месте, а для могильника г. Сарапул и, возможно, могильника Изюк-1 – на втором. В то же время для Тобольска, могильников Вятского края и могильника на городище Воронич нехарактерно расположение рук скрещенно на груди, тогда как для кладбища г. Сарапул и могильника Изюк-1 это достаточно частое явление. Частота этого признака колеблется от 13,5 до 52,06%.

На рассматриваемых памятниках, кроме Софийско-Успенского кладбища, отмечены в незначительном ко-

личестве погребения, у которых обе руки вытянуты вдоль тела либо одна рука лежит на животе/груди, а другая – вдоль. Также различны показатели, касающиеся положения рук внизу живота (вариант 1.6). Так, в материалах кладбища городища Воронич и могильников Вятского края этот вариант встречается достаточно часто – 13,9%/21,2%, тогда как Софийско-Успенском кладбище это единственный случай. Редко он встречается и в Сарапульском могильнике, в 5,67% случаев.

Таким образом, в проанализируемых нами материалах не выявлена четкая региональная особенность в положении рук покойных. Вариации разнятся даже в достаточно близких друг другу регионах: Вятском крае и Удмуртии. В целом наблюдается картина, когда комбинации тех или иных вариантов положений рук по разным регионам достаточно сильно колеблются. Половозрастное сопоставление тобольских материалов показал, к примеру, что тип 2 (крестообразно сложенные руки в области сердца) характерен для мужчин. Тогда как по остальным типам соотношения в положении рук примерно одинаковые.

Заключение

Проведенный анализ, связанный с положением рук покойных на Софийско-Успенском кладбище XVII в., показал, что наиболее часто встречается группа с положением рук на животе, далее комбинированная группа (живот – средняя, верхняя части груди, плечо), а меньше всего – положение рук крестообразно на груди в области сердца. Половозрастное сопоставление показало, что для детей характерно расположение рук на животе параллельно друг другу. Для взрослых погребений, наоборот, свойственно большее разнообразие в положении рук. При этом отмечено, что лишь в мужских погребениях встречена позиция рук крестообразно в области сердца. По остальным группам положение рук для обоих полов примерно одинаково в соответствии с пропорцией мужских и женских захоронений – 2 : 1.

Сопоставление групп и вариантов положений рук покойных Софийско-Успенского кладбища с другими частично синхронными погребальными памятниками Северо-Западной России, Приуралья, Западной Сибири не выявило четкой региональной специфики. В целом наблюдается картина, когда частоты вариантов положений рук по разным регионам достаточно сильно колеблются. Несомненно то, что чаще всего встречается положение рук поперек живота, внизу живота, а также на груди. Комбинированный тип представлен меньше всего. Отмечено, что в материалах Софийско-Успенского кладбища отсутствуют погребения с вытянутыми вдоль тела обоими руками или одной из них. Это можно объяснить небольшой выборкой сохранившихся захоронений. Данные по другим рассмотренным могильникам показывают, что этот признак присутствует редко.

Проведенный анализ не дает всестороннего ответа на вопрос, который ставил перед собой ряд исследователей, а именно чем объясняются высокая вариативность в положении рук умерших. В связи с этим стоит обратить внимание на то, что позиции рук покойных имеют достаточно четкие параллели в памятниках канонического

иконописания. Таким образом, символизм и их смысловое содержание позиций рук покойных также могут быть рассмотрены и интерпретированы с точки зрения православных иконописных канонов [26].

Примечания

¹ URL: <http://ipos-tmn.ru/wp-content/uploads/2016/04/инвентарная-книга-2020.pdf>

² Статистика проведена нами по 115 погребениям (чертежи, фотографии, описания) из 278, в которых прослеживается положение верхних конечностей.

³ Приведенные Д.А. Калугиной в таблице частоты положений рук ошибочны. Проведен пересчет соотношений признаков для 194 погребений, отмеченных в таблице.

Список источников

1. Чугунов С.М. Антропологический состав населения города Томска по данным пяти старинных православных кладбищ. Ч. 1. Томск : Паровая типография Н.И. Орловой, 1905. 264 с.
2. Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковнослужителей. 3-е изд. Киев : Типография Киево-Печерской Успенской Лавры, 1913. 1772 с.
3. Петрей П. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М. : Фонд Сергея Дубова. Рита-Принт, 1997. С. 151–464.
4. Терещенко А.В. Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. III. 134 с.
5. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М. : Наука, 1991. 511 с.
6. Бочкарев Н.В. Московское государство XV–XVII вв. по сказаниям современников-иностранцев. М. : Изд-во «Крафт+», 2000. 248 с.
7. Мильков В.В., Пилугина Н.Б. Христианство и язычество: проблема двоеверия // Введение христианства на Руси. М. : Мысль, 1987. С. 263–273.
8. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. 475 с.
9. Матюшенко В.С. Похоронно-поминальная обрядность у старообрядцев Белокриницкой иерархии в Амурской области // Традиционная культура. М., 2016. № 4 (64). С. 79–85.
10. Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли: XI–XIII вв. М. : Кругъ, 1995. 448 с.
11. Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М. : Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. 386 с.
12. Лапшин А.С. Погребальный обряд русского (христианского) населения Водянского городища XIV в. // Нижнее Поволжье и Волго-Донское междуречье на перекрестке цивилизаций, культур, исторических альтернатив и природных ландшафтов. Волгоград : Бланк, 2018. С. 29–33.
13. Макаров Л.Д. Погребальный обряд славяно-русского населения Вятского края // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск : Наука ; Сибирская издательская фирма, 2003. С. 192–232.
14. Самигулов Г.Х. Первое челябинское кладбище (по итогам археологических раскопок) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Изд-во Омск. пед. ун-та, 2002. С. 133–137.
15. Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. по материалам комплекса Изюк-I. Омск : Изд-во «Апельсин», 2010. 284 с.
16. Бердников И.М. Сибирский православный некрополь XVIII–XIX веков как археологический источник (по материалам исследований в Иркутске) : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2012. 300 с.
17. Адамов А.А. Отчёт о проведении археологических исследований по изучению фундаментов Софийско-Успенского собора и колокольни : в 2 т. Тобольск, 2003 // НА ТХНС УрО РАН. № 13, № 14.
18. Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск, 2008. 114 с.
19. Загваздин Е.П. Об одной черте погребального обряда тоболяков в XVII в. // Диалог культур и цивилизаций. Материалы IX Всероссийской научной конференции молодых историков. Тобольск : Изд-во ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2008. Ч. 1. С. 24–26.
20. Ширококов И.Г. Возрастное распределение умерших в России XVII–XIX вв.: обманчивая палеодемография // Сибирские исторические исследования. 2019. № 4. С. 180–196.
21. Очерки истории Тобольской епархии (XVII–XX вв.). Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2020. 248 с.
22. Оперативная хирургия и топографическая анатомия / под ред. В.В. Кованова. 4-е изд., доп. М. : Медицина, 2001. 408 с.
23. Степанова Ю.В. Женские прически на Руси в XI–XVIII вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Иркутск : ИрГТУ, 2013. Т. 2. С. 128–130.
24. Белецкий С.В. Сельское кладбище конца XVII – середины XVIII вв. на городище Воронич // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2005–2009. № 5. С. 84–163.
25. Калугина Д.А. Исследование Сарапульского могильника XVII–XVIII веков в г. Сарапул Удмуртской республики // LI Уралов-Поволжская археологическая студенческая. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2019. С. 198–199.
26. Лосский В.Н., Успенский Л.А. Смысл икон. М. : Эксмо, 2014. 336 с.

References

1. Chugunov, S.M. (1905) *Antropologicheskiy sostav naseleniya goroda Tomska po dannym pyati starinnykh pravoslavnykh kladbishch* [Anthropological Composition of the Population of the City of Tomsk According to Five Ancient Orthodox Cemeteries]. Part 1. Tomsk: Parovaya tipografiya N.I. Orlovoy.
2. Bulgakov, S.V. (1913) *Nastol'naya kniga dlya svyashchenno-tserkovnoslužhiteley* [A Handbook for the Clergy]. 3rd ed. Kiev: Tipografiya Kievsko-Pecherskoy Uspenskoy Lavry.
3. Petreius, P. (1997) *Istoriya o velikom knyazhestve Moskovskom* [The story of the Grand Duchy of Moscow]. In: Massa, I. & Petreius, P. *O nachale voyin i smut v Moskovii* [On the Beginning of Wars and Troubles in Muscovy]. Moscow: Fond Sergeya Dubova. Rita-Print. pp. 151–464.
4. Tereshchenko, A.V. (1848) *Byt russkogo naroda* [The Daily Life of the Russian people]. Part 3. Saint Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del.
5. Zelenin, D.K. (1991) *Vostochnoslavjanskaya etnografiya* [East Slavic Ethnography]. Moscow: Nauka.
6. Bochkarev, N.V. (2000) *Moskovskoe gosudarstvo XV–XVII vv. po skazaniyam sovremennikov-inostrantsev* [The Moscow State of the 15th–17th Centuries According to Foreign Contemporaries]. Moscow: Izd-vo "Kraft+".
7. Mil'kov, V.V. & Pilyugina, N.B. (1987) *Khristianstvo i yazychestvo: problema dvoeveriya* [Christianity and paganism: the problem of duality]. In: Sukhov, A.D. (ed.) *Vvedenie khristianstva na Rusi* [Introduction of Christianity in Russia]. Moscow: Mysl'. pp. 263–273.
8. Lukina, N.V. (ed.) (1994) *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri* [Essays on the Cultural Genesis of the Peoples of Western Siberia].

Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.

9. Matyushchenko, V.S. (2016) The funeral rites of old believers of Belokrinskaya hierarchy in Amur river's basin. *Traditsionnaya kul'tura – Traditional Culture*. 4 (64). pp. 79–85. (In Russian).
10. Darkevich, V.P. & Borisevich, G.V. (1995) *Drevnyaya stolitsa Ryazanskoy zemli: XI–XIII vv.* [The Ancient Capital of the Ryazan Land: 11th–13th centuries]. Moscow: Krug".
11. Makarov, N.A. (1997) *Kolonizatsiya severnykh okrain Drevney Rusi v XI–XIII vekakh. Po materialam arkheologicheskikh pamyatnikov na volokakh Beloz'er'ya i Poonezh'ya* [Colonization of the Northern Outskirts of Ancient Russia in the 11th–13th Centuries. Based on the materials of archaeological monuments on the volokas of Belozerye and Poonezhye]. Moscow: Nauchno-izdatel'skiy tsent "Skriptoriy".
12. Lapshin, A.S. (2018) Pogrebal'nyy obryad russkogo (khristianskogo) naseleniya Vodyanskogo gorodishcha XIV v. [Funeral rite of the Russian (Christian) population of the Vodyansk settlement of the 14th century]. In: Bolotova, E.Yu. (ed.) *Nizhnee Povolzh'e i Volgo-Donskoe mezhdurech'e na perekrestke tsivilizatsiy, kul'tur, istoricheskikh al'ternativ i prirodnnykh landshaftov* [Lower Volga and Volga-Don Interfluvium at the Crossroads of Civilizations, Cultures, Historical Alternatives and Natural Landscapes]. Volgograd: Blank. pp. 29–33.
13. Makarov, L.D. (2003) Pogrebal'nyy obryad slavyano-russkogo naseleniya Vyatskogo kraya [Funeral rite of the Slavic-Russian population of the Vyatka region]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: Problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographic and Archaeological Complexes: Problems of culture and society]. Vol. 6. Novosibirsk: Nauka; Sibirskaya izdatel'skaya firma. pp. 192–232.
14. Samigulov, G.Kh. (2002) Pervoe chelyabinskoe kladbishche (po itogam arkheologicheskikh rassledovaniy) [The first Chelyabinsk cemetery (based on the results of archaeological excavations)]. In: *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Researches]. Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 133–137.
15. Tataurova, L.V. (2010) *Pogrebal'nyy obryad russkikh Srednego Priirtysh'ya XVII–XIX vv. po materialam kompleksa Izyuk-I* [Funeral Rite of the Russians of the Middle Irtysh Region of the 17th–19th centuries. Based on the materials of the Izyuk-I complex]. Omsk: Izd-vo "Apel'sin".
16. Berdnikov, I.M. (2012) *Sibirskiy pravoslavnyy nekropol' XVIII–XIX vekov kak arkheologicheskii istochnik (po materialam issledovaniy v Irkutsk)* [Siberian Orthodox Necropolis of the 18th–19th centuries as an archaeological source (based on research materials in Irkutsk)]. History Cand. Diss. Irkutsk.
17. Adamov, A.A. (2003) *Otchet o provedenii arkheologicheskikh issledovaniy po izucheniyu fundamentov Sofiysko-Uspenskogo sobora i kolokol'ni* [Report on the Conduct of Archaeological Research on the Study of the Foundations of the St. Sophia Assumption Cathedral and Bell Tower]. Vols 1–2. Tobol'sk: NA TKNS UrB RAS.
18. Adamov, A.A., Balyunov, I.V. & Danilov, P.G. (2008) *Gorod Tobol'sk. Arkheologicheskii ocherk* [The city of Tobolsk. Archaeological essay]. Tobol'sk: IAET SB RAS.
19. Zagvazdin, E.P. (2008) [About one feature of the funeral rite of the Tobolyaks in the 17th century]. *Dialog kul'tur i tsivilizatsiy* [Dialogue of Cultures and Civilizations]. Proceedings of the 9th All-Russian Conference for Young Historians. Pt. 1. Tobolsk. 14–15 March 2008. Tobolsk: D.I. Mendeleev Tobolsk Pedagogical Institute. pp. 24–26. (In Russian).
20. Shirobokov, I.G. (2019) Age distribution of deaths in Russia in the 17th to the 19th centuries: misleading paleodemography. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 4. pp. 180–196. (In Russian). DOI: 10.17223/2312461X/26/9
21. Belous, P.V. & Konev, A.Yu. (2020) *Ocherki istorii Tobol'skoy eparkhii (XVII–XX vv.)* [Essays on the History of the Tobolsk Diocese (17th–20th Centuries)]. Tyumen: Tyumen State University.
22. Kovanov, V.V. (ed.) (2001) *Operativnaya khirurgiya i topograficheskaya anatomiya* [Operative Surgery and Topographic Anatomy]. 4th ed. Moscow: Meditsina.
23. Stepanova, Yu.V. (2013) Zhenskies pricheski na Rusi v XI–XVIII vv. [Women's hairstyles in Russia in the 11th–18th centuries]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of archaeological and ethnographic research]. Vol. 2. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. pp. 128–130.
24. Beletskiy, S.V. (2009) A village cemetery of late 17th – middle 18th on town of Voronich. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya – Stratum Plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 5. pp. 84–163. (In Russian).
25. Kalugina, D.A. (2019) [The study of the Sarapul burial ground of the 17th–18th centuries in Sarapul, Udmurt Republic]. *LI Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya studencheskaya konferentsiya* [51st Ural-Volga Archaeological Student Conference]. Proceedings of the All-Russian Conference. Kurgan. 5–8 February 2019. Kurgan: Kurgan State University. pp. 198–199. (In Russian).
26. Losskiy, V.N. & Uspenskiy, L.A. (2014) *Smysl ikon* [The Meaning of Icons]. Moscow: Eksmo.

Информация об авторе:

Загваздин Е.П. – младший научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук (г. Тобольск, Россия). E-mail: kulay_arx@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.P. Zagvazdin, junior researcher, Tobolsk Complex Scientific Station, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: kulay_arx@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.05.2021;
одобрена после рецензирования 14.09.2021; принята к публикации 28.03.2022.

The article was submitted 14.05.2021;
approved after reviewing 14.09.2021; accepted for publication 28.03.2022.

Научная статья
УДК 327 (98) : 339.9
doi: 10.17223/15617793/476/5

Инновационный вектор развития морской промышленности Норвегии

Алексей Андреевич Кравчук¹

¹Восточный Институт – Школа региональных и международных исследований
Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, zkv3krava@mail.ru

Аннотация. Исследуются инновационные направления морской промышленности Норвегии – офшорное рыбоводство (аквакультура), офшорная возобновляемая энергетика и «зеленое» судоходство. Автор рассматривает процессы углубления межотраслевого взаимодействия и цифровизации морской индустрии королевства, а также анализирует деятельность его правительства в интересах развития морской промышленности: подготовка кадров, расширение международного сотрудничества, пересмотр системы государственного инвестирования и пр.

Ключевые слова: Норвегия, экономика, судоходство, возобновляемая энергетика, офшорное рыбоводство, цифровизация, «зеленые» технологии

Для цитирования: Кравчук А.А. Инновационный вектор развития морской промышленности Норвегии // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 47–57. doi: 10.17223/15617793/476/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/5

Innovative vector of Norway's maritime industry development

Aleksey A. Kravchuk¹

¹ Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, zkv3krava@mail.ru

Abstract. According to the updated Norwegian maritime strategy, its further economic growth will be closely linked with the maritime industry development, which is focused on satisfying the world economy's growing demand for food, energy, and transportation services. Along with supporting the traditional sectors of its maritime industry (offshore hydrocarbon production, fishing, coastal aquaculture, shipping, etc.), Oslo plans to develop some innovative areas of the industry, such as offshore aquaculture, offshore renewable energy and “green” shipping, which are the main research objects of this work. The author presents an analysis of the main innovative projects implemented by Norway in various sectors of its maritime economy. Amid the international community's concern over the global environmental situation, Oslo is actively developing and implementing advanced technological solutions in its maritime industry, which can not only reduce the level of negative impact on the environment, but also significantly improve its economic performance. A key feature of Norway's maritime industry development is the deepening of intersectoral collaboration, which enabled it to implement oil and gas technologies into offshore aquaculture and offshore wind energy, as well as traditional net-pen aquaculture technologies into offshore solar energy projects. Particular attention in the article is paid to the digitalization of Norway's maritime industry, aimed at ensuring automation or, in some projects, complete autonomy of the utilization of different floating and fixed maritime constructions (vessels, offshore fish farms and power plants). Moreover, the author assesses the Norwegian government's efforts in facilitating further maritime industry development, which includes educating specialists in information and communication technologies, expanding international cooperation, implementing public-private partnership programs, searching for new sales markets and revising the state investment system. In conclusion, the author suggests that in the future the global demand for environmentally friendly innovative technologies produced by Norway will increase, thereby providing for new employment opportunities, development of the national maritime industry and, as a result, the country's sustainable economic growth.

Keywords: Norway, economy, shipping, renewable energy, offshore aquaculture, digitalization, “green” technologies

For citation: Kravchuk, A.A. (2022) Innovative vector of Norway's maritime industry development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 47–57. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/5

Введение

За последние четыре года в экономике Норвегии намечились кардинальные изменения. Страна, финан-

совое благополучие которой во многом обеспечено благодаря продаже углеводородов шельфовых месторождений, заметно снижает объемы государственной поддержки нефтегазового сектора ее экономики. В

2019 г. Правительство Королевства объявило о продаже части своих нефтегазовых активов на сумму, превышающую 13 млрд долл. и последующем выделении около 20 млрд долл. для инвестирования в более «зеленые» проекты [1]. При этом в ближайшие десятилетия Норвегия не намерена отказываться от продажи углеводородов, которые остаются ее основным экспортным товаром¹. Решение Осло серьезно скорректировать систему инвестирования государственных средств свидетельствует о попытке обеспечить постепенный переход от сырьевой экономики к инновационной [2].

Согласно принятой в 2017 г. морской стратегии Норвегии, будущий рост ее благосостояния будет основываться на развитии морской промышленности, ключевыми компонентами которой считаются: добыча углеводородов, судоходство, рыбоводство (аквакультура), рыболовство и развитие прибрежной инфраструктуры. В условиях роста населения планеты, ожидаемая численность которого к 2050 г. приблизится к 10 млрд человек, мировая экономика все больше будет нуждаться в продовольствии, энергоресурсах и транспортных услугах, что, по мнению руководства Норвегии, создает благоприятные условия для дальнейшего роста морской промышленности страны [3]. В октябре 2019 г. вышла обновленная морская стратегия Королевства, которая основывается на положениях предыдущего документа, однако на фоне озабоченности мировым сообществом глобальной экологической обстановкой сфокусирована на необходимости углубления межотраслевого взаимодействия в морской промышленности и внедрения передовых информационно-коммуникационных тех-

нологий с целью уменьшения антропогенного воздействия на морские экосистемы [4]. Благодаря применению такого подхода открываются новые направления развития морской промышленности Норвегии, а именно офшорное рыбоводство (аквакультура), офшорная возобновляемая энергетика и «зеленое» судоходство, исследование которых представляет большой теоретический и практический интерес.

Развитие офшорного рыбоводства (аквакультуры)

Норвегия – один из крупнейших производителей искусственно выращенных морепродуктов. По данным ФАО ООН, в 2016 г. Королевство занимало 7-ю строчку в списке глобальных производителей продукции рыбоводства² с долей 1,7% (более 1,3 млн т) [5]. В 2019 г. Норвегия экспортировала на мировой рынок 1,2 млн т искусственно выращенных гидробионтов стоимостью 76,5 млрд норв. крон (8,7 млрд долл.³), обеспечив 8,5% от её общей экспортной выручки [6]. Основу экспорта составляют семга (1,1 млн т $\approx$ 72,5 млрд норв. крон) и форель (59,6 тыс. т $\approx$ 3,7 млрд норв. крон) [7]. Сегодня аквакультура представляет собой одну из наиболее динамично развивающихся отраслей экономики Норвегии. За последнее десятилетие ее основные показатели демонстрируют стабильный рост: уровень производительности предприятий вырос в 1,6 раза, общая стоимость выпускаемой продукции – в 3,9 раза, стоимость одной условной тонны гидробионтов – в 2,4 раза; количество рабочих мест – в 1,8 раза (табл. 1).

Таблица 1

Основные экономические показатели рыбоводческого комплекса Норвегии

Наименование показателя	2008 г.	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.
Объемы производства, тыс. т	846,214	1017,809	1319,128	1330,481	1323,944	1353,220
Стоимость произведённой продукции, млрд норв. крон	17,448	30,615	30,028	44,320	64,014	67,806
Стоимость одной условной тонны продукции, тыс. норв. крон	20,62	30,08	22,76	33,31	48,35	50,11
Количество рабочих мест	4777	5525	5893	6274	7825	8548

Примечание. Составлено автором на основе [8].

При всей значимости рыбоводческой отрасли для экономики Норвегии она постоянно подвергается критике со стороны «зеленых» из-за оказываемого ею пагубного воздействия на состояние окружающей среды. К основным негативным факторам, обусловленным деятельностью предприятий рыбоводства, специалисты относят: органическое загрязнение (повышение уровня содержания органики в воде, образование донных отложений), химическое загрязнение (использование медикаментов, кормовых красителей, и пр.), генетическое загрязнение (ухудшение генетического разнообразия популяций диких лососей после скрещивания с искусственно выращенными особями), паразитов (лососевую вошь) и инфекционные заболевания [9]. Избавиться от них в условиях применения технологий традиционной садковой аквакультуры

практически невозможно, а следовательно, наличие экологических проблем становится основным фактором, замедляющим дальнейший рост объемов производства рыбоводческой отрасли.

Однако Норвегия не намерена терять свои лидирующие позиции на мировом рынке водных биоресурсов, а напротив, планирует значительно их укрепить, обеспечив к 2050 г. шестикратный рост доходов от экспорта морепродуктов [3]. В рамках выполнения этой задачи Правительство Королевства приступило к поиску новых технологических решений, направленных на снижение нагрузки на прибрежные экосистемы. Инновационным направлением развития отрасли стало офшорное рыбоводство.

В феврале 2016 г. Норвегия выдала компании SalMar Ocean (дочернее предприятие одного из круп-

нейших мировых производителей сёмги – компании SalMar) лицензию на проектирование и строительство первой в мире офшорной рыбной фермы. Техническая разработка проекта была поручена норвежской компании Global Maritime – одному из глобальных лидеров в сфере оказания морских инжиниринговых услуг. Этот проект стал уникальным продуктом межотраслевого взаимодействия, поскольку в его основу были заложены лучшие технологические решения, применяемые в рыбководческой и нефтегазовой отраслях [3]. Стоимость проекта составила около 711,5 млн норв. крон (81 млн долл.). Объект обладает уникальными характеристиками: высота – 68 м, диаметр – 110 м, вместимость – 250 тыс. куб. м, производительность – от 1 до 1,5 млн особей (около 6–8 тыс. т $\approx$ 0,3–0,4 млрд норв. крон) за производственный цикл (около 14 месяцев), мореходность – до 11 м [10]. Строительство офшорной фермы, получившей название «Ocean Farm 1», велось на китайской судовой верфи «China Shipbuilding Industry Corporation» в порту Циндао.

В сентябре 2017 г. платформа «Ocean Farm 1» была доставлена к месту постоянного базирования в морской район Фрохавет (Норвегия), где в нее выпустили первую партию молоди семги – около 1 млн особей [11]. «Ocean Farm 1» стала полноценной экспериментальной платформой для изучения процесса рыбководства в новых условиях. Системы контроля и автоматизации платформы обеспечивают обработку большого массива цифровой информации, поступающей от множества датчиков (погодных условий, позиционирования, уровня кислорода, гидролокаторов, подводных камер, автономных подводных аппаратов и пр.), что позволяет добиться высокого уровня автоматизации процесса разведения гидробионтов на всех этапах производственного цикла. В феврале 2019 г. на «Ocean Farm 1» завершился первый производственный цикл, результаты которого – хороший объем и качество продукции при сниженных производственных потерях (смертность из-за заражений инфекциями и паразитами, нехватки кислорода, а также число побегов) и сохранении ее средней себестоимости – указывают на высокий потенциал развития офшорного рыбководства [12]. По данным китайских СМИ, общая сумма контракта «SalMar Ocean» и «China Shipbuilding Industry Corporation» превышает 300 млн долл. и предусматривает строительство еще пяти офшорных рыбных ферм платформенного типа «Ocean Farm» [13].

Успех проекта «Ocean Farm» предопределил новый вектор развития рыбководческой отрасли Норвегии. Сегодня еще несколько норвежских компаний инициировали проекты в сфере офшорного рыбководства. Компания Nordlaks (заказчик) и NSK Ship Design (проектировщик) приступили к разработке первой офшорной фермы катмаранного типа «Havfarm». Проект реализуется при финансовой поддержке «Innovation Norway»⁴ и предусматривает три различных варианта исполнения: «Havfarm 1» – стационарная версия, не имеющая движительной установки; «Havfarm 2» – самоходная версия с мобильной якорной системой, позволяющая обеспечить размещение

установки в нескольких заранее подготовленных стационарных точках; «Havfarm 3» – самоходная версия неограниченного района плавания. Общий объем инвестиций в проект оценивается в 2,5 млрд норв. крон (290 млн долл.) [14]. С 2017 по 2019 г. Правительство Норвегии поэтапно обеспечило «Havfarm 1» и «Havfarm 2» производственными лицензиями [4]. В феврале 2018 г. Nordlaks заключила контракт с китайской судовой верфью «CIMC Raffles» (порт Яньтай) стоимостью 593 млн норв. крон (67 млн долл.) на строительство стационарной офшорной фермы «Havfarm 1». Длина её корпуса составляет 385 м, ширина – 60 м, производительность – около 2 млн особей (около 10 тыс. т $\approx$ 0,5 млрд норв. крон) за производственный цикл, а мореходность – до 10 м. В июне 2020 г. головной «Havfarm 1» был передан заказчику [15].

Еще одно дочернее предприятие «SalMar» – компания MariCulture – реализует очередной проект строительства офшорной фермы платформенного типа «Smart Fishfarm», стоимость которого оценивается в 1,5 млрд норв. крон (172 млн долл.). Эта ферма практически вдвое превзойдет «Ocean Farm 1» по характеристикам: высота – 70 м, диаметр – 160 м, вместимость – 510 тыс. куб. м, производительность – от 3 до 4 млн особей (около 17–20 тыс. т $\approx$ 0,85–1 млрд норв. крон) за производственный цикл, мореходность – до 31 м [16]. Солидные габариты позволят вывести ее в открытое море (20–30 миль от берега), что, по замыслу разработчиков, практически полностью решит проблему заражения лосося паразитами (морскими вшами), обеспечив повышение качества выпускаемой продукции. В феврале 2019 г. проект получил производственные лицензии от Правительства Норвегии [17]. Начало строительства «Smart Fishfarm» намечено на вторую половину 2020 г., и, вероятнее всего, им также займутся китайские судовой верфи.

Разработка технологий офшорной возобновляемой энергетики

Возобновляемая энергетика стремительно развивается по всему миру. По прогнозам Правительства Норвегии, в ближайшие годы энергетическую отрасль ожидают радикальные изменения, связанные с развитием новых экологически безопасных технологий. Согласно норвежской стратегии развития энергетических технологий «Energy21» Осло планирует существенно увеличить объем инвестиций в «зеленую» энергетику, выделив следующие ключевые направления ее развития: цифровизация и интеграция энергетических систем; экологически чистые энергетические технологии для морского транспорта; солнечная энергетика для международного рынка; офшорная ветроэнергетика для международного рынка; гидроэнергетика как основа норвежского энергоснабжения; экологически чистая и энергоэффективная промышленность [18].

Значимость возобновляемой энергии в структуре внутреннего потребления Норвегии крайне мала, на ее долю приходится 4% от общей потребности страны

(табл. 2). На протяжении десятилетий основным источником энергии для Королевства остается гидроэнергетика (63,3%). Именно поэтому в стратегии «Energy21» подчеркивается, что развитие технологий ветряной и солнечной энергетики в первую очередь ориентировано на экспорт. При этом в случае с ветряной энергетикой предпочтение отдается офшорному варианту исполнения, к преимуществам которого от-

носятся: снижение плотности застройки территории прибрежных населенных пунктов (офшорные ветроустановки располагаются на расстоянии нескольких десятков километров от побережья) и полуторакратный рост производительности морских ветряных электростанций (ВЭС) в сравнении с сухопутными (стабильность и скорость ветра в море выше, чем на суше).

Таблица 2

Структура потребления энергии Норвегией по видам топлива

Наименование вида топлива	Потребление за год, ЭДж						Потребление за 2019 г., %
	2009	2011	2013	2015	2017	2019	
Нефть	0,43	0,43	0,44	0,42	0,4	0,39	22,0
Природный газ	0,15	0,14	0,14	0,16	0,17	0,16	9,0
Уголь	0,02	0,04	0,03	0,03	0,03	0,03	1,7
Гидроэнергетика	1,18	1,12	1,18	1,25	1,28	1,12	63,3
Возобновляемые источники энергии ⁵	0,02	0,02	0,03	0,03	0,05	0,07	4,0
Итого	1,8	1,75	1,82	1,89	1,93	1,77	100

Примечание. Составлено и подсчитано по: [19].

По данным Международного энергетического агентства, за последние 10 лет в офшорной ветряной энергетике наблюдался устойчивый рост производства – около 30% ежегодно. Сегодня на долю отрасли приходится лишь 0,3% (23 ГВт) от общей мощности энергогенерирующих станций по всему миру, 80% из которых сосредоточено в Европе. Однако, по прогнозам, к 2040 г. совокупная мощность морских ВЭС должна возрасти в 15 раз (345 ГВт), а общий объем инвестиций в отрасль составит около 1,2 трлн долл. Наибольший рост мощности ожидается в Европе (с 18,5 до 130–180 ГВт) и Китае (с 3,6 до 110–170 ГВт), делая их наиболее перспективными рынками сбыта [20].

С 2013 г. Правительство Норвегии проводило масштабную программу исследований в области энергетики «ENERGIX», которая включала в себя ряд проектов в сфере разработки технологий для плавучих и стационарных морских ветряных энергетических установок (ВЭУ) [4]. К 2020 г. норвежская «Global Maritime» приняла участие в реализации 67 международных проектов офшорной ветряной энергетики в 11 странах мира, предоставляя необходимые инжиниринговые и консультационные услуги

на различных этапах их проектирования, строительства и эксплуатации [21]. Большая часть этих проектов связана со строительством стационарных морских ВЭС, располагаемых на морском дне (на предварительно залитом фундаменте) на глубинах, не превышающих 60 м. Однако около 80% потенциала морских ветровых ресурсов приходится на морские районы с глубинами свыше 60 м [20]. Морская промышленность Норвегии обладает значительным опытом в реализации шельфовых проектов, который становится главным конкурентным преимуществом страны в сфере проектирования, строительства и эксплуатации больших ветряных турбин в глубоких водах.

На начало 2019 г. норвежская государственная энергетическая компания Equinor (до 2018 г. – Statoil) занимала 9-ю строчку в списке крупнейших глобальных акторов рынка офшорной ветроэнергетики с долей в 2,1% (мощность введенных в строй электростанций – 0,43 ГВт, мощность находящихся на этапе разработки – 2,17 ГВт) [20]. Кроме того, Equinor – это первая компания, успешно реализовавшая коммерческий проект плавучей офшорной ВЭС «Hvind Scotland» (табл. 3).

Таблица 3

Перечень проектов офшорной ветроэнергетики компании Equinor

Наименование	Тип	Заказчик	Кол-во турбин	Мощность, МВт	Год запуска	Стоимость, млрд долл.
Sheringham Shoal	Стационарная	Великобритания	88	317	2011	1,8
Hywind Scotland	Плавучая	Великобритания	5	30	2017	0,23
Dudgeon	Стационарная	Великобритания	67	402	2017	1,95
Hywind Tampen	Плавучая	Норвегия	11	88	2022	0,57
Dogger Bank (Creyke Beck A и B, Teesside A)	Стационарная	Великобритания	300	3600	2023–2026	11,2
Empire Wind	Стационарная	США	60–80	816	2024	3,0
Donghae 1	Плавучая	Южная Корея	–	200	2024	–
Beacon Wind	Стационарная	США	–	–	в разработке	–
MFW Bahtyk I, II и III	Стационарная	Польша	–	3000	в разработке	–

Примечание. Составлено и подсчитано по: [22, 23].

При ее строительстве использовались турбины (6 МВт) на вертикальных плавучих лонжеронах, установленных при помощи тросов и якорей на глубинах 95–129 м. Технология крепления ВЭУ к морскому дну заимствована из нефтяной отрасли, а разработанный Equinor цифровой контроллер движения установки позволяет обеспечивать автономное регулирование положения лопастей турбины в зависимости от порывов ветра, демпфирование движений вышки, снижение нагрузки на систему ее крепления с целью максимизации выработки электроэнергии [22].

В апреле 2020 г. Правительство Норвегии одобрило строительство очередной плавучей ВЭС «Hywind Tampen» (см. табл. 3) в южной части Норвежского моря, которая должна обеспечить электроэнергией нефтегазовые платформы месторождений «Snorre» и «Gullfaks». В этот раз Equinor использует ВЭУ с более мощными турбинами (8 МВт), которые будут установлены на глубинах 260–300 м [24]. По существу этот проект направлен на совершенствование технологии производства плавучих ВЭУ типа «Hywind» с целью снижения их себестоимости для продвижения на мировом рынке.

Технологический опыт Equinor оказался востребованным не только в Европе. В 2018–2019 г. компания подписала соглашения о сотрудничестве в сфере совместной реализации проектов плавучих офшорных ВЭС с японской Nippon Foundation [25], южнокорейской Korea National Oil Corporation [26] и китайской China Power International Holding [27], тем самым обеспечив своё присутствие на быстрорастущем азиатском рынке морской ветроэнергетики. Кроме того, в 2019–2020 гг. Equinor вышла на американский рынок с двумя крупными проектами. К 2020 г. в активе компании имеются три завершённых проекта ВЭС стоимостью около 4 млрд долл., а также около десятка проектов в Европе, Азии и Америке, находящихся на различных этапах реализации, стоимость которых, по самым скромным подсчётам, превышает несколько десятков млрд долл. (см. табл. 3).

Норвегия также стремится укрепить свои позиции на рынке солнечной энергетики, темпы роста которого сопоставимы с показателями рынка ветроэнергетики. Государственные компании Statkraft⁶ и Equinor входят в число крупных игроков этого рынка, имея в активе проекты общей мощностью 2 ГВт [28] и 0,3 ГВт [29] соответственно. В 2019 г. норвежские Statkraft (заказчик) и Ocean Sun (разработчик) приступили к реализации первого коммерческого проекта офшорной солнечной электростанции «Banja Solar» (2 МВт) в Албании стоимостью 2,6 млн долл. С 2016 г. компания Ocean Sun занималась разработкой технологических решений для офшорной солнечной энергетики при финансовой поддержке Innovation Norway и Исследовательского совета Норвегии [30]. В основу применённых в проекте конструкций положен принцип установки солнечных панелей на гидроупругие мембраны, закреплённые на круглых плавучих основаниях. Этот метод позволяет снизить рабочую температуру панелей благодаря прямому контакту с водной поверхностью, что увеличивает их производи-

тельность на 7–9%. Заимствованная из рыболовецкой отрасли технология плавучих оснований обеспечивает низкую себестоимость конструкции при хороших мореходных качествах и способности противостоять сильным ветрам [31]. Согласно Statkraft, применение разработок Ocean Sun в сфере коммерциализации морской солнечной энергетики позволит компании расширить спектр ее энергетических услуг.

Реализация программы «зеленого» судоходства

Морские перевозки были и остаются основной движущей силой и предпосылкой развития международной торговли. Сегодня около 90% объема мировой торговли осуществляется с использованием морских коммуникаций. Норвегия имеет развитую морскую индустрию, а ее судоходные компании, верфи и поставщики оборудования оказывают услуги по всему миру. В 2018 г. на долю отрасли пришлось 8% общей добавочной стоимости Норвегии (142 млрд норв. крон ≈ 16,1 млрд долл.) и 17% ее общего экспорта [32]. Норвегия контролирует седьмой по объемам общего тоннажа (3,1% – свыше 2 тыс. судов общим дедевейтом 61,1 млн т) и пятый по совокупной стоимости (5,8% – 52,8 млрд долл.) торговый флот, который специализируется на капиталоемких сегментах морской индустрии (офшорные суда, химические танкеры и ролкеры) [33].

Норвегия – одна из немногих экономически развитых европейских стран, в которых сохранилась собственная судостроительная промышленность. Производимые ею суда отличаются высокой технологичностью, которая считается основным конкурентным преимуществом судостроительных компаний страны на мировом рынке. Вместе с тем норвежские верфи не способны конкурировать в менее продвинутых сегментах судостроения (традиционные грузовые и рыболовные суда) из-за отсутствия дешевой рабочей силы. Однако за последние пять лет судостроительная промышленность Норвегии переориентировалась с производства офшорных судов на выпуск более широкого спектра высокотехнологичной продукции – прибрежные грузовые суда, рыболовные суда, суда для аквакультуры, паромы и круизные лайнеры [32].

Проблема глобального изменения климата создала новый тренд в мировом судостроении – внедрение «зеленых» технологий. С 2011 г. Международная морская организация ООН приступила к планомерной работе, направленной на снижение выбросов диоксида углерода в атмосферу с судов. Ее основная цель – обеспечить к 2050 г. двукратное снижение выбросов парниковых газов в морской индустрии через введение новых ограничений и стандартов [34]. В связи с этим, рассчитывая на увеличение спроса на экологически чистые технологии в судостроении, в 2015 г. Правительство Норвегии приняло решение о запуске национальной программы «зеленого» судоходства (Green Shipping Programme – GSP). Программа «GSP» направлена на разработку и коммерческое использование в морском судоходстве новых экологиче-

ски безопасных и экономически эффективных решений, которые закрепят за Норвегией статус одного из лидеров глобальной морской индустрии. В рамках ее реализации Осло рассчитывает снизить объемы выбросов в атмосферу со своих судов на 40% уже к 2030 г. Выполнение этой задачи будет обеспечиваться в первую очередь через модернизацию прибрежного флота Норвегии [35].

Основателями «GSP» выступили классификационная и консультационная компания DNV-GL, Министерство климата и окружающей среды, а также Министерство торговли, промышленности и рыболовства Норвегии. В настоящее время к проекту присоединилось более 60 партнеров из всех секторов морской индустрии [36]. Программа получает значительную финансовую поддержку со стороны государства через Исследовательский совет Норвегии, правительственные фонды «Innovation Norway» и «Enova»⁷, а также в виде налоговых вычетов и льгот. В 2018 г. «GSP» получила около 4,2 млрд норв. крон (476 млн долл.) за счет этих инструментов финансирования, а в 2019 г. эта сумма возросла до 4,7 млрд норв. крон (533 млн долл.) [32]. Сегодня в рамках «GSP» реализуется более 20 крупных пилотных проектов, включающих создание «зеленых» портов, судов различных классов с низкими⁸ и нулевыми⁹ показателями выбросов в атмосферу, а также полностью автономных судов [37].

В октябре 2019 г. Правительство Норвегии опубликовало план развития «зеленого» судоходства, в котором представлены промежуточные результаты реализации программы «GSP», а также определены дальнейшие пути ее развития. В документе отражены список технологий, которыми уже располагает норвежская морская промышленность, в их числе: судовые электробатареи, гибридные силовые установки, двигатели на водороде, аммиаке, сниженном природном газе (СПГ), биодизеле и биогазе, а также ряд решений по повышению энергоэффективности судов (за счет изменения формы и конструкции корпуса, схемы использования силовых установок и цифровизации процесса управления). Настоящим прорывом в морской индустрии должно стать появление технологии автономного управления судном, работе над которой Правительство Норвегии уделяет особое внимание [32].

Многие из полученных в ходе реализации проекта «GSP» технологических решений уже нашли свое применение на практике. В 2015 г. крупнейший паромный оператор Норвегии «Norled» получил опытный автомобильно-пассажирский электрический паром «Ampege». Строительством судна занималась норвежская судостроительная компания «Fjellstrand». Энергоснабжение парома полностью обеспечивается аккумуляторными батареями (АКБ), время зарядки которых у причала составляет около 10 минут. На протяжении нескольких лет шла тестовая эксплуатация судна, показавшая хорошие результаты. В сутки паром осуществлял 34 рейса для перевозки 360 пассажиров и 120 автомобилей на расстояние 6 км (время рейса 20 минут). Паром «Ampege» оказался на 30% энергоэффективнее

аналогичных судов на традиционных видах топлива. Полная окупаемость судна достигается за 5 лет [38].

В апреле 2019 г. норвежская судостроительная компания «GS Marine Production» передала «Norled» их первый быстроходный гибридный пассажирский паром «Fjordled». Применение гибридной установки (дизельные двигатели, совмещенные с АКБ) позволило судну перемещаться в акватории портов, используя исключительно электроэнергию. Установка также оснащена системой селективного каталитического восстановления выхлопных газов, обеспечивающей снижение выбросов оксидов азота в атмосферу на 80%. Второй паром этой серии «Fjordöy» должен быть передан заказчику к концу 2020 г., а еще три судна этого типа находятся на разных стадиях строительства на верфи «GS Marine Production» [39].

Другая норвежская судостроительная компания Remontowa Shipbuilding занимается строительством серии из четырех автомобильно-пассажирских электропаромов проекта «B619» (вместимостью 296 пассажиров и 120 автомобилей) для компании Norled. Паром оснащен двумя азимутальными движителями с электродвигателями и двумя резервными генераторными установками, работающими на биодизеле. В нормальном режиме работы вся потребляемая энергия будет выдаваться АКБ, которые будут заряжаться во время стоянки у причала (около 11 минут). Применение резервных генераторов на биотопливе позволит при необходимости использовать судно в гибридном режиме. Первые два парома серии уже спущены на воду, ведутся работы по оснащению их оборудованием. Два оставшихся судна находятся в стадии строительства. Первый готовый образец электропарома «B619-1» должен быть передан заказчику во второй половине 2020 г. [40].

В настоящий момент Норвегией подписаны соглашения на постройку 40 электрических и гибридных паромов, число которых к 2022 г. должно возрасти в общей сложности до 80 единиц. Объем государственных инвестиций в разработку энергоэффективных АКБ и технологии их зарядки составил около 228 млн долл. [36]. Осло планирует продолжить внедрение гибридных двигательных установок не только в сферу пассажирских, но и грузовых перевозок. Сегодня их получили около 20 строящихся (построенных) вспомогательных судов для нефтяной и рыболовецкой отрасли Норвегии. Морской промышленностью высоко оцениваются перспективы совмещения гибридных установок с двигателями на СПГ-топливе для судов дальней морской зоны (круизные лайнеры, грузовые и офшорные суда). В 2019 г. в портфеле норвежских судостроительных компаний имелось 32 заказа на постройку круизных лайнеров на СПГ-топливе – около 1/4 от общего количества заказов в сегменте. Кроме того, несколько норвежских компаний Selfa Arctic, Flying Foil, Havyard Group и Samskip занимаются разработкой скоростных судов прибрежной зоны, работающих на водородном топливе для применения во фьордах [4].

Однако наибольший интерес мирового сообщества вызвали планы Норвегии в развитии технологий автономного судоходства. В 2017 г. норвежская химическая компания Yara заключила партнерское согла-

шение с технологической компанией Kongsberg с целью строительства автономного электрического контейнеровоза вместимостью 120 контейнеров для перевозки химикатов и удобрений вдоль побережья Норвегии, которые в настоящее время доставляются автомобильным транспортом. Проект получил финансовую поддержку правительственного фонда «Енова» в размере 133,6 млн норв. крон (13 млн долл.), а его общая стоимость оценивается в 250 млн норв. крон (29,5 млн долл.). В феврале 2020 г. судостроительная компания VARD спустила корпус судна «Yara Birkeland» на воду и приступила к оснащению его необходимым оборудованием. Передача судна заказчику намечена на осень 2020 г. На первом этапе управление судном будет осуществляться с его борта экипажем, затем будет выполнен переход к дистанционному управлению, и, наконец, через несколько лет, ориентировочно к 2022 г., судно перейдет в автономный режим плавания [41]. Автономность навигационной системы судна «Yara Birkeland», разрабатываемой компанией Kongsberg, будет достигаться путем обработки цифровых данных, поступающих от GPS, радара, видеокамер и различных датчиков, что позволит судну заходить в порт без посторонней помощи. Однако, вероятнее всего, сроки ввода судна в эксплуатацию будут перенесены из-за эпидемии COVID-19.

По оценкам разработчиков, ежегодные эксплуатационные расходы автономного электрохода «Yara Birkeland» сократятся на 90% в сравнении с обычными судами аналогичного размера. Кроме того, предполагается, что применение судна позволит заменить около 40 тыс. рейсов грузовых автомобилей в год, что положительно скажется на экологии. Проект обладает высоким потенциалом на рынке транспортных услуг Европы, поскольку около 60% международной торговли в регионе приходится на короткие морские перевозки.

В марте 2019 г. фонд «Енова» поддержал проект «AutoBarge» по созданию мультимодальной транспортной системы с использованием автономных морских барж на электроэнергии, выделив на его реализацию 119 млн норв. крон (13,5 млн долл.). Заказчиком проекта выступает ведущая торговая компания Норвегии ASKO, а его реализацией займутся компании Naval Dynamics и Kongsberg. По замыслу разработчиков, две автономные электробаржи будут осуществлять транспортировку грузов (16 автомобильных полуприцепов) между портами Мосс и Холмстранд во фьорде Осло, что позволит компании ASKO сократить годовой пробег своего автомобильного парка на 2,1 млн км и, как следствие, уменьшить выбросы диоксида углерода в атмосферу на 5 тыс. т. Проект находится на начальной стадии реализации, а его запуск намечен на 2024 г. [42].

Цифровизация как основной драйвер развития морской промышленности Норвегии

Особое внимание в морской стратегии Норвегии уделяется процессу развития и внедрения цифровых технологий в морскую промышленность. В основу

всех рассмотренных выше проектов заложены технологические решения, позволяющие повысить степень автоматизации процесса эксплуатации выпускаемой продукции или перейти к его полной автономности. Цифровизация морской индустрии существенно повышает ее экономические показатели, прежде всего, за счет повышения энергоэффективности и безопасности производимых в море операций, а также способствует развитию смежных отраслей экономики (приборостроение, коммуникационная и космическая отрасли, и пр.). Развитие систем автономной навигации морских транспортных судов, автоматизации офшорных нефтегазовых платформ, рыбных ферм и ветряных энергетических станций потребует передачи и обработки больших массивов информации, что существенно повысит спрос на услуги оптоволоконных и спутниковых линий связи. Кроме того, спутники будут использоваться для мониторинга морских акваторий, проведения поисково-спасательных операций, предотвращения аварий и прогнозирования погодных явлений.

В 2018 г. норвежский парламент поручил государственной компании Space Norway увеличить группировку спутников с целью обеспечения стабильного широкополосного покрытия связи в морских акваториях за Полярным кругом, где экономическая активность Осло нарастает из года в год. Проект реализуется Space Norway в сотрудничестве со спутниковым оператором Inmarsat и министерством обороны Норвегии. Его стоимость оценивается в 1 млрд норв. крон (113 млн долл.). Контракт на постройку двух спутников получила американская компания Northrop Grumman, а их запуск, запланированный на конец 2022 г., обеспечит компания SpaceX. Разработкой и установкой наземного оборудования занимается Space Norway [43].

Однако цифровизация морской промышленности потребует привлечения в отрасль большого количества подготовленных специалистов, обеспечивающих эксплуатацию и обслуживание сложной морской техники. С 2016 по 2019 г. Правительство Норвегии выделило финансовые средства для создания более 1,5 тыс. новых мест для студентов, обучающихся в университетах и колледжах по образовательным программам в сфере информационно-коммуникационных технологий. Сверх того, согласно Долгосрочному плану научных исследований и высшего образования на 2019–2028 гг., представленному в 2019 г. Министерством образования и исследований, повышение степени цифровизации и использования новых технологий становится одним из приоритетов высшего образования и научных исследований страны [44]. Учебные и научные учреждения должны обеспечить морскую промышленность специалистами, имеющими необходимые знания и навыки в сфере информационно-коммуникационных технологий. Получение и применение экспертных знаний в сфере создания автономных систем, робототехники, интернета вещей, больших данных и искусственного интеллекта позволят морской промышленности Норвегии успешно конкурировать на международных рынках и окажут мощный синергетический эффект на всю отрасль [4].

Заключение

Норвегия по праву считается одним из мировых лидеров в борьбе с экологическими и климатическими изменениями. Сегодня Королевство активно разрабатывает и внедряет в свою морскую промышленность передовые технологические решения, позволяющие не только снизить уровень негативного воздействия на окружающую природную среду, но и заметно улучшить экономические показатели всей отрасли. Мощный импульс развитию индустрии дало углубление межотраслевого взаимодействия, благодаря которому технологии нефтегазовой отрасли нашли применение в офшорном рыбоводстве и офшорной ветряной энергетике, а технологии традиционной садковой аквакультуры – в проектах офшорной солнечной энергетики. Новым трендом развития морской промышленности Норвегии становится повышение степени цифровизации и использования информационно-коммуникационных технологий, направленное на обеспечение автоматизации или, в ряде

проектов, полной автономности процесса эксплуатации морских сооружений (судов, офшорных рыбных ферм и электростанций).

Процесс реализации инновационных проектов в отрасли сопровождается грамотной работой руководства Норвегии: организована подготовка высококвалифицированных кадров, расширяется международное сотрудничество, реализуются программы государственно-частного партнерства, ведется поиск новых рынков сбыта, а пересмотр системы государственного инвестирования позволит привлечь в отрасль финансовые средства, необходимые для проведения дальнейшей НИОКР. В перспективе спрос на экологически чистые инновационные технологии в глобальной морской индустрии будет возрастать, и Норвегия планирует его удовлетворить, тем самым обеспечив создание новых рабочих мест, развитие национальной морской промышленности и, в конечном итоге, устойчивый экономический рост страны.

Примечания

¹ В 2018 г. на долю нефтегазового сектора экономики пришлось около 17,7% ВВП Норвегии (624 млрд норв. крон ≈ 74,9 млрд долл.), а его вклад в общую экспортную выручку страны составил около 42% (569,4 млрд норв. крон ≈ 68,3 млрд долл.) [2].

² Под рыбоводством (аквакультурой) понимается производственный процесс, включающий выращивание или разведение водных организмов, используя методы, нацеленные на увеличение количества особей вне естественной окружающей среды (в состоянии неволи).

³ Здесь и далее 1 норв. крона = 0,1134 долл. США (по курсу на начало 2020 г.).

⁴ Крупнейший государственный инструмент стимулирования внедрения инновационных технологий в норвежскую экономику (аналог банка развития), находящийся в ведении Министерства торговли, промышленности и рыболовства Норвегии.

⁵ Включает ветряную, геотермальную и солнечную энергетику, а также энергию, полученную от сжигания бытовых отходов.

⁶ Statkraft успешно реализовала 19 проектов в сухопутной ветроэнергетике общей мощностью 1,6 ГВт в Норвегии, Швеции, Бразилии и Великобритании.

⁷ Фонд «Epona» обеспечивает поддержку развития новых технологий в энергетической промышленности Норвегии (находится в ведении Министерства климата и окружающей среды).

⁸ Low-emission vessel – суда, объемы выбросов в атмосферу которых на 40% ниже, чем у традиционных судов.

⁹ Zero-emission vessel – суда, объемы выбросов в атмосферу которых на 95% ниже, чем у традиционных судов.

Список источников

1. Норвежский фонд продаст активы нефтегазовых компаний на \$6 млрд // VestiFinance. 03.10.2019. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/125962> (дата обращения: 03.07.2020).
2. Кравчук А.А. Экономическая политика Норвегии в Арктике // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 5. С. 101–108.
3. The Norwegian Government's Ocean Strategy – New Growth, Proud History // Regjeringen. 2017. URL: <https://www.regjeringen.no/contentassets/00f5d674cb684873844bf3c0b19e0511/the-norwegian-governments-ocean-strategy---new-growth-proud-history.pdf> (дата обращения: 03.07.2020).
4. Blue Opportunities – The Norwegian Government's Updated Ocean Strategy // Regjeringen. 2019. URL: https://www.regjeringen.no/globalassets/departementene/nfd/dokumenter/strategier/w-0026-e-blue-opportunities_uu.pdf (дата обращения: 03.07.2020).
5. The State of World Fisheries and Aquaculture 2018 – Meeting the Sustainable Development Goals // FAO. 2019. URL: <http://www.fao.org/3/i9540en/i9540en.pdf> (дата обращения: 03.07.2020).
6. External economy // Statistics Norway. 2020. URL: <https://www.ssb.no/en/utenriksokonomi> (дата обращения: 03.07.2020).
7. Norwegian Seafood Exports Top NOK 107 Billion in 2019 // Norwegian Seafood Council. 07.01.2020. URL: <https://en.seafood.no/news-and-media/news-archive/norwegian-seafood-exports-top-nok-107-billion-in-2019/> (дата обращения: 03.07.2020).
8. Key Figures from the Norwegian Aquaculture Industry 2018 // Fiskeridir. 2019. URL: <https://www.fiskeridir.no/English/Aquaculture/Statistics/Booklets> (дата обращения: 03.07.2020).
9. Позиция WWF России по вопросу садковой аквакультуры // WWF. 2020. URL: <https://wwf.ru/about/positions/sadkovaya-akvakultura-ryborazvedenie/> (дата обращения: 03.07.2020).
10. На воду спустили платформу “Ocean Farm 1” // Aquavitro. 01.11.2017. URL: <http://aquavitro.org/2017/11/01/na-vodu-spustili-platformu-ocean-farm-1/> (дата обращения: 03.07.2020).
11. SalMar's Gigantic Ocean Farm Gears Up for Harvest // Salmon Business. 19.07.2018. URL: <https://salmonbusiness.com/salmar-gigantic-ocean-farm-gears-up-for-harvest/> (дата обращения: 03.07.2020).
12. Offshore Salmon Farming “the Right Direction” for SalMar // SeaFoodSource. 18.03.2020. URL: <https://www.seafoodsource.com/news/aquaculture/offshore-salmon-farming-the-right-direction-for-salmar> (дата обращения: 03.07.2020).
13. Norway's Fish Industry Gets Chinese Boost // China Daily. 05.06.2017. URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/cn_eu/2017-06/05/content_29611484.htm (дата обращения: 03.07.2020).
14. Nordlaks Wants to Build Three Versions of the Havfarm // Salmon Business. 09.08.2017. URL: <https://salmonbusiness.com/nordlaks-wants-to-build-three-versions-of-the-havfarm/> (дата обращения: 03.07.2020).
15. Boka Vanguard is Shipping a Massive Fish Farm to Norway // Project Cargo Journal. 11.05.2020. URL: <https://www.projectcargojournal.com/shipping/2020/05/11/boka-vanguard-is-shipping-a-massive-fish-farm-to-norway/?gclid=accept> (дата обращения: 03.07.2020).

16. SalMar Hopes to Begin Construction of 'Ultimate Offshore Farm' This Summer // Undercurrent News. 04.03.2020. URL: <https://www.undercurrentnews.com/2020/03/04/salmar-hopes-to-begin-construction-of-ultimate-offshore-farm-this-summer/> (дата обращения: 03.07.2020).
17. Ocean Farm's Big Brother Will Go Ahead Says SalMar // FishFarmingExpert. 25.02.2019. URL: <https://www.fishfarmingexpert.com/article/ocean-farms-big-brother-to-go-ahead-says-salmar/> (дата обращения: 03.07.2020).
18. National Strategy for Research and Development of New Energy Technology – Energi21 // Energi21. 2018. URL: <https://www.energi21.no/siteassets/energi21strategi2018lr.pdf> (дата обращения: 03.07.2020).
19. Statistical Review of World Energy 2020 // British Petroleum. 2020. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf> (дата обращения: 03.07.2020).
20. Offshore Wind Outlook 2019 – World Energy Outlook Special Report // International Energy Agency. 2019. URL: http://www.indiaenvironmentportal.org.in/files/file/Offshore_Wind_Outlook_2019.pdf (дата обращения: 03.07.2020).
21. Global Maritime Renewable Projects // Global Maritime. 2019. URL: <https://www.globalmaritime.com/renewables> (дата обращения: 03.07.2020).
22. Offshore Wind in Equinor // Equinor. 2020. URL: <https://www.equinor.com/en/what-we-do/wind.html> (дата обращения: 03.07.2020).
23. Global Offshore Wind Report 2019 // WFO. 2020. URL: https://wfo-news.de/wp-content/uploads/2020/02/WFO_Global-Offshore-Wind-Report-2019.pdf (дата обращения: 03.07.2020).
24. Hywind Tampen Approved by Norwegian Authorities // Equinor. 2020. URL: <https://www.equinor.com/en/news/2020-04-08-hywind-tampen-approved.html> (дата обращения: 03.07.2020).
25. Norwegians Talk Offshore Wind in Japan // OffshoreWind.biz. 26.10.2018. URL: <https://www.offshorewind.biz/2018/10/26/norwegians-talk-offshore-wind-in-japan/> (дата обращения: 03.07.2020).
26. Floating Offshore Wind Project in South Korea // Equinor. 11.07.2019. URL: <https://www.equinor.com/en/news/2019-07-11-floating-offshore-wind-project-in-south-korea.html> (дата обращения: 03.07.2020).
27. Norway's Equinor to Cooperate with China's CPH in Offshore Wind // Reuters. 25.09.2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-equinor-renewables-china/norways-equinor-to-cooperate-with-chinas-cpih-in-offshore-wind-idUSKBN1WA1FA> (дата обращения: 03.07.2020).
28. Solar power // Statkraft. 2020. URL: <https://www.statkraft.com/what-we-do/solar-power/> (дата обращения: 03.07.2020).
29. Solar energy in Equinor // Equinor. 2020. URL: <https://www.equinor.com/en/what-we-do/solar.html> (дата обращения: 03.07.2020).
30. Statkraft Selects Norwegian Ocean Sun to Supply Floating Solar Plant in Albania // Statkraft. 12.03.2019. URL: <https://www.statkraft.com/newsroom/news-and-stories/archive/2019/floating-solar-pv/> (дата обращения: 03.07.2020).
31. About Ocean Sun // Ocean Sun. 2020. URL: <https://oceansun.no/about/> (дата обращения: 03.07.2020).
32. The Government's Action Plan for Green Shipping // Regjeringen. 2019. URL: <https://www.regjeringen.no/contentassets/2ccd2f4e14d44bc88e93ac4effe78b2f/the-governments-action-plan-for-green-shipping.pdf> (дата обращения: 03.07.2020).
33. Review of Maritime Transport 2019 // UNCTAD. 2020. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/rmt2019_en.pdf (дата обращения: 03.07.2020).
34. Greenhouse Gas Emissions // IMO. 2019. URL: <http://www.imo.org/en/OurWork/Environment/PollutionPrevention/AirPollution/Pages/GHG-Emissions.aspx> (дата обращения: 03.07.2020).
35. Green Shipping Programme // DNV-GL. 2020. URL: <https://www.dnvgl.com/maritime/green-shipping-programme/index.html> (дата обращения: 03.07.2020).
36. Green Shipping Programme: Creating the World's Most Environment-Friendly Fleet // The Explorer. 12.02.2020. URL: <https://www.theexplorer.no/stories/ocean/green-shipping-programme-creating-the-worlds-most-environment-friendly-coastal-fleet/> (дата обращения: 03.07.2020).
37. Initiated Pilots – First in the World // DNV-GL. 2020. URL: <https://www.dnvgl.com/maritime/green-shipping-programme/GSPJPilotProject.html> (дата обращения: 03.07.2020).
38. Battery Electric Car Ferry in Norway // PPMC-transport. 2015. URL: <http://www.ppmc-transport.org/battery-electric-car-ferry-in-norway/> (дата обращения: 03.07.2020).
39. Three More Hybrid Ferries in Build in Norway // Maritime Journal. 06.12.2019. URL: <https://www.maritimejournal.com/news101/power-and-propulsion/three-more-hybrid-ferries-in-build-in-norway> (дата обращения: 03.07.2020).
40. Remontowa Shipbuilding launched first electric ferry for Norway // Poland at Sea – Maritime Economy Portal. 04.10.2019. URL: <http://www.polandatsea.com/remontowa-shipbuilding-launched-first-electric-ferry-for-norway/> (дата обращения: 03.07.2020).
41. Yara Birkeland Project Paused Due to COVID-19 // Marine Link. 11.05.2020. URL: <https://www.marinelink.com/news/yara-birkeland-project-paused-due-covid-478386> (дата обращения: 03.07.2020).
42. 119 Enova-Millioner Til ASKOs Autonome Fartøy // Enova. 16.03.2019. URL: <https://presse.enova.no/news/119-enova-millioener-til-askos-autonome-fartoy-362196> (дата обращения: 03.07.2020).
43. Space Norway in Brief // Space Norway. 2019. URL: <https://spacenorway.no/home/> (дата обращения: 03.07.2020).
44. Long-Term Plan for Research and Higher Education 2019–2028 // Regjeringen. 2019. URL: <https://www.regjeringen.no/contentassets/9aa4570407c34d4cb3744d7acd632654/en-gb/pdfs/stm201820190004000engpdfs.pdf> (дата обращения: 03.07.2020).

References

1. VestiFinance. (2019) Norvezhskiy fond prodast aktivy neftegazovykh kompaniy na \$6 mlrd [A Norwegian fund will sell the assets of oil and gas companies for \$6 billion]. *VestiFinance*. 3 October. [Online] Available from: <https://www.vestifinance.ru/articles/125962> (Accessed: 03.07.2020).
2. Kravchuk, A.A. (2020) Norway's economic policy in the Arctic. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 5 (64). pp. 101–108. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-101-108
3. Regjeringen. (2017) *The Norwegian Government's Ocean Strategy – New Growth, Proud History*. [Online] Available from: <https://www.regjeringen.no/contentassets/00f5d674cb684873844bf3c0b19e0511/the-norwegian-governments-ocean-strategy---new-growth-proud-history.pdf> (Accessed: 03.07.2020).
4. Regjeringen. (2019) *Blue Opportunities – The Norwegian Government's Updated Ocean Strategy*. [Online] Available from: https://www.regjeringen.no/globalassets/departementene/nfd/dokumenter/strategier/w-0026-e-blue-opportunities_uu.pdf (Accessed: 03.07.2020).
5. Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO). (2019) *The State of World Fisheries and Aquaculture 2018 – Meeting the Sustainable Development Goals*. [Online] Available from: <http://www.fao.org/3/i9540en/i9540en.pdf> (Accessed: 03.07.2020).
6. Statistics Norway. (2020) *External economy*. [Online] Available from: <https://www.ssb.no/en/utenriksokonomi> (Accessed: 03.07.2020).
7. Norwegian Seafood Council. (2020) *Norwegian Seafood Exports Top NOK 107 Billion in 2019*. [Online] Available from: <https://en.seafood.no/news-and-media/news-archive/norwegian-seafood-exports-top-nok-107-billion-in-2019/> (Accessed: 03.07.2020).
8. Fiskeridir. (2019) *Key Figures from the Norwegian Aquaculture Industry 2018*. [Online] Available from: <https://www.fiskeridir.no/English/Aquaculture/Statistics/Booklets> (Accessed: 03.07.2020).
9. WWF Russia. (2020) *Pozitsiya WWF Rossii po voprosu sadkovoy akvakul'tury* [WWF Russia's position on the issue of cage aquaculture]. [Online]

Available from: <https://wwf.ru/about/positions/sadkovaya-akvakultura-ryborazvedenie/> (Accessed: 03.07.2020).

10. Aquavitró. (2017) *Na vodu spustili platformu "Ocean Farm 1"* [The "Ocean Farm 1" platform was launched into the water]. [Online] Available from: <http://aquavitró.org/2017/11/01/na-vodu-spustili-platformu-ocean-farm-1/> (Accessed: 03.07.2020).
11. Salmon Business. (2018) *SalMar's Gigantic Ocean Farm Gears Up for Harvest*. [Online] Available from: <https://salmonbusiness.com/salmar-gigantic-ocean-farm-gears-up-for-harvest/> (Accessed: 03.07.2020).
12. SeaFoodSource. (2020) *Offshore Salmon Farming "the Right Direction" for SalMar*. [Online] Available from: <https://www.seafoodsource.com/news/aquaculture/offshore-salmon-farming-the-right-direction-for-salmar> (Accessed: 03.07.2020).
13. China Daily. (2017) Norway's Fish Industry Gets Chinese Boost. *China Daily*. [Online] Available from: http://www.chinadaily.com.cn/world/cn_eu/2017-06/05/content_29611484.htm (Accessed: 03.07.2020).
14. Salmon Business. (2017) *Nordlaks Wants to Build Three Versions of the Havfarm*. [Online] Available from: <https://salmonbusiness.com/nordlaks-wants-to-build-three-versions-of-the-havfarm/> (Accessed: 03.07.2020).
15. Project Cargo Journal. (2020) Boka Vanguard is Shipping a Massive Fish Farm to Norway. *Project Cargo Journal*. [Online] Available from: <https://www.projectcargojournal.com/shipping/2020/05/11/boka-vanguard-is-shipping-a-massive-fish-farm-to-norway/?gclid=accept> (Accessed: 03.07.2020).
16. Undercurrent News. (2020) *SalMar Hopes to Begin Construction of 'Ultimate Offshore Farm' This Summer*. [Online] Available from: <https://www.undercurrentnews.com/2020/03/04/salmar-hopes-to-begin-construction-of-ultimate-offshore-farm-this-summer/> (Accessed: 03.07.2020).
17. FishFarmingExpert. (2019) *Ocean Farm's Big Brother Will Go Ahead Says SalMar*. [Online] Available from: <https://www.fishfarmingexpert.com/article/ocean-farms-big-brother-to-go-ahead-says-salmar/> (Accessed: 03.07.2020).
18. Energi21. (2018) *National Strategy for Research and Development of New Energy Technology – Energi21*. [Online] Available from: <https://www.energi21.no/siteassets/energi21strategi2018lr.pdf> (Accessed: 03.07.2020).
19. British Petroleum. (2020) *Statistical Review of World Energy 2020*. [Online] Available from: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf> (Accessed: 03.07.2020).
20. International Energy Agency. (2019) *Offshore Wind Outlook 2019 – World Energy Outlook Special Report*. [Online] Available from: http://www.indiaenvironmentportal.org.in/files/file/Offshore_Wind_Outlook_2019.pdf (Accessed: 03.07.2020).
21. Global Maritime. (2019) *Global Maritime Renewable Projects*. [Online] Available from: <https://www.globalmaritime.com/renewables> (Accessed: 03.07.2020).
22. Equinor. (2020) *Offshore Wind in Equinor*. [Online] Available from: <https://www.equinor.com/en/what-we-do/wind.html> (Accessed: 03.07.2020).
23. World Forum Offshore Wind (WFO). (2020) *Global Offshore Wind Report 2019*. [Online] Available from: https://wfo-news.de/wp-content/uploads/2020/02/WFO_Global-Offshore-Wind-Report-2019.pdf (Accessed: 03.07.2020).
24. Equinor. (2020) *Hywind Tampen Approved by Norwegian Authorities*. [Online] Available from: <https://www.equinor.com/en/news/2020-04-08-hywind-tampen-approved.html> (Accessed: 03.07.2020).
25. OffshoreWind.biz. (2018) *Norwegians Talk Offshore Wind in Japan*. [Online] Available from: <https://www.offshorewind.biz/2018/10/26/norwegians-talk-offshore-wind-in-japan/> (Accessed: 03.07.2020).
26. Equinor. (2019) *Floating Offshore Wind Project in South Korea*. [Online] Available from: <https://www.equinor.com/en/news/2019-07-11-floating-offshore-wind-project-in-south-korea.html> (Accessed: 03.07.2020).
27. Reuters. (2019) Norway's Equinor to Cooperate with China's CPHI in Offshore Wind. *Reuters*. [Online] Available from: <https://www.reuters.com/article/us-equinor-renewables-china/norways-equinor-to-cooperate-with-chinas-cphi-in-offshore-wind-idUSKBN1WA1FA> (Accessed: 03.07.2020).
28. Statkraft. (2020) *Solar power*. [Online] Available from: <https://www.statkraft.com/what-we-do/solar-power/> (Accessed: 03.07.2020).
29. Equinor. (2020) *Solar energy in Equinor*. [Online] Available from: <https://www.equinor.com/en/what-we-do/solar.html> (Accessed: 03.07.2020).
30. Statkraft. (2019) *Statkraft Selects Norwegian Ocean Sun to Supply Floating Solar Plant in Albania*. [Online] Available from: <https://www.statkraft.com/newsroom/news-and-stories/archive/2019/floating-solar-pv/> (Accessed: 03.07.2020).
31. Ocean Sun. (2020) *About Ocean Sun*. [Online] Available from: <https://oceansun.no/about/> (Accessed: 03.07.2020).
32. Regjeringen. (2019) *The Government's Action Plan for Green Shipping*. [Online] Available from: <https://www.regjeringen.no/contentassets/2ccd2f4e14d44bc88c93ac4effe78b2f/the-governments-action-plan-for-green-shipping.pdf> (Accessed: 03.07.2020).
33. UNCTAD. (2020) *Review of Maritime Transport 2019*. [Online] Available from: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/rmt2019_en.pdf (Accessed: 03.07.2020).
34. IMO. (2019) *Greenhouse Gas Emissions*. [Online] Available from: <http://www.imo.org/en/OurWork/Environment/PollutionPrevention/AirPollution/Pages/GHG-Emissions.aspx> (Accessed: 03.07.2020).
35. DNV-GL. (2020) *Green Shipping Programme*. [Online] Available from: <https://www.dnvgl.com/maritime/green-shipping-programme/index.html> (Accessed: 03.07.2020).
36. The Explorer. (2020) *Green Shipping Programme: Creating the World's Most Environment-Friendly Fleet*. *The Explorer*. [Online] Available from: <https://www.theexplorer.no/stories/ocean/green-shipping-programme-creating-the-worlds-most-environment-friendly-coastal-fleet/> (Accessed: 03.07.2020).
37. DNV-GL. (2020) *Initiated Pilots – First in the World*. [Online] Available from: <https://www.dnvgl.com/maritime/green-shipping-programme/GSPPIlotProject.html> (Accessed: 03.07.2020).
38. PPMC-transport. (2015) *Battery Electric Car Ferry in Norway*. [Online] Available from: <http://www.ppmc-transport.org/battery-electric-car-ferry-in-norway/> (Accessed: 03.07.2020).
39. Maritime Journal. (2019) *Three More Hybrid Ferries in Build in Norway*. *Maritime Journal*. [Online] Available from: <https://www.maritimejournal.com/news101/power-and-propulsion/three-more-hybrid-ferries-in-build-in-norway> (Accessed: 03.07.2020).
40. Poland at Sea – Maritime Economy Portal. (2019) *Remontowa Shipbuilding launched first electric ferry for Norway*. [Online] Available from: <http://www.polandatsea.com/remontowa-shipbuilding-launched-first-electric-ferry-for-norway/> (Accessed: 03.07.2020).
41. Marine Link. (2020) *Yara Birkeland Project Paused Due to COVID-19*. *Marine Link*. 11 May. [Online] Available from: <https://www.marinelink.com/news/yara-birkeland-project-paused-due-covid-478386> (Accessed: 03.07.2020).
42. Enova. (2019) *119 Enova-Millioner Til ASKOs Autonome Fartøyer*. *Enova*. 16 March. [Online] Available from: <https://presse.enova.no/news/119-enova-millioner-til-askos-autonome-fartoey-362196> (Accessed: 03.07.2020).
43. Space Norway. (2019) *Space Norway in Brief*. [Online] Available from: <https://spacenorway.no/home/> (Accessed: 03.07.2020).
44. Regjeringen. (2019) *Long-Term Plan for Research and Higher Education 2019–2028*. [Online] Available from: <https://www.regjeringen.no/contentassets/9aa4570407c34d4cb3744d7acd632654/en-gb/pdfs/stm201820190004000engpdfs.pdf> (Accessed: 03.07.2020).

Информация об авторе:

Кравчук А.А. – канд. полит. наук, внештатный научный сотрудник научной лаборатории “Международные институты многостороннего сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона” Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия). E-mail: zkv3krava@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Kravchuk, Cand. Sci. (Political Science), Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: zkv3krava@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.07.2020;
одобрена после рецензирования 15.06.2021; принята к публикации 28.03.2022.*

*The article was submitted 24.07.2020;
approved after reviewing 15.06.2021; accepted for publication 28.03.2022.*

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.17223/15617793/476/6

Победа Советского государства во Второй мировой войне: особенности ранней памяти в официальных источниках на примере календаря-справочника на 1946 г.

Жанна Ефимовна Левина¹

¹*Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия, zhlevina55@yandex.ru*

Аннотация. На основе традиционных официальных источников советского периода, статистических материалов, справочных и обзорных статей, хроники главных исторических событий, представленных в календаре-справочнике 1946 г., выделяется начальная схема формирования стереотипов воспоминаний, выявляются характерные особенности, структура, основные положения ранней официальной памяти о Второй мировой войне и Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: историческая память, культурная память, коллективная память, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, выступления И.В. Сталина, В.М. Молотова, календарь-справочник

Для цитирования: Левина Ж.Е. Победа Советского государства во Второй мировой войне: особенности ранней памяти в официальных источниках на примере календаря-справочника на 1946 г. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 58–64. doi: 10.17223/15617793/476/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/6

The victory of the Soviet state in World War II: Peculiarities of early memories in official sources as illustrated by a reference calendar for the year 1946

Zhanna E. Levina¹

¹*Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation, zhlevina55@yandex.ru*

Abstract. The aim of the present article is to highlight the problem of official memories of World War II and the Great Patriotic War, the initial scheme for the formation of stereotypes of memories by means of official information. It is possible to reach this aim by referring to the provisions and principles of the theory of cultural memory and the concepts of collective (superindividual) memory. The choice of the calendar as the main source is due to the fact that the calendar, being a cultural phenomenon and an element of everyday life, can structure the world outlook and world attitude of society; it sets and creates stereotypes – memories and stereotypes of upbringing, and it forms rational and emotional memories. The calendar as a historical source can highlight some separate elements in the mechanism of the historical memory formation. Attention to the calendar as a reference book is determined by the encyclopedic content of this type of periodicals that includes: official and operational information about political, social and economic, scientific, cultural events in the country and in the whole world, review articles on the most relevant topics, political agitation notes, as well as political and informational texts. Such traditional official sources of the Soviet period as the copies of the speeches by Joseph Stalin, the copy of the report by Vyacheslav Molotov, as well as statistical materials, reference and review articles, the chronicle of the main historical events included in the 1946 edition, make it possible to single out the problem of the government and the people, the state and the people as the main themes of understanding in the official memories of this period. A great attention is paid to the role of the main parts of the social basis of the Soviet state. The war is seen as a test for the legitimacy and solvency of the state. The victory is presented as the victory of a new type of the state which is superior to other state forms in all spheres. The main provisions and structure of the historical presentation of the Great Patriotic War used in the reference calendar is preserved in scientific publications until the mid-1980s. Some specific political characteristics of the current events and strategic development plans demonstrate the preservation of the ideas about the “common past of a united humanity”, the equality of participants in the world historical process, “global generosity”, Russia as the family of peoples, the peculiarities of national culture and character formed by the Russian social thought in the second half of the 19th – early 20th centuries.

Keywords: historical memory, cultural memory, collective memory, World War II, Great Patriotic War, speeches by Stalin and Molotov, reference calendar

For citation: Levina, Zh.E. (2022) The victory of the Soviet state in World War II: Peculiarities of early memories in official sources as illustrated by a reference calendar for the year 1946. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 58–64. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/6

Коллективная (общая) память определяется как важнейшее условие сохранения и развития любого общества. Историческая память является избирательной, что связано, прежде всего, с избирательностью сознания, не способного в равной мере охватить все представления о прошлом. Динамика и изменения исторической памяти зависят от предшествующего опыта, ранее выработанного отношения к объекту и политической конъюнктуры. Трансформация коллективной памяти и в частности исторической памяти о Второй мировой войне и Великой Отечественной войне, связывается большинством исследователей с социальными сдвигами и политическими катаклизмами, [1. С. 85] «политикой памяти» и «исторической политикой», зависящими от политического заказа и решения определенных социально-политических задач [2. С. 1]. Эволюционирование образов прошлого, обусловленное сменой поколений и многоуровневостью индивидуальной памяти, выделяется как стрессовая проблема, требующая более пристального внимания исторического сообщества [1. С. 89–90].

В исследованиях ведущих специалистов, коллективная память сопоставляется с официальной памятью как продуктом манипулирования власти [2. С. 87]. Отсутствие прямой и исключительной зависимости коллективной памяти о войне от конъюнктурных коммерциальных практик, устойчивость коллективной памяти в условиях пересмотра «базовых советских нарративов, ставших основой социальной мифологии», признают исследователи медиатехнологий [3. С. 113–114].

В проблеме создания официальной памяти о войне важнейшим вопросом представляется выделение начального механизма вырабатывания стереотипов воспоминаний каналами официальной информации. Интересным источником для изучения раннего этапа формирования официальной памяти является календарь, по мнению ряда исследователей, превращающий историю в память, задавая траекторию восприятия истории и политики. Являясь своеобразной матрицей, развивающей особый «рельеф сознания», календарь навязывает интерпретационную схему восприятия истории, воздействуя на память путем внедрения и внушения [4. С. 55]. Особым видом периодического издания являются календари-справочники, имеющие универсальный и энциклопедический характер, идущий от хронографического жанра, появившегося в отечественной культуре в XV–XVII вв. Издания такого типа содержат официальную и оперативную информацию о политических, социально-экономических, научных, культурных событиях в стране и мире, обзорные статьи по наиболее актуальным темам, тексты агитационно-политического и информационного характера [5. С. 113]. Календарь-справочник на 1946 г. включает традиционные официальные источники советского периода, статистические материалы, справочные и обзорные статьи. До-

кументы Партии и Правительства представлены обращением И.В. Сталина к народу 2 сентября 1945 г., докладом В.М. Молотова на торжественном заседании Московского совета 6 ноября 1945 г., приказами Верховного главнокомандующего. Традиционные формы дополняет такая менее формальная и более эмоциональная разновидность выступлений, как то-сты И.В. Сталина, произнесенные в относительно камерной обстановке правительственных приемов.

Официальные источники, отобранные составителями издания, вбирают несколько направлений осмысления и формирования памяти о Второй мировой и Великой Отечественной войнах.

В выступлениях руководителей государства выделяется проблема «власть и народ», «государство и народ». Фиксируется не только легитимность власти, но и единение правительства и народа.

Проблеме отношения народа к власти был посвящен тост на приеме в честь командующих войсками Красной армии 24 мая 1945 г., в печатных источниках определенный как «Выступление товарища И.В. Сталина». Особенно интересно высказывание о правах и полномочиях советского народа: «Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии». Сталин называет доверие русского народа к власти решающей силой, которая обеспечила разгром фашизма: «Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!» [6. С. 12].

В.М. Молотов в выступлении на торжественном заседании Московского Совета, посвященного 28-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, констатировал: «Советская власть сильна своей близостью к народу». Война представлялась как жестокая проверка, «еще более» укрепившая «подлинно народное государство». Советский патриотизм выдержал испытание не только тяжелыми боями, но и сравнением советского образа жизни с европейским укладом, что особенно было выделено в докладе Молотова: «Интересно, однако, что советские люди возвращаются домой с еще более горячим чувством преданности к своей Родине и советской власти» [6. С. 173].

Место и роль народа конкретизированы на приеме в честь участников Парада Победы 25 июня 1945 г. Многочисленные здравицы, предложенные В. Молотовым, выделяют главных героев разгрома врага: бойцы и командиры Красной армии; командующие фронтами и армиями; тов. Сталин; советские артиллеристы, маршалы и генералы артиллерии; Председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин; Правительство, народные комиссары и весь Совет народных комиссаров; Генераль-

ный штаб Красной армии; работники Красной Армии, которые обеспечили организацию тыла армии; деятели искусства и науки; присутствующие в зале советские ученые; представители передовой конструкторской мысли [7. С. 1]. Сталин поднял тост за «людей простых, обычных, скромных». Людей без званий и чинов Сталин назвал «винтиками», которые обеспечивают не только работу, но и само существование государственной машины в целом: «Какой-либо “винтик” разладился – и кончено. “винтики” держат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела». Четко обозначалась общественная иерархия, в которой народ, «скромные люди», находятся на нижнем, а чиновники – на высшем уровне: «Никто о них ничего не пишет, звания у них нет, чинов мало, но это – люди, которые держат нас, как основание держит вершину». Повторяется и мысль о зависимости власти, чиновников от воли народа: «Я бы хотел выпить за здоровье людей, у которых чинов мало и звание незавидное. За людей, которых считают “винтиками” великого государственного механизма, но без которых все мы – маршалы и командующие фронтами и армиями, говоря грубо, ни черта не стоим» [6. С. 13].

В представлениях о роли народа прослеживается парадоксальность. С одной стороны, только он – реальная сила, от которой зависит ход мировой истории. С другой – применительно к советским людям настойчиво повторяются определения, создающие образ «маленького человека», характерного для российской общественной мысли и художественной культуры XIX – начала XX в.: «незавидное» звание, «нет» звания, «мало» чинов, «скромные», «простые», «обычные» люди, «винтики», безымянная масса: «имя им легион». Персонифицируют «обычных людей» события, зафиксированные в «Основных датах по истории СССР и Великой Отечественной войны», в том числе данные о мерах поощрения и наградной политике. В историю на этом этапе вошли Герои Советского Союза, получившие высшие награды первыми, в 1941 г.: военные летчики, младшие лейтенанты С.И. Звонарев, М.П. Жуков, П.Т. Харитонов, капитан Н.Ф. Гастелло, младший лейтенант В.В. Талалихин, особо отличившиеся в партизанской борьбе Т.П. Бумажков, Ф.И. Павловский [6. С. 277], а также 28 героев-панфиловцев – единственные, чьи действия были определены как «подвиг» [6. С. 278]. В датах 1942 г. названо награждение «как особо отличившихся в партизанской борьбе» Героев Советского Союза М.А. Гурьянова, З.А. Космодемьянской, И.Н. Кузина. Как автор гражданской инициативы, направленной на помощь государству, включен в хронологию саратовский колхозник Ферапонт Головатый, отдавший 100 тыс. руб. личных сбережений «на строительство самолета в подарок Красной Армии» [6. С. 283]. Трудовой героизм конкретизирован в лице положившего начало движению тысячников фрезеровщика Д.Ф. Босого, выполнившего за день 1480% сменного задания [6. С. 280]. В 1943 г. отмечены даты публикации сообщения о гибели майора, командира авиаполка, Ге-

роя Советского Союза Марины Расковой [6. С. 284] и присвоения звания Героя Советского Союза «организаторам и руководителям» комсомольской организации «Молодая гвардия» [6. С. 288]. В 1944–1945 гг. выделено награждение орденом «Победа» И.В. Сталина, а также награждение третьей медалью «Золотая Звезда» летчика, полковника А.И. Покрышкина [6. С. 298], маршала Советского Союза Г.К. Жукова [6. С. 307] и летчика, майора И.Н. Кожедуба [6. С. 308]. Причем если для «починов» указывается дата события, то в случае награждения приводится дата Указа о присвоении звания.

Война как испытание легитимности и состоятельности Советского государства подробно рассматривается в докладе В.М. Молотова. Роль основных составляющих социальной основы государства характеризуется в соответствии с классовым подходом. Отмечены гендерные, возрастные, социальные изменения в составе рабочего класса: «Миллионы сынов рабочего класса были мобилизованы и сражались на фронте. Но заводы и фабрики продолжали работать, пополнялись новыми кадрами, особенно за счет женщин и молодежи» [6. С. 169–170].

В оценке крестьянства на первом месте стоит «политическая сознательность» и «колхозная организованность в сельском хозяйстве». Подчеркивается роль крестьянства в военных успехах: «ряды нашей Красной Армии состоят в большинстве своем из колхозников» [6. С. 170].

Особое отношение в Советском государстве к интеллигенции нашло отражение и в определении ее роли в войне. Отмечалось, что интеллигенция не только выполнила свой «долг перед народом», «честно и успешно» исполняла свои «высокие» обязанности в деле организации хозяйственной работы, воспитании новых кадров специалистов, в деле охраны здоровья и повышения культурного уровня. Исчезло разделение интеллигенции на «старую» и «новую». Эта проблема, по словам Молотова, «была «снята самой жизнью». Одним из итогов войны стало признание интеллигенции «достойной своего народа», «верно служащей своей Родине», что вызвало аплодисменты участников заседания [6. С. 170]. Интеллигенция называлась «передовой и наиболее культурной частью» советского народа. В годы войны была не только преодолена неоднородность самой интеллигенции, но и произошло единение интеллигенции с народом, интеллигенция «слилась со своим народом, подняв тем самым морально-политическое единство советского общества на еще более высокую ступень» [6. С. 171–172]. В отличие от рабочего класса и крестьянства, представленных в докладе монолитом, все достижения интеллигенции связывались с ее «подавляющим большинством», оставляя в силе установку о дифференцированности этой части советского общества [6. С. 170]. Участие интеллигенции в боевых действиях не только никак не оценивалось, но и не упоминалось.

В признании интеллигенции равноценной частью советского народа виделось одно из проявлений «нового подъема» советского демократизма. Если в Кон-

ституции СССР 1936 г. значилось, что Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян (ст. 1), а вся власть принадлежит трудящимся города и деревни (ст. 3) [8], в докладе Молотова подчеркивается паритет рабочих, крестьян и интеллигенции, расширяется формулировка социалистического народовластия: «...рабочие, крестьянство и интеллигенция в качестве равноправных граждан управляют как местными делами, так и государством» [6. С. 171].

Отмечалась роль всех элементов политической системы советского общества. Напряженная организаторская и воспитательная работа в рабочих массах профессиональных союзов и «других рабочих организаций» обеспечила рост производительности труда в военное время [6. С. 170].

Неоднократно упоминается значение социалистического соревнования как особой формы организации труда. Развитие новых форм повышения, «поднятия», производительности труда связывается с деятельностью передовых рабочих и всего рабочего класса: «Рабочие и работницы работали больше, чем в довоенное время. В результате этого многие трудности были преодолены». Осознание его необходимости в колхозах и совхозах рассматривается как важнейшее условие восполнения потерь в сельском хозяйстве, связанных с временной утратой части территории, сокращением численности сельского населения, особенно наиболее работоспособной: «Крестьяне и крестьянки хорошо поняли теперь значение социалистического соревнования в колхозах и многое сделали для того, чтобы восполнить тот урон, который был нанесен сельскому хозяйству...» [6. С. 179].

Отмечена активная деятельность «бесчисленных» производственных, культурных, спортивных рабочих организаций [6. С. 171].

Роли партии внимания уделяется не больше, чем другим элементам советской политической системы: «Как известно, особая ответственность за дело политического воспитания народа в нашей стране лежит на большевистской партии. Успехами в этом деле мы обязаны, прежде всего, нашей великой партии» [6. С. 174]. В справочной части история партии представлена информацией о съездах ВКП(б) [6. С. 44–68].

Экономические достижения Советского Союза показываются как закономерный итог героического коллективного труда и ставятся в один ряд с военными успехами. Наиболее емко эта позиция сформулирована И. Сталиным: «Подобно тому как Красная Армия в длительной и тяжелой борьбе один на один одержала военную победу над фашистскими войсками, труженики советского тыла в своем единоборстве с гитлеровской Германией и ее сообщниками одержали экономическую победу над врагом» [6. С. 169]. В календаре основные тезисы подкреплены датами принятия законов и подзаконных актов о режиме рабочего времени, сроками ввода в строй крупных производственных объектов. День 12 августа 1941 г., например, был отмечен завершением строительства «первой очереди величайшего ирригационного сооружения – Катта-Курганского водохранилища (Уз-

бекская ССР)» [6. С. 247]. Выделены дни совершения трудовых подвигов и выступлений с гражданскими инициативами. Трудовые подвиги часто приурочивались к знаменательным советским датам. 22 апреля 1942 г. было опубликовано обращение колхозников и колхозниц сельхозартели им. Н.К. Крупской Краснодарского края к колхозникам Краснодарского края и всего Советского Союза с призывом засеять в каждом колхозе сверх плана гектары обороны и помощи колхозам, пострадавшим от фашистской оккупации [6. С. 280]. 23 апреля 1943 г. с подобным призывом выступили колхозники сельхозартели «Горшиха» Ярославской области, решившие не только засеять сверхплановые площади, но и откормить «известное количество скота» [6. С. 286]. В число знаменательных дат 1942 г. вошли дни публикации писем трудящихся И.В.Сталину о своих успехах. 9 декабря было напечатано сообщение тамбовских колхозников о сборе денег на танковую колонну, 14 декабря – рапорт строителей о вводе в строй котла турбогенератора Челябинской теплоэлектроцентрали [6. С. 282–283]. Значимость тыла подчеркивается включением в историю СССР дат поздравлений «товарища Сталина» в 1944–1945 гг. трудовых коллективов по поводу ввода в строй цехов, угольных шахт, доменных и мартеновских печей, станков, электростанций, предприятий [6. С. 295, 296, 297, 302, 303, 305, 306].

Масштабность экономического развития Советского государства, непрерывность, поступательность которого «ни на час не прерывалась» в тяжелейших военных условиях [6. С. 237], передает раздел «Некоторые новостройки Великой Отечественной войны», содержащий краткие технологические характеристики 56 предприятий добывающих отраслей и тяжелой промышленности [6. С. 237–248].

Выдержало проверку войной и национально-государственное устройство СССР: «Дружба народов Советского Союза окрепла за годы войны. Наше многонациональное государство... стало еще более сплоченным, и еще более сблизилась советские народы друг с другом» [6. С. 170]. Отказ от колониального устройства Российской империи, ликвидация угнетения и неравенства по национальному признаку, признание за каждым народом права на независимость и свободное национальное развитие, оценка заслуг каждого народа в развитии своей национальной культуры и совершенствовании всего Советского государства дали возможность не только одержать победу над врагом, но и «оказать могучую помощь другим народам в деле их освобождения» [6. С. 171].

В многонациональном Советском государстве И.В. Сталин подчеркивал особое положение русского народа. В узком кругу командующих войсками Красной армии тог был посвящен именно русскому народу: «Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза». Русский народ называется «руководящей силой», обладающей «ясным умом», «стойким характером», «терпением», заслужившей в войне «общее признание» [6. С. 12]. Это положение присутствует и в очерках, посвященных

СССР и РСФСР: «...все народы Советского Союза во главе с великим русским народом поднялись на защиту своего социалистического отечества, на разгром врага» [6. С. 179], «русский народ является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза. В Великой Отечественной войне Советского Союза русский народ был руководящей силой среди всех народов страны» [6. С. 187].

С военными, политическими, экономическими достижениями связывается рост международного авторитета Советского государства [6. С. 169]. Успехи дипломатии и укрепление международного положения определялись, прежде всего, как следствие побед советского народа. В число важнейших результатов внешней политики включались установление за время войны дружественных отношений с Великобританией, США, Францией, Китаем, Польшей, Чехословакией, Югославией и оформление долгосрочных договоров о союзе и взаимопомощи в случае новой агрессии со стороны стран-захватчиков во Второй мировой войне «почти со всеми этими странами» [6. С. 166]. Создание, «наконец», новой международной организации «Объединенные нации» представлялось как инициатива, совместное достижение и долгосрочная ответственность англо-советско-американской коалиции [6. С. 67]. Заявлялось и о принципиальном изменении международных отношений на основе многополярности: «Новая организация не должна стать и орудием какой-либо великой державы, так как претензии на руководящую роль какого-либо одного государства в общих мировых делах несостоятельны в такой же мере, как и претензии на мировое господство» [6. С. 167]. Подчеркивался новый статус СССР на международной арене: «Советский Союз был и будет надежным оплотом в защите мира и безопасности народов и готов это доказать не на словах, а на деле» [6. С. 167].

Изменения карты Европы и Азии по итогам международных соглашений, появление «новых территорий» в составе СССР, объяснялось, прежде всего, действиями в интересах конкретных народов и восстановлением исторической справедливости: «...окончательно воссоединены все территории, населенные белорусами, в единую Советскую Белоруссию, которая может уверенно идти вперед по пути своего национального развития» [6. С. 174]. «Советская Молдавия также полностью объединила территории с населением молдаван, что открывает новые возможности его дальнейшего национального развития» [6. С. 175]. Фактом вхождения, «наконец», Закарпатской Украины в состав СССР подчеркивалась реализация этноконсолидирующих стремлений титульной нации: «...теперь Советская Украина объединяет все украинские территории, о чем веками мечтали наши братья-украинцы». Обращает внимание и особая эмоциональная оценка событий, связанных с Украиной: в состав «нашего государства», «наши братья-украинцы», «мечтали», «наконец». Расширение западных границ за счет присоединения Кенигсберга, восстановления Советской Латвии, Советской Литвы, Советской Эстонии, новые очертания восточных рубежей с переходом к Советскому Союзу южной части Сахалина и Курильских островов трактовались как укрепление безопасности в интересах всего СССР [6. С. 175].

В календарной части справочника наряженная дипломатическая работа показана датами встреч и совещаний представителей СССР, США, Великобритании; датами объявления войны и разрыва дипломатических отношений; датами восстановления дипломатических отношений; датами подписания соглашений о взаимной помощи, в частности в июле 1941 г. между правительствами СССР, Великобритании, Польши, Чехословакии [6. С. 277]; нотами советского правительства, например нотой наркоминдела СССР В.М. Молотова «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных» от 25 ноября 1941 г. [6. С. 278]; датами интервью («ответы на вопросы») И.В. Сталина представителям агентства «Ассошиэйтэд Пресс» (3 октября, 13 ноября 1942 г.) [6. С. 279, 280], газет «Нью-Йорк Таймс», «Таймс», агентства «Рейтер» (май 1943 г.) [6. С. 286], ответа И.В. Сталина на письмо корреспондента газеты «Таймс» (18 мая 1945 г.) [6. С. 306] и др.

Признаются «ошибки» правительства, породившие «отчаянное положение» 1941–1942 гг. [6. С. 1]. Уход от тяжелых воспоминаний, недостаток данных или отсутствие четкой позиции по «отчаянному» периоду выражается в том, что военные действия с 22 июня – «разбойничье нападение гитлеровской Германии» [6. С. 276] – по 16 ноября 1941 г. – «подвиг 28 героев-панфиловцев» [6. С. 278] – присутствуют только как упоминание «великих оборонительных сражений первого периода войны» [6. С. 153] в биографическом очерке, посвященном И.В. Сталину, и информации об отдельных подвигах в хронологической части издания.

Жертвенность народа связывалась с осознанием значения войны в планетарном масштабе. Советский Союз, советский народ победил «врага человечества» [6. С. 12].

Основные положения и структура изложения истории Великой Отечественной войны, использованные в справочнике, сохранялись в научных изданиях вплоть до середины 80-х гг. и применяются в официальных изданиях XXI в. (см., например, [9]). Главным отличием фундаментальных исследований 80-х гг. является усиление внимания к роли партии. Выпущенная в Воениздате краткая история Великой Отечественной войны (1984 г.), содержит разделы «Идеологическая работа партии» [10. С. 450–458] и «Коммунистическая партия – вдохновитель и организатор победы над врагом» [10. С. 533–541]. В двенадцатитомной «Истории Второй мировой войны 1939–1945» [11] ведущая роль партии показывается на каждом этапе: «Коммунистическая партия – организатор отпора фашистскому агрессору» [11. Т. 4. С. 357–379]; «Коммунистическая партия – организатор борьбы за создание коренного перелома в войне» [11. Т. 5. С. 300–316]; «Коммунистическая партия – организатор борьбы советского народа за коренной перелом в войне» [11. Т. 6. С. 185–203]; «Коммунистическая партия Советского Союза – организатор и вдохновитель борьбы за завершение коренного перелома в войне» [11. Т. 7. С. 345–365]; «Деятельность Коммунистической партии по мобилизации советского народа на разгром фашистского блока» [11. Т. 8. С. 329–341]; «Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за дости-

жение решающих побед» [11. Т. 9. С. 359–374]; «Организаторская и идеологическая работа Коммунистической партии», [11. Т. 10. С. 377–390]; «Коммунистическая партия – вдохновитель и организатор победы советского народа над империалистической Японией» [11. Т. 11. С. 296–327]; «Коммунистическая партия Советского Союза в авангарде борьбы против фашизма и милитаризма» [11. Т. 12. С. 60–83]. Кроме того, рассматривается вклад зарубежных коммунистов в разгром фашизма, например: «Коммунистические партии в борьбе за сплочение народных масс против фашистской агрессии» [11. Т. 4. С. 208–242] и др.

Эмоциональное признание поражений первого периода лидерами государства в 1945 г. в историческом осмыслении 70-80-х гг. XX в. меняется на положение о «стратегической обороне советских вооружённых сил» [11. Т. 4. С. 60–132], а оборонительные сражения признаются героическими.

В исследовательском поле долго сохранялись сюжеты, связанные с трансформацией социокультурной сферы: изменение характеристик рабочего класса (см., например, [12. С. 179–181]); деятельность общественных организаций (см., например, [13. С. 181–183]) и др. В начале 90-х гг. XX в. историки затрагивали вопрос о демократизации общества в годы войны. Отмечалась парадоксальность ситуации, соединяющей ужесточение контроля в сфере художественной культуры с расширением толкования «социалистического реализма», общественным признанием права художника на творческий поиск, многовекторность эстетических установок и полиформизм художественных приемов [14. С. 187–188]. Используя новый политический словарь, авторы обращали внимание на «плюрализм» художественной жизни в Сибири и Казахстане, ставших в военное время «своеобразным лагерем вольнодумного творчества» [15. С. 188].

Наиболее устойчивой частью исторической памяти остается тема «обычного человека», связанная с психологическим восприятием и актуализирующая архетипические особенности русской культуры. Образ «маленького человека» приобретает новые грани и в современном историографическом дискурсе, оставляя в силе определение «простого человека» как «части механизма» советской системы [16. С. 108–124].

В материалах сборника прослеживается устойчивая связь с гуманитарными исследованиями дореволюционного периода. Конкретные политические оценки текущих событий и стратегические планы развития демонстрируют сохранение представлений о роли государства, особенностях отечественной культуры и национального характера, сформированных российской общественной мыслью второй половины XIX – начала XX в.: равноправность участников мирового исторического процесса: «...всемирная ли монархия, всемирная ли республика, всемирное ли господство одной системы государств, одного культурно-исторического типа – одинаково вредны и опасны для прогрессивного хода истории» (Н.Я. Данилевский) [17. С. 135]; «всемирная отзывчивость» (Ф.М. Достоевский), «Россия – семья народов» (Вл. Соловьев), русская культура – дитя исторических катастроф (И. Ильин) [18. С. 13–14], «общее прошлое единого человечества» [19. С. 15].

Материалы календаря-справочника на 1946 г. представляют торжество государства нового типа, превосходящего другие государственные формы во всех сферах. Советское государство показано как единый, сложенный, четко работающий механизм. Ведущая роль КПСС и И.В. Сталина декларируется, но не детализируется. Ошибки и просчеты упоминаются, но не анализируются и не конкретизируются. Аналитическое осмысление соединяется с аффективно заряженными эмоциями.

Список источников

1. Репина Л.П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое / The New Past. 2016. № 1. С. 82–99.
2. Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Вторая мировая война и историческая память: образ прошлого в контексте современной геополитики // Вестник МГИМО. 2009. № 4. С. 299–310.
3. Новикова А.А. Воображаемое сообщество. Очерки экранного образа российской интеллигенции. М.: Согласие, 2018.
4. Щербинин А.И. «Красный день календаря»: формирование матрицы восприятия политического времени в России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2008. № 2 (3). С. 52–69.
5. Зайни Р.Л. К вопросу о календаре как типе периодического издания (на примере календарей на татарском языке) // Ученые Записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2009. № 5-1. С. 110–117.
6. 1946 год: Календарь-справочник. М.: Госполитиздат, 1946. 615 с.
7. Прием в Кремле в честь участников Парада Победы // Красная Звезда. 1945. 26 июня. С. 1
8. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.). URL: https://constitution.garant.ru/histroy/ussrfsfr/1936/red_1936/3958676/chapter/de40175ab12d04d68f792b5b742a18fc/ (дата обращения: 22.05.2021).
9. Зданович В.В. Страна в огне. 1941–1945: достижения современной историографии // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 3 (14). С. 164–186.
10. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: Краткая история. М.: Воениздат, 1984. 560 с.
11. История Второй мировой войны 1939–1945 гг.: в 12 т. М.: Воениздат, 1973–1982.
12. Чаусов Н.Н. Опыт партийных организаций Сибири в решении проблемы рабочих кадров на железнодорожном транспорте в период Великой Отечественной войны // Вопросы историографии и общественно-политической истории Сибири: тез. докл. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения В.И. Ленина / под ред. В.М. Самосудова. Омск: Омск. обл. типография, 1990.
13. Ляушин В.П. Ленинское учение о защите социалистического отечества в практических делах комсомольских организаций севера Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вопросы историографии и общественно-политической истории Сибири: тез. докл. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения В.И. Ленина / под ред. В.М. Самосудова. Омск: Омск. обл. типография, 1990.
14. Назимова В.Ш. Война и художественная культура // Вопросы историографии и общественно-политической истории Сибири: тез. докл. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения В.И. Ленина / под ред. В.М. Самосудова. Омск: Омск. обл. типография, 1990.
15. Никифорова И.А. Художники 1930–1940-х годов (по материалам Павлоградского музея изобразительных искусств) // Культура и интеллигенция России в переломные эпохи (XX в.): тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.Г. Рыженко. Омск, 1993.

16. Тихонов В.В. Как «маленькие люди» творили большую историю: феномен «маленького человека» и его роль в послевоенных идеологических кампаниях в советской исторической науке // История и историки: историографический вестник. 2013. Т. 2011–2012, № 1. С. 108–124.
17. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. 816 с.
18. Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. М.: Соратник, 1995. 310 с.
19. Репина Л.П. Концепции «единого человечества» и «общего прошлого» в интеллектуальном наследии русской исторической школы // Запад–Восток. 2019. № 12. С. 13–28.

References

1. Repina, L.P. (2016) Events and images of the past in historical and cultural memory. *Novoe proshloe – The New Past*. 1. pp. 82–99. (In Russian).
2. Senyavskiy, A.S. & Senyavskaya, E.S. (2009) Vtoraya mirovaya voyna i istoricheskaya pamyat': obraz proshlogo v kontekste sovremennoy geopolitiki [The Second World War and historical memory: the image of the past in the context of modern geopolitics]. *Vestnik MGIMO – MGIMO Review of International Relations*. 4. pp. 299–310.
3. Novikova, A.A. (2018) *Voobrazhaemoe soobshchestvo. Ocherki ekrannogo obraza rossiyskoy intelligentsii* [Imagined Community. Essays on the screen image of the Russian intelligentsia]. Moscow: Soglasie.
4. Shcherbinin, A.I. (2008) “Red-letter-day” as forming of matrix of political time perception in Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2 (3). pp. 52–69. (In Russian).
5. Zayni, R.L. (2009) K voprosu o kalendare kak tipe periodicheskogo izdaniya (na primere kalendarey na tatarskom yazyke) [On the question of the calendar as a type of periodical (on the example of calendars in the Tatar language)]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 5-1. pp. 110–117.
6. Anon. (1946) *1946 god: Kalendar'-spravochnik* [1946: Calendar-reference book]. Moscow: Gospolitizdat.
7. Krasnaya Zvezda. (1945) Priem v Kreml'e v chest' uchastnikov Parada Pobedy [Reception in the Kremlin in honour of the participants of the Victory Parade]. *Krasnaya Zvezda*. 26 June. P. 1.
8. Garant-Servis. (n.d.) *Konstitutsiya (Osnovnoy zakon) Soyuzu Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik (utverzhdena postanovleniem Chrezvychaynogo VIII S'ezda Sovetov Soyuzu Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik ot 5 dekabrya 1936 g.)* [The Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (approved by the resolution of the Extraordinary VIII Congress of Soviets of the Union of Soviet Socialist Republics of December 5, 1936)]. [Online] Available from: https://constitution.garant.ru/history/ussrfsr/1936/red_1936/3958676/chapter/de40175ab12d04d68f792b5b742a18fc/ (Accessed: 22.05.2021).
9. Zdanovich, V.V. (2018) Strana v ogne. 1941–1945: dostizheniya sovremennoy istoriografii [The country is on fire. 1941–1945: the achievements of modern historiography]. *Zhurnal rossiyskikh i vostочноevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy*. 3 (14). pp. 164–186.
10. Tel'pukhovskiy, B.S. (ed.) (1984) *Velikaya Otechestvennaya voyna Sovetskogo Soyuzu 1941–1945: Kratkaya istoriya* [The Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945: A brief history]. Moscow: Voenizdat.
11. Grechko, A.A. (ed.) (1973–1982) *Istoriya Vtoroy mirovoy voyny 1939–1945 gg.* [The History of the Second World War 1939–1945]. Moscow: Voenizdat.
12. Chausov, N.N. (1990) Opyt partiynykh organizatsiy Sibiri v reshenii problemy rabochikh kadrov na zheleznodorozhnom transporte v period Velikoy Otechestvennoy voyny [The experience of party organizations in Siberia in solving the problem of working personnel in railway transport during the Great Patriotic War]. In: Samosudov, V.M. (ed.) *Voprosy istoriografii i obshchestvenno-politicheskoy istorii Sibiri* [Questions of historiography and socio-political history of Siberia]. Omsk: Omsk. obl. tipografiya.
13. Lyaushin, V.P. (1990) Leninskoe uchenie o zashchite sotsialisticheskogo otechestva v prakticheskikh delakh komsomol'skiy organizatsiy severa Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Leninist doctrine on the protection of the socialist Fatherland in practical affairs of Komsomol organizations of the North of Western Siberia during the Great Patriotic War]. In: Samosudov, V.M. (ed.) *Voprosy istoriografii i obshchestvenno-politicheskoy istorii Sibiri* [Questions of historiography and socio-political history of Siberia]. Omsk: Omsk. obl. tipografiya.
14. Nazimova, V.Sh. (1990) Voyna i khudozhestvennaya kul'tura [War and artistic culture]. In: Samosudov, V.M. (ed.) *Voprosy istoriografii i obshchestvenno-politicheskoy istorii Sibiri* [Questions of historiography and socio-political history of Siberia]. Omsk: Omsk. obl. tipografiya.
15. Nikiforova, I.A. (1993) [Artists of the 1930s – 1940s (based on the materials of the Pavlograd Museum of Fine Arts)]. *Kul'tura i intelligentsiya Rossii v perelomnye epokhi (XX v.)* [Culture and Intelligentsia of Russia in Critical Epochs (the 20th century)]. Proceedings of the All-Russian Conference. Omsk. 24–26 November 1993. Omsk: [s.n.]. (In Russian).
16. Tikhonov, V.V. (2013) Kak “malen'kie lyudi” tvorili bol'shuyu istoriyu: fenomen “malen'kogo cheloveka” i ego rol' v poslevoennykh ideologicheskikh kampaniyakh v sovetskoy istoricheskoy nauke [How “little people” created a big story: the phenomenon of the “little man” and his role in post-war ideological campaigns in Soviet historical science]. *Istoriya i istoriki: Istoriograficheskiy vestnik*. 1. pp. 108–124.
17. Danilevskiy, N.Ya. (2008) *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: In-t russkoy tsivilizatsii.
18. Gulyga, A.V. (1995) *Russkaya ideya i ee tvortsy* [The Russian Idea and Its Creators]. Moscow: Soratnik.
19. Repina, L.P. (2019) The concepts of “united humanity” and “common past” in the intellectual heritage of the Russian historical school. *Zapad–Vostok – West–East*. 12. pp. 13–28. (In Russian). DOI: 10.30914/2227-6874-2019-12-13-28

Информация об авторе:

Левина Ж.Е. – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета (Омск, Россия). E-mail: zhlevina55@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Zh.E. Levina, Dr. Sci. (History), professor, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: zhlevina55@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.05.2021;
одобрена после рецензирования 21.06.2021; принята к публикации 28.03.2022.

The article was submitted 26.05.2021;
approved after reviewing 21.06.2021; accepted for publication 28.03.2022.

Научная статья
УДК 93/94:614.83+908
doi: 10.17223/15617793/476/7

Взрыв 1 августа 1918 г. в Омске

Дмитрий Игоревич Петин¹

¹ Омский государственный технический университет, Омск, Россия, dimario86@rambler.ru

Аннотация. На основе комплекса источников (преимущественно неопубликованных), выявленных в фондах Исторического архива Омской области, а также использования периодической печати и фотодокументов проанализированы причины, последствия и процесс расследования военными и гражданскими властями масштабного трагического происшествия – взрыва артиллерийских боеприпасов на грузовом дворе городской железнодорожной ветки. Аргументированно подчеркивается степень влияния на описываемые события конкретных личностей.

Ключевые слова: военная антропология, Гражданская война, железные дороги, военнопленные, Белая армия, взрыв, халатность, чрезвычайное происшествие, Омск

Для цитирования: Петин Д.И. Взрыв 1 августа 1918 г. в Омске // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 65–75. doi: 10.17223/15617793/476/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/7

The explosion on 1 August 1918 in Omsk

Dmitriy I. Petin¹

¹ Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation, dimario86@rambler.ru

Abstract. The aim of the work is to analyze the causes and consequences of a tragic incident – an explosion of ammunition in Omsk at the cargo yard of the city railway station on August 1, 1918. The incident is first studied in historiography. The following objectives are reached in the study. Firstly, the complex of sources that give an idea of the event were studied. Secondly, the factors and actions of specific individuals and forces that led to the tragedy and influenced the course of the investigation of its causes were identified. Thirdly, the research aspects were determined that emerged due to the anthropological study of the event regarding the situation of the Civil War. For the preparation of the work, mainly unpublished sources, stored in the Historical Archive of Omsk Oblast, were used. These are the protocols of interrogation of witnesses and materials of office work, which are part of the investigation file in the fund of the Omsk District Court, and the records of the victims of the explosion, made in the registers of the Orthodox churches of Omsk, available in the fund of the Omsk Spiritual Consistory. Memoirs, periodicals, and photographic documents were also used. The connection between the general historiography of the topic and the issue under study is described. The anthropological approach combined with the comparative historical and problematic chronological methods formed the theoretical basis of the work. Particular attention in the publication is paid to an attempt to a “politicized use” of the tragedy by representatives of the right-wing conservative public, who saw the cause of the incident, like all Russia’s failures, as a “German-Bolshevik trace”. In conclusion, the author states the inconsistency of the initial version of the investigation about the malicious intent of certain political forces. The inquest recognized the cause of the tragedy as criminal negligence, initiating the closure of the case. This was also facilitated by the changed political conjuncture of the anti-Bolshevik Omsk, which perceived the incident as a local one. In the case under consideration, the anthropological vision of the past orients us towards comprehending the circumstances of the military and political everyday life of the Civil War, the psychology of the tragedy’s contemporaries who lived in the militarized society, the influence of the phenomena of captivity and the human factor. The work is intended for a wide range of readers, including specialists who study military history, military anthropology, the Civil War in Russia and Siberian everyday life in this period.

Keywords: military anthropology, Civil War, railways, prisoners of war, White Army, explosion, negligence, emergency, Omsk

For citation: Petin, D.I. (2022) The explosion on 1 August 1918 in Omsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 65–75. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/7

События Гражданской войны в России уже на протяжении почти века являются «традиционной» проблематикой отечественной историографии. Колесания курса академической исторической науки в Советском Союзе, затем в Российской Федерации определялись сменами политической и общественной конъюнктуры. До конца 1980-х гг. очевидный приоритет отдавался советской власти. Затем до 2010-х гг. в центре внимания специалистов было антибольшевистское движение. Характерной чертой исследований в каждый из указанных периодов была идеологическая ангажированность, ошибочно приводившая к идеализации взгляда на изучаемую проблему и, как следствие, – к возникновению и тиражированию мифов (см.: [1–3]).

В настоящее время отчетливо наметилось стремление историков к взвешенным оценкам на основе учета максимального объема источников. Пресыщенность милитаризованными подходами и политизированными оценками заставила современных исследователей Гражданской войны искать проблематики вне темы братоубийственного противостояния [4. С. 124]. Таким аспектом была повседневность и бытование городов в условиях военно-революционного периода 1917–1920 гг. Тогда одним из ключевых административных и военно-политических центров страны стал Омск, носивший с июля 1918 г. по ноябрь 1919 г. официальный статус столицы антибольшевистской России [5], затем до лета 1921 г. являвшимся главным городом советской Сибири [6]. Именно этот хронологический отрезок, как для академических специалистов, так и для неравнодушной к прошлому общественности остается наиболее востребованным, что подтверждается работой омских тематических площадок публичной истории [7, 8].

В текущие 10 лет увидел свет ряд обзорных и обобщающих работ, посвященных повседневной жизни сибирских городов в 1914–1921 гг. и в частности Омска [9–13]. Но в этих трудах историки лишь фрагментарно затрагивали громкие чрезвычайные происшествия, повлекшие травматизм или гибель людей. Пожалуй, единственным исключением стал взрыв, произошедший 25 августа 1919 г. в караульном помещении близ личной резиденции Верховного правителя. Причины события, унесшего жизни 7 нижних чинов конвоя [14. Оп. 11. Д. 95. Л. 182 об.–183], получили спорные трактовки современников и историков: от халатного обращения с боеприпасами (официальная версия) до неудачной попытки физического устранения адмирала А.В. Колчака. Даже при наличии академических наработок данный прецедент повлек ряд дискуссий [15–17].

События Гражданской войны сделали Омск средоточием политической жизни востока России, что особо проявилось при антибольшевистских властях. Город до революции являлся центром Степного края, Сибирского казачьего войска, Омского военного округа, но в 1918–1919 гг. именно здесь в штабах и кабинетах государственных учреждений принимались исторические и судьбоносные решения, а в светских салонах плелись политические интриги (см., напри-

мер, [18. С. 391–395]). Но, несмотря на столь весомый административный статус, Омск по характеру повседневной жизни и ментальности жителей сохранял типичный провинциальный уклад. Поэтому взрыв на грузовом дворе городской железнодорожной станции 1 августа (19 июля, ст.) 1918 г. стал резонансным и исключительным событием.

Цель работы – анализ причин и последствий данного трагического происшествия, впервые изучаемого в историографии.

Основой для подготовки работы стали неопубликованные источники, входящие в состав следственного дела Омского окружного суда, – главным образом протоколы допросов свидетелей, материалы служебного делопроизводства [19] и актовые записи об умерших, сделанные в метрических книгах православных храмов Омска. Вспомогательную роль сыграли мемуары, пресса и фотодокументы.

В современной историографии «Русской смуты XX века» есть немало трудов, ориентированных на «личностное восприятие» прошлого и роль в нем человека [20. С. 136–139; 21. С. 246–248]. Интерпретации поведения, ментальности индивида (общности людей) в условиях армейского социума, боевой обстановки в научных работах способствует военная антропология – развивающееся междисциплинарное гуманитарное направление (см. об этом: [22–24]). Использование антропологического подхода в совокупности со сравнительно-историческим и проблемно-хронологическим методами как теоретического базиса в нашем исследовании позволило максимально полно представить и трактовать драматические события, виной и жертвой которых стал человек.

Трагедия случилась на грузовом дворе городской железнодорожной станции, расположенном в окраинной на тот момент части Омска (в 500 м южнее заканчивалась городская черта). Сюда со станции Омск приходили составы с различными грузами. Ближе к Иртышу располагалась пассажирская остановка. Соединяя вокзал и центр города, ветка функционировала в 1903–1949 гг., утратив значение с развитием в Омске речного и автомобильного транспорта. В 1953 г. на месте грузового двора возникла одна из исторических и ландшафтных достопримечательностей города – сквер им. 30-летия ВЛКСМ. К тому времени с ростом урбанистического пространства эта территория утратила окраинный характер [25].

В 1914–1917 гг. напротив грузовой станции городской ветки с восточной стороны возвели монументальное пятиэтажное здание Управления Омской железной дороги (ОмЖД). В нем с приходом антибольшевистских властей вместе с данной структурой разместили Министерство путей сообщения, а затем и Ставку Верховного главнокомандующего [26. С. 59, 61; 27. С. 67]. С 1961 г. здание занимает один из крупнейших вузов региона – Омский государственный университет путей сообщения. В начале XX в. с севера к грузовому двору городской ветки примыкал жилой квартал; с запада – водопроводная станция (ныне Омский водоканал), бани Мариупольского, вокзал станции Омск-город; с юга – Техническое учи-

лице (ныне развлекательный центр) и яхт-клуб (рис. 1).

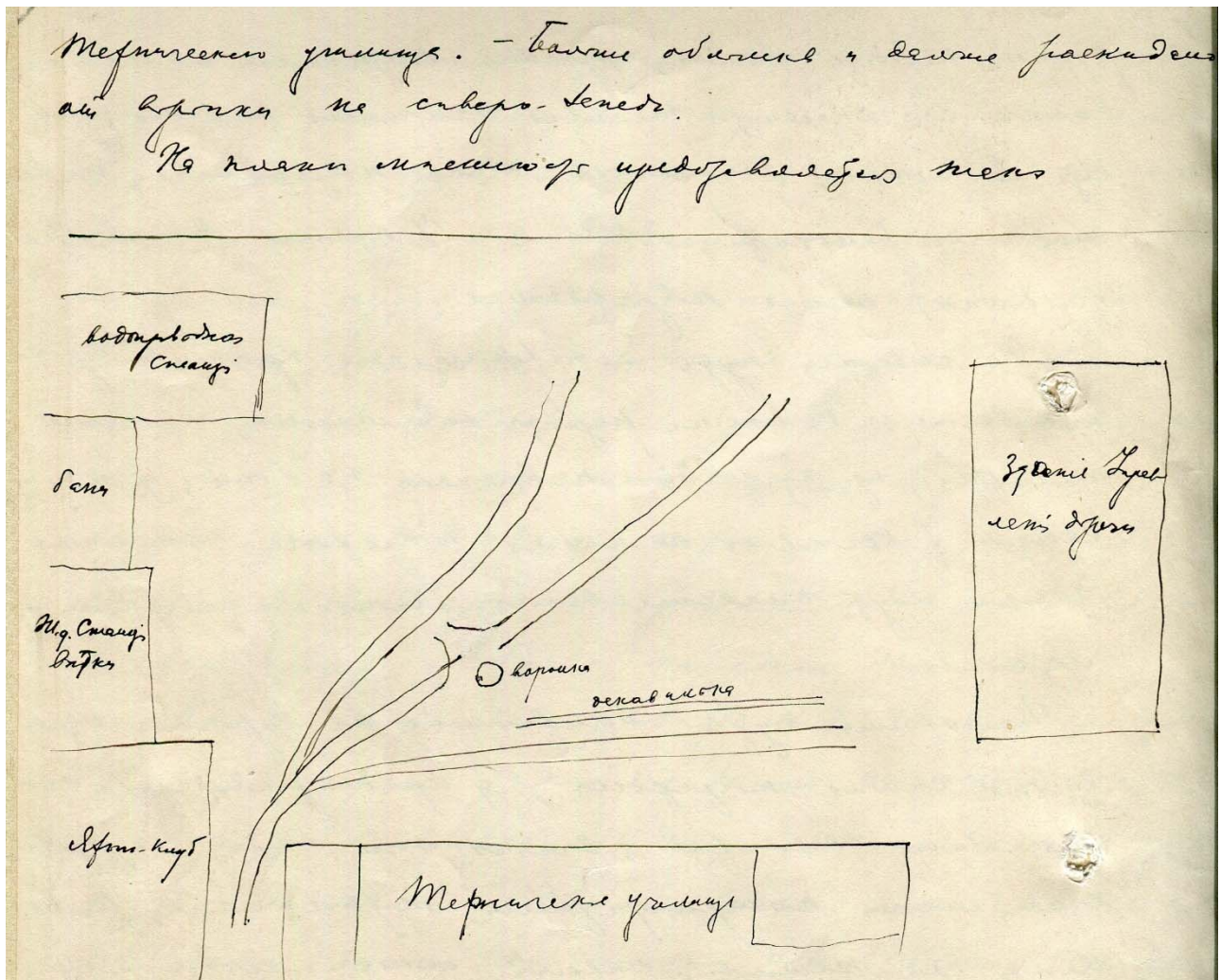

Рис. 1. Схема грузового двора омской городской железнодорожной ветки с обозначением места взрыва. Фрагмент протокола от 1 августа 1918 г. [19. Л. 3 об.]

Обратимся к историческому экскурсу событий 1 августа 1918 г. «[В] 13 часов [Петроградского времени] (15 ч. по Омску [24], по иным данным – в 14 ч 45/48/50 мин. [19. Л. 47–48 об., 52 об., 57]. – прим. Д.П.) 1 августа 1918 г. на верхних тупиках путей городской ветки при производстве чинами военного ведомства работ с артиллерийскими грузами по невыясненной причине произошел взрыв одного вагона шрапнельного пороха[,] число пострадавших по выяснении будет сообщено дополнительно[,] силой взрыва и начавшимся пожаром уничтожено и пострадало 7 классных вагонов и 33 крытых[,] из них 10 груженых[,] в здании Управления [Омской железной] дороги выбиты стекла[,] рамы и причинены незначительные повреждения внутренней отделке помещений[,] движение поездов городской ветки возобновлено в 17 часов [Петроградского времени]». Так описана трагедия в одном из первых сообщений – телеграмме начальника станции Омск [19. Л. 26].

В первые же минуты на место инцидента вместе с руководством станции прибыл ее комендант, полковник Лапузин, а вслед за ним – начальник отдела ми-

лиции ОмЖД полковник Алексей Петрович Зошенко (см.: [28]). Станцию оцепили воинским караулом, категорично никого не пуская [19. Л. 8–9, 57 об., 79]. Ситуация была крайне опасной. Через пару минут после прогремевшего мощного взрыва (как утверждали очевидцы, «компактного» и наиболее сильного по звуку) и охватившего вагоны пожара в большом задымлении стали раздаваться менее сильные взрывы с металлическим лязгом (длились около часа). Очевидцы из числа военных однозначно идентифицировали это как детонацию снарядов [19. Л. 46–46 об., 57 об., 60 об., 121 об.]. Близ места инцидента началась суматоха. Но, рискуя собой, сохранившие самообладание военные и персонал железнодорожной станции при минимуме технических средств (2 брандспойта) оперативно потушили возгорание [19. Л. 84–84 об., 95]. Мужество этих людей неопределимо: их действия предотвратили угрозу роста числа пострадавших.

Полковник Зошенко оперативно опросил свидетелей и составив протокол происшествия. Из документа следует, что на среднем запасном пути стояли прибывшие вагоны: один с порохом, предназначенным к

выгрузке и перевозке на омский артиллерийский склад, второй – с погруженными из автомобиля 500-ми 3-дюймовыми снарядами. Близ тупика стояло 3 вагона на отправку с упакованными в ящики шашками и тесаками. На крайнем пути близ здания Управления ОмЖД стояло 14 вагонов, из них 9 – с интендантским грузом (6 обгорело); в остальных жили чехословаки. Еще 7 вагонов с камнем располагались на соседнем пути (4 из них взрывом сброшены с рельс). От взрыва образовалась воронка глубиной 2,5 аршина (1,4 м) и диаметром 3 сажени (6,4 м), фрагменты грузовика разнесло на расстояние до 200 шагов. Вагон со снарядами отбросило с пути на 15–20 м. В районе взрыва были обнаружены останки не менее 10–12 человек. Раненых отправили в железнодорожную больницу. Опрос первых свидетелей из числа военнослужащих и станционных милиционеров показал, что грузовым автомобилем снаряды доставлялись для отправки с артиллерийского склада. Работы вели 9 военнопленных австрийцев под надзором 3 конвоиров. Тара с порохом, имея повреждения, в автомобиль грузилась ими небрежно [19. Л. 18–19].

Скрыть масштабы трагедии было невозможно. Сообщая гораздо меньше подробностей, чем указа-

но выше, первой о случившемся написала газета «Заря»; информационный материал стоял первым в разделе «Хроника» [29. 2 авг.]. Журналисты, по всей видимости, опирались в большей степени на то, что увидели сами (рис. 1, 2). Та же газета о трагическом событии писала днем позже: «Рельсы согнуты, как тростинки <...> Число убитых подсчитывать чрезвычайно трудно. Несомненно, несколько человек, находившиеся в непосредственной близости от места взрыва, разнесено просто на атомы, другие, находившиеся несколько подальше, искалечены до неузнаваемости. Оторваны и обезображены головы, руки, ноги, вырваны внутренности. Силою взрыва эти части человеческих тел разметаны на большое расстояние. Так, на крыше бани Мариупольского (саженей 80 от места взрыва, 170 м. – Д.П.) найдена голова одного из убитых» [29. 3 авг.]. Схожую информацию опубликовала томская газета «Железнодорожник», сообщая, что убитых «человек не более 7–8» [30]. Собранные останки сначала уложили на брезенте для осмотра у южной стены здания Управления ОмЖД, а затем доставили в городской анатомический покой [19. Л. 3].

Рис. 2. Вид грузового двора омской городской железнодорожной ветки после взрыва. [1–3] августа 1918 г. Омский государственный историко-краеведческий музей. Фонд фотографий и негативов. Ед. уч. ОМК–652/1

Важно отметить, что отсутствие в месте взрыва высотных преград, на открытой местности усилило дальность разлета поражающих элементов и распространения ударной волны. Наличие в непосредственной близости от места взрыва конструкций и предметов из металла и дерева, дополнительно увеличило без того огромный поражающий эффект.

Военные власти оперативно создали 2 комиссии; подготовленные ими экспертные материалы сыграли важную роль в установлении истинных обстоятельств трагедии. В 18 ч 45 мин 1 августа 1918 г. по приказу начальника штаба Степного Сибирского корпуса на

станцию Омск-город прибыли 4 офицера во главе с командиром 1-го Сводного артиллерийского дивизиона, подполковником Дмитрием Николаевичем Кирхманом. А 3 августа Управление Западно-Сибирского военного округа направило для осмотра на место инцидента 3 артиллеристов во главе с подполковником Валерием Михайловичем Кулябко. Обе комиссии, изучив местность и опросив очевидцев, заключили, что наиболее сильный первый взрыв произошел из-за возгорания просыпавшегося черного пороха и на автомобиле. Причинами могли стать халатность или случайность (искра от трения железных

предметов: деталей машины, подков на каблуках сапог). Версию детонации снарядов исключали [19. Л. 93–94].

В 16 ч 30 мин к месту инцидента прибыл вызванный полковником Зощенко следователь по особо важным делам Омского окружного суда Сергей Козлов, перенявший полномочия расследования. С первого дня взрыв рассматривался как спланированный злой умысел. Предварительное следствие начали, руководствуясь статьей 108 Уголовного уложения 1903 г., предполагая «государственную измену» и «пособничество неприятелю в действиях против России» [19. Л. 1]. Любопытна реакция на событие местной консервативной общественности. С присущей антибольшевистской патетикой трактовала инцидент кадетская газета «Сибирская речь», используя трагедию в идеолого-пропагандистских целях: «Взрыв 1 августа, разрушения, растерзанные в клочья люди, которых, быть может, придется считать десятками, и раненые, которых, вероятно, несколько сотен – бедствие тяжкое. От еще более тяжкого бедствия город был спасен милостью случая, разумом и отвагою людей, ограничивших распространение огня. Естественны поиски причины несчастья. Но ее не так-то легко обнаружить. Все, что находилось вблизи взорвавшихся вагонов, было растерзано. Свидетели, ближайшие очевидцы – измельчены в такие жалкие лохмотья мяса и раздробленных костей, которые подбирались в кучи, прикрытые брезентами. Сами вагоны взлетели на воздух и от них остались погнутые, исковерканные тележки платформ. Загорелся ли автомобиль или бросали неосторожно опасный груз или заранее заготовленный для взрыва прибор исполнил свою задачу, если нашелся своего рода герой шпионажа, который пожертвовал собой для исполнения ценного замысла, – кто теперь может сказать с надлежащей определенностью? <...> улики в области обнаружения виновников взрыва неизбежно неустойчивы и невняты. Мы ни на минуту не должны забывать, что враги России – немцы и их верные друзья интернационалисты-большевики – зорко следят за происходящим в Сибири и ценят уничтожение каждого вагона военного снабжения борющихся против них бойцов. Поэтому было бы слишком самонадеянно полагаться на возможную неосторожность, как причину взрыва» [31]. Стоит подчеркнуть, что на момент омского инцидента в Европе еще шла Первая мировая война, породившая в российском обществе активные суждения в духе шпиономании, германофобии и конспирологии [32; 33. С. 66]. Подобная консервативно-националистическая милитаристская риторика стала основой государственной пропаганды белой Сибири [34, 35].

Нельзя исключать, что следователь Козлов мог быть близок по воззрениям к правым силам, и это предопределило изначальную презумпцию расследования. Ведя дело около месяца, за период с 2 по 13 августа 1918 г. он опросил 7 свидетелей (офицеры, нижние чины, гражданские лица). Дознание шло сложно, строилось на косвенных доводах: ведь погибли практически все, кто находился в непосредствен-

ной близи от места трагедии и мог дать наиболее точные показания. Выжившие очевидцы еще испытывали сильный стресс.

На первую половину августа 1918 г. пришлось общественный резонанс, вызванный этим событием, а также похороны жертв. Газета «Заря» сообщила о 18 тяжело раненных, 66 легко раненных, 2 умерших от ран. В заметке подчеркивалось, что установить точное число убитых невозможно. Многочисленные фрагменты тел сложили в 4 гроба [29. 9 авг.]. Но по протоколам, составленным следователем Козловым, в них были 4 неопознанных погибших с тяжелыми ранениями, несовместимыми с жизнью. Останки, находившиеся в городском анатомическом покое, 6 августа захоронили на Шепелевском кладбище [19. Л. 16–17, 30 об.]. Сделать это скорее требовалось и из-за погодных условий летнего сезона. Подчеркнем, что число погибших могло быть гораздо больше, если бы не самоотверженность людей, быстро потушивших пожар, и если бы инцидент произошел не на относительно немногочисленной окраине города, которой стало место трагедии.

Согласимся, что по причине высокой разрушительной силы взрыва назвать точное число жертв действительно вряд ли возможно. Но из анализа метрических книг православных храмов Омска (в аналогичных источниках других конфессий сведений о погибших от взрыва не имеется) [14. Оп. 6. Д. 1382. Л. 621 об. – 622; Оп. 11. Д. 124. Л. 218 об.–219; Д. 125. Л. 530 об. – 531] и следственных протоколов и переписки [19. Л. 10–15, 22, 27–30, 54 об., 77 об. – 78, 99, 109, 139 об., 142 об.] следует, что число тех, кому трагедия стоила жизни как минимум 26 человек. Имена 21 убитого и умершего от ран установлены; 5 тел не были идентифицированы. Прах покойных предали земле на Казачьем и Шепелевском кладбищах. Захоронения не сохранились по причине сноса некрополей в советский период [36. С. 37, 93].

С.И. Голошубин (летом 1918 г. 8-летний гимназист) вспоминал: «Стоя на берегу [Иртыша], услышали взрыв и в стороне управления дороги увидели клубы дыма. Взрывы повторились несколько раз подряд, как оказалось на городской товарной станции были взорваны вагоны со снарядами. На следующий день мы с отцом ходили на место взрыва. Все последствия уже были ликвидированы и ничего не говорило о происшедшем» [37. С. 243]. Официальных комментариев (в том числе о диверсии) власти не давали, молчаливо «соглашаясь» с выводом общественности о несчастном случае. Кроме публикаций в омских газетах «Заря» и «Сибирская речь», никакой реакции прессы не последовало. Нельзя исключать и запрета на дальнейшее освещение трагедии. Анализируемый инцидент пришелся на апогей карьеры военного министра, генерал-майора А.Н. Гришина-Алмазова, который категорически пресекал обсуждения в прессе негативных моментов, связанных с Сибирской армией [38, 39]. Кроме того, в июле 1918 г. глава МВД Временного Сибирского правительства В.М. Крутовский подписал циркуляр о более тщательном наблюдении органов власти за прессой [40. С. 185].

К концу августа процессуальные действия прекратились, возобновившись лишь 10 ноября 1918 г., когда дело принял следователь по особо важным делам Омского окружного суда Николай Алексеевич Соколов [19. Л. 34]. Это был известный юрист, расследовавший позднее убийство семьи Романовых [41]. Условия его деятельности были усложнены. Он начал, оперируя лишь наработками предшественника, не имея возможности увидеть место трагедии, где в считанные дни для нормального функционирования транспорта вынужденно навели порядок (рис. 3). Соколов, ища очевидцев, в ноябре-декабре 1918 г., вел

активную переписку с военными и гражданскими органами. Но время было упущено: со дня события прошло 3 месяца. Часть искомых лиц покинули Омск по службе или личным мотивам, получить сведения о месте их жительства и деятельности на тот момент не представлялось возможным. Но Николай Алексеевич смог найти и опросить 27 новых прямых и косвенных свидетелей: кто видел взрыв или место трагедии в первые часы. По сравнению со своим предшественником, он приобщил к делу большее количество медицинских заключений.

Рис. 3. Вид на грузовой двор омской городской железнодорожной ветки. Начало 1930-х гг. Из открытых интернет-источников

Показания малограмотных солдат, рабочих, обывателей в общем смысле малоинформативные. Большинство этих людей, получив легкие ранения и контузии или не пострадав вообще, указывали, что в состоянии аффекта после первого же взрыва бежали прочь от места происшествия. Наиболее ценные подробности сообщили офицеры и железнодорожные чиновники — лица, психологически более устойчивые, обладавшие образовательным высоким цензом, в том числе технической подготовкой. Они смогли достаточно четко и обоснованно оценить ситуацию, апеллируя к своим знаниям и служебному опыту. Показания ряда свидетелей с разной степенью подробности повторялись или подтверждали сведения, данные иными лицами в августе 1918 г. Но их сопоставление помогло установить важные детали.

Взорвавшиеся снаряды поступили незадолго до трагедии из Самары на Омский артиллерийский склад. Боеприпасы предполагали вечером 1 августа отправить в Челябинск для нужд Уральского корпуса [19. Л. 95; 29. 3 авг.]. Отпуском снарядов с места хра-

нения руководил начальник артиллерийского склада капитан Георгий Михайлович Путинцев. Шрапнельный порох английского производства, прибывший в Омск, получили от начальника гарнизона Бийска; груз сопровождал некий командированный в Омск поручик (погиб при взрыве). Для перевозки пороха с грузового двора городской ветки на артиллерийский склад и доставки обратными рейсами снарядов гараж ОмЖД выделил грузовик и шофера Николая Петровича Евстигнеева (погиб при взрыве) [19. Л. 142–142 об.]. У свидетелей-офицеров техническое состояние транспортного средства вызвало вопросы: автомобиль сильно буксовал, из трещин в остова машины и через глушитель летели искры [19. Л. 87, 126 об., 127 об.]. Машина для удобства погрузки подъезжала прямо к открытой двери вагона. К моменту взрыва снаряды находились в вагоне, а на борт грузовика переместили около 485 единиц тары с порохом [19. Л. 83 об., 93, 122 об. – 123].

Погрузочными работами занимались 9 бывших военнотружеников Австро-Венгерской армии (погибли

при взрыве) под надзором юнкера Иванова и двух конвойных – младшего унтер-офицера Сергея Степановича Саратова и ефрейтора Папаина (погиб при взрыве). Снаряды на станции встречал приемщик артиллерийского склада Александр Карлович Руппель (погиб при взрыве) [14. Оп. 11. Д. 124. Л. 218 об. – 219; 19. Л. 7, 54 об., 77 об.].

Как сообщили многие очевидцы, рабочие грузили порох поспешно, небрежно бросая. Поскольку целостность тары была нарушена вследствие ржавления и физических повреждений, порох просыпался на землю, в кузове автомобиля и в вагоне [19. Л. 86, 121 об., 125 об.]. Помощник адъютанта 8-го Сибирского кадрового полка поручик Иван Никифорович Твердохлебов указал на грубейшее нарушение техники безопасности: при производстве работ шофер и рабочие, несмотря на неоднократные замечания, курили папиросы и трубки [19. Л. 7 об., 94 об., 121 об., 126]. Подобное поведение военнопленных можно приписать малограмотности, но нельзя исключать их общую психологическую подавленность, вызывавшую некое безразлично-невнимательное отношение к себе и окружающим. Эти люди наверняка уже отчаялись вернуться домой, не первый год и не в лучших условиях находились вдалеке от родины; события Гражданской войны отложили вопрос их репатриации. Деморализация славян, служивших на стороне антибольшевистских сил на востоке России, наблюдалась не только на фронте (см. например, [42]), но даже в тыловом Омске. Яков Янович Зенс (летом 1918 г. 34-летний большевик-подпольщик, заключенный Омского концлагеря) вспоминал, что сразу после взрыва на городской ветке «чехи в [концентрационном] лагере (располагался примерно в 600 м от места взрыва. – Д.П.) переполошились, побросали оружие <...> только спустя 10 минут все стало на свои места» [43. С. 155].

Приблизительно за 5 минут до трагедии начальник станции Омск-город Сигизмунд Антонович Корсак, имевший опыт погрузки боеприпасов на Петербургско-Варшавской железной дороге, предупредил о мерах предосторожности приемщика Руппеля, который сказал, что просыпанный в вагоне порох сметен в углы, и просил отправить вагон со снарядами на станцию Омск для дальнейшего следования. Корсак подчеркнул, что ранее вагоны, перевозившие подобные опасные грузы, для недопущения возгорания от попадания случайной искры снаружи обшивались железом, а внутри с использованием медных гвоздей обивались плотным войлоком. Но на тот момент в условиях разрухи и Гражданской войны таких мер безопасности уже не предпринималось [19. Л. 84–85 об., 149 об.].

Очевидцы, находившиеся вблизи места погрузки боеприпасов, указывали, что за несколько секунд до первого взрыва слышалось сильное шипение (момент активного воспламенения пороха). После чего под оглушительный грохот вагон и стоявший рядом с ним автомобиль в шлейфе пламени подбросило в воздух и разметало на части. Искореженную станину грузовика зарыло на дно воронки. Затем последовала продолжи-

тельная серия более слабых взрывов [19. Л. 4–7 об., 72, 86, 121 об., 123 об., 149]. У зданий, расположенных вблизи места инцидента выбило все стекла и часть рам [19. Л. 3, 94].

Свидетели высказывали разные суждения о причине взрыва: один из военнопленных уронил ящик со снарядами, детонация бензина в автомобиле, шофер неаккуратно вел машину, доверху груженую боеприпасами, допустив их повреждение [19. Л. 37, 45 об.–46 об., 49 об., 80–81].

Поручик Иван Ксаверьевич Пуцато – офицер Омского артиллерийского склада, инженер-химик – подчеркивал, что если целостность тары с дымным порохом была нарушена, то легковоспламеняющаяся пороховая пыль, имея мелкую фракцию, могла загореться даже от самой небольшой искры [19. Л. 70]. Капитан Путинцев, полковники Зоценко и Кирхман, опираясь на армейский опыт, уверенно утверждали, что взрыв был характерен именно для большой массы пороха с направленностью ударной волны на юг и юго-запад. На это, по их мнению, указывали звук взрыва, форма воронки и характер задымления и разрушений [19. Л. 7 об., 59, 131 об.]. Из окружающих строений наибольший ущерб получило месяцем ранее отремонтированное здание яхт-клуба [29. 23 июня, 18 авг.], располагавшееся приблизительно в 200 м юго-западнее места происшествия. От тяжелых ранений 4 августа 1918 г. скончалась служащая яхт-клуба Елена Порфирьевна Михайлова [14. Оп. 11. Д. 125. Л. 530 об.–531; 19. Л. 10, 99].

Интересны показания помощника начальника 9-го участка службы пути ОмЖД Александра Васильевича Катеша. Еще 17 августа 1918 г. он подготовил для следователя Козлова эскизный чертеж места взрыва, который активно использовался Н.А. Соколовым при беседах со свидетелями (в деле не сохранился [19. Л. 31]). Катеш уделял большое внимание на конструкции взорвавшихся боеприпасов, указав, что снаряд состоит из медной цилиндрической патронной трубки, в дне этого патрона имеется пистон, на который насыпается порох. В данном случае в патронах был бездымный порох. Над порохом к выходу в патроне помещался шрапнельный снаряд, кончающийся запальной (дистанционной) трубкой с собственным пистоном, ударником и пороховой массой. Эта трубка ввинчивалась в тело снаряда, находясь на его конце. Теоретически допустима детонация такого снаряда при падении на землю, что может произойти только при продольном ударе, приходящемся на запальную (дистанционную) трубку. Но, как твердо считал Катеш, сделать это на практике очень сложно [19. Л. 80 об.–81]. Схожие доводы приводил и полковник Зоценко, говоря, что для детонации от удара необходим сильный и четкий удар по капсулю [19. Л. 59 об.]. Капитан Путинцев сообщил, что так как снаряды направлялись на фронт, в транспортировочных ящиках они были в собранном виде: с запальными (дистанционными) трубками [19. Л. 86 об.].

По мнению железнодорожника Катеша, и полковника Кирхмана версию с детонацией снарядов следовало исключить, поскольку после первого взрыва снаряды – как разбросанные, так и сваленные грудой –

периодически и еще весьма долго взрывались, и, тем не менее, детонировали далеко не все, а лишь нагревшиеся при сильном возгорании деревянные части вагонов, произошедшем из-за воспламенения значительной массы пороха [19. Л. 79 об.–80, 131 об.].

Несмотря на большое число новых сведений, к концу 1918 г. расследование вновь зашло в тупик. Найти еще какую-либо информацию вряд ли было возможно. Н.А. Соколов по поручению Верховного правителя А.В. Колчака в начале марта 1919 г. отбыл в Екатеринбург, где занялся вопросом, куда более значимым тогда для политического имиджа омской власти, – для выяснения обстоятельств убийства семьи Романовых [41. С. 14].

Любопытно, что 29 октября 1918 г. на станции Омск-Сортировочный произошел схожий инцидент, когда под наблюдением чехословацких легионеров шла погрузка снарядов. По причине пожара, возникшего из-за халатности, случился взрыв, но жертв удалось избежать. Расследовать происшествие поручили инспекторскому отделу МПС [44]. Но для власти данный случай имел «второстепенный» смысл, о чем говорит тот факт, что выяснением причин случившегося занимались уже не следственные органы, а ведомственная комиссия.

На весну 1919 г. пришелся заключительный этап в истории расследования трагедии на городской железнодорожной ветке. Прикомандированный к Омскому окружному суду следователь по особо важным делам Казанского окружного суда В.М. Шулинский, перенявший полномочия у Н.А. Соколова, уже не осуществлял дознание. Уцелевшие после взрыва боеприпасы (часть из них были пригодны для применения по назначению) на особом учете хранилась на омском артиллерийском складе. Прошло более полугода, и 13 апреля 1919 г. эти улики следствие разрешило использовать на свое усмотрение артиллерийскому управлению Омского военного округа. Личные вещи, принадлежавшие жертвам взрыва, 10 мая 1919 г. передали начальнику 2-го участка омской городской милиции для возврата владельцам или их родственникам [19. Л. 145–148 об.].

15 мая 1919 г. следователь Шулинский, изучив материалы дела и признав причиной взрыва «неосторожность самих грузчиков при погрузке пороха», постановил препроводить материалы расследования прокурору Омского окружного суда «на предмет прекращения за отсутствием признаков преступления» [19. Л. 152 об.]. Данный документ – последний в архивной единице хранения – вносит неопределенность. Иных источников о принятии решения судебными властями по данному делу не выявлено. С долей вероятности мы полагаем, что ходатайство В.М. Шулинского могло получить одобрение его начальства.

Нельзя исключать, что бурные политические события в антибольшевистском Омске осенью 1918 г. в сознании властей попросту заслонили собой взрыв, выглядевший, как и случай 29 октября 1918 г., даже несмотря на большое число пострадавших, локальным происшествием. Очевидное отсутствие (вслед-

ствие гибели) вероятных виновников трагедии привело к невозможности расследования и предложению судебных органов о закрытии дела, лишенного перспектив проверки, наказания виновных и т.д. Проанализированное резонансное трагическое событие показало, что изначальная позиция, соответствовавшая духу правой консервативной общественной мысли, и «презумпция виновности» гражданских правоохранительных структур оказались несостоятельными. Военные эксперты в этом отношении были, как видно, куда более трезвомыслящими. Да, в Омске летом 1918 г. действовало просоветское подполье; ему противостояли находившиеся в стадии формирования немногочисленные и еще не укомплектованные кадрами белые спецслужбы (см. подробнее: [45]). Но никто из лиц, давших показания, не назвал вероятной причиной взрыва теракт, к которому имели бы причастность некие леворадикальные силы. Инцидент, как видно из большинства следственных материалов, не носил политической окраски. Однако правая по настроениям общественность попыталась представить трагедию в полемичном свете своих идеологических воззрений, придав ей агитационный смысл. Как стало известно в ходе работы Н.А. Соколова (наиболее компетентного из трех следователей, ведших дело), исходная концепция расследования по «теории заговора» не обрела подтверждения. Но, к сожалению, сегодня, как и в годы Гражданской войны, конспирология как инструмент упрощенных трактовок истории присутствует в массовом сознании, формируя искаженные представления о прошлом.

Трагедия указывает и на иной аспект. Все описанные выше омские события произошли не в боевых условиях и даже не в прифронтовой зоне, а в тылу – крупном административном центре, находившемся в политически экстремальных обстоятельствах эскалации Гражданской войны. Экскурс справедливо позволяет шире интерпретировать инцидент сквозь призму военной антропологии и социального феномена войны. Данная концепция применительно к нашему исследованию ориентирует на определение степени причастности человека к причинам и последствиям произошедшего, выяснении того, что спровоцировало взрыв в ходе транспортировки боеприпасов – опасного типового элемента армейской повседневности. Истинными предтечами драматического исхода, на наш взгляд, стоит назвать совокупные обстоятельства эпохи и тривиально звучащий человеческий фактор. Проржавевшая и физически поврежденная тара, в которой хранили и транспортировали порох, не выдерживающее критики халатное поведение рабочих, конвойных и приемщика боеприпасов на станции, техническая неисправность автомобиля, отсутствие должного обслуживания вагонов, перевозивших опасный груз, – все это своего рода символические показатели эпохи и отношения к процессу не только власти, но прежде всего «маленького человека». А ведь именно на данную категорию замыкается любой процесс. Как видно из проделанного анализа, рядовые исполнители продолжитель-

ное время испытывали в условиях военного времени физическую и моральную напряженность, психологическую усталость, что явилось одной из причин трагедии 1 августа 1918 г. в Омске.

Список источников

1. Биберштайн И. Миф о заговоре. Философы, масоны, евреи, либералы и социалисты в роли заговорщиков : пер. с нем. М.Ю. Некрасова. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2010. 400 с.
2. Немчинова Т.А. Современная российская историография белого движения в Сибири. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2002. 189 с.
3. Шубин А.В. Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М.: Родина Медиа, 2014. 452 с.
4. Ходяков М.В. Ответы на вопросы по истории Гражданской войны в России // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. 2018. Т. 6. С. 119–124.
5. Пученков А.С. «Колчаковский режим основывался на главной идеологической составляющей – антибольшевизме, что само по себе уже в тех условиях не нуждалось в дополнительной расшифровке политической программы...» // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2018. № 4. С. 5–9. doi: 10.25206/2542-0488-2018-4-5-9
6. Шишкин В.И. Сибирский революционный комитет в советской политической системе периода Гражданской войны // Уральский исторический вестник. 2019. № 2. С. 87–95. doi: 10.30759/1728-9718-2019-2(63)-87-95
7. Машкарин М.И. «Смута XX века» в Сибири: взгляд сквозь документальное наследие (историко-архивные конференции в Омске по истории Революции и Гражданской войны в России) // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 1. С. 70–74. doi: 10.25206/2542-0488-2020-5-1-70-74
8. Стельмак М.М. Круглый стол «Адмирал Колчак: ученый, флотоводец, Верховный правитель»: обзор работы // Сибирский архив. 2020. № 3. С. 222–235.
9. Белгородская Л.В., Дроздов Н.И., Воног Е.А. Повседневность Гражданской войны в Сибири: источниковедческий анализ американской кинохроники «Allied expeditionary forces in Siberia» (1918–1920 гг.) // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 3. С. 9–26. doi: 10.23951/2312-7899-2020-3-9-26
10. Кокоулин В.Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). Новосибирск: Офсет, 2013. 386 с.
11. Сизов С.Г. Белая столица России: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.). Омск: СибАДИ, 2018. 240 с.
12. Шумилова Э.Е. Повседневная жизнь населения крупных городов Западной Сибири в годы Первой мировой войны. Екатеринбург: Издательские решения, 2020. 178 с.
13. Стельмак М.М., Петин Д.И. Повседневность белогвардейского Омска в объективе американской кинокамеры 1919 г.: к вопросу атрибуции малоизвестного источника // Вестник архивиста. 2019. № 2. С. 357–374. doi: 10.28995/2073-0101-2019-2-357-374
14. Исторический архив Омской области (далее ГИАОО). Ф. 16.
15. Шишкин В.И. Взрыв в усадьбе Верховного правителя 25 августа 1919 г. // Гражданская война в Сибири: материалы всерос. заочн. науч.-практ. конф. Омск, 2013. С. 161–173.
16. Штырбул А.А. Покушение на Колчака: историческое расследование. Омск: ОмГПУ, 2013. 392 с.
17. Штырбул А.А. Дожить до сентября. Судьба поэта Юрия Сопова: историко-литературное исследование с приложением самого полного собрания сочинений Ю. Сопова. Омск: ОмГПУ, 2015. 284 с.
18. Петин Д.И. С авантюрой сквозь жизнь: Мария Александровна Гришина-Алмазова (Михайлова) // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 389–405. doi: 10.21638/11701/spbu24.2019.206
19. ГИАОО. Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 187.
20. Скипина И.В. Человек в условиях Гражданской войны на Урале: историография проблемы. Тюмень: ТюмГУ, 2003. 208 с.
21. Цветков В.Ж. Основные тенденции и перспективы изучения Белого движения // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии / отв. ред. Д.Б. Павлов. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 239–262.
22. Анфертьев И.А. Новые направления в современной отечественной историографии. Военно-историческая антропология: теоретические и междисциплинарные проблемы новой отрасли исторической науки // Теория и методология гуманитарного знания. Россияведение. Общественные функции гуманитарных наук: сб. материалов конф. «Гуманитарные чтения РГГУ – 2010» (Москва, 26 марта – 1 апреля 2010 г.). М.: РГГУ, 2011. С. 319–328.
23. Гладышев А.Н. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. № 59. С. 136–150.
24. Сенявская Е.С. Человек на войне, или тернистый путь от военной истории к военной антропологии // Исторический вестник. 2018. Т. 24. С. 10–43.
25. Алимova Л.И. Памятный сквер // Вестник культуры. 2015. № 1. С. 12.
26. Справочник и список абонентов телефонной сети г. Омска и Атаманского хутора. 2-е изд., по сост. к 15 июня 1919 г. Омск, 1919. 120 с.
27. Петин Д.И. Эвакуация из Омска (1919 г.): мемуарные записки служащего Красного Креста Н.Н. Волкова // Северные Архивы и Экспедиции. 2019. Т. 3, № 4. С. 63–84.
28. Тагильцева А.В. Гражданская война в истории семьи офицера Алексея Петровича Зошенко // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Омск: ОмГТУ, 2019. С. 250–256.
29. Заря [Омск]. 1918.
30. Взрыв в Омске // Железнодорожник [Томск]. 1918. 13 августа.
31. К взрыву 1 августа // Сибирская речь [Омск]. 1918. 4 августа.
32. Греков Н.В. «Шпиона по роже видать» // Родина. 2014. № 8. С. 98–101.
33. Стельмак М.М. Отношения английского и Временного Сибирского правительства в 1918 г. (по материалам газеты «Сибирский вестник») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 2, № 1. С. 63–67.
34. Сушко А.В. К вопросу о характере и значении колчаковской пропаганды в Гражданской войне // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 148–157. doi: 10.17223/15617793/411/20
35. Сушко А.В., Безродный К.Э., В.А. Жардецкий и сибирское областничество // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 1. С. 30–36. doi: 10.25206/2542-0488-2021-6-1-30-36
36. Омский некрополь. Исчезнувшие кладбища. Омск: Омский дом печати, 2005. 232 с.
37. Белоглазова Ю.Н. Из воспоминаний С.И. Голошубина // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2018. № 21. С. 239–248.
38. Шишкин В.И. Командующий Сибирской армией А.Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету // Контрреволюция на востоке России в период Гражданской войны (1918–1919 гг.): сб. науч. ст. Новосибирск, 2009. С. 126–195.
39. Пученков А.С., Сушко А.В., Петин Д.И. «Всем говорите, что мое путешествие очень опасное...»: письма генерала А.Н. Гришина-Алмазова его супруге (осень 1918 г.) // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 4. С. 1058–1073. doi: 10.21638/11701/spbu24.2018.419
40. Стельмак М.М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 – декабрь 1919 г.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2016. 326 с.

41. Соколов Н.А. Убийство царской семьи. М. : Алгоритм, 2012. 384 с.
42. Ганин А.В. «Чехи вообще уже выдыхаются...» Письмо офицера Чехословацкого корпуса капитана Г. Бирули начальнику Военной академии генерал-майору А.И. Андогскому от 22 сентября 1918 г. // Славянский альманах. 2017. № 3-4. С. 539–545.
43. В огне революции и Гражданской войны. Воспоминания участников. Омск : Омск. кн. изд-во, 1959. 224 с.
44. Результаты расследования // Русская армия [Омск]. 1919. 12 февраля.
45. Кирмель Н.С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне 1918–1922 гг. М. : Кучково Поле, 2008. 512 с.

References

1. Bieberstein, J. (2010) *Mif o zagovore. Filosofiy, masonry, evrei, liberaly i sotsialisty v roli zagovorshchikov* [The Myth of the Conspiracy. Philosophers, Freemasons, Jews, liberals and socialists in the role of conspirators]. Translated from German by M.Yu. Nekrasov. Saint Petersburg: Izd-vo im. N.I. Novikova.
2. Nemchinova, T.A. (2002) *Sovremennaya rossiyskaya istoriografiya belogo dvizheniya v Sibiri* [Modern Russian Historiography of the White Movement in Siberia]. Ulan-Ude: East-Siberian State Institute of Culture.
3. Shubin, A.V. (2014) *Velikaya Rossiyskaya revolyutsiya: ot Fevralya k Oktabryu 1917 goda* [The Great Russian Revolution: from February to October 1917]. Moscow: Rodina Media.
4. Khodyakov, M.V. (2018) Answers to questions about the history of the Russian Civil War. *Rossiya v epokhu revolyutsiy i reform. Problemy istorii i istoriografii*. 6. pp. 119–124. (In Russian).
5. Puchenkov, A.S. (2018) “The Kolchak regime was based on the main ideological component – anti-bolshevism, which in those conditions did not need additional clarification of the political program ...” *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' – Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 4. pp. 5–9. (In Russian). DOI: 10.25206/2542-0488-2018-4-5-9
6. Shishkin, V.I. (2019) Siberian revolutionary committee in the soviet political system of the Civil War period. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 2 (63). pp. 87–95. (In Russian). DOI: 10.30759/1728-9718-2019-2(63)-87-95
7. Mashkarin, M.I. (2020) “Troubles of the 20th century” in Siberia: a look through documentary heritage (historical and archival conferences in Omsk on history of the revolution and the Civil War in Russia). *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' – Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 1 (5). pp. 70–74. (In Russian). DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-1-70-74
8. Stel'mak, M.M. (2020) The round table “Admiral Kolchak: scientist, naval commander, Supreme Ruler”: the overview. *Sibirskiy arkhiv*. 1 (3). pp. 222–235. (In Russian).
9. Belgorodskaya, L.V., Drozdov, N.I. & Vonog, E.A. (2020) The visualized daily life of the Civil War in Siberia: a source analysis of the American newsreel “allied expeditionary forces in Siberia” (1918–1920). *Praksema. Problemy vizual'noy semiotiki – Praxema. Journal of Visual Semiotics*. 3 (25). pp. 9–26. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2020-3-9-26
10. Kokoulin, V.G. (2013) *Povsednevnyaya zhizn' gorozhan Sibiri v voenno-revolyutsionnye gody (iyul' 1914 – mart 1921 g.)* [Everyday Life of Citizens of Siberia in the Military Revolutionary Years (July 1914 – March 1921)]. Novosibirsk: Ofset.
11. Sizov, S.G. (2018) *Belaya stolitsa Rossii: povsednevnyaya zhizn' Omska (iyun' 1918 – noyabr' 1919 gg.)* [The White Capital of Russia: Everyday life of Omsk (June 1918 – November 1919)]. Omsk: SibADI.
12. Shumilova, E.E. (2020) *Povsednevnyaya zhizn' naseleniya krupnykh gorodov Zapadnoy Sibiri v gody Pervoy mirovoy voyny* [Daily Life of the Population of Large Cities of Western Siberia During the First World War]. Yekaterinburg: OOO “Izdatel'skie resheniya”.
13. Stel'mak, M.M. & Petin, D.I. (2019) Everyday life of white-guard Omsk in the lens of American camera (1919): revisiting attribution of a little-known source. *Vestnik arkhivista – Herald of an Archivist*. 2. pp. 357–374. (In Russian). DOI: 10.28995/2073-0101-2019-2-357-374
14. State Historical Archive of the Omsk Region (GIAOO). Fund 16. (In Russian).
15. Shishkin, V.I. (2013) Vzryv v usad'be Verkhovnogo pravatelya 25 avgusta 1919 g. [Explosion in the estate of the Supreme Ruler on August 25, 1919]. In: Petin, D.I. & Terekhina, T.A. (eds) *Grazhdanskaya voyna v Sibiri* [Civil War in Siberia]. Omsk: Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti. pp. 161–173.
16. Shtyrbul, A.A. (2013) *Pokushenie na Kolchaka: istoricheskoe rassledovanie* [The Attempt on Kolchak: A historical investigation]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
17. Shtyrbul, A.A. (2015) *Dozhit' do sentyabrya. Sud'ba poeta Yuriya Sopova: istoriko-literaturnoe issledovanie s prilozheniem samogo polnogo sobraniya sochineniy Yu. Sopova* [To live until September. The fate of the poet Yuri Sopov: a historical and literary study with the appendix of the most complete collection of works by Yu. Sopov]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
18. Petin, D.I. (2019) With adventure through life: Maria Alexandrovna Grishina-Almazova (Mikhailova). *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 2 (9). pp. 389–405. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.206
19. State Historical Archive of the Omsk Region (GIAOO). Fund R-346. List 1. File 187. (In Russian).
20. Skipina, I.V. (2003) *Chelovek v usloviyakh Grazhdanskoy voyny na Urale: istoriografiya problemy* [Man in the Conditions of the Civil War in the Urals: Historiography of the problem]. Tyumen: Tyumen State University.
21. Tsvetkov, V.Zh. (2018) Osnovnye tendentsii i perspektivy izucheniya Belogo dvizheniya [Main trends and prospects of studying the White Movement]. In: Pavlov, D.B. (ed.) *Rossiya v gody Grazhdanskoy voyny, 1917–1922 gg.: ocherki istorii i istoriografii* [Russia during the Civil War, 1917–1922: Essays on History and Historiography]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. pp. 239–262.
22. Anfert'ev, I.A. (2011) [New directions in modern Russian historiography. Military-historical anthropology: theoretical and interdisciplinary problems of a new branch of historical science]. *Teoriya i metodologiya gumanitarnogo znaniya. Rossievedenie. Obshchestvennyye funktsii gumanitarnykh nauk* [Theory and Methodology of Humanitarian Knowledge. Russian Studies. Social functions of the humanities]. Proceedings of the Gumanitarnye chteniya RGGU – 2010 [Humanitarian readings of RSUH – 2010] Conference. Moscow. 26 March – 1 April 2010. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 319–328. (In Russian).
23. Gladyshev, A.N. (2017) The anthropological turn in military history. *Dialog so vremenem – Dialogue with Time*. 59. pp. 136–150. (In Russian).
24. Senyavskaya, E.S. (2018) Man at war. The thorny path from military history to military anthropology. *Istoricheskiy vestnik – Historical Reporter*. 24. pp. 10–43. (In Russian).
25. Alimova, L.I. (2015) Pamyatnyy skver [Memorial Square]. *Vestnik kul'tury (Omsk)*. 1. P. 12.
26. Anon. (1919) *Spravochnik i spisok abonentov telefonnoy seti g. Omska i Atamanskogo khutora, po sostoyaniyu k 15 iyunya 1919 g.* [Directory and List of Subscribers of the Telephone Network of Omsk and Ataman Farm, as of June 15, 1919]. 2nd ed. Omsk: Izd-vo F. G. Brekhova.
27. Petin, D.I. (2019) Evacuation from Omsk (1919): memoirs of the official of the Red Cross N.N. Volkov. *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii – Northern Archives and Expeditions*. 4 (3). pp. 63–84. (In Russian).
28. Tagil'tseva, A.V. (2019) [The Civil war in the family history of officer Alexey Petrovich Zoshchenko]. *Grazhdanskaya voyna na vostokey Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noye nasledie* [The Civil War in the East of Russia: a look through the documentary heritage]. Proceedings of the 3rd All-Russian Conference. Omsk. 13–14 November 2019. Omsk: Omsk State Technical University. pp. 250–256. (In Russian).
29. Zarya. (1918)
30. Zhelezodorozhnik. (1918) Vzryv v Omske [Explosion in Omsk]. *Zhelezodorozhnik*. 13 August.
31. Sibirskaya rech'. (1918) K vzryvu 1 avgusta [On the explosion on August 1]. *Sibirskaya rech'*. 4 August.
32. Grekov, N.V. (2014) “Shpiona po rozhe vidat'” [“A spy can be seen from the face”]. *Rodina*. 8. pp. 98–101.

33. Stel'mak, M.M. (2015) Relations between the British government and the Provisional Siberian Government in 1918 (as reflected in "Siberian Herald" newspaper). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 1-2 (61). pp. 63–67. (In Russian).
34. Sushko, A.V. (2016) On the nature and value of the Kolchak propaganda in the Civil War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 411. pp. 148–157. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/411/20.
35. Sushko, A.V. & Bezrodnyy, K.E. (2021) V.A. Zhardetsky and Siberian regionalism. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' – Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 1 (6). pp. 30–36. (In Russian). DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-1-30-36
36. Anon. (2005) *Omskiy nekropol'. Ischeznuvshie kladbishcha* [Omsk Necropolis. Disappeared cemeteries]. Omsk: Omskiy dom pechati.
37. Beloglazova, Yu.N. (2018) Iz vospominaniy S.I. Goloshubina [From the memoirs of S.I. Goloshubin]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. 21. pp. 239–248.
38. Shishkin, V.I. (2009) Komanduyushchiy Sibirskoy armiei A.N. Grishin-Almazov: shtrikhi k portretu [Commander of the Siberian Army A.N. Grishin-Almazov: strokes to the portrait]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Kontrrevolyutsiya na vostoke Rossii v period Grazhdanskoy voyny (1918–1919 gg.)* [Counterrevolution in the East of Russia during the Civil War (1918–1919)]. Novosibirsk: Institute of History SB RAS. pp. 126–195.
39. Puchikov, A.S., Sushko, A.V. & Petin, D.I. (2018) "Say Everyone That My Journey is Very Dangerous...": Letters of General A. N. Grishin-Almazov to his Wife (Autumn 1918). *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 4 (8). pp. 1058–1073. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.419
40. Stel'mak, M.M. (2016) *Obraz inostrannykh soyuznikov antibol'shevistskogo dvizheniya v periodicheskoy pechati Zapadnoy Sibiri (may 1918 – dekabr' 1919 gg.)* [The image of foreign allies of the anti-Bolshevik movement in the periodical press of Western Siberia (May 1918 – December 1919)]. History Cand. Diss. Omsk.
41. Sokolov, N.A. (2012) *Ubiystvo tsarskoy sem'i* [The Murder of the Royal Family]. Moscow: Algoritm.
42. Ganin, A.V. (2017) "The Czechs are fizzling out ..." A letter by an officer of the Czechoslovak corps H. Birulya to the chief of military academy major general A.I. Andogsky on September, 22, 1918. *Slavyanskiy al'manakh – Slavic Almanac*. 3-4. pp. 539–545. (In Russian).
43. Grigoriev, F.V. et al (eds) (1959) *V ognе revolyutsii i grazhdanskoy voyny. Vospominaniya uchastnikov* [In the Fire of Revolution and Civil War. Memories of the participants]. Omsk: Omskoe knizhnoe izdatel'stvo.
44. Russkaya armiya. (1919) Rezul'taty rassledovaniya [The results of the investigation]. *Russkaya armiya*. 12 February.
45. Kirmel', N.S. (2008) *Belogvardeyskie spetssluzhby v Grazhdanskoy voyne 1918–1922 gg.* [White Guard Special Services in the Civil War of 1918–1922]. Moscow: Kuchkovo Pole.

Информация об авторе:

Петин Д.И. – канд. ист. наук, доцент кафедры "История, философия и социальные коммуникации" Омского государственного технического университета (Омск, Россия). E-mail: dimario86@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.I. Petin, Cand. Sci. (History), associate professor, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: dimario86@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.06.2021;
одобрена после рецензирования 20.08.2021; принята к публикации 28.03.2022.

The article was submitted 04.06.2021;
approved after reviewing 20.08.2021; accepted for publication 28.03.2022.

Научная статья
УДК 930
doi: 10.17223/15617793/476/8

Англоязычные исследователи XX в. о событиях на Северном Кавказе в 1917–1921 гг.

Лейла Багаутдиновна Салихова¹

¹*Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра
Российской академии наук, Махачкала, Россия, leila.salihova@yandex.ru*

Аннотация. Анализируются работы зарубежных (англоязычных) исследователей XX в., их взгляд на события 1917–1921 гг. на Северном Кавказе. Отмечено, что эти труды более широко и продуктивно освещают указанную тему, помогают осмыслить историческое прошлое народов Северного Кавказа с точки зрения иностранных исследователей. Они содержат альтернативный взгляд на историю русской революции и Гражданской войны, выходя за рамки привычных идеологических клише.

Ключевые слова: англоязычные исследователи, Северный Кавказ, Гражданская война, Красная и Белая армии, иностранные державы, восстание 1920–1921 гг.

Для цитирования: Салихова Л.Б. Англоязычные исследователи XX в. о событиях на Северном Кавказе в 1917–1921 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 76–83. doi: 10.17223/15617793/476/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/8

English-language researchers of the 20th century about the events in the North Caucasus in 1917–1921

Leila B. Salikhova¹

¹*Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center, RAS,
Makhachkala, Russian Federation, leila.salihova@yandex.ru*

Abstract. The period from 1917 to 1921 occupies a special place in the history of the North Caucasus. But, despite the fact that the revolutions of 1917 in Russia and their consequences attracted and continue to attract the attention of both native and foreign historians, there were gaps in foreign literature in the border areas of Russia at the beginning of the 20th century. The aim of the article is to provide an overview and analysis of the works of English-language authors of the 20th century on the subject, their introduction into scholarly use to present a broader and more productive view of the problem. The study was based on the works of the 20th century foreign (Anglophone) researchers, translated by the author of the article. The main scientific methods used in the article were: the method of description, synthesis, analysis, principle of objectivity, etc. The article shows that in the first works of English-language authors material about the events in the North Caucasus was found among memoirs, descriptions of campaigns and military events recorded by military leaders, eyewitnesses and contemporaries of the period. Their attention was attracted by the troops of L. Bicherakhov and A.I. Denikin, actions in the North Caucasus, “ghost governments”, etc. By the middle of the 20th century and in the following years, monographic studies began to appear, in which, along with the study of events in the Transcaucasus (Azerbaijan, Armenia, Georgia), one can also single out material on the North Caucasus. Researchers began to draw on more extensive material, mainly from foreign archives and libraries that had Soviet material. With the collapse of the USSR, interest in the Caucasus increased, and researchers turned to the past of the region to study the processes taking place at the present stage. The works of Anglophone authors provide an opportunity to comprehend the historical background of the peoples of the North Caucasus related to the history of Russia as a whole from the point of view of foreign researchers. Their works contain conclusions about the influence of the events of 1917–1921 in the North Caucasus on changes in the military and political situation in the Caucasus and South Russia. But some of them miss moments associated with the intervention of foreign powers. Nevertheless, the materials of Anglophone researchers significantly complement the history of the period of the Civil War and intervention in the North Caucasus, represent the view of foreign authors.

Keywords: English-language researchers, North Caucasus, Civil War, Red Army, White Army, foreign powers, 1920–1921 uprising

For citation: Salikhova, L.B. (2022) English-language researchers of the 20th century about the events in the North Caucasus in 1917–1921. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 76–83. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/8

В научном сообществе периодически возрастает интерес к событиям 1917–1921 гг. Появляются новые работы, которые способствуют обогащению исследований по отечественной истории. Изучение истории Северного Кавказа на материалах не только российских, но и зарубежных исследователей представляет большой познавательный и научный интерес.

Период с 1917 по 1921 г. – это особый этап в жизни народов Северного Кавказа, когда его представители оказались на пороге новых событий: революции в России, отречение императора от престола, создание новых союзов, столкновение с войсками Красной и Белой армии, обращение за помощью к иностранным державам и т.д.

Масштаб русских революций и их последствий привлекает внимание не только отечественных историков, но и зарубежных, предоставляют читателям информацию о главных аспектах революций 1917 г. Однако в иностранной литературе существуют пробелы в отношении приграничных территорий России. События 1917–1921 гг. на Северном Кавказе в той или иной мере затрагивались в работах публицистов и англоязычных исследователей XX в. [1–6]. В XXI в. интерес Запада к Северному Кавказу не ослабевал, он начал стремительно расти еще с 1991 г., так как Кавказ в целом на современном этапе в современной мировой политике представляет стратегически и экономически важный регион. Этот интерес связан с нефтяной политикой и соперничеством великих держав, с этническим сепаратизмом и терроризмом в регионе [7. Р. 2]. Для осознания тех проблем, которые возникают в регионе сегодня, некоторые иностранные исследователи начали обращаться к истории России как царского, так и советского периода [7–9].

Первые труды иностранных исследователей (на английском языке) нашли отражение еще в период событий 1917–1921 гг. и в первые десятилетия после них, их авторы – современники и даже очевидцы событий; они представляют собой описание путешествий, сбора информации «на периферии» войны, военных действий на территории Кавказа и Каспия и т.д. [1–4]

Так, в Лондоне были опубликованы мемуары английского офицера Ф.Д.Ф. Френча «От Уайтхолла до Каспия» [2], который осенью 1918 г. в своем путешествии к Каспию прошел через семь территорий военных действий, что позволило ему наблюдать и собрать информацию на передовой [2. Р. 11]. В описании своего путешествия автор воспроизводит события периода изгнания Л. Бичерахова из Дагестана, в частности день прибытия эскадры в Петровск (ныне г. Махачкала) 6 ноября 1918 г., когда турки атаковали город (несмотря на перемирие между союзниками и Турцией). Ф.Д.Ф. Френч также подробно описал встречу с Л. Бичераховым, который «жаловался на отсутствие поддержки со стороны англичан и заявлял о нежелании покинуть Петровск»¹ [2. Р. 121].

На вопрос о сотрудничестве с британской эскадрой он ответил уклончиво, что это было связано с тем, что экипажи русской флотилии симпатизировали большевикам, и Л. Бичерахов осознавал, что его власть над ними была слаба. Войска Л. Бичерахова финансировались Великобританией, но, тем не менее, он настаивал на том, что его войска были российскими [2. Р. 121–123].

«Бичерахову было предложено поднять на кораблях британской эскадры военно-морской флаг Великобритании», но он отверг это предложение, отметив, что «Каспий всегда был российским, и ни один иностранный флаг никогда не поднимался в его водах» [2. Р. 123–124].

Ф.Д.Ф. Френч, описывая действие миссии на турецкой линии, обращал внимание, что турецкий командир встретил возражения в отношении нарушения перемирия в духе восточной философии: отметив, что ни он, ни его офицеры не служили султану, а являлись инструкторами армии Азербайджанской республики, объявившей войну Л. Бичерахову. Таким образом, в итоге миссия не дала результата [2. Р. 124–125].

Так, английский офицер отобразил обстоятельства бегства остатков бичераховских войск на кораблях британской эскадры и представил ценные сведения о революционных настроениях среди бичераховцев.

В 1921 г. в Лондоне вышла в свет работа «В денинградской России и на Кавказе, 1919–1920» К.Э. Бехгофера (Бечхофера) – британского журналиста и писателя. В ней содержатся наблюдения автора о путешествии на Юг России, в Крым, Армению, Грузию и Баку в 1919 и 1920 гг. [3]

Среди обширного материала, представленного в работе, мы находим сведения о Горском правительстве, которое попало в поле зрения автора. Он писал о том. Новые правительства возникали каждый день, как грибы после дождя, к ним относится «независимое Горское правительство», претендовавшее на объединение кавказских народов. Автор отмечает поддержку данного правительства грузинами, надеявшимися создать буферное государство между Грузией и Россией, которое способствовало бы предотвращению воссоединения этих двух стран. Грузинским правительством был отправлен отряд войск под руководством генерала Кереселидзе в Дагестан, целью которого была организация руководства горских племен против Деникина. Затем Кереселидзе было приказано вернуться в Грузию. В конце марта (1919 г.) грузинским правительством официально было объявлено о прекращении выплат отказавшимся вернуться генералу Кереселидзе и его войскам [3. Р. 251–252].

Представляют интерес и воспоминания британского военачальника, генерал-майора Л.Ч. Данстервиля (Денстервиля). В книге «Приключения Данстерфорса» [4], в главе VIII «Остановка в Хамадане» автор приводит выдержку из своего письма, написанного 5 мая 1918 г. Описывая политическую ситуацию того

периода, он отмечал трудность точной оценки каждой ситуации, касающейся, например, общеперсидского, персидско-русского, Южно-Кавказского, Северо-кавказского, большевистского и других вопросов, которые, в свою очередь, подразделялись на еще меньшие и острые вопросы. Не было ни общей точки зрения, ни мысли о единстве или действии, только взаимная зависть и недоверие. Характеризуя дагестанцев, Л.Ч. Данстервиль писал о противостоянии, существовавшем между этими малочисленными народами, которые не могли договориться между собой о какой-либо линии политики: старшее поколение придерживалось традиций своих предков, а молодые считали вызывающим презрение все, что не ново [4. Р. 118–119].

Отмечая влияние большевизма на Кавказ, Л.Ч. Данстервиль предполагал, что ему еще далеко до прочного укоренения на Кавказе, хотя «его злобная тенденция проникла в кровь всех рас в этой части мира...» [4. Р. 119].

В 1935 г. вышло издание американского журналиста и историка У.Г. Чемберлина «Русская революция. 1917–1921 гг.» [10] в двух томах, она была переиздана в 1976 г. Во 2-м томе автор обратился к событиям гражданской войны на Северном Кавказе и остановился на причинах поражения Северокавказской Красной армии, которая прекратила свое существование к февралю 1919 г. У.Г. Чемберлин писал, что белые захватили 50 000 пленных, без учета больных и раненых, 150 пушек, 350 пулеметов и значительные военные запасы. Остатки красных войск, которые сумели избежать смерти или плена, продолжили свой путь через пустыни Астрахани. Однако этот путь оказался таким же смертельно опасным, много жизней унесла эпидемия тифа. Сильные шторма, холод, нехватка еды и воды превратили отступление через пустыню в длительную агонию. Потери только 11-й армии между Кизляром и Астраханью составили 25 000 человек. «Часть Красных бежала на юг через кавказские горные перевалы в Грузию» [10. Р. 146].

У.Г. Чемберлин приходит к выводу, что важными факторами, приведшими к поражению Северокавказской Красной армии, явились эпидемия тифа и неспособность организовать регулярные поставки амунции из Астрахани на фронт. А основной причиной стала неспособность северокавказских советских властей организовать руководство войсками и техникой, что послужило причиной поражения малочисленных войск.

Автор описал поход (Вооруженных сил Юга России) в 1919 г., целью которого было взятие Москвы. Он отмечал, что 12 октября 1919 г. белые заняли Чернигов, на следующий день – Орёл. Войскам А.И. Деникина оставалось всего лишь 250 миль до Москвы, некоторые офицеры «уже слышали в воображении колокольный звон московских традиционных» церквей «и представляли триумфальное шествие по улицам исторического русского города» [10. Р. 146, 148, 249]. Однако от конечной цели А.И. Деникина отвлекли не только бои в южной Украине с «партизанскими бандами» Махно, но и восстание против

Белого движения, вспыхнувшее в горном Дагестане в августе 1919 г. [10. Р. 249].

У.Г. Чемберлин полагал, что в Дагестане социальная революция должна была протекать особым образом. Среди дагестанской интеллигенции были коммунисты, которые могли рассчитывать на помощь российских рабочих портовых городов, таких как Петровск. В то же время влияние коммунистов на горные аулы, расположенные в высокогорных районах, где проживало большинство дагестанских народностей, было незначительно. К Белому движению Дагестанцы также были неблагосклонны. У А.И. Деникина было небольшое число сторонников среди русских офицеров, должностных лиц и некоторых богатых дагестанских «овцевладельцев» получивших российское образование. «Но в своей основной массе дагестанское горское население, бедное, неграмотное, традиционно мужественное в бою, пронизанное фанатичной ненавистью к *гяурам*, или неверным, каковыми считались русские, было враждебно как к красным, так и к белым. Дагестану суждено было стать второй Украиной, в меньшем масштабе, страной без стабильного правительства и с постоянными вспышками партизанской войны» [10. Р. 415–416].

Описал автор и «призрачные правительства», возникавшие и исчезающие на территории Дагестана с невероятной скоростью, но опустил момент, связанный с британским протекторатом. Так, к одному из таких «призрачных правительств» он отнес «Национальный комитет», провозгласивший себя правящей властью в Дагестане весной 1918 г. Его поддержали некоторые офицеры и солдаты бывшей «Дикой дивизии» российской армии. Комитет сменил Военно-революционный комитет (ВРК), влияние последнего распространилось на равнинные участки Дагестана и города Петровск, Дербент и Темир-Хан-Шуру (ныне г. Буйнакск). Однако ВРК не смог установить полный контроль над горными территориями.

У.Г. Чемберлин писал и о русском офицере Л. Бичерахове, который появился в Дагестане летом 1918 г. с отрядом казаков, ранее служивших в Северной Персии. Они заняли Петровск и Дербент, вытеснив из этих городов большевиков. Это заложило основу к восстановления власти дагестанских националистов, которым вскоре оказали помощь турки, впоследствии прогнавшие Л. Бичерахова [10. Р. 416–417].

В ноябре 1918 г. в связи с выходом Турции из Первой мировой войны турецкие войска были выведены из Дагестана и Закавказья. Горское правительство, оказавшееся без турецких покровителей, обратилось к командующему английскими войсками в Баку генералу Томсону. Английские войска заняли Баку 17 ноября 1918 г., здесь была организована военная миссия союзников во главе с генералом Томсоном. Как писал Г.А. Аликберов, «27 и 29 ноября делегация правительства Союза горских народов Кавказа имела переговоры с представителями союзных держав в Баку» [11. С. 180–181, 186–187].

Впоследствии «на основании достигнутого между английской миссией и горской делегацией соглашения в Темир-Хан-Шуре при Горском правительстве

была учреждена английская военная миссия во главе с полковником Роуландсоном. 21 декабря последний приехал в Темир-Хан-Шуру, а 14 января прибыл сюда и генерал Томсон» [11. С. 188]. Однако у У.Г. Чемберлина эта информация отсутствует.

Далее историк писал о занятии Петровска весной 1919 г. А.И. Деникиным, постепенно расширившим свое влияние на весь Дагестан. Казалось, что Добровольческая армия упрочилась в регионе, искоренив последние остатки большевизма в стране. В августе 1919 г. генерал Халилов, военный правитель Дагестана, пытался мобилизовать горцев в деникинскую армию, но это привело лишь к всплеску восстания, охватившего страну. У.Г. Чемберлин отмечал, что в данном событии чувствовалось влияние марксизма и религии: «...коммунистический комитет, который руководил движением из аула Леваши, работал совместно с фанатичными муллами, которые просто желали стереть все следы ненавистного русского правления» [10. Р. 417].

Восстание в Дагестане очистило горную часть страны от армии Деникина и заставило последнего направить войска с фронта, которые были необходимы там на тот момент для его подавления, тем самым «разорвав» и дезорганизовав Белый тыл. Таким образом, У.Г. Чемберлин видел одну из главных причин провала А.И. Деникина в Дагестане в попытке насильственной мобилизации местного населения для вооруженной борьбы против революционной России.

Чемберлин не обошел стороной и встречу Красной армии в Дагестане (весной 1920 г.), которая изначально была сердечно встречена повстанцами. Но за этим последовало разочарование, причиной которого явилась реквизиция, беспорядочное поведение некоторых военных, презрительное отношение к религии и обычаям дагестанских горцев, со стороны некоторых российских партий и должностных лиц. Оно послужило поводом для нового восстания, на этот раз против Советов, начавшегося в августе 1920 г., охватив весь горный Дагестан. Руководил восстанием имам Гоцинский. Весть о том, что Саид Бей, внук Шамиля, живший в Турции, был в рядах повстанцев, привлекла к движению немало новобранцев.

Автор сообщал, что если до конца 1920 г. военный успех был на стороне восставших, умело применявших превосходные знания о труднодоступной горной стране при проведении операций, то с начала 1921 г. они начали терять земли. Окончательной остановке движения весной способствовал захват Грузии, от которой до этого восставшие могли получить помощь через горные проходы [10. Р. 417–418].

Иностранные исследователи середины XX в. также проявляли большой интерес к Кавказу, в особенности к Закавказью. В их работах нашли отражение и события, имевшие место на Северном Кавказе. Так, англоязычные авторы при написании своих работ использовали более обширный материал в основном из зарубежных архивов и библиотек, в которых имелись советские источники, так как доступ к материалам российских архивов и библиотек был закрыт для них, что и отмечал в своей монографии [12. Р. Vi] британ-

ский историк, политолог, дипломат, журналист и исследователь международных отношений Э.Х. Карр².

Так, Карр в своем исследовании обращается к событиям на Северном Кавказе. В нем он упомянул о борьбе, которая велась между большевиками и местными националистами, последним оказывали содействие турки. Весной – летом 1919 г. армия Деникина нанесла большой ущерб населению Дагестана. Урегулирование конфликта на Северном Кавказе было достигнуто до конца 1920 г., хотя до осени того же года Гоцинский оказывал сопротивление советской власти (мятеж был подавлен в мае 1921 г.).

Наряду с описанными событиями на Северном Кавказе интересными являются выводы автора о предоставлении автономий ряду регионов – Дагестану, Горской Автономной Социалистической Советской Республике [12. Р. 322, 327–328]. Британский историк отмечал, что на всех этих территориях автономии являлись разумным решением административной проблемы, никто из них не обладал элементами независимости, «и степень автономии, которой можно было пользоваться на практике, ограничивалась не столько скупостью суверенной власти, сколько ограниченными возможностями местной власти. ...Автономия была предоставлена в каждом случае по одностороннему решению центральной власти» [12. Р. 329].

В 1951 г. вышла работа американского историка Ф. Каземзаде «Борьба за Закавказье, 1917–1921 гг.» [5]. Во введении автор писал о масштабах русской революции и ее последствий, которые не могли не привлечь внимание историков. Автор отмечал, что источниками для его работы послужили книги, написанные на русском языке, доступные лишь для тех, кто им владеет. По его мнению, информация в этих книгах была односторонняя, и поэтому при написании исследования он использовал огромное количество документов, дневников и периодических изданий (журналов), неизвестных до этого и не использованных ранее [5. Р. Vii].

В своей работе Ф. Каземзаде упомянул о Северокавказской Горской республике, представители которой просили допуска к участию в конференции, проходившей 11 мая 1918 г. в Батуме [5. Р. 109]. Внимание автора привлекли братья Бичераховы. Один из них, Л. Бичерахов, стал командиром Красной армии в Баку (июнь 1918 г.) (его переход на сторону красных был под сомнением), в то время как его брат Г. Бичерахов руководил антисоветским восстанием на Терекке. Позже стало известно, что Л. Бичерахов оказывал помощь своему брату Георгию оружием и деньгами. Это была явная измена. При первом подходящем случае Л. Бичерахов вывел свои войска с фронта «и направился на север для объединения с антисоветской армией, в Дагестан» [5. Р. 134–135].

Вторжение А.И. Деникина в Дагестан произошло весной 1919 г. Горская республика, объявившая свою независимость 11 мая 1918 г., была признана Турцией, Азербайджаном и Грузией. Горцы (Горская республика) обращались к союзникам с протестом против вторжения Добровольческой армии на их терри-

торию. Еще «27 ноября 1918 г. генерал Томсон выразил общие принципы политики британского командования на Кавказе в письме к правительству Горской республики» он заявлял, что «пришел помочь людям Кавказа и поможет им, если они, в свою очередь, согласятся» [5. Р. 243] с рядом пунктов. Однако союзники не отреагировали на просьбу горцев, Дагестан был оккупирован [5. Р. 244].

Иностранный исследователь Г.Ч.Дж. Люк во втором томе своей автобиографии «Города и люди: автобиография» [13], вышедшем в Лондоне в 1954 г., вспоминал 1914–1924 гг., годы своей службы в восточном Средиземноморье³, и упомянул об эвакуации Петровска 29 марта 1920 г., а также о депутации горцев Дагестана во главе с юристом Бамаковым (Баматовым), пришедшим просить помощи в их операциях против большевиков [13. Р. 101, 155].

К трудам по теме исследования можно отнести работы профессиональных историков, специализировавшихся на военной тематике, которые подробно рассматривали события изучаемого периода.

Исследование В.Э.Д. Аллена и П. Муратова «Поля кавказских сражений. История войн на Турецко-Кавказской границе 1828–1921 гг.» было опубликовано в 1953 г. издательством Кембриджского университета. Авторы посвятили событиям Гражданской войны в Дагестане отдельный параграф, где приведены некоторые данные и подробно рассмотрено влияние религиозного фактора в антиденикинском восстании, отмечены причины провала политики Деникина в Дагестане: попытки насильственной мобилизации местного населения для борьбы против России [14].

Авторы также представили описание похода Бичерахова в Дагестан, пояснив причину компромисса Бичерахова с красными, цель которого состояла в обеспечении транспортировки своих людей на кавказский берег Каспия. После попыток удержать турок в Кюрдамире Бичерахов предвидел, что его казаки могут оказаться вовлеченными в осаду Баку и будут отрезаны от дороги домой на Северный Кавказ. После известий о действиях турок в Дагестане и о группах горцев, оккупировавших дорогу на Дербент и сам город, Бичерахов решил идти на север и захватить Дербент – ворота Северного Кавказа. Благодаря форсированному марш-броску он быстро овладел Дербентом (12 августа) [14. Р. 492].

Восстание 1920–1921 гг. охватило Дагестан, ему изначально был «придан характер движения за национальную независимость и священной войны против русских» [14. Р. 511]. В.Э.Д. Аллен и П. Муратов отмечали, что из Турции прибыл внук Шамиля Саид Бей, который был условно поставлен во главе движения. Хотя верховная власть над шариатскими войсками горских племен принадлежала совету шейхов и Саид Бей, которому подчинялось военное командование, большинство главных военачальников были тесно связаны с белыми, что вызывало подозрения у наиболее фанатичных соплеменников. Политической главой восстания был Нажмутдин Гоцинский. Авторы привели цитату Тодорского взятую из газеты «Свободный Горец» от 6 декабря 1920 г., о том, что вос-

стание могло охватить весь Дагестан, если бы оно не было скомпрометировано в глазах населения тем, что его возглавили Н. Гоцинский и К. Алиханов [14. Р. 511].

Дагестан занимал особое положение в связи с тем, что «единственная железная дорога, соединявшая Россию с нефтяными месторождениями Баку, проходила через нее» [14. Р. 527]. Авторы пришли к выводу, что неудачи Красной армии в первую очередь были связаны с недооценкой боевой мощи противника, что привело к потере Красной армией 5 000 человек в результате девяти месяцев упорной борьбы. Была указана и ошибка, которую совершили лидеры восстания с тактической точки зрения. Вместо неудачного наступления на Леваши им следовало дожидаться похода красных в горы, который мог принести им победу, и смог бы «изменить ситуацию в Закавказье весной 1921 г.» [14. Р. 527].

В конце XX в. также вышли работы, посвященные событиям, происходившим на юге России, но не во всех содержался материал о Северном Кавказе [15, 16].

В 1996 г. в Лондоне вышел сборник статей «Северокавказский барьер на пути российского продвижения на мусульманский Восток» [17] (изначально он был издан в 1992 г.), ставший результатом работы симпозиума по Северному Кавказу, состоявшегося в Лондоне в 1988 г. М. Беннигсен-Броксап – одна из авторов сборника статей опубликованного в данном издании. В своей работе «Последний газават. Восстание 1920–1921 гг.» автор уделила внимание Гражданской войне в Российской империи, а именно на Северном Кавказе, выделив четыре основных противника, противостоявших на Северном Кавказе между 1917 и 1920 гг.: большевики (русские и туземцы), кавказские националисты, Белая армия Деникина совместно с кубанскими и терскими казаками и мусульманские религиозные консерваторы. Прямое или косвенное участие в конфликте принимали и другие силы: армия Бичерахова, которой оказывали помощь англичане, а также турки, азербайджанские мусавиты, грузины и армяне.

Весной 1920 г. Красная армия заняла низменности Дагестана. В это время в Европейской России Советы разбили Белую армию и захватили Азербайджан. На Северном Кавказе борьба велась между двумя противниками – консервативными мусульманами и русской Красной армией. М. Беннигсен-Броксап, ссылаясь на Н. Самурского (Эффендиева), первого секретаря Коммунистической партии Дагестана, отмечала, что он признавал, что в этот период было допущено несколько ошибок: это и грабительские набеги, и зверства, и нападки на религию, которые были характерны для победившей армии в Гражданской войне. В итоге спустя три месяца вспыхнуло восстание в Верхнем Дагестане и Верхней Чечне.

Также было отмечено, что в 1920 г. на стороне Советов было мало коренных мусульман, тогда как между 1917 и 1920 гг. лидеры революционного движения на Северном Кавказе, принадлежавшие к мусульманским радикалам, присоединились к партии большевиков. Среди них автор выделил М. Дахадаева.

«Несмотря на то, что они встали на сторону русских коммунистов в период Гражданской войны, они оставались убежденными националистами, и их признавало и доверяло им местное население» [17. Р. 112]. Почти все местные коммунисты не дожили до начала восстания 1920 г.

Русские коммунисты, прибывшие в составе 11-й Красной армии, были невежественны относительно социальных условий Дагестана и характера горцев. Это послужило одним из поводов к восстанию, которое охватило все мусульманское население и носило характер джихада; территория охваченная восстанием была небольшой. Таким образом, советская власть столкнулась с одной из наиболее серьезных внутренних проблем. Война была жестокой, не было пленных и Красная армия понесла большие потери.

М. Беннигсен-Броксап писала, что «только мистический приказ мог заставить отчаянно независимых горцев подчиниться железной дисциплине в безнадежно неравной борьбе с Советами, власть которых становилась тотальной» [17. Р. 115]. Она отмечала, что повстанцев было немного, так как и территория, затронутая восстанием, была сравнительно небольшой. По оценке командира 11-й Красной армии, число сражавшихся было 9 690 человек, в их распоряжении находились старые винтовки и ружья, сорок пулеметов, захваченных в бою. Повстанцы пользовались лояльностью и поддержкой местного населения, хорошо знали и ориентировались в высокогорной местности в отличие от Красной армии, что давало им преимущество в бою на данной территории. Автор описал их как мужественных, отважных, приверженных газавату (священной войне) воинов с отличной дисциплиной.

Части Красной армии численно превосходили повстанцев: в распоряжении Советов находились 2 армии – 11-я из Астрахани (Терско-Дагестанская) и 9-я (Кубанская). Несмотря на боевой дух командиров и солдат этих частей – закаленных ветеранов Гражданской войны, имевших хорошее вооружение, у них не было опыта сражения и ведения партизанской войны в горах [17. Р. 116–117]. В работе также дана характеристика оснащенности и готовности к боевым действиям противоборствующих сторон.

В своей статье автор обратилась к малоизвестной, но выдающейся странице истории, отметив, что война прошла незамеченной на Западе и в остальном мусульманском мире, в Советском Союзе эта тема всегда оставалась запретной. Повстанцы сражались до последнего, и среди них не было выживших, они не оставили мемуаров, а также после 1927 г., времени начала антиисламской кампании в Советском Союзе и вспышки новой волны беспорядков на Северном Кавказе, советской цензурой были запрещены все упоминания об этой трагедии.

М. Беннигсен-Броксап выделила четыре относительно объективные работы оппонентов повстанцев, она относит их к документальным источникам, вышедшим до 1927 г. Это работы Н. Самурского (Эфендиева) «Дагестан» (1925); «Гражданская война в Дагестане» (1925); А. Тахо-Годи «Революция и контрре-

волюция в Дагестане» (1927); А. Тодорского «Красная армия в горах – действия в Дагестане» (1924) [17. Р. 117].

В работе автор сравнивает Советы и царскую власть. Влияние России на жизнь и обычаи дагестанцев и чеченцев было незначительным даже в городах. Ошибкой российских правителей явилось то, что они не пытались понять традиции людей, подчинение их осуществлялось посредством полиции. В отношении Северного Кавказа Советы также последовали по стопам своих предшественников.

М. Беннигсен-Броксап подробно описала события 1920–1921 гг. Восстание, начавшееся в августе 1920 г., продолжалось почти год. Оно было окончательно подавлено в 1925 г., после поимки и казни большевиками Н. Гоцинского [17. Р. 121].

Омечалась несостоятельность советских войск в начале восстания, которая проявлялась в незнании методов ведения боевых действий в горной местности; также подробно описаны сражения, позиции, командующие обеих сторон, жестокость и зверства в сражениях; отдельно отмечены доблесть и бесстрашие некоторых людей. В работе указаны причины антисоветского восстания: насильственные действия со стороны Советов, социально-экономическое и общественно-политическое положение в регионе. Однако М. Беннигсен-Броксап упустила моменты, связанные с вмешательством стран Антанты, с их интересами к территориям Северного Кавказа, с обеспечением повстанцев оружием и продовольствием, в котором им оказывали помощь иностранные державы. Было упомянуто лишь о том, что к ним присоединился внук имама Шамиля из Турции.

Автор, говоря о положении страны после войны, отметила, что она лежала в руинах, 90 важных центров было уничтожено. Был разрушен Хасавюрт, опустошен Дербент, уничтожены мосты и телеграфные линии, дороги; нанесен урон сельскому хозяйству: пострадали виноградники, выжило лишь 25% крупного рогатого скота от довоенного уровня. Бедствия на этом не завершились, и в последующие годы положение только ухудшалось.

Проблемы, с которыми столкнулись Советы на мусульманской территории Советской России, сделали невозможным их военное и политическое вмешательство в Турцию и Иран, т.е. все это лежало на советской стратегии в мусульманском мире за рубежом [17. Р. 143].

В своей работе автор отметила влияние революции 1917 г. в России на становление Северокавказского государства; организацию Первого Северокавказского конгресса (Первого Горского съезда) Центральным комитетом объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана: в мае 1917 г. Центральный комитет действовал как Временное правительство Северокавказского независимого государства. В сентябре того же года Вторым конгрессом была ратифицирована временная конституция данного государства. После захвата власти большевиками Северокавказское государство объявило себя полностью независимым от России (11 мая 1918 г.). Статус Северокавказской

республики был признан Германией, Австро-Венгрией и Турцией, с которыми она заключила союз 8 июня 1918 г.

Деникин первым нанес удар Северокавказской республике – Добровольческая армия начала операцию на территории казаков на Северном Кавказе. Некоторые горцы вначале благосклонно отнеслись к этому, полагая, что военно-политическое движение направлено против большевиков, но вскоре наступило разочарование. Под лозунгом «Россия единая и неделимая» Деникин решил покорить Кавказ. Он рассматривал «желание горцев организовать политическую жизнь в их видении, что больше подходило к эквиваленту “национального большевизма”, который он считал своим священным долгом искоренить...» [17. Р. 152–153].

Встретив серьезное сопротивление в Кабарде и Северной Осетии, Деникин прошел территорию Чечни и Ингушетии с намерением сломить местную оппозицию, были сожжены дотла крупные центры в Чечне и Ингушетии (12 центров). Это привело к объединению населения пострадавших территорий. Таким образом, вместо концентрации сил против большевиков во время Московской кампании Деникин был вынужден использовать свои отряды для борьбы против горцев (на Кавказе было сосредоточено не менее трети его войск).

М. Беннигсен-Броксап отмечала, что падение независимой Республики Северного Кавказа не привело к спокойствию в регионе. После восстания в августе 1919 г. в Чечне и Ингушетии, в сентябре шейх Узун-Хаджи освободил горы Дагестана, Чечни, Осетии и Кабарды, провозгласил независимость Северного Кавказа еще раз и установил Северо-Кавказский Эмират.

В феврале 1920 г. Деникин был вынужден эвакуироваться с территории Эмирата. Красная армия выступила в образе освободителя, она признала правительство Узун-Хаджи де-факто и помогла в борьбе против Деникина. С ликвидацией Эмирата шейху Узун-Хаджи была предложена почетная должность муфтия северокавказских горцев. В августе 1920 г. вспыхнуло восстание в горах Чечни, Ингушетии и Дагестана [17. Р. 152, 153].

М. Беннигсен-Броксап коснулась и Советской Горской республики относительно о Конгресса горцев (Горский учредительный съезд) во Владикавказе. Конгресс состоялся 20 января 1921 г., в нем участвовал Нарком по делам национальностей И. Сталин. Также рассматривалась политика советского правительства по вопросу национальностей, провозглашена амнистия участникам восстания Саид-бека при условии прекращения движения и признания власти советского правительства, которое признавало внутренний суверенитет и независимость горцев и рекомендовало создание уникальной «Советской Горской республики», наделенной полной автономией.

«Конституционное собрание новой республики поставило свое признание советского правительства в

зависимость от шариата и официального признания адата в качестве основных конституционных законов Горской республики, и то, что центральное правительство не должно вмешиваться в их внутренние дела...» [17. Р. 154]. Таким образом, Сталин принял оба условия, после чего делегаты официально признали советское правительство.

Провозглашение Советской Горской республики явилось результатом соглашения между представителями горцев и Советов. В ее состав вошли Чечня, Ингушетия, Осетия, Кабарда, Балкария и Карачай. Дагестан был объявлен независимой советской республикой. Это была совершенно необычная республика с советской эмблемой на знамени и шариатской конституцией. Также в соответствии с приказом Сталина несколько казачьих станиц было переведено во внутренние районы России, земли были возвращены чеченцам и ингушам [17. Р. 154].

Таким образом, сложная, многомерная история революций 1917 г. в России и последовавшей за ними череды деструктивных событий привлекла и продолжает привлекать интерес отечественных и зарубежных исследователей. Постигание глубинного смысла истории гражданского противостояния невозможно при одностороннем взгляде на эти события. В этом смысле большую роль играет приращение исследовательской базы работами зарубежных авторов, не всегда доступных в силу языкового барьера.

Так, изучение англоязычной историографии XX в. по истории Северного Кавказа 1917–1921 гг. позволило выявить имеющуюся литературу среди иностранных работ и сделать вывод о наличии в зарубежных архивах и библиотеках материалов, имеющих непосредственное отношение к событиям северокавказской истории. В представленных исследованиях содержится материал о военных событиях, об образовании Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана, о светских и духовных представителях разных народов, принимавших активное участие в жизни региона, о влиянии ислама на политику Северного Кавказа, об антиденикинском восстании и другие вопросы.

Данные работы дают возможность осмыслить историческое прошлое народов Северного Кавказа, связанных с историей России в целом, с точки зрения иностранных исследователей. Взгляд извне позволяет более скрупулезно реконструировать сложную и многомерную картину гражданского противостояния в России, как в центре, так и на окраинах в 1917–1921 гг., высвечивая как фактологическую, так и геополитическую составляющую. В работах англоязычных исследователей содержатся выводы о влиянии событий 1917–1921 гг. на Северном Кавказе на изменение военной и политической ситуации на Кавказе и Юге России. Материалы иностранных работ существенно дополняют историю периода Гражданской войны и интервенции на Северном Кавказе.

Примечания

¹Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

²Kapp, Эдуард Халлетт // Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Kapp_Эдуард_Халлетт (дата обращения: 17.09.2020).

³Cities and Men: an Autobiography. Vol. II: Aegean, Cyprus, Turkey, Transcaucasia and Palestine (1914–1924) / Reviewed by Henry L. Roberts //

Foreign Affairs. URL: <https://www.foreignaffairs.com/reviews/capsule-review/1955-01-01/cities-and-men-autobiography-volume-ii-aegean-cyprus-turkey> (дата обращения: 07.09.2020).

Список источников

1. Price M.Ph. The Soviet, the terror and intervention. Brooklyn, New York : Socialist Publication Society, 1918. 23 p.
2. French F.J.F. From the Whitehall to the Caspian. London : Odhams press limited, 1920. 255 p.
3. Bechhofer C.E. In Denikin's Russia and the Caucasus, 1919–1920. London : W. Collins sons & Co. Ltd., 1921. 324 p.
4. Dunsterville L.C. The adventures of Dunsterfoce. London : Edward Arnold & Co, 1932. 324 p.
5. Kazemzadeh F. The struggle for Transcaucasia, 1917–1921 / With an introd. by M. Karpovich. New York : Philos. Libr. ; Oxford : Ronald, 1951. 356 p.
6. Kenez P. Civil war in South Russia, 1918. The first year of the volunteer army. Berkeley, 1971. 351 p.
7. Marshall A. The Caucasus under Soviet rule. London; New York : Routledge, 2010. 387 p.
8. Rasizade A. Chechnya: The Achilles heel of Russia – part one // Contemporary review. 2005. Vol. 286, № 1671. P. 193–197.
9. Reynolds M.A. Native Sons: Post-Imperial Politics, Islam, and Identity in the North Caucasus, 1917–1918 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge. 2008. Bd. 56, H. 2. P. 221–247.
10. Chamberlin W.H. The Russian revolution. 1917–1921: in 2 vol. Vol. 2. 1918–1921: From the Civil War to the consolidation of power. New York : The Universal library. Grosset & Dunlap, 1976. 572 p.
11. Аликберов Г.А. Победа социалистической революции в Дагестане. Махачкала : Дагестанское книжное издательство, 1968. 284 с.
12. Carr E.H. The Bolshevik revolution 1917–1923. London : Macmillan & Co. Ltd., 1950. Vol. 1. 430 p.
13. Luke H.C.J. Cities and men: An autobiography. Vol. II: Aegean, Cyprus, Turkey, Transcaucasia & Palestine (1914–1924). London, 1953. 262 p.
14. Allen W.E.D., Muratoff P. Caucasian battlefields. A history of the wars on the Turco-Caucasian border 1828–1921. Cambridge : University press, 1953. 614 p.
15. Roberts G.L. The evolution of Soviet Muslim policy, 1917–1921. A thesis... for the degree of master of arts. Houston, Texas, 1990. 198 p.
16. Gokay B. Turkish Settlement and the Caucasus, 1918–20 // Middle Eastern Studies. 1996. Vol. 32, № 2. P. 45–76.
17. The North Caucasus barrier. The Russian Advance towards the Muslim World / ed. by Marie Bennigsen Broxup. London : Hurst & Co., 1996. 252 p.

References

1. Price, M.Ph. (1918) *The Soviet, the terror and intervention*. Brooklyn, N.Y: Socialist Publication Society.
2. French, F.J.F. (1920) *From the Whitehall to the Caspian*. London: Odhams press limited.
3. Bechhofer, C.E. (1921) *In Denikin's Russia and the Caucasus, 1919–1920*. London: W. Collins sons & Co. Ltd.
4. Dunsterville, L.C. (1932) *The adventures of Dunsterfoce*. London: Edward Arnold & Co.
5. Kazemzadeh, F. (1951) *The struggle for Transcaucasia, 1917–1921*. New York: Philos. Libr.; Oxford: Ronald.
6. Kenez, P. (1971) *Civil war in South Russia, 1918. The first year of the volunteer army*. Berkeley.
7. Marshall, A. (2010) *The Caucasus under Soviet rule*. London and New York: Routledge.
8. Rasizade, A. (2005) Chechnya: The Achilles heel of Russia – part one. *Contemporary Review*. 286 (1671).
9. Reynolds, M.A. (2008) Native Sons: Post-Imperial Politics, Islam, and Identity in the North Caucasus, 1917–1918. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge*. Bd. 56. H. 2.
10. Chamberlin, W.H. (1976) *The Russian revolution. 1917–1921*. In 2 vol. Vol. 2. 1918–1921: *From the Civil War to the consolidation of power*. New York: The Universal Library. Grosset & Dunlap.
11. Alikberov, G.A. (1968) *Pobeda sotsialisticheskoi revolyutsii v Dagestane* [Victory of the socialist revolution in Dagestan]. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo.
12. Carr, E.H. (1950) *The Bolshevik revolution 1917–1923*. Vol. 1. London: Macmillan & Co. Ltd.
13. Luke, H.C.J. (1953) *Cities and men: An autobiography*. Vol. II: *Aegean, Cyprus, Turkey, Transcaucasia & Palestine (1914–1924)*. London.
14. Allen, W.E.D. & Muratoff, P. (1953) *Caucasian battlefields. A history of the wars on the Turco-Caucasian border 1828–1921*. Cambridge: University press.
15. Roberts, G.L. (1990) The evolution of Soviet Muslim policy, 1917–1921. *A thesis ... for the degree of master of arts*. Houston, Texas.
16. Gokay, B. (1996) Turkish Settlement and the Caucasus, 1918–20. *Middle Eastern Studies*. 32 (2).
17. Bennigsen Broxup, M. (ed.) (1996) *The North Caucasus barrier. The Russian Advance towards the Muslim World*. London: Hurst & Co.

Информация об авторе:

Салихова Л.Б. – канд. ист. наук, научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (г. Махачкала, Россия). E-mail: leila.salihova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.B. Salikhova, Cand. Sci. (History), researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russian Federation). E-mail: leila.salihova@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.03.2021;
одобрена после рецензирования 23.04.2021; принята к публикации 28.03.2022.

The article was submitted 11.03.2021;
approved after reviewing 23.04.2021; accepted for publication 28.03.2022.

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 122.129
doi: 10.17223/15617793/476/9

Абстрактное в мышлении: интерпретация концепции Г.В.Ф. Гегеля

Юрий Александрович Дубовский¹, Татьяна Борисовна Заграевская^{2, 3},
Станислава Михайловна Заграевская³

^{1, 2} Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

³ Обнинский институт атомной энергетики Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», Обнинск, Россия,

¹ dubovsky@pgu.ru

^{2, 3} szagraevskaya@yandex.ru

Аннотация. Представлены результаты анализа и осмысления концепции Г.В.Ф. Гегеля, раскрывающей диалектическую природу абстрактного и его взаимосвязи с конкретным. Ведущий гегелевский принцип восхождения от абстрактного к конкретному в мышлении рассмотрен с учетом дихотомии физического и ментального планов выражения. Подчеркнута необходимость перехода познавательно-мыслительной деятельности человека от фрагментарного к системному абстрактному для формирования целостной картины мира, основанной на логике разума. Определена ценность концепции Гегеля в формировании адекватного понимания сущности окружающего мира на современном этапе развития.

Ключевые слова: абстрактное, диалектика, конкретное, мышление, познание, системное, фрагментарное

Для цитирования: Дубовский Ю.А., Заграевская Т.Б., Заграевская С.М. Абстрактное в мышлении: интерпретация концепции Г.В.Ф. Гегеля // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 84–94. doi: 10.17223/15617793/476/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/9

The abstract in thinking: Interpretation of Hegel's concept

Yury A. Dubovsky¹, Tatiana B. Zagrayevskaya², Stanislava M. Zagrayevskaya³

^{1, 2} Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation

³ Obninsk Institute for Nuclear Power Engineering of Moscow Engineering Physics Institute, Obninsk, Russian Federation

¹ dubovsky@pgu.ru

^{2, 3} szagraevskaya@yandex.ru

Abstract. In the framework of this study, the features of abstract thinking in the concept of Hegel are considered. The research material was the original article by Hegel “Who Thinks Abstractly”. The subject of the study was Hegel's concept, which points to the limitations of the abstract and the leading principle of the ascent of the abstract to the concrete in order to achieve systematic scientific knowledge. The object of the analysis was the study of the abstract phenomenon, its forms and relationships with the concrete in the process of thinking and cognition of the phenomena of the surrounding reality. The aim of the research is to review and comprehend Hegel's article “Who Thinks Abstractly” with a parallel contextual analysis of the text, to form a holistic understanding of the Hegelian approach to the abstract-concrete in thinking. Before Hegel, the concrete was perceived as the objective real, which contains the diversity of individual objects and phenomena and which can be sensually known. Behind the abstract, we saw only the products of thought, abstractions, and secondary images that appeared in a person's mind. Given this, the readers of “Who Thinks Abstractly” make a mistake believing that an educated person who is able to abstract from reality has some unique abilities that an uneducated person who perceives the world linearly on the basis of causation does not have. In fact, the perception of reality by a person is impossible without abstraction. Therefore, everyone can think abstractly. The transition of real objects to abstract images is carried out by each of us, as a result of which a mental analogue of the real world is formed in consciousness. The abstract becomes the most important tool for the development of thought on the path of cognition of the object. As for the nature of the abstract in relation to human mental activity, the authors propose to distinguish at least two forms of the abstract: (a) the fragmentary abstract and (b) the systemic abstract. The fragmentary abstract allows for a lack of knowledge, gaps; tends to rational thinking, in which individual concepts are identified, accumulated and studied by themselves, beyond the mutual conditionality of each other. At the level of the fragmentary abstract, all concepts are in an incomplete and fragmented state. The systemic abstract characterizes the consistent, interrelated reflection of an object in the system. The theoretical (philosophical) nature of the abstract is determined by its function in the process of thinking and cognition of the object.

sophical-logical) abstract reflects and fixes the essential and necessary aspects of cognizable objects, acting as an analog of scientific abstraction. The systemic abstract organizes various aspects, properties, qualities of the object of knowledge; sets systemic connections and their synthesis, ensuring the unity of diversity. Therefore, when we consider the relationship between the abstract and the concrete in thinking, it becomes clear that the abstract is not the metaphysical opposite of the concrete, but a stage of movement, of self-improvement of the concrete itself.

Keywords: abstract, cognition, concrete, dialectic, fragmentary, systemic, thinking

For citation: Dubovsky, Yu.A., Zagrayevskaya, T.B. & Zagrayevskaya, S.M. (2022) The abstract in thinking: Interpretation of Hegel's concept. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 84–94. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/9

Введение

В рамках данного исследования рассматривается проблема абстрактного мышления в концепции выдающегося немецкого философа Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Выбор темы продиктован несколькими обстоятельствами. Прежде всего отметим, что дихотомия *абстрактное – конкретное* давно привлекает исследователей широкого круга наук, таких как философия, психология, социология, лингвистика и другие, поскольку оппозиция, лежащая в основе этого явления, входит в понятийно-категориальный аппарат представлений о мире и существующем в нем многообразии. Следовательно, обращение к проблеме абстрактного в мышлении является одной из актуальных и основополагающих для человека и исследователя.

Интерес к гегелевской диалектике абстрактного обусловлен также тем, что его концепция имела значительное влияние на развитие научного знания, при этом она стала закономерным продолжением предшествующей теоретической мысли. В частности, предшествующим знанием для идей Гегеля явились просветительское знание, античная философия, взгляды Канта и Фихте в области практической философии и натурфилософия Шеллинга, в которых высоко оценивается достоинство человека, признавалась его способность быть свободным и развивать себя. Последующим этапом развития гегелевской концепции в философии и теории научного знания явились идеи широкого круга западных и отечественных мыслителей, среди которых отметим Н.В. Станкевича, Т.Н. Грановского, В.Г. Белинского, Н.П. Огарева, М.А. Бакунина, А.И. Герцена, С.С. Гогоцкого, К.А. Неволлина, С. Кьеркегора, К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и многих других. Особенно ярко это влияние концепции Гегеля проявилось в формировании идей марксизма, который избрал диалектику как самое ценное и основополагающее в своем учении. В частности, ценность диалектики была отмечена в учении о развитии природы, общества и мышления.

Актуальность данной работы видится в рассмотрении проблемы абстрактного в развитии мышления в рамках оригинальной концепции Гегеля, идеи которой являются следствием предшествующего опыта и остаются востребованы и перспективны в наши дни. Вместе с тем некоторые мысли философского плана, связанные с диалектической природой абстрактного, вызывают разночтение у читателей произведений Гегеля, что требует анализа и обоснования.

Материалом настоящего исследования является оригинальная философская статья Гегеля «Кто мыслит абстрактно?» [1].

Отметим, что сочинение «Кто мыслит абстрактно?» относится, по мнению издателей гегелевского наследия, к последнему, берлинскому периоду его творчества, хотя существует мнение о более раннем его происхождении [2. С. 26]. Статья написана в стиле светского разговора, пестрит тонкими замечаниями и яркими иллюстративными примерами концепции автора. Простой, образный эмоциональный язык, используемый философом, привлекает читателя и побуждает к осмыслению изложенных положений.

В рамках статьи Гегель утверждает, что люди избегают абстрактного мышления не потому, что презируют его, но скорее возвеличивают, принимая за особенное и даже неприличное в обществе. Они считают абстрактное мышление признаком высокоразвитого интеллекта. Однако в действительности мыслит абстрактно необразованный человек. В подтверждение своей позиции философ приводит примеры обыденного житейского мышления. Он подчеркивает, что обыденное мышление, как и научная абстракция, также является отвлечением, однако в научном теоретическом мышлении философ видит конкретность и логику. Рассматривая разные ситуации, иллюстрирующие абстрактное мышление обывателя, автор доказывает, что заблуждением являются выводы, построенные на основе неполноты знания о предмете вследствие мнимой образованности.

Предметом исследования послужила концепция Гегеля, указывающая на ограниченность абстрактного и ведущий принцип восхождения абстрактного к конкретному для достижения системного научного знания.

Объектом анализа явилось рассмотрение феномена абстрактного, его форм и взаимоотношений с конкретным в процессе мышления и познания явлений окружающей действительности.

Цель исследования – осмысление статьи Гегеля «Кто мыслит абстрактно?» с параллельным контекстуальным анализом текста, формирование целостного понимания гегелевского подхода к абстрактному-конкретному в мышлении.

В круг исследования входят следующие задачи:

1. Осветить основные положения концепции автора, раскрытой на страницах его философской статьи «Кто мыслит абстрактно?».
2. Критически проанализировать представленные философские идеи, раскрывающие сущность абстрактного в мышлении.

3. Определить сущность абстрактного и конкретного мышления, определить их особенности.

4. Сформировать целостное понимание взаимосвязи абстрактного-конкретного в развитии мышления человека и место в нем абстрактной формы мышления.

5. Обобщить результаты философского подхода к абстрактному в концепции Гегеля, определить его значение для развития научной мысли.

Методологическая база исследования включает научные работы ряда отечественных ученых, занимающихся проблемами немецкой классической философии и места в ней философии Гегеля (А.В. Гулыга, В.А. Канке, В.Н. Кузнецов, В.В. Миронов [2–6]), видеолекции по вопросам немецкого идеализма и диалектики Гегеля (Е.Л. Павлова, В.И. Повилайтис, С.В. Луговой [7–9]), лексикографические источники (И.Т. Фролов [10]), а также статьи, раскрывающие концептуальное, методологическое, культурологическое значение реферируемой статьи Гегеля (В.И. Антонов, Э.В. Ильенков, С.Н. Труфанов [11–13]) и др.

Проблематика, поднимаемая Гегелем на страницах сочинения «Кто мыслит абстрактно?», связана с проблемой познания окружающего мира и формирования мировоззренческой ориентации человека в социуме, осознания себя и своего воздействия на окружающий мир, цели и смысла деятельности, ответственности за поведение и его результаты. В этом отношении рассмотрение проблем абстрактного и его связи с конкретным в мышлении становится в ряд теоретически-значимых для современного сообщества и обнаруживает связь с глубинными ценностями и жизненными ориентирами человека. Практическая ценность исследования видится в раскрытии особенностей познавательно-мыслительного процесса человека, активно осуществляемого на основе обобщенного и опосредованного отражения действительности, и специфики фиксации их в системе абстракций разного рода, объединенных связями и отношениями. Важной составляющей в этом направлении видится определение видов абстрактного и конкретного мышления, диалектически связанных между собой, а также обоснование справедливости гегелевского принципа восхождения от абстрактного к конкретному, основанного на логике разума.

Общее осмысление статьи Гегеля «Кто мыслит абстрактно»

Гегель открывает сочинение «Кто мыслит абстрактно?» незримым диалогом с читателем, через который сразу же прямо и незамедлительно устанавливает предмет дальнейшего обсуждения: «Мыслить? Абстрактно? *Sauve qui peut* (с фр. – спасайся, кто может)» [1. С. 389]. Такое яркое и весьма резкое обращение ставит своей целью предупредить случайного незадачливого читателя от дальнейшего прочтения, поскольку рассуждения о метафизическом – не самое интересное занятие для праздного ума, вызывающее скорее «желание удрать подальше, как от чумы», нежели тратить попусту время [1. С. 389]. Самым фак-

том своего появления данный микродиалог указывает на тот факт, что проблема толкования ментальных процессов, их формирования, развития и установления социальных, гендерных, профессиональных и иных особенностей не входят в круг интересов большинства, оставаясь уделом немногих, чье призвание связано с попытками описания целостной картины развития процесса познания. К таковым представителям можно смело отнести автора статьи – величайшего философа XIX в.

Далее находим вновь обращение Гегеля к читателю, который спешит успокоить широкую публику сообщением о том, что она не найдет в статье пояснений того, в чем сущность мышления и что следует понимать под абстрактным. По мнению автора, такие толкования избыточны и скучны для представителей приличного общества, поскольку «порядочное общество именно потому и избегает общения с “абстрактным”, что слишком хорошо с ним знакомо» [1. С. 389]. Для тех же, кто не владеет данным знанием, не может дать ему адекватную оценку, полюбить или возненавидеть, а значит, любое из полученных мнений от таких лиц будет иметь весьма субъективный и ограниченный характер. В то же самое время Гегель не намерен в поисках славы скрывать предмет обсуждения за театральной маской, в его цели не входит искусным образом захватить внимание читателя, а затем неизбежно встретить последующий конфуз и разочарование. По мнению великого философа, такой обман способен оттолкнуть любого, так как читатель не станет ценить знания, полученные ценой обмана, а раскрытое тщеславие вызовет еще большую неприязнь. С другой стороны, понимая человеческую сущность, сразу раскрывать все загадки последующего повествования – значит потерпеть фиаско, проиграть без борьбы. Наиболее верный способ – сохранять интригу, недосказанность для читателя, побуждая его к самостоятельному размышлению, удерживать внимание собеседника по примеру министра из театральной комедии, играющего весь спектакль в пальто. Пальто, будь то реальное в театральной пьесе или метафизическое в научной статье, следует раскрыть в финале для максимального эффекта разоблачения. Хотя, как замечает Гегель, реальный материальный объект окружающего мира (в данном случае орден министра на груди, раскрытый в самом конце спектакля) поразит зрителей много больше, нежели некий метафизический вывод (орден мудрости, философское знание). Объяснение этому лежит на поверхности – орден министра обнаруживает нечто новое, а именно материальный недостаток этого человека («кошель с деньгами»), что же касается метафизического вывода – ничего принципиально нового читатель не узнает [1. С. 390]. Согласно Гегелю, читатель сможет лишь дать название тому, чем общество уже давно обладает, а значит, это название будет закреплено за хорошо знакомым понятием, оно не вызовет эффект неожиданности и не приведет к новому знанию.

Следует отметить, что Гегель причисляет всех своих читателей без исключения к представителям приличного общества, обладающим достаточным

знанием о таких понятиях, как «мышление» и «абстрактное». Основной вопрос, который ставит философ перед ними, заключается в том, чтобы разобраться, так кто же мыслит абстрактно. Гегель подчеркивает, что не ставит своей задачей склонить читателей к некоей точке зрения. В то же самое время он не стремится упрекнуть их в невежестве или легкомысленном пренебрежении к трактовке понятий и истолкованию процессов мышления. Напротив, Гегель убежден в том, что всякий читатель не только вхож в приличное общество согласно рангу, но наделен разумом, знает цену абстрактному мышлению и даже находит в нем возвышенное, потому и избегает его в светских беседах. В приличном обществе человек слишком вежлив и тактичен, он не желает выделяться среди других, а абстрактное мышление способно отделить человека от общества, сделать его смешным, вычурным и нелепым, будто наряженным в лохмотья или же в слишком роскошное одеяние, старомодно украшенное драгоценными камнями и кружевами. Мыслить абстрактно, заключает Гегель, слишком просто, неблагородно, потому как абстрактно могут мыслить все, как просвещенные, так и необразованные люди. Но если необразованный человек делает это повсеместно, то просвещенному человеку не стоит опускаться до подобного занятия в силу его внутренней пустоты.

По мысли Гегеля, за почитанием абстрактного мышления со стороны образованного человека кроется сатира. Человек из приличного общества не станет мыслить абстрактно осознанно и намеренно, в противном случае он будет это делать, например, участвуя в конкурсе на получение премии за лучшее сатирическое произведение. Для большей убедительности данного положения философ приводит ряд примеров, иллюстрирующих сущность абстрактного мышления, его ограниченность и отвлеченность.

Первый пример описывает сцену, в которой убийцу ведут на казнь. На месте казни собралась толпа, в которой многие судачат о том, кого казнят, что это за человек и пр. При этом для одних оказывается, что это сильный, красивый, интересный мужчина (мнение дам). Другие возмущаются такой оценкой, утверждая, что убийца не может быть красив. Следовательно, те, кто считают его красивым, либо ничего не смыслят в красоте, либо видят лишь внешнюю физиологическую красоту человека, забывая о внутренней нравственной красоте, и последнее, скорее, свидетельствует об их моральном разложении (мнение священника). Третьи, утверждая себя в обществе как знатоки человеческих душ, будут искать причины убийства через анализ жизни человека, ставшего впоследствии преступником. Согласно Гегелю, сторонники этого подхода укажут на то, что у убийцы были дурные отношения между его отцом и матерью, что в его жизни был эпизод, когда за незначительный проступок он был сурово наказан, и именно несправедливость наказания ожесточила его против общества и существующих порядков. А значит, убийство стало вполне ожидаемой реакцией на события прошлого и даже «единственным способом самосохранения» (мнение писа-

телей) [1. С. 392]. Такое мнение будет встречено в толпе осуждением и истолковано желанием оправдать убийцу (мнение бурмистра). Более того, попытки снять вину с человека, совершившего правонарушение перед лицом общества, подрывает основы правопорядка (мнение представителей власти) и основы христианства, особенно если оправдывают самоубийцу (мнение верующих), что может, в свою очередь, привести к новым преступлениям. В качестве подтверждения данной позиции Гегель приводит яркий пример поведения главного героя в романе «Страдания молодого Вертера» Гёте, когда самоубийство становится трагическим исходом любовных страданий юноши. Известно, что после выхода романа в свет по Европе прокатилась волна самоубийств среди молодых юношей и девушек, в карманах которых находили томики Гёте.

Вышеприведенные мнения людей из толпы потому и абстракты, заключает Гегель, что в них убийца – некий отвлеченный образ, в котором нет всех характеристик человеческого существа. Схожее поведение демонстрирует утонченно-сентиментальная публика г. Лейпцига, видя в убийце образ святого мученика, на долю которого выпало высшее страдание. Здесь Гегель приводит пример отношения некоторых людей к преступникам, подвергнутым колесованию, являвшемуся одной из самых позорных, мучительных казней, широко распространенных в Германии в Средние века и в начале Нового времени. Бесчеловечность и жестокость такой казни сочеталась с возвеличиванием тех, кто подвергся этому смертельному наказанию. Аналогичным примером, по Гегелю, выступает образ Иисуса Христа в христианстве, который принял смерть через распятие во имя спасения всего человечества и потому достоин почитания и преклонения. Публика, вплетающая цветы и венки в колесо, на котором распинали преступника во время колесования, мыслит абстрактно, говорит Гегель, так же как и христиане, которые превращают крест (орудие позорной казни) в святыню и видят в нем величайший символ веры, спасения и божественной любви ко всем людям. Выкладывая розы крестом, они утверждают победу жизни над смертью, которая стала возможной после смерти над греховным человеческим естеством, и соединяют страдание с «радостнейшим блаженством и божественной честью» [1. С. 392], тем самым умиротворяют греховность (убийство человека) с высокой миссией спасения человечества и дарования ему жизни вечной. И это умиротворение напоминает философу мировосприятие известного русского мореплавателя Отто Коцебу, безрассудство которого поражает его. Известно, что во имя горячо любимого отечества Коцебу сделал немало важных географических открытий во время совершения им трех кругосветных путешествий, однако ради этого он многократно подвергал свою жизнь огромной опасности и часто находился на шаг от смерти. Возвращаясь к процветшему кресту, Гегель подчеркивает, что видит в нем «разновидность распутного примиренчества – чувствительного и дурного» [1. С. 392].

Второй пример связан со сценой оправдания убийцы старушкой из богадельни. Увидев, что солнце осеняет на эшафоте отрубленную голову преступника, она трактует это как знак свыше, как некое знамение, демонстрирующее милосердие бога. Вспомнив расхожую фразу «ты не стоишь того, чтобы тебе солнце светило» [1. С. 392], выражающую осуждение, старушка посчитала, что раз солнце озарило отрубленную голову, то в этом есть знак небесной благодати. Для того чтобы этой старушке достичь такого понимания, не нужно было фиалок или сентиментальных чувств, достаточен был солнечный свет.

Следующий пример изображает сцену на рынке, в которой покупательница заявляет торговке, что та торгует тухлыми яйцами. И тут же в ответ слышатся брань необразованной женщины, обвинения со стороны торговки, оскорбления ею покупательницы, клевета и бесконечный поток ругательств. Обиженная торговка наговаривает на покупательницу, называя ее тухлой и распутной, а также обвиняя ее отца, мать и бабушку во всевозможных грехах, которые только приходят в голову. Причиненная обида заслоняет все положительное перед торговкой. Ничего хорошего, доброго и порядочного она уже не видит в покупательнице. Напротив, торговка приписывает ей и всей ее родне всяческие пороки, которых наверняка на самом деле нет ни у этой женщины, ни у ее семьи. Все эти едкие обвинения пусты и демонстрируют результат абстрактного мышления в лице торговки.

Еще один пример демонстрирует ситуацию, когда слуге хорошо живется при благородном господине и плохо у человека низкого звания и малого достатка. Если хозяин прост – он скорее всего мыслит абстрактно, в результате чего ведет себя перед слугой важно и видит в нем только слугу. Если же человек благороден (аристократ, а еще лучше – француз), то для него слуга – добрый приятель, с ним хозяин фамильярен, говорит на равных обо всем, ничего не стесняясь (пример чего находим у Дидро в повести «Жак и его хозяин»). Более того, благородный хозяин ценит своего слугу, поскольку тот может рассказать ему все городские сплетни, подсказать что-то полезное, ведь в нем он видит достоинство и разум. Барин-француз настолько прост со слугой, что при нем слуга отстаивает свое мнение, спорит с хозяином, рассуждает, а не подчиняется слепо. Барину-французу приходится убеждать слугу в правильности своей мысли, а после благодарить за то, что слуга согласится с его точкой зрения.

Последний пример абстрактного мышления касается традиций и нравов прусских военных, у которых офицерам положено бить солдат. Простой рядовой солдат обязан покорно сносить побои, так заведено, а офицер обязан его бить, даже если ему это неприятно. Военные, следующие такому стилю поведения, безусловно мыслят абстрактно, слепо подчиняясь стереотипу.

Все вышеприведенные примеры связаны между собой. При этом с обывательской наивной точки зрения современному читателю может показаться, что автор иронически относится к необразованным лю-

дям. Большинство полагает, что простой необразованный человек действительно не способен мыслить абстрактно. Напротив, для того чтобы мыслить абстрактно, следует учиться, развивать познавательные способности и мыслительную деятельность. Следовательно, мыслить абстрактно – прерогатива образованного ученого человека. Однако, согласно концепции Гегеля, это далеко не так.

Интерпретация гегелевского подхода к абстрактному–конкретному в мышлении

Известно, что в диалектике мышления Гегель видел единство противоположных сил, что не означало того, что понятия противоречат сами себе или эмпирическим данным. Противоречие открывало путь к познанию сущности вещей, а препятствием на этом пути являлся субъективизм и ограниченность. Более того, в философии Гегеля диалектика стала ведущим теоретико-методологическим принципом. Познание любого объекта, что нас окружает, строится по законам диалектики, через преодоление изолированности этого объекта, включение его в отношения с другими объектами. Иными словами, принцип диалектики лежит в основе развития мысли. Применяя его к проблеме абстрактного – конкретного, определим, означает ли это, что абстрактное и конкретное выступают как противоположности, находясь в диалектическом единстве.

Прежде всего, укажем, что абстрактное и конкретное на самом деле представляют собой философские категории, диалектически связанные друг с другом [10. С. 4–5; 14]. Абстрактное и конкретное устанавливают связь между расчлененностью и конкретностью предмета. Абстрактное выступает как отвлеченное понятие, а конкретное – как реальное, воспринимаемое чувственно. Абстрактное, будь то научное или обыденное, отвлекается от всего многообразия конкретной эмпирической реальности или от конкретного. При этом само по себе абстрактное, как и конкретное, не является чем-то положительным или отрицательным.

До Гегеля конкретное воспринималось как объективное реальное, в котором заключается многообразие единичных предметов и явлений и которое можно чувственно познать [10. С. 4]. За абстрактным виделись исключительно продукты мышления, абстракции, вторичные образы, которые возникали у человека в сознании. В форме абстракции реальный объект предстает в отрыве от связи с реальным миром и другими объектами. То есть конкретное существует независимо от всякого познания и определенно до него. Мышление же, в свою очередь, реконструирует реальный мир в форме образов и ментальных структур, воссоздает, духовно реконструирует объективное конкретное. В этом отношении абстрактное и конкретное действительно выступают как противоположности физического и ментального плана выражения. При этом конкретное как часть материи первично, а сознание как отображение материи вторично. Такой подход объясняет позицию обывателя, что век-

тор развития мысли лежит в плоскости от конкретного к абстрактному, а не наоборот.

Учитывая сказанное, читатели статьи Гегеля «Кто мыслит абстрактно?» делают ошибку, полагая, что у образованного человека, способного абстрагироваться от действительности, есть некие уникальные способности, которых нет у необразованного, воспринимающего мир линейно на основе причинно-следственной связи. На самом деле восприятие действительности человеком невозможно без абстрагирования. Человек не познает мир пассивно, т.е. его органы чувств отслеживают информацию окружающего мира целенаправленно. Мышление человека не представляет собой чисто природное свойство, но оно есть «выработанная в ходе истории функция социального субъекта, общества в процессе своей предметной деятельности и общения, идеальная их форма» [15. С. 45]. То есть мышление – не только биологическая форма, но и социальная, основанная на практике человека и закрепляемая в его сознании. В процессе познания человек активно воздействует на объекты реального мира и в ходе их изменения познает их [16. С. 439–440]. Вместе с развитием практической деятельности человека усложняются фигуры мышления, внутренне дифференцируются понятия, проходя определенные этапы развития, основные из которых – рассудок и разум.

Первоначально человек обнаруживает объект окружающего мира, воспринимает его органами чувств, одновременно кодируя эту информацию для своего сознания. На первом этапе познания человек не может охватить воспринимаемый объект во всей полноте и сложности его качеств. Тем самым, первоначальный образ, сформированный им в ходе познания, уже есть продукт абстрагирования. Он находится в сознании в форме абстракции, оторванности от реальности, но пребывает в неполном фрагментарном виде. То есть если человек говорит о чем-то в отрыве от реальности, то это в любом случае свидетельствует о его способности мыслить абстрактно. Следовательно, мыслить абстрактно способны все. Переход реальных объектов к абстрактным образам осуществляется каждым из нас, в результате чего в сознании формируется ментальный аналог реального мира. Абстрактное становится важнейшим инструментом развития мысли на пути познания объекта. Благодаря абстрактному для человека становится возможным выделение объектов, их взаимоотношений и анализ окружающей действительности.

В ходе познания человек создает для себя мир духовной культуры, объекты которой наделены «второй природой» по отношению к объектам реального мира. Они не даны изначально в готовом виде, но развиваются в процессе практики, которая составляет основу познания. Начиная от элементарных ощущений и заканчивая научными абстрактными теориями, мышление преобразуется, открывая для себя все новые и новые свойства окружающего, все глубже и глубже познавая сущность предметов и явлений.

Умение абстрагироваться от действительности, в большинстве своем развитое в определенной степени

у человека, не означает, что все мыслят одинаково. Абстрактное само по себе обладает двойственной природой. Абстрактное можно рассматривать как умение отвлекаться от реальности. Так, умения и опыт человека абстрактны. Умение выделить отдельные качества в предмете в ходе познания тоже абстрактно. Но существует другой тип абстракции, когда абстрагирование от реальности приводит к образованию новой системы знания. Такой вид абстрагирования может сопровождаться переводом информации о реальных объектах в символы, позволяя манипулировать ими для поиска и нахождения решения. Примером таких операций абстрагирования могут быть решения математических или физических задач, уравнения с неизвестными, использование языка как системы знаков и др. Люди, мыслящие абстрактно с опорой на некую систему абстракций, стараются учитывать сложность используемых ими понятий. Они могут мыслить абстрактно, не пытаясь достичь определенного результата, а просто мыслить. При этом особенностью их мышления является способность формировать сложные мыслительные категории, рассматривать объект под разными углами, делать отвлеченные заключения. С другой стороны, существуют люди, не обладающие этими навыками. Они бывают неспособны мыслить широко из-за узости и ограниченности мышления. Они мыслят в рамках, созданных ими самими, в результате чего в приговоренном к казни видят только преступника, в обидевшей покупательнице – только обидчицу, в хозяине – хозяина, а в слуге – слугу. Либо же люди, обладающие ограниченностью абстрактного мышления, строят неверные выводы. Так, старушка из богадельни полагает, что солнечный свет, осенявший отрубленную голову – знак божьей благодати, а публика на месте казни колесованием в кресте видит великомученический пьедестал.

В большинстве случаев объекты окружающего мира невероятно сложны. Они содержат множество качеств и свойств, связей и отношений с другими объектами мира. А образы, первоначально формируемые в сознании людей, не могут в полной мере отобразить эту сложность и потому недостаточны для адекватного понимания всех объектов или явлений реальности. Абстрактные фрагментарные мысли допустимы вследствие незнания или его недостаточности. Человеку, стремящемуся познать мир глубоко и системно, приходится постоянно возвращаться к конкретному, чтобы обогатить свое понимание объекта реальности все большими и большими нюансами. В результате такого восхождения от абстрактного к конкретному, абстракции наполняются новым знанием, определяют связи и отношения анализируемого объекта с другими, что позволяет избежать многих ошибок в выводах, иллюстрации к которым привел Гегель в своем сочинении.

Абстракция позволяет отвлечься от некоторых признаков объекта, сосредоточиться на том, что важно, не рассматривая объект в целом. Отбросить сложность и остановиться на сути, отказаться от признаков, которые кажутся несущественными, сконцентри-

роваться на ограниченном количестве свойств и связей из бесчисленного числа признаков. В ряде случаев такой подход оказывается ведущим в процессе анализа объекта. Более того он обладает преимуществом отсутствия связи с реальностью. В целом абстракции удобны и просты в использовании, но ошибочны из-за своей ограниченности. Однако пройдя путь развития от фрагментарного обыденного абстрактного к системному научному мышлению, человек открывает для себя возможность перехода к более полному, глубокому и целостному пониманию действительности. Другими словами, абстрактное выражает неполноту предмета, в то время как в единстве с конкретным абстрактное стремится достичь целостности и полноты. При этом важно помнить о том, что речь идет о мыслительном процессе, и восхождение от абстрактного к конкретному не приводит к возникновению или формированию конкретного.

Аналитическая форма знания предшествует форме системного знания, на уровне которого из первоначальных замечаний, суждений, схем, гипотез, понятий на основе логической связи формируется абстракция более высокого порядка, отражающая более полные теоретические системы. Переход к конкретному значению знаменует собой возникновение логических взаимосвязей между разрозненными абстрактными знаниями и появлением системного целостного знания.

В статье «Кто мыслит абстрактно?» Гегель доказывает, что абстрактное мышление присуще обывателю и соотносится с уровнем обыденного сознания. Такое мышление представляет результат одномерной оценки, ограниченного, однобокого подхода к анализу предмета или явления, выделения в нем отдельных, чаще случайных характеристик и определений. При этом такого рода мышление характеризуется безапелляционностью суждений, яркой экспрессивностью и эмоциональностью, нередко приводя к гипертрофированному, искаженному видению окружающего мира, привнесению в него своего наивного видения и отношения с крайне положительным и крайне отрицательным модусами. Значительная субъективизация воспринимаемых сторон многогранной действительности над объективизацией порождает неадекватное восприятие и, следовательно, формирование специфичной для данного субъекта картины мира.

Что касается природы абстрактного в отношении мыслительной деятельности человека, то в ней философ видит две ступени развития. Первая представляет собой *абстрактное рассудочное мышление*, для которого характерна ограниченность, фрагментарность, вырванного единичного из контекста, рассмотрение отдельного в изолированности от системы, в которую оно входит. Это – начальная ступень развития мышления. Выйти за пределы абстрактного мышления возможно через адекватное понимание объекта познания, через связь абстрактного и конкретного, которая позволяет раскрыть содержательность знания об объекте в полной мере, осознать сущность объекта познания, увидеть сложные, многосторонние и глубокие иерархические связи объекта познания с дру-

гими объектами окружающего мира. *Конкретное системное мышление*, в свою очередь, – вторая, по Гегелю, наивысшая форма развития мыслительной деятельности человека, форма разумного мышления. При этом познавательный процесс в онтогенезе развивается исключительно от единичного к системному, от частного к общему, от абстрактного к конкретному.

Справедливо заметить, что выделение случайного абстрактного – стартовая, промежуточная ступень развития мысли. Данный вид абстрактного не связан с взаимообусловленностью единиц системы, которую он образует или в которую входит. Напротив, он стоит вдали от формы научного абстрактного. Следовательно, считаем, необходимо различать, по крайней мере, две формы абстрактного:

1. *Фрагментарное абстрактное*, допускающее недостаточность знаний, пробелы, тяготеющие к рассудочному мышлению, при котором выявляются, накапливаются и изучаются отдельные понятия сами по себе, за пределами взаимной обусловленности друг другом. Другими словами, на уровне фрагментарного абстрактного все понятия пребывают в неполном и разрозненном состоянии, не образуя единой научной картины мира. Такая форма абстрактного дает поверхностное представление об объектах и явлениях окружающего мира. Именно эта форма мышления характерна для малограмотных людей невысокой культуры. Критика этой формы мышления стала предметом рассмотрения в статье Гегеля «Кто мыслит абстрактно».

Примечательно, что *фрагментарное абстрактное* господствовало во внутреннем и международном сообществе вплоть до XIX столетия, причем уже в XVIII в. в Европе началась эпоха Просвещения с активным развитием научного знания о человеке и мире. В научном мире все чаще отмечались случаи обогащения существующих понятий, приращения новых смыслов, приходилось выстраивать логические цепочки между различными научными понятиями через выявление содержательных связей и отношений между ними. Тем не менее качественных преобразований в мышлении большинства людей не наблюдалось. Требовалось выйти из «состояния несовершеннолетия» [13. С. 161] и совершить переход от фрагментарной формы мышления к взаимосвязанной системной форме разумного мышления, о чем и пишет Гегель в своем сочинении. Очевидно, что это явилось одной из целей, стоявших перед философом в данной работе, наравне с потребностью раскрыть сущность ущербности рассудочной формы мышления с единичным фрагментарным *абстрактным*.

2. *Системное абстрактное*, характеризующее последовательное, взаимосвязанное отражение объекта в системе. Теоретическое (философско-логическое) абстрактное отражает и фиксирует существенные и необходимые аспекты познаваемых объектов, выступая аналогом научной абстракции [11. С. 108]. Данный вид абстрактного характеризует конкретное мышление по Гегелю. Системное абстрактное служит важнейшим инструментом раз-

вития научного знания, позволяет привести теории, основанные на доказательствах, к верным выводам. Использование системной формы абстрактного позволяет исследователям проводить мыслительные эксперименты в сознании. И здесь важно помнить о том, что для получения истинных выводов оперировать системным абстрактным должно конкретное мышление. Системное абстрактное организует различные стороны, свойства, качества объекта познания, задает системные связи и их синтез, обеспечивая единство многообразия. Примеры такой организации можно обнаружить в системах разных научных абстракций математики, физики, химии и т.д. В таких системах конкретное мышление с помощью системного абстрактного преобразует содержательное знание в сложную взаимосвязанную структуру, отражающую объективную реальность.

Оппозицию фрагментарное абстрактное – системное абстрактное применительно к мышлению можно сопоставить с апостериорными и априорными суждениями (по Канту). Если на уровне рассудочного мышления с фрагментарным абстрактным доминируют апостериорные суждения, функционирующие по принципу «как что видится, так оно и мыслится», то на уровне разума с системным абстрактным оперируют априорные суждения, которые «диктуются потребностями самого процесса по строению знаний о мире в целом» [13. С. 162]. Разум объединяет сознание и самосознание. Он способен конструировать единую картину мироздания, в которой реальный окружающий мир и мир сознания (или идеальное) представляют одно и то же содержание. На уровне разума функционирует конкретное мышление, которое упорядочивает понятия индивида о себе и мире в единое целое, формирует научную картину мира на основе системного научного знания.

Конкретное, в свою очередь, так же, как абстрактное, имеет двойственную природу. Конкретное может трактоваться как исходный пункт анализа объекта окружающего мира, с которого начинается познание, и как мыслительное конкретное или конкретное мышление, которое завершает мыслительно-познавательный процесс. Конкретное как элемент природы выступает «инобытием» к общественным отношениям людей. Ее субъектом становится материальная действительность, мир конечных вещей и явлений [10. С. 4]. Конкретное живет по объективным физическим законам, взаимосвязанных и взаимообусловленных объективной реальностью. Поэтому всякое абстрактное, построенное вне связи с конкретным не способно воспроизвести все многообразие мира, его логические связи. В отрыве от конкретного абстрактное теряет свою истинность.

Следовательно, рассуждая над взаимоотношениями абстрактно-конкретного в мышлении, становится ясно, что Гегель в своем понимании исходит из того, что абстрактное являет собой не метафизическую

противоположность конкретного, но этап движения, самосовершенствования самого конкретного.

Во взаимоотношениях абстрактного и конкретного Гегель видит относительность человеческого знания, указывая на постоянный процесс его развития. Абстрактное – это зачаток конкретного, еще не раскрытое в полной мере, неразвернувшееся, неразвитое конкретное, при этом отношения между абстрактным и конкретным в мышлении подобны отношениям почки и плода, желудя и дуба [10. С. 4]. А значит, люди из сочинения «Кто мыслит абстрактно» имеют потенциал развития и самосовершенствования, их мышление, находящееся на стадии фрагментарного абстрактного, еще не достигло системности, глубины и многосторонности. Но ирония и сарказм в отношении них неуместны. Проблема развития мыслительной деятельности человека – всеобщая и должна решаться совместными усилиями.

Обобщая сказанное, постараемся объединить и схематично представить развитие абстрактного-конкретного в мышлении и познавательной деятельности человека (рис. 1).

Согласно рис. 1 становится ясно, что ментальный уровень (абстрактное) и материальный уровень (конкретное) противопоставлены друг другу. Познание начинается с эмпирических данных (чувственного конкретного), образуя в сознании первоначальное фрагментарное абстрактное, характеризующее абстрактное рассудочное мышление. Далее абстрактное восходит к конкретному, обогащаясь новыми данными о качестве, связях и отношениях объекта познания. В результате в сознании формируется системное целостное абстрактное, отражающее объективную реальность в сложных взаимосвязанных понятиях и характеризующее конкретное разумное мышление. На этом пути образуется истинное научное теоретическое знание, конкретное по содержанию и по возможности целостное и полное. Мышление синтезирует этот процесс и достигает результата, исходя из конечной точки движения. В случае малограмотных необразованных людей с абстрактным мышлением мыслительно-познавательная деятельность ограничивается первым этапом развития. В результате незавершенности познавательно-мыслительной деятельности мышление таких людей порождает ошибки, неадекватные представления, суждения и поведение.

В дальнейшем, размышляя над целостным характером процесса познания, Гегель следует сформулированному им ведущему принципу восхождения от абстрактного к конкретному, в частности выявляя три ступени формирования самих понятий (мысленного конкретного): 1) обнаружение факта бытия предмета; 2) выявление его строения и внешних связей; 3) постижение сущности понятия. При этом всякий индивид при формировании понятия опирается на широкий понятийно-категориальный аппарат, включающий категории, обладающие количественными и качественными признаками (форма, содержание, единичное, всеобщее и др.).

Рис. 1. Взаимоотношения абстрактно-конкретного в мыслительно-познавательной деятельности человека

Ценность концепции Гегеля, ярко проиллюстрированная в сочинении «Кто мыслит абстрактно?», состоит в обращении к понятиям абстрактного и конкретного, находящимся в диалектическом единстве и целостном представлении развития мыслительно-познавательного процесса человека. Во взаимоотношениях абстрактного-конкретного как нельзя лучше виден гегелевский исходный принцип абсолютного идеализма, подразумевающий единство системности и научности. Если рассудок способен выделить лишь отдельные стороны объекта, то для перехода к уровню разума необходимо обращение к указанному принципу диалектики, ведь именно разумное конкретное мышление способно видеть единство различных определений и противоположностей.

Разумным конкретным мышлением, по Гегелю, должен руководствоваться не только образованный человек. Конкретное мышление должно лежать в основе построения системы понятий философии в целом, выражая закономерные связи, присущие развитию человечества [2. С. 35]. Утверждая это, Гегель, безусловно, верил в реальность логической систематизации всего информационного потока силами постоянно развивающегося мышления, устремленного к разумному видению мира.

Взгляды Гегеля в области развития мыслительно-познавательной деятельности человека и взаимоотношения в ней абстрактно-конкретного внесли большой вклад в борьбу с агностицизмом и идеей невозможности познания мира во всем его многообразии. В их основу был заложен историзм и вера Гегеля в силы и способности человеческого разума, в логику и системность. Гегель сумел раскрыть связи и этапы развития мышления на пути познания реального мира, указал на важные закономерности преобразования мыслительной деятельности и причины, лежащие в их основе. Он стремился донести это знание до широкой публики через написание статьи «Кто мыслит абстрактно» и побудить людей к саморазвитию, повышению образовательного уровня и формированию адекватного понимания сущности окружающего мира. Таким образом, становится очевидным, что анали-

зируемая работа Гегеля обладает как теоретической, так и практической значимостью, открывая перспективы для исследователей и обывателей, желающих глубже проникнуть в познание реальной действительности.

Заключение

Подводя итог рассмотрению абстрактного в мышлении и его взаимосвязи с конкретным, раскрытого в статье Г.В.Ф. Гегеля «Кто мыслит абстрактно?», заметим, что в настоящее время в обществе, равно как и в науке, по-прежнему отмечается господство фрагментарного абстрактного мышления [13. С. 170]. В понятиях наблюдается несогласованность, что делает невозможным сконструировать на их основе единую научную картину мира. Мышление человека продолжает пребывать на уровне рассудка, а накопленное знание по-прежнему нуждается в оптимизации и упорядочении. Потребность в информационной систематизации на современном этапе осложнена процессом глобализации и интеграции мирового сообщества в единое международное пространство как в области общественной коммуникации, так и в области науки.

Приверженность к абстрактной фрагментарной форме мышления таит в себе благодатную почву для идей национализма, расизма, ксенофобии и этноцентризма [11. С. 107]. Категоричность и сверхобобщенность идей человека с подобного рода мышлением выливается в утверждение «своего» как исключительно верного, правильного и благонадежного в противовес «чужому» – ложному, неверному, отрицательному. Такая полярность может вылиться в непримиримую вражду и вытеснение «чужих» «своими», что особенно опасно на межнациональном и межкультурном уровнях. В связи с этим сочинение Гегеля звучит весьма актуально и остро для современного читателя.

Обращение Гегеля к осознанию неполноценности фрагментарного мышления призывает общество развить и перевести мышление на ступень разума. Для достижения этой цели видится целесообразным об-

ращение каждого к проблемам познания и развитию собственного «я», обогащению и систематизации своего мышления и сознания на научной основе.

Системное научное мышление способно представить мир как целое, отразить основные связи развивающейся действительности. Однако важно помнить, что раскрыть всю конкретику и богатство окружающей реальности научное мышление едва ли способно в полной мере. В связи с этим требуется постоянное восхождение от абстрактного к конкретному для уточнения и обогащения накопленных знаний. Познание, осуществляемое мышлением, не статично, но подвижно и динамично, стремясь достичь полного, глубокого, современного знания.

Гегелевский принцип движения мысли от одностороннего к многостороннему, от абстрактного к

конкретному ведет к идее построения строгой последовательности между элементами познаваемого мира, что необходимо человеку как ориентир в освоении окружающей действительности. Более того, заданный вектор движения мыслительно-познавательной деятельности отражает историю познания любого объекта этого мира, этапы его освоения в обобщенном виде, в том числе в области науки.

По мере развития познавательной и мыслительной деятельности абстрактное от фрагментарного к системному формирует научное знание от наиболее общего вначале к все более конкретному и основательному. Так развивается конкретное мышление, содержательное по своей природе и точное по целям и задачам.

Список источников

1. Гегель Г.В.Ф. Кто мыслит абстрактно? // Работы разных лет : в 2 т. М. : Мысль, 1970. Т. 1. С. 387–395.
2. Гулыга А.В. Гегель. Вехи творческого пути. Вступит. статья. // Г.В.Ф. Гегель Работы разных лет : в 2 т. М. : Мысль, 1970. Т. 1. С. 5–46.
3. Гулыга А.В. Немецкая классическая философия. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рольф, 2001. 416 с. (Библиотека истории и культуры). URL: http://lib.mdpu.org.ua/load/filosofiya/gulyga_a_v_nemetskaya_klassicheskaya_filosofiya.pdf
4. Канке В.А. Объективный идеализм Г. Гегеля // Философия. М. : ИНФРА-М, 2017. С. 111–116.
5. Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия : учебник, спец. «Философия». 2-е изд., доп. М. : Высш. школа, 2003. 438 с. URL: <https://ru.scribd.com/doc/39202699/Kuznetsov-Nemetskaya-klassich-filosofiya-Uchebnik>
6. Философия : учебник / под общ. ред. В.В. Миронова. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Mironov/_04.php
7. Павлова Е.Л. Видеолекция по философии: Законы диалектики Г. Гегеля. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=o5-iaAC93IM>
8. Павлова Е.Л. Видеолекция по философии: Учение об Абсолютной идее Г. Гегеля. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=voPEPRMdCx8>
9. Повилайтис В.И., Луговой С.В. Немецкий идеализм: философия Гегеля. Философия для бакалавров. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hT6Ym1afYF4>
10. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М. : Изд-во полит. лит., 1987. 590 с.
11. Антонов В.И. Методологическое и культурологическое значение работы Гегеля «Кто мыслит абстрактно?» в контексте современности // Вестник ВСУТУ. 2014. № 3. С. 106–108.
12. Гегель Г.В.Ф. Кто мыслит абстрактно? (с послесловием Э.В. Ильенкова). URL: https://bookscafe.net/read/gegel_georg-kto_myslit_abstraktno_s_s_poslesloviem_e_v_ilenkova-168322.html#p1
13. Труфанов С.Н. О кризисе в философии или «Кто мыслит абстрактно?» // Философия и космология. 2011. № 1 (9). С. 159–179.
14. Швырёв В.С., Рузавин Г.И. Абстрактное и конкретное. Гуманитарная энциклопедия: Концепты // Центр гуманитарных технологий, 2002–2021 (последняя редакция: 18.01.2021). URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7161>
15. Современная философия: словарь и хрестоматия / под ред. В.П. Кохановского. Ростов н/Д. : Феникс, 1995. 511 с.
16. Философия : учебник / под ред. Л.Г. Кононовича, Г.И. Медведева. Ростов н/Д. : Феникс, 1996. 576 с.

References

1. Hegel, G.W.F. (1970) *Raboty raznykh let* [Works of Different Years]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: Mysl'. pp. 387–395.
2. Gulyga, A.V. (1970) *Gegel'. Vekhi tvorcheskogo puti* [Milestones of the creative path]. In: Hegel, G.W.F. *Raboty raznykh let* [Works of Different Years]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: Mysl'. pp. 5–46.
3. Gulyga, A.V. (2001) *Nemetskaya klassicheskaya filosofiya* [German Classical Philosophy]. 2nd ed. Moscow: Rol'f. [Online] Available from: http://lib.mdpu.org.ua/load/filosofiya/gulyga_a_v_nemetskaya_klassicheskaya_filosofiya.pdf
4. Kanke, V.A. (2017) *Ob'ektivnyy idealizm G. Gegelya* [G. Hegel's objective idealism]. In: Semenov, V.E. (ed.) *Filosofiya* [Philosophy]. Moscow: INFRA-M. pp. 111–116.
5. Kuznetsov, V.N. (2003) *Nemetskaya klassicheskaya filosofiya* [German Classical Philosophy]. 2nd ed. Moscow: Vysshaya shkola. [Online] Available from: <https://ru.scribd.com/doc/39202699/Kuznetsov-Nemetskaya-klassich-filosofiya-Uchebnik>
6. Mironov, V.V. (ed.) (2005) *Filosofiya* [Philosophy]. Moscow: Norma. [Online] Available from: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Mironov/_04.php
7. Pavlova, E.L. (2013) *Videolektsiya po filosofii: Zakony dialektiki G. Gegelya* [Video lecture on philosophy: G. Hegel's Laws of Dialectics]. [Online Video]. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=o5-iaAC93IM>
8. Pavlova, E.L. (n.d.) *Videolektsiya po filosofii: Uchenie ob Absolyutnoy idее G. Gegelya* [Video lecture on philosophy: The Doctrine of the Absolute Idea of G. Hegel]. [Online Video]. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=voPEPRMdCx8>
9. Povilaitis, V.I. & Lugovoy, S.V. (2015) *2.15 Nemetskiiy idealizm: filosofiya Gegelya. Filosofiya dlya bakalavrov* [2.15 German Idealism: Hegel's Philosophy. Philosophy for bachelors]. [Online Video]. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=hT6Ym1afYF4>
10. Frolov, I.T. (ed.) (1987) *Filosofskiy slovar'* [Philosophical Dictionary]. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury.
11. Antonov, V.I. (2014) Methodological and cultural importance of Hegel's work "Who thinks abstractly?" in the present context. *Vestnik VSGUTU – The Bulletin of ESSTUM*. 3. pp. 106–108. (In Russian).
12. Hegel, G.W.F. (1973) *Kto myslit abstraktno?* [Who thinks abstractly?]. Translated from German. *Znanie – sila*. 10. pp. 41–42. [Online] Available from: https://bookscafe.net/read/gegel_georg-kto_myslit_abstraktno_s_s_poslesloviem_e_v_ilenkova-168322.html#p1
13. Trufanov, S.N. (2011) The crisis in philosophy, or "Who thinks abstractly?". *Filosofiya i kosmologiya*. 1 (9). pp. 159–179. (In Russian).
14. Shvyrev, V.S. & Ruzavin, G.I. (2021) *Abstraktnoe i konkretnoe* [Abstract and concrete]. *Gumanitarnyy portal*. [Online] Available from: <https://gtmarket.ru/concepts/7161>
15. Kokhanovskiy, V.P. (ed.) (1995) *Sovremennaya filosofiya: slovar' i khrestomatiya* [Modern Philosophy: Dictionary and Anthology]. Rostov-on-Don: Feniks.

16. Kononovich, L.G. & Medvedev, G.I. (eds) (1996) *Filosofiya* [Philosophy]. Rostov-on-Don: Feniks.

Информация об авторах:

Дубовский Ю.А. – д-р филол. наук, зав. кафедрой экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции
Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия). E-mail: dubovsky@pgu.ru

Заграевская Т.Б. – д-р филол. наук, профессор кафедры экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции
Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия). E-mail: zagraevskaya@yandex.ru

Заграевская С.М. – студент Обнинского института атомной энергетики Национального исследовательского ядерного
университета “МИФИ” (Обнинск, Россия). E-mail: szagraevskaya@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Yu.A. Dubovsky, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Experimental Linguistics and Intercultural Competence, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation). E-mail: dubovsky@pgu.ru

T.B. Zagraevskaya, Dr. Sci. (Philology), professor, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation). E-mail: zagraevskaya@yandex.ru

S.M. Zagraevskaya, student, Obninsk Institute for Nuclear Power Engineering of Moscow Engineering Physics Institute (Obninsk, Russian Federation). E-mail: szagraevskaya@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.05.2021;
одобрена после рецензирования 01.03.2022; принята к публикации 28.03.2022.*

*The article was submitted 18.05.2021;
approved after reviewing 01.03.2022; accepted for publication 28.03.2022.*

Научная статья
УДК УДК 13
doi: 10.17223/15617793/476/10

Религиозное правосознание в условиях цифрового мира и европейский консерватизм

Елена Александровна Казачанская¹, Алексей Игоревич Овчинников^{2, 3},
Армэн Кароевич Оганесян⁴

^{1, 2} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

³ Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия

⁴ Сочинский институт Российского университета дружбы народов, Сочи, Россия

¹ elk.13@yandex.ru

^{2, 3} k_fp3@mail.ru

⁴ elk.13@yandex.ru

Аннотация. Анализируется влияние процесса цифровой трансформации общества и государства на правосознание представителей консервативных христианских конфессий, а также на идеологический и социокультурный контекст интерпретации современных тенденций в сфере цифровизации общества и государства внутри европейской цивилизационной идентичности, в том числе оценку различных угроз и вызовов достоинству человеческой личности и правам человека в контексте цифровизации.

Ключевые слова: цифровые технологии, достоинство личности, права человека, правосознание, правовой консерватизм

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44228 «Право и правосознание в теологическом измерении: история и современность».

Для цитирования: Казачанская Е.А., Овчинников А.И., Оганесян А.К. Религиозное правосознание в условиях цифрового мира и европейский консерватизм // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 95–104. doi: 10.17223/15617793/476/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/10

Religious legal consciousness in the conditions of the digital world and European conservatism

Elena A. Kazachanskaya¹, Alexey I. Ovchinnikov^{1, 2}, Armen K. Oganessian³

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation,

² South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Rostov-on-Don, Russian Federation

³ Sochi Institute of RUDN University, Sochi, Russian Federation

¹ elk.13@yandex.ru

^{2, 3} k_fp3@mail.ru

⁴ armenoid1986@rambler.ru

Abstract. The article proposes to change the view on modern Western Europe, which is predicted crisis and death in the future in connection with its rejection of traditional values. The authors of the article, using the example of legal consciousness and human rights values, try to show that, in fact, digital globalization and the digital transformation of society cause a conservative reaction from religious confessions. The religious consciousness of traditional European confessions is recognized in the article as the most conservative. The authors are convinced that the reaction of the legal consciousness of representatives of both the Roman Catholic Church and the Russian Orthodox Church in relation to artificial intelligence and digital technologies is due to the protection of human rights and dignity of the individual in the new digital era. The article uses the methods of philosophy of law, legal ethnology, legal anthropology, and sociology of law to consider the processes of transformation of legal consciousness. The work, based on anthropological studies of culturologists and sociologists, shows the erroneousness of the forecast regarding the unification and standardization of legal value-normative systems in the process of digital transformation of society and the state. The authors prove that digitalization, in its own way, has “sharpened” the long-standing disputes about the philosophical and legal nature of the categories “dignity of the individual”, “nation state”, “human rights”,

“respect for the person”, “legal mentality”, “legal culture”, etc. An important conclusion in the work is the following: practically all Christian traditional confessions negatively assess the synthesis of artificial intelligence technologies and the ideas of digital capitalism. There is also a conflict between the conservative religious consciousness and the views of representatives of the fashionable philosophy of transhumanism. The article emphasizes that representatives of Christian communities pay special attention to threats and risks to children’s rights, protection of juvenile rights and freedoms. The authors come to another conclusion: in general, European Christian conservatism adheres to a moderate assessment of new information technologies from the point of view of protecting the dignity of the individual and human rights. These processes provoke protest, since the conflict of values is very dangerous and can lead to a deep civilizational split. At the same time, the loss of the religious and moral foundations of the legal consciousness and legal culture of the inhabitants of the EU countries leads to anarchy and unrest. Rationalism and technocracy of the modern technological order do not unambiguously lead to unconditional acceptance by representatives of the countries that created this order.

Keywords: digital technologies, personal dignity, human rights, legal awareness, legal conservatism

Financial Support: The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 21-011-44228.

For citation: Kazachanskaya, E.A., Ovchinnikov, A.I. & Oganessian, A.K. (2022) Religious legal consciousness in the conditions of the digital world and European conservatism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 95–104. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/10

Введение

В современном мире процессы цифровизации не оставляют никого равнодушным, и оценка новых технологических достижений человечества все чаще «звучит» из наиболее традиционных и консервативно-настроенных сообществ. Это вполне объяснимо: новый технологический уклад все сильнее влияет на жизнь всех людей на планете, не оставляя возможности выбирать «за» или «против» их внедрения. Наиболее консервативно настроенное сообщество – этнические и религиозные группы, этноконфессиональные организации, по-своему «реагируют» на нововведения: часть из новых цифровых технологий принимается безоговорочно, часть вызывает умеренное опасение, некоторые цифровые технологические идеи вызывают радикальное отторжение. При этом европейские религиозные организации апеллируют при анализе рисков к классической идее прав человека и традиционной западноевропейской философско-правовой аргументации.

В качестве примера можно указать на реакцию Римско-католической церкви по отношению к искусственному интеллекту и цифровым технологиям. 28 февраля 2020 г. был опубликован «Призыв Рима к этичности искусственного интеллекта», разработанный Папской академией жизни. Среди подписантов этого документа не только религиозные деятели, в частности папа римский Франциск, но и представители транснациональных корпораций IBM, Microsoft, ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН) и представители правительства Италии [1]. Данный документ направлен был на защиту прав человека и достоинства личности в условиях новой цифровой эпохи.

Указанный документ можно рассматривать как еще одно подтверждение христианских корней современной технологической революции и понятий о правах человека. Эта декларация, с одной стороны, подтверждает вывод одного из ведущих исследователей правовых аспектов внедрения цифровых технологий в государство и общество о том, что универсальность идеи прав человека и достоинства личности

сопрягается со свойством универсальности цифровых технологий, что обеспечит решение вопроса об их применимости: выработать отношение к новым технологиям позволяет то, что сущность человека и связанных с ним ценностей не меняется [2]. С другой стороны, как увидим далее, новые цифровые технологии кардинально меняют представление о человеческой природе и затрагивают неизбежно вопросы философской антропологии.

Активно изучает религиозно-правовые аспекты новых информационных и цифровых технологий Русская православная церковь. В настоящее время ведется работа над церковно-правовым документом, разрабатываемым соборно ОВЦС Московской патриархии под названием «Христианское мировоззрение и современные вызовы научного и технологического развития. Отношение Церкви к новым информационным технологиям (антропологический аспект). Проблематика, связанная с развитием искусственного интеллекта». Этот документ призван дать не только богословскую оценку всеобщей цифровизации, но и установить границы конфессионального признания, одобрения и легитимности новых технологий. Не отстают и представители других конфессий: проблемы новых технологий стали особенно активно обсуждаться в контексте противодействия COVID-19, профилактика которого опирается на применение цифровых дистанционных технологий.

Христианские конфессии по-разному проявляют реакции на цифровые инновации и цифровой прогресс, некоторые более консервативно, некоторые менее. Однако в целом цифровые технологии не рассматриваются как нечто неприемлемое. Более того, некоторые авторы отмечают рост интереса к христианской культуре в условиях цифровизации, отмечая, что, несмотря на парадоксальность, христианское мировоззрение, этическое учение и ценности более гибко сочетаются с научно-техническим прогрессом, так как именно в лоне европейской культуры и зародилась современная научная картина мира. Непосредственно такое объяснение они дают росту численности христиан в Китае среди представителей молодежи, не мыслящей себя вне технологического окружения [3].

В то же время нельзя не замечать появления совершенно новых, ранее неизвестных рисков и вызовов правам человека, на что обращают внимание в том числе и европейские богословы различных христианских конфессий, а также защитники коренных малочисленных народов, национальных меньшинств, этнических групп. Прежде всего, они отмечают риски изменения представлений о природе человеческого достоинства под влиянием успехов в разработке имитирующих творческие способности человека нейросетевых технологий искусственного интеллекта. Изменяются представления и о социальных связях человека, о необходимости поддерживать единство и целостность религиозных общин посредством встреч и собраний. Цифровые технологии усиливают индивидуализм и атомарность, что приводит к ослаблению религиозных ценностей.

Теоретико-методологические и концептуальные подходы к проблеме

Исследование религиозного правосознания осуществляется в контексте не только конфессионального, но и этнокультурного восприятия нормативных новелл, так как присутствующие в каждой культуре базовые представления о добре и зле, справедливости и правосудии укоренены в религии. Их происхождение связано с определением священного и профанного, сакрального и мирского. Поэтому изучение этнических представлений о праве и политике неизбежно ориентируется на исследование религиозных норм и убеждений, на конфессиональное восприятие политических и правовых идеалов, ценностей и норм. Этнокультурная и религиозная идентичность оказываются неразделимыми и взаимодействуют постоянно, оказывая влияние на повседневную жизнь.

В процессе анализа современных тенденций цифровизации, которые отличаются целым рядом особенностей, связанных с виртуальной реальностью, оказываются значимыми как наработанные ранее парадигмы модерна, такие, например, как мироцелостная и системная парадигмы научного мышления, так и парадигмы, формируемые постмодернистской методологией, прежде всего, в рамках социально-конструктивистской парадигмы [4]. Поэтому цифровая трансформация общества и государства не может быть рассмотрена без учета уже ставших классическими работ Ю.М. Лотмана, Ю. Хабермаса, Д. Бэлла, М. Фуко, П. Бергера и других авторов, в которых рассмотрены различные аспекты влияния информационного общества на жизнедеятельность различных культурных сообществ, на коммуникативные структуры межкультурного обмена знаниями в современную информационную эпоху. При этом исследователи не ориентируются исключительно на прогнозы разрушения христианского учения о достоинстве человека и классической концепции прав человека, а также этноконфессиональных сообществ, в процессе их трансформации в информационном обществе и распространения цифровых технологий. Антропологические исследования культурологов и социологов показыва-

ют ошибочность прогноза относительно унификации и стандартизации ценностно-нормативных систем в процессе цифровой трансформации общества и государства. Этноконфессиональные различия никуда не исчезли, более того, как отмечает итальянский антрополог Мариэтта Комби, цифровизация не повлекла за собой гомогенизацию мира: этому свидетельствует «постоянно растущий спрос на признание собственных культурных и языковых особенностей в таких странах, как шотландцы в Великобритании, каталонцы в Испании и т.д. ... Чем больше мы осознаем жизнь в глобальном мире, тем сильнее мы защищаем местную идентичность» [5].

Этноконфессиональные сообщества инкорпорировали в себя цифровые инновации, используя их для подтверждения собственного права на этноконфессиональную идентичность. «Местная культура приобретает новые технологии, перерабатывает их, чтобы сделать их приемлемыми для существующей культуры в этом сообществе, и отправляет их обратно на глобальный уровень в непрерывном обмене межкультурными влияниями и в постоянной трансформации» [5]. Ряд исследователей настаивают на выводе о том, что стратегия мультикультурализма в цифровом обществе сдает позиции и уступает место этноплюрализму и многоконфессиональности [6]. Не менее важной для исследования следует признать точку зрения, что в ряде случаев цифровые технологии позволяют даже укрепить этноконфессиональную идентичность, как на это указывают в своей статье С. Абрамович и Питер Самуэльсон Уордрип [7]. Ответ оказался положительным: цифровые бейджи, значки, иконки, аватарки, выполненные в этническом и религиозном символизме, усиливают этническую и конфессиональную идентичность. Более того, цифровые технологии влекут за собой формирование нового формата этнокультурной идентичности – виртуальную этничность. «Виртуальная этничность» в «глобальной деревне», по мнению Лии Макфадьен, предполагает совершенно новый ракурс по отношению различных подходов к этничности: социально-конструктивистского и материалистического [8].

Этноконфессиональные нормативные системы оказывают, в свою очередь, особое влияние на процессы цифровизации общества и государства. В различных сферах цифровизации, от политической [9] до образовательной [10], обнаруживают сохранность устойчивые этноконфессиональные архетипы. При этом влияние этноконфессиональных установок на актуализацию проблемы социального расслоения и прав социально незащищенной массы людей из стран третьего мира, доступа к цифровым правам человека всех без исключения, на проблему «цифрового равноправия» дает повод социологам, работающим в области изучения цифровых медиа, обратить внимание на «цифровой разрыв» как на существенную методологическую проблему в исследованиях прав человека [11]. Сабина Михель и Адриан Легина обращают внимание на то, что цифровизация влечет имущественную дифференциацию в плане доступа к объектам культуры, а также ее примитивизацию и омассовление [12].

Более разрушительным влияние цифровизации следует признать на идею национального государства. Разрушительным считается влияние цифровой глобализации на национальные государства с доминирующей титульной этнонациональной общностью. Известный футуролог Рэй Курцвейл, один из создателей Университета сингулярности, указывает: «Мы уже фантастически взаимосвязаны. Национальные государства – это больше не острова. Мы стали гораздо более глобальным обществом. Растущее сегодня поколение ощущает себя гражданами мира, потому что они общаются с людьми по всему миру, и их это не удивляет» [13]. Впрочем, цифровая глобализация в этой части лишь продолжает тенденции экономической глобализации.

Понятие национального государства скоро будет неактуальным, считает достаточно большое число исследователей, полагающих, что цифровизация неизбежно устраняет границы между государствами и выявляет проблемы избыточных бюрократических барьеров в коммуникации и научном прогрессе, общении и внедрении инноваций [13].

Критика разрушительного влияния цифровых технологий на этнонациональную идентичность привела к появлению нового термина – «цифровые кочевники», к социальной группе которых относятся носители идеи цивилизации «кочующих объектов» (термин Ж. Аттали), под которыми понимают «электронных кочевников», не помнящих или не имеющих родины. «Мы полагаем, что именно сохранение национального своеобразия человеческих сообществ мешает установлению режима неограниченной “цифровой власти”». Национальные особенности мировосприятия базируются на культурно-исторических традициях, языковых концептах, духовно-нравственных ценностях, основанных на верности духу предков, сохраненному в языке с помощью его кумулятивной функции. Лишаясь защиты Рода (от корня “род” в русском языке словообразование насчитывает около 100 лексем: народ, родина, родня, благородный, родиться, родители, родник, родинка, зародыш и т.д.), человек становится послушной игрушкой в руках “цифрового” манипулятора, который легко его может убедить в чем-либо (пожалуй, даже в чем угодно) на основе, например, одной из базовых идей глобализации, идеи толерантности» [14. С. 82]. В этих условиях особенно бережным должно быть отношение государства к культурно-исторической памяти народа, закреплённой языковыми концептами, являющимися продуктом культуры этноса, в отличие от инстинктов, имеющих универсальный характер [15]. Понимание данного обстоятельства мотивирует авторов признавать необходимость законодательного обеспечения этнокультурной идентичности в условиях цифровизации [16].

Постановка проблемы

Цифровизация по-своему «заострила» давние споры о философско-правовой природе категорий «достоинство личности», «права человека», «уважение к человеку» и др. При этом присутствие большого ин-

тереса наблюдается как в российской юридической литературе, так и в зарубежной [17–19]. В эпоху цифровых технологий достоинство человека со стороны юристов и философов должно особенно бережно защищаться и гарантироваться. Специальный докладчик ООН по пыткам (автор доклада ООН 2020 о психологической пытке) Нилс Мелцер справедливо отмечает: «Больше всего меня беспокоит эрозия прав человека. От Китая с Гонконгом и уйгурами до России и полицейского насилия в США и их нападков на Международный уголовный суд. От Сирии до Бразилии и всемирного миграционного кризиса. Права человека сворачиваются повсюду – пределов такому списку просто нет» [20]. Можно предположить, что современный мир, прогнозируя разнообразные вызовы человеческому достоинству в связи с достижениями научно-технического прогресса, столкнется с проблемой выработки совершенно новых международно-правовых документов, направленных на защиту прав человека в цифровую эпоху. Следует вспомнить и о том, что цифровизация может усилить тренд технократизации государства и дегуманизации права, который возник еще в период расцвета юридического позитивизма и о котором писал П.И. Новгородцев в своем знаменитом философско-правовом трактате о кризисе современного правосознания [21], где мыслитель актуализировал поворот к естественному праву в силу нравственной необходимости возрождения правового идеализма.

Осознание рисков потери достоинства человека, а также прав и свобод привело к появлению католической Резолюции об этике в области искусственного интеллекта, в которой говорится: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны действовать по отношению друг к другу в духе товарищества. Это основополагающее условие свободы и достоинства также должно быть защищено и гарантировано при производстве и использовании систем искусственного интеллекта. Это должно быть сделано путем защиты прав и свободы индивидов, с тем чтобы они не подвергались дискриминации алгоритмами по признаку их расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного положения» [1].

Данный документ не предложил никаких специальных критериев, выделяющих опасные и рискованные зоны внедрения цифровых технологий в человеческую жизнь. Однако современные социально-экономические процессы актуализируют новые вызовы этноконфессиональной идентичности.

Практически все христианские традиционные конфессии негативно оценивают синтез технологий искусственного интеллекта и идей цифрового капитализма. Благодаря применению цифровых технологий усиливается идеология «общества потребления», а сбор информации в системах больших данных способствует установлению «надзорного капитализма», где о потребителе известно практически все [22]. По мнению современных богословов, цифровая среда

предоставляет значительно больше возможностей для манипуляции потребителями маркетинговыми компаниями, так как поведение людей – это единственный продукт, который создают технологии, отмечают православные ученые [22].

На уровне правовой идеологии католические и православные богословы фиксируют примерно одинаково оценку перспектив цифровизации. «Искусственный интеллект должен быть прозрачным, инклюзивным, социально полезным и ответственным», – сказал Генеральный директор ФАО Цюй Дунъюй, который стал одним из первых среди тех, кто поставил свою подпись под резолюцией об этике в области искусственного интеллекта (ИИ), утвержденной Папой Франциском, обратив внимание на то, как важно, пользуясь потенциальными преимуществами этой новой технологии, уменьшать связанные с ней риски. – Необходимо добиваться человекоцентричного подхода в разработке и внедрении искусственного интеллекта сегодня и на будущее» [1].

Следует отметить и неприятие некоторыми представителями трансгуманистической философии права религиозных и светских моральных ограничений в этой сфере. Сторонники либеральной и прогрессивистской социальной философии пытаются вывести искусственный интеллект за рамки религиозного и морального дискурса, защищая и обеспечивая «светскость и свободу», что на деле оказывается очень выгодно крупным корпорациям, главная цель которых – извлечение прибыли, полагают представители религиозной мысли. И хорошо, если целью будет только извлечение прибыли, а не переустройство всего мира, оказавшегося у порога кризиса демократической модели самоуправления и встречающегося со значительными рисками [3].

О переустройстве мира все чаще говорится в прогнозах футурологов. «Механизмы экономики внимания работают на ослабление силы воли, – утверждает Уильямс. – Если политика – форма выражения своей воли на индивидуальном и коллективном уровнях, то экономика внимания явным образом подрывает положения, на которых зиждется демократия». Если Apple, Facebook, Google, Twitter, Instagram и Snapchat постепенно лишают нас возможности думать и размышлять, то у меня возникает логичный вопрос: «В какой момент перестанет существовать демократия?» [23]. Данное наблюдение имеет прямое отношение к этноконфессиональной идентичности, так как определяет роль цифровых технологий в формировании общих этноконфессиональных политических убеждений. По мнению многих авторов, технологии провоцируют невежество, отсутствие доверия друг к другу, одиночество, отчуждение, поляризацию, отвлекают и не позволяют сосредоточиться на реальных проблемах.

Манипулирование большим количеством людей – важнейший результат внедрения цифровых технологий. «Поведение людей – это единственный продукт, который создают технологии» [22]. Этноконфессиональные группы значительно более сильно подвержены различным манипулятивным методикам, исполь-

зующим этноконфессиональные представления в качестве базы социально-конструктивистских манипуляций.

Особое внимание представители этноконфессиональных сообществ уделяют угрозам и рискам в области прав детей, защите ювенальных прав и свобод. Доступ к информации во многих странах не имеет законодательных ограничений, что вызывает протесты со стороны консервативно настроенных родителей и ювенальных омбудсменов. Прежде всего, рост влияния сетевых цифровых технологий на психику детей уже привлек внимание криминалистов, расследующих многочисленные случаи подросткового суицида.

Представители христианских конфессий отмечают деструктивную роль цифровых технологий в формировании детского правосознания и уважения к достоинству личности. Например, разрушительным для представлений о достоинстве человека потенциалом обладают различные социальные сети. У ребенка складывается впечатление о корреляции достоинства человека с количеством лайков. «Продукты социальных сетей не создавались с привлечением детских психологов, целью которых было бы защитить и воспитать детей. Действующие алгоритмы рассчитаны скорее на то, чтобы снизить достоинство и самооценку человека, что особенно губительно для незрелой психики ребенка. В результате дети и подростки начинают организовывать свою жизнь вокруг ложного ощущения совершенства, получая одобрение в виде сердечек-“лайков”, которые отождествляются с реальными отношениями» [22].

Важным и своевременным представляется предложение ряда ученых о необходимости скорейшей интеграции усилий специалистов в сфере нейронаук, психологов и юристов в решении проблемы воздействия цифровой среды на нейросистемы человека. В одной из работ подчеркивается, что «перед уголовным правом стоит задача теоретического осмысления результатов исследований головного мозга, используемых в качестве доказательств в уголовных судах ряда стран и одновременно способствовавших возобновлению дискуссий о свободе воли и основаниях уголовной ответственности» [24. С. 83]. Думается, по мере дальнейшего развития цифровых технологий данная проблема будет все более актуальной: интеграция цифровых технологий в нейросистемы человека уже не фантастика [25].

Представляется, что этот процесс будет усиливаться, что актуализирует проблему этнопсихологического измерения процессов цифровизации права. Не случайно в анализируемой книге важное место занимает статья известного исследователя библейской философии права, первого вице-президента Международного Союза (Содружества) адвокатов П.Д. Баренбойма «Машины, механизмы, технологии. В конечном счете, между адвокатами и роботами будет стоять только психология» [26. С. 23]. В ней автор задается вопросом, а что может помешать или воспрепятствовать повсеместной замене адвокатов на роботов: «Нужно спокойно и уже даже не заранее

посмотреть, какие виды работы юристов могут быть роботизированы прямо сейчас, какие последствия этого процесса очевидны, а также что становится важнейшей и срочной задачей для адвокатов в данных условиях» [26. С. 24]. Автор обращает внимание на то, что государственная власть заинтересована в роботизации адвокатской работы: «Мы должны быть готовы к тому, что общество и власти охотно поддержат роботизацию юридической деятельности в расчете на удешевление и ускорение получения юридической консультационной помощи» [26. С. 24]. Он указывает на фиксацию противоречий в нормах права, на которую способен искусственный интеллект, но при этом признает, что только от программистов будет зависеть фиксация нарушения.

Таким образом, тема достоинства человека в условиях цифровизации звучит актуально, и следует обратить внимание на роль традиционных конфессий к ее опасностям и возможностям. Не стоит отказываться от консервативной религиозно-нравственной оценки рисков новых технологий. Это становится особенно явным, когда обезличенная и оцифрованная личность теряет традиционные характеристики человеческого достоинства. Доктрина трансгуманизма предполагает появление нового человека и человечества, связанного цифровой сетью, объединенного в коммуникативное целое.

Практически все христианские богословы едины во мнении относительно угроз богоподобию человека, исходящих от идей трансформации человеческой природы. Современный научно-технический прогресс позволяет нам видеть три основных направления реформатирования человеческой природы: 1. Генетически модифицированный человек (*HomoGeneticallyTransformed*). 2. Нанокорборгизированный человек (*Nano-Cybernetic HomoOrganism*). 3. Виртуально-цифровой человек (*HomoVirtualis*) [27].

Трансгуманизм является новой квазирелигией или пострелигией, о чем свидетельствует появление идеи «новой Реформации», «демифологизации религии», «республиканской церкви», «эмерджентной церкви» и т.п. Все они объединены одной задачей: трансформировать историческое христианство в некий секулярно-религиозный гибрид, попутно создав нечто вроде рынка религиозных услуг [2].

По сути, трансгуманизм является новым этапом давних стремлений европейских реформаторов обрести земной рай. «В 2015 году бывший сотрудник Alphabet и Uber Энтони Левандовски основал и стал CEO церкви поклонения искусственному интеллекту *WayoftheFuture*. Её цель – «содействие в достижении божественного, основанного на технологии искусственного интеллекта». Церковь закрыта для свободного посещения, а Левандовски никаких подробностей не рассказывает, поэтому о ритуалах и содержании молитв не известно» [28]. В Силиконовой долине многие верят в божественную силу технологий, полагая, что человек от природы неполноценен и необходимо с помощью новых технологий преодолеть эти несовершенства: «услужливые домашние

роботы начнут понимать наши желания лучше, чем мы сами» [28].

В 2015 г. на лекции «Технологии переворачивают мир вверх дном – что происходит?» выступало руководство Google и eBay. «Участники с энтузиазмом уверяли, что оцифровка сознания и прочее сделает мир лучше. Постепенно я начал понимать, что эти люди – евангелисты новой религии, правоверные, мечтающие о Земле Обетованной» [28]. Не случайно в политико-правовом словаре появился новый термин – диджитопия, или техноутопия.

Различные вызовы европейской христианской идентичности привели к тому, что консервативно настроенные интеллектуалы и общественные деятели из Западной Европы выступили с обращением – манифестом к правящим элитам. Журнал *VESPA* опубликовал ранее перевод части этого манифеста, с ним вы можете ознакомиться в материале «Парижская декларация. Европа, в которую мы верим» [29]. Авторы манифеста в основном являются представителями католических стран, выступающими за государственный и социальный контроль над «свободным рынком». По их мнению, неолиберальный мировой порядок ведет к безличной диктатуре транснациональных корпораций и элит, интересы которых обрели форму обязательно квазирелигиозного культа с ритуалами одобрения и анафемы. Все люди, по мнению авторов манифеста, сопротивляющиеся процессам глобализации, осуществляемой со знаменем универсализма при умалении значимости этноконфессиональных традиций, считаются представителями неолиберализма «ностальгирующими расистами и фашистами». Отвернувшаяся от христианских корней Европа уже не может быть уже нашим домом, потому что лжеевропейцы строят свой лжехристианский мир универсальных прав человека, в то время как данный универсализм порождает извращенное понимание прав человека. Групповые права, патриотизм, этноконфессиональная идентичность последовательно истребляется. Этому способствует и культура нигилизма (*culture of repudiation*), негативно влияющая на формирование европейской христианской идентичности будущих поколений. «Теперь, чтобы слыть порядочным человеком с критическим мышлением, следует отрицать ценность всего своего – национальной политики и культуры и т.д. И это самодовольное нерефлектирующее сознание самим своим существованием отрицает традиционные ценности Модерна: интеллектуальную честность, объективность и дисциплину мышления. Культура нигилизма победила» [29].

Религиозное правосознание представителей основных христианских конфессий одинаково негативно оценивает цифровые техноутопии с точки зрения построения нового типа общества. Например, лютеранские теологи, рассуждая о коммуникации в киберпространстве отмечают уменьшение доверия в связях между людьми, что влечет за собой новые формы взаимоконтроля [30]. Цифровые технологии не должны нарушать служения церкви в обществе, не имеют права за-

нимать центральное место вместо Евангелия и Слова Божия, не могут использоваться как инструмент для окружения абстрактного Бога; церковь должна обозначить пределы технологий, которые не должны помещать человечество в «готовый резерв» как товар [31]. Для этого необходимо законодательное закрепление прав человека на бесцифровую среду.

Православный богослов Эндрю Ван-Хунь подчеркивает в своих исследованиях постепенное замещение правового мышления технократическим в ходе цифровизации современного государства. Апеллируя к творчеству критиков научно-технического прогрессизма и технократии Жака Эллюля и Чарльза Тейлора, он указал на семь важнейших вызовов правосознанию личности: рациональность, искусственность, автоматизм технического выбора, самовоспроизводство, неделимость, технологический универсализм и автономия [32. С. 637]. При этом технократическое мышление создает предпосылки для проектирования собственного мироздания с собственными законами, правилами и стандартами поведения. В результате технократическое мышление вступает в конфликт с традиционными социальными нормами, влечет за собой дегуманизацию политики, экономики, культуры. Разрушается сакральное пространство бытия человека, а сама техника превращается в предмет сакрализации.

Православные богословы России, Греции, Румынии, Болгарии единодушны в опасениях относительно разрушительного влияния цифровых технологий на права и свободы человека и гражданина, указывая на «цифровое рабство», QR-коды и сбор биометрических данных, а также на духовную способность самовыражения личности. Заместитель председателя синодального отдела Московского патриархата по взаимоотношениям церкви с обществом и СМИ В. Кипшидзе в ходе обсуждения правовых аспектов цифровизации на онлайн-конференции «Цифровое перемирие. Контракт – 2030» отметил, что во время пандемии «некоторые технологии стали применяться слишком быстро – без обсуждения и рецепции». Отмечая пробельность законодательства в регулировании цифровых технологий, представитель РПЦ высказал осторожное предположение, что «иногда это оставляет подозрение, что, может быть, заинтересованные не хотят регулирования, устанавливать ограничения в сфере высоких технологий» [33].

Выводы

Европейский христианский консерватизм придерживается умеренной оценки новых информационных технологий с точки зрения защиты достоинства личности и прав человека. В целом и Римско-католическая, и Русская православная, и лютеранская церкви пытаются дать теологическую интерпретацию происходящих цифровых изменений и выработать нравственно-правовую шкалу приемлемости цифровых инноваций. Конфессии активно используют цифровые технологии для продвижения своих миссионерских проектов, про-

светительской деятельности, христианской проповеди: цифровые технологии активно используются для критики цифровых технологий. При этом следует обратить внимание на юридический дискурс с акцентом на права человека и достоинство личности в документах и позициях Римско-католической церкви. Это не случайно: юридическое мышление более понятно католическим богословам, использующим категории и термины из правового гуманизма для обоснования своих этических аргументов.

Достаточно показательной является реакция европейских интеллектуалов на процессы трансформации цивилизационной идентичности народов Европы, которая базируется на христианских ценностях. Эти процессы вызывают протест, так как конфликт ценностей очень опасен и может привести к глубокому цивилизационному расколу. При этом утрата религиозно-нравственных оснований правового сознания и правовой культуры жителей стран Евросоюза приводит к анархии и беспорядкам: оказывается, что рационализм и технократия современного технологического уклада вовсе не однозначно ведут к безоговорочному принятию представителями стран, создавших этот уклад.

Как это ни парадоксально звучит, но позволим себе высказать гипотезу, что в условиях постсекулярного мира цифровизация укрепляет религиозное правосознание и христианское учение о правах человека через актуализацию антропологического измерения права: искусственный интеллект «заостряет» вопрос о человеческом интеллекте, о юридической и моральной ответственности человека, о праве на выбор, на свободу человека; экзоскелеты и нанобиотехнологии привлекают внимание к теме соматических прав человека; перспективы высвобождения свободного времени в результате роботизации вновь привлекают внимание к поиску ответа на вопрос о цели человеческой жизни, о судьбе человечества, демографии и праве на жизнь, а также о социальном государстве и христианском социализме; наличие общего врага и апокалиптические настроения способствуют укреплению этноконфессиональной идентичности и политико-правовому консерватизму.

Примечательно, что ранее не используемая консервативно мыслящими христианскими богословами терминология правового гуманизма, считавшаяся свойственной секулярному правовому мышлению, стала активно применяться в дискуссии о пределах допустимости новых технологий с морально-этической и философско-правовой точек зрения. Права человека, право на достоинство человеческой личности, свобода личности и соматические права в XXI в. становятся частью христианского теологического дискурса, уже не вызывая отторжения в силу своего якобы секулярно-атеистического происхождения. Представляется, что в этом процессе явно прослеживаются культурно-исторические предпосылки концепции прав человека и его свобод, обоснование которых в качестве если не абсолютных, то важнейших ценностей подготовила многовековая христианская проповедь о достоинстве человека как «образа Божия».

Список источников

1. Преображающая сила искусственного интеллекта – на повышение эффективности, устойчивости и инклюзивности продовольственных систем. Генеральный директор ФАО присоединился к резолюции по этике ИИ, утвержденной Папой Франциском // Продовольственная и сельскохозяйственная Организация Объединенных Наций. URL: <http://www.fao.org/news/story/ru/item/1264088/icode/> (дата обращения: 11.04.2021).
2. Секуляр-гностицизм и православие // Богослов.RU. URL: <https://bogoslov.ru/article/6022962> (дата обращения: 11.04.2021).
3. Тренин-Страусов П.Д. О чем не сказал Папа Римский, искусственный интеллект и «христианская реальность» // Московская Сретенская духовная академия. URL: <http://www.sdsmp.ru/news/n8908/> (дата обращения: 11.04.2021).
4. Антропологический выпуск № 2. Смерть государств и новое человечество: три опасных идеи Рэя Курцвейла // Богослов.RU. URL: <https://bogoslov.ru/event/5625870> (дата обращения: 11.04.2021).
5. Combi M. Cultures and Technology: An Analysis of Some of the Changes in Progress—Digital, Global and Local Culture // Borowiecki K., Forbes N., Fresa A. (eds) Cultural Heritage in a Changing World. Springer, Cham, 2016. doi: 10.1007/978-3-319-29544-2_1
6. Ivlev V.Yu., Inozemtsev V.A., Ivleva M.L. Intercultural Communication and Dialogue of Ethnic Cultures in the Context of Digitalization of Society // Proceedings of the 7th International Conference on Education, Language, Art and Inter-cultural Communication (ICELAIC 2020). doi: 10.2991/assehr.k.201215.353
7. Abramovich S., Wardrip P.S. Can digital badges strengthen religious ethnic-cultural identity in a religious education setting? // British Journal of Religious Education. 2020. Vol. 42, Is. 3. P. 338–349. doi: 10.1080/01416200.2019.1626219
8. Macfadyen L.P. Virtual ethnicity: The new digitization of place, body, language, and memory // Electronic Magazine of Multicultural Education. 2006. January. URL: https://www.researchgate.net/publication/242563792_VIRTUAL_ETHNICITY_The_new_digitization_of_place_body_language_and_memory (дата обращения: 11.04.2021).
9. Lembani R., Gunter A., Breines M., Dalu M.T.B. The same course, different access: the digital divide between urban and rural distance education students in South Africa // Journal of Geography in Higher Education. 2019. Vol. 44 (1). P. 70–84. doi: 10.1080/03098265.2019.1694876
10. Enoch Y., Soker Z. Age, gender, ethnicity and the digital divide: university students' use of web-based instruction // Open Learning: The Journal of Open, Distance and e-Learning. 2006. Vol. 21, Is. 2. P. 99–110. doi: 10.1080/02680510600713045
11. Robinson L., Cotten S.R., Ono H., Quan-Haase A., Mesch G., Chen W., Schulz J., Hale T.M., Stern M.J. Digital inequalities and why they matter // Information, Communication & Society. 2015. Vol. 18, Is. 5: Communication and Information Technologies Section (ASA). doi: 10.1080/1369118X.2015.1012532
12. Mihelj S., Leguina A., Downey J. Culture is Digital: Cultural Participation, Diversity and the Digital Divide // New Media & Society. 2018. doi: 10.13140/RG.2.2.31999.25765
13. Антропологический выпуск № 2. Четвертая промышленная революция – обзор книги Клауса Шваба // Богослов.RU. URL: <https://bogoslov.ru/event/5624704> (дата обращения: 11.04.2021).
14. Мельков С.А., Салтыкова М.В., Лябах А.Ю. «Цифровые кочевники»: проблематизация появления и влияния на развитие современного общества // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 1. С. 76–92.
15. Салтыкова М.В., Пителинский К.В. Безопасность личности как Приоритетная цель актуальной государственной стратегии РФ // Вестник Московской международной академии. М.: MMA, 2017. № 2. С. 107–117.
16. Дугужева М.Х., Симеаева Е.П. Трансформация законодательства о культуре в условиях цифровизации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 44. С. 190–208. doi: 10.17072/1995-4190-2019-44-190-208
17. Бондарь Н.С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 19–31.
18. Васильева Т.А. Концепция достоинства личности в доктрине и практике органов конституционного контроля // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 10. С. 3–8.
19. Хоннет А. Право свободы: очерк демократической нравственности / пер. А.Ю. Шачиной, С. Шачина // Кантовский сборник. 2012. № 1. С. 39–41.
20. Эксперт ООН обеспокоен масштабом применения пыток в мире // DW. URL: <https://www.dw.com/ru/эксперт-оон-обеспокоен-масштабом-применения-пыток-в-мире/a-53950781> (дата обращения: 11.04.2021).
21. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. СПб.: Лань; Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. 352 с.
22. Ишков А. Выбраться из сетей // Богослов.RU. URL: <https://bogoslov.ru/article/6169894> (дата обращения: 11.04.2021).
23. Антропологический выпуск № 2. «Наши умы могут быть похищены»: почему IT-специалисты боятся смартфонной антиутопии // Богослов.RU. URL: <https://bogoslov.ru/event/5625909> (дата обращения: 11.04.2021).
24. Гусейнов А.А. Достоинство личности и психологические пытки (О книге София Нагорная, Шамиль Хазиев, Долг адвоката и этика психолога: психическая (психологическая) пытка в правовой системе России) / отв. ред. А.С. Ковалец; вступ. сл. акад. РАН А.А. Гусейнова. М.: ЛУМ, 2020. 172 с.
25. Экзоскелет, читающий мысли, помог паралитику вновь начать двигаться // БиБиСи. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-49932041> (дата обращения: 11.04.2021).
26. Баренбойм П.Д. Машины, механизмы, технологии. В конечном счете между адвокатами и роботами будет стоять только психология // Достоинство личности и психологические пытки (О книге София Нагорная, Шамиль Хазиев, Долг адвоката и этика психолога: психическая (психологическая) пытка в правовой системе России) / отв. ред. А.С. Ковалец; вступ. сл. академика РАН А.А. Гусейнова. М.: ЛУМ, 2020. 172 с.
27. Трансгуманистическая перспектива: краткий обзор // Богослов.RU. URL: <https://bogoslov.ru/article/5177328> (дата обращения: 11.04.2021).
28. Антропологический выпуск № 1. Бог есть технология: Как диджитализм стал религией Долины // Богослов.RU. URL: <https://bogoslov.ru/event/5613259> (дата обращения: 11.04.2021).
29. Антропологический выпуск № 2. Бунт европейских интеллектуалов // Богослов.RU. URL: <https://bogoslov.ru/event/5624748> (дата обращения: 11.04.2021).
30. Thompson D.A. Virtually There: Martin Marty, Cyberspace, and Cultures of Trust in the 21st Century // Journal of Lutheran Ethics. 2020. Special May Issue. URL: <https://learn.elca.org/jle/virtually-there-martin-marty-cyberspace-and-cultures-of-trust-in-the-21st-century-2/> (дата обращения: 11.04.2021).
31. Berg E. Technology, Lutheranism, and the Proclamation // Journal of Lutheran Ethics. 2020. Vol. 20, Is. 3. URL: <https://learn.elca.org/jle/technology-lutheranism-and-the-proclamation-2/> (дата обращения: 11.04.2021).
32. Рязанцев И.П. и др. VII международная научная конференция «Цифровизация общества и будущее христианства. К вопросу о трансформации ценностно-нормативной системы общества» // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21, № 3. С. 634–640.
33. Ахмедов Р.М., Эриашвили Н.Д., Иванова Ю.А. «Цифровой диктат» как вызов православной нравственности // Закон и право. 2021. № 6. С. 26–30.

References

1. Food and Agriculture Organization of the United Nations. (n.d.) *Harnessing Artificial Intelligence's transformative power to make food systems more efficient, sustainable and inclusive*. [Online] Available from: <http://www.fao.org/news/story/ru/item/1264088/icode/> (Accessed: 11.04.2021). (In Russian).
2. Shchipkov, A.V. (2020) Sekulyarnostsizm i pravoslavie [Seculargnosticism and Orthodoxy]. *Bogoslov.RU*. [Online] Available from: <https://bogoslav.ru/article/6022962> (Accessed: 11.04.2021).
3. Trenin-Strausov, P.D. (2020) O chem ne skazal Papa Rimskiy, iskusstvennyy intellekt i "khristianskaya real'nost'" [What the Pope did not say, artificial intelligence and "Christian reality"]. *Moskovskaya Sretenskaya dukhovnaya akademiya* [Sretensky Theological Seminary]. [Online] Available from: <http://www.sdsmp.ru/news/n8908/> (Accessed: 11.04.2021).
4. Bogoslav.RU. (2017) Antropologicheskii vypusk № 2. Smert' gosudarstv i novoe chelovechestvo: tri opasnykh idei Reya Kurtsveylya [Anthropological Issue No. 2. The Death of States and the New Humanity: three dangerous ideas by Ray Kurzweil]. *Bogoslov.RU*. [Online] Available from: <https://bogoslav.ru/event/5625870> (Accessed: 11.04.2021).
5. Combi, M. (2016) Cultures and Technology: An Analysis of Some of the Changes in Progress—Digital, Global and Local Culture. In: Borowiecki, K., Forbes, N. & Fresa, A. (eds) *Cultural Heritage in a Changing World*. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-319-29544-2_1
6. Ivlev, V.Yu., Inozemtsev, V.A. & Ivleva, M.L. (2020) [Intercultural Communication and Dialogue of Ethnic Cultures in the Context of Digitalization of Society]. *ICELAIC 2020*. Proceedings of the 7th International Conference on Education, Language, Art and Inter-cultural Communication. Moscow. 8–9 December 2020. Atlantis Press. DOI: 10.2991/assehr.k.201215.353
7. Abramovich, S. & Wardrip, P.S. (2020) Can digital badges strengthen religious ethnic-cultural identity in a religious education setting? *British Journal of Religious Education*. 3 (42). pp. 338–349. DOI: 10.1080/01416200.2019.1626219
8. Macfadyen, L.P. (2006) Virtual ethnicity: The new digitization of place, body, language, and memory. *Electronic Magazine of Multicultural Education*. January. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/242563792_VIRTUAL_ETHNICITY_The_new_digitization_of_place_body_language_and_memory (Accessed: 11.04.2021).
9. Lembani, R. et al. (2019) The same course, different access: the digital divide between urban and rural distance education students in South Africa. *Journal of Geography in Higher Education*. 2019. 44 (1). pp. 70–84. DOI: 10.1080/03098265.2019.1694876
10. Enoch, Y. & Soker, Z. (2006) Age, gender, ethnicity and the digital divide: university students' use of web-based instruction. *Open Learning: The Journal of Open, Distance and e-Learning*. 2 (21). pp. 99–110. DOI: 10.1080/02680510600713045
11. Robinson, L. et al. (2015) Digital inequalities and why they matter. *Information, Communication & Society*. 5 (18). DOI: 10.1080/1369118X.2015.1012532
12. Mihelj, S., Leguina, A. & Downey, J. (2018) Culture is Digital: Cultural Participation, Diversity and the Digital Divide. *New Media & Society*. DOI: 10.13140/RG.2.2.31999.25765
13. Bogoslav.RU. (2017) Antropologicheskii vypusk № 2. Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya – obzor knigi Klausa Shvaba [Anthropological Issue No. 2. The Fourth Industrial Revolution – review of the book by Klaus Schwab]. *Bogoslov.RU*. [Online] Available from: <https://bogoslav.ru/event/5624704> (Accessed: 11.04.2021).
14. Mel'kov, S.A., Saltykova, M.V. & Lyabakh, A.Yu. (2019) "Digital nomads": problematization of the appearance and impact on the development of the modern society. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki – Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences*. 1. pp. 76–92. (In Russian).
15. Saltykova, M.V. & Pitelinskiy, K.V. (2017) Personal security as a priority objective of the actual state strategy of the Russian Federation. *Vestnik Moskovskoy mezhnunarodnoy akademii*. 2. pp. 107–117. (In Russian).
16. Duguzheva, M.Kh. & Simaeva, E.P. (2019) Transformation of the legislation on culture in the context of digitalization. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. 44. pp. 190–208. (In Russian). DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-190-208
17. Bondar', N.S. (2017) Constitutional category of human dignity in value-based measurement: theory and court practice. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 4. pp. 19–31. (In Russian).
18. Vasil'eva, T.A. (2018) The concept of human dignity in the doctrine and practice of constitutional control authorities. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 10. pp. 3–8. (In Russian).
19. Shachina, A.Yu. & Shachin, S.V. (2012) Honneth A. The right to freedom: outline of a democratic morality. *Kantovskiy sbornik – Kantian Journal*. 1. pp. 39–41. (In Russian).
20. DW. (2020) Ekspert OON obespokoen masshtabom primeneniya pytok v mire [The UN expert is concerned about the scale of the use of torture in the world]. *DW*. [Online] Available from: <https://www.dw.com/ru/ekspert-on-obespokoien-masshtabom-primeneniya-pytok-v-mire/a-53950781> (Accessed: 11.04.2021).
21. Novgorodtsev, P.I. (2000) *Vvedenie v filosofiyu prava. Krizis sovremennogo pravosoznaniya* [Introduction to the Philosophy of Law. The crisis of modern legal consciousness]. Saint Petersburg: Lan'; St. Petersburg University of the Russian Interior Ministry.
22. Ishkov, A. (2021) Vybrat'sya iz setey [To get out of the nets]. *Bogoslov.RU*. [Online] Available from: <https://bogoslav.ru/article/6169894> (Accessed: 11.04.2021).
23. Bogoslav.RU. (2017) Antropologicheskii vypusk № 2. "Nashi umy mogut byt' pokhishcheny": pochemu IT-spetsialisty boyatsya smartfonnoy antiutopii [Anthropological issue No. 2. "Our minds can be stolen": why IT specialists are afraid of a smartphone dystopia]. *Bogoslov.RU*. [Online] Available from: <https://bogoslav.ru/event/5625909> (Accessed: 11.04.2021).
24. Guseynov, A.A. (2020) *Dostoinstvo lichnosti i psikhologicheskie pytki (O knige Sofiya Nagornaya, Shamil' Khaziev, Dolg advokata i etika psikhologa: psikhicheskaya (psikhologicheskaya) pytki v pravovoy sisteme Rossii)* [Dignity of the Individual and Psychological Torture (About the book Sofia Nagornaya, Shamil Khaziev, Duty of a lawyer and ethics of a psychologist: mental (psychological) torture in the legal system of Russia)]. Moscow: LUM.
25. BBC. (2019) Ekzoskelet, chitayushchiy mysli, pomog paralitiku vnov' nachat' dvigat'sya [The exoskeleton, reading thoughts, helped the paralytic to start moving again]. *BBC*. [Online] Available from: <https://www.bbc.com/russian/features-49932041> (Accessed: 11.04.2021).
26. Barenboym, P.D. (2020) Mashiny, mekhanizmy, tekhnologii. V konechnom schete mezhdu advokatami i robotami budet stoyat' tol'ko psikhologiya [Machines, mechanisms, technologies. Ultimately, only psychology will stand between lawyers and robots]. In: Kovalets, A.S. (ed.) *Dostoinstvo lichnosti i psikhologicheskie pytki (O knige Sofiya Nagornaya, Shamil' Khaziev, Dolg advokata i etika psikhologa: psikhicheskaya (psikhologicheskaya) pytki v pravovoy sisteme Rossii)* [Personal Dignity and psychological torture (About The Duty of a Lawyer and the Ethics of a Psychologist: Mental (Psychological) Torture in the Legal System of Russia) by Sofia Nagornaya and Shamil Khaziev]. Moscow: LUM.
27. Bogoslav.RU. (2016) Transgumanisticheskaya perspektiva: kratkiy obzor [Transhumanistic perspective: a brief overview]. *Bogoslov.RU*. [Online] Available from: <https://bogoslav.ru/article/5177328> (Accessed: 11.04.2021).
28. Bogoslav.RU. (2017) Antropologicheskii vypusk № 1. Bog est' tekhnologiya: Kak didzhitalizm stal religiei Doliny [Anthropological Issue No. 1. God is technology: How digitalism became the religion of the Valley]. *Bogoslov.RU*. [Online] Available from: <https://bogoslav.ru/event/5613259> (Accessed: 11.04.2021).
29. Bogoslav.RU. (2017) Antropologicheskii vypusk № 2. Bunt evropeyskikh intellektualov [Anthropological issue No. 2. Revolt of European intellectuals]. *Bogoslov.RU*. [Online] Available from: <https://bogoslav.ru/event/5624748> (Accessed: 11.04.2021).

30. Thompson, D.A. (2020) Virtually There: Martin Marty, Cyberspace, and Cultures of Trust in the 21st Century. *Journal of Lutheran Ethics*. Special May Issue. [Online] Available from: <https://learn.elca.org/jle/virtually-there-martin-marty-cyberspace-and-cultures-of-trust-in-the-21st-century-2/> (Accessed: 11.04.2021).
31. Berg, E. (2020) Technology, Lutheranism, and the Proclamation. *Journal of Lutheran Ethics*. 3 (20). [Online] Available from: <https://learn.elca.org/jle/technology-lutheranism-and-the-proclamation-2/> (Accessed: 11.04.2021).
32. Ryazantsev, I.P. et al. (2021) VII international scientific conference "Digitalization of Society and the Future of Christianity. On the transformation of the value-regulatory system of society". *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya – Rudn Journal of Sociology*. 3 (21). pp. 634–640. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-634-640
33. Akhmedov, R.M., Eriashvili, N.D. & Ivanova, Yu.A. (2021) Mirea – "digital diktat" as a challenge to orthodox morality. *Zakon i pravo*. 6. pp. 26–30. (In Russian). DOI: 10.24412/2073-3313-2021-6-26-30

Информация об авторах:

Казачанская Е.А. – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: elk.13@yandex.ru

Овчинников А.И. – д-р юрид. наук, зав. кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия); профессор кафедры теории и истории права и государства Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: k_fp3@mail.ru

Оганесян А.К. – руководитель Департамента биомедицинских, ветеринарных и экологических направлений Сочинского института Российского университета дружбы народов. E-mail: armenoid1986@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.A. Kazachanskaya, Cand. Sci. (Law), associate professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: elk.13@yandex.ru

A.I. Ovchinnikov, Dr. Sci. (Law), head of the Department of Theory and History of State and Law, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation); professor, South-Russian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: k_fp3@mail.ru

A.K. Oganessian, head of the *Department of Biomedical, Ecological and Veterinary Sciences, Sochi Institute* (branch) of *RUDN University* (Sochi, Russian Federation). E-mail: armenoid1986@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.07.2021;
одобрена после рецензирования 10.12.2021; принята к публикации 28.03.2022.*

*The article was submitted 28.07.2021;
approved after reviewing 10.12.2021; accepted for publication 28.03.2022.*

Научная статья
УДК 140.8
doi: 10.17223/15617793/476/11

Феноменология жизненного мира и греки

Алексей Николаевич Крюков¹

¹Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, akrum@ya.ru

Аннотация. Дается характеристика понятия «жизненный мир» у Гуссерля и указывается на связанные с этим понятием проблемы: отсутствие однозначного толкования, сложность разграничения с другими понятиями (естественная установка, окружающий жизненный мир и т.д.), формальность процедуры тематического *ἐποχή* (эпохе) для раскрытия смысла этого важного понятия у Гуссерля. Анализируется позиция современного феноменолога Клауса Хельда, предложившего генетический подход к анализу жизненного мира досократиков. Делается особый акцент на понимании феноменологии как науки о явлении в его явленности в контексте понимания проблемы жизненного мира.

Ключевые слова: жизненный мир, эпохе, естественная установка, Гуссерль, Клаус Хельд, Аристотель, Кант, досократики

Для цитирования: Крюков А.Н. Феноменология жизненного мира и греки // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 105–110. doi: 10.17223/15617793/476/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/11

The phenomenology of lifeworld and ancient Greeks

Alexei N. Krioukov¹

¹Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, akrum@ya.ru

Abstract. The object of investigation is a description of the phenomenological sense of the lifeworld. The problem is in the formulating of an adequate phenomenological method for disclosing the initial principle of integrity of man in the lifeworld. Research materials are the latest works by Edmund Husserl and by the modern phenomenologist Klaus Held. The research procedure is built as follows. Prelimanarily, I formulate the main problematic thesis by Husserl: a modern person has lost an initial connection to the lifeworld, which is the ground of their human life. Then other main theses by Husserl are formulated: ancient Greeks established a lucky harmony between theoretical philosophy and practical life; during early modern times a clear demarcation is made between the lifeworld and theoretical thinking; Galileo mathematized all knowledge; theoretical geodesy appears, leads to the emergence of symbolic forms as ideal entities, and claims for measurement accuracy. I conclude that in a new world picture we deal with a neoplatonic conception that represents objects as mathematized ideal forms measured with a high accuracy and we get a possibility of facts' scientific forecast. At the same time, I show some problems in Husserl's method: firstly, the notion of lifeworld is hard to distinguish from other similar notions such as Umwelt, Lebensumwelt; secondly, the phenomenological reduction method is too universal and formal and cannot discover a specific of the lifeworld in full. Therefore, I undertake an analysis of another phenomenological approach for solving the problem. The main principles of Klaus Held are: firstly, phenomenology is described as a science about appearance in its appearanceness; secondly, his method is genealogical because Held undertakes a phenomenological deconstruction of thinking principles of ancient Greeks through the key figures – Kant and Aristotle – in history of philosophy. I conclude that the principle of ancient Greek's lifeworld is based on pre-Aristotelian understanding of the world as formation, as conversion of elements into each other. A world where we are at home is the world of appearing things, growing by itself, and it can be expressed with a non-predicative language structure. Therefore, one can broaden the Husserlian understanding of the lifeworld: the lifeworld is a habitual sensual perception of the things in their own appearance.

Keywords: lifeworld, epoche, natural attitude, Husserl, Klaus Held, Aristotle, Kant, pre-Socratics

For citation: Krioukov, A.N. (2022) The phenomenology of lifeworld and ancient Greeks. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 105–110. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/11

Введение

Понятие «жизненный мир» является своего рода визитной карточкой феноменологии, и этот термин

знаком также тем, кто далек от феноменологического движения. При этом как однозначное определение данного понятия у самого Гуссерля, так и исчерпы-

вающую трактовку данного понятия в исследовательской литературе найти сложно¹.

Благодаря Хайдеггеру мы имеем дело с представлением, что картина мира современного человека в корне отличается от древнегреческой и что в Античности существовала иная жизненная установка, базирующаяся на фундаментальном принципе открытости миру, который ныне утерян. В основном в последний период своего творчества Гуссерль интенсивно разрабатывает проблему поиска универсального мира, который стал бы подосновой мира человека, его сущностным базисом. Феноменологический тезис, связанный с проблематикой жизненного мира, можно было бы сформулировать следующим образом: *современный человек утратил непосредственную связь с жизненным миром, который является основой его жизни как человека*. Тогда феноменологическая проблема жизненного мира состоит в том, чтобы указать на механизмы, которые могут помочь вернуться к изначальной целостности человека как человека и раскроют генеалогию этого процесса, указывающего на причины такой «утраты».

Сразу же укажу на принципиальную проблему, связанную с утратой основ жизненного мира, о которой говорил Гуссерль в работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология»: «человек теряет веру в самого себя» [5. С. 29]. Поэтому задача состоит в том, чтобы указать на феноменологические пути решения проблемы обретения человеком этой веры заново. Целью данной статьи является не анализ работы «Кризис европейских наук и человечества», но анализ способа, как феноменологический метода, имея в виду античный способ восприятия мира, могущий помочь выйти из кризиса современному человеку и вернуть веру в самого себя.

Новоевропейский кризис жизненного мира

Каковы причины кризиса? Явны ли преимущества современной цивилизации по сравнению с древнегреческой? Каков способ феноменологического отыскания основ нахождения человека с самим собой в этом мире? Сформулирую некоторые положения «Кризиса...» Гуссерля в форме тезисов, которые непосредственно относятся к обсуждаемым в данной статье вопросам:

1. У древних греков впервые появился особый философский способ существования. Он стал причиной возникновения нового типа знания, который Гуссерль называет теоретическим философствованием. Однако этот тип знания не противоречил концепции жизненного мира у греков. Иными словами, теоретическая философия и практическая жизнь находились в редкой гармонии друг с другом.

2. В раннее Новое время все меняется кардинальным образом. Происходит разграничение между жизненным миром и теорией. Ключевой фигурой по мнению Гуссерля, является Галилей, осуществивший первую попытку всеобщей математизации природы. Речь идет о позитивизме в широком смысле этого слова, который «обезглавливает философию» [5. С. 24].

3. Лакмусовой бумажкой, указывающей на этот тектонический сдвиг в сознании, является появление теоретической геодезии². Со времен Античности искусство землемера имело сугубо прикладное значение. В Новое время геодезия становится все более рациональным конструктом. Это связано в первую очередь с новым представлением о пространстве, которое в Новое время понимается как бесконечное и идеальное, что связано с открытием «бесконечных математических горизонтов» [5. С. 39]. Результат рационализации геодезии – это *символизация форм*. Во-первых, «чувственно познаваемые и мыслимые в чувственном созерцании гештальты последнего, а также мыслимые на каждой ступени всеобщности типы непрерывно переходят друг в друга» [5. С. 45]. Во-вторых, чистая геометрия и математика постепенно перемещаются в область абстрактных *чистых форм как идеальных сущностей*. В-третьих, с помощью математики «...в отношении вещей созерцаемого и... можно универсальным образом достичь объективно реального познания совершенно нового вида, а именно познания, аппроксимативно соотносимого с ее собственными идеальностями» [5. С. 52].

4. В геодезии нового типа появляется новое требование, точность измерения, которая выражается в аппроксимативном движении к идеалу, т.е. представляет собой все возрастающую «правильность» отражения измеряемых величин. «Но измерительное искусство в себе есть, в то же время, искусство продвигать “точность” (“Genauigkeit”) измерения в направлении все большего совершенства» [5. С. 63]. Происходит процедура аппроксимации к идеальным, точно измеримым математическим сущностям. Мы имеем дело не просто с символизированной идеальной реальностью, но с принципиально измеримой математической реальностью, получающей все большее значение для нашей жизни.

Следствие: *появляется новый неоплатонический мир, объекты которого представляют собой математизированные символические формы, измеряемые со все большей математической точностью; при этом мы получили бесконечные возможности математического моделирования, дающего возможности для научного предвидения событий*. Мы многое обрели в Новое время, в первую очередь появились все основания для возникновения как научного, так и экономического прогресса, при этом мы утратили нечто важное, непосредственное отношение с жизненным миром, веру в самих себя.

Феноменологическое описание жизненного мира Гуссерлем

Почему, несмотря на несомненные успехи математизированного естествознания и прогресса, к которому привели принципы новоевропейского мышления, жизненный мир остается столь важным для нас и его забвение чрезвычайно негативно сказывается на бытии человека человеком? Гуссерль дает свой ответ: в феноменологическом смысле жизненный мир оказывается наиболее ранним универсальным априори [5. С. 191].

«Жизненный мир, чтобы напомнить неоднократно сказанное, уже всегда присутствует для нас, ведущих в нем бодрствующую жизнь, он заранее существует для нас и составляет “почву” всякой, теоретической или внетеоретической, практики» [5. С. 193]. Жизненный мир, осознаем мы это или нет, всегда предан, он – почва и основание всякого отношения к миру. Разграничение между жизненным миром как фундирующим слоем субъективности и теоретизированием, прежде всего математическим, со времен Галилея Гуссерлем в «Кризисе» проведено достаточно четко. Но можно ли провести различие между жизненным миром и другими внетеоретическими практиками? Такое разграничение у самого Гуссерля достаточно проблематично. Одна из внетеоретических практик на терминологическом языке Гуссерля – это естественная установка. В качестве синонимов жизненного мира (Lebenswelt) Гуссерль употребляет такие термины, как «окружающий мир» (Umwelt), «окружающий жизненный мир» (Lebensumwelt). Возможно ли провести однозначную демаркационную линию между жизненным миром и этими терминами? Итак, мы имеем две методологические феноменологические проблемы: при каких условиях можно анализировать жизненный мир, и как отличить его от других внетеоретических практик.

Параграф 38 «Кризиса» называется «Два способа тематизировать жизненный мир: естественная установка и рефлексивная установка». Тем самым намечаются пути анализа этого изначального априорного феномена через анализ либо естественной, либо рефлексивной установок. По этому поводу необходимо заметить следующее:

1. Вопрос о разграничении жизненного мира и мира естественной установки не так прост, как кажется на первый взгляд. Приведу цитату из поздней работы «Кризис европейского человечества», в которой Гуссерль как раз и пишет о жизненном, естественном мире: «Какова же эта по сути своей изначальная установка, характеризующая исторически фундаментальный способ человеческого существования? ...Естественная жизнь характеризуется при этом как наивная именно благодаря своей вжитости в мир – в мир, который всегда определенным образом осознан как наличествующий универсальный горизонт, но не тематизирован. Тематизировано то, к чему человек обращен, на что он направлен» [7. С. 112].

Жизнь в фундаментальной изначальной установке жизненного мира находится в универсальном, не тематизированном горизонте. Теперь обратимся к более раннему труду Гуссерля, его «Идеям к феноменологической философии». Здесь философ пишет по поводу естественной установки: «Я сознаю мир, бесконечно распростертый в пространстве, бесконечно становящийся и ставший во времени. Я его сознаю, непосредственно наглядно нахожу его – это прежде всего в опыте. Благодаря зрению, осязанию, слышанию и т.д., различными способами чувственного восприятия, физические вещи, как-либо распределенные в пространстве, попросту суть для меня здесь, они, в буквальном или образном смысле, “наличны”, и да-

лее: «он же мир – в смысле генерального тезиса – всегда останется здесь сущим миром» [9. С. 89].

Мы видим: в поздней работе Гуссерля жизненный мир – это не тематизированный горизонт, в ранней работе естественная установка базируется на чувственном восприятии. Российский исследователь Н.В. Мотрошилова как раз делает на этом акцент: жизненный мир – это такой, основанием которого является чувственное восприятие. «Единственно действительный мир», по Гуссерлю, – лишь тот, который люди могут непосредственно воспринимать и воспринимать с помощью органов чувств, т.е. могут постигать и постигают опытным образом [2. С. 106]. Однако, как мы видим из вышеприведенных цитат, чувственное восприятие является основанием также и естественной установки. Поэтому вопрос о разграничении естественной установки и жизненного мира остается открытым.

2. Необходимо прояснить возможности тематизации, анализа жизненного мира. В «Кризисе» Гуссерль описывает эту трансцендентально-феноменологическую процедуру следующим образом: «Жизнь, производящая [leistende] значимость мира, свойственную естественной жизни мира, не может быть изучена в установке естественной жизни мира. Поэтому требуется *тотальная* смена установки, требуется осуществить *единственное в своем роде универсальное эпохэ*». [5. С. 201]. Здесь Гуссерль верен себе: если в естественной установке жизненный мир не может быть схвачен (при этом само разграничение между естественной установкой и жизненным миром не проведено достаточно четко), необходимо применить дополнительное *ἐποχή*. Результат применения нового *ἐποχή*: сам мир превращается в феномен, для которого значима потенциальность восприятия в смысле горизонта, и у исполняющего *ἐποχή* появляется новый статус «я стою над миром, который в совершенно своеобразном смысле стал теперь для меня феноменом» [5. С. 206]. Это типичный ход Гуссерля: чтобы понять феноменологический смысл какого-либо факта, явления, вещи, необходимо провести новое тематическое *ἐποχή*³. Но в чем заключается смысл схватывания жизненного мира как феномена после осуществления трансцендентальной редукции?

Итак, можно подвести некоторые итоги. Во-первых, у Гуссерля нет однозначной демаркационной линии, разделяющей естественную установку (ранний период творчества) и жизненный мир (поздний период творчества); во-вторых, трансцендентальная редукция, описанная в «Кризисе», которая приводит к постижению жизненного мира, по сути, универсальна, и не до конца ясно, какие все же способы, кроме указания на мир как особый феномен и субъект, которому предан мир как феномен, существуют для достижения смысла жизненный мир.

Клаус Хельд о жизненном мире досократиков

У Гуссерля жизненный мир – это априори, основа всех основ. Поэтому чрезвычайно важен вопрос о принципах феноменологической методы, которая

могла бы привести к непосредственно схватыванию феномена жизненного мира. Разрешение вопроса Гуссерля через введение нового тематического *ἐποχή* скорее формально, чем содержательно. В этой связи интересна работа современного немецкого феноменолога Клауса Хельда, поскольку она демонстрирует другой феноменологический способ подхода к анализу жизненного мира.

В книге «Phänomenologie der natürlichen Lebenswelt» («Феноменология природного жизненного мира») главный вопрос – каков метод, позволяющий нам приблизиться к постижению феномена жизненного мира у древних греков? Сам Хельд о своем методе пишет следующее: речь идет о “*phänomenologische Sachanalyse der lebensweltlichen Erfahrung von Natur*” («тщательном феноменологическом анализе жизненно-мирового опыта природы») [10. S. 13]. Принципиальное положение Хельда, характеризующее его метод, звучит так: *жить для греков означает быть у себя дома* (in der Welt zu Hause sein).

Рассмотрим теперь несколько методологических предпосылок размышлений Хельда, которые принципиальны для поиска возможностей анализа феномена «жизненный мир».

1. Хельд дает достаточно емкое определение феноменологического метода в целом: *феноменология есть наука о являющемся в его явленности* (*Wissenschaft vom Erscheinendem in seinem Erscheinen*) [10. S. 17].

2. Второй аспект особенности метода Хельда мы можем назвать генеалогическим. Речь идет о выявлении глубинных структур, которые проливают свет на привычное положение дел. Основания существующего принятого положения дел (наш жизненный мир и мировосприятие греков) различается кардинальным образом, и задача феноменолога состоит в том, чтобы произвести «феноменологическое вскрытие» проблемы. Это уже совершенно иной метод, по сравнению с тематическим *ἐποχή* у Гуссерля. Необходимо произвести феноменологическую деконструкцию принципов мышления, чтобы попытаться выявить основные устои мирозерцания античного человека, находящегося в природе, как у себя дома.

Итак, мы имеем дело с двумя принципиальными методологическими установками современного немецкого феноменолога. Во-первых, феноменология в целом и в подходе Хельда в частности рассматривается как наука о мире в его явленности (отнюдь не в смысле чувственного восприятия). Во-вторых, речь идет об особой генеалогической процедуре. Задача состоит в том, чтобы в истории философии найти те поворотные точки, которые связаны с тектоническими сдвигами в сознании и в построении новой картины мира. Хельд называет два имени – Канта и Аристотеля.

Новоевропейский эксперимент базируется на двух принципах: 1) появляется новый тип допрашивающего-испытывающего взгляда на природу; 2) природа может описываться посредством математических законов. Клаус Хельд полагает, что для его анализа важны два основоположения в «Критике чистого разума»: «Все созерцания суть экстенсивные величины» [11. С. 140] и «реальное, составляющее предмет ощущения, имеет

во всех явлениях интенсивную величину» [11. С. 142]. Первое является принципом возможности объединения математики как науки и механики как ремесла, что стало открытием Нового времени: явления оказываются принципиально измеримыми, а поэтому и пространство и время – это также величины, которые могут измеряться [10. S. 44, 66].

Если экстенсивность величин хорошо согласуется с положением Гуссерля о повышающейся точности измерения, то следующее основоположение об интенсивности величин уже позволяет Хельду наметить переход к Античности. По Канту ноль степени интенсивности восприятия равен ничто. Однако в реальности, по мысли Хельда, мы имеем дело с совершенно другим положением дел: к примеру, тепло не исчезает, оно замещается холодом, равно как и свет – тьмой. То есть в этом мире мы имеем дело именно с взаимопереходом того, что древними было названо первоэлементами.

Этот принцип взаимоперехода элементов хорошо прослеживается в наследии Аристотеля в его трактовке *μεταβολή*. Однако необходимо относиться критически и к наследию самого Аристотеля. С одной стороны, со времен Аристотеля к досократикам стали относиться как к «незрелым» философам. С другой стороны, благодаря Аристотелю укоренилось как философское, так и грамматическое выражение «*ti kato tinos*», которое условно можно перевести как «нечто [сказывается] о чем-либо». Это и стало, с точки зрения Хельда, важным моментом для появления как нового способа мышления, так и нового способа говорения. Появилась так называемая предикативная структура мышления, когда субъекту (субстанции) можно приписать какой-либо предикат или свойство.

Поэтому для того чтобы понять досократиков, нам необходимо попытаться представить себе другой, непредикативный или допредикативный способ мышления. Это возможно, по мысли Хельда, если мы обратим внимание на то, как функционирует безличное в немецком языке предложение *es ist kalt* [10. S. 231]. Это предложение описывает все пространство жизненного мира. Если субъект-объектное, предикативное выражение подразумевает приписывание свойства Р (холодный) некоторому субъекту S, к примеру льду, то в выражении «*es ist kalt*» речь идет об общем состоянии, охватывающем весь жизненный мир человека. Мир в этом случае – не субъект высказывания, а я – не субъект чувства. Мир и я связаны в неразрывном единстве *es ist kalt*. Как мы видим, этот пункт, несмотря на схожие посылки метода в общем, кардинально отличается от гуссерлианского подхода. После редукции, как мы видели, речь идет о я, находящемся над миром. Генетический метод Хельда приводит к совершенно обратному: субъект растворяется в состоянии *es ist kalt*.

Центральным понятием досократиков было понятие первоэлементов, отношение к которым не может быть пренебрежительным, если мы стремимся понять суть отношения к миру древних. Вода, земля, огонь – это не химические элементы или элементы физического опыта в нашем понимании. Представление о каждом элементе связано с представлением о жизнен-

ном мире у древних как имеющем трехчленную структуру. Небо – область видимого, света и открытости, земля и вода (в широком смысле слова употребляется немецкое слово *Gewässer* – воды) – это места, из которых выходит сущее и являет себя. Если говорить о кантианских степенях интенсивности, то в жизненном мире древних греков не существует степени интенсивности, равной нулю. Все, что происходит, – это смена, чередование элементов. А первичные элементы мы можем свести к противопоставлению того, что скрыто в недрах земли, толще воды, и то, что выходит наружу, появляется на свету.

Поэтому окружающий мир (*Lebenswelt*) – это не столько чувственно воспринимаемое, но то, что происходит и касается непосредственно человека в его повседневной жизни. «Экзистенциальный» смысл первоэлементов не в том, что они есть нечто субстанциональное, как это позже будет у Аристотеля. Их взаимодействие связано с взаимопереходом. «Бытие этих элементов *состоит в μεταβολή*», – пишет Хельд [10. S. 182]. Горячему противостоит холодное, влажному – сухое. Первоэлемент не достигает нулевой точки интенсивности, но сменяется другим состоянием, как ночь сменяет день.

С описанием такого принципа отношения связана идея Хельда о феноменологии как науки о явлении. Аристотель из четырех первопричин выделяет две основные – *ύλη* (материя) и *μορφή* (форма), которые есть принцип становления вещи. Центральный вопрос, который интересует: как нечто становится вещью? У древних есть четкий ответ на этот вопрос: вещь либо произведена, либо *становится сама собой*. Последнее и есть ее тайна. Казалось бы, что ответ очевиден: из материи в оформленность. Однако здесь следует указать на важное выражение, употребляемое Хельдом: “*Vom-selbst-Eintreten-ins-Erscheinen*” (самим по себе выходить в явленность). Появление вещи – это процесс выхода из тьмы в свет.

В контексте установленных автором принципов рассматривается понятие *ἄλειρον* Анаксимандра, которое, как учит нас история философии, по своему функциональному смыслу отличается от других конкретных первоначал досократиков. Хельд трактует это понятие в духе *μεταβολή*, т.е. перехода. *ἄλειρον* – отрицание всякой границы, он есть сам переход, которому судья – время, в котором и осуществляется этот переход [10. S. 215]. Тем самым осуществляется единство явленности в природе (*φύσις*), в которой

происходит смена дня и ночи, холода и тепла и т.д. Явление первоэлементов осуществляется из сокрытости в явленность (в свет) и наоборот [10. S. 218]. *μεταβολή* как принцип досократического мышления и представления о жизненном мире также очень хорошо эксплицируется на примере Гераклита. Для него мир чрезвычайно сложен и состоит из первичных элементарных противоположностей: день – ночь, зима – лето, война – мир, сытость – голод. И эти противоположности также имеют свои границы друг в друге, они как бы подразумевают друг друга⁴ [10. S. 229].

Заключение

В работе рассмотрены некоторые определения, основные тезисы и связанные с ними проблемы, относящиеся к понятию «жизненный мир». Необходимо было принять во внимания два проблемных момента: у понятия «жизненный мир» нет четкого определения у Гуссерля, и процедура его постижения описана в «Кризисе» как очередная тематическая редукция, что само по себе достаточно формально. Клаус Хельд солидарен с Гуссерлем в вопросе о происхождении принципиально новой картины мира, связанной с новоевропейским мышлением. В частности, речь идет об учении об основоположениях Канта, в которых поясняется принципиальная измеримость мира. Кант и Аристотель являются для Хельда важными поворотными точками в интеллектуальной истории человечества. Тезис о принципиальной измеримости мира и учение о субстанции Аристотеля наложили отпечаток на наше понимание досократиков. «Быть в мире у себя дома» – главный принцип жизненного мира античного человека – при всей кажущейся банальности базируется на доаристотелевском понимании мира как становления, перехода элементов мира в свои противоположности. Мир, в котором мы у себя дома, – это мир, как вещи в нем являются, становятся сами по себе, и которые понимаются вне предикативной структуры языка.

Поэтому можно расширить понимание жизненного мира, являющегося для Гуссерля универсальным априори всех других возможных установок, т.е. началом всех начал отношения человека к миру; жизненный мир – это привычное чувственное восприятие вещей, как они стали сами по себе в своей явленности.

Примечания

⁴ Как и многие понятия Гуссерля, понятие «жизненный мир» при всей своей смысловой нагруженности не имеет однозначного понятийного и функционального определения. В одной из статей последних лет на эту тему Ли Нам-Ин [1] различает монистическую и плюралистическую трактовки данного понятия. Если монистическая трактовка предполагает трансцендентально-эйдетическую трактовку жизненного мира [1. P. 49, 62], то плюралистическая трактовка предполагает, что у Гуссерля нет единого толкования понятия «жизненный мир» [1. P. 63]. Жизненный мир может пониматься как горизонт, в контексте статической и генетической феноменологии речь может идти о об эгологическом и интересубъективном жизненном мире, о жизненном мире, основанном на чувственном восприятии, и т.д. То есть однозначная трактовка этого понятия проблематична. Из российских исследователей Мотрошилова Н.В., указывая на неоднозначность и многогранность данного понятия [2. С. 102], предлагает трактовать жизненный мир как постигаемый органами чувств, а также как мир изначальных очевидностей и как актуальности человеческого существования [3. С. 134–135]. А.Э. Савин пишет об историчности жизненного мира в контексте трансцендентальной субъективности [4. С. 16]. В дальнейшем меня будет интересовать не столько исчерпывающая трактовка понятия «жизненный мир» у Гуссерля, сколько возможность феноменологического анализа феномена «жизненный мир древних греков».

² В русском переводе «Кризиса» [5. С. 46] слово «Feldmesskunst» [6. S. 25] переводится как «землемерное искусство», в переводе 1994 г. [7. С. 69] оно переводится как «геодезия». Поскольку речь идет о совершенно конкретных процедурах топографического измерения, то более конкретное и современное слово «геодезия» вполне приемлемо в качестве варианта перевода (об истории геодезии см.: [8]).

³ «...в гуссерлевской “науке о жизненном мире” изначальным требованием – как и во всей феноменологии – оказывается осуществление ероршэ, т.е. той коренной процедуры феноменологической редукции, которая подразумевает “заключение в скобки” некоторых проблемно-теоретических и философских подходов» [3. С. 140]. Здесь стоит заметить, что процедура редукции у Гуссерля в каком-то смысле универсальна и даже формальна. В рассмотренной работе Клауса Хельда (следующая глава) предлагается более конкретный способ постижения смысла жизненного мира древних греков.

⁴ Хельд использует здесь немецкое слово «umschlagen», что означает обертывать, переходить из одного состояния в другое, перевалка. То есть речь идет о таких противоположностях, которые не существуют друг без друга, как спать и бодрствовать, и которые одновременно есть границы друг друга и уничтожают друг друга тем, что они обертывают друг друга, и в смысле Гераклита – они являются одним и тем же.

Список источников

1. Lee Nam-In. The Pluralistic Concept of the Life-World and the Various Fields of the Phenomenology of the Life-World in Husserl // *Husserl Studies*. 2020. Vol. 36, Is. 1. P. 47–68.
2. Мотрошилова Н.В. Понятие и концепция жизненного мира в поздней философии Эдмунда Гуссерля // *Вопросы философии*. 2007. № 7. С. 102–112.
3. Мотрошилова Н.В. Понятие и концепция жизненного мира в поздней философии Эдмунда Гуссерля (окончание) // *Вопросы философии*. 2007. № 9. С. 134–144.
4. Савин А.Э. Жизненный мир и измерения его историчности в трансцендентальной феноменологии // *Вестник СамГУ*. 2006. № 10/1 (5). С. 15–22.
5. Гуссерль Е. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004.
6. Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie. Eine Einleitung in die phänomenologische Philosophie. Hrsg. von Walter Biemel. Nachdruck der 2. verb. Auflage, 1976.
7. Гуссерль Е. Кризис европейского человечества и философия // *Философия как строгая наука*. Новочеркасск: Сагуна, 1994. С. 101–126.
8. Зверевич В.В., Пандул И.С. История и философия геодезии и маркшейдерии. СПб.: Политехника, 2008.
9. Гуссерль Е. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический Проект, 2009.
10. Held K. *Phänomenologie der natürlichen Lebenswelt*. Frankfurt a.M.; Berlin; Bern, 2012.
11. Кант И. Критика чистого разума. СПб.: Наука, 2008.

References

1. Lee, Nam-In. (2020) The Pluralistic Concept of the Life-World and the Various Fields of the Phenomenology of the Life-World in Husserl. *Husserl Studies*. 1 (36). pp. 47–68.
2. Motroshilova, N.V. (2007) Concept and the conception of the vital world of Husserl's late philosophy. *Voprosy filosofii*. 7. pp. 102–112. (In Russian).
3. Motroshilova, N.V. (2007) Idea and the concept of the vital world of late philosophy E. Husserl (termination). *Voprosy filosofii*. 9. pp. 134–144. (In Russian).
4. Savin, A.E. (2006) Lifeworld and dimensions of its historicity in transcendental phenomenology. *Vestnik SamGU*. 10/1 (5). pp. 15–22. (In Russian).
5. Husserl, E. (2004) *Krizis evropeyskikh nauk i transsentsental'naya fenomenologiya* [The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology]. Translated from German. Saint Petersburg: Vladimir Dal'.
6. Husserl, E. (1976) *Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie. Eine Einleitung in die phänomenologische Philosophie*. 2nd ed. The Hague: Martinus Nijhoff.
7. Husserl, E. (1994) *Filosofiya kak strogaya nauka* [Philosophy as a Strict Science]. Translated from German. Novocherkassk: Saguna. pp. 101–126.
8. Zverevich, V.V. & Pandul, I.S. (2008) *Istoriya i filosofiya geodezii i marksheyderii* [History and Philosophy of Geodesy and Mine Surveying]. Saint Petersburg: Politekhnik.
9. Husserl, E. (2009) *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* [Ideas for Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy]. Moscow: Akademicheskii Proekt.
10. Held, K. (2012) *Phänomenologie der natürlichen Lebenswelt*. Frankfurt am Main; Berlin; Bern: Peter Lang.
11. Kant, I. (2008) *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Translated from English. Saint Petersburg: Nauka.

Информация об авторе:

Крюков А.Н. – канд. филос. наук (PhD), профессор кафедры философии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: akrum@ya.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.N. Krioukov, Dr. Sci. (Philosophy), professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: akrum@ya.ru

The author declares no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию 12.11.2021;
одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 28.03.2022.

The article was submitted 12.11.2021;
approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 28.03.2022.

Научная статья
УДК 140
doi: 10.17223/15617793/476/12

Хронотопность понятия «власть» в русском языке (к вопросу об археологии власти в русском тексте)

Олег Константинович Шевченко^{1, 2}

¹Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Ялта, Россия

²Крымское отделение Российского философского общества, Ялта, Россия

^{1, 2}skilur80@mail.ru

Аннотация. Показано, что власть в русском языке есть нечто физически осязаемое, но не достигаемое, а даруемое или обретаемое. Это не просто некое стремление, или способность, или набор умений. Отмечено, что власть – это особое состояние, которое имеет предметное и физиологическое воплощение, очевидное для всех. Доказывается, что в русской семиосфере происходит хронотопная спайка темпоральности и топологичности представлений о власти: живой, пластичной, текучей, многообразной, уместающейся в конкретном пространстве, трансформирующей самого владельца и никогда не останавливающейся в своем бытии.

Ключевые слова: темпоральность власти, топологичность власти, семиотика власти, этимология власти, парадоксы власти

Для цитирования: Шевченко О.К. Хронотопность понятия «власть» в русском языке (к вопросу об археологии власти в русском тексте) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 111–120. doi: 10.17223/15617793/476/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/12

Chronotopicity of the concept “power” in the Russian language (On the archeology of power in Russian texts)

Oleg K. Shevchenko^{1, 2}

¹Humanities and Education Science Academy (Branch) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University,

Simferopol, Russian Federation, skilur80@mail.ru

²Crimean Branch of the Russian Philosophical Society, Yalta, Russian Federation

^{1, 2}skilur80@mail.ru

Abstract. The author understands the concept “chronotope”, introduced into scholarly discourse by Russian researchers A. Ukhtomsky and M. Bakhtin, as a unity of the temporal and topological (spatial) being of any object or phenomenon. However, the identification of a language’s ability to express the telicity of a particular reality’s chronotope presents a great challenge. In other words, it is the ability of a natural language to observe phenomena singled out by researchers in the chronotope aspect without damaging the meanings and conceptual intuitions rooted in it. It is especially important for such phenomena as state, power, or politics. Following the style of Michel Foucault, the author of the article has carried out a thorough archaeological analysis of the concept “power” in the Russian language, referring to rare dictionaries, historical and etymological studies and specialized reference books. The research has shown that power in the Russian language is something physically tangible; it is not achieved, but granted or gained. It is not just a certain aspiration, ability or a set of skills, but a special condition having an objective and physiological embodiment, which is unavoidably obvious. In the Russian semiosphere, there exists a chronotopic unity of temporality and topology of ideas about power, the latter being alive, plastic, fluid, diverse, and adjusted to a specific space, transforming its owner and never stopping in its existence. Structurally, this single reality looks as follows. *Power* is the center, core and fundamental concept. *Strength*, *will*, *law*, and *freedom* are the immediate visible manifestations of power-wielding reality in the chronotope. They are associated with individuals who are power-holders. Moreover, an essential element is the format of freedom, which is bestowed only by the state of power. *Influence*, *domination*, and *management* are technical elements of power unlocking its inherent potential to change, transform and metamorphize the surrounding reality. *State* and *possession* are the two concepts embracing and including all the previous realities, except for power itself, which is the sphere’s core, source and, as it were, mathematical point. *State* and *possession* make an all-out effort to objectivate the abstraction, embody it and its satellites and technical elements into the generally accepted reality. *Possession* is the final and, in a sense, peripheral concept of the semiosphere. But it is peripheral in the sense that power does not exist as such beyond its limits. Possession is a shell formalizing power, its border, limitation and periphery. Finally, possession is crucial to understanding the specific features of the Rus-

sian semiosphere of power, without which it (power) will remain a lifeless operational term for private laboratory research of separate insignificant elements of reality.

Keywords: temporality of power, topology of power, semiotics of power, etymology of power, paradoxes of power

For citation: Shevchenko, O.K. (2022) Chronotopicity of the concept “power” in the Russian language (On the archeology of power in Russian texts). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 111–120. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/12

Как известно, понятие «Хронотоп» происходит от греческих слов «*chronos*» – время и «*topos*» – место. Идея объединения их семантических полей в единое целое принадлежит математику Герману Минковскому, который в 1905 г. сделал доклад, где отметил, что «есть только время-пространство и пространство-время» [1. С. 122]. А. Эйнштейн назвал эту реальность «пространственно-временным континуумом» [1. С. 122]. Вторым этапом был переход от общезначимого видения мира на уровень антропологический. Произошла экспликация понятия до важного термина, который описывает восприятие человеком мира не в виде отдельных точек, а в формате событий, как связь координат пространства и времени: «я вижу чрезвычайное приобретение для человеческой мысли в таком точном и в то же время ярко конкретном понятии, как «хронотоп», пришедшем на смену старым отвлеченностям «время» и «пространство». С точки зрения хронотопа, существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события; те зависимости (функции), в которых мы выражаем законы бытия, уже не отвлеченные кривые линии в пространстве, а «мировые линии», которыми связываются давно прошедшие события с событиями данного мгновения, а через них – с событиями исчезающего вдали будущего» [2. С. 342].

Современные исследователи фиксируют, что А.А. Ухтомский создал теорию хронотопа, в которой «все существующее характеризуется как живое конкретно-индивидуальное единство» [3. С. 5]. При этом имеет место «открытый хронотоп» – событие, которое все еще длится, и «замкнутый хронотоп» – ставшее, прошедшее событие, со своей спецификой и экзистенциальным значением. Хронотоп имеет свои уровни и порядки – от микрохронотопа до макрохронотопа [3. С. 5, 9]. Разработки А.А. Ухтомского получили свое развитие и в современности [4. С. 33–41], но не определили вектор экспликации концепта.

Дальнейшую судьбу понятия на многие годы определил М.М. Бахтин [5], который разработал стройную и разветвленную теорию эксплуатации хронотопа в работе искусствоведа и литературоведа. Ядром его идеи явилось видение произведения искусства как особого микрокосмоса со специфической пространственно-временной средой [3. С. 8]. Понятие оказалось востребованным не только в психологии или искусствоведении, но и в практической работе историков, культурологов, политологов, философов.

Так, М. Эпштейн, творчески эксплицируя термин для анализа российско-советской цивилизации, столкнулся с феноменом убывания хроноса и увеличением собственно топоса в истории России и СССР. Он был вынужден создать теорию взаимосвязанных

понятий *хронотопа* и *топохроноса* в зависимости от стремления к нулю хроноса или топоса (*стремления*, но не статуса достигшего нулевой отметки второй части понятия) [6. С. 65].

Историки обратились к понятию «хронотоп» во многом благодаря школе «Анналов» и в частности такому ее видному представителю, как Фернан Бродель. Последний вводит понятие «большой длительности», которое объединяет структурный и темпоральный подходы, т.е. фактически осуществляет хронотопный анализ. Дальнейшая разработка идеи хронотопных цивилизаций была продолжена И. Валлерстайном [1. С. 123–124]. Хорошим результатом большой работы по введению термина «хронотоп» в поле исторического явилась кандидатская диссертация Анны Викторовны Шмелевой (направленная в первую очередь на анализ диалога, взаимной коммуникации вопрошателя прошлого (историка) и вопрошаемого (историческое), формирующего единство пространства и времени в историческом исследовании) [7].

В политологии понятие «хронотоп» рассматривается, пожалуй, активнее всего. Проблема единства политического пространства и политического времени в ней явлена наиболее отчетливо, а разрешения вопросов управления политическим временем и пространством как в их совокупности, так и в раздельности носит актуальный практический и узкопрагматический смысл. Поэтому неудивителен фейерверк концепций: «хронополитика», «ситуативный политический хронотоп», «этапно-постулатная модель политического хронотопа», «циклическая модель политического хронотопа» [1. С. 125–126], «хронотоп Псковской области» [6. С. 68–69].

Что касается социальной философии, то данный термин встречается не так уж редко и является довольно широкоупотребительным. Однако он не нашел своего раскрытия в рамках монографии или диссертационного исследования. Даже в заглавии статей он встречается нечасто, а порой отсутствует вовсе. Так, например, анализ выпусков журнала «Вопросы философии» за 2009–2018 гг. выявил 47 статей, в которых упоминается в позитивном смысле термин «хронотоп», но вот отдельной статьи, ему посвященной, в этом издании обнаружить так и не удалось.

В авторитетной Новой философской энциклопедии существует статья «Хронотоп», но она рассматривает данный термин в ключе литературоведческого и отчасти культурно-исторического толка [8]. Такой же характер имеет использование хронотопа в диссертации, написанной в сугубо социально-философском ключе. Автор предлагает «через постижение произведений искусства... познать и культурные пространственно-временные характеристики социального бытия», в этом

ключе он и раскрывает понятие «хронотоп», которое он понимает «как внутреннее культурное пространство и время каждой нации» [9. С. 14]. Возвращаясь к энциклопедической прописке хронотопа хотелось бы отметить, что редакционная коллегия сочла возможным ввести отдельную статью «Хронополитика», обозначив ее как «комплекс исследований, посвященных неоднородности исторического и политического времени» [8. С. 307].

Термин «хронотоп» очень удобен для попытки оценить текучесть и пластичность социальных процессов. Он не заменим для четкого интуитивно понятного обозначения нового, современного уровня понимания сущности социальной реальности, что блестяще продемонстрировал В.Е. Кемеров, проводя анализ современных исследований от «Корпускулярно-волновой метафоры социального процесса» до «хронотопичности социальной онтологии» [10. С. 7–10]. Это важный момент. Автор, ссылаясь на известную работу З. Баумана [11], резюмирует: «С введением концепции хронотопа в рассмотрение основ социальной онтологии процессуальность, динамика, временность становятся условиями трактовки структурности, устойчивости, пространственности социального бытия...» [10. С. 10].

Однако точкой преткновения является возможность языка выразить предельность хронотопа той или иной реальности. Насколько естественный язык способен наблюдать выделяемые исследователем феномены в аспекте Хронотопа без вреда для укрупнившихся в нем смыслов и понятийных интуиций. Другими словами, насколько может быть выражена средствами естественного языка хронотопность того или иного объекта. Если речь идет о предметной реальности: «стол», «дом» и т.п., то вопрос имеет лишь отстраненный академический интерес. Но в случае, если затрагиваются реалии, связанные с безопасностью жизни или будущим общества в целом, то проблема приобретает очень важный практический смысл. Так, совсем не мало значительными являются попытки определить, насколько «переменными» или «вечными», «структурными» или «хаотичными» представляются феномены «государство», «справедливость» или как в нашем случае – «власть». Для решения этой задачи важно увидеть историко-этимологическую и семантическую составляющие власти.

С проблемой русских смыслов власти впервые масштабно столкнулись издатели авторитетного словаря А.Ф. Брокгауза и И.П. Эфрона. Им пришлось разбить тему «Власть» на несколько частей и поручить их написанию различным людям. И если в части, касающейся юридического понимания проблемы и ее интерпретации, в своде законодательства Российской Империи особых сложностей не возникло, отправной точкой стало понимания власти как господства (в том числе непосредственного) одной личности над другой или вещами [12. С. 677], то в определении характеристик понимания власти на уровне общего возникли немалые проблемы.

Сама ключевая и отправная статья «Власть» делится между философом Владимиром Соловьевым (общее понятие) и его отцом, историком – Михаилом Соловьевым (развитие понятия власти) [12. С. 672–673].

Власть позиционируется как господство и выражается в разнообразных форматах. Она имеет разные основания (от божественной власти до случайного факта), но всегда – господство. Это господство прав и интересов целого (в случае с государственной властью, семейной властью и т.д.) над частью, не знающая умаления. Власть «...в общем, и широком смысле есть господство одного над другим или другими. Это господство может принадлежать известному существу или: 1) на основании его абсолютного превосходства перед всеми другими – такова есть власть Божия; или 2) на основании относительного преимущества, вытекающего, однако, из естественной необходимости или по закону природы – такова власть родителей над малолетними детьми; или, наконец, 3) на основании относительного преимущества, вытекающего из узаконения случайного факта – такова власть господина над купленным или взятым в плен невольником. Власть политическая или государственная, неизбежно возникающая на известной степени развития, принадлежит ко второй из указанных категорий, выражая естественное право общественного целого на подчинение частей. Государственная власть, единоличная или коллективная, представляет единство и целостность данной общественной группы. Следовательно, значение власти связано с тем положением, что права и интересы целого должны быть определенным образом представляемы в отличие от частных прав и интересов, поскольку простая сумма сих последних еще не составляет общественного целого. Этот привходящий особый элемент единства может различным образом пониматься и допускаться в различной мере, но необходимое его существование едва ли подлежит серьезному спору. Практический вопрос здесь только в том, кем и как должна быть представлена верховная власть, носительница идей и интересов общественного целого» [12. С. 672–673].

Решающая роль отводится религиозному аспекту власти, и рисуется широкая картина в истории человечества, включая историю древнейшую, в таких регионах как Япония, Китай, Иудея, Греция, Рим, делались обобщения и относительно того, что «Властители признавались сынами богов и у всех прочих народов» [12. С. 673]. Становление и развитие власти мыслится в дальнейшем исключительно как государственная власть. Более того, «просто» власть и «власть государственная» разделяются (исходя из внутренней логики текста) с началом процесса секуляризации: «Где и когда именно впервые секуляризовалась идея государственной власти – сказать трудно. Философский почин принадлежал, по всей вероятности, софистам...» [12. С. 673].

Вторая часть статьи наиболее обширна и посвящена не существу власти (которое определяется как *господство с божественной санкцией*), а развитию самого понятия власти. В этой части власть понимается

как нечто обеспечивающее естественное стремление человека к свободе и порядку. То есть власть есть то, что создает порядок и свободу, гарантирует и обеспечивает их. В этом смысле власть *обладает* силой как материальной, так и духовной. Обладает, но не является и не сводится к ней. Автор статьи выступает категорически против ложного смешения власти и могущества как разных по своему существу явлений. Также абсолютно неверным считается определение сильной или слабой власти. В то же время понятие исторически трансформировалось и привело к научным спорам во второй половине XIX в. в понимании власти как охранника свободы личности, взаимоотношения права и власти, власти как охранителя общего блага, отрицания власти как таковой – анархисты [12. С. 673, 675].

Нетрудно заметить, что власть как господство в статье философа мягко метаморфозируется во власть как государство, власть как право, власть как общее благо, и находит свое логическое завершение мини-анализом научных баталий вокруг проблемы и отказом от списка литературы, который предлагается в статье «Государство», где, как оказалось, вся литература сосредоточена именно на государстве и праве, но никак не на власти как таковой [13. С. 423–424].

Что же скрывается за термином «власть» в русском языке? И отчего возникло так много противоречий в его использовании столь авторитетными авторами (создается ощущение, что разнообразие позиций в диапазоне от естественного языка, естественной власти философа-Соловьева до искусственного языка европейской науки историка-Соловьева было создано намеренно)?

Для начала обратимся к одному из самых первых и авторитетных словарей древнерусского языка, созданного И.М. Срезневским на основе тщательного изучения литературных памятников. Это не чистый труд историко-этимологического значения, а скорее симбиоз толкового, историко-этимологического и сравнительно-лингвистического словарей древнерусского литературного языка. Но важен он тем, что стал основой для множества последующих изданий и очень компетентно прослеживает три наиглавнейшие линии освоения власти в русском смысловом поле начиная с древнейших письменных источников, не только предлагая толкования на современном ему русском языке, но и приводя греческие аналоги смыслов. Ниже представлены не дословные выборки из словарей, а круг концептов при помощи которых разъясняются нюансы и специфика власти в словарных публикациях.

1. Власть в смысле *сила, могущество* и остальные смыслы подчиненные им:

- свобода; право;
- господство;
- управление;
- страна; область [14. С. 273–274].

2. Власть в смысле *должность* и остальные смыслы, подчиненные ей:

- свобода, право;
- принадлежность [14. С. 35].

3. Тожество (автор словаря использует знак «⇒») власти и *волости* и дальнейшие смыслы, подчиненные этой третьей ветви понимания власти в древнерусском литературном языке:

- право;
- область, страна, земля, находящаяся под одной верховной властью;
- округ принадлежащий городу и составляющий часть волости в предыдущем значении;
- частное владение [14. С. 293–294].

В современном же издании, посвященном древнерусскому языку, эти три различные ветви сведены в единую словарную статью, что, на наш взгляд, может привести к абберациям, подталкивая исследователя к выводу о том, что «власть» в древнерусском языке – это нечто целое и единое, но имеющее разные смысловые оттенки, как:

- область, княжество, государство;
- владение, собственность;
- власть, господство, владычество;
- право, возможность что-либо делать;
- лица, облеченные властью [15. С. 444–446].

Доступные автору монографии этимологические и историко-этимологические словари акцентируют внимание либо на обладании, либо на сфере земельно-государственно-административного единства, в конечном счете, они располагаются в поле смыслов, указанных в словарях А.Г. Преображенского и П.Я. Черных. В словаре Преображенского читаем:

Власть: (*из владеть*) властвовать, властный, властитель, область, областной:

- волюсть, волостный;
- волюсть, волостель, волостелин;
- власть, властник, собственник; глава дома;
- власть, могущество, властель. Дворянин, властник, собственник.

От древнеславянского *Vald* – сила, господство [16. С. 88].

В словаре П.Я. Черных:

Власть: володеть, володею, волюсть – «власть», «право», позже (XI в.) – «государство», «страна», еще позже – «округ» В русском языке владеть и власть из старославянского – *Volost* [17. С. 157].

Как видим, авторы словарей выводят слово «власть» из двух разных сфер смыслов: сила и господство (*Vald*) в первом и владеть землей (*Volost*) – во втором. Проблема не нами первыми обнаружена и не нами решена.

В одном из последних исследований, посвященных этимологии власти в русском языке, подводится итог многолетнему изучению проблемы в среде филологов-специалистов: «Лексема власть заимствована в древнерусский из старо-славянского языка, где она была образована от корня *vold, восходившего к индоевропейскому *ual-d (h), где *ual- означало “иметь силу”, “быть сильным”...» [18. С. 107].

Во-первых, видно, что изначальный смысл власти заключался в обладании неким свойством. Нахождении в определённом состоянии, о чем недвусмысленно свидетельствуют «быть» и «иметь». Но также оче-

видно, что обладание силой присутствует предметно, визуально наблюдаемо и физически осязаемо. Более того это состояние укоренено в пластику времени, в ее текучесть и может быть зафиксировано только при учете временной характеристики. Это та самая *хромотопность*, которой свойственно именно живое органическое единство топосности и темпоральности, причем не в застывших формах, а в качестве текучей изменчивости.

Во-вторых, следует обратить внимание на очень важный аспект – удлинение этимологии к индоевропейскому праязыку, из которого вышли и славянские языки, и романо-германские (в последнюю группу входит и мертвый язык – латынь) и койне (то, что в неспециальной литературе часто называют древнегреческим языком). Нам представляется, что русский, английский, немецкий, французский и испанский языки имели единый индоевропейский смысл-субстрат для понимания власти, который в дальнейшем получил своеобразное развитие в «новых» языках эпохи Средневековья и Нового времени. Причем «потомок» **uol-* получил разные смыслы, а в некоторых случаях, сохранив смысл, – сменил форму. Отчего же это произошло? Ответов может быть множество, например, от того, что корневое отличие славянских и романо-германских языков в осмыслении власти находится в латинском языке. Последний значительно трансформировал исходное индоевропейское понимание слова, получившуюся трансформу он передал словам-референтам в испанском, французском, немецком и английском языках. Причем это сделал либо по форме, заменив бытовавшее ранее слово (английский), либо по смыслу, наделив новым пониманием старый термин (немецкий). Но вернемся к цитируемой статье и, как представляется существо вопроса, по крайней мере, на уровне метафизического, а не сравнительно-лингвистическом, станет очевидным.

Доктор филологических наук Ольга Николаевна Кондратьева однозначно утверждает: «Власть является нематериальной по своей природе, потому свободно метафоризируется, обрывает образами» [18. С. 107]. Именно так, а не иначе. Метафора и нематериальные образы, оттенки чувствований есть онтологическая (как это ни противостоит естественно звучит для позитивистско понятой философии) реальность власти. Она бытует не объективно в форме предметов, а субъективно в головах людей или на страницах письменных культурных источников (последняя – единственная стопроцентно материальная форма воплощения власти; записи от руки, типографский шрифт – все то, что материализует мысли в предметно-информационную реальность). Но качество этой метафоричности, формат наделения реальными предметами, поступков тел в физическом пространстве, особое прочтение их видимости, конечно, разное.

Говоря словами О.Н. Кондратьевой, особенность *русской метафоричности* власти (в противовес англо-германской и романской ветви) это – регулярный, устойчивый *отказ от нематериальности власти*. Непрерывные попытки наделения власти физической предметностью, в том числе такой, что может

уместиться даже в руках [19]. Это восприятие власти как предмета, которым возможно реально манипулировать. Этот предмет прельщает и жаждет обладания им (целиком и полностью физическое обладание всей совокупностью физических характеристик) ведет к катастрофам и несчастьям. Лишь немногие способны не прельститься над ней и владеть ею как властитель, а не как покорный прелести грешник [18. С. 108–109].

Исследователь также замечает (но не объясняет, увы) трансформацию такого представления власти-предмета, от того которым возможно обладать в древнерусском языке к антропоморфизации власти, которая просто есть в языке современном: «она превращается в некий самостоятельный организм со своей особой жизненной логикой» [18. С. 110].

Не так важно, чем *на самом деле* является власть: нематериальной силой, предметом со своей субстанцией, жизненным организмом. Достаточно (на данном уровне наших исследований) зафиксировать факт *материальности, физичности и временности власти в русском языке*. Также очевидна естественная спайка темпоральности и топологичности представлений о власти: живой, пластичной, текучей, многообразной, уместяющейся в конкретном пространстве, трансформирующей самого владельца и никогда не останавливающейся в своем бытии. Или, по-иному, факт устойчивой хромотопности власти в русском мыслящем мире (по Ю. Лотману). Ибо только данный термин, выведенный еще Бахтиным, позволяет терминологически корректно зафиксировать увлеченные нюансы.

Впрочем, слово «власть» само всегда испытывало трансформации и никогда в русском языке не было застывшим понятием. Оно изменялось исходя из действий книжников, частенько испытывало влияние иностранных языков, например болгарского. Понятие власти порой распадалось на отдельные грани и каждая облекалась в особое слово, при этом книжная традиция двигалась в одном направлении с народными представлениями и тенденция была очевидна: миграция смысла власти от физической силы коллектива к силе власти лица [20. С. 279]. Впрочем, предметность власти, ее государственно-земельная основа, оставалась и даже усиливалась, в конечном счете приведя к восприятию власти как живого организма в современном русском языке. Проанализируем некоторые из трансформ.

Значение власти как силы к XVI в. приписывается только Богу: «Значение ‘властитель’, по-видимому, вообще не было свойственно древнерусскому слову, но также и в значениях ‘самовольно’, ‘самовольность’ слова самовластно, самовласть не известны у восточных славян, хотя были свойственны южным славянам. В продолжение всего Средневековья власть – высокое слово, и по отношению к земным делам его не употребляли». Формируется очень сложная семантика власти, связанная с ее передачей, внутренней иерархией разнообразных властей-смыслов, тонкая смысловая игра абсолютного и частного: «Градация высшей власти идет вверх; от конкретной силы до полного господства Бога. “Власть” в этом перечне находится посредине; это

уже не просто сила, какую власть была в далекие времена, но это еще и не безусловное господство. Власть можно передать, например, своему представителю, господство же абсолютно» [20. С. 280].

В конце Средневековья происходит слияние волости и власти, отечества и отчины (что и нашло подтверждение в словарях древнерусского языка, но данное как общее явление древнерусского мира – некорректно, ибо имела место линия трансформаций от силы к обладанию, держанию, с одной стороны, и господства абсолютного характера – с другой, а на третьем этапе – слияние вторичных смыслов в единую реальность: власть = волость = государство = земля = господство): «...в древнерусский период, судя по языку, две эти линии понятий – владение землей и сама земля – еще не сошлись воедино. Волость и власть понимались как вполне самостоятельные явления. Власть, волость, область понимаются просто и одинаково как ограниченная держанием территория, и отсюда возникают следующие противоположности: *волость* и *власть* (с конца XI в.), причем всегда остаются конкретно ясными различия между пределами и уделами, а также отчиной и отечеством; и только позднее, в конце Средневековья, они еще раз соединяются вместе, чтобы образовать свое нерасторжимое единство: *государство* – *царьство* – *держава*» [20. С. 280].

К XIX в. понятие преодолело еще несколько трансформаций, и в словаре О.И. Даля оно предстает как:

– право, сила и воля над чем-то, свобода действий и распоряжений; начальствование; управление [21. С. 213].

Несмотря на все изменения, власть – это, говоря словами М. Хайдеггера, «здесь-бытие». Если право, то не как возможность, а как сила или воля над чем-то конкретным данным в ощущениях. Свобода выступает не просто как отсутствие начала, а именно как само начало, дающее распоряжение и действие.

В XX в. власть усиливает свое семантическое поле в направлении права, распоряжения, правления, сохраняя смыслы государства, лиц, облеченных властью:

– право и возможность подчинять кого-нибудь, что-нибудь, своей воле, распоряжаться действиями кого-нибудь;

– права и полномочия правительства, правительственного лица;

– образ правления, государственный строй;

– могущественное влияние, принудительная сила;

– лица, облеченные властью, начальство [22. С. 310].

Мы видим одно из первых проявлений искажения смысла «власть», а вернее, попытку разорвать Хроно-топ власти и ввести не присущее русскому языку понимание власти как возможности. В этом случае власть трактуется не как данная реальность, а как возможность, некая потенция воли, которая может проявиться, а может и не проявиться. Налицо проникновение в русское смысловое поле западноевропейских смыслов, которые, впрочем, количественно подавля-

ются все-таки русской смысловой сферой: «лица, облеченные властью», «полномочия правительства», «принудительная сила» и т.п.

В течение всего XX в. эти смыслы сохраняют свою устойчивость:

– право и возможность распоряжаться кем-нибудь, чем-нибудь, подчинять своей воле;

– политическое господство, государственное управление и его органы;

– лица, облеченные правительственными, административными полномочиями [23. С. 86].

Выше мы привели данные из толковых словарей, которые отражают всю стихию человеческого общения. Но нет ли своеобразия и различия между «живым» русским языком и языком литературным, каноническим, отражающим вершины интеллектуальной жизни профессионалов слова? Да, есть. Литературные словари более официозны и жестко регламентированы на государственно-управительные и государственно-административные грани власти:

1. Власть:

– право управления государством; права и полномочия правительства, правительственных органов;

– органы государственного управления; правительство;

– форма правления страной, государственный строй;

– право и возможность повелевать, управлять, распоряжаться действиями, поведением кого-либо [24. С. 436–437].

2. Власть:

– Право и возможность повелевать, распоряжаться действиями, поведением кого-либо;

– Могущественное влияние чего-либо, неодолимая сила чего-либо.

– Форма управления страной.

– Право и возможность управления государством.

– Органы государственного и местного управления [25. С. 304].

Можно отметить интересную деталь. Определения власти в словарях эпохи перестройки имеют менее императивный характер и апеллируют к такой сомнительной в темпоральном смысле реалии, как право, уделяя значительное внимание *возможности* власти, фиксируя тем самым искусственный отказ элиты от отечественного хронотопа власти. Это яркая идентичность власти присущая совокупному Западу в формате чистой потенции к могуществу, господству, влиянию. Она, могущественная возможность-власть, есть, но она ненаблюдаема и не имеет временных характеристик. Она не проявляет себя сохраняя абсолютную возможность стать чем-то, но не более того. Однако для советских словарей 1930–1950-х гг. власть – это государство, безусловное осуществляемое право диктатора в конкретных начальственных форматах. Подобный сюжет прочно вошел в советскую культуру и спустя несколько десятилетий после крушения СССР еще не до конца исчез из нашего повседневного и литературного языка, риторики политиков (где власть,

там всегда органы власти), философских и научных исследований власти.

На основании представленных определений можно выстроить ряд понятий, которые входят в семантическое поле власти: *воля, сила, свобода, право, могущество, влияние, господствование* (более удобная форма, чем повеление), *управление, государство*. Причем большей частью это реальные состояния, обладающие конкретными пространственно-временными характеристиками, а не возможности или вероятия. По сути, речь идет об *открытом хронотопе*, который, прекращая свое развитие (трансформируясь в *закрытый хронотоп* – см. начало статьи), ликвидирует власть из оптики русской экзистенции. Ибо в русских смыслах власть – это то, что есть, а не то, что было или может быть.

Кроме того, в толковых и литературных словарях XIX–XX вв. прослеживается четкая связь понятий «власть» и «владеть». Вернее, в статьях, посвященных слову «владеть», всегда присутствует в той или иной форме понятие «власть».

Так, в словаре Даля представлен следующий семантический ряд: «Владеть: обладать; властвовать, властвовать; управлять полновластно; *иметь в своей собственности*, называть по праву своим» [21. С. 212].

Владеть (словарь Ушакова):

- Иметь что-нибудь своей собственностью, обладать;
- держать в своей власти, управлять (книж);
- быть в состоянии действовать чем-нибудь, пользоваться чем-н. [22. С. 305].

Владеть (толковый словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой):

- иметь своей собственностью;
- держать в своей власти, подчинять (в отличие от словаря Ушакова это опять не книжное, а вполне живое выражение);
- уметь, иметь возможность пользоваться чем-нибудь, действовать при помощи чего-нибудь [23. С. 86].

Напротив, в статьях «Власть» понятие «владеть» встречается отнюдь не всегда. Вырисовывается довольно любопытная односторонняя связь. Владение всегда подразумевает власть. Но власть – это не только и не всегда владение, по крайней мере, напрямую в ясно выраженной форме. Ибо что значит «лицо, наделенное властью»? Очевидно, речь идет о том, что лицо *обладает, владеет* некоторыми полномочиями, некоторым статусом, но в модусе *наделения*, а не *самовластия*. Просмотрев все варианты описания власти в толковых, литературных или семантико-этимологических словарях, мы сможем убедиться, что в русском языке находится в состоянии власти неразрывно, по самым глубоким слоям смысла связано с состоянием владения и обладания. Это состояния держания в «своей власти», «обладание действием», «владением чем-либо» есть пространственно-временная выразимость, наблюдаемость русской власти как таковой.

Составим общую семантическую схему. За ее центр следует взять «ядерный» концепт «власть». Его сателлитами, присутствующими в разнообразных словарях, являются «сила», «воля», «право», «свобода» (в смысле *уже-нахождения* в состоянии *силости, воли, правости, свободности*). Для их уточнения и качественной, поддающейся пространственно-временной оценки используются такие концепты, как «могущество», «влияние», «господствование», «управление» (в русском языке состояние силы – «силость», условно и неязычно, но для ее предметизации подходит термин «могущество» в формате состояния «могущественность»; «волисть» – «влиятельность»; «правость» – «господствование»; «свободность» – «правительность»). Следующий ряд представляют два понятия, которые иногда отождествляются с властью, но чаще служат для наглядной, *количественной, опредмеченной*, всецело понятной и ощущаемой власти всеми носителями русского языка.

Два концепта – «государство» и «обладание». Последний концепт – ключевой, его семантическое поле включает в себя все заявленные понятия. В русском языке можно представить власть без государства, и многочисленные теоретические и даже практические эксперименты в этой области хорошо известны, но без обладания властью помыслиться не может никак.

Очевидно, что власть не рассматривается в русском языке с позиций много или мало, также отсутствуют представления о возможности как составной части власти. Власть либо есть, либо ее нет. И если она есть, то вся ее полнота концентрируется в ее носителе. Причем в отличие от романо-германских языков власть не есть абстракция, некая сила или способность что-либо сделать. Власть вполне физична, она «отлита» в конкретной персоне, конкретном коридоре, в конкретной административной единице и находится в жесточайшей связи с определенной земельной структурой: государством Россия, Московской областью, отдельно взятым селом: «власть на селе», «власть в городе», «российская власть». Это не может быть некая власть трансземельная, интернациональная, принадлежащая всем и никому. Нет таких традиций в языке и, по крайней мере, с IX в. нет таких представлений в этимологическом ряду русского языка.

Максимально близкое значение (см. вышеприведенные цитаты) имеет положение из словаря Ушакова: «быть в состоянии действовать чем-н., пользоваться чем-н.». Нетрудно заметить, что данная фраза близка к определению власти как *способности и возможности*, за исключением одного нюанса. В цитате речь идет о том, что некто находится *уже* в определенном измененном, властном состоянии действовать и пользоваться, он реализовал возможность, обретя соответствующее состояние-статус.

Власть в русском «мыслящем мире» является, по видимому, таким же взаимно неперевожимым термином, которые находятся в спектре полной взаимной неперевожимости [26. С. 191]. Речь идет, прежде всего, о естественном языке культуры, а не об искусственных концептуальных построениях отдельных

экспертов в философии власти, политологии или социологии власти.

Власть в русском языке (и в этом ее существенное отличие) есть нечто физически осязаемое, но не достигаемое, а даруемое или обретаемое. Она не делится на части, а присутствует во всей совокупности своих элементов. Либо она есть, либо ее нет. Это не просто некое стремление, или способность, или набор умений. Это реальность, а еще вернее – это некое особое состояние, которое имеет предметное и физиологическое воплощение, очевидное для всех.

Власть есть искушение, которое либо раздавливает человека, либо, если он его преодолел (овладел, покорил, нивелировал), – возвышает. Власть всегда сохраняет элемент сакральности от осознаваемой градации «высшая власть – Бог, низшая – земная» до отдельных религиозно-этических моментов с тенденцией абсолютизации «вся власть – зло». С учетом этих соображений можно построить концептуальную сетку мышления власти в русской семиосфере:

Власть – центр, ядро и основополагающий концепт. Он тотально *хронотопичен*, являя себя в органичной и неразделимой пространственно-временной реальности бытия.

Сила, воля, право, свобода – ближайшие, видимые проявления властной реальности в хронотопе. Они связаны с *личностями*, которые есть носители власти. Причем существенно-важным элементом является формат свободы. Последний, как правило, не встречается в характеристиках власти (как таковой он присущ только ей) в западноевропейских языках [27. С. 93–97].

Влияние, господствование, управление – технические элементы власти, которые реализуют заложенный во власти потенциал изменять, трансформировать, метаморфизировать окружающую реальность. В центре находится господствование как абсолютная власть, присущая только Богу и которая имеет довольно бледное, а зачастую и искаженное проявление на земле [28. С. 621–637]. Влияние и управление – это технические характеристики, в полном смысле слова они реализуются в рамках горизонта коммуникативных отношений, тогда как господствование суть строгой иерархии вертикальной субординации.

Государство, обладание – два понятия, которые обнимают и включают в себя все предыдущие реальности, кроме самой власти – ядра и источника сферы, ее, если угодно, *математической точки*. Той самой точки – не существующей в реальности, абстракции, – без осязания которой не возможно предметное воплощение, например, космической программы США или России. Государство и обладание максимально предметизируют абстракцию, воплощают ее и сопутствующие ей спутники и технические элементы в общепринимаемую реальность. Обладание является завершающим, в известном смысле периферийным концептом семиосферы, но периферийным в том смысле, что за его пределами власти не существует как таковой, обладание есть оболочка, формализующая власть, ее граница, ее ограничение, ее периферия. В свое время был сформулирован четкий слоган:

«власть есть волевое удовлетворяющее обладание объектом» [29. С. 125]. Обладание, а не просто распоряжение или управление чем-либо, не просто наличие мощи или возможность оказать воздействие, не формат влияния на другого или доминирование другим – формирует состояние власти в русском мыслящем мире. Этимология обладания в структуре власти восходит к обладанию землей, но в настоящее время оно понимается куда как шире – обладание реальностью, бытием, но исключительно в границах государства, впрочем, сами границы могут быть весьма динамичными (рудимент земельной привязки [30. С. 340–414] сохраняется из века в век в русском языке). Обладание в конечном итоге – это ключ для понимания специфики русской семиосферы власти, без которого, она (власть) останется безжизненным операциональным термином для частных лабораторных исследований отдельных малозначимых элементов реальности.

Данный набор мыслится единовременно, без возможности исключения. В этом-то и проявляется органическое единство пространства и времени, то, что мы в начале статьи определили как хронотоп, исходя из русских смыслов. В этом отличие русского органического целого хронотопа от разделенной темпоральности и топосности власти в английском или французском языках, где четко прослеживается разница между властью, могущей чем-то быть, чистой мощью имеющей пространство, но лишенной времени – Power (англ), Pouvoir (фр.), и властью конкретной, прикладной, сосредоточивающейся в конкретном акте максимально темпоральном, но локально пространственным – Authority (англ), Autorité (фр). Причем и в количественных и в качественных своих характеристиках эти две половинки характерны также и для немецкого языка – «Gewalt – Macht».

Проведенный историко-этимологический и в целом философско-семиотический анализ уверенно убеждает, что русский хронотоп власти не предполагает уменьшения одних элементов за счет других. Он вне количественных или качественных характеристик. Он темпорален лишь постольку, поскольку имеется факт его обретения или факт его лишения. Его темпоральность в рамках хронотопа – это исключительно внутреннее время, никак не зависящее от неких общих внешних фактов вне самого состояния властвования. Это совокупная реальность, которая просто есть либо ее просто нет. В русской семиосфере власть нельзя (как, скажем, в английском языке) разделить на некую мощь, на государственное образование имперского типа или... на лошадиную, тяговую силу, как это допускается делать в английском языке. Ее невозможно отследить в качестве темпоральных интуиций как нечто имеющееся «тогда», «сейчас» и «потом». Но есть время до обретения власти (где субъект, обретший ее, мыслится иначе и в хронологическом и в топологическом смысле), время, когда он обладает властью (особое властное состояние, когда власть фиксируется наблюдателями), и время, когда он обязательно, вне всяких сомнений власти будет лишен. Все три состояния разные в своей хронотопичности и никак не накладываются друг на дру-

га. Фиксируется лишь изменение состояния на *до-властное*, *властное* и *послевластное*. Само же состояние власти как таковое не поддается темпоральным операциям, а если это происходит, то речь идет не о власти, а о чем-то другом, не воспринимаемом как властное состояние.

В таком прочтении этимология лексемы «власть» выступает не просто одной из прикладных филологических задач или возможных форм периферийных исследований в рамках аналитической философии, а является важнейшим ядром дальнейшего развития философии власти. Именно оно позволяет определить пространственно-временные границы бытийствования уже не грамматической формы «власть» или авторского концепта, а в определенной мере эйдоса власти в многовековой традиции, зафиксированной в словарях и культурно-языковой памяти нации. Понятие «хронотоп» дает четкие инструментальные возможности для фиксации оригинальных пространственно-временных характеристик заявленного эйдоса, ориентирует на целостность восприятия властной

реальности в русском самосознании, позволяет отсеять научные aberrации, когда восприятие власти осуществляется не через корневые характерные для русского языка смыслы, а посредством идей, заложенных в языках совокупного Запада. Предлагаемая археология власти позволяет подойти к формированию особой научной дисциплины – «истории власти», обрести языковую устойчивость для формирования научных и философских концепций для объяснения многочисленных загадок трансформации власти в России в последние столетия. Ведь не секрет, что ни одна концепция, рожденная в недрах совокупного Запада (основанная на английском, французском или немецком языках), не смогла разрешить загадки истории русской власти, русского восприятия власти, русского эйдоса власти и, как показывает наша статья, не будет в состоянии сделать этого до тех пор, пока не будет учитывать в своем исследовании специфику русского хронотопа власти, раскрывающегося в семантике и этимологии лексемы «власть».

Список источников

1. Русакова О.Ф., Фатихов С.П. Концептуальные модели хронотопа в гуманитарных и политических исследованиях // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 122–127.
2. Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.
3. Политов А.В. Историко-философский анализ концепций хронотопа А.А. Ухтомского и М.М. Бахтина : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Пермь, 2016. 16 с.
4. Киященко Л.П. Биологос: динамика хронотопа // Философские науки. 2009. № 1. С. 29–43.
5. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.
6. Сунгуров А.Ю. Хронотоп как инструмент регионального политического анализа // Полис. Политические исследования. 2003. № 6. С. 62–70.
7. Шмелева А.В. Хронотоп исторического: диалогическая природа исторического познания : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Самара, 2000. 22 с.
8. Гоготишвили Г.А. Хронотоп // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В.С. Степина. М.: Мысль, 2010. Т. 4. С. 307–308.
9. Левашева Е. В. «Национальное» как феномен нового времени : хронотоп новоевропейских культур : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Казань, 2000. 20 с.
10. Кемеров В.Е. Ключи к современности – в сдвигах методологии // Вопросы философии. 2014. № 2. С. 3–13.
11. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ.; под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
12. Энциклопедический словарь : в 86 т. СПб.: Семеновская Типо-Литография (И.А. Эфрона), 1892. Т. VI-а. 801 с.
13. Энциклопедический словарь : в 86 т. СПб.: Семеновская Типо-Литография (И.А. Эфрона), 1893. Т. IX. 474 с.
14. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1893. Т. 1. 1420 с.
15. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / гл. ред. Р.И. Аванесов. М.: Русский язык, 1988. Т. 1. 525 с.
16. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка : в 2 т. М.: Типография Г. Лиссиера и Г. Совко, 1910–1914. Т. 1. 718 с.
17. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. 3-е изд. Стереотип. М.: Русский язык, 1999. Т. 1. 621 с.
18. Кондратьева О.Н. Концепт «власть» и специфика его реализации в текстах Древней Руси // Современная политическая коммуникация : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 21–24 сентября 2009). Екатеринбург, 2009. С. 107–110.
19. Бессонова Л.Е. Концептуальная и семантическая природа лексемы «власть» в лексикографическом дискурсе // Система і структура східнослов'янських мов. Київ : Знання України, 2005. С. 149–156.
20. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 326 с.
21. Даль В.И. Толковый словарь : в 4 т. М.: Русский язык, 1989. Т. 1. 699 с.
22. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова : в 4 т. М.: Советская энциклопедия, 1935. Т. 1. 1562 с.
23. Толковый словарь русского языка / сост. С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. 4-е изд. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
24. Словарь современного русского литературного языка : в 18 т. / под ред. В.И. Чернышева. М.; Л.: АН СССР, 1951. Т. 2. 1394 с.
25. Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. / под ред. И.С. Горбачевича. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1991. Т. 2. 962 с.
26. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука, 2016. 448 с.
27. Ледяев В.Г. Власть : концептуальный анализ. М.: Рос. полит. энциклопедия, 2001. 384 с.
28. Булгаков С. Свет не вечерний : созерцания и умозрения. СПб.: Азбука, 2017. 672 с.
29. Митрохин В.И. Сущность власти : философский анализ. М.: Изд-во МГОПИ «Альфа», 1992. 147 с.
30. Королев С.А. Метаморфозы власти. Опыты по микроистории: философские аспекты. М.: Весь Мир, 2017. 654 с.

References

1. Rusakova, O.F. & Fatikhov, S.P. (2011) Conceptual models of chronotope in humanities and political studies. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki – Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities*. 3. pp. 122–127. (In Russian).

2. Ukhtomskiy, A.A. (2002) *Dominanta* [Dominant]. Saint Petersburg: Piter.
3. Polotov, A.V. (2016) *Istoriko-filosofskiy analiz kontseptsii khronotopa A.A. Ukhtomskogo i M.M. Bakhtina* [Historical and philosophical analysis of the concepts of the chronotope by A.A. Ukhtomsky and M.M. Bakhtin]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Perm.
4. Kiyashchenko, L.P. (2009) *Biologos: dinamika khronotopa* [Biologos: dynamics of chronotope]. *Filosofskie nauki – Russian Journal of Philosophical Sciences*. 1. pp. 29–43.
5. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of Literature and Aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 234–407.
6. Sungurov, A.Yu. (2003) Chronotope as instrument of regional political analysis. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 6. pp. 62–70. (In Russian).
7. Shmeleva, A.V. (2000) *Khronotop istoricheskogo: dialogicheskaya priroda istoricheskogo poznaniya* [Chronotope of the historical: the dialogical nature of historical cognition]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Samara.
8. Gogotishvili, G.A. (2010) *Khronotop* [Chronotope]. In: Stepin, V.S. (ed.) *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New philosophical Encyclopedia]. Vol. 4. Moscow: Mysl'. pp. 307–308.
9. Levasheva, E.V. (2000) *“Natsional’noe” kak fenomen novogo vremeni: khronotop novoevropeyskikh kul’tur* [“National” as a phenomenon of modern times: chronotope of New European cultures]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Kazan.
10. Kemerov, V.E. (2014) Keys to the present – in shifts of methodology. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 3–13. (In Russian).
11. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost’* [Fluid Modernity]. Translated from English. Saint Petersburg: Piter.
12. Andreevskiy, I.E. (ed.) (1892) *Entsiklopedicheskiy slovar’* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. VI-a. Saint Petersburg: Semenovskaya Tipografiya (I.A. Efrona).
13. Arsen’ev, K.K. & Petrushevskiy, F.F. (eds) (1893) *Entsiklopedicheskiy slovar’* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. IX. Saint Petersburg: Semenovskaya Tipo-Litografiya (I.A. Efrona).
14. Sreznevskiy, I.I. (1893) *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis’mennym pamyatnikam* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language on Written Monuments]. Vol. 1. Saint Petersburg: Tipografiya imperatorskoy Akademii nauk.
15. Avanesov, R.I. (ed.) (1988) *Slovar’ drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of the Old Russian language (11th–14th centuries)]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
16. Preobrazhenskiy, A.G. (1910–1914) *Etimologicheskii slovar’ russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Tipografiya G. Lissiera i G. Sovko.
17. Chernykh, P.Ya. (1999) *Istoriko-etimologicheskii slovar’ sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian language]. 3rd ed. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
18. Kondrat’eva, O.N. (2009) [The concept of “power” and the specifics of its implementation in the texts of Ancient Russia]. *Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya* [Modern Political Communication]. Proceedings of the International Conference. Yekaterinburg. 21–24 September 2009. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 107–110. (In Russian).
19. Bessonova, L.E. (2005) Kontseptual’naya i semanticheskaya priroda leksemy “vlast” v leksikograficheskoy diskurse [The conceptual and semantic nature of the lexeme “power” in lexicographic discourse]. In: *Sistema i struktura skhidnoslov’yans’kikh mov* [The System and Structure of the East Slavic Languages]. Kiyv: Znannya Ukraini. pp. 149–156.
20. Kolesov, V.V. (2000) *Drevnyaya Rus’: nasledie v slove. Mir cheloveka* [Ancient Rus: Heritage in the Word. The human world]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
21. Dal’, V.I. (1889) *Tolkovyy slovar’* [Explanatory Dictionary]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
22. Ushakov, D.N. (ed.) (1935) *Tolkovyy slovar’ russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
23. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (eds) (1999) *Tolkovyy slovar’ russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 4th ed. Moscow: Azbukovnik.
24. Chernyshev, V.I. (1951) *Slovar’ sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of Modern Russian Literary Language]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS.
25. Gorbachevich, I.S. (ed.) (1991) *Slovar’ sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of Modern Russian Literary Language]. 2nd ed. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.
26. Lotman, Yu.M. (2016) *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside the Thinking Worlds]. Saint Petersburg: Azbuka.
27. Ledyayev, V.G. (2001) *Vlast’: kontseptual’nyy analiz* [Power: conceptual analysis]. Moscow: Ros. polit. entsiklopediya.
28. Bulgakov, S. (2017) *Svet nevecherniy: sozertsaniya i umozreniya* [The Light of the Evening: contemplation and speculation]. Saint Petersburg: Azbuka.
29. Mitrokhin, V.I. (1992) *Sushchnost’ vlasti: filosofskiy analiz* [The Essence of Power: a Philosophical Analysis]. Moscow: Izd-vo MGOPi “Al’fa”.
30. Korolev, S.A. (2017) *Metamorfozy vlasti. Opyty po mikroistorii: filosofskie aspekty* [Metamorphoses of Power. Experiments on microhistory: philosophical aspects]. Moscow: Ves’ Mir.

Информация об авторе:

Шевченко О.К. – канд. филос. наук, доцент кафедры истории и философии Гуманитарно-педагогической академии (филиала) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Ялта, Россия); председатель Крымского отделения Российского философского общества (Ялта, Россия). E-mail: skilur80@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.K. Shevchenko, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Humanities and Education Science Academy (Branch) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russian Federation); chair of the Crimean Branch of the Russian Philosophical Society (Yalta, Russian Federation). E-mail: skilur80@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.11.2019;
одобрена после рецензирования 21.02.2022; принята к публикации 28.03.2022.

The article was submitted 07.11.2019;
approved after reviewing 21.02.2022; accepted for publication 28.03.2022.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 327.3; 327,7
doi: 10.17223/15617793/476/13

Реформа ООН и ее влияние на современную систему международных отношений

Ксения Викторовна Власова^{1, 2}, Владислав Алексеевич Тимченко¹

¹*Вятский государственный университет, Киров, Россия*

²*Институт Европы Российской академии наук, Москва, Россия*

^{1, 2}*vlasovaksen@gmail.com*

¹*timchenko.vladislav.ru@gmail.com*

Аннотация. Исследуются причины упадка эффективности работы ООН и анализируются варианты возможного ее реформирования. Предложен анализ различных вариантов реформ Совета Безопасности, предложенных «Группой четырех», Африканским союзом, «Единством ради консенсуса» и др. Делается вывод, что в среднесрочной перспективе можно не ожидать больших изменений в вопросе реформирования ООН, что связано с наличием первоочередных мировых задач (например, преодоление последствий пандемии COVID-19), а также внутренними кризисами отдельных государств и объединений.

Ключевые слова: ООН, Совет Безопасности, реформирование, кризис деятельности, проекты реформ, право вето

Для цитирования: Власова К.В., Тимченко В.А. Реформа ООН и ее влияние на современную систему международных отношений // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 121–129. doi: 10.17223/15617793/476/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/13

UN reform and its impact on the contemporary international relations system

Ksenia V. Vlasova^{1, 2}, Vladislav A. Timchenko¹

¹*Vyatka State University, Kirov, Russian Federation*

²*Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (IE RAS), Moscow, Russian Federation*

^{1, 2}*vlasovaksen@gmail.com*

¹*timchenko.vladislav.ru@gmail.com*

Abstract. The article discusses the activities of the United Nations, which is considered to be the only current world universal international intergovernmental organization. The aim was to study the causes of the decline in the UN effectiveness and to analyze options for a possible reform. Having studied various UN documents (the Charter, resolutions, proposals of the secretaries-general, press releases, etc.), the authors inferred that a series of crises and failures of the UN put the majority of states in need of its reform. The reasons for the UN possible transformation, according to researchers, can be: (1) the UN disregard by the great powers and the conduct of military operations without a corresponding resolution; (2) the privileged powers have little regard for the opinions of the so-called “small” countries; (3) excessive bureaucracy and inefficient spending of the UN general budget; (4) the uncertainty in the declared goals and functions of various departments, which leads to duplication of their activities. In connection with these identified reasons, the UN comprehensive reform has now become considered one of the most urgent and complex tasks in contemporary international relations. The study notes that the problem of the UN reform has been of concern to the international community since the 1990s, when some of the reforms were presented and partially implemented, for example, regarding the activities of the Secretariat or the formation of new organizations under the UN auspices. However, the reforms of the General Assembly, the International Court of Justice, the UN financing, etc. are still controversial. At the same time, the problem of reforming the Security Council is the biggest discussion theme. The authors inferred that disputes on the transformation of the Security Council are conducted in two main directions: regarding the increase in the number of countries in the Security Council and the presence of the veto power of the permanent members. In addition, the difficulties of the reform process lie in the fact that the member states of the Security Council express different ways of resolving the problem and cannot come to a single solution or compromise at the moment. The article provides an analysis of various options for the Security Council reforms proposed by the Group of Four, the African Union, Unity for Consensus, and others. As a result, none of the projects can find sufficient support from other states, which makes it very difficult to discuss and find a single version of the reforms. The authors conclude that in the medium term major changes are not expected in the issue of the UN reform, which is

associated with the presence of primary global tasks (for example, overcoming the consequences of the COVID-19 pandemic), as well as internal crises of individual states and associations.

Keywords: UN, Security Council, reforming, activity crisis, reform projects, right of veto

For citation: Vlasova, K.V. & Timchenko, V.A. (2022) UN reform and its impact on the contemporary international relations system. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 121–129. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/13

Создание, структура, проблемы деятельности ООН

К моменту окончания Второй мировой войны встал остро вопрос о создании новой международной организации, основной целью которой ставилась поддержка мира и безопасности. Существовавшая в то время Лига Наций показала свою неспособность предотвращать кризисы, возникавшие в международной системе и повлекшие за собой начало Второй мировой войны.

Еще в процессе формирования новой системы международных отношений, названной в будущем Ялтинско-Потсдамской, началось обсуждение создания организации, получившей название «Организация Объединенных Наций» (ООН). Данная формулировка появилась еще в 1942 г. в Декларации Объединенных наций, и предложена она была тогдашним американским президентом Ф.Д. Рузвельтом [1].

Официально ООН начала свое существование с 24 октября 1945 г., после завершения процедуры ратификации большинством государств, подписавших Устав Организации [2].

При создании ООН учли ошибки ее предшественницы Лиги Наций, которая, как уже было сказано, не смогла предотвратить начало новой мировой войны. При сходности целей – сохранении мира и безопасности, соблюдении норм международного права и т.д. – имелись и существенные различия в механизмах подавления агрессии. Так, если в Статуте Лиги Наций наложение различных санкций, в том числе и военных, происходило на добровольной основе, а государства сами решали участвовать в санкционном режиме или нет, то санкции, принятые Советом Безопасности (СБ) ООН, имеют обязательный для выполнения статус со стороны всех государств – членов ООН. Из этого положения вытекает главнейшая особенность СБ, состоящая в том, что его резолюции обязательны в исполнении. В состав Совбеза входят 15 государств: пять постоянных членов (Великобритания, СССР/государство – продолжатель СССР Россия с декабря 1991 г., США и Франция как государства-победители во Второй мировой войне и наиболее влиятельные мировые державы, а также КНР) и 10 непостоянных членов. В числе последних наиболее часто избирались в разное время Япония (11 раз), Бразилия (10), Аргентина (9), Индия, Колумбия, Пакистан (по 7) и Германия (5).

В Генеральной Ассамблее (ГА) представлены все страны – участники ООН, и по состоянию на апрель 2020 г. в ГА насчитывается 193 государства-члена плюс два постоянных наблюдателя (Святой Престол и Палестина), которые не имеют права голоса. Основная функция ГА заключается в выработке общего

мнения относительно различных ситуаций. Тем не менее принятые ГА резолюции обладают только рекомендательными функциями, другими словами, не обязательны для исполнения.

Также важными структурными элементами являются Международный суд, Секретариат во главе с Генеральным Секретарем, Совет по опеке, Экономический и социальный совет (ЭКОСОС). Кроме того, под эгидой ООН работают различные комитеты, отделы и т.д., занимающиеся отдельно выбранной международной проблемой.

Главная цель создания ООН заключалась в поддержке международного мира и безопасности, по сути, предотвращении нового мирового конфликта, и, по крайней мере, с последней функцией организация справляется. Вследствие чего встает закономерный вопрос: зачем нужно реформировать ООН?

В этом контексте основная проблема ООН кроется в крайне низкой эффективности ее работы. Со времени создания Организации прошло уже почти 75 лет. Количество государств-членов с момента ратификации по настоящий момент возросло почти в 4 раза: с 51 в 1945 г. до 193 в 2020 г. Однако численный состав СБ, одного из самого важного органа в ООН, увеличивался только единожды – в 1963 г. Количество непостоянных государств-членов возросло с 11 до 15. Кроме того, если в 1945 г. СБ в общей сложности представлял почти четверть от общей численности государств – членов ООН (21,6%), то ныне эта цифра разительно снизилась (7,8%). Другими словами, перед международным сообществом стоит крайне важный вопрос об увеличении численного состава государств – членов СБ.

Следует отметить, что ООН не обладала необходимым влиянием на международные отношения и в период холодной войны. Ведущими участниками, игравшими наиболее значимую роль во всех важных событиях на международной арене того периода, считались СССР и США, которые отодвинули ООН на второй план: к примеру, разрешение Суэцкого кризиса 1956 г. и прекращение арабо-израильской войны 1967 г. полностью лежали на плечах двух сверхдержав. Практически за любыми конфликтами второй половины XX в. стояли Москва и Вашингтон: война во Вьетнаме, многочисленные конфликты на Ближнем Востоке и в Африке, операция в Афганистане, где непосредственными участниками или заинтересованными сторонами были СССР и США. В этом и кроется причина того, почему они блокировали с помощью своего права вето любые попытки СБ ООН хотя бы как-то повлиять на ситуацию. Иначе говоря, ООН в период холодной войны была фактически бессильна.

«После выхода из bipolarности начинается не продолжительный период виртуального триумфализ-

ма модели однополярного мироустройства. В содержательном плане – это система под управлением одной державы, действующей на началах безусловной гегемонии и не считающей нужным принимать во внимание интересы других участников международной жизни» [3. С. 12]. Оставшись единственной сверхдержавой, США часто игнорировали ООН и действовали в обход СБ ООН. Ярким примером могут служить события 1990-х гг. в Югославии, где начался мучительный процесс распада когда-то единого государства. Еще в 1995 г. в ходе так называемой Боснийской войны НАТО под эгидой США начала военную операцию «Обдуманная сила» [4], в ходе которой страны-союзники встали на сторону хорватов и боснийцев, уничтожив с помощью авиации военный потенциал сербов и обвинив их в различных военных преступлениях. В итоге Белград был вынужден подписать Дейтонское соглашение 1995 г. [5], результатом которого стало провозглашение независимого государства Босния и Герцеговина.

Новый военный кризис в Югославии был связан с отделением Косова от Союзной Республики Югославии (СРЮ). В данном конфликте насчитывалось множество жертв с обеих сторон. Однако США и страны НАТО встали на сторону албанцев, являвшихся крупнейшей этнической группой на территории Косова, обвинив Югославию в геноциде. С марта по июнь 1999 г. авиация НАТО наносила массированный удары по территории Сербии, прежде всего по Белграду – столице государства СРЮ [6]. Результатом бомбардировок стало фактическое отделение Косова от Югославии, а контроль над территорией перешел к НАТО и международной администрации, передавшей в дальнейшем большинство полномочий этническим албанцам.

Обе военные операции в этой части Балкан проводились без соответствующей резолюции СБ, демонстрируя, что США и НАТО игнорируют ООН как важнейший элемент структуры по поддержанию мира и международной безопасности. Более того, осознавая свою слабость и зависимость от Вашингтона и НАТО, ООН поддерживала их действия, а в конце второго конфликта, можно сказать, заняла «пронатовскую» позицию.

Чтобы хоть как-то узаконить свои военные операции, проводившиеся на территориях других стран, в 1990-е гг. США сформулировали новую внешнеполитическую доктрину, в основу которой положена так называемая концепция демократических транзитов. Ее суть заключается в расширении количества государств с демократическим режимом, а также введении в международное право термина «гуманитарная интервенция», который позволяет оказывать военное вмешательство в другие страны под предлогом защиты основополагающих прав и свобод человека [7].

В свете такой американской внешней политики деятельность ООН в последнее десятилетие XX в. почти ничем не отличалась от периода холодной войны. Любые попытки СБ повлиять на ситуацию сразу блокировались постоянными членами, и, в конечном

итоге, ООН встала на сторону одного из нарушителей международного права.

В 2000-х гг. ситуация не изменилась. Одним из самых ярких примеров этого послужила интервенция в Ирак 2003 г. США и их союзников, которые вторглись туда под предлогом разработок со стороны Багдада химического оружия. Изначально операция «Несокрушимая свобода» также не получила резолюцию со стороны СБ.

Если рассмотреть предлоги для военного вмешательства со стороны великих держав на территорию других стран без согласия СБ, то видна сохраняющаяся еще с холодной войны приверженность по защите соотечественников, принципов демократии, прав и свобод человека и т.д.

Другой проблемой, вызывающей большие трудности в эффективности работы ООН, – это наличие права вето у пяти постоянных членов Совбеза. Между тем, в Уставе ООН прямо не упоминается наличие права вето. Однако в п. 3 ст. 27 Устава содержится следующее: «Решения Совета Безопасности по всем другим вопросам считаются принятыми, когда за них поданы голоса девяти членов Совета, включая совпадающие голоса всех постоянных членов Совета». Из этого следует, что если за резолюцию не проголосовали все постоянные члены СБ и если среди них не было воздержавшихся, то резолюция не одобряется. Отсюда и появилось право вето, объясняющееся тем, что при принятии решений, которые касаются мирового сообщества, для повышения ответственности необходима солидарность в этом вопросе всех четырех великих держав – победителей Второй мировой войны плюс Китая как государства, обладающего значительным влиянием на всю сложившуюся систему международных отношений.

Вопреки теории на практике вышло совсем по-другому: государства – члены Совбеза стали пользоваться своим правом вето в личных эгоистических целях, иногда полностью парализуя деятельность СБ по отдельным вопросам. Например, в свое время СССР блокировал все резолюции, касавшиеся международного осуждения по вторжению в Чехословакию 1968 г. Современная Россия совместно с Китаем препятствуют любым попыткам США и их союзников наложить санкции на сирийский режим Башара Асада. В свою очередь, Вашингтон применял вето, осуждавшее бомбежки в Ливии или предполагавшее наложение санкций на главного американского союзника на Ближнем Востоке (Израиль). Что касается Франции и Великобритании, то они использовали право вето, к примеру, для защиты ЮАР, где до 1990-х гг. действовал режим апартеида.

Следует также отметить, что некоторые вопросы совсем не поднимались на обсуждение в Совете Безопасности, так как с самого начала было ясно, что последует немедленное их блокирование: таким образом замалчивалась проблема Чечни, важная для России, Тибета – для Китая, Северной Ирландии – для Великобритании.

Следовательно, именно наличие права вето у пяти постоянных членов СБ вызывает одни из самых бурных дискуссий по реформированию ООН.

Еще одной важной проблемой, связанной с преобразованием ООН, является слабый учет привилегированными державами мнения «малых» стран, а также игнорирование великими державами специфики отдельных государств и народов [8. Р. 630], которые пытаются отстаивать свое мнение: ярким примером может служить непризнание прав палестинского народа со стороны Израиля с самого начала его существования.

Кроме этого, появился ряд новых угроз международной безопасности, которые вообще не были прописаны в Уставе: международный терроризм, кибертерроризм, международное пиратство, распространение ОМУ и смертельных инфекционных заболеваний, истощение природных ресурсов, экологические угрозы и многие другие.

Остается еще множество других проблем – излишний бюрократизм, неэффективная трата средств общего бюджета ООН, недостаточное развитие военных структур ООН, а также неопределенность в декларируемых целях и функциях различных подразделений, что ведет к дублированию их деятельности. Это лишь одни из немногих проблем, с которыми столкнулась Организация Объединенных Наций в XXI в. Таким образом, для повышения эффективности работы ООН ее, несомненно, необходимо реформировать.

Реализация комплексного реформирования ООН

Между тем еще в 1979 г. была осуществлена первая попытка решить вопрос увеличения членского состава СБ в процессе работы 34-й Сессии ГА ООН [9]. Однако идея комплексного реформирования ООН была предложена только в 1992 г. тогдашним Генеральным Секретарем Б. Бутрос-Гали [10], который представил оптимизацию административного аппарата Секретариата ООН за счет сокращения его состава. Также Генсек объединил ряд подразделений, которые «дублировали друг друга или выполняли схожие функции» [11. С. 28]. Тем не менее провести полноценную административную реформу Бутросу-Гали не дали.

В 1993 г. во время проведения 48-й сессии ГА было принято решение о создании особой Рабочей группы «для рассмотрения всех аспектов вопроса о расширении членского состава и других вопросов, касающихся СБ» [12]. Итогом работы стала резолюция, где было зафиксировано положение о солидарном и справедливом представительстве, а также увеличении общего состава Совбеза [13]. Для достижения поставленных целей было решено, что принятие резолюции возможно, если за нее дадут $\frac{2}{3}$ голосов на заседании Генеральной Ассамблеи. С одной стороны, вышеуказанная резолюция помогла избавиться от скоропостижных решений и взвешено подойти к этому вопросу, с другой – принятие единого решения сильно затягивалось.

В 1997 г. был предложен очередной план со стороны нового Генерального Секретаря ООН Кофи Аннана, который занялся формулировкой основных принципов реформы ООН, целью которых было повышение эффективности работы организации [14]. Для разработки конкретных предложений были созданы специальные рабочие группы, выработавшие рекомендации для реализации масштабной институциональной реформы и предложившие пересмотр существующих обязательств государств-членов. Однако все это требовало значительного увеличения финансирования организации.

Работа над проектом реформирования ООН была продолжена, и уже в 2002 г. был предложен второй пакет реформ «Программа дальнейших преобразований» [15], направленный, прежде всего, на защиту прав человека, развитие гуманитарной деятельности и т.д. Полем для дискуссий стала и речь Аннана «В условиях большей свободы – к безопасности, развитию и соблюдению прав человека для всех» [16], с которой он выступил в 2005 г.

Заменивший Кофи Аннана на посту Генерального секретаря в 2007 г. Пан Ги Мун продолжил работу по реформированию организации, инициировав межправительственные переговоры по выработке соответствующих предложений. Часть решений по реформированию ООН была претворена в жизнь, однако по ряду вопросов дискуссии до сих пор не утихают. Основными спорными проблемами являются: реформа ГА, функционирование различных агентств под эгидой ООН, финансирование организации и миротворческих операций и самое сложное – расширение состава Совета Безопасности и дальнейшая судьба права вето.

Стоит отметить, что реформирование Секретариата началось еще в 1997 г. Основные шаги состояли в образовании Департамента по разоружению и учреждении новой должности – Первого Заместителя Генсека ООН. Реформирование затронуло и миротворческую деятельность: с одной стороны, Департамент операций было решено разделить на два независимых подразделения. С другой стороны, учредили новый институт – Департамент полевой поддержки. В октябре 2014 г. также была создана Группа высокого уровня по операциям в пользу мира. В настоящий момент продолжается обсуждение о расширении полномочий Генерального секретаря.

В ходе реформы были изменены старые и образованы новые организации под эгидой ООН. Например, в 2005 г. была учреждена Комиссия по мироустройству, а через год Совет по правам человека, который сменил более громоздкую Комиссию ООН по правам человека. Кроме того, была усилена роль женщин, чему способствовала специальная структура, занимающаяся вопросом гендерного равенства – «ООН-женщины». В настоящее время обсуждается вопрос преобразования Международного суда. Изменения произошли также и в ГА: было принято несколько резолюций по оптимизации работы данной структуры и увеличению взаимодействия между остальными органами ООН [17].

Серьезные споры вызывает финансирование ООН. Так, бюджет Организации складывается из взносов государств-членов. Процент взноса высчитывается по согласованной в ГА формуле, исходящей из среднего благосостояния страны. Однако процент выплаты у пяти постоянных членов СБ выше, поскольку они обладают большими полномочиями и большей ответственностью. Таким образом, на 2020 г. самые значительные взносы приходятся на США (22%), Китай (12%), Японию (8,56%), Германию (6,09%), Великобританию (4,57%) и Францию (4,42%). Доля платежей России составляет примерно 2,41%, а бедных и мало-развитых стран – по 0,001% [18].

В связи с этим возникают споры между странами – участниками ООН. Недовольны развитые страны (например, Бразилия, Германия, Япония), потому что их реальное влияние в ООН гораздо ниже, чем их финансирование. Не удовлетворены своими платежами и США, которые рассматривают пересмотр программ реформ для сокращения общей суммы собственных взносов в бюджет ООН.

Реформирование Совета Безопасности

Однако самые жесткие дискуссии из комплексного изменения ООН разворачиваются из-за реформирования СБ, так как именно от разрешения данной задачи будет зависеть дальнейший ход всех реформ ООН и их эффективность. На сегодняшний день состав СБ устроен и действует методами, которые были заложены еще в Ялте и Потсдаме. В СБ до сих пор идет разделение на победителей и проигравших, где урезаются права последних, хотя со времени окончания войны прошло более 70 лет. Тем более что Ялтинско-Потсдамская система международных отношений фактически прекратила свое существование после развала СССР, который уравнивал США.

ООН была основана на обломках фашистской Германии и милитаристской Японии, однако в наши дни они представляют из себя наиболее развитые державы, которые в полном праве могут требовать для себя постоянное место в СБ, тем самым превратившись не только в экономических, но и политических гигантов. Следует также помнить, что Япония и Германия занимают третье и четвертое места соответственно по уровню финансирования ООН.

В настоящее время споры вокруг реформирования СБ ведутся в двух направлениях. Во-первых, по поводу увеличения представительства в СБ постоянных и не постоянных государств-членов, а во-вторых, по вопросу сохранения права вето.

Сейчас большинство государств – членов ООН согласны с требованиями реформирования СБ. Дискуссии разворачиваются о путях его осуществления: некоторые государства поддерживают изменения по количеству представителей в СБ до 20–23 членов, а другие хотят увеличить до 24–25 и даже 27 государств [19].

Другим важным вопросом является региональное представительство. Развивающиеся страны «недо-

представлены» в современной структуре СБ: они оказывают незначительное влияние на события, происходящие в мире, а именно в этих странах часто возникают вооруженные конфликты.

Между тем часть стран (к примеру, Аргентина, Италия, Канада, Колумбия, Пакистан, Республика Корея) не поддерживает увеличение СБ за счет постоянных членов. Иного мнения придерживается так называемая группа четырех (Бразилия, Германия, Индия и Япония), выступающая за предоставление себе постоянного членства в Совбезе и представившая новый вариант реформирования, который включал в себя увеличение постоянных мест до шести, а непостоянных до четырех. В итоге распределение по региональному соотношению будет выглядеть следующим: Азии достанется два постоянных и одно непостоянное место, Африке – два постоянных и одно непостоянное, Западной Европе – одно постоянное и одно непостоянное, Латинской Америке – одно постоянное и одно непостоянное [20]. Также «группа четырех» заявила, что дальнейшая судьба права вето будет рассмотрена через 15 лет после реализации предложенных изменений.

Третий вариант реформирования Совбеза предлагает Африканский союз [21], основные требования которого заключаются в наделении африканских государств двумя постоянными и двумя непостоянными местами в СБ, так как Африка – единственный континент, до сих пор не имеющий статуса постоянного члена в Совбезе. Также государства Африки предлагают увеличить количество представителей в Совете до 26 государств путем создания шести постоянных и пяти непостоянных мест [22]. Наиболее спорным моментом в указанном предложении является право вето у новых постоянных членов наряду со старыми. Вследствие чего претворение в жизнь проекта, сделанного Африканским союзом, кажется маловероятным, поскольку страны Африки в большинстве своем слабо развиты, не смогут в ближайшее время достичь уровня развития экономики ведущих мировых государств, имеют значительный уровень внутреннего и внешнего долгов, а национальные правительства зачастую коррумпированы и нелегитимны. В силу указанных причин в случае наделения таких государств правом вето создается реальная опасность «покупки» голосов и большая вероятность преследования чисто эгоистических целей в СБ.

Те государства, которые решительно выступают против создания новых постоянных мест в СБ, создали собственное движение «Единство ради консенсуса» (*Uniting for Consensus*) и выступили с инициативой создания дополнительных 10 непостоянных мест в СБ, разделив квоты между различными регионами мира [23].

В свою очередь, США также провозгласили «собственный отдельный проект реформ, который подразумевает создание 2 постоянных и 2 или 3 не постоянных мест» [24]. Вашингтон осознает, что обладает большим влиянием в ООН хотя бы потому, что стоит на первом месте по финансированию Организации. Кроме того, США поддерживают претензии на пост

постоянных членов Японии и Бразилии, аргументируя это тем, что данные страны достигли необходимого экономического и технологического развития, вносят большой вклад по поддержанию мира и безопасности, например, участвуя в многочисленных миротворческих операциях. Нежелание видеть Германию в числе постоянных членов Совбеза со стороны американцев объясняется ее неучастием в миротворческих операциях в Ираке. Также Вашингтон опасается Индии, так как Нью-Дели имеет прочные связи с Китаем, главнейшим конкурентом США.

Тем не менее США высказываются против увеличения количества членов СБ, потому что им придется прилагать больше материальных затрат и других усилий для привлечения возможных партнеров на свою сторону. Стоит упомянуть и о том, что не особо веря в эффективность деятельности ООН и СБ в частности, США стараются опираться или на собственные силы, или двусторонние союзы, или партнерские отношения внутри созданных ими коалиций, прежде всего НАТО.

Между тем относительно возможного хода реформы ООН мировое сообщество и отдельные государства надеялись на Кофи Аннана. К тому времени уже бывший Генеральный секретарь ООН подготовил доклад «При большей свободе» [25]. Будучи главой Группы высокого уровня, занимающейся возможными вариантами будущего реформирования ООН, Аннан предложил два плана реорганизации ООН [26], которые впоследствии получили название «План А» и «План В». В первом предполагалось расширение состава Совбеза до 24 членов за счет формирования шести новых постоянных мест, однако обладать правом вето они не будут, а также трех непостоянных. Во втором плане вовсе не предусматривалось создание новых постоянных мест, которое заменялось созданием новой категории членства – восьми постоянных и одного непостоянного места сроком на четыре года с возможностью его пролонгации. Между тем пакет реформ Аннана не смог сыграть той роли, на которую рассчитывали некоторые государства – участники ООН, и, к сожалению, реформа так и осталась в подвешенном состоянии.

Дополнительные трудности также вызывает одобрение кандидатур на постоянные места в СБ. К примеру, помимо США, Германию не хотят видеть в качестве постоянного члена Великобритания, Италия, Испания, а также Франция. У Парижа существуют также опасения того, что Берлин, не получив постоянное место в СБ, может вновь предложить создание отдельного постоянного места для Европейского союза как организации, представляющей большинство государств Европы, где ФРГ занимает ведущее место. Со своей стороны, испаноговорящие латиноамериканские государства (особенно Аргентина и Мексика) выражают недовольство по поводу кандидатуры португальскоязычной Бразилии, мечтающей представлять регион Латинской Америки самостоятельно [27. Р. 132]. Вследствие различных исторических причин и регионального соперничества на современном этапе развития весьма объяснимы несогласие Пакистана и

Китайской Народной Республики с кандидатурой Индии, а против кандидатуры Японии – обеих Корей и КНР [28. Р. 68]. Из чего следует очевидное замедление переговорного процесса относительно предстоящих реформ Совбеза.

Как уже упоминалось выше, особые сложности в реформировании СБ занимает наличие права вето у постоянных членов СБ ООН. По поводу права вето существует несколько позиций. Одно из предложений заключается в полной отмене права, однако такой вариант является самым маловероятным из всех. Другое, выше отмеченное мнение исходит от стран Африки, которые призывают расширить это право на всех новых постоянных членов [29]. Третий вариант строится на некотором ограничении вето, т.е. наделении постоянного члена лишь $\frac{1}{2}$ права, тогда для наложения запрета на резолюцию потребуется два или три голоса против из совокупного числа постоянных членов СБ.

В свою очередь, позиция пяти постоянных членов заключается в том, что необходимо оставить все, как есть: причина этого кроется, во-первых, в их нежелании потерять свою эксклюзивную по сравнению с другими государствами – членами ООН привилегию, полностью или частично отказываясь от этого права. Во-вторых, они опасаются, что предоставление подобного права всем новым постоянным членам еще больше затруднит работу СБ. Хотя необходимо признать, что, к примеру, Франция и Великобритания отказались от блокирования резолюций, касающихся особо важных проблем, например массовых преступлений, призывая остальных последовать их примеру. Однако США, Россия и Китай выступают за полное сохранение права вето.

Между тем полная или частичная отмена права вето в ближайшее время не произойдет, потому что против этого выступают, прежде всего, постоянные члены СБ. Однако и в случае появления новых постоянных членов предоставление им права вето в полном объеме кажется маловероятным, хотя бы и в ближайшей перспективе.

В настоящее время также в СБ обсуждается проблема находящихся под его управлением Военно-штабного Комитета и «голубых касок» (миротворческого контингента) [30. С. 24]. Помимо прочего, рассматриваются проблема демократизации в ходе принятия решений, в частности, «приглашение конфликтующих сторон для участия в заседаниях СБ или проведение открытых заседаний СБ до принятия принципиально важных резолюций» [31. С. 101] и ряд других важных мер.

Относительно сроков реализации по реформированию СБ ООН можно сказать, что, скорее всего, в среднесрочной перспективе данная инициатива не состоится, если не произойдет каких-либо весомых изменений на международной арене. Прежде всего, не стоит забывать, что для одобрения резолюции по реформе необходимо $\frac{2}{3}$ голосов ГА и согласие всех постоянных членов СБ, однако позиции этих держав

противоречат друг с другом. Кроме этого, на сегодняшний момент нет активного инициатора реформ: США не сильно заинтересованы в реформировании, а для Евросоюза первостепенная задача состоит в преодолении внутреннего кризиса из-за случившегося в 2016 г. брекзита. Тем более, пока в мире не будет устранена большая часть последствий пандемии, вызванной новой коронавирусной инфекцией (COVID-19), приоритет проведения реформ ООН будет достаточно невысоким.

В настоящий момент неизвестно, какие выводы сделают государства и международное сообщество после выхода из пандемии. Однако и до начала эпидемии вируса COVID-19 в ООН уже наметилась еще большая тенденция к ослаблению ее роли на мировой арене, чему способствовала позиция прошлого руководства США при Дональде Трампе, которое покинуло ЮНЕСКО (2017 г.) и Совет по правам человека (2018 г.). Однако новая администрация президента Джозефа Байдена планирует вновь вернуться в Совет по правам человека. В этом отношении интересен пример отношения Вашингтона к Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ), когда весной 2020 г., возлагая вину на ВОЗ за ухудшение ситуации внутри США в связи с пандемией, Дональд Трамп с 14 апреля прекратил финансирование этой организации, но Байден в день инаугурации подписал указ об отмене этого решения. Тем не менее у американского руководства в ближайшей повестке дня вопрос реформирования ООН не стоит, поскольку первоначально новой команде необходимо решить внутренние проблемы, вызванные пандемией коронавируса и последующим экономическим кризисом, а также с внутренней политической нестабильностью после президентских выборов. Между тем администрация нового президента, как и сам Байден, ни разу не высказывались по вопросу реформ в ООН в ходе президентской кампании и после победы.

Помимо прочего, стоит признать, что стороны не способны договориться без ущемления прав одной из них, а многополярность, как одно из качественных особенностей современных международных отношений, еще больше затрудняет процесс нахождения компромисса. Современная система международных отношений входит в стадию многополюсного мира, действительно распространяющуюся на весь земной шар, и подобного у человечества еще никогда не было. Однако многополярность вряд ли будет долговечна, и однажды наступит момент, когда появятся новые центры и новые активные игроки на международной арене. Сегодня настало такое время, когда старая система международных отношений уже разрушена, но на ее месте пока не образовалась новая. Все институты, поддерживающие стабильность прежней системы, продолжают существовать. Это касается и ООН. Нельзя утверждать, что с крушением одной системы международных отношений произойдет ликвидация всех ее институтов. Ярким примером, подтверждающим данный постулат, может служить Лига Наций, которая официально прекратила свое существование только в 1946 г., хотя Версальская международная система рухнула еще в конце 1930-х гг.

Как показывают современные события, развитым государствам, имеющим значительно влияние на международную систему, легче договариваться между собой напрямую, нежели выставлять различные международные проблемы на обсуждение ООН. Тем не менее стоит заметить, что многие государства-члены ООН осознают необходимость реформирования Совета Безопасности и Организации в целом, но этот процесс среди них вызывает серьезную неопределенность и множество ярых дискуссий.

Список источников

1. Declaration by United Nations. Washington, D.C., January 1, 1942. URL: <http://www.ibiblio.org/pha/policy/1942/420101a.html> (дата обращения: 15.02.2021).
2. Устав Организации Объединенных Наций. Сан-Франциско, 26 июня 1945 г. URL: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения: 15.02.2021).
3. Барановский В. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 5. С. 7–23. doi: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-7-23
4. Allied Joint Force Command Naples Fact Sheets. URL: <https://web.archive.org/web/20081110153404/http://www.afsouth.nato.int/factsheets/DeliberateForceFactSheet.htm> (дата обращения: 19.11.2020).
5. Dayton Peace Agreement. Dayton, November 30, 1995. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/BA_951121_DaytonAgreement.pdf (дата обращения: 15.02.2021).
6. A Historical Overview Sets Out NATO's Role in Relation to the Conflict in Kosovo. URL: <https://www.nato.int/kosovo/all-frce.htm#pb> (дата обращения: 15.02.2021).
7. The Washington Declaration. Washington, D.C., April 24, 1999. URL: <https://www.nato.int/docu/pr/1999/p99-063e.htm> (дата обращения: 15.02.2021).
8. Baumann M.-O. Forever North–South? The Political Challenges of Reforming the UN Development System // Journal Third World Quarterly. 2018. Vol. 39. № 4. P. 626–641. doi: 10.1080/01436597.2017.1408405
9. Совет Безопасности. Официальные отчеты. 2167-е заседание. Нью-Йорк, 12 сентября 1979 г. URL: [https://undocs.org/ru/S/PV.2167\(OR\)](https://undocs.org/ru/S/PV.2167(OR)) (дата обращения: 15.02.2021).
10. Выступление Бутроса Бутроса-Гали по случаю назначения на должность Генерального Секретаря. Нью-Йорк, 3 декабря 1991 г. URL: <https://www.un.org/ru/sg/formersg/apv59.pdf> (дата обращения: 15.02.2021).
11. Бутрос-Гали Б. Непокоренная Организация Объединенных Наций. М.: XXI век – Согласие, 2000.
12. Резолюция ООН A/48/PV.69 «Справедливое представительство в Совете Безопасности и расширении его членского состава». Нью-Йорк, 3 декабря 1993 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/48/26> (дата обращения: 15.02.2021).
13. Резолюция ООН A/53/L.46 «Вопрос о справедливом представительстве в Совете Безопасности и расширении его членского состава и связанные с этим вопросы». Нью-Йорк, 23 ноября 1998 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/53/L.46> (дата обращения: 15.02.2021).

14. Резолюция ООН A/RES/52/12 A «Обновление ООН: программа реформы». Нью-Йорк, 12 ноября 1997 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/52/12> (дата обращения: 15.02.2021).
15. Резолюция ООН A/RES/57/300 «Укрепление системы ООН: программа дальнейших преобразований». Нью-Йорк, 20 декабря 2002 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/57/300> (дата обращения: 15.02.2021).
16. Резолюция ООН A/59/2005 «При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех». Нью-Йорк, 21 марта 2005 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/59/2005> (дата обращения: 15.02.2021).
17. Weiss T.G., Carayannis T. Windows of Opportunity for UN Reform: Historical Insights for the Next Secretary-General // *International Affairs*. 2017. Vol. 93. № 2. P. 309–326. DOI: 10.1093/ia/iiv061
18. UN Resolution ST/ADM/SER.B/1008. “Assessment of Member States’ Advances to the Working Capital Fund for 2020 and Contributions to the United Nations Regular Budget for 2020”. New York, December 30, 2019. URL: <https://undocs.org/en/ST/ADM/SER.B/1008> (дата обращения: 15.02.2021).
19. UN Documents on Security Council Reform. URL: <https://www.globalpolicy.org/security-council/security-council-reform/un-documents.html> (дата обращения: 15.02.2021).
20. Резолюция ООН A/59/L.64 «Реформа Совета Безопасности». Нью-Йорк, 6 июля 2005 г. URL: <https://undocs.org/ru/a%20/%2059%20/%20L.64> (дата обращения: 15.02.2021).
21. Common African Position on Security Council Reform. New York, March 9, 2005. URL: <https://www.globalpolicy.org/security-council/security-council-reform/41201.html> (дата обращения: 15.02.2021).
22. UN Resolution A/59/L.67. «Question of Equitable Representation on and Increase in the Membership of the Security Council and Related Matters». New York, July 14, 2005. URL: <https://www.globalpolicy.org/images/pdfs/0718aresolution.pdf> (дата обращения: 15.02.2021).
23. The Text on Security Council Reform. ‘Uniting for Consensus’ Group of States. New York, July 26, 2005. URL: <https://www.un.org/press/en/2005/ga10371.doc.htm> (дата обращения: 15.02.2021).
24. Злоказова Н.Е. Реформа Совета Безопасности ООН: основные сценарии и проблемы // *Вестник Всероссийской государственной налоговой академии*. 2008. № 2. С. 1–13.
25. Доклад Кофи Аннана «При большей свободе». Нью-Йорк, 21 марта 2005 г. URL: https://www.un.org/ru/sg/annan_messages/2005/largerfreedom.shtml (дата обращения: 15.02.2021).
26. Резолюция ООН A/59/565 «Последующие меры по итогам Саммита тысячелетия». Нью-Йорк, 2 декабря 2004 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/59/565> (дата обращения: 15.02.2021).
27. Mendes F.P. O Brasil e a reforma do Conselho de Segurança: uma análise realista // *Contexto Internacional*. 2015. Vol. 37. № 1. P. 113–142. doi: 10.1590/S0102-85292015000100004
28. Manish S.D. India’s Pursuit of United Nations Security Council Reforms // *Rising India and Its Global Governance Imperatives*. 2017. Vol. 2. № 3. P. 63–73. URL: <https://risingpowersproject.com/quarterly/indias-pursuit-united-nations-security-council-reforms/> (дата обращения: 15.02.2021).
29. Common African Position on Security Council Reform. New York, March 9, 2005. URL: <https://www.globalpolicy.org/security-council/security-council-reform/41201.html> (дата обращения: 15.02.2021).
30. Никитин А. Миротворчество ООН: обновление принципов, реформирование практики // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60, № 3. С. 16–26.
31. Кортунов С. Реформа ООН и национальные интересы России // *Вестник аналитики*. 2005. № 22. С. 145–175.

References

1. United Nations. (1946) *Declaration by United Nations*. [Online] Available from: <http://www.ibiblio.org/pha/policy/1942/420101a.html> (Accessed: 15.02.2021).
2. United Nations. (1945) *United Nations Charter*. [Online] Available from: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (Accessed: 15.02.2021). (In Russian).
3. Baranovskiy, V. (2019) New international order: overcoming or transforming the existing pattern? *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 5 (63). pp. 7–23. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-7-23
4. AFSOUTH Fact sheets. (2002). *Operation Deliberate Force*. [Online] Available from: <https://web.archive.org/web/20081110153404/http://www.afsouth.nato.int/factsheets/DeliberateForceFactSheet.htm> (Accessed: 19.11.2020).
5. United Nations. (1995) *Dayton Peace Agreement* [Dayton Peace Agreement]. [Online] Available from: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/BA_951121_DaytonAgreement.pdf (Accessed: 15.02.2021).
6. North Atlantic Treaty Organization. (1999) *A Historical Overview Sets Out NATO’s Role in Relation to the Conflict in Kosovo*. [Online] Available from: <https://www.nato.int/kosovo/all-fre.htm#pb> (Accessed: 15.02.2021).
7. North Atlantic Treaty Organization. (1999) *The Washington Declaration*. Washington, D.C., April 24, 1999. [Online] Available from: <https://www.nato.int/docu/pr/1999/p99-063e.htm> (Accessed: 15.02.2021).
8. Baumann, M.-O. (2018) Forever North–South? The Political Challenges of Reforming the UN Development System. *Journal Third World Quarterly*. 4 (39). pp. 626–641. (In Russian). DOI: 10.1080/01436597.2017.1408405
9. United Nations. (1979) *Sovet Bezopasnosti. Ofitsial’nye otchety. 2167-e zasedanie* [The Security Council. Official reports. 2167th meeting]. [Online] Available from: [https://undocs.org/ru/S/PV.2167\(OR\)](https://undocs.org/ru/S/PV.2167(OR)) (Accessed: 15.02.2021).
10. United Nations. (1991) *Vystuplenie Butrosa Butros-Gali po sluchayu naznacheniya na dolzhnost’ General’nogo Sekretarya*. New York, 3 December, 1991 [Speech by Boutros Boutros-Ghali on the occasion of his appointment to the post of Secretary-General. New York, December 3, 1991]. [Online] Available from: <https://www.un.org/ru/sg/formersg/apv59.pdf> (Accessed: 15.02.2021).
11. Boutros-Ghali, B. (2000) *Nepokorennaya Organizatsiya Ob’edinennykh Natsiy* [The Unconquered United Nations]. Moscow: XXI vek – Soglasie.
12. United Nations. (1993) *Rezolyutsiya OON A/48/PV.69 “Spravedlivoe predstavitel’svo v Sovete Bezopasnosti i rasshirenii ego chlenskogo sostava”* [UN resolution A/48/PV.69 “Equitable representation in the Security Council and expansion of its membership”]. [Online] Available from: <https://undocs.org/ru/A/RES/48/26> (Accessed: 15.02.2021).
13. United Nations. (1998) *Rezolyutsiya OON A/53/L.46 “Vopros o spravedlivom predstavitel’sve v Sovete Bezopasnosti i rasshirenii ego chlenskogo sostava i svyazannye s etim voprosy”* [UN resolution A/53/L.46 “Question of equitable representation on and increase in the membership of the Security Council and related matters”]. [Online] Available from: <https://undocs.org/ru/A/53/L.46> (Accessed: 15.02.2021).
14. United Nations. (1997) *Rezolyutsiya OON A/RES/52/12 A “Obnovlenie OON: programma reformy”* [UN resolution A/RES/52/12 A “UN renewal: a reform agenda”]. [Online] Available from: <https://undocs.org/ru/A/RES/52/12> (Accessed: 15.02.2021).
15. United Nations. (2002) *Rezolyutsiya OON A/RES/57/300 “Ukreplenie sistemy OON: programma dal’neyshikh preobrazovaniy”* [UN resolution A/RES/57/300 “Strengthening the UN system: a program for further transformation”]. [Online] Available from: <https://undocs.org/ru/A/RES/57/300> (Accessed: 15.02.2021).
16. United Nations. (2005) *Rezolyutsiya OON A/59/2005 “Pri bol’shey svobode: k razvitiyu, bezopasnosti i pravam cheloveka dlya vsehkh”* [UN resolution A/59/2005 “In larger freedom: towards development, security and human rights for all”]. [Online] Available from: <https://undocs.org/ru/A/59/2005> (Accessed: 15.02.2021).

17. Weiss, T.G. & Carayannis, T. (2017) Windows of Opportunity for UN Reform: Historical Insights for the Next Secretary-General. *International Affairs*. 2 (93), pp. 309–326. (In Russian). DOI: 10.1093/ia/iiv061
18. United Nations. (2019) *UN Resolution ST/ADM/SER.B/1008. "Assessment of Member States' Advances to the Working Capital Fund for 2020 and Contributions to the United Nations Regular Budget for 2020"*. [Online] Available from: <https://undocs.org/en/ST/ADM/SER.B/1008> (Accessed: 15.02.2021).
19. Global Policy Forum. (n.d.) *UN Documents on Security Council Reform*. [Online] Available from: <https://www.globalpolicy.org/security-council/security-council-reform/un-documents.html> (Accessed: 15.02.2021).
20. United Nations. (2005) *Rezolyutsiya OON A/59/L.64 "Reforma Soveta Bezopasnosti"* [UN resolution A/59/L.64 "Security Council reform"]. [Online] Available from: <https://undocs.org/ru/a%20/%2059%20/%20L.64> (Accessed: 15.02.2021).
21. Global Policy Forum. (2005) *Common African Position on Security Council Reform*. [Online] Available from: <https://www.globalpolicy.org/security-council/security-council-reform/41201.html> (Accessed: 15.02.2021).
22. Global Policy Forum. (2005) *UN Resolution A/59/L.67. "Question of Equitable Representation on and Increase in the Membership of the Security Council and Related Matters"*. [Online] Available from: <https://www.globalpolicy.org/images/pdfs/0718auresolution.pdf> (Accessed: 15.02.2021).
23. United Nations. (2005) *The Text on Security Council Reform. 'Uniting for Consensus' Group of States*. [Online] Available from: <https://www.un.org/press/en/2005/ga10371.doc.htm> (Accessed: 15.02.2021).
24. Zlokazova, N.E. (2008) Reforma Soveta Bezopasnosti OON: osnovnye stsennari i problemy [Reform of the UN Security Council: main scenarios and problems]. *Vestnik Vserossiyskoy Gosudarstvennoy Nalogovoy Akademii*. 2. pp. 1–13.
25. United Nations. (2005) *Doklad Kofi Annana "Pri bol'shey svobode"* [Kofi Annan's report "In larger freedom"]. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/sg/annan_messages/2005/largerfreedom.shtml (Accessed: 15.02.2021).
26. United Nations. (2004) *Rezolyutsiya OON A/59/565 "Posleduyushchie mery po itogam Sammita tysyacheletiya"* [UN resolution A/59/565 "Follow-up to the outcome of the Millennium Summit"]. [Online] Available from: <https://undocs.org/ru/A/59/565> (Accessed: 15.02.2021).
27. Mendes, F.P. (2015) O Brasil e a reforma do Conselho de Segurança: uma análise realista. *Contexto Internacional*. 1 (37). pp. 113–142. DOI: 10.1590/S0102-85292015000100004
28. Manish, S.D. (2017) India's Pursuit of United Nations Security Council Reforms. *Rising India and Its Global Governance Imperatives*. 3 (2). pp. 63–73. [Online] Available from: <https://risingpowersproject.com/quarterly/indias-pursuit-united-nations-security-council-reforms/> (Accessed: 15.02.2021).
29. Global Policy Forum. (2005) *Common African Position on Security Council Reform*. [Online] Available from: <https://www.globalpolicy.org/security-council/security-council-reform/41201.html> (Accessed: 15.02.2021).
30. Nikitin, A. (2016) United Nations peace operations: reconsidering the principles, reforming the practice. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 3 (60). pp. 16–26. (In Russian).
31. Kortunov, S. (2005) Reform of UN and national interests of Russia. *Bezopasnost' Evrazii*. 3 (21). pp. 145–175. (In Russian).

Информация об авторах:

Власова К.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета (г. Киров, Россия); старший научный сотрудник отдела Черноморья – Средиземноморья Института Европы Российской академии наук (г. Москва, Россия). E-mail: vlasovaksen@gmail.com

Тимченко В.А. – студент кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета (г. Киров, Россия). E-mail: timchenko.vladislav.ru@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

K.V. Vlasova, Cand. Sci. (History), associate professor, Department of History and Political Sciences, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation); senior researcher, Department of the Black Sea and Mediterranean Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (IE RAS) (Moscow, Russian Federation). E-mail: vlasovaksen@gmail.com

V.A. Timchenko, student, Department of History and Political Sciences, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: timchenko.vladislav.ru@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.02.2021;
одобрена после рецензирования 18.03.2022; принята к публикации 28.03.2022.

The article was submitted 21.02.2021;
approved after reviewing 18.03.2022; accepted for publication 28.03.2022.

Научная статья
УДК 140
doi: 10.17223/15617793/476/14

Технологии позиционирования оборонно-промышленного комплекса в стратегии российского национального брендинга как ответ на глобальные угрозы и вызовы

Елена Александровна Данилова^{1, 2}

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

²Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, elena.a.danilova@yandex.ru

Аннотация. Проанализированы направления реализации стратегии национального брендинга применительно к российскому национальному менталитету, историческому героическому прошлому, специфической структуре промышленности и актуализации ценности национальной безопасности в системе современных вызовов и угроз. Дан прогноз перспектив реализации политики памяти для укрепления национальной идентичности и формирования национального бренда на базе инновационных компетенций ОПК во внутри- и внешнеполитическом аспектах.

Ключевые слова: национальный брендинг, инновации, оборонно-промышленный комплекс, позиционирование оборонной отрасли, «инновационные пояса», национальная идея, патриотизм, политика памяти

Для цитирования: Данилова Е.А. Технологии позиционирования оборонно-промышленного комплекса в стратегии российского национального брендинга как ответ на глобальные угрозы и вызовы // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 130–138. doi: 10.17223/15617793/476/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/14

Technology for positioning the military-industrial complex in the strategy of Russian national branding as a response to global threats and challenges

Elena A. Danilova^{1, 2}

¹Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

²National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, elena.a.danilova@yandex.ru

Abstract. The article is aimed at studying the symbolic and political grounds for the formation of a strategy for national branding of the Russian Federation using the innovative competencies of the domestic military-industrial complex and their positioning in the context of modern global challenges and threats. A study of the foreign policy situation indicates an increase in geopolitical tension and an increase in the values of national security and defense capabilities, which form the basis of the identity of the national brand of the Russian Federation. The intensification of efforts in the field of international branding of armed forces and military associations indicates the need for similar measures by Russia. The study is based on value and historical approaches that allow us to determine the competitive identity and symbolic foundations of the Russian national brand in the field of defense industry, method of unincorporated observation, the induction method in terms of studying certain successful practices of positioning the defense industry for their possible further replication as part of the implementation of the national branding strategy. An important part of the national branding strategy is the implementation of an active memory policy in order to consolidate in the mass consciousness a special perception of some historical events to design a projective image of the future. Political elites and the state as a whole play a key role in carrying out events within the framework of the policy of remembrance and national branding in general. The topic of the defense industry occupies a significant place in the rhetoric of the Russian top leadership, including Russian President Vladimir Putin, which indicates the possibility of implementing national branding in this way. Imagery and visualization in systematic messages about products, projects and developments in the domestic defense industry, which is strategically significant and one of the most innovative industries in the Russian economy, ensure the effectiveness of the national branding strategy of the Russian Federation. The modern policy of innovation contributes to the fillability of the national brand, specifies it. The use of innovation tools by innovative actors in strategic industries, including in the field of defense and security, allows us to identify Russian “innovative belts”, whose representatives can co-realize the strategy of national branding. The article identifies key target audiences and subjects of national branding, offers recommendations for its practical step-by-step implementation. A forecast of the prospects for the implementation of the policy of forming a national brand on the basis of innovative competencies of the defense industry in the domestic and foreign policy aspects has been given. A conceptual model of the national branding of the Russian Federation is presented, based on the innovative competencies of the defense industry and including a memory policy.

Keywords: national branding, innovation, military-industrial complex, positioning of defense industry, “innovative belts”, national idea, patriotism, memory policy

For citation: Danilova, E.A. (2022) Technology for positioning the military-industrial complex in the strategy of Russian national branding as a response to global threats and challenges. *Vestnik Tomskogo gosudarstvenno uni-versiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 130–138. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/14

Россия в системе глобальных вызовов и угроз.

Глобальная геополитическая нестабильность, серьезные вызовы и угрозы национальной безопасности РФ определяют значимость формирования стратегии национального брендинга России, основанную на ценностях национальной безопасности и обороноспособности. Усиливается глобальная конфронтация с блоком западных стран во главе с США, реализующих недружественную политику в отношении России. В Национальной оборонной стратегии США в январе 2018 г. Россия включена в пять главных угроз национальной безопасности [1]. Прекращение Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности по инициативе США в июне 2020 г. [2], выход США из Договора по открытому небу в ноябре 2020 г. [3], попытки США выйти из Договора о стратегических наступательных вооружениях, включая ядерное оружие [4] (который, тем не менее, буквально в последний момент удалось пролонгировать на пять лет в феврале 2021 г. благодаря телефонным переговорам президентов США и РФ [5]) создают выраженную геополитическую напряженность как в российско-американских отношениях, так и дестабилизирует мировую обстановку в целом.

Параллельно с этим в США продолжается дискуссия по поводу перспективной военной стратегии, основой которой является определение приоритетов в выборе между КНР, Россией и остальными угрозами. Вызовом для РФ может стать свёртывание американского военного присутствия в Сирии и Афганистане, когда Россия может оказаться перед лицом более серьёзного уровня террористической угрозы на территории этих стран, который ей придётся нейтрализовать практически самостоятельно [6], что определяет серьезные вызовы российской национальной безопасности со стороны ее геополитического подбрюшья в Центральной Азии. Существенные расхождения наблюдаются в отношениях с европейскими странами, особенно с Германией, реализующей проамериканскую политику. Политическая дестабилизация на постсоветском пространстве, продолжающийся военно-политический конфликт на Украине [7], расшатывание внутривосточной ситуации в Беларуси [8], военно-политический конфликт в Нагорном Карабахе, развивающийся под давлением Турции и западных стран [9], попытки политической дестабилизации Казахстана [10], размещение иностранных военных баз в достаточной близости от границ России актуализируют проблему обеспечения национальной безопасности и обороноспособности государства.

«Компаративный анализ брендинга вооружений и военных организаций, представляющих потенциальную угрозу для России (НАТО, вооруженных сил ЕС) указывает на актуальность применения аналогичных мер на основании национального исторического, социально-культурного и политического опыта реализации стратегии брендинга национальной оборонной отрасли на базе

инновационных компетенций отечественного ОПК» [11]. Однако западные исследователи также обращают внимание на тему российской военной трансформации и модернизации вооружений в части увеличения бюджетирования российской Государственной программы вооружений, ситуации с активным развитием наземных войск, воздушных сил, военно-морского флота, противовоздушной обороны [12]; международного распространения легкого стрелкового оружия, например легендарного автомата «Калашников» [13].

Национальный брендинг: политика памяти и поиск национальной идеи. В условиях усиливающейся геополитической напряженности перед российской политической элитой и научным политологическим сообществом стоит важная задача формирования российского национального бренда с опорой на ключевые компетенции государства (в том числе в стратегических отраслях промышленности) и на базовые общественные ценности. Исследователи отмечают отсутствие внятной проективной составляющей, размытость образа будущего [14]. Остро выражена потребность в поиске национальной идеи, которая, с одной стороны, объединяла бы российское общество, а с другой стороны, укрепляла геополитический вес России на мировой арене. Идентичность национального бренда, его суть обязательно должны быть связаны с символическим архетипическим капиталом государства. Во временном ракурсе политика национального брендинга охватывает национальное прошлое, настоящее и будущее. В этом смысле частью стратегии национального брендинга является политика памяти как целенаправленное конструирование в массовом сознании символического восприятия прошлого. Историческая память как концепт конституирует развитие страны и нации, определяет основы национального самосознания в качестве стержня общества и народа [15. С. 130]. Реализация национальной политики памяти – значимое условие эффективного позиционирования страны на международной арене и внутривосточной консолидации общества [16. С. 289; 17. С. 126; 18. С. 50].

Историческая память выступает значимым ресурсом национальной безопасности [19]. Политика памяти осуществляется через систему образования, включая патриотическое воспитание, и коммеморативные инструменты (музеи, выставки, памятники и проч.). Эффективными практиками в проведении политики памяти являются концерты, посвященные значимым историческим датам, тематические фестивали, художественные фильмы и литература. Необходимо использовать новейшие тенденции развития информационного пространства, интернета, а также всевозможных визуальных форм передачи информации [20. С. 23–25]. Таким образом, современная политика памяти является комплексом коммеморативных и обра-

звательных практик, позволяющих правящей элите конструировать образы прошлого в «нужной» интерпретации для усиления собственных позиций. При этом историческая память используется для создания перспективного образа страны, и политика памяти фактически формирует образ будущего.

Политика конструирования национального бренда предполагает использование комплекса маркетинговых и социально-политических технологий в целях формирования образа государства на основе ценностной идеи, разделяемой большинством. Конструирование национального бренда происходит в условиях глобальной медиатизации: речь идет не только о влиянии медиа на восприятие предмета, но и гораздо более глубокой трансформации: форматируется и восприятие, и сам предмет [21. С. 24]. В целом отмечается необходимость использования инновационных технологий в стратегии брендинга [22, 68] как способа усиления инновационного потенциала территорий. Преобладание отношенческой парадигмы в современном политическом маркетинге предполагает ориентацию на потребителя при использовании технологий брендинга территорий как политического товара [23–26].

Идентичность национального бренда прочно соединена с символическим культурным капиталом государства и его ценностными ориентирами. Национальный брендинг должен быть включен в государственную политическую практику на системной основе. Центральная идея, идентичность национального бренда для достижения максимальной эффективности учитывает актуальную внутрисполитическую и внешнюю конъюнктуру и нацелена на глобальную перспективу развития государства. Выявлено, что у брендинга страны есть значительное совпадение с публичной дипломатией, изучаются возможности применения стратегии «мягкой силы» при формировании международного образа страны на основе политико-культурных ценностей [27–33].

Стратегия реализации национального брендинга: цели и задачи. Всемирные процессы глобализации повысили значимость сохранения национальной идентичности для повышения конкурентоспособности большинства государств [34–38]. Заявлена проблема поиска национальной идеи, скрепляющей российскую нацию [39–42]. Важное значение имеет фокус национального брендинга на населении и социальной консолидации общества [43, 44]. Исследования ценностей патриотизма и великодержавности, проблемы доверия и легитимации власти как значимого социального капитала [45–50] во внутрисполитическом аспекте напрямую коррелируют с предметом национального брендинга. Во внешнеполитическом аспекте брендинг мест оценивается как стратегический инструмент пространственного планирования и как стратегическая коммуникационная структура в адрес иностранной общественности [51–55]. Значимым направлением является изучение роли государственного управления для развития брендов мест [56–58]. Ключевая роль в реализации политики национального брендинга принадлежит политическим эли-

там и государству в целом. Важную роль играет позиционирование в управлении стратегией бренда как процесс получения желаемой позиции в уме аудитории, владение определенным набором ассоциаций в контексте конкурирующих брендов [59–61].

Внутри- и внешнеполитический аспекты политики национального брендинга тесно взаимосвязаны. Во внутрисполитическом аспекте национальный брендинг направлен на решение таких ключевых задач государственной политики, как ценностная консолидация общества, укрепление доверия к власти, легитимация правящей элиты, снижение транзакционных издержек в политическом управлении, укрепление социально-политической стабильности, экономический рост. Во внешнеполитическом аспекте стратегия национального брендинга нацелена на усиление международного веса России и ее геополитической капитализации, возможностей влияния на установление глобальной повестки дня.

Национальный брендинг с опорой на компетенции оборонно-промышленного комплекса РФ. Реализация стратегии национального брендинга РФ опирается на текущую политическую конъюнктуру. Констатация факта ослабления и раздробленности систем глобальной и региональной безопасности и необходимости их укрепления в очередной раз была заявлена Президентом РФ В. Путиным в ходе заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» [62]. Роль балансира для поддержания устойчивости системы международных отношений закреплена за Россией в Стратегии национальной безопасности РФ-2021 [63]. Тематика оборонно-промышленного комплекса (ОПК) всегда занимает особое положение в риторике высшего российского руководства. Заметным сигналом гражданам, международной общественности и лидерам стран явилась статья Президента РФ В. Путина «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим» [64], направленная на позиционирование роли России в глобальной расстановке сил как в прошлом, так и в будущем. Важным шагом в стратегии национального брендинга с использованием тематики ОПК явилось послание Президента РФ Федеральному Собранию в 2018 г. о новейших российских вооружениях, подкрепленное убедительным видеорядом [65]. Практики визуализации имеют большое влияние на восприятие, неслучайно данный месседж вызывал активную реакцию в международных властных, общественных и медийных структурах.

Оборонно-промышленный комплекс является одной из перспективных стратегических отраслей в структуре российского национального брендинга, исторически являющийся драйвером развития отечественной промышленности, способствующий обеспечению внутрисполитической стабильности, в том числе за счет создания перспективных рабочих мест, усиливающий политический статус государства в глобальной политике. Для формирования политики национального брендинга в отраслевом ракурсе ОПК существует ряд серьезных оснований. Ценностные приоритеты и державные установки в российском

массовом сознании включают, наряду с показателями роста благосостояния населения и укрепления законности и справедливости в обществе, обеспечение национальной безопасности, и это определяет возможность реализации стратегии формирования национального бренда на основе оборонного потенциала страны в аспекте усиления субъектности в общемировом пространстве и гражданской консолидации населения. Доля россиян, ощущающих себя патриотами страны, неуклонно растет и в 2018 г. составила 92%, это максимум за 18 лет [66], что создает дополнительные условия для формирования политики национального брендинга в этом ключе.

Ключевое значение оборонной отрасли для истории России, победы национальной армии в боях, существенный упор на ОПК в советский период и инновационные отраслевые продукты и разработки в настоящее время определяют возможность для отрасли быть ключевым звеном стратегии национального брендинга. «Тема обеспечения национальной безопасности и обороноспособности и государства, эффективно справляющегося с этой задачей, может быть использована при формировании стратегии национального брендинга РФ в приложении к отраслевым инновациям ОПК оборонно-промышленного комплекса» [11. С. 180]. При этом активное участие РФ в международном сотрудничестве по линии ОПК, в том числе в сфере антитерроризма, науки и образования, коллаборации в области разработки технологий двойного назначения для гражданского сектора, в формировании системы глобальной безопасности в целом может способствовать наращиванию позитивных характеристик национального бренда России и укреплению геополитической стабильности.

Инновации ОПК в составе российского национального бренда. Согласно официальным документам, современная экономика и политика РФ развиваются в рамках инновационной парадигмы. Цели и основные направления модернизации и инновационного развития отечественной экономики определены в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [67], Основных направлениях деятельности Правительства на период до 2024 г., утвержденных Правительством Российской Федерации 29 сентября 2018 г. № 8028п-П13 [68], Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 [69], а также в иных документах. В связи с этим включение проблематики инноваций, наряду с традиционными ценностями, в стратегию формирования национального бренда повысит ее эффективность. Инновационность способствует наполняемости национального бренда, а оборонно-промышленный комплекс является одной из наиболее инновационных отраслей российской промышленности. В связи с этим реализация инновационной политики отраслевыми акторами (предприятиями, университетами, научными учреждениями ОПК) и диффузия инноваций в социально-политическую сферу спо-

собствуют сохранению национального научно-технологического суверенитета и формированию эффективного национального бренда России.

Стратегия национального брендинга в рамках ОПК может быть реализована через формирование инновационной политики в оборонной отрасли по модели «тройной спирали» [70. С. 112], т.е. совместная инновационная деятельность государства, предприятий и вузов, эффективное управление инновационной деятельностью стратегических субъектов ОПК и ее позиционирование в адрес ключевых целевых групп. Трансфер технологий двойного назначения из оборонно-промышленного комплекса в гражданский сектор способствует развитию не только оборонной отрасли, но и российской промышленности в целом как катализатор инновационных преобразований в других отраслях экономики и повышает репутационные характеристики государства.

«Анализ применения инструментов инноваций акторами в российских регионах позволяет определить “инновационные пояса”, т.е. регионы, располагающие существенным инновационным потенциалом: Центральный, Приволжский, Северо-Западный, Сибирский и отчасти Уральский благодаря концентрации наукоемких промышленных производств. Используя инструменты инноваций, субъекты стратегических отраслей, в том числе оборонно-промышленного комплекса, могут быть акторами реализации политики национального брендинга, представляя инновационные продукты и разработки. Формирование имиджа отдельных регионов и всей страны связано с наращиванием их инновационного потенциала и его наглядной репрезентацией вовне» [71. С. 61]. При этом требуется избирательный отбор информационных поводов, согласование их с представителями ОПК и экспертами с учетом закрытого характера отрасли.

Основными целевыми группами в практической реализации концептуальной модели формирования национального бренда РФ в области обороны и безопасности выступают предприятия ОПК (рис. 1), отраслевые вузы и научные учреждения (на начальном этапе – с целью их привлечения к участию в стратегии конструирования национального бренда), граждане страны, мировая общественность, международные образовательные организации, научные учреждения, органы власти и мировые лидеры. Ключевые субъекты в стратегии национального брендинга РФ с опорой на инновационные компетенции ОПК – это, прежде всего, государство, а также предприятия, вузы и научные учреждения оборонной отрасли. СМИ выступают инструментом передачи символических смысловых посланий в адрес целевых аудиторий.

При этом в условиях современного глобального информационного общества коммуникативный аспект реализации стратегии национального брендинга имеет, наряду с контентом, решающее значение. Использование инновационных технологий брендинга-коммуникаций, продуманная системная работа с целевыми аудиториями, правильно расставленные акценты, упор на восприятие через органы чувств, под-

держка значимых общественных ценностей значительно повысят эффективность реализации стратегии национального брендинга РФ.

Выводы и рекомендации. Для успеха реализации национального брендинга РФ необходимо предпринять следующие практические шаги: «1) разработка Концепции национального брендинга РФ на государственном уровне и включение в нее оборонно-промышленного комплекса как значимого национального бренда; 2) учреждение специального межведомственного органа, отвечающего за коммуникации органов власти и субъектов оборонно-

промышленного комплекса и проводящего работу со СМИ на системной основе; 3) выявление ключевых субъектов оборонно-промышленного комплекса посредством оценки их инновационного потенциала и перспективного планирования информационных поводов; 4) популяризация для широкой общественности инновационных проектов ОПК и инновационной деятельности ключевых субъектов отрасли; 5) внутреннее позиционирование значимости отрасли как способ мотивации к инновациям и развития оборонно-промышленного комплекса; 6) продвижение “инновационных поясов” и значимых субъектов ОПК в рамках национального брендинга» [72. С. 86].

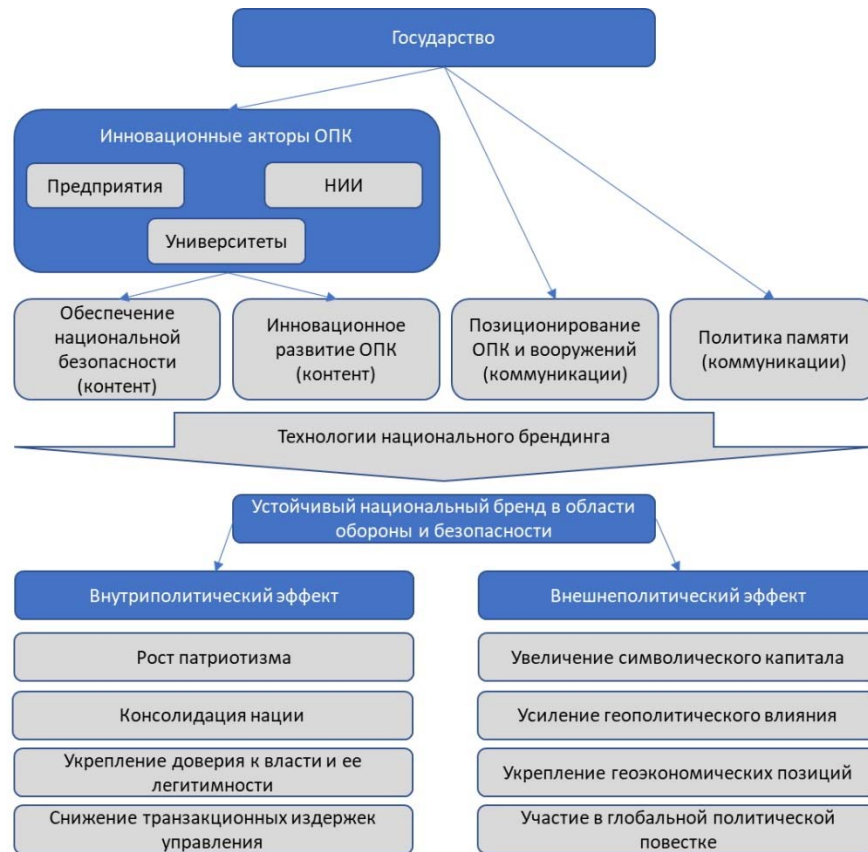

Рис. 1. Концептуальная модель позиционирования оборонно-промышленного комплекса РФ

Формирование системной стратегии национального брендинга на основе инновационных компетенций национального ОПК как одной из ключевых стратегических отраслей российской промышленности выступает политической задачей

номер один для наращивания геополитического веса и консолидации нации на основе значимой национальной идеи, реализации политики памяти и воспитания патриотизма перед лицом глобальных вызовов.

Список источников

1. США включили Россию в пятерку угроз национальной безопасности // РБК. 19.01.2019. URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/01/2018/5a61ccc09a7947061eb2ed36> (дата обращения: 06.12.2021).
2. США отказались от предложения Путина о продлении ДСНВ // Известия. 16.10.2020. URL: <https://iz.ru/1074771/2020-10-16/ssha-otkazalis-ot-predlozheniia-putina-o-prodlenii-dsnv> (дата обращения: 09.12.2021).
3. МИД РФ объявил о прекращении действия ДПСМД по инициативе США // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/671346> (дата обращения: 07.12.2021).
4. США выходят из Договора по открытому небу // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/738163> (дата обращения: 07.12.2021).
5. Россия и США продлили договор о ядерных ракетах // РБК. 3 февраля 2021 г. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/02/2021/601aa70d9a7947a0fb055ee1> (дата обращения: 22.11.2021).
6. Пентагон-2025: как изменится военная стратегия США при новом президенте // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pentagon-2025/> (дата обращения: 21.11.2020).

7. Лавров заявил об обязанности Киева досконально выполнить Минские соглашения // Lenta.ru. 17 января 2022 г. URL: https://lenta.ru/news/2022/01/17/plan_b_lavrov/ (дата обращения: 17.01.2022).
8. Год назад белорусы решили устроить революцию. Что стало с лидерами оппозиции, которые не смогли свергнуть Лукашенко? // Lenta.ru. 17 января 2022 года. URL: https://lenta.ru/articles/2021/07/21/babariko_i_co/ (дата обращения: 17.01.2022).
9. Обострение конфликта в Нагорном Карабахе // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/chronicle/obostrenie-konflikta-v-nagornom-karabahe.html?nw=1608043709000> (дата обращения: 12.12.2021)
10. Миротворцы стран – участниц ОДКБ после успешного выполнения своей миссии покидают Казахстан // Первый канал. 16 января 2022 г. URL: https://www.1tv.ru/news/2022-01-16/419521-mirotvortsy_stran_uchastnits_odkb_posle_ushpeshnogo_vypolneniya_svoey_misssii_pokidayut_kazakhstan?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 17.01.2022)
11. Данилова Е.А. Стратегия формирования национального бренда России в аспекте инновационного потенциала оборонно-промышленного комплекса РФ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 3 (51). С. 178–182.
12. Giles K. A New Phase in Russian Military Transformation // Journal of Slavic Military Studies. 2014. № 27 (1). P. 147–162.
13. Bolton M., Sakamoto E. E., Griffiths H. Globalization and the Kalashnikov: Public-Private Networks in the Trafficking and Control of Small Arms // Global Policy. 2012. № 3 (3). P. 303–313.
14. Титов В.В. Российская национально-государственная идентичность: социокультурные императивы трансформации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9, № 3 (39). С. 13–17.
15. Коваленко В.И., Понеделков А.В., Селин М.Г. Историческая память как категория политической науки // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 9 (124). С. 129–132.
16. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти : сб. науч. трудов / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М., 2018. С. 27–53.
17. Грибовод Е.Г., Ковба Д.М., Моисеенко Я.Ю. Национальная политика памяти в современной России: основные тенденции и инструменты // Дискурс-Пи. 2018. № 2 (31). С. 123–132.
18. Гапоненко Л.Б. Конструирование национальной идентичности в контексте политики памяти // Дискурс-Пи. 2020. Т. 17, № 3 (40). С. 40–53.
19. Воронцов С.А., Понеделков А.В. Историческая память как ресурс национальной безопасности // Восприятие итогов Великой Отечественной войны в молодежной среде современной России. Информационно-аналитические материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 28–29 февраля 2020 г. Ростов н/Д : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2020. С. 20–26.
20. Ибрапилова З.А. Историческая память как инструмент политического управления // Вестник Дагестанского государственного технического университета. Гуманитарные науки. Тринадцатый выпуск научно-теоретического сборника. Махачкала, 2019. С. 23–25.
21. Артамонова Ю. Д., Володков С. В. Медиатизация как исследовательский концепт: основные предпосылки, формирование и возможности дальнейшего развития // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2021. № 2 (28). С. 9–27.
22. Василенко И.А. Возможности инновационных технологий территориального брендинга для формирования современного имиджа российских регионов // Власть. 2016. № 1. С. 68–73.
23. Иващенко А.И. Современные технологии брендинга: сила архетипов // Бренд-менеджмент. 2015. № 4 (83). С. 200–219.
24. Speed R., Butler P., Collins N. Human Branding in Political Marketing: Applying Contemporary Branding Thought to Political Parties and Their Leaders // Journal of Political Marketing. 2015. Vol. 14 (1-2). P. 129–151.
25. Jørgensen O.H. Key performance indicators in Danish place and city branding – Proposal for a new brand strategy platform // Place Branding and Public Diplomacy. 2016. Vol. 12 (4). P. 339–351.
26. Кусраева О.А. Современная теория брендинга: разделение подходов на основе функциональной составляющей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 8: Менеджмент. 2017. Т. 16, № 1. С. 69–91.
27. Melissen J. The New Public Diplomacy: between theory and practice // The new public diplomacy. Soft power in international relations / ed. by J. Melissen. New York : Palgrave Macmillan, 2005. P. 3–27.
28. Nye J.S. Public diplomacy and soft power // The annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616 (1). P. 94–109.
29. Pamment J. Towards a new conditionality? The convergence of international development, nation brands and soft power in the British National Security Strategy // Journal of International Relations and Development. 2016. Vol. 2 (6). P. 1–19. doi: 10.1057/s41268-016-0074-9
30. Clarke D., Cento Bull A., Deganutti M. Soft power and dark heritage: multiple potentialities // International Journal of Cultural Policy. 2017. Vol. 23 (6). P. 660–674.
31. Fredholm S., Olsson K. Managing the image of the place and the past: contemporary views on place branding and heritage management // Place Branding and Public Diplomacy. 2017. Vol 1 (4). P. 1–11. doi: 10.1057/s41254-017-0068-4
32. Ведерникова М.И. Имидж страны как элемент «мягкой силы» // Политика и общество. 2018. № 1. С. 35–43.
33. Володина Л.В., Кострицкая Т.Б. Связи с общественностью как инструмент «мягкой силы» в управлении репутацией страны // Российская школа связей с общественностью. 2017. Т. 9. С. 124–132.
34. Turner G. The Nation-State and Media Globalisation: Has the Nation-State Returned – Or Did It Never Leave? // Global Media and National Policies. Palgrave Global Media Policy and Business / ed. by Flew T., Iosifidis P., Steemers J. London : Palgrave Macmillan, 2016. P. 92–105.
35. Song Y.-A., Sung Y. Antecedents of Nation Brand Personality // Corporate Reputation Review. 2013. Vol. 16 (1). P. 80–94.
36. Коротин В.О. Национальная идентичность в современном обществе в условиях глобализации // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 2 (47). С. 109–114.
37. Иванов В.Н. Влияние глобализационных процессов на национальную идентичность на современном этапе // Фундаментальные исследования. 2014. № 8. С. 1003–1007.
38. Игнатов К.Д. Роль национального бренда в формировании общей привлекательности и конкурентоспособности страны // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2016. № 44. С. 45–50.
39. Василенко И. Создавая образ России // Свободная мысль. 2014. № 1 (1643). С. 87–94.
40. Ветошкин А.П. Русская идея как стратегия развития страны // Зауральский научный вестник. 2014. № 2 (6). С. 95–102.
41. Кравченко В.А. «Русский мир» как бренд современной России // Культурная жизнь Юга России. 2016. № 1 (60). С. 98–101.
42. Лубский А.В., Посухова О.Ю. Проекты нацистроительства и модели национальной интеграции в России // Власть. 2016. № 8. С. 39–48.
43. Абдуллина Л.С. Идейные основы становления национальной идентичности в современной России // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20, № 2. С. 672–676.
44. Lindstedt J. Place, identity and the socially responsible construction of place brands // Place Branding and Public Diplomacy. 2011. Vol. 7 (1). P. 42–49.
45. Grishin O., Gudoshnikova O. State brand as a factor of consolidating society // Youth World Politic. 2014. Vol. 2. С. 80–84.
46. Глинская И.Ю. Формирование и продвижение бренд-имиджа России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16, № 1. С. 46–53.
47. Попов Г.Х. Великодержавность России XXI века // Мир новой экономики. 2015. № 4. С. 12–20.
48. Оболянский Г.В. Великодержавность и патриотизм россиян как предмет полемики и дискуссии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2016. № 8-2. С. 270–278.

49. Аватков В.А. О нации, идентичности и логиках современной России: основные сложности и решения // Национальная безопасность *nota bene*. 2016. № 6. С. 685–689.
50. Рыбчак П.Н. Доверие как категория политологического анализа // Управленческое консультирование. 2015. № 9. С. 164–174.
51. Oliveira E. Place branding as a strategic spatial planning instrument // *Place Branding and Public Diplomacy*. 2015. Vol. 11 (1). P. 18–33.
52. Lamour C. Territorial reputation beyond state borders? Metropolitan images in European borderlands // *Place Branding and Public Diplomacy*. 2014. Vol. 10 (1). P. 19–31.
53. Albrechts L. Reframing strategic spatial planning by using a coproduction perspective // *Planning Theory*. 2013. Vol. 12 (1). P. 46–63.
54. Foroudi P., Gupta S., Kitchen P., Foroudi M. M., Nguyen B. A framework of place branding, place image, and place reputation: Antecedents and moderators // *Qualitative Market Research*. 2016. Vol. 19 (2). P. 241–264.
55. Bose S., Kumar S. R., Nguyen B. Place Branding: Developing a Conceptual Framework for Place Image // Nguyen B., Melewar T.C., Schultz D.E. *Asia Branding: Connecting Brands, Consumers and Companies*. Palgrave Macmillan, 2016. 350 p.
56. Warnaby G., Ashworth G. J., Kavaratzis M. Sketching Futures for Place Branding Rethinking Place Branding // *Comprehensive Brand Development for Cities and Regions* / ed. by Kavaratzis M., Warnaby G., Ashworth G. J. Cham: Springer, 2015. P. 241–248.
57. Eshuis J., Klijn E. Branding in Governance and Public Management. London: Routledge, 2012. 188 p.
58. Cerda-Bertomeu M.J., Sarabia-Sanchez F.J. Stakeholders' perceptions of place branding and the role of the public sector: An exploratory analysis // *Place Branding and Public Diplomacy*. 2016. Vol. 12. P. 299–313.
59. Insch A. Positioning cities: Innovative and sustainable strategies for city development and transformation // *Place Branding and Public Diplomacy*. 2014. Vol. 10 (4). P. 249–252.
60. San Eugenio Vela J. The relationship between place branding and environmental communication: The symbolic management of places through the use of brands // *Place Branding and Public Diplomacy*. 2013. Vol. 9 (4). P. 254–263.
61. Brown S., McDonagh P., Shultz II C. J. A brand so bad it's good: The paradoxical place marketing of Belfast // *Journal of Marketing Management*. 2013. Vol. 29 (11/12). P. 1251–1276.
62. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. 24 октября 2014 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860>
63. Путин подписал указ о стратегии национальной безопасности // ТАСС. 3 июля 2021 г. https://www.vedomosti.ru/politics/news/2021/07/03/876797-putin-utverdil-strategiyu-natsbezopasnosti-rossii?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop
64. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63527> (дата обращения: 30.10.2020).
65. Послание Президента РФ Федеральному собранию // Президент России. 01.03.2018г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902> (дата обращения: 25.10.2020)
66. Что значит быть патриотом? ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3685 // ВЦИОМ. 09.06.2018. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chto-znachit-byt-patriotom> (дата обращения: 20.10.2020).
67. Президент подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 12.05.2021).
68. Утверждены Основные направления деятельности Правительства до 2024 года // Министерство экономического развития Российской Федерации. 1 октября 2018 г. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/utverzhdeny_osnovnye_napravleniya_deyatelnosti_pravitelstva_do_2024_goda.html (дата обращения: 12.05.2021).
69. Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 12.05.2021).
70. Ицкович Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2010. 238 с.
71. Данилова Е.А. Управление образами российских территорий путем наращивания инновационного потенциала вузов // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2015. № 1 (3). С. 60–65.
72. Данилова Е.А. «Инновационные пояса» как ключевые акторы формирования стратегии национального брендинга на основе компетенций ОПК РФ // Власть. 2016. № 9. С. 83–87.

References

1. RBC. (2019) USA vkluchili Russia v pyaterku ugroz natsional'noy bezopasnosti [The United States included Russia in the top five threats to national security]. *RBC*. 19 January. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/politics/19/01/2018/5a61ccc09a7947061eb2ed36> (Accessed: 06.12.2021).
2. Izvestiya. (2020) SShA otkazalis' ot predlozheniya Putina o prodlenii DSNV [The United States refused Putin's proposal to extend the DSNV]. *Izvestiya*. 16 October. [Online] Available from: <https://iz.ru/1074771/2020-10-16/ssha-otkazalis-ot-predlozheniya-putina-o-prodlenii-dsnv> (Accessed: 09.12.2021).
3. Interfaks – Interfax. (2019) MID RF ob'yavil o prekrashchenii deystviya DRSMD po initsiative SShA [The Russian Foreign Ministry announced the termination of the INF Treaty on the initiative of the United States]. *Interfaks – Interfax*. 2 August. [Online] Available from: <https://www.interfax.ru/russia/671346> (Accessed: 07.12.2021).
4. Interfaks – Interfax. (2020) USA vykhodyat iz Dogovora po otkrytomu nebu [The US withdraws from the Open Skies Treaty]. *Interfaks – Interfax*. 10 April. [Online] Available from: <https://www.interfax.ru/world/738163> (Accessed: 07.12.2021).
5. RBC. (2021) Russia and USA prodliili dogovor o yadernykh raketakh [Russia and the United States have extended the Nuclear Missile Treaty]. *RBC*. 3 February. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/politics/03/02/2021/601aa70d9a7947a0fb055ee1> (Accessed: 22.11.2021).
6. Rossiya v global'noy politike – Russia in Global Affairs. (2020) Pentagon-2025: kak izmenitsya voennaya strategiya SShA pri novom prezidente [Pentagon-2025: How the US military strategy will change under the new president]. *Rossiya v global'noy politike – Russia in Global Affairs*. 2 December. [Online] Available from: <https://globalaffairs.ru/articles/pentagon-2025/> (Accessed: 21.11.2020).
7. Lenta.ru. (2022) Lavrov zayavil ob obyazannosti Kievа doskonal'no vypolnit' Minskіe soglasheniya [Lavrov stated Kiev's obligation to thoroughly implement the Minsk agreements]. *Lenta.ru*. 17 January. [Online] Available from: https://lenta.ru/news/2022/01/17/plan_b_lavrov/ (Accessed: 17.01.2022).
8. Lenta.ru. (2022) God nazad belorusy reshili ustroit' revolyutsiyu. Chto stalo s liderami oppozitsii, kotorye ne smogli svergnut' Lukashenko? [A year ago, Belarusians decided to stage a revolution. What happened to the opposition leaders who failed to overthrow Lukashenko?]. *Lenta.ru*. 17 January. [Online] Available from: https://lenta.ru/articles/2021/07/21/babariko_i_co/ (Accessed: 17.01.2022).
9. Interfaks – Interfax. (2021–2022) Obostrenie konflikta v Nagornom Karabakhe [Escalation of the conflict in Nagorno-Karabakh]. *Interfaks – Interfax*. [Online] Available from: <https://www.interfax.ru/chronicle/obostrenie-konflikta-v-nagornom-karabahe.html?nw=1608043709000> (Accessed: 12.12.2021).
10. Pervyy kanal [Channel One]. (2022) *Mirotvortsy stran – uchastnits ODKB posle uspeshnogo vypolneniya svoey missii pokidayut Kazakhstan* [Peacekeepers of the CSTO member states leave Kazakhstan after the successful completion of their mission]. [Online] Available from: https://www.1tv.ru/news/2022-01-16/419521-mirotvortsy_stran_uchastnits_odkb_posle_ushpeshnogo_vypolneniya_svoey_missii_pokidayut_kazakhstan?utm_source=yxnews&utm_medium=de

sktop (Accessed: 17.01.2022).

11. Danilova, E.A. (2019) The strategy of the Russian national brand formation in the aspect of the innovation potential of the defense industry complex of the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 51 (3). pp. 178–182. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/51/18
12. Giles, K. (2014) A New Phase in Russian Military Transformation. *Journal of Slavic Military Studies*. 27 (1). pp. 147–162. DOI: 10.1080/13518046.2014.874850
13. Bolton, M., Sakamoto, E.E. & Griffiths, H. (2012) Globalization and the Kalashnikov: Public-Private Networks in the Trafficking and Control of Small Arms. *Global Policy*. 3 (3). pp. 303–313. DOI: 10.1111/j.1758-5899.2011.00118.x
14. Titov, V.V. (2019) Russian national-state identity: sociocultural imperatives of transformation. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta – Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 3 (39). pp. 13–17. (In Russian). DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-3-13-17
15. Kovalenko, V.I., Ponedelkov, A.V. & Selin, M.G. (2020) Istoricheskaya pamyat' kak kategoriya politicheskoy nauki [Historical memory as a category of political science]. *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*. 9 (124). pp. 129–132.
16. Malinova, O.Yu. (2018) Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki [The politics of memory as an area of symbolic politics]. In: Miller, A.I. & Efremenko, D.V. (eds) *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological Issues of Studying the Politics of Memory]. Moscow: Nestor-Istoriya. pp. 27–53.
17. Gribov, E.G., Kovba, D.M. & Moiseenko, Ya.Yu. (2018) National politics of memory in modern Russia: main trends and instruments. *Diskurs-Pi – Discourse-P*. 2 (31). pp. 123–132. (In Russian). DOI: 10.17506/dipi.2018.31.2.123132
18. Gaponenko, L.B. (2020) The construction of national identity in the context of the politics of memory. *Diskurs-Pi – Discourse-P*. 3 (40). pp. 40–53. (In Russian). DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10303
19. Vorontsov, S.A. & Ponedelkov, A.V. (2020) [Historical memory as a resource of national security]. *Vospriyatie itogov Velikoy Otechestvennoy voyny v molodezhnoy srede sovremennoy Rossii* [Perception of the Results of the Great Patriotic War in the Youth Environment of Modern Russia]. Proceedings of the All-Russian Conference. Rostov-on-Don. 28–29 February 2020. Rostov-on-Don: SRIM RANEP/Institute. pp. 20–26. (In Russian).
20. Israpilova, Z.A. (2019) Istoricheskaya pamyat' kak instrument politicheskogo upravleniya [Historical memory as a tool of political management]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. – Herald of Daghestan State Technical University. Humanities*. 13. pp. 23–25.
21. Artamonova, Yu.D. & Volodnikov, S.V. (2021) Mediatization as a research concept: main prerequisites of the formation and possibilities for further development. *ИПАЭХМА. Problemy vizual'noy semiotiki – Praxema. Journal of Visual Semiotics*. 2 (28). pp. 9–27. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2021-2-9-27
22. Vasilenko, I.A. (2016) Possibilities provided by innovative technologies for branding the formation of modern image of Russian regions. *Vlast'*. 1 (24). pp. 68–73. (In Russian).
23. Ivashchenko, A.I. (2015) Sovremennyye tekhnologii brendinga: sila arkhetyпов [Modern Branding Technologies: The Power of Archetypes]. *Brend-menedzhment*. 4 (83). pp. 200–219.
24. Speed, R., Butler, P. & Collins, N. (2015) Human Branding in Political Marketing: Applying Contemporary Branding Thought to Political Parties and Their Leaders. *Journal of Political Marketing*. 1-2 (14). pp. 129–151. DOI: 10.1080/15377857.2014.990833
25. Jørgensen, O.H. (2016) Key performance indicators in Danish place and city branding – Proposal for a new brand strategy platform. *Place Branding and Public Diplomacy*. 4 (12). pp. 339–351. DOI: 10.1057/s41254-016-0006-x
26. Kusraeva, O.A. (2017) Contemporary branding theory: division of approaches according to functional perspective. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 8: Menedzhment – Vestnik of Saint Petersburg University. Management*. 1 (16). pp. 69–91. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu08.2017.103
27. Melissen, J. (2005) The New Public Diplomacy: between theory and practice. In: Melissen, J. (ed.) *The new public diplomacy. Soft power in international relations*. New York: Palgrave Macmillan. pp. 3–27.
28. Nye, J.S. (2008) Public diplomacy and soft power. *The annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1 (616). pp. 94–109. DOI: 10.1177/0002716207311699
29. Pamment, J. (2016) Towards a new conditional? The convergence of international development, nation brands and soft power in the British National Security Strategy. *Journal of International Relations and Development*. 6 (2). pp. 1–19. DOI: 10.1057/s41268-016-0074-9
30. Clarke, D., Cento Bull, A. & Deganutti, M. (2017) Soft power and dark heritage: multiple potentialities. *International Journal of Cultural Policy*. 6 (23). pp. 660–674. DOI: 10.1080/10286632.2017.1355365
31. Fredholm, S. & Olsson, K. (2017) Managing the image of the place and the past: contemporary views on place branding and heritage management. *Place Branding and Public Diplomacy*. 4 (1). pp. 1–11. DOI: 10.1057/s41254-017-0068-4
32. Vedernikova, M.I. (2018) Country's image as an element of "soft power". *Politika i obshchestvo – Politics and Society*. 1. pp. 35–43. (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0684.2018.1.22501
33. Volodina, L.V. & Kostitskaya, T.B. (2017) Public relations as a tool of "soft" power in the management of the reputation of the country. *Rossiyskaya shkola svyazey s obshchestvennost'yu*. 9. pp. 124–132. (In Russian).
34. Turner, G. (2016) The Nation-State and Media Globalisation: Has the Nation-State Returned – Or Did It Never Leave? In: Flew, T., Iosifidis, P. & Steemers, J. (eds) *Global Media and National Policies*. London: Palgrave Macmillan. pp. 92–105.
35. Song, Y.-A. & Sung, Y. (2013) Antecedents of Nation Brand Personality. *Corporate Reputation Review*. 16 (1). pp. 80–94. DOI: 10.1057/crr.2012.24
36. Korotin, V.O. (2015) National identity in modern society in the context of globalization. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya – The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. 2 (47). pp. 109–114. (In Russian).
37. Ivanov, V.N. (2014) Influence of globalization to national identity in modern circumstances. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental research*. 8-4. pp. 1003–1007. (In Russian).
38. Ignatov, K.D. (2016) Rol' natsional'nogo brenda v formirovani obshchey privlekatel'nosti i konkurentosposobnosti strany [The role of the national brand in the formation of the overall attractiveness and competitiveness of the country]. *Sovremennyye tendentsii v ekonomike i upravlenii: novyy vzglyad*. 44. pp. 45–50.
39. Vasilenko, I. (2014) Constructing the image of Russia. Sociocultural aspects of Russians image strategy. *Svobodnaya mysl'*. 1 (1643). pp. 87–94. (In Russian).
40. Vetoshkin, A.P. (2014) Was elected: the ideal-realism of Ivan Ilyin as a philosophy of excellence. *Zaural'skiy Nauchny Vestnik*. 2 (6). pp. 95–102. (In Russian).
41. Kravchenko, V.A. (2016) The "Russian world" as a brand of a modern Russia. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Cultural Studies of Russian South*. 1 (60). pp. 98–101. (In Russian).
42. Lubskiy, A.V. & Posukhova, O.Yu. (2016) Nation-building projects and models of national integration in Russia. *Vlast'*. 8 (24). pp. 39–48. (In Russian).
43. Abdullina, L.S. (2015) Conceptual principles of formation of national identity in modern Russia. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of Bashkir University*. 2 (20). pp. 672–676. (In Russian).
44. Lindstedt, J. (2011) Place, identity and the socially responsible construction of place brands. *Place Branding and Public Diplomacy*. 1 (7). pp. 42–49. DOI: 10.1057/pb.2010.36
45. Grishin, O. & Gudoshnikova, O. (2014) State brand as a factor of consolidating society. *Youth World Politic*. 2. pp. 80–84.
46. Glinskaya, I.Yu. (2016) Creation and promotion of brand-image of Russia. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya – Vestnik RUDN. International Relations*. 1 (16). pp. 46–53. (In Russian).

47. Popov, G.Kh. (2015) Velikoderzhavnost' Rossii XXI veka [The Great power of Russia of the 21st century]. *Mir novoy ekonomiki – The World of New Economy*. 4. pp. 12–20.
48. Obolyanskiy, G.V. (2016) Velikoderzhavnost' i patriotizm rossiyan kak predmet polemiki i diskussii [Great power and patriotism of Russians as a subject of polemics and discussion]. *Sotsiologiya v sovremennoy mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo – Sociology in the Modern World: Science, Education, Creativity*. 8-2. pp. 270–278.
49. Avatkov, V.A. (2016) About the nation, identity, and logics of modern Russia: main difficulties and solutions. *Natsional'naya bezopasnost' / Nota Bene – National Security / Nota Bene*. 6 (47). pp. 685–689. (In Russian).
50. Rybchak, P.N. (2015) Trust as a category of political analysis. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie – Administrative Consulting*. 9 (81). pp. 164–174. (In Russian).
51. Oliveira, E. (2015) Place branding as a strategic spatial planning instrument. *Place Branding and Public Diplomacy*. 1 (11). pp. 18–33. DOI: 10.1057/pb.2014.12
52. Lamour, C. (2014) Territorial reputation beyond state borders? Metropolitan images in European borderlands. *Place Branding and Public Diplomacy*. 1 (10). pp. 19–31. DOI: 10.1057/pb.2013.26
53. Albrechts, L. (2013) Reframing strategic spatial planning by using a coproduction perspective. *Planning Theory*. 1 (12). pp. 46–63. DOI: 10.1177/1473095212452722
54. Foroudi, P. et al. (2016) A framework of place branding, place image, and place reputation: Antecedents and moderators. *Qualitative Market Research*. 2 (19). pp. 241–264. DOI: 10.1108/QMR-02-2016-0020
55. Bose, S., Kumar, S.R. & Nguyen, B. (2016) Place Branding: Developing a Conceptual Framework for Place Image. In: Nguyen, B., Melewar, T.C. & Schultz, D.E. (eds) *Asia Branding: Connecting Brands, Consumers and Companies*. Palgrave Macmillan.
56. Warnaby, G., Ashworth, G.J. & Kavaratzis, M. (2015) *Rethinking Place Branding: Comprehensive Brand Development for Cities and Regions*. Cham: Springer. pp. 241–248.
57. Eshuis, J. & Klijn, E. (2012) *Branding in Governance and Public Management*. London: Routledge.
58. Cerda-Bertomeu, M.J. & Sarabia-Sanchez, F.J. (2016) Stakeholders' perceptions of place branding and the role of the public sector: An exploratory analysis. *Place Branding and Public Diplomacy*. 12. pp. 299–313. DOI: 10.1057/s41254-016-0016-8
59. Insch, A. (2014) Positioning cities: Innovative and sustainable strategies for city development and transformation. *Place Branding and Public Diplomacy*. 4 (10). pp. 249–252. DOI: 10.1057/pb.2014.30
60. San Eugenio Vela, J. (2013) The relationship between place branding and environmental communication: The symbolic management of places through the use of brands. *Place Branding and Public Diplomacy*. 4 (9). pp. 254–263. DOI: 10.1057/pb.2013.20
61. Brown, S., McDonagh, P. & Shultz II, C.J. (2013) A brand so bad it's good: The paradoxical place marketing of Belfast. *Journal of Marketing Management*. 11/12 (29). pp. 1251–1276. DOI: 10.1080/0267257X.2013.796321
62. President of Russia. (2014) *Zasedanie Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valday"* [Meeting of the Valdai International Discussion Club]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860>.
63. Vedomosti. (2021) Putin podpisal ukaz o strategii natsional'noy bezopasnosti [Putin signed a decree on the national security strategy]. *Vedomosti*. 3 July. [Online] Available from: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2021/07/03/876797-putin-utverdil-strategiyu-natsbezopasnosti-rossii?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.
64. President of Russia. (2020) *75 let Velikoy Pobedy: obshchaya otvetstvennost' pered istoriei i budushchim* [75 years of the Great Victory: shared responsibility to history and the future]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63527> (Accessed: 30.10.2020).
65. President of Russia. (2018) *Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu sobraniyu* [Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902> (Accessed: 25.10.2020)
66. Russian Public Opinion Research Center (VCIOM). (2018) *Chto znachit byt' patriotom?* [What does it mean to be a patriot?]. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/chto-znachit-byt-patriotom> (Accessed: 20.10.2020).
67. President of Russia. (2018) *Prezident podpisal Ukaz "O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2024 goda"* [The President signed a decree "On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024"]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425> (Accessed: 12.05.2021).
68. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. (2018) *Utverzhdeny Osnovnye napravleniya deyatel'nosti Pravitel'stva do 2024 goda* [The main directions of the Government's activities until 2024 have been approved]. [Online] Available from: https://www.economy.gov.ru/material/news/utverzhdeny_osnovnye_napravleniya_deyatelnosti_pravitelstva_do_2024_goda.html (Accessed: 12.05.2021).
69. President of Russia. (2016) *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 01.12.2016 g. № 642 "O Strategii nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii"* [Decree of the President of the Russian Federation No. 642 of December 1, 2016 "On the Strategy of scientific and technological development of the Russian Federation"]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (Accessed: 12.05.2021).
70. Itskovits, G. (2010) *Troynaya spiral'. Universitety – predpriyatiya – gosudarstvo. Innovatsii v deystvii* [Triple Helix. Universities – enterprises – the state. Innovation in action]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.
71. Danilova, E.A. (2015) Management of the images of Russian territories through growing of an innovation potential of the universities. *ИПАЭНМА. Problemy vizual'noy semiotiki – Praxema. Journal of Visual Semiotics*. 1 (3). pp. 60–65. (In Russian).
72. Danilova, E.A. (2016) Innovation belts as key actors in the formation of a nation branding strategy based on the competencies of the defense industry of the Russian Federation. *Vlast'*. 9 (24). pp. 83–87. (In Russian).

Информация об авторе:

Данилова Е.А. – д-р полит. наук, доцент Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва, Россия); старший научный сотрудник лаборатории высокоэнергетических и специальных материалов Томского государственного университета (г. Томск, Россия). E-mail: elena.a.danilova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.A. Danilova, Dr. Sci. (Political Science), associate professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); senior researcher, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elena.a.danilova@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.12.2021;
одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 28.03.2022.

The article was submitted 25.12.2021;
approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 28.03.2022.

Научная статья
УДК 316.334.22
doi: 10.17223/15617793/476/15

Основания для субъективной оценки справедливости оплаты труда научно-педагогических работников

Галина Зиновьевна Ефимова¹

¹Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, g.z.efimova@utmn.ru

Аннотация. Рассмотрена справедливость как социально-философская категория. Особый исследовательский интерес сконцентрирован вокруг социально-трудовой справедливости, которая проявляется в том числе в субъективной оценке соотношения уровня заработной платы и усилий работника. На основании нарративов экспертных интервью с научно-педагогическими работниками ведущих российских вузов представлен анализ семи оснований для оценки субъективного восприятия справедливости оплаты труда.

Ключевые слова: справедливость, восприятие справедливости, справедливость оплаты труда, научно-педагогический работник, высшее учебное заведение

Источник финансирования: статья написана в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00485 и «Человеческое измерение трансформационных процессов в российских университетах: исторический опыт, тенденции и ответы на вызовы современности» (руководитель НИР: Сорокин А.Н., канд. ист. наук, доцент, директор школы исследований окружающей среды и общества – «Антропошкола» ТюмГУ, Тюмень).

Для цитирования: Ефимова Г.З. Основания для субъективной оценки справедливости оплаты труда научно-педагогических работников // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 139–145. doi: 10.17223/15617793/476/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/15

Grounds for a subjective assessment of academic and teaching staff pay equity

Galina Z. Efimova¹

¹University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, g.z.efimova@utmn.ru

Abstract. Equity is defined as a correlation between a person's merits and their remuneration. The article deals with social and labour equity, regarding it as a subjective assessment of the ratio of payments for the physical and/or intellectual efforts of employees. The article aims to determine the grounds for the subjective assessment of academic and teaching staff pay equity. The empirical study was conducted in 2019–2020, based on expert interviews with 86 faculty members of leading Russian universities (University of Tyumen, Tomsk State University, Saint Petersburg Polytechnic University, and National Research Nuclear University MEPhI). The expert interview narratives allowed identifying seven categories for assessing subjective perception of pay equity (1) at a corporate level; comparing faculty members (2) in Russia and (3) internationally; (4) in terms of public/business organisations; (5) different spheres of activity; (6) historical periods; and (7) previous positions held either in the same or other organizations. The results show that (1) disparity in pay within a university (between structural units and positions) can reduce motivation or increase career aspirations. A high level of social and labour equity provides a sense of stability and increases organisational productivity. (2) The level of pay equity in Russian universities depends on their prestige and ranking. (3) When comparing the level of remuneration and the workload with their Western colleagues, the respondents were more likely to prioritise Russia. Employees experienced in international academic mobility choose to work in Russia. (4) Compared to other spheres of activity, university wages are mostly lower whereas faculty members appreciate the opportunity to increase their income through active scientific research. (5) The last 3–5 years have seen a positive change in pay equity, with teachers and other jobs compared. (6) Comparison between historical periods shows a positive assessment of the current situation in Russia. However, not all the respondents believe in the long term perspective. (7) Pay at the early career is the lowest, but the teaching and research load is high. Young teachers invest a lot of time in career development, working on their dissertations. Pay equity assessment by teachers of retirement age is high, due to family stability and availability of additional funding (e.g. pension, support by children).

Keywords: equity, perception of equity, pay equity, academic and teaching staff, higher educational institution

Funding: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00485.

For citation: Efimova, G.Z. (2022) Grounds for subjective assessment of academic and teaching staff pay equity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 139–145. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/15

Введение и актуальность

Справедливость – социально-философская категория, позволяющая человеку интерпретировать окружающую его реальность, субъективно оценивая свое положение в ней. Справедливость тех или иных жизненных ситуаций измеряется через спектр мировоззренческих установок личности, а также укоренившихся в обществе национальных, духовных и культурных ценностей.

В философии «справедливость» определяется как «надлежащее соответствие между заслугами человека и теми хорошими и дурными событиями, которые выпали на его долю» [1]. Аристотель понимал справедливость как категорию морального сознания и общее название добра/блага [2], предполагающее идентичную оценку схожих случаев (пример справедливости – богиня правосудия Фемиды). Дж. Ролз трактовал «справедливость» как первую добродетель общественных институтов [3]. При этом она одновременно производная от социальных условий и условие производства социального [4. С. 300]. Изначально **справедливость** воспринималась через призму соответствия *действующему праву*, позже границы применения термина расширились, приобретая моральное значение [5. С. 10]. Распределение считается «справедливым», если соотношение результатов двух человек равно соотношению их соответствующих вкладов [6].

Важнейший принцип справедливости – «равенство и беспристрастность, требующие признавать равно за всеми другими то право на жизнь и благополучие, какое признается каждым за самим собой». Базовый принцип – комплексное равенство, т.е. принципиальное равенство, которое можно корректировать в зависимости от потребности, заслуг, вклада и достоинства» [7. С. 87].

Организационная справедливость реализуется в социально-трудовых отношениях. Одно из ее проявлений – справедливость оплаты труда, которая базируется на пропорциональности вложенных физических и(или) интеллектуальных усилий работников. Сотрудник определяет, соблюдается ли по отношению к нему справедливость на основании субъективного восприятия соотношения выполненного объема работы, затраченного времени, уровня заработной платы, социальных льгот и иных переменных. Однако в рыночной экономике соблюсти справедливость практически невозможно – «в рамках рынка нет и не может быть справедливости» [8].

При оценке справедливости учитывается аспект её субъективного восприятия. Э. Жак формулирует принцип ощущения справедливости так: система оплаты труда справедлива, если воспринимается людьми таковой [9]. В России лишь треть работников

считают свою зарплату справедливой (33%), а более половины уверены, что им платят меньше, чем они заслуживают (59%) [10]. При этом восприятие справедливости оплаты труда зависит от **пола работника** (респонденты-женщины считают справедливой более низкую оплату, чем респонденты-мужчины), вследствие существующего разрыва в оплате труда работников разного пола [11]. Это подтверждает наличие скрытых форм гендерной дискриминации в оплате труда, которые связаны в том числе с высокой концентрацией женщин на профессиях со средним статусом и более слабой связью между работой и оплатой среди женщин, чем среди мужчин [11]. У работников, считающих, что им недостаточно платят за работу, отмечается значительное снижение производительности труда [12].

Уверенность в справедливом распределении позволяет сотрудникам ощутить надёжность и стабильность. Реализация принципа справедливости рассматривается как «важнейшее условие не только повышения производительности труда организации и ее конкурентоспособности, но и гармонизации взаимоотношений в трудовых коллективах, а также во взаимоотношениях рядовых работников с руководством» [13. С. 104]. Исследователи общественных наук балансируют между системой координат «экономической эффективности» и «социальной справедливости» [14]. Справедливость начисления заработной платы наряду с условиями труда относится к традиционным мотивационным факторам, влияющим на трудовой потенциал работников и его реализацию [15]. Со стороны работодателей приоритетная заинтересованность направлена на повышение производительности труда при минимизации издержек (к которым относится и зарплата работников). В свою очередь сотрудники ориентированы на повышение зарплаты за относительно качественную работу в субъективно допустимых пределах ее трудоемкости и сложности.

Материалы и методы

Эмпирическое исследование проведено с использованием метода полуструктурированного экспертного интервью с 86 сотрудниками российских университетов (в том числе в Тюменском государственном университете (ТюмГУ) – 23 интервью, в Томском государственном университете (ТГУ) – 20, в Санкт-Петербургском политехническом университете (СПбПУ) – 21, в Национальном исследовательском ядерном университете (МИФИ) – 22), относящихся к административно-управленческому персоналу (проректор, директор, заведующий кафедрой или лабораторией) и научно-педагогическим работникам (профессор, доцент, научные сотрудники)². Выбор университетов определен их участием в проекте повыше-

ния конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров (проект «5-100»). При отборе соблюдалось территориальное распределение вузов (два региональных вуза и три столичных); учитывались: профиль вуза (классический ТГУ, ТюмГУ; профильный СПбПУ, МИФИ); вхождение в разные группы проекта «5-100» (первая группа ТГУ, МИФИ; вторая группа СПбПУ, ТюмГУ); время вхождения в программу «5-100» (первая волна – ТГУ, СПбПУ, вторая волна – ТюмГУ).

Пул экспертов-инсайдеров отобран из числа штатных сотрудников университетов с учетом распределения в соответствии с половозрастными, отраслевыми характеристиками, опытом работы в сфере высшего образования, занимаемых должностей и наукометрических показателей. Для отбора кандидатур экспертов по показателям публикационной активности и авторитета (индекс Хирша) в научном сообществе использовались официальные сайты Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), Web of Science и Scopus. Все эксперты разделены на две ключевые категории: «middle» (публикации в журналах баз данных Web of Science/Scopus / один патент/исполнители гранта) и «top» (публикации в журналах баз данных Web of Science/Scopus, входящих в Q1, Q2 / от трех патентов, руководители грантов). Для всех информантов университет – место основной занятости, на полный рабочий день.

Сроки проведения интервью в ТюмГУ – июнь 2019 г., в ТГУ – сентябрь 2019 г., в СПбПУ – март-апрель 2020 г., в МИФИ – октябрь 2020 г. В ТюмГУ и ТГУ интервью проводилось в процессе личной беседы (face-to-face) по месту работы эксперта. В проце-

дуру проведения полевого этапа, направленного на сбор эмпирических данных в СПбПУ и МИФИ, корректировку внесла пандемия новой коронавирусной инфекции – экспертные интервью проводились дистанционно, с использованием сервисов видеосвязи (Zoom, Skype, Viber и FaceTime). Аналитическая работа проводилась с транскриптами экспертных интервью.

Информантам предложено ответить на открытый вопрос: «Могли бы вы назвать справедливым соотношение выполняемого вами объема труда и вашей заработной платы». Вопрос направлен не на подсчет конкретных часов, проведенных на работе и точных сумм заработка, а на замер общего ощущения справедливости.

Основные результаты

Оценка уровня справедливости соотношения оплаты труда и затрачиваемых работником усилий может проводиться в сравнении по как минимум одному из семи оснований, выделенных нами на основании анализа нарративов информантов: (1) внутрикорпоративный сектор (внутривузовская среда), (2) работа в отечественной и (3) зарубежной академической сфере, (4) занятость в академическом секторе и за его пределами в государственных/коммерческих компаниях, (5) в сравнении с представителями других профессий в городе/регионе (межпрофессиональный анализ), а также (6) через сопоставление с предыдущими историческими периодами работы в конкретной сфере трудовой занятости и (7) прохождением преподавателем различных этапов карьерного роста (карьерная динамика) (рис. 1).

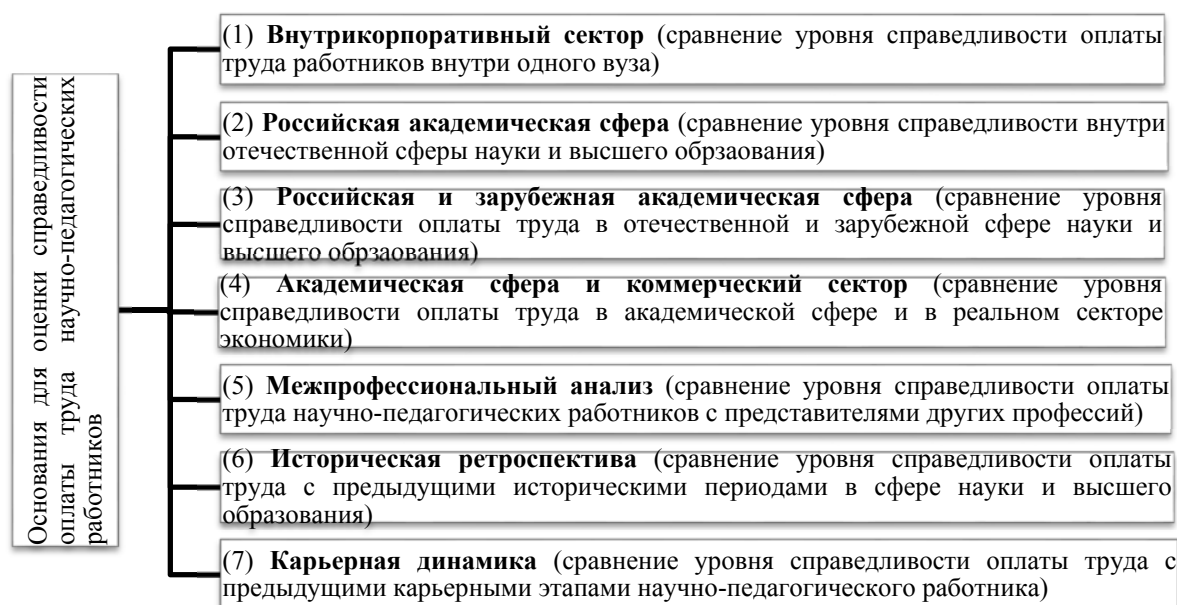

Рис. 1. Основания для субъективной оценки справедливости оплаты труда научно-педагогических работников

Последовательно рассмотрим оценки информантами уровня справедливости оплаты труда по выделенным основаниям.

1. Анализируя уровень справедливости во внутри-вузовской среде, работник сравнивает ситуацию со специалистами различных структурных подразделений и должностных уровней внутри организации.

Информация об уровне заработных плат университетских сотрудников различных должностных уровней быстро получает распространение по неформальным каналам коммуникации. *«Меня беспокоит безнравственность зарплатной шкалы в университете. В библиотеке сотрудники работают за минимальную оплату труда, а ректор и проректорский состав получает в 50–100 раз больше»* (жен., 56 лет, профессор). На некоторых сотрудников такая диспропорция может влиять негативно, снижая трудовую мотивацию либо оказывая обратное действие и повышая стремление к карьерному росту. Существуют и позитивные оценки: *«Выходим на более справедливый уровень. Динамика роста зарплат позитивная, и ощущается серьезная поддержка руководства»* (муж., 45 лет, доц.).

2. Сравнение уровня субъективного восприятия справедливости в своём университете с прочими российскими вузами не всегда позитивно. *«Коллеги из других вузов смеются надо мной – они знают, сколько я делаю и сколько получаю. Это вызывает только унижительные насмешки с их стороны»* (муж., 39 лет, зам. нач. упр.). *«Если сравнивать с другими вузами, наш университет выплачивает достойный куш, представляет серьезные возможности в плане проектов, грантов и социального имиджа. Только надо иметь железные сапоги, чтобы все выбить»* (муж., 42 года, профессор). *«[Столичный вуз] за тот же объем работы платит преподавателям гораздо больше»* (жен., 62 года, зав. каф.). *«В нашем университете ситуация с оплатой труда не очень позитивная, работы много, по сравнению с соседними вузами»* (муж., 65 лет, проф.).

3. Проводя сравнение с уровнем оплаты труда западных коллег, информанты отмечают приоритет России. *«Оплата моей работы достойная и она сильно выше, чем то, на что я мог рассчитывать за рубежом. Там мне приходилось работать по 24 часа в сутки. Здесь работаю меньше, но при этом я много отдаю и хорошо получаю. Если в России выкладываться на полную катушку – есть хорошие возможности»* (муж., 45 лет, проф., декан факультета). *«Уровень оплаты труда достойный и становится все лучше. Особенно в сравнении с зарубежными коллегами и их нагрузкой»* (жен., 28 лет, доц.). Сотрудники, имеющие возможность переезда, но осознанно выбирающие работу в России – наглядный индикатор высокой справедливости уровня оплаты труда, удовлетворенности доходом и совокупностью иных социально-трудовых условий в сфере высшего образования. *«На моем факультете работает человек 60 оканчивающих ребят. Они в любой момент могут уехать за рубеж, но не едут и выкладываются здесь по полной. Они довольны работой в России, никто*

налево не смотрит. Вариант отъезда рассматривают только если “уехать в Австралию, поработать года два и вернуться”» (муж., 42 года, проф.).

Встречаются и негативные сравнения. *«Образование и наука – не самая высокооплачиваемая работа не только в России, но и за рубежом. За границей при хорошей работе они получают больше»* (жен., 55 лет, доц.). *«Западные коллеги смеются, когда узнают, сколько получает наш профессор, доктор наук. У них это уровень 5 000 евро, а у нас всего лишь 80 000 рублей, что меньше 1 000 евро. Им каждый “апчхи” оплачивают: взнос на конференцию, билеты, питание. С тех пор, когда я уходил с постоянной работы преподавателя на совместительство, преподавательская нагрузка возросла в два-три раза. Это смешные деньги в соотношении с трудом, который нужно затратить, чтобы получить научно-педагогическую квалификацию. Люди, знающие себе цену, не идут работать преподавателями»* (муж., 55 лет, проф.).

4. Сравнивая свое материальное положение с ситуацией на региональном рынке труда, информанты оценивали его в основном позитивно. *«Грех жаловаться, всё справедливо по региональному рынку»* (жен., 40 лет, доц.). *«Моя зарплата выше средней зарплаты по Москве»* (муж., 38 лет, доц.). *«Всё справедливо с учетом особенностей трудового рынка в стране и понимая, какой доход получают другие, наша зарплата довольно высокая, выше среднего»* (жен., 41 год., доц.). В то же время, проводя сравнение уровня оплаты труда с реальным сектором экономики, некоторые информанты отмечают более низкий уровень доходов научно-педагогических работников в вузе. *«В вузе уровень оплаты труда ниже, чем в индустрии, но меня все устраивает и всегда более-менее устраивало»* (муж., 35 лет., доц.). *«Зарплата не соответствует тем усилиям, которые от нас требуют. Мне есть с чем сравнивать, имею опыт работы в крупных коммерческих компаниях»* (жен., 30 лет, доц.). *«Я доволен зарплатой и рад, что, не уходя в промышленность и не беря подработки, могу иметь доход выше среднего в городе. Получаю около двух средних зарплат по Москве. Но это не мой стабильный оклад, а средний доход с учетом всей активности. Бывают месяцы, когда получаю гораздо больше или меньше»* (муж., 39 лет, проф.). Преподаватели отмечают способность влиять на свой совокупный доход, который коррелирует с результатами их действий и позитивно отражается на трудовой мотивации. *«Могу подрабатывать за пределами вуза, брать больше студентов на руководство ВКР или участвовать в большем количестве научно-исследовательских работ. Всегда есть возможность улучшить материальное положение»* (жен., 48 лет., доц.). *«В коммерческих компаниях у меня было понимание – “сделал/получил” и в вузе сохраняется понимание – “опубликовался/заработал”»* (муж., 50 лет, проф.).

5. Долгое время сравнение уровня оплаты труда научно-педагогических работников с доходом представителей других профессий в городе и регионе не выдерживало критики. Однако в последние три-пять

лет ситуация изменилась позитивным образом. «Во время работы в университете росла моя квалификация и менялись должности: от стажёра, инженера, младшего научного сотрудника до доцента. Все это время я “соревновался” в уровне зарплат с уборщиком на станции метро, где находится университет. Он получал больше меня. Только в последние три года ситуация изменилась, и сейчас мне платят хорошую зарплату» (муж., 38 лет., доц., дир. инст.).

6. В сопоставлении с предыдущими историческими периодами информанты позитивно отзывались о нынешнем положении научно-педагогического работника в России. «В последние два-три года ситуация изменилась благодаря указам Президента². Пересмотрены базовые ставки для преподавательского состава, и сейчас мы чувствуем себя увереннее. Ещё бы раза в полтора выше, тогда была бы объективная оценка труда» (жен., 60 лет, проф.). «Я доволен условиями работы и заработной платой в университете, потому что помню предыдущие годы. Позитивные изменения в университетах начались с десятого-двенадцатого года» (муж., 49 лет., доц.). «Лет семь назад у меня была смешная зарплата пять тысяч! На проезд не хватало, чтобы в университет ездить. Если кто-то высказывал недовольство, ему говорили: “Мы вас не держим”. Позже произошли изменения, оплата стала более чем достойной» (жен., 30 лет, доц.). Признавая значительное улучшение материального финансирования вузовских преподавателей, не все информанты верят, что это надолго и допускают изменения в худшую сторону. «Сейчас соотношение оптимальное, нам грех жаловаться. Некоторое время назад нагрузка была выше, а материальное стимулирование ниже. Но все ещё может измениться не в лучшую для нас сторону» (муж., 34 года, с.н.с.). «Я начинал карьеру преподавателя вуза в начале двухтысячных годов и на тот момент было осознание, что с точки зрения материальных стимулов, здесь нет никаких перспектив. Со временем всё отрегулировалось и сейчас благополучно в материальном плане» (жен., 38 лет, доц.).

Лишь один информант негативно оценил современную ситуацию, в сравнении с предыдущими историческими периодами. «В России преподаватель вуза – недооценённая профессия. В царской России профессор – вершина цепочки интеллектуалов, в СССР 70-х годов профессор зарабатывал 400–500 рублей, плюс полставки за научную деятельность и доходило до 800–1000 рублей. Сегодня мы находимся в несравнимо худшей ситуации, и единственная возможность получения дополнительного финансирования – активная научная деятельность. Это нещадный формат “волка ноги кормят”» (муж., 62 года, доц.).

7. В сравнении с прохождением преподавателем различных этапов своей академической карьеры. На стартовых позициях преподаватель ограничен в получении дополнительного дохода и практически не имеет навыков грамотного распределения времени с целью его высвобождения для иных, более выгодных

и(или) интересных ему задач. «В начале карьеры мы зависели от руководителей, по-своему распределяющих средства. Тогда казалось, что мою работу недооценивают. Сегодня я достаточно независим, так как сам плачу за работу себе и команде» (муж., 55 лет, проф.).

В начале карьеры уровень оплаты труда научно-педагогических работников минимален. «Для молодых коллег, работающих на полную ставку, – это несправедливое соотношение. Они выполняют педагогическую нагрузку, пишут статьи, участвуют в организации мероприятий и могли бы зарабатывать значительно больше» (жен., 50 лет., проф., зав. лаб.).

Представители старшего поколения, закрывшие жилищный вопрос и большинство бытовых потребностей, а также имеющие дополнительные источники материальной поддержки, находятся в более выгодной позиции по сравнению с молодёжью. Поэтому субъективная оценка справедливости оплаты труда преподавателями пенсионного возраста, как правило, высокая. «Сейчас мне на жизнь хватает, помимо зарплаты есть пенсия и дети помогают» (муж., 75 лет, проф.). «Для профессоров – справедливо, но для аспирантов, ассистентов и старших преподавателей – несправедливо» (жен., 55 лет, доц.).

Заключение

Выделены семь оснований для оценки субъективного восприятия справедливости, которые позволяют шире взглянуть на нее как социально-философскую категорию, воспринимая справедливость в корпоративном масштабе (внутривузовская среда); в разрезе стран, проводя сравнение между работниками одного сектора (на примере науки и высшего образования) в России и за рубежом; в разрезе государственных/коммерческих организаций; в отраслевом масштабе, сравнивая соотношение уровня оплаты труда и затраченных физических и(или) интеллектуальных усилий представителями различных профессий; в сравнении с предыдущими историческими периодами (царская Россия, СССР, перестроечный период и современная Россия). Оценка субъективного восприятия справедливости также происходит в сравнении с предыдущими ступенями карьерной иерархии, которые занимал сотрудник в процессе работы в данной организации или же на протяжении всего рабочего пути. Все названные основания для анализа уровня субъективного восприятия социально-трудовой справедливости могут использоваться как самостоятельно, так и в совокупности.

По результатам серии экспертных интервью, проведенных с научно-педагогическими работниками российских вузов, выявлен высокий уровень субъективного восприятия справедливости соотношения оплаты труда и затраченных усилий. Вместе с тем восприятие справедливости оплаты труда весьма неустойчиво, поэтому его замер необходимо производить регулярно для предотвращения нарастания недовольства коллектива.

Полученные результаты позволяют утверждать, что поставленная цель исследования – выделить основания для субъективной оценки справедливости оплаты труда и провести ее замер на примере научно-педагогических работников, достигнута. Представленные в статье выводы, могут использоваться руководителями вузов и проректорами/начальниками управлений по работе с персоналом при установлении системы вознаграждений и принятии кадровых решений.

Автор выражает благодарность руководителю научного проекта А.Н. Сорокину (кандидату исторических наук, доценту, директору школы исследований окружающей среды и общества – «Антропошкола», ТюмГУ, Тюмень) и М.В. Грибовскому (доктору исторических наук, доценту, профессору кафедры российской истории (ТГУ, Томск), ведущему научному сотруднику исследовательского центра «Человек, природа, технологии» ТюмГУ, Тюмень), которые совместно с автором статьи проводили экспертные интервью.

Примечания

¹ Организацию и проведение серии экспертных интервью осуществлял научный коллектив под руководством А.Н. Сорокина, канд. ист. наук, зав. кафедрой отечественной истории, руководитель исследовательского центра «Человек, природа, технологии» (ТюмГУ, Тюмень), в составе: М.В. Грибовский, д-р ист. наук, доц., доцент кафедры российской истории (ТГУ, Томск), с.н.с. исследовательского центра «Человек, природа, технологии» (ТюмГУ, Тюмень) и Г.З. Ефимова, канд. социол. наук, доцент кафедры общей и экономической социологии, с.н.с., исследовательского центра «Человек, природа, технологии» (ТюмГУ, Тюмень).

² Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», в числе прочего предполагающий повышение к 2018 году средней заработной платы преподавателей образовательных учреждений высшего профессионального образования и научных сотрудников до 200% от средней заработной платы в соответствующем регионе».

Список источников

1. Что такое «Справедливая зарплата»? // Интернет-сайт для HR-специалистов. URL: <http://www.hr-portal.ru/article/chto-takoe-spravedlivaya-zarplata> (дата обращения: 20.04.2021).
2. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А.И. Доватура. М. : Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
3. Ролз Дж. Теория справедливости // Социология власти. 2004. № 2. С. 139–170.
4. Harvey D. *Social Justice and the City* / Revised edition. Athens & London : University of Georgia Press, 2009. 368 p.
5. Хёффе О. Справедливость: Философское введение / пер. с нем. О.В. Кильдюшова; под ред. Т.А. Дмитриева. М. : Праксис, 2007. 192 с.
6. Singh R. “Fair” Allocations of Pay and Workload : Tests of a Subtractive Model with Nonlinear Judgment Function // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1995. Vol. 62 (1). P. 70–78.
7. Карчагин Е.В. Справедливость в городе: контуры концепции городской справедливости // Социология города. 2016. № 1. С. 84–92.
8. Колчаковской Л. О справедливости // Новая Польша. Варшава, 2001. № 7–8. С. 63–65.
9. Чуланова О.Л. Применение компетентностного подхода при разработке системы оплаты труда персонала // Наукоедение : интернет-журнал. 2014. № 6. URL: <http://www.naukovedenie.ru/PDF/15EVN614.pdf> (дата обращения: 20.04.2021).
10. Подцероб М. Почему справедливая оплата труда особенно важна сейчас. Какие задачи в управлении персоналом будут решать работодатели после пандемии // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/s/management/articles/2020/06/04/831964-spravedlivaya-oplata> (дата обращения: 20.04.2021).
11. Jackson L.A., Grabski S.V. Perceptions of Fair Pay and the Gender Wage Gap // *Journal of Applied Social Psychology*. 1988. Vol. 18 (7). P. 606–625.
12. Greenberg J. Creating unfairness by mandating fair procedures : The hidden hazards of a pay-for-performance plan // *Human Resource Management Review*. 2003. Vol. 13 (1). P. 41–57.
13. Пряхников Н.С., Полевая М.В. Игра-дискуссия «Заработная плата работника» как средство диагностики и актуализации у госслужащих представлений о справедливости в системе мотивации труда // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2018. № 4. С. 103–109.
14. Родина Г.А. Социальные инновации: эффективный справедливости или справедливость эффективности // Философия хозяйства. 2009. № 4 (64). С. 87–94.
15. Кибанов А.Я., Баткаева И.А., Митрофанов Е.А., Ловчева М.В. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности. М. : ИНФРА-М, 2009. 524 с.

References

1. HR-Portal. (2009) *Chto takoe “Spravedlivaya zarplata”?* [What is a “Fair Salary”?]. [Online] Available from: <http://www.hr-portal.ru/article/chto-takoe-spravedlivaya-zarplata> (Accessed: 20.04.2021).
2. Aristotle. (1983) *Sochineniya* [Works]. Translated from Ancient Greek. Vol. 4. Moscow: Mysl’.
3. Rawls, J. (2004) *Teoriya spravedlivosti* [Theory of justice]. Translated from English. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 2. pp. 139–170.
4. Harvey, D. (2009) *Social Justice and the City*. Athens; London: University of Georgia Press.
5. Höffe, O. (2007) *Spravedlivost’: Filosofskoe vvedenie* [Justice: A Philosophical introduction]. Translated from German by O.V. Kil’dyushov. Moscow: Praksis.
6. Singh, R. (1995) “Fair” Allocations of Pay and Workload: Tests of a Subtractive Model with Nonlinear Judgment Function. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1 (62). pp. 70–78. DOI: 10.1006/obhd.1995.1032
7. Karchagin, E.V. (2016) Justice in the city: contours of conception of urban justice. *Sotsiologiya goroda*. 1. pp. 84–92. (In Russian).
8. Kolchakovskoy, L. (2001) O spravedlivosti [On justice]. *Novaya Pol’sha. Varshava*. 7–8. pp. 63–65. (In Russian).
9. Chulanova, O.L. (2014) Application of the competency approach in the development of the system of remuneration of staff. *Naukovedenie: internet-zhurnal*. 6. [Online] Available from: <http://www.naukovedenie.ru/PDF/15EVN614.pdf> (Accessed: 20.04.2021). (In Russian).
10. Podtserob, M. (2020) Pochemu spravedlivaya oplata truda osobenno vazhna seychas. Kakie zadachi v upravlenii personalom budut reshat’ rabotodateli posle pandemii [Why fair pay is especially important now. What tasks in personnel management will employers solve after the pandemic]. *Vedomosti*. [Online] Available from: <https://www.vedomosti.ru/s/management/articles/2020/06/04/831964-spravedlivaya-oplata> (Accessed: 20.04.2021).
11. Jackson, L.A. & Grabski, S.V. (1988) Perceptions of Fair Pay and the Gender Wage Gap. *Journal of Applied Social Psychology*. 7 (18). pp. 606–625. DOI: 10.1111/j.1559-1816.1988.tb00040.x

12. Greenberg, J. (2003) Creating unfairness by mandating fair procedures: The hidden hazards of a pay-for-performance plan. *Human Resource Management Review*. 1 (13). pp. 41–57. DOI: 10.1016/S1053-4822(02)00098-0
13. Pryazhnikov, N.S. & Polevaya, M.V. (2018) Game-discussion “Employee’s Salary” as a means of diagnostics and actualization of civil servants’ ideas about justice in the system of motivation. *Gumanitarnye nauki. Vestnik finansovogo universiteta – Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 4 (8). pp. 103–109. (In Russian). DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-4-103-109
14. Rodina, G.A. (2009) Sotsial’nye innovatsii: effektivnyy spravedlivosti ili spravedlivost’ effektivnosti [Social innovations: effective justice or efficiency justice]. *Filosofiya khozyaystva – Philosophy of Economy*. 4 (64). pp. 87–94.
15. Kibanov, A.Ya. et al. (2009) *Motivatsiya i stimulirovanie trudovoy deyatel’nosti* [Motivation and Stimulation of Labor Activity]. Moscow: INFRA-M.

Информация об авторе:

Ефимова Г.З. – канд. социол. наук, доцент кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета (г. Тюмень, Россия). E-mail: g.z.efimova@utmn.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

G.Z. Efimova, Cand. Sci. (Sociology), associate professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: g.z.efimova@utmn.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.06.2021;
одобрена после рецензирования 05.06.2021; принята к публикации 28.03.2022.*

*The article was submitted 05.06.2021;
approved after reviewing 05.06.2021; accepted for publication 28.03.2022.*

Научная статья
УДК 316.3
doi: 10.17223/15617793/476/16

Социальные практики и социально-психологические характеристики поколения Z (по результатам фокус-группового исследования)

Раушания Ильшатовна Зинурова¹, Татьяна Николаевна Никитина²,
Лилия Зинуровна Фатхуллина³

^{1, 2, 3}Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань, Россия

¹rushazi@rambler.ru

²nita101@mail.ru

³lialfa@rambler.ru

Аннотация. Рассматриваются характеристики «цифровых детей» с позиции теорий поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Представлена современная интерпретация теории поколений в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Российская школа нацелена на изучение психологических особенностей поколения Z. Предложено дополнить методологию исследования качественными методами. Для изучения социально-психологических характеристик изучаемого поколения было проведено фокус-групповое исследование.

Ключевые слова: поколение Z, цифровое поколение, теория поколений, цифровая грамотность, цифровизация, поколенческие ценности

Источник финансирования: статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ, грант № 21-011-33006 «Политика улиц поколения Z: смыслы и форматы».

Для цитирования: Зинурова Р.И., Никитина Т.Н., Фатхуллина Л.З. Социальные практики и социально-психологические характеристики поколения Z (по результатам фокус-группового исследования) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 146–158. doi: 10.17223/15617793/476/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/16

Social practices and socio-psychological characteristics of Generation Z (Based on the results of focus group research)

Raushanya I. Zinurova¹, Tatiana N. Nikitina², Liliya Z. Fatkhullina³

^{1, 2, 3}Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, g.z.efimova@utmn.ru

¹rushazi@rambler.ru

²nita101@mail.ru

³lialfa@rambler.ru

Abstract. The article examines the characteristics of “digital children” from the perspective of the theories of generations by Neil Howe and William Strauss, presents a modern interpretation of the theory in the works of domestic and foreign researchers. In domestic science, the characteristics of the digital generation are studied from the point of view of the psychological characteristics of representatives of the generation and the pedagogical influence on them, taking into account the informatization of educational institutions, the introduction of distance learning. This generation is characterized by a new – digital – type of socialization, which means the influence of the Internet technology and the virtual environment on the formation of values and attitudes, social practices of young people. Generation Z is a superior generation in many ways. It is the largest, most ethnically diverse and financially influential generation in human history. In the coming years, their characteristics will determine the formation of world culture, economy and politics. The youth of Generation Z inherits the degree of development of society, forms the image of the future, and is considered as the potential for the life of society. Due to insufficient practical development of this issue, there is a need for a systematic approach to studying the specific features of Generation Z, not only within the framework of the socio-psychological environment, but also the motives of their activities in political and socioeconomic systems, behavior patterns and features of their socialization. To examine the socio-psychological characteristics of the studied generation, the authors conducted a focus group study. In the study, the authors identified nine blocks for qualitative analysis: (1) characteristics of Generation Z; (2) relationship with parents; (3) leisure activities of Generation Z; (4) communication in network communities; (5) values of Generation Z; (6) positive and negative emotions of Generation Z; (7) communication with peers; (8) professional self-determination of Generation Z; (9) attitude towards patriotism. The highlighted blocks for analysis define a systematic approach to the study of character-

istics and social practices. The study of isolated cases, subjective experiences of life situations and real practices that develop in various types of interaction allows us to understand the digital generation, to confirm or destroy the myths that have developed in the scientific community and the mass consciousness. The authors of the article draw conclusions about the characteristics and social practices of Generation Z, and the main forms of their interaction in the main spheres of life of modern society.

Keywords: Generation Z, digital generation, generational theory, digital literacy, digitalization, generational values

Funding: The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research, Project No. 21-011-33006.

For citation: Zinurova, R.I., Nikitina, T.N. & Fatkhullina, L.Z. (2022) Social practices and socio-psychological characteristics of Generation Z (Based on the results of focus group research). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 146–158. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/16

Введение

Современная ситуация в России, связанная с активностью молодежи в различных сферах жизнедеятельности (переход на дистанционное обучение, протестные движения, инновационная активность молодежи, цифровизация населения, потребительское поведение и т.д.), актуализирует изучение и новое осмысление характеристик современного поколения. В научной литературе для обозначения современного поколения используют термины «поколение Z», «сетевое поколение», «цифровые аборигены». По мнению немецкого ученого Мангейма, одного из основоположников социологии знания, у каждого поколения есть своеобразное «сознание поколений» и положение человека в социально-исторической структуре определяет его опыт. Каждое поколение зависит от темпа социальных изменений, которые влияют на его модели поведения и мышления. Кроме того, социокультурная ситуация в обществе, состояние современных научно-технических достижений также оказывают влияние на формирование и функционирование цифрового поколения [1].

Рассмотрение концепта цифрового поколения начинается с разработки теории поколений в 1991 г. Хоузом и Штраусом (N. Howe, W. Strauss). Согласно теории, поведение человека зависит от условий его жизни и воспитания до 12–14 лет. В отечественной науке теория поколений разрабатывается в работах Е.М. Шамис [2], А. Антипова [3], В.В. Гаврилюка и Н.А. Трикоза [4]. С 2017 г. реализует свою деятельность проект «RuGenerations российская школа теории поколений» под руководством Е. Шамис и Е. Никонова. Под поколением в рамках теории поколений понимается общность людей, рожденных в определенный исторический период и являющихся носителями схожих ценностей, сформированных под воздействием общих факторов (социальных, культурных, экономических и политических событий, технического прогресса). Дети поколения Z, рожденные с 2003 (по другим данным – с 1997 г.) по (примерно) 2023 г., характеризуются особым отношением к здоровью, профессиональному развитию; возможности приобретения ими знаний отражаются на саморазвитии. В процессе обучения для этого поколения меняется роль учителя, из транслятора идей он перевоплощается в навигатора. Особое внимание уделяется формированию компетен-

ций soft skills, таких как умение отстаивать свою точку зрения, критически оценивать информацию, работать в команде, строить коммуникацию и учитывать эмоциональное состояние собеседника.

Цифровое поколение характеризуют определенные ценности, которые определяются как «поколенческие». Это означает, что для представителей одного возраста, в зависимости от мировых трендов в экономике и технологических инноваций, характерны единая система ценностей и однотипные социальные практики. Поколенческие ценности определяют индивидуальные ценности личности и приоритетные формы взаимодействия с окружающим миром [5]. Общение, чаще всего, проходит в интернет-пространстве, постоянное присутствие в информационном поле проявляется в онлайн-варианте дружбы и любви. Неразличимость эмоций приводит к эмоциональной зажатости и неумению выражать свои чувства, кажется, что это поколение недостаточно воспитанно и отзывчиво. Восприятие социального времени позволяет быть гибкими по отношению к изменениям, но инфантилизм поколения определяет веру в судьбу и случай, а не в собственные силы. Исследователи отмечают, что среди основных ценностей поколения Z можно выделить следующие: свобода, персонализация, изучение, честность [6]. Можно констатировать, что информационные инновации создали цифровое поколение.

В современной социологии одна из тем, вызывающих неоднозначные суждения со стороны членов научного сообщества, касается характеристик поколения Z. Принимаемые несколько лет назад постулаты об основных характеристиках поколения ставятся под сомнение, например, что поколение Z в отличие от предшествующих наиболее сензитивно к виртуальной реальности и информационным технологиям. В 2019 г. ВШЭ выпустила сборник «Мифы о «поколении Z», авторы которого утверждают, что ряд приписываемых подросткам особенностей (например, снижение способности мыслить критически) не подтверждены данными или результаты исследований противоречивы, отдельные характеристики являются, скорее, реакцией на современную среду (многозадачность), свойственны как взрослым, так и подросткам. Авторы отмечают, что сегодня нельзя с уверенностью делать выводы о поколенческой специфике современных подростков: особенности поведения, установок, ценностей могут быть обусловлены средой или возрастом и измениться по мере взросления [7].

Вторичные исследования позволяют обобщить научный материал и сделать общие выводы относительно характеристик поколения Z в следующих типах взаимодействия. Прежде всего, это цифровая грамотность как основная характеристика поколения, проявляется в широком круге возможностей для получения информации. Молодое поколение зависимо от гаджетов, обладает высокой степенью технической компетентности. Способные к многозадачности, молодые люди не склонны уделять должное внимание планированию своих действий, готовы идти на риск, тотально следуют рекомендациям информационных ресурсов. При этом амбициозные, но нерешительные и несамостоятельные, они честны с собой и окружающим миром, обладают высокой самооценкой. В этом поколении снижены географические, межрасовые и межэтнические барьеры в общении, молодые люди проявляют большую толерантность.

Цифровая грамотность, цифровая компетентность

Для поколения Z характерна терминология «цифровая социализация». Это требует отдельного внимания со стороны научного сообщества. Все больше тем научных исследований связано с цифровизацией этого поколения: вопросы цифровой этики и взаимодействия в виртуальном пространстве; проблемы, связанные с дистанционным обучением; фриланс и современный рынок труда; проблемы интернет-зависимости и воздействия социальных сетей на сознание подростков и т.п.

Исследования цифровой грамотности направлены на ее измеримость, отличительные особенности разных поколений и факторы, определяющие цифровую грамотность населения. Например, исследование, проведенное в пяти университетах Англии, показало, что поколение неоднородно в использовании и оценке новых технологий и что существуют значительные различия среди учащихся, которые принадлежат возрастной группе поколения Сети [8]. Другое исследование, проведенное Eshet-Alkalai и Amichai-Hamburger, показало снижение навыков, требующих творческого и критического мышления (например, навыков информационной и репродуктивной грамотности), особенно в младшей возрастной группе цифрового поколения. Результаты отражают две основные модели изменений с течением времени: сокращение разрыва между младшими и старшими участниками в задачах, в решении которых необходимо проявить умение и технический контроль; и увеличение разрыва между младшими и старшими участниками в задачах, которые подчеркивают творческий потенциал и критическое мышление. Наблюдаемые на протяжении всей жизни изменения в навыках цифровой грамотности объясняются опытом работы с технологиями, а не возрастом [9]. По мнению В.Д. Нечаева и Е.Е. Дурневой, актуальны вопросы разработки методологии исследования цифрового поколения в психологии через призму культурно-исторической теории развития высших психических функций ребенка [10].

Цифровое поколение исследуют с позиции активного участия в политических протестных движениях. Протестный потенциал молодежи «поколения Z» объединяет виртуальную реальность и реальную действительность.

Цифровые медиа влияют на грамотность среди молодежи в следующих аспектах: культура участия как обмен информацией с другими. Во-первых, это общение на сайтах в социальных сетях и взаимосвязь между моделями участия онлайн и офлайн. Во-вторых, это доступ к информации: возможности интернет-пространства безграничны, интернет требует от пользователя большей оценки предоставленной информации и ответственности при создании контента. В-третьих, это коммуникационные возможности в форме использования электронной почты, чата, SMS и создание онлайн-сообществ. В-четвертых, это производство контента, которым можно поделиться с большим количеством других пользователей (Instagram или YouTube).

В отчете «Цифровая трансформация» рассматриваются рамки для ИКТ-грамотности. На основе структуры ETS определены элементы медиаграмотности в школьной практике с использованием цифровых инструментов. К ним были отнесены умения от основных навыков по работе на компьютере, умения работать и ориентироваться в социальных сетях до умения оценки информации, полученной в интернете [11].

Рабочая группа по «ключевым компетенциям» Европейской комиссии и их отчет «Ключевые компетенции для непрерывного обучения: европейская справочная система» включили в перечень цифровую компетенцию, определяя ее как «уверенное и критическое использование технологий информационного общества для работы, отдыха и общения. Эти компетенции связаны с логическим и критическим мышлением, навыками управления информацией высокого уровня и хорошо развитыми коммуникативными навыками. На самом базовом уровне навыки ИКТ включают использование мультимедийных технологий для поиска, оценки, хранения, производства, представления и обмена информацией, а также для общения и участия в сетях через Интернет».

Результаты исследований ITU Monitor 2009, проведенных в Норвегии (Hatlevik, Ottestad, Skaug, Kløvstad & Berge 2009), показывают тесную взаимосвязь между цифровой компетенцией учащихся, их успеваемостью в школе и уровнем образования родителей. Грамотность в области ИКТ тесно связана с социально-экономическим положением [12].

Социально-психологические характеристики поколения Z

В отечественной социологической школе исследования характеристик поколения Z акцентировано на социальных взаимодействиях с внешней средой. Изучаются ценности, карьерные предпочтения, социальные характеристики, отношения в семье и со сверстниками. Ведущие социологические центры ежегодно проводят исследования на данную тематику. Приве-

дем примеры исследований, отвечающим задачам нашей статьи.

Ю.А. Зубок в работе «Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе» делает следующие выводы. Для молодых людей не существует долгосрочных трендов. Социальные сети, по их мнению, формируют ощущение потока, в котором все меняется каждую секунду, то, что модно сегодня, завтра сменяется новой модой. Нет устойчивых предпочтений, нет постоянной лояльности брендам и стилям одежды, «обязательных списков» в музыке или кино. История России последних лет показала поколению Z, что все может пойти не так, что успех может быть легким и быстрым, это отражено СМИ в историях о внезапном и стремительном успехе. Молодежь уверена, что лучше жить сегодняшним днём и не строить глобальных планов на будущее [13].

В исследовании ФОМ «Ориентиры и ценности молодых россиян» выявлено, что наиболее распространенной жизненной ценностной ориентацией является стремление достичь успеха, сделать карьеру (37%), стать богатыми, чтобы жить, как хочется (20%). Практически только каждый седьмой молодой человек стремится к самосовершенствованию и самореализации (15%) [14].

Взаимопонимание и хорошие отношения в семье являются главной ценностью для молодых людей поколения Z (69% опрошенных в исследовании ФОМ). Т. В. Большунова в работе «Ценностно-мотивационный аспект участия поколения “Z” в современном политическом процессе» приводит ранговые позиции в системе ценностей поколения. На первом месте «материальное благополучие и комфорт» (48%), далее – «хорошая физическая форма и самочувствие» (27%). В пятерку приоритетных ценностей также вошли «интересная работа, профессиональное развитие» (27%) и «общение с друзьями, знакомыми» (28%) [15].

Гражданская активность современной молодежи основывается на индивидуалистических ценностях личности, в том числе ценностях самовыражения и саморазвития, открытости новому опыту. Это поколение с готовностью отстаивает личные интересы и открыто выражает гражданскую позицию. Гражданская активность в России развивается в направлении мировых тенденций в отстаивании гражданских прав, во взаимосвязи с политическими и экономическими процессами в стране. Молодежь в силу особенностей социально-психологического развития подвержена крайнему радикализму, резкой смене социальной пассивности на активные действия, часто деструктивного характера. По мнению исследователей, среди молодежи поколения Z необходимо формировать созидательные настроения и модели поведения, должна быть разработана система превентивных мер для противодействия политическому радикализму. Утрата доверия к политическому дискурсу и традиций в политической социализации может проводить к росту протестных движений. Незнание легитимных форм гражданской активности и отсутствие опыта регулярного участия в общественной жизни способствуют выбору нелегитимных

форм решения социальных и политических проблем, что недопустимо для гармоничного развития общества. Развитие общественных движений, объединений, разработка молодежных проектов, направленных на вовлечение молодежи в гражданскую, профессиональную и социальную деятельность [16–18], обеспечат формирования легитимных форм участия молодежи в политической жизни страны.

Развитие цифрового поколения уходит, по мнению ученых, в инфантилизм как главный тренд социально-психологического развития, проявляется он в сохранении детских черт во взрослых ситуациях. Принято считать, что как работники современное поколение будет менее ответственным, менее исполнительными, при этом требующими безусловной положительной оценки. Цифровому поколению приписывают эгоцентризм и потребительское отношение к жизни [19]. Существует противоположная точка зрения, согласно которой молодежь ориентируется, прежде всего, на личностное развитие, самореализацию, комфорт жизни. Для представителей данного поколения очень важна возможность пробовать что-то новое, посещать новые места, пробовать себя в новых занятиях, профессиях. Для представителей данной группы очень важен комфорт жизни при сохранении возможности получать удовольствие от жизни [20. С. 162].

Представители поколения Z быстро обучаются и также быстро обрабатывают информацию, мгновенно могут переключаться с одного вида деятельности на другой, а также действовать в условиях многозадачности [21].

Одной из ведущих характеристик поколения становится клиповость мышления, т.е. способность воспринимать мир через короткие яркие образы и послания, например через ленту теленовостей, небольших статей или коротких видеоклипов [22].

По результатам многолетних исследований молодежи, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2016 г., отмечают дружеские, партнерские отношения с родителями, отсутствие давления со стороны старших [23]. Исследования А.В. Гавриловой выявили доминирующий тип ментальности у представителей «нового поколения» – инновационную ментальность, которая доминирует в образе жизни, образе мира, стиле мышления и особенностях взаимодействия. Респонденты видят свое поколение более индивидуалистичным, разобщенным, самостоятельным, открытым переменам, устремленным в будущее, склонным к риску, своевольным и не доверяющим власти и авторитетам [24. С. 62].

Поколение Z становится единственным поколением, формирование и развитие которого во всех странах проходит в одной временной плоскости благодаря процессу глобализации, унификации и интеграции всех сторон жизни общества [25. С. 159].

Репрезентативные данные анкетного опроса, собранные в Финляндии в 2011 г. (n = 612), показали, что цифровое поколение больше вовлечено в социальное использование интернета, чем старшие поколения. При этом не социальное использование интернета в целом, а синхронность онлайн-общения

отличает поколения пользователей. Результаты показывают, что в отличие от асинхронных режимов онлайн-коммуникации (например, сайты социальных сетей, блоги и онлайн-дискуссионные форумы), синхронные режимы (например, обмен мгновенными сообщениями и интернет-звонки) явно различаются между поколениями. Кроме того, исследование показывает, что асинхронное использование интернета явно носит гендерный характер. Женщины чаще являются пользователями социальных сетей и блогов, чем мужчины, тогда как мужчины чаще участвуют в дискуссионных форумах, чем женщины. Эти результаты обсуждаются в свете двух концепций: конфиденциальность и коммуникативная эффективность. Изученные формы синхронного онлайн-общения обеспечивают большую конфиденциальность, а также мгновенный и обширный канал для эффективного общения, что особенно ценится самым молодым поколением пользователей [26].

Исследование, проведенное международной консалтинговой компанией McKinsey, основанное на опросе, выявило четыре основных типа поведения поколения Z, основанных на одном элементе: поиске истины этим поколением. Представители поколения Z ценят индивидуальное самовыражение и избегают ярлыков. Они мобилизуются по разным причинам, глубоко верят в эффективность диалога для разрешения конфликтов и улучшения мира. Это поколение принимает решения аналитически и прагматично. Такое поведение влияет на отношение поколения Z к миру потребительства. Потребительский ландшафт меняется в сторону владения, а не потребления, молодые люди более внимательны в сфере получения социально-экономических благ, требуют более персонализированного обращения, а не массового производства товаров и услуг [27].

Поколение Z, по мнению зарубежных авторов, самое образованное поколение. Опросы Pew Research Center, проведенные осенью 2018 г. среди американцев в возрасте от 13 лет и старше, показали, что представители поколения Z являются прогрессивными, с оппозиционными взглядами. При этом поколение Z с большей вероятностью, чем представители старшего поколения, будут обращаться к правительству для решения проблем, а не к предприятиям и частным лицам. Семь из десяти представителей поколения Z считают, что правительство должно делать больше для решения проблем. По результатам исследований ЕУ, поколение Z с большей вероятностью будет повышать свой образовательный уровень, получать новые знания, в отличие от предыдущих поколений, которые в аналогичном возрасте были трудоустроены. Только 18% подростков поколения Z (в возрасте от 15 до 17 лет) были трудоустроены в 2018 г. по сравнению с 27% подростков из поколения Y в 2002 г. и 41% представителей поколения X в 1986 г. Среди молодых людей в возрасте от 18 до 22 лет – 62% поколения. В 2018 году работники Zers были заняты, более высокая доля представителей поколения X (71%) и представителей поколения X (79%) работали, когда были сопоставимы по возрасту [28].

Компания Ernst & Young LLP выпустила исследование 2021 *Gen Z Segmentation Study* [29]. Репрезентативная выборка составила 1 509 представителей поколения Z, проживающих в Соединенных Штатах. Онлайн-опрос проводился в период с 24 марта по 8 апреля 2021 г. компанией Ernst & Young LLP, в котором отслеживаются личные и профессиональные интересы поколения, а также их взгляды на самые разные вопросы – от психического здоровья и изменения климата до социальных сетей и рабочего места. Результаты исследования показали озабоченность молодежью своим здоровьем: 67% умеренно или крайне обеспокоены своим физическим и психическим здоровьем, при этом 42% часто испытывают тревогу или депрессию во время пандемии COVID-19. Являются скептиками 60% опрошенных. Они считают, что большинству людей нельзя доверять. В период пандемии 69% представителей поколения Z беспокоились о нехватке еды с момента начала COVID-19, а 21% – тревожились об этом большую часть времени; в частности, 28% потеряли работу или кто-то из членов их семьи потерял работу в тот же период времени. В отношении предпринимательской деятельности 45% представителей поколения Z сообщили, что очень вероятно, что в один прекрасный день они откроют собственный бизнес; а с начала пандемии 44% были больше заинтересованы в открытии бизнеса.

Пандемия, так или иначе, изменила жизнь поколения, переживающего решающие жизненные моменты: средняя школа, колледж, первая работа, формирование зрелых отношений, вступление во взрослую жизнь. Почти половина (46%) представителей поколения Z, опрошенных в 2021 г., очень обеспокоены множеством проблем, связанных с пандемией. Отношения поколения Z с семьей и друзьями улучшились, так как семьи объединились, чтобы выдержать неопределенность изоляции. Не исключено, что изменения в социальных сетях и привычках цифрового общения также привели к некоторым изменениям во взаимоотношениях. С начала пандемии COVID-19 65% представителей поколения Z чаще общались с друзьями в видеочате, а 74% использовали приложения социальных сетей, чтобы чаще общаться со своими друзьями.

Активную позицию поколение Z занимает, если это касается определенных проблем в стране, большинство соглашается, что наркомания/злоупотребление наркотическими веществами (87%), расизм (85%), изменение климата (81%) и насилие с применением огнестрельного оружия (80%) являются серьезными проблемами. Проблемы окружающей среды и экологически безопасные методы становятся все более важными для поколения Z [30].

Согласно статистическим данным, собранным исследовательским центром Pew Research Center, технологические достижения оказали как положительное, так и отрицательное влияние на поколение Z. У них под рукой огромное количество информации, что позволяет поколениям Z расширять свои знания и активно учиться. Однако слишком много экранного

времени может усугубить чувство изоляции и привести к неразвитым социальным навыкам. Больше времени, проводимого со смартфонами, означает меньше времени, затрачиваемого на налаживание значимых отношений. Кроме того, многие молодые люди становятся жертвами ловушки «сравнивать и отчаиваться», которую представляют социальные сети.

Поколение Z обладает финансовым мышлением, они прагматичны и ценят во всем безопасность. Представители поколения Z используют социальные сети как средство для создания своего личного бренда, они также смотрят на свои решения о покупке как на выражение своих ценностей и идентичности. Например, их привлекают экологически чистые продукты и бренды, они часто готовы платить за них больше. Они ценят персонализированные продукты и их привлекают бренды, разделяющие их точку зрения по политическим вопросам. Члены поколения Z, как правило, более открыты, склонны к либерализации и активно участвуют в защите справедливого и равного отношения к другим [31]. Благодаря социальным сетям и информационным технологиям представители поколения Z способны быстро подключиться к далеким культурам, проблемам и новостям раньше и чаще, чем любое предыдущее поколение. На данный момент внимание поколения Z привлекают семь вопросов. Это: 1) здравоохранение; 2) психическое здоровье; 3) высшее образование; 4) экономическая безопасность; 5) гражданская активность; 6) расовое равенство; и 7) окружающая среда.

В отчете Morning Consult «Понимание поколения Z», основанном на почти 1 тыс. опросных интервью с молодыми людьми в возрасте от 18 лет до 21 года, исследуются ценности, привычки, стремления, проблемы, которые формируют взрослое поколение Z, и то, чем они отличаются от предыдущих поколений. Поколение Z, согласно опросу, «выбор карьеры» и «увлечения» считают двумя наиболее важными концепциями для формирования их личности, причем в большей степени, чем такие идеи, как раса или религия [32].

Таким образом, результаты вторичных исследований продемонстрировали научный интерес к изучению характеристик современного поколения. Основным вектором в отечественных и зарубежных исследованиях стали: изучение социально-психологических характеристик, траекторий карьерного развития, индивидуалистических ценностей и коммуникационных сетей. Однако не отражены социально-адаптивные свойства личности. Исследование, проведенное авторами статьи, позволяет обозначить инновационное социальное пространство, которое включает различные виды взаимодействий.

Результаты фокус-группового исследования

Классические исследования поколенческих различий носят чаще всего количественный характер, исследуются характеристики молодежи методом массового анкетирования. Выявленные в практических исследованиях противоречия дали начало качественной методологии исследования признаков современного поколения.

Опираясь на результаты вторичных количественных исследований, мы попытались проанализировать социальные практики, характерные для представителей поколения Z методом фокус-группового интервью. Понимая, что тема поколения Z неисчерпаема в своих источниках и проводимых исследованиях, не претендуя на истину, а лишь дополняя или раскрывая с иной точки зрения характеристики и социальные практики цифрового поколения, авторами статьи проведены пять фокус-групп в период с мая по ноябрь 2021 г.

В нашем исследовании мы выделили девять блоков для качественного анализа: 1) характеристики поколения Z; 2) взаимоотношения с родителями; 3) досуговая деятельность поколения Z; 4) коммуникации в сетевых сообществах; 5) ценности поколения Z; 6) позитивные и негативные эмоции поколения Z; 7) общение со сверстниками; 8) профессиональное самоопределение поколения Z; 9) отношение к патриотизму.

Выделенные блоки для анализа определяют системный подход к исследованию характеристик и социальных практик. Изучение единичных случаев, субъективный опыт в переживании жизненных ситуаций и реальных практик, складывающихся в различных видах взаимодействия, позволяют понять цифровое поколение, подтвердить или разрушить мифы, сложившиеся в научном сообществе и массовом сознании.

Фокус-группы проходили в формате групповой дискуссии на заявленные вопросы. Беседы проходили в неформальной обстановке. Основным правилом, озвученным модераторами в начале и принятым участниками, было выражение честного искреннего мнения. Участники фокус-групп – учащиеся 10–11 классов средних образовательных учреждений Республики Татарстан, продолжительность беседы 45–50 минут. Модераторами исследования выступили аспиранты и преподаватели Казанского национального исследовательского технологического университета. Общее число участников фокус-групп 75 человек, среднее число в каждой группе – 15.

1. Блок «Характеристики поколения Z».

Поколение Z – поколение информационного общества, имеет такие особенности, как быстрая адаптация к новым условиям, высокая коммуникативность и коммуникация с обществом в целом. Для них характерны: высокий уровень толерантности по отношению к остальным, свобода в выборе и в высказываниях, а также в самовыражении.

Респонденты отметили следующие особенности поколения Z: быстрая адаптация к изменяющимся условиям, коммуникабельность, осознанность, высокий уровень толерантности, стремление к свободе, самовыражению и саморазвитию. Поколение Z проводит много времени в интернет-пространстве, обрабатывает и усваивает огромное количество информации. Возможностей самореализоваться у людей поколения Z больше, чем у предыдущих поколений, поскольку поколение Z мыслит шире, стара-

ясь затронуть как можно больше аспектов. *«Наше поколение, по-моему, стало более толерантным по отношению ко всем. Они стали терпимыми к другим расам, национальностям, сексуальной ориентации и т.д. Однако толерантность проникает в Россию поступательным движением, поэтому не могу сказать, что всё поколение стало толерантным»* (респ. 5, муж., 17 лет). *«Моё поколение уже может четко сказать, кем они видят себя в будущем, ставят себе цели и достигает их, при этом, не останавливаясь на достигнутом, двигаются вперед. Более амбициозные, целеустремленные, самостоятельные и не такие доверчивые»* (респ. 15, жен., 17 лет). *«Мое поколение быстро адаптируется ко многим новым вещам и местам. Мы достаточно общительные, открытые, толерантные, мультизадачные. Мы усваиваем новую информацию быстро»* (респ. 4, жен., 17 лет). *«Мое поколение коммуникабельно, меньше придерживается устоев и традиций общества, более легко подстраивается под изменения вокруг, усваивает информацию в совершенно разных видах, особо ценит права и свободы, самовыражение личности. Поколение Z идет против системы»* (респ. 8, жен., 17 лет). *«Моё поколение достаточно разное по своим характеристикам: одних можно описать как самоорганизованных, стремящихся сделать лучше себя и мир вокруг, других же как безответственных и наплевательски относящихся к другим людям и их окружению, в том числе и материальному. Но и тем и другим присущи такие качества, как застенчивость вне интернет-среды, либо наоборот излишняя экспрессивность, желание много зарабатывать, либо обрести любовь и духовное спокойствие»* (респ. 9, жен., 17 лет).

2. Блок «Взаимоотношения с родителями».

Отношения с родителями – важный пункт в разговоре о поколении Z. Проблема «отцов и детей» существовала и будет существовать. Несмотря на свою непохожесть на другие поколения, поколение Z всё ещё имеет конфликты с родителями. Это обстоятельство можно объяснить разным восприятием реальности. Как было упомянуто выше, поколение Z думает «по-другому» – глубже и свободнее. Поколение Z не загоняет себя в определённые рамки, не имеет чётких границ между чёрным и белым. Родители поколения Z – представители других поколений, соответственно, их точки зрения будут разительно отличаться, что, так или иначе, приведёт к возникновению конфликтов. Тем не менее поколение Z стремится воздействовать на предыдущие поколения, обучая их всему тому, чему учатся сами.

Поколение Z любит делиться полученной информацией, а родители являются теми лицами, с кем они хотят разделить свои знания и показать им всё то, чему они научились. Это способствует скреплению разных поколений. Взаимоотношения в семье – важный фактор в становлении любого человека. Как и предыдущие поколения, поколение Z все еще имеет конфликты с родителями из-за разного восприятия

реальности. Но оно стремится воздействовать на предыдущие поколения, обучая их всему тому, чему обучаются сами, что и способствует скреплению поколений. Поколение Z не любит стереотипность, консервативность, беспринципность старшего поколения, не принимает его у власти, так как они не знают, что нужно новому поколению. Молодое поколение ссылается не на опыт предков, а на опыт людей со схожими ценностями, свежим взглядом на мир.

Результаты фокус-группового исследования: отношения с родителями в большинстве ровные, респонденты одной из причин конфликтов в семье называют разные взгляды на современные явления. Например, отношение разных поколений к гендерным особенностям личности: в отличие от детей поколения Z, отношение родителей к гендерному равенству более категорично. Еще одна причина конфликтов – стереотипы общества, например «выйти замуж обязательно». Следующая группа причин конфликтов связана с требованиями со стороны родителей выполнять домашние обязанности. Также отмечаются конфликты на почве раннего трудоустройства или совмещения учебы и работы. *«Однако существует большая проблема неполных семей. Безусловно, это сказывается на подростках. Также родители не всегда понимают, как должны быть устроены отношения детей и родителей, поэтому доверительные отношения не выстраиваются. К сожалению, такие дети находят доверие вне семьи, воспитываются сверстниками или улицей, становятся теми самыми “гонимыми”»* (респ. 16, жен., 17 лет). *«Я считаю, что в большинстве случаев в семьях присутствует поддержка и нет сильного конфликта “отцов и детей”. Да, родители по-другому воспринимают вещи, но дети уже не слушают старших так внимательно и берут ответственность в свои руки. Родители в свою очередь не мешают ребенку. Поколение Z принимает важные жизненные решения, исходя из своих чувств и желаний»* (респ. 5, жен., 17 лет). *«Мое поколение ссылается в основном не на опыт предков и высказывания старшего поколения, например родителей, как нечто абсолютно верное, мое поколение отдаст предпочтение людям со схожими ценностями и идеями, свежим взглядом на мир, несмотря на статус человека (будь то знаменитый психолог или блогер)»* (респ. 24, муж., 17 лет).

3. Блок «Досуговая деятельность поколения Z».

Досуг поколения Z – интересная часть их характеристики. Поколение Z растёт в информационном обществе, что приводит к тому, что практически весь досуг этого поколения проходит в интернет-сообществах. Интернет открывает поколению Z огромное пространство для развития навыков. Поколение Z использует интернет не только для просмотра сериалов, фильмов, мультфильмов, развлекательных видео и игр, но и для саморазвития. Поколение Z читает статьи и посты на интернет-площадках, смотрит обучающие видео, проходит образовательные курсы, общается со сверстниками на разные темы, обсуждая политику и социальные проблемы. Большая часть

досугового времени поколения Z уходит именно на саморазвитие и общение.

Продолжая тему общения, затронем тему сетевых коммуникаций в сообществах. Интернет позволил поколению Z быстро и просто заводить новые знакомства, т.е. существенно облегчил коммуникации. Поколение Z имеет ряд особенностей в сетевых коммуникациях: их сообщения короткие, но информативные; нередко используются голосовые сообщения вместо печатных. Тем не менее сетевые коммуникации не обходятся и без негативных сторон. К примеру, среди поколения Z распространён интернет-буллинг. Так как поколение Z не имеет чётко обозначенных границ, его представители часто бывают неаккуратны в своих высказываниях, чувствуя некоторую безнаказанность (от наличия у них свободы слова). *«Досуг представители моего поколения проводят, занимаясь саморазвитием, поиском себя и своего предназначения, чего они хотят в этой жизни и как это получить. Читают книги, смотрят видеоролики, соответствующие интересующим их темам, слушают подкасты. Также многие работают, а еще больше тех, кто и учится, и работает, становясь более самостоятельными, выносливыми и подготовленными к взрослой жизни»* (респ. 32, жен., 17 лет). *«Современное поколение достаточно разнообразно в своих интересах. Стоит отметить, что поколение интересуется многими психологическими темами: свобода личности, самовыражение, “токсичные” отношения, личностный рост и так далее. В интернете существует множество курсов, гайдов и просто полезных страничек на подобные темы. Соответственно поколение духовно развивается»* (респ. 3, жен., 17 лет). *«Государство делает многое для развития интереса к спорту у молодежи. Культ здорового образа жизни – одна из тенденций современности. Но не всех так сильно интересует ЗОЖ, как современные технологии, которые ушли далеко вперед, развиваясь семимильными шагами. Действительно, данное русло набирает стремительную популярность»* (респ. 24, муж., 17 лет).

4. Блок «Коммуникации в сетевых сообществах».

Поколение Z относит себя к поколению, интегрированному в виртуальное пространство. По мнению респондентов, 24 ч в сутки они проводят с телефоном в руках. *«Сетевая коммуникация среди молодёжи нашего поколения развита очень активно. Наше поколение уже с 7–12 лет сидит в социальных сетях, следовательно, общение становится непрекращаемым»* (респ. 1, жен., 17 лет). Мнения по поводу общения в социальных сетях довольно сильно разнятся. Одни считают, что такой вид коммуникаций вредит обществу, вызывает интернет-буллинг, который негативно влияет на психику человека. Также сторонники этой точки зрения считают, что интернет-общение не сравнится с живыми прогулками и встречами с близкими. Другие видят такие достоинства социальных сетей, как скорость передачи информации, возможность поддержки и помощи нуждающимся на рассто-

янии, развитие коммуникативных способностей и т.д. Сторонники позитивного отношения к общению в социальных сетях не видят препятствий тому, чтобы люди реже виделись и общались вживую.

Многие считают, что появление социальных сетей сильно сказалось на современном обществе. С их появлением появилось много преимуществ: удобно общаться с другом на расстоянии в любое время и в любом месте; общение с несколькими людьми одновременно; быстрая передача огромного потока информации другим людям (это означает, что поколение Z очень коммуникабельно); кто-то считает, что, печатая, выражать мысли гораздо проще; социальные сети облегчают коммуникацию.

Тем не менее сетевые коммуникации не обходятся и без негативных сторон. Среди поколения Z распространён интернет-буллинг. Никакие технологии не смогут заменить настоящего человеческого общения, они не смогут передать те эмоции, которые человек получает в процессе классической социализации. *«Присутствует также отношение на уровне 0. Это когда люди не замечают друг друга, практически не контактируют (однако бывают случаи “разговоров за спиной”, когда человека критикуют, но в его присутствии относятся нейтрально). Также есть отрицательное отношение, когда человека презирают беспричинно либо как раз из-за вышеупомянутой нетолерантности. Одно отличие человека от других даёт повод насмехаться над ним. Всё переливается в “буллинг”, травлю, из-за чего человека закрывается в себе, начинает ненавидеть себя и в совокупности всё может привести даже к суициду, поскольку подросток – человек хрупкий и эмоционально нестабильный»* (респ. 12, жен., 17 лет). *«Конечно, в большинстве случаев интернет заменил нам очень многое, в том числе и живое общение. Это удобно, доступно и легко, поэтому проще написать сообщение (которое не требует немедленного ответа), нежели звонить, тревожить человека и тратить на это время. Но стоит отметить и пагубное влияние интернета. Он навязывает мнение, моду, стиль общения, ориентиры и ценности. Не всегда все это бывает положительным»* (респ. 25, жен., 17 лет). *«Поколение Z чаще всего досуговое время проводит “за телефоном”, как сказали бы многие родители, однако стоит отметить, что мы не бездумно проводим там время, огромное количество ресурсов, просматриваемых ежедневно нами, не бесследно уходит из головы. Смотря различные видео на YouTube, мы получаем информацию, смотря ленту в Instagram, мы получаем информацию. Большинство моих знакомых пользуются этими сервисами только в малой доле для развлечения, мы просматриваем новости, узнаем новую научную информацию, читаем блоги о саморазвитии и тому подобное»* (респ. 18, жен., 17 лет).

5. Блок «Ценности поколения Z».

Ценности у поколения Z существенно отличаются от ценностей других поколений. Поколение Z любит и ценит свободу: свободу слова, свободу самовыражения, свободу передвижения. Для поколения Z важно быть не привязанным ни к одному месту: они хотят быть мобильными. Поколение Z ценит информа-

цию и стремиться к её увеличению. Поколению Z не нравятся рамки, в которые их загоняют предыдущие поколения, они негативно смотрят на ограничения, которые не позволяют им думать «в больших масштабах».

На основе данных интервью определились такие основные ценности поколения Z, как любовь к свободе, самовыражению: «поколение Z любит и ценит свободу: свободу слова, свободу самовыражения, свободу передвижения» (респ. 3, жен., 17 лет). Кроме того, поколение Z характеризуется высокой мобильностью: «...важно быть не привязанным ни к одному месту; мы за быстрее изменение мира, мы больше не прикованы к одному месту» (респ. 10, жен., 17 лет). Также стоит отметить, что поколение Z стремится к получению новых знаний и желает постоянно саморазвиваться: «поколение Z ценит информацию и стремиться к ее увеличению; мое поколение стремиться к знаниям, к получению качественного образования, дополнительных навыков и умений, к самопознанию и самосовершенствованию в различных сферах» (респ. 17, жен., 17 лет). «Для многих ценностью в жизни считается удачно построить карьеру. Но есть те, кому важно построить семью, а еще встречаются люди, которым не интересно ни то, ни другое, а главное для них самопознание и полное удовлетворение своего существования. Мое поколение ненавидит все советы, которые им навязывают старшие поколения, и мы делаем все наоборот, стараемся противостоять стереотипам и стараться самим контролировать свою жизнь» (респ. 2, жен., 17 лет). «Ценности у молодых людей сейчас чаще всего материальные. Мы стремимся к независимости» (респ. 20, муж., 17 лет). «Мы ненавидим, когда в нашу личную жизнь лезут другие люди. Мы считаем, что каждый человек должен обладать всеми правами и свободами независимо какой он национальности, расы и т.д. Мы за свободный интернет. Мы за быстрое изменение мира. Мы больше не прикованы к одному месту» (респ. 26, муж., 17 лет). «Вопреки стереотипам мое поколение стремится к знаниям, к получению качественного образования, дополнительных навыков и умений, которые пригодятся им в работе. Мое поколение стремится к самопознанию и самосовершенствованию в различных сферах. Огромной ценностью обладает здоровье, о котором мое поколение думает с подросткового возраста, ведет активный и здоровый образ жизни» (респ. 7, жен., 17 лет). «Какие ценности имеет подросток, как мне кажется, в первую очередь играет то, как его воспитывали, на какой канал на YouTube он наткнулся, каких друзей он себе выбрал» (респ. 13, жен., 17 лет).

6. Блок «Позитивные и негативные эмоции поколения Z».

Представители поколения Z испытывают негативные эмоции в тех случаях, когда встречаются с новыми событиями и людьми, ценности которых они не разделяют, а события им кажутся несправедливыми. «Ненависть поколение испытывает к плохим качествам личности. Они ненавидят ложь, поэтому ста-

раются избегать лживых людей, ненавидят лицемерие и т.д.» (респ. 11, жен., 17 лет).

«Я не люблю навязывание своей точки зрения со стороны старшего поколения, их стереотипность, беспринципность, отрицание нового и попытки сохранять довольно консервативные вещи. Мне не нравится, что у власти находятся люди совсем немолодого возраста, так как они не понимают, что на самом деле нужно зумерам. Низкие зарплаты, нежелание вводить нужные законы (например, закон о домашнем насилии), коррупция, депрессивные, неулыбающиеся люди и многое другое – все это очень отталкивает и расстраивает» (респ. 30, муж., 17 лет).

7. Блок 7 «Общение со сверстниками».

Поколение Z открыто к общению и заинтересовано в общении с людьми, в том числе из зарубежных стран. Конструктивное общение происходит в тех случаях, когда у собеседников совпадают взгляды на жизнь. В век интернета сверстники коммуницируют с помощью мессенджеров. При этом отличительная черта современного поколения – это самообразование, необходимое для того, чтобы оставить после себя что-то полезное как пример для следующего поколения. Респонденты отмечают, что имеют близких друзей, но они немногочисленны. Общение с ними происходит в реальном пространстве. Друзьями в интернете среде они называют молодых людей, которые одобряют их поступки, ставят лайки, события жизни которых и выложенную на сайт информацию они регулярно просматривают.

В целом поколение Z любит общаться, легко находит круг общения, развивая свое коммуникационное поле. Однако считают, что большинство людей отличаются беспричинным презрением, нетолерантностью, проявлением «буллинга», вспыльчивостью по отношению к другим. Рассказывают о людях, которые часто не задумываются, что их слова могут задеть, ранить других. Подобное отношение к сверстникам приводит к суицидам и закрытию человека в себе.

Общение со сверстниками у поколения Z имеет свои особенности. Несмотря на то, что поколение Z любит общаться друг с другом, некоторая вспыльчивость в их характерах переносит интернет-буллинг в реальный мир: представители поколения Z считают, что они должны делиться своим мнением и отстаивать его, не обращая внимание на то, что оно может задеть других. «У меня разное общение со своими сверстниками, потому что я делю знакомых на друзей и приятелей. Друзьям я могу высказать все, что думаю и всегда постараюсь им помочь. С приятелями же я общаюсь менее открыто и могу отказать в помощи» (респ. 33, муж., 17 лет).

8. Блок «Профессиональное самоопределение поколения Z».

Профессиональное самоопределение поколения Z начинается в старших классах школы. На вопрос о профессиях респонденты не могут уверенно сказать, что понимается под профессией сегодня. По их мнению, профессию как траекторию жизненного пути

они не выбирают, а выбор останавливают на видах профессиональной деятельности, приносящих доход. Респонденты отмечают, что для получения профессии нужно получать соответствующее образование. По их мнению, профессию медика от блогера отличает получение образования. В их интерпретации, блогер – это не профессия, считая профессиями деятельность в оффлайн-среде на основе полученного образования. Получение образования планируют не только в российских вузах, но и за рубежом. Большинство выбирают профессии, связанные с информационными технологиями. На основании вышесказанного можно констатировать, что современное поколение не относится к профессиям деятельность в интернет-пространстве, требующую базовых коммуникативных навыков. Это норма и повседневный опыт, доминирующий в молодежной среде. Образование в сфере информационных технологий открывает неограниченные возможности в развитии профессиональной карьеры, обеспечивает переход на высокий профессиональный уровень. «Многие подростки нашего времени не видят себя в этой стране. Они готовы переехать уже при поступлении в вуз. Они не видят в России карьерной перспективы и будущего. В России плохо раскрывают возможности развития молодежи, а регионам дают мало возможностей для развития, поэтому, условно, людям из Норильска сложно добиться высокой заработной платы и карьерного роста» (респ. 5, муж., 17 лет). «Очень многие уже готовы сказать, какая профессия им интересна, чем они хотят заниматься и кем себя видят. Но и многие до сих пор находятся в поиске себя и своей деятельности, плывут по течению и ничего не хотят решать, боятся брать ответственность и живут одним днем» (респ. 2, муж., 17 лет). «Идеальная профессия на данный момент – это профессия, связанная с информационными технологиями, на мой взгляд. Поэтому многие стараются выбирать перспективные направления, думают о будущем» (респ. 26, муж., 17 лет). «Мое поколение разделено на два лагеря. 1-й лагерь – те, которые ищут себя и 2-й лагерь – те, которые уже знают, чем будут заниматься. В 1-м лагере люди постоянно пробуют себя в различных профессиях, пытаясь найти желанный вид деятельности. Во 2-м лагере же люди работают по профессии, но постоянно повышая свою квалификацию, так как понимают, что в нынешнем мире без этого никак» (респ. 6, жен., 17 лет). «Мое поколение в основном не может четко сказать об одной единственной профессии, с которой они хотели бы связать свою жизнь, это связано с появлением ряда новых привлекательных профессий, а также со стремлением выбрать занятие по душе, то есть вполне возможно, что они будут пробовать себя в различных отраслях до тех пор, пока не выберут подходящую профессию» (респ. 1, жен., 17 лет).

Будущее для поколения Z особенно важно. Они работают в настоящем для счастливого будущего, поэтому поколение Z подходит к профессиональному самоопределению ответственно. Для поколения Z важно работать в своё удовольствие, вследствие чего

профессию представители этого поколения выбирают долго. Поколение Z часто меняет работу, пока не найдёт то, что им интересно. «Моё поколение свято верит в светлое и хорошее будущее, которое их ждет. Цели и планы на будущее построены и строятся, остается их только выполнять и претворять в жизнь, становится более счастливыми» (респ. 12, жен., 17 лет).

9. Блок «Поколение патриотов России».

«Наше поколение делится на два типа: умеренные патриоты и не патриоты. Первые любят Родину и готовы делать для неё всё, чтобы она жила лучше. Во втором же случае Россия кажется людям совершенно бессмысленным местом для проведения своей жизни, не видят тут никакой перспективы и ссылаются на неэффективность государственной власти. Также существуют и ярые патриоты. В их качества входит национальная нетерпимость, радикальная консервативность и агрессивное поведение. Они готовы убивать, наказывать тех, кто оскорбительно относится к его Родине» (респ. 36, жен., 17 лет).

Патриотизм в жизни поколения Z не играет столь большой роли, как для поколения их родителей. В современной России поколение Z критически относится к социально-экономическому и политическому положению в стране. Среди представителей поколения Z существует такое распространённое выражение, как «я люблю свою страну, но не люблю государство». Поколение Z часто критикует политику государственной власти. Также некоторые представители данного поколения намерены уехать из страны в поисках лучшей жизни (здесь же работает принцип «не хочу быть привязанным к определённому месту»). Поколение Z ценит свой народ и свою историю, но старается не привязываться к государству. «Если говорить о государстве, то зумеры вряд ли могут назвать себя патриотами. Сейчас о патриотизме говорят чаще всего, когда идет жесткая пропаганда от властей. Поэтому людей отталкивает все, что связано с патриотизмом, если о нем говорят в таком ключе. Наверное, если бы Россия была “для людей”, а не “для власть имеющих”, любовь к Родине была бы больше» (респ. 9, жен., 17 лет). «В последнее время стала популярной фраза “Я люблю свою страну, но к государству у меня есть вопросы”. Именно проблему патриотизма и пытается решить государство, проводя множество мероприятий, направленных на воспитание в людях любовь к родине. Но ведь очевидно, что любовь к родине присутствует во всех нас, все это благодаря чтению в детстве Есенина, Пушкина, Лермонтова. Именно русские писатели и воспитали нас патриотами родного края. А подразумевает ли любовь своего родного уголка полное согласие с государством. Не думаю, что это взаимосвязанные понятия» (респ. 29, жен., 17 лет).

Поколение Z выступает за честные выборы и будущее своей страны. Считают, что они – поколение, которое многое имеет, любые потребности которого легко удовлетворяются, но, некоторые этот факт считают отрицательным и выступают против мира потреби-

тельства и переизбытка товаров. *«Мы гордимся своей страной, в особенности ее историей, но, как и всё в этом мире, аппарат управления страной не идеален. Многие из числа молодежи видят эти проблемы и говорят о них, у нас нет слепой веры правительству и я считаю, что это хорошо. Именно благодаря таким людям, идущим против системы, и меняется мир»* (респ. 35, муж., 17 лет). *«Патриотизм в нашей стране претерпевает изменения. Одни люди считают, что любовь к Родине включает в себя прощение многих ошибок со стороны государства. Другие же считают, что любовь к Родине – это указывать на её недостатки и исправлять их. В итоге вторых может быть и не стало больше, но они «громче кричат», чем завлекают, на свою сторону людей, которые мало анализируют информацию»* (респ. 25, жен., 17 лет). *«Поколение Z – самое универсальное поколение, в котором собраны люди с совершенно разными мнениями, порой ход мыслей у похожих людей оказывается кардинально противоположным. И решать такие вопросы, как воспитание патриотизма, нужно таким же множеством способов»* (респ. 28., жен., 17 лет).

Выводы

Таким образом, поколение Z представляет собой не только социально-демографическую общность, но и поколенческую группу людей, отличающихся от других возрастных групп по целому ряду параметров:

1. Информационные технологии определили жизнедеятельность современного поколения, цифровизация является условием глобального переосмысления и трансформации системы ценностей и жизненных стереотипов. Цифровая грамотность и информационная безопасность приобретают для поколения Z статусы социальных практик.

2. В процессе социализации в интернет-пространстве у молодых людей возникает целый ряд новых ожиданий и интересов, мотивов и целей, потребностей и установок, а также форм психологической и социальной активности. Поколение Z характеризует: высокий уровень цифровой грамотности высокая и техническая компетентность; отрицание иерархии и гибкость по отношению к изменениям, комфорт и практичность. Поколение Digital – это поколение стартапов и креативного предприниматель-

ства, для которого свойственно потребительское отношение к жизни. Они проявляют повышенный интерес к новаторским технологиям. Ценностью является свобода выбора и саморазвитие; важно получение новых эмоций. Используя такие платформы, как Snapchat, Instagram, Twitter и TikTok, молодежь поколения Z переносит социальную активность в цифровую среду.

3. Рассматриваемому поколению свойственны высокая адаптивность к быстро меняющимся условиям окружающей среды, что обеспечивает выгодное положение по сравнению с другими поколениями во всех сферах общественной жизни, в которых требуется хорошая реакция, работоспособность, коммуникабельность и др.

4. Результаты фокус-групп позволили выявить поколенческие социальные характеристики. Можно констатировать, что, в основном, выявленные характеристики не отличаются от положений теорий поколения Z (N. Howe, W. Strauss). Исследование показало, что в некоторых видах социальных взаимодействий имеется собственное наполнение: 1) в родительских семьях поколения Z преобладает дружелюбный стиль общения, высокий уровень доверия, созданная комфортная среда для развития и обучения; 2) наблюдаются расхождения в мнениях поколения Z и родителей относительно ценностей постиндустриального общества (например, отношения к сексуальным меньшинствам); 3) поколение Z реализует досуговую деятельность в интернет-пространстве, но считает, что коммуникации в сетевых сообществах не подменяют живое общение, как стереотипно принято в теории поколения Z; 4) нетерпимое отношение и негативные эмоции поколение Z испытывает по отношению к людям, жизненные приоритеты и поведенческие практики отличны от их собственных; 5) патриотизм в жизни поколения Z не играет столь большой роли, как для поколения их родителей.

5. Модели поведения поколения Z определяют содержательно и формально социальные практики российского гражданского общества. Все основные общественные процессы, касающиеся политических, социально-экономических, духовно-ценностных преобразований, обусловлены социально-психологическими особенностями поколения Z.

Список источников

1. Ahmadullin I., Fatkhullina L. Virtual And Immortal Human Or Sunset the Homo Sapiens Civilization // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2021. P. 556–561. doi: 10.15405/epsbs.2021.05.02.67
2. Шамис Е. Архетипы поколений и времена года. URL: <http://rugenerations.su/2010/02/23/архетипы-поколений-и-времена-года/> (дата обращения: 28.12.2021).
3. Шамис Е., Антипов А. Теория поколений // Маркетинг. Менеджмент. 2007. № 6. С. 42–46.
4. Гаврилюк В.В., Трикоз Н.А. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 96–105.
5. Зинурова Р.И. Формирование «сетевого сознания» поколения Z в виртуальном пространстве // Управление устойчивым развитием. 2021. № 4. С. 48–53.
6. Селезнева А.В., Антонов Д.Е. Ценностные основания гражданского самосознания российской молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 227–241.
7. Мифы о «поколении Z» / Н.В. Богачева, Е.В. Сивак. М. : НИУ ВШЭ, 2019. 64 с.
8. Jones C., Ramanau R., Cross S., Healing G. Net generation or Digital Natives: Is there a distinct new generation entering university? // Computers and Education. 2010. № 54 (3). P. 722–732.
9. Alkalai Y., Chajut E. Changes over time in digital literacy // Cyberpsychology and Behavior. 2009. Vol. 12, Is. 6.

10. Нечаев В.Д., Дурнева Е.Е. «Цифровое поколение»: психолого-педагогическое исследование проблемы // Педагогика. 2016. № 1. С. 36–45.
11. Erstad O. Educating the Digital Generation – Exploring Media Literacy for the 21st Century // Nordic Journal of Digital Literacy. 2015. 30 October. P. 85–102. doi: 10.18261/ISSN1891-943X-2015-Jubileumsnummer-07
12. Hatlevik O., Ottestad G., Skaug J., Kløvdal V., Berge O. ITU Monitor 2009. URL: https://www.researchgate.net/publication/336770228_ITU_Monitor_2009_-_Skolens_digital_tilstand
13. Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. М.: Перспектива, 2016. 166 с.
14. Ориентиры и ценности молодых россиян // ФОМ. URL: <http://fom.ru/TSennosti/13083> (дата обращения: 28.12.2021).
15. Большунова Т.В. Ценностно-мотивационный аспект участия поколения «Z» в современном политическом процессе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2018. № 1. С. 63–67.
16. Сапа А.В. Поколение Z – поколение эпохи ФГОС // Продуктивная педагогика. 2015. № 8 (56). С. 2–9.
17. Зинурова Р.И., Тузиков А.Р., Фатхуллина Л.З., Алексеев С.А. Особенности формирования социальной активности и гражданской позиции у студенческой молодежи // Управление устойчивым развитием. 2018. № 3. С. 45–49.
18. Зинурова Р.И., Никитина Т.Н., Фатхуллина Л.З. Гражданский активизм в социологической интерпретации // Управление устойчивым развитием. 2022. № 1. С. 49–55.
19. 30 фактов о современной молодежи (исследование Сбербанка и Validata). URL: http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation.pdf (дата обращения: 28.12.2021)
20. Милехин А.В., Сидорова А.В. Поколенческий классификатор современного российского общества // Вестник университета. 2021. № 1. С. 156–163.
21. Кулакова А.Б. Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2018. № 2 (42).
22. Азаренок Н.В. Клиповое сознание и его влияние на психологию человека в современном мире // Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна «Психология человека в современном мире». Т. 5 «Личность и группа в условиях социальных изменений» / отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 110–112.
23. Поколение Selfie: пять мифов о современной молодежи. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pokolenie-selfie-pyat-mifov-o-sovremennoj-molodezhi> (дата обращения: 28.12.2021).
24. Гаврилова А.В. Социально-психологические особенности ментальности нового поколения // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия, психология, педагогика. 2016. Т. 26. Вып. 2. С. 58–63.
25. Милехин А.В., Сидорова А.В. Поколенческий классификатор современного российского общества // Вестник университета. 2021. № 1. С. 156–163.
26. Taipale S. Synchronicity matters: defining the characteristics of digital generations // Information Communication and Society. 2015. Vol. 19 (1). P. 80–94. doi: 10.1080/1369118X.2015.1093528
27. True Gen: Generation Z and its implications for companies // McKinsey & Company. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/consumer-packaged-goods/our-insights/true-gen-generation-z-and-its-implications-for-companies> (дата обращения: 25.12.2021).
28. На пороге взрослой жизни и неопределенного будущего: что мы знаем о поколении Z на данный момент // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2020/05/14/on-the-cusp-of-adulthood-and-facing-an-uncertain-future-what-we-know-about-gen-z-so-far-2/> (дата обращения: 25.12.2021).
29. EY опубликовала опрос Gen Z, показывающий, что компании должны переосмыслить свой «План Z» // Ernst & Young. URL: https://www.ey.com/en_us/news/2021/11/ey-releases-gen-z-survey-revealing-businesses-must-rethink-their-plan-z (дата обращения: 12.01.2022).
30. Фонд Энни Э. Кейси. Поколение Z и образование (опубликовано 29 октября 2020 г.). URL: cf.org/blog/generation-z-and-education (дата обращения: 12.01.2022).
31. Никитина Т.Н., Шакирова А.Ю. Социально-политическая активность молодежи как фактор развития гражданского общества // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 1. С. 134–137.
32. Понимание гена Z // Morning Consult. URL: <https://morningconsult.com/form/gen-z-report-download/> (дата обращения 28.12.2021).

References

1. Ahmadullin, I. & Fatkhullina, L. (2021) Virtual and Immortal Human or Sunset the Homo Sapiens Civilization. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. pp. 556–561. DOI: 10.15405/epsbs.2021.05.02.67
2. Shamis, E. (2010) Arkhetipy pokoleniy i vremena goda [Archetypes of generations and seasons]. *Rugenerations — rossiyskaya shkola teorii pokoleniy* [Rugenerations — Russian school of generational theory]. [Online] Available from: <http://rugenerations.su/2010/02/23/arkhetipy-pokoleniy-i-vremena-goda/> (Accessed: 28.12.2021).
3. Shamis, E. & Anshipov, A. (2007) Teoriya pokoleniy [Theory of generations]. *Marketing. Menedzhment*. 6. pp. 42–46.
4. Gavriluk, V.V. & Trikoz, N.A. (2002) Dinamika tsennostnykh orientatsiy v period sotsial'noy transformatsii [Dynamics of value orientations in the period of social transformation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. pp. 96–105.
5. Zinurova, R.I. (2021) Formation of “network consciousness” of generation z in virtual space. *Upravlenie ustoychivym razvitiem – Managing Sustainable Development*. 4 (35). pp. 48–53. (In Russian).
6. Selezneva, A.V. & Antonov, D.E. (2020) The value bases of the civic consciousness of the Russian youth. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 58. pp. 227–241. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/58/21
7. Bogacheva, N.V. & Sivak, E.V. (2019) Mify o “pokolenii Z” [Myths about “Generation Z”]. Moscow: HSE.
8. Jones, C. et al. (2010) Net generation or Digital Natives: Is there a distinct new generation entering university? *Computers and Education*. 54 (3). pp. 722–732. DOI: 10.1016/j.compedu.2009.09.022
9. Alkalai, Y. & Chajut, E. (2009) Changes over time in digital literacy. *Cyberpsychology and Behavior*. 6 (12). DOI:10.1089/cpb.2008.0264
10. Nechaev, V.D. & Durneva, E.E. (2016) “Digital Generation”: psychology and pedagogical research of a problem. *Pedagogika*. 1. pp. 36–45. (In Russian).
11. Erstad, O. (2015) Educating the Digital Generation – Exploring Media Literacy for the 21st Century. *Nordic Journal of Digital Literacy*. 2015. 30 October. pp. 85–102. DOI: 10.18261/ISSN1891-943X-2015-Jubileumsnummer-07
12. Hatlevik, O. et al. (2009) ITU Monitor 2009. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/336770228_ITU_Monitor_2009_-_Skolens_digital_tilstand
13. Zubok, Yu.A., Rostovskaya, T.K. & Smakotina, N.L. (2016) *Molodezh' i molodezhnaya politika v sovremennoy rossiyskoy obshchestve* [Youth and Youth Policy in Modern Russian Society]. Moscow: Perspektiva.
14. FOM. (2016) *Orientiry i tsennosti molodykh rossiyan* [Guidelines and values of young Russians]. [Online] Available from: <http://fom.ru/TSennosti/13083> (Accessed: 28.12.2021).
15. Bol'shunova, T.V. (2018) Value and motivation of participation “generation z” in the present political process. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*. 1. pp. 63–67. (In Russian).
16. Sapa, A.V. (2015) Pokolenie Z – pokolenie epokhi FGOS [Generation Z – generation of the era of FGOS]. *Innovatsionnye proekty i programmy v*

- obrazovanii – *Innovations in education*. 8 (56). pp. 2–9.
17. Zinurova, R.I. et al. (2018) Peculiarities of formation social activity and civilian position student youth. *Upravlenie ustoychivym razvitiem – Managing Sustainable Development*. 3 (16). pp. 45–49. (In Russian).
 18. Zinurova, R.I., Nikitina, T.N. & Fatkhullina, L.Z. (2022) Civil activism in sociological interpretation. *Upravlenie ustoychivym razvitiem – Managing Sustainable Development*. 1 (38). pp. 49–55. (In Russian). DOI: 10.55421/2499992X_2022_1_45
 19. SberBank. (n.d.) *30 faktov o sovremennoy molodezhi (issledovanie Sberbanka i Validata)* [30 facts about modern youth (Sberbank and Validata research)]. [Online] Available from: http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation.pdf (Accessed: 28.12.2021)
 20. Milekhin, A.V. & Sidorina, A.V. (2021) Generational classifier of modern Russian society. *Vestnik universiteta*. 1. pp. 156–163. (In Russian). DOI: 10.26425/1816-4277-2021-1-156-163
 21. Kulakova, A.B. (2018) Generation z: theoretical aspect. *Voprosy territorial'nogo razvitiya – Territorial Development Issues*. 2 (42). (In Russian). DOI: 10.15838/tidi.2018.2.42.6
 22. Azarenok, N.V. (2009) [Clip thinking and its influence on human psychology in the modern world]. *Psikhologiya cheloveka v sovremennom mire* [Human psychology in the modern world]. Proceedings of the All-Russian Conference. Vol. 5 Moscow. 15–16 October 2009. Moscow: Institute of Psychology RAS. pp. 110–112. (In Russian).
 23. Russian Public Opinion Research Center (VCIOM). (2016) *Pokolenie Selfie: pyat' mifov o sovremennoy molodezhi* [The Selfie Generation: Five myths about modern youth]. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pokolenie-selfie-pyat-mifov-o-sovremennoy-molodezhi> (Accessed: 28.12.2021).
 24. Gavrilova, A.V. (2016) Social and psychological features of the “new generation” mentality. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Filosofiya, psikhologiya, pedagogika – Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2 (26). pp. 58–63. (In Russian).
 25. Milekhin, A.V. & Sidorina, A.V. (2021) Generational classifier of modern Russian society. *Vestnik universiteta*. 1. pp. 156–163. (In Russian). DOI: 10.26425/1816-4277-2021-1-156-163
 26. Taipale, S. (2015) Synchronicity matters: defining the characteristics of digital generations. *Information Communication and Society*. 1 (19). pp. 80–94. DOI: 10.1080/1369118X.2015.1093528
 27. Francis, T. & Hoefel, F. (2018) True Gen: Generation Z and its implications for companies. *McKinsey & Company*. [Online] Available from: <https://www.mckinsey.com/industries/consumer-packaged-goods/our-insights/true-gen-generation-z-and-its-implications-for-companies> (Accessed: 25.12.2021).
 28. Parker, K. & Igielnik, R. (2020) Na poroge vzrosloy zhizni i neopredelennogo budushchego: chto my znaem o pokolenii Z na dannyi moment. *Pew Research Center*. [Online] Available from: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2020/05/14/on-the-cusp-of-adulthood-and-facing-an-uncertain-future-what-we-know-about-gen-z-so-far-2/> (Accessed: 25.12.2021).
 29. Ernst & Young. (2021) EY Releases Gen Z Survey Revealing Businesses Must Rethink Their ‘Plan Z’. [Online] Available from: https://www.ey.com/en_us/news/2021/11/ey-releases-gen-z-survey-revealing-businesses-must-rethink-their-plan-z (Accessed: 12.01.2022).
 30. Annie E. Casey Foundation. (2020) *Pokolenie Z i obrazovanie* [Generation Z and Education]. [Online] Available from: <https://cf.org/blog/generation-z-and-education> (Accessed: 12.01.2022).
 31. Nikitina, T.N. & Shakirova, A.Yu. (2020) Socio-political activity of youth as a factor in the development of civil society. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii – The Review of Economy, the Law and Sociology*. 1. pp. 134–137. (In Russian).
 32. Morning Consult. (n.d.) *Ponimanie gena Z*. [Online] Available from: <https://morningconsult.com/form/gen-z-report-download/> (Accessed: 28.12.2021).

Информация об авторах:

Зинурова Р.И. – д-р социол. наук, профессор, директор Института управления инновациями, зав. каф. менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет (Казань, Россия). E-mail: rushazi@rambler.ru.

Никитина Т.Н. – канд. социол. наук, доцент кафедры менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет (Казань, Россия). E-mail: nita101@mail.ru.

Фатхуллина Л.З. – канд. социол. наук, доцент кафедры инновационного предпринимательства, права и финансового менеджмента, Казанский национальный исследовательский технологический университет (Казань, Россия). E-mail: lialfa@rambler.ru.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

R.I. Zinurova, Dr. Sci. (Sociology), professor, director of the Institute of Innovation Management, Kazan National Research Technological University; head of the Department of Management and Entrepreneurship, Kazan National Research Technological University (Kazan, Russian Federation). E-mail: rushazi@rambler.ru.

T.N. Nikitina, Cand. Sci. (Sociology), associate professor, Kazan National Research Technological University (Kazan, Russian Federation). E-mail: nita101@mail.ru.

L.Z. Fatkhullina, Cand. Sci. (Sociology), associate professor, Kazan National Research Technological University (Kazan, Russian Federation). E-mail: lialfa@rambler.ru.

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.01.2022;
одобрена после рецензирования 13.03.2022; принята к публикации 28.03.2022.*

*The article was submitted 13.01.2022;
approved after reviewing 13.03.2022; accepted for publication 28.03.2022.*

Научная статья
УДК 32.019.5
doi: 10.17223/15617793/476/17

Политическая культура избирателей Республики Тыва как индикатор отношений власти и общества (по результатам социологических исследований)

Елена Викторовна Матвеева¹, Алия Викторовна Сат²

^{1, 2} Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

¹ mev.matveeva2020@yandex.ru

² aliya_sat@mail.ru

Аннотация. Представлены основные результаты, полученные в ходе исследований в Республике Тыва накануне выборов Главы региона и депутатов Государственной думы 2021 г. Исследования выполнены с помощью социологических методов с целью выявления политических предпочтений и электоральных настроений населения. Показано, что наиболее полно особенности политической культуры национальных республик на примере Республики Тыва проявляются в периоды избирательных кампаний.

Ключевые слова: регион, выборы, электорат, политическая культура, избиратели, политические предпочтения, политические партии, отношения власти и общества, Республика Тыва

Для цитирования: Матвеева Е.В., Сат А.В. Политическая культура избирателей Республики Тыва как индикатор отношений власти и общества (по результатам социологических исследований) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 159–167. doi: 10.17223/15617793/476/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/17

The political culture of voters in the Republic of Tyva as an indicator of relations between the authorities and society (Results of sociological research)

Elena V. Matveeva¹, Aliya V. Sat²

^{1, 2} Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

¹ mev.matveeva@yandex.ru

² aliya_sat@mail.ru

Abstract. The article aims to review and analyze the phenomenon of political culture based on the case of the Republic of Tyva through the system of the electoral process as an indicator of the relationship between the authorities and the public using quantitative and qualitative research methods. The process of scientific understanding of the phenomenon of political culture is presented through the system of electoral sentiments and values of the population in the Republic of Tyva. The definitions of political culture are presented as a historical phenomenon that has been of scientific interest since the time of Plato and Aristotle. The definitions of modern Western scientists focus on the psychological basis of this phenomenon – political sentiments, attitudes, behavior, and affiliations. Russian scientists consider political culture as a more multifaceted and broader concept. Political culture is both a model of the functioning of political institutions and a system of sacred characteristics, as well as a synthesis of political thinking and behavior, etc. The research was conducted in January–May 2021 in two stages: at the first stage, a sociological survey was conducted; at the second stage, 20 focus groups were organized. The territorial coverage of the research included the city of Kyzyl and 11 districts of the republic. The sample of the survey was 1200 respondents, that of focus interviews was 240 people. The data obtained from the sociological survey demonstrate high interest of respondents in politics. This interest is associated with specific acts of party leaders and public actions within the city or district. The region has a high level of support for the United Russia party, which is associated with such political values as individual freedom, security and order. Focused interviews showed a high level of trust in Sergei Shoigu, a leader of the United Russia party. At the same time, the participants noted a number of problems hindering the development of the region – unemployment, corruption of the heads of public bodies, clannishness, and bribery. Respondents note the need for personnel changes to solve the problems identified. The results of the study show that societies with a traditional political culture are characterized by trusting relations of the public and the government, loyalty to federal and regional leaders, solidarity with the ruling government's course, as well as a lack of readiness for political protests, actions and other forms of expression of discontent, despite the presence of acute social and economic problems in the region.

Keywords: region, election, electorate, political culture, voters, political preferences, political parties, relations of power and society, Republic of Tyva

For citation: Matveeva, E.V. & Sat, A.V. (2022) The political culture of the voters in the Republic of Tyva as an indicator of relations between the authorities and society (results of sociological research). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 159–167. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/17

Политическая культура во многом определяет характер отношений власти и общества, является одним из главных факторов формирования демократических принципов, становления гражданского общества и нуждается в детальном изучении со стороны научного сообщества. Как одна из важных составляющих политической сферы политическая культура затрагивает непосредственно всех членов общества, акторами политической культуры являются как само общество, так и власть и все причастные к нему. Как отметил О.В. Омеличкин в своей работе «Политическая культура и ее гражданские формы», сущностные характеристики и особенности политической жизни того или иного общества отражаются в его политической культуре [1].

Теоретическому изучению политической культуры в политологии уделено значительное внимание. Самостоятельным объектом исследования политическая культура становится в 1950-х гг., но ее проблемами занимались мыслители всех времен – Аристотель, Платон, Макиавелли, М. Вебер и др. [2–5]. В современной политической науке знания о политической культуре систематизированы, существует большое количество научных толкований термина, как широких, раскрывающих общие вопросы культуры общества в политической сфере, так и локальных, акцентирующих внимание на особенностях политических ориентаций, формах политического поведения и предпочтений, политических установках и стереотипах граждан.

В работах Г. Алмонда, С. Вербы, Л. Пай, Р. Такера и других ученых внимание уделено политическому участию, ориентациям, поведению и настроениям [6, 7]. В частности, Г. Алмонд и С. Верба рассмотрели политическую культуру в рамках психологического подхода, где главная роль отведена изучению политических мифов, стереотипов, настроений и установок граждан [8]. Они впервые разработали типологию политических культур, где определяющее значение имели психологические ориентации граждан.

В российской науке изучению политической культуры как одного из важнейших политических феноменов посвящено много работ. Существуют различные определения данного термина, что говорит о многогранности феномена политической культуры в нашей стране. К.С. Гаджиев считает, что политическая культура определена субъективными характеристиками индивида, подчеркивает тесную связь политической культуры и политического поведения [9]. Э.Я. Баталов дает широкое определение политической культуре как системе исторически сложившихся и относительно устойчивых убеждений, представлений, установок сознания и моделей поведения индивидов и

групп, а также моделей функционирования политических институтов [10]. А.И. Соловьев интерпретирует политическую культуру как определенный стиль поведения субъекта, характеризующий усвоенные нормы и ценности, выраженный в политическом поведении [11]. Н.Г. Щербинина полагает, что политическая культура имеет сакральные основы, вследствие чего политический лидер становится отражением архаически-антропоморфного божества [12]. О.В. Гаман-Голутвина трактует политическую культуру как синтез политического мышления и политического поведения, подчеркивая ее интегративный характер [13]. Г.Л. Тульчинский рассматривает политическую культуру как проявление социогенеза в контексте его ценностно-нормативного, институционального содержания [14]. М.В. Стержнева считает, что политическая культура есть нормативное отношение к процедурам принятия решений и правилам поведения в политике. Каждому культурно интегрированному сообществу присуща своя политическая культура [15]. Как отмечает К.Ф. Завершинский, в отечественной политологии наблюдается концептуальный вакуум политико-культурных исследований, отсутствуют устойчивые методологические ориентиры в изучении политической культуры [16].

Таким образом, политическая культура с разных сторон обширно представлена в работах зарубежных и российских ученых. При этом в работах российских ученых понятие политической культуры охватывает совершенно разные грани изучаемого явления, что показывает необходимость дальнейшего его научного осмысления. В этой связи, по мнению авторов статьи, под политической культурой следует понимать совокупность социальных, исторических, географических и этнических факторов, выраженных в политическом поведении, ценностях, ориентациях и традициях граждан.

Цель статьи – рассмотрение и анализ феномена политической культуры на примере Республики Тыва через призму электорального процесса с применением количественных (социологический опрос) и качественных (фокусированные интервью) методов исследования как индикатор отношений власти и общества.

Выборочная совокупность количественного исследования составила 1 200 респондентов при генеральной совокупности 197 932 избирателей по состоянию на 1 января 2021 г. [17]. Тип выборки – территориальная выборка (территориальная выборка предполагает поэтапный отбор административных объединений и поселений до отбора собственно респондентов) с квотами по половозрастному признаку и уровню образования. Метод отбора респондентов – случайный

(опрашивался каждый третий человек, т.е. шаг отбора респондентов равен 3 для обеспечения репрезентативности выборочной совокупности). Статическая погрешность измерений в пределах $\sim 3,7$. Выборочная совокупность качественного исследования составила 240 респондентов, опрошенных в ходе 20 фокус-групп, проведенных в г. Кызыле, г. Ак-Довураке, Дзун-Хемчикском, Пий-Хемском, Улуг-Хемском, Сут-Хольском, Эрзинском, Барун-Хемчикском, Бай-Тайгинском, Тандинском, Кызылском и Каа-Хемском районах. Временные рамки опроса – январь 2021 г., фокусированных интервью – май 2021 г. Территориальный охват исследования – г. Кызыл, г. Ак-Довурак и 10 районов Республики Тыва.

По итогам опроса видно, что чуть меньше трети респондентов при возможности принимают участие в политической жизни республики; по словам участников опроса, меньше четверти активны в политической деятельности, в большей части выражают активную политическую позицию бюджетники. Таким образом, в совокупности почти половина – 48% респондентов проявляют активность в той или иной степени; треть выразила пассивность; только 2% опрошенных рассматривают политику как сферу профессиональной деятельности. Затруднились с выбором ответа на вопрос: «Определите, пожалуйста, Ваше отношение к участию в политической жизни» 8% респондентов (рис. 1).

Рис. 1. Оценка участия граждан региона в политической жизни

Для уточнения понимания заинтересованности населения в целом политикой был задан вопрос на выявление уровня осведомленности респондентов о происходящих в стране и в мире общественно-политических событиях. Количество респондентов, активно и периодически читающих общественно-политические издания (22,8 и 19,1% соответственно), превышает число тех, кто не читает политическую периодику (24,8%).

Результаты исследования показывают, что в целом интересующихся политикой большинство. Согласно

полученным ответам, 43,5% проявляют интерес к политике, 29,6% – «скорее да, чем нет», при этом большая часть респондентов – среднего возраста. «Скорее нет, чем да» заинтересованы политикой лишь 6,8%, среди которых преобладает молодежь. «Совсем не заинтересованы» – 14,8%, из них большая часть неработающее население. Затруднились с ответом на вопрос 4,9% опрошенных. На рис. 2 представлены ответы респондентов в рамках проведенного опроса.

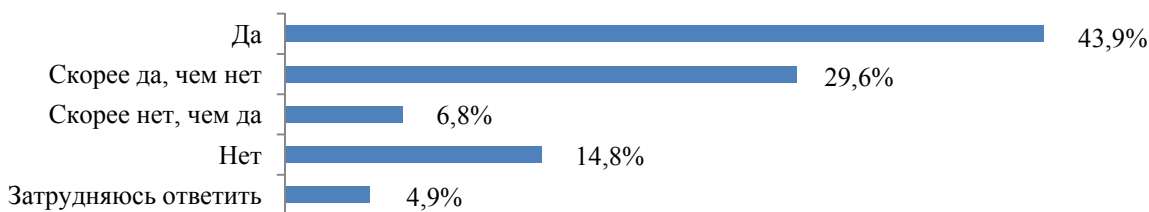

Рис. 2. Уровень заинтересованности граждан региона политической сферой

При этом было выявлено, что заинтересованность носит лишь поверхностный характер на уровне общей

информации (например, кто какую должность занимает, какой деятельностью занимается и т.д.):

– Нет, политическую программу той или иной партии не знаю, не интересовался. Тезисов партий

тоже не могу назвать. Знаю, что в нашем районе кто за какую партию работает и все (ФГ, Дзун-Хемчикский район).

– Программу (партий) не читала, не интересовалась. Лозунгов не помню. Знаю только федеральных лидеров,

Жириновского, Зюганова, Миронова (ФГ, Сут-Хольский район).

Согласно полученным данным, заинтересованность респондентов политикой проявляется не в знании политических программ, тезисов, лозунгов

партий, а в интересе к конкретным делам лидеров партий, общественным акциям в городе или районе. Треть респондентов вовсе затруднилась дать ответ

на вопрос, что говорит о политической апатии к партиям, их деятельности. Однако нисколько не сказывается на участии в голосовании. Регион на протяжении многих лет часто бьет рекорды по

стране по явке избирателей на выборах и референдумах. На рис. 3 представлены ответы респондентов на утверждение «Я слежу за деятельностью политических партий».

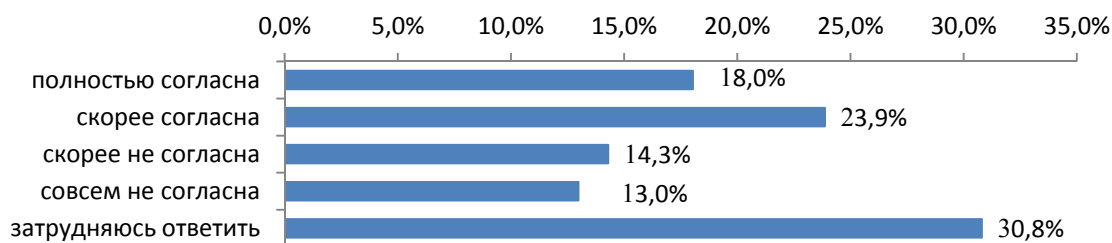

Рис. 3. Ответы на утверждение «Я слежу за деятельностью политических партий»

Большинство респондентов считают, что их мнение об имидже партий не зависит от СМИ. На вопрос «Влияют ли на Ваше представление об имидже политических партий неформальные источники информации? (слухи, статьи из желтой прессы, шутки)» 39,9% опрошенных дали отрицательный ответ и 13% – «скорее нет, чем да». Согласились с высказыванием 18,9%, затруднились с ответом 11,2%. Также большая часть респондентов ответила, что в той или иной степени знакомы с программой политических партий (35%), отчасти с программами партий знакомы 31% и ничего не знают 34%.

Ранжируя полученные ответы респондентов на вопрос о предпочитаемой системе политических ценностей, отметим, что наиболее востребованными у населения оказались свобода личности (25,1%), порядок (22,9%) и социальная справедливость (14,9%). Достаточно высокий процент респондентов затруднился с выбором политических ценностей (20,2%). Не получают на данный момент времени заметную поддержку такие ценности, как равенство (8,9%), национальная безопасность (6,6%), независимость государства (1,6%). Следует полагать, что понятие «свободы личности» достаточно емкий термин и включает в себя и такое явление, как вопросы равенства. Относительно идеи национальной безопасности и независимости государства население региона понимает, что данные вопросы затрагивают скорее не их личный статус и уровень жизни, а государственные интересы. Можно утверждать, что все предложенные варианты ответов, в частности обеспечение порядка, социальной справедливости, свободы личности и т.д., являются приоритетами развития любого государства и политических институтов, включая политические партии.

Отдельное внимание в опросе занимают вопросы, связанные с оценкой результативности работы политических партий. В частности, за деятельностью политических партий активно следят 18%, периодически отслеживают – 24%, практически не интересуются – 14%, совсем не интересуются – 13%, треть респондентов затруднились ответить на вопрос, в основном это старшее поколение.

Больше всего респонденты оказывают доверие деятельности партии «Единая Россия». Среди полученных ответов полностью доверяют партии «Единая Россия» 53,2%, скорее доверяют – 26,8%. Самые худшие результаты в вопросе доверия у партии ЛДПР: полностью доверяют 9,9%, скорее доверяют 8,6% (рис. 4).

Если сопоставить такой ответ, как «полностью доверяю партии», то «Единая Россия» явно занимает лидирующую позицию (53,2%), на втором месте – КПРФ (11,3%), на третьем – ЛДПР (9,9%), на последнем «Справедливая Россия» – 5,5%. При этом на фокусированных интервью респонденты затруднились ответить по какой именно причине та или иная партия вызывает у них доверие или недоверие.

«Единая Россия» у населения ассоциируется, в первую очередь, с такими политическими ценностями, как свобода личности, безопасность и порядок. Партии КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» в основном ассоциируются с равенством и социальной справедливостью (см. рис. 5).

Достаточно интересные результаты были получены на вопрос «На Ваш взгляд, движется ли партия к реализации намеченных ею целей?». Заметное преобладание положительных ответов было получено в отношении партии «Единая Россия» – утвердительный ответ дали 44,4% респондентов, «скорее да, чем нет» – 21,8%. Остальные партии демонстрируют примерно схожий и малоубедительный результат в относительно утвердительном ответе: КПРФ – 5,5%, ЛДПР – 3%, «Справедливая Россия» – 2,2%. Большинство респондентов доброжелательно отзывались о «Единой России» и посчитали, что партия близка к интересам граждан и общества в целом.

По результатам опроса больше половины населения проголосовало бы за «Единую Россию», если бы выборы состоялись завтра (таблица). Официальные итоги голосования в сентябре 2021 г. показали также большой отрыв «Единой России» от других партий, она набрала 85,3%, КПРФ – 4,2%, «Справедливая Россия» – 3%, «Новые люди» – 2,3%, ЛДПР – 1,8%, «Партия пенсионеров» – 0,5%. Явка избирателей составила 83,3% [18].

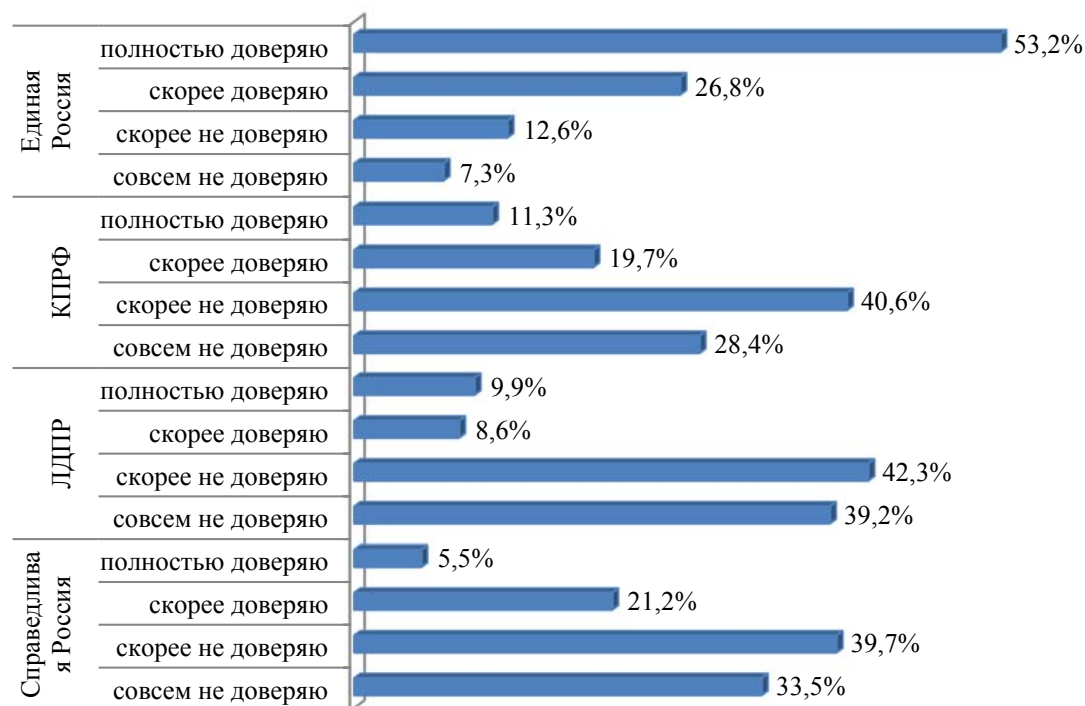

Рис. 4. Уровень доверия граждан региона политическим партиям

Выборы показали бы активное участие граждан в электоральном процессе регионального и федерального значения, а также высокую поддержку партии и кандидатов, выдвинутых при поддержке власти. В таблице показано распределение ответов населения

по территориальному делению (табл. 1). Наибольшую поддержку «Единой России» оказывают жители Тес-Хемского и Чаа-Хольского районов, ЛДПР и КПРФ – жители г. Кызыла и Кызылского района, «Справедливой России» – население Чеди-Хольского района.

Распределение ответов респондентов за парти в случае, если бы выборы состоялись завтра, %

Партия	Район / город					
	Тес-Хемский	Кызылский	Кызыл	Чеди-Хольский	Чаа-Хольский	Каа-Хемский
Единая Россия	77,8	58,4	67,8	59,1	75,0	58,5
КПРФ	2,2	13,4	8,2	4,5	7,5	6,2
ЛДПР	4,4	9,7	10,5	2,3	2,5	7,7
Справедливая Россия	4,4	8,0	5,2	11,4	7,5	7,7
Другая	11,1	10,5	8,2	22,7	7,5	20,0

Достаточно интересные ответы в отношении политических партий были получены в ходе проведения фокусированных интервью. Среди политических партий наибольшая узнаваемость у «Единой России». Стоит отметить, что респонденты при этом обвиняли партию в коррумпированности и применении административных ресурсов и давления во время выборов, но поддерживали по причине отсутствия альтернативного выбора. Партия КРПФ и ЛДПР особой поддержки не оказывали, но симпатизировали за честность КРПФ (г. Ак-Довурак) и открытость ЛДПР (г. Кызыл). Узнаваемость партии «Справедливая Россия» среди населения региона достаточно низкая, поэтому получить полноценные оценки ее работы не удалось.

В целом у населения низкий уровень осведомленности о политической жизни республики. Большинство участников исследования не знают о деятельности политических партий. Как отмечают респонденты, политические партии начинают активно работать

только перед выборами, и население не знает их дальнейшую деятельность. Депутатов Государственной думы РФ Ларису Шойгу и Мерген Ооржака знали практически все, но работу оценили удовлетворительно, отметили только участие в благотворительных акциях (Лариса Шойгу) и редкие приезды в регион (Мерген Ооржака). Высоко оценили шансы на повторение успеха на выборах Ларисы Шойгу лишь по причине родственных связей. Вероятность поддержки была отмечена респондентами и в отношении другого политика – Мергена Ооржака.

По данным фокусированных интервью, абсолютным лидером общественного мнения в регионе является Сергей Шойгу. Таким образом, немаловажным фактором победы партии власти в регионе является то, что «Единую Россию» возглавил Сергей Шойгу. В регионе сильны традиции почитания старших, которые проецируются в политическую область и выражаются в форме поддержки кандидатов, выдвинутых «властью». Это

подтверждает уровень высокой поддержки не только в официальных итогах выборов, но и в результатах социологических опросов. В ходе фокус-групп особо отмечается лояльность и аполитичность жителей отдаленных районов: Сут-Хольского, Эрзинского, Бай-Тайгинского. Респонденты из данных районов меньше всего были заинтересованы в обсуждении политических вопросов, политической информацией владели

мало; не смогли конструктивно ответить на вопросы по деятельности партий, практически не знали депутатов своего района, представленных в Верховном Хурале Республики Тыва. Респонденты в целом были хорошо осведомлены о депутатах от Республики Тыва в Государственной думе РФ, но не смогли оценить их деятельность, отметив, что они не видели их работу:

– *Других партий нет в нашем селе (помимо Единой России) (ФГ, Сут-Хольский район).*

– *Вроде постоянно слышишь Единая Россия то сделала, это сделала, но конкретно мы не знаем (ФГ, Бай-Тайгинский район).*

– *Сами там сидят, что-то делают (оценка работы местной власти) (ФГ, Эрзинский район).*

Как отметила в своей работе Ч.М. Ламажаа, важнейшей чертой политической культуры республики является традиция почитания и послушания [19]. По мнению А.К. Кужегет, послушание в тувинской семье прививают с раннего детства [20]. На наш взгляд, в обществе, где сильны традиционные ценности, высока вероятность неготовности населения к протесту, солидарности граждан с мнением большинства, лояльности к власти, поддержки официального политического курса. На поддержку власти не влияет уровень экономического развития общества, благополучие или наличие проблем в социальной сфере региона, что подтверждают итоги социологических исследований. Жители региона критически оценивают социально-экономическое состояние региона, указывают на проблемы коррупции, безработи-

цы, высоких цен, закредитованности населения, нерешенности жилищного вопроса, но, тем не менее, это не сказывается при принятии решения избирателей во время голосования и не подрывает лояльности и солидарности граждан по отношению к власти.

Таким образом, политическая культура избирателей характеризуется иррациональностью, электоральной активностью при гражданской пассивности с преобладанием аффективных ориентаций согласно классификации Г. Алмонда и С. Вербы [6]. На наш взгляд, данная теоретическая концепция наиболее релевантна для эмпирического изучения политической культуры, согласно которой политическая культура избирателей Республики Тыва относится к патриархально-подданническому типу.

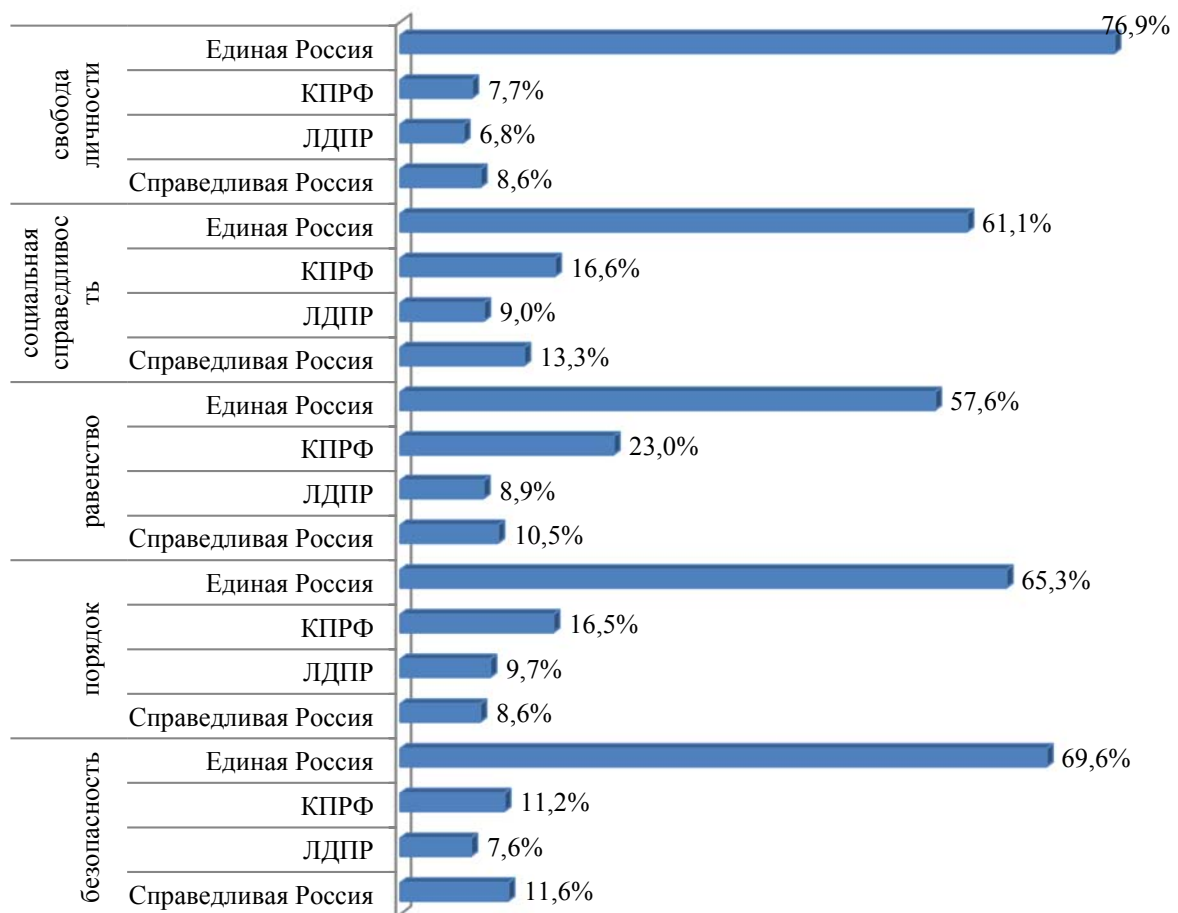

Рис. 5. Ассоциации ценностей граждан с политическими партиями

В интервью участники выражали обеспокоенность многими проблемами, существующими в регионе. По словам жителей, особенно остро стоит вопрос коррупции, с которой чаще всего сталкиваются при официальном трудоустройстве. Практически во всех фокус-группах прозвучала мысль, что

на работу берут через личные родственные или дружеские связи либо устраиваются при помощи денег. Коррупция и нецелевое использование финансовых средств являются причиной долгостроев, некачественного строительства домов, считают опрошенные:

– Коррупция везде. Клановость. Везде только родственников берут. Специалист, который может хорошо работать, не находит работу и уезжает. А родственники у кого есть, даже когда учился в университете, не особо старается, так как заранее знает, что у него уже есть место (ФГ, г. Кызыл).

Также жителей региона тревожит проблема безработицы, что связывают с нехваткой рабочих мест, увеличением числа работающих пенсионеров, коррумпированностью руководителей организаций. По словам респондентов, работающие пенсионеры должны уступить дорогу молодым, но вместе с

этим необходимо увеличить размер пенсий граждан. Однако, отмечают респонденты, в регионе имеется весомая доля жителей, которые не желают работать, чтобы получать социальные выплаты на детей, на малоимущих граждан, а также пособие по безработице:

– Нужно повышать пенсии простого народа. Решение проблемы безработицы. Раньше, когда на пенсию работники выходили, то провожали и брали молодого сотрудника. А теперь власть, то есть Путин и другие пенсионеры в Правительстве, делает удобные законы для себя (ФГ, г. Кызыл).

– Да, тем, кто на учете по безработице состоят, деньги хорошие дают. Вот они и не хотят работать. Выходит даже больше, чем зарплата работающего человека (ФГ, г. Кызыл).

Респонденты отмечают, что республике необходимы серьезные кадровые перестановки. На руководящих должностях должна быть ротация кадров. Опрошенные хотят видеть борьбу с клановостью, коррупцией, взяточничеством. Но, тем не менее, по итогам голосования видно, что чаще выбирают кандидатов, выдвинутых при поддержке власти. Также часто голосуют за партию власти, что говорит о традициях, влияющих на политическое поведение избирателей даже при критической оценке политической ситуации в республике. Опрошенные выразили желание набора кадров исходя из профессиональных качеств работника, были высказаны

мнения, что ранее руководство назначало даже министров, несоответствующих своей должности по образованию и специфике деятельности.

Стоит отметить, что в оценках деятельности прежнего Главы региона Шолбан Кара-оола жители были несколько критичны уже после его отставки. Социально-экономические проблемы региона связывали с работой прежнего руководства и возлагали большие надежды по решению вышеобозначенных проблем на новое руководство региона в лице Владислава Ховалыга, который избран Главой Республики Тыва в сентябре 2021 г.:

– Кадровые перестановки. Люди там засиделись. Республика животноводческая. В советское время все работало, сейчас застой (ФГ, г. Кызыл).

– Менять аппарат. Кадровые изменения (ФГ, г. Кызыл).

– Сменить правительство (ФГ, г. Кызыл).

– Все министры должны работать во благо народа. Центр Азии построили из федеральных денег. Кадетский корпус тоже. Там нет заслуги Правительства Тувы. Выборы фальсифицируют. Нужны реальные депутаты, реальные дела. А они, наоборот, хватаются за власть (ФГ, г. Кызыл).

– В первую очередь я занялся бы кадровой политикой. Без всяких родственников. По конкурсу определять. По опыту (ФГ, г. Кызыл).

– Крупные компании берут на работу из других городов. У нас есть много парней. Наши не пускают. Если создают компании, то 90% должно работать местное население (ФГ, г. Кызыл).

– Клановость, кумовство. Не будет Тува развиваться (ФГ, г. Кызыл).

– Моя дочь в военном институте учится, по соглашению она должна работать в Туве. Но из-за того, что есть чей-то родственник его распределили сюда (ФГ, г. Кызыл).

– Программы до конца не работают. В основном участники программ – это родственники тех, кто работает в администрации. Нужно информировать население, а они молчат и своих пропускают. Надо, чтобы Минсельхоз постоянно проверял (ФГ, Барун-Хемчикский район).

– За 15 лет он смог бы, как угодно, поднять нашу республику. Кара-оола сравнивали с Кадыровым. Как Кадыров себя ведет, как работает. Шойгу столько денег выделял, еще и бил Кара-оола. А толку нет. Чечня – место, где была война, но как у них все красиво! А у нас? У нас не было войны, а развитие такое плохое (ФГ, Каа-Хемский район).

– В районах были хорошие предприятия, почему не смог их защитить? Молокозавод, например (ФГ, г. Ак-Довурак).

Таким образом, обобщая результаты исследования, следует отметить ряд особенностей политиче-

ской культуры Республика Тыва, проявляющиеся в политических настроениях и ценностях населения

региона наиболее полно в периоды избирательных кампаний.

Во-первых, положительная динамика за последние 3–4 года отмечена респондентами в нескольких районах региона – Эрзинском, Сут-Хольском и Барун-Хемчикском. Наихудшие показатели в развитии наблюдаются в Улуг-Хемском районе и г. Ак-Довурак. За рассматриваемый временной период, с точки зрения жителей республики, ухудшилась ситуация в здравоохранении, образовании, благоустройстве (мусор и бездомные собаки), строительстве жилья, социальной жизни граждан. Жители республики отметили рост алкоголизма, безработицы, иждивения, миграции населения Тувы. В районах не хватает врачей узких специальностей, отсутствует досуг, недостает детских площадок, отмечается плохое состояние дорог, неэффективная реализация губернаторских проектов, некачественное строительство домов для детей-сирот, рост цен и низкие доходы граждан. Наибольшим доверием среди опрошенных пользуется Сергей Шойгу, а недоверием – бывший глава республики Шолбан Кара-оол.

Во-вторых, следует отметить достаточно низкий интерес у респондентов к политике, что выражается в неготовности к протесту, солидарность с мнением большинства. Отдельно следует выделить лояльность

и аполитичность жителей отдаленных районов региона – Сут-Хольского, Эрзинского, Бай-Тайгинского.

В-третьих, большие надежды на решение имеющихся проблем население Тывы возлагает на Губернатора Республики Тыва Владислава Ховалыга в решении таких вопросов, как назначение на руководящие должности исходя из профессиональных качеств и образования, равномерное внимание всем районам республики, тесное общение и выстраивание «обратной связи» с народом, контроль работы местных органов власти, решение социально-экономических проблем (высокие цены на уголь, электроэнергию и недвижимость) и т.д.

В-четвертых, среди политических партий наибольшая узнаваемость и высокое доверие избирателей отмечаются по отношению к партии «Единая Россия», несмотря на обвинения в коррумпированности и применении административных ресурсов. Большинство респондентов не знают о деятельности политических партий. Политические партии начинают активно работать только перед выборами, и население не знает их дальнейшую деятельность. Узнаваемость депутатов от региона в лице таких политиков, как Лариса Шойгу и Мерген Ооржака, достаточно высокая, однако это скорее результат оценки не их личных профессиональных качеств, а высокого рейтинга партии «Единая Россия» в регионе.

Список источников

1. Омеличкин О.В. Политическая культура и ее гражданские формы. Кемерово, 2017. 207 с.
2. Аристотель Политика. М., 2016. 352 с.
3. Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений. М., 1994. Т. 3. С. 88–122.
4. Макиавелли. Государь. М., 2020. 412 с.
5. Вебер М. Политика как призвание и профессия. М., 2018. 200 с.
6. Pye L.W. Introduction Political Culture and Political Development. Princeton, USA, 1965. 500 p.
7. Такер Р. Политическая культура и лидерство в Советской России: от Ленина до Горбачева // США: экономика, политика, идеология. 1990. № 1. С. 56–79.
8. Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М., 2020. 500 с.
9. Гаджиев К.С. Основные модели политической культуры. Политическая культура : теория и национальные модели. М., 1994. 350 с.
10. Баталов Э.Я. Советская политическая культура (к исследованию распадающейся парадигмы) // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 32–40.
11. Соловьев А.И. Политическая культура: проблемное поле метатеории // Вестник МГУ. 1995. № 3. С. 3–14.
12. Щербинина Н.Г. Архаика в российской политической культуре // Полис. Политические исследования. 1997. № 2. С. 127–139.
13. Гаман-Голутвина О.В. Развитие категории «Политическая культура» в общественно-политической мысли // ПОЛИТЭКС. 2005. № 2. С. 38–49.
14. Тульчинский Г.Л. Политическая культура. М., 2020. 324 с.
15. Стержнева М.В. Политическая культура в различных интерпретациях: анализ специального понятия // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 141–155.
16. Завершинский К.Ф. Когнитивные основания политической культуры : опыт методологической рефлексии // Полис. Политические исследования. 2002. № 3. С. 19–30.
17. Численность избирателей // Официальный сайт Избирательной комиссии Республики Тыва. URL: <http://www.tyva.izbirkom.ru/chislennost-izbirateley/index.php> (дата обращения: 23.01.2022).
18. Результаты выборов // Официальный сайт Избирательной комиссии Республики Тыва. URL: <http://www.tyva.izbirkom.ru/edg/2021/itogi/index.php> (дата обращения: 23.01.2022).
19. Ламажаа Ч.К. Политическая культура Тувы // Полис. Политические исследования. 2008. № 4. С. 48–54.
20. Кужугет А.К. Духовная культура тувинцев. Структура и трансформация. Кемерово, 2006. 319 с.

References

1. Omelichkin, O.V. (2017) *Politicheskaya kul'tura i ee grazhdanskije formy* [Political Culture and Its Civic Forms]. Kemerovo: Kemerovo State University.
2. Aristotle. (2016) *Politika* [Politics]. Translated from Ancient Greek. Moscow: Yurayt.
3. Plato. (1994) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Translated from Ancient Greek. Vol. 3. Moscow: Mysl'. pp. 88–122.
4. Machiavelli, N. (2020) *Gosudar'* [The Prince]. Translated from Italian. Moscow: Eksmo.
5. Weber, M. (2018) *Politika kak prizvanie i professiya* [Politics as a Vocation and Profession]. Translated from German by A.F. Filippov. Moscow: Ripol Klassik.
6. Pye, L.W. (1965) *Introduction Political Culture and Political Development*. Princeton, USA: Princeton University Press.

7. Taker, R. (1990) Politicheskaya kul'tura i liderstvo v Sovetskoj Rossii: ot Lenina do Gorbacheva [Political culture and leadership in Soviet Russia: from Lenin to Gorbachev]. *SShA: ekonomika, politika, ideologiya*. 1. pp. 56–79.
8. Almond, G.A. & Verba, S. (2020) *Grazhdanskaya kul'tura: politicheskie ustanovki i demokratiya v pyati stranakh* [The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations]. Moscow: Mysl'.
9. Gadzhiev, K.S. (1994) *Osnovnye modeli politicheskoy kul'tury. Politicheskaya kul'tura: teoriya i natsional'nye modeli* [The Main Models of Political Culture. Political culture: theory and national models]. Moscow: Interpraks.
10. Batalov, E.Ya. (1994) Sovetskaya politicheskaya kul'tura (k issledovaniyu raspadayushchey paradigmy) [Soviet political culture (towards the study of the disintegrating paradigm)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 6. pp. 32–40.
11. Solov'ev, A.I. (1995) Politicheskaya kul'tura: problemnoe pole metateorii [Political culture: the problematic field of metatheory]. *Vestnik MGU – Moscow University Bulletin*. 3. pp. 3–14.
12. Shcherbinina, N.G. (1997) Arkhaika v rossiyskoy politicheskoy kul'ture [Archaika in Russian political culture]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 5. pp. 127–139.
13. Gaman-Goluvina, O.V. (2005) Razvitiye kategorii "Politicheskaya kul'tura" v obshchestvenno-politicheskoy mysli [Development of the category "Political culture" in socio-political thought]. *POLITEKS – POLITEX*. 2 (1). pp. 38–49.
14. Tul'chinskiy, G.L. (2020) *Politicheskaya kul'tura* [Political Culture]. Moscow: Yurayt.
15. Sterzhneva, M.V. (2002) Politicheskaya kul'tura v razlichnykh interpretatsiyakh: analiz spetsial'nogo ponyatiya [Political culture in various interpretations: analysis of a special concept]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 5. pp. 141–155.
16. Zavershinskiy, K.F. (2002) Cognitive foundations of political culture: an essay of methodological reflection. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 3. pp. 19–30. (In Russian).
17. Izbiratel'naya komissiya Respubliki Tyva [Election Commission of the Republic of Tyva]. (n.d.) *Chislennost' izbirateley* [The number of voters]. [Online] Available from: <http://www.tyva.izbirkom.ru/chislennost-izbirateley/index.php> (Accessed: 23.01.2022).
18. Izbiratel'naya komissiya Respubliki Tyva [Election Commission of the Republic of Tyva]. (2021) *Rezultaty vyborov* [Election results]. [Online] Available from: <http://www.tyva.izbirkom.ru/edg/2021/itogi/index.php> (Accessed: 23.01.2022).
19. Lamazhaa, Ch.K. (2008) Political culture of Tuva. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 4. pp. 48–54. (In Russian).
20. Kuzhuget, A.K. (2006) *Dukhovnaya kul'tura tuvintsev. Struktura i transformatsiya* [Spiritual Culture of Tuvinsians. Structure and transformation]. Kemerovo: Kemerovo State University of Culture and Arts.

Информация об авторах:

Матвеева Е.В. – д-р полит. наук, профессор кафедры философии и общественных наук Кемеровского государственного университета (г. Кемерово, Россия). E-mail: mev.matveeva2020@yandex.ru

Сат А.В. – аспирант кафедры философии и общественных наук Кемеровского государственного университета (г. Кемерово, Россия). E-mail: aliya_sat@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.V. Matveeva, Dr. Sci. (Political Science), professor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: mev.matveeva@yandex.ru

A.V. Sat, postgraduate student, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: aliya_sat@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.01.2022;
одобрена после рецензирования 17.02.2022; принята к публикации 28.03.2022.

The article was submitted 24.01.2022;
approved after reviewing 17.02.2022; accepted for publication 28.03.2022.

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 378.147
doi: 10.17223/15617793/476/18

Роль мотивации в формировании готовности переводчиков русского жестового языка к профессиональной деятельности

Елена Анатольевна Мелёхина¹, Елена Сергеевна Минаева²

^{1, 2}Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

¹melexina@corp.nstu.ru

²alena29minaeva@gmail.com

Аннотация. Описываются результаты исследования ключевых мотивов выбора обучающимися профессии переводчика русского жестового языка и их влияние на формирование готовности к выполнению профессиональной деятельности. Сделан вывод об осознанности выбора профессии большинством обучающихся, их желании погружаться в культуру глухих через общение с носителями жестового языка, волонтерскую деятельность и участие в мероприятиях с представителями глухого сообщества.

Ключевые слова: мотивация, мотивы выбора профессии, переводчик русского жестового языка, готовность к профессиональной деятельности.

Для цитирования: Минаева Е.С., Мелёхина Е.А. Роль мотивации в формировании готовности переводчиков русского жестового языка к профессиональной деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 168–175. doi: 10.17223/15617793/476/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/18

The role of motivation in developing the readiness of Russian Sign Language interpreters for professional activities

Elena A. Melekhina¹, Elena S. Minaeva, Galina Z. Efimova²

^{1, 2}Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation

¹melexina@corp.nstu.ru

²alena29minaeva@gmail.com

Abstract. This research aimed at defining the key motives for choosing profession of a Russian Sign Language (RSL) interpreter and the way they influence students' development of the readiness for professional activity. The participants of the study were 68 students of Novosibirsk State Technical University (NSTU) majoring in Linguistics, the English Language Interpreter and Russian Sign Language Interpreter program, and 6 teachers of RSL combining teaching with interpreting practice. The data were collected through questionnaire with open-ended questions. The questionnaire asked what influenced the choice of the program of studies, about interests in RSL and the deaf community, how attitude towards the profession of RSL interpreter changed after the beginning of studies at the university, and about motivation. Similar questions were given to the teachers but in relation to their understanding of students' motives. Teachers were also asked to express their opinion on what kind of learning and extra-curricular activities motivate students to sustain their interest in the profession of an RSL interpreter. The findings demonstrate that majority of the students have determinedly chosen the program of studies either for pragmatic (state-funded places) or idealistic (interest in "unusual" language, "mystery" of deaf culture) reasons. The studies and interaction with professional RSL interpreters positively influenced their attitude towards future profession. Most of the students value the opportunity to learn from deaf teachers. The teachers identified the same motives of choosing the profession of an RSL interpreter by the students and added that they were trying to maintain students' motivation by organized immersion into deaf culture. The students are involved in various extra-curricular activities with the deaf community. They participate in cultural events, do trial interpreting, and act as volunteers. Such kind of involvement with the deaf community enhances students' intercultural awareness and provides stimulating ground for developing readiness for professional RSL interpreting.

Keywords: motivation, motives of profession choice, Russian Sign Language (RSL) interpreters, readiness for professional activities

For citation: Melekhina, E.A., Minaeva, E.S. (2022) The role of motivation in developing the readiness of Russian Sign Language interpreters for professional activities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. ... (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/18

Введение

Выбор человеком профессии определяется различными причинами субъективного и объективного характера, такими как интерес к деятельности, способности, перспектива высокого заработка, влияние семьи, друзей и многими другими причинами. Это протяженный во времени и сложный мотивационный процесс формирования готовности к профессиональной деятельности, от которого в дальнейшем зависит её успешная реализация и удовлетворенность собственной жизнью. Поступая в вуз для овладения профессией переводчика русского жестового языка (РЖЯ), абитуриенты, большей частью незнакомые с культурой глухого сообщества и имеющие неясное представление о том, к чему они должны быть готовы, руководствуются собственными мотивами, которые будут рассмотрены в данной статье.

В обобщенном понимании готовность к выполнению профессиональной деятельности понимается как совокупность профессионально обусловленных требований к специалисту [1. С. 29]. Её структура, в описании О.Е. Курлыгиной, включает положительное отношение к выполняемой деятельности; совокупность необходимых способностей, черт характера, мотивационных установок; требуемый набор компетенций; профессионально значимый тип мышления эмоционального реагирования [2]. Основными компонентами готовности являются:

- мотивационно-ориентационный – совокупность устойчивых мотивов, интересов и смыслов, а также положительного отношения к профессии при наличии профессионально значимых качеств личности;
- операциональный – личностная саморегуляция, самоконтроль, настойчивость и самообладание;
- когнитивный – совокупность знаний и умений, полученных в период профессиональной подготовки;
- рефлексивный – самооценка себя как личности и профессионала [3].

На основе анализа психолого-педагогической литературы Н.С. Глуханюк заключает, что готовность к профессиональной деятельности рассматривается как «результат развития личности в соответствии с профессиональными требованиями, как первичное фундаментальное условие успешного выполнения деятельности, а также подготовки к ней; при этом направленность, устойчиво доминирующие мотивы, отношения личности, их осознание выделяются как факторы, наиболее благоприятствующие формированию психологической готовности» [4. С. 85]. Следовательно, формирование готовности к деятельности невозможно без устойчивой мотивации к её выполнению.

Общеизвестно, что мотивация формируется под влиянием ряда факторов, среди которых система принятых личностью норм и ценностей, субъективный опыт, воздействие среды, физиологические особенности. От этих факторов зависит формирование отдельных мотивов, которые у каждой личности представ-

лены в виде сформировавшейся собственной системы мотивов.

Мотив в определении, данном А.А. Реаном, это «внутренне побуждение личности к тому или иному виду активности (деятельность, общение, поведение), связанное с удовлетворением определенной потребности» [5. С. 85]. А. Маслоу рассматривает мотив как непосредственную внутреннюю осознанную причину поступков или деятельности, как внутреннюю цель и потребность, вырабатываемую самой личностью под влиянием общественного запроса [6. С. 63–64].

Мотивы не только побуждают к деятельности, но и осуществляют смыслообразующую функцию, придавая личностный смысл целям и структурным компонентам деятельности в соответствии с обстоятельствами, способствующими или препятствующими реализации мотива. Мотивы развиваются на протяжении всей жизни человека с приобретением опыта и обогащением жизненного мира субъекта при осуществлении деятельности. Чем отчетливей человек осознает мотивы своей деятельности, тем более подконтрольной эта деятельность становится [7].

Мотивы выбора профессии многообразны и классифицируются исследователями по различным категориям. Например, Е.М. Павлютенков определяет следующие мотивы: социальные мотивы; моральные мотивы; эстетические мотивы; познавательные мотивы; творческие мотивы; мотивы, связанные с содержанием труда; материальные мотивы; престижные мотивы; утилитарные мотивы [8]. А.М. Басинский в описании мотивов познавательной деятельности при освоении профессиональных образовательных программ выделяет пять групп: социальные мотивы, коммуникативные мотивы, познавательные мотивы, мотивы ответственности, мотивы перспективы [9. С. 13]. Мотивы поступления в педагогический вуз и мотивы успешности в профессиональной деятельности О.Л. Никольская оценивала в своем исследовании по пяти категориям: мотив как цель, мотив как потребность, мотив как намерение, мотив как устойчивое свойство личности и мотив как побуждение. При этом автор уточняет, что мотивы не всегда осознаются человеком и «часто обнаруживают себя только после того, как соответствующее действие уже совершено», как это случается при поступлении на ту или иную специальность в вузе [10].

Если говорить о переводчиках РЖЯ, то, обозначенный А. Маслоу в определении мотива общественный запрос, оказывающий влияние на возникновение потребности личности в совершении поступка или какой-либо деятельности, в случае с представителями данной профессии обусловлен двумя событиями. Во-первых, в 2011 г. Институт языкознания РАН признал русский жестовый язык полноценной лингвистической системой. Во-вторых, 30 декабря 2012 г. была принята поправка к Федеральному закону «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», предписывающая органам государственной власти и местного самоуправления обеспечить «условия в подведомственных учреждениях для получения инвалидами по слуху услуг по переводу с использованием

русского жестового языка» [11]. Таким образом, сформировался социальный заказ для вузов на открытие образовательных программ подготовки переводчиков РЖЯ для работы с лицами с ограниченными возможностями здоровья по слуху.

Что касается внутренних осознанных причин выбора профессии, то, согласно теории самодетерминации Э. Дейси и Р. Райана, мотивация развивается внутри нас, основываясь на наших потребностях и способностях, желании действовать самостоятельно в единстве с окружающей средой и людьми [12]. Если человек активно овладевает знаниями, стремится к достижению целей, ориентирован на профессиональный и личностный рост, значит он внутренне мотивирован. В отличие от внешней мотивации, которая побуждает человека к деятельности с целью получения выгоды или под определенным давлением, внутренняя мотивация определяется личностным свойством субъекта, изнутри побуждающим его к совершению определенных действий [13].

Целью исследования является определение доминирующих мотивов выбора профессии переводчика русского жестового языка и их влияние на формирование готовности к выполнению профессиональной деятельности.

Методы исследования

В качестве опросного метода сбора данных использовалось анкетирование с открытым типом вопросов, в котором приняли участие 68 студентов и шесть преподавателей. Анкета студентов включала следующие вопросы:

1. Кто/что повлияло на ваш выбор профессионального обучения?
2. Чем заинтересовало сообщество глухих?
3. Что именно заинтересовало в изучении РЖЯ?
4. Как изменилось ваше мнение о профессии после начала обучения?
5. Что мотивирует в освоении профессии?

В анкету для преподавателей вошли следующие вопросы:

1. Что, на ваш взгляд, повлияло на выбор профессии переводчика РЖЯ вашими студентами?

2. Чем, по вашему мнению, заинтересовало сообщество глухих Ваших студентов?

3. Как вы думаете, что мотивирует ваших студентов к изучению РЖЯ?

4. Что, как вы считаете, мотивирует ваших студентов к выполнению функций переводчика РЖЯ?

5. Какие методы обучения, способствующие повышению мотивации к формированию профессиональных компетенций переводчика РЖЯ, вы используете на занятиях?

Также в качестве метода сбора данных при проведении коммуникативного тренинга со студентами выпускного курса использовалась беседа, в течение которой преподаватель РЖЯ фиксировал ответы на вопросы. Всего в тренинге приняли участие 29 человек.

Исследование проводилось на кафедре иностранных языков факультета гуманитарного образования (ИЯ ГФ) Новосибирского государственного технического университета (НГТУ) среди студентов, обучающихся по направлению 45.03.02 Лингвистика, профиль «Переводчик английского языка и русского жестового языка». В опросе также участвовали преподаватели кафедры ИЯ ГФ, совмещающие преподавательскую деятельность с переводческой практикой в лаборатории русского жестового языка института социальных технологий НГТУ.

Результаты исследования

Студенты. Ответы студентов на первый вопрос демонстрируют наличие как прагматического мотива выбора профессии – «наличие бюджетных мест» – 41,4%, так и социального мотива – «культура, самобытность, необычность сообщества глухих» – 54,2%. Также 48,5% отметили в качестве мотива выбора необычность изучаемого языка (рис. 1).

По видам мотивов выбора профессии ответы респондентов были распределены следующим образом (рис. 2).

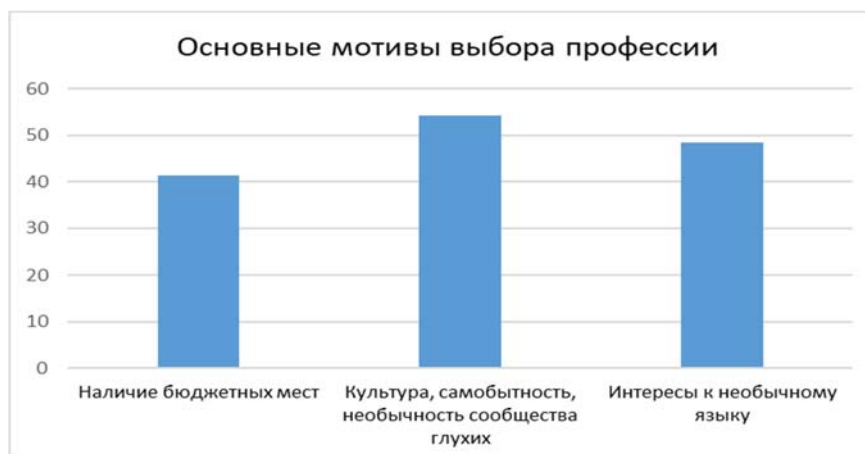

Рис. 1. Основные мотивы выбора профессии

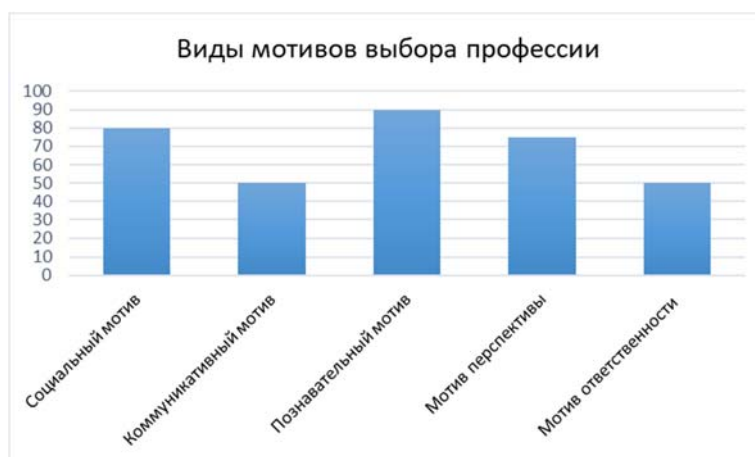

Рис. 2. Виды мотивов выбора профессии

Социальный мотив – мотив, который подразумевает желание находиться в социуме, чувство принадлежности к социуму.

На основании 85 ответов на вопросы № 1, 2, 5, можно сделать вывод о том, что большинство студентов имеют выраженную направленность к взаимодействию с представителями глухого сообщества, а также желание быть частью сообщества переводчиков русского жестового языка.

Коммуникативный мотив – мотив, побуждающий человека вступать в общение с другими людьми.

На основании 72 ответов на вопросы № 2, 3 можно сделать вывод о коммуникативной направленности при выборе профессии: «интересно общение с представителями глухого сообщества», «интересен жестовый язык как необычный, красивый язык», «выбор профессии обусловлен знакомством с глухими людьми».

Познавательный мотив – мотив, направленный на различные виды учебной деятельности и стимулирующий к получению новых знаний.

Высокий процент, приходящийся на познавательный мотив, подтверждает вполне понятное при поступлении в вуз желание студентов учиться: «заинтересованность в творческом развитии/заинтересованность в изучении иностранных языков». Однако, специфика профессии переводчика РЖЯ также отразилась в ответах на вопросы анкеты: «заинтересовала необычность языка / тайна / другая модальность языка / формирование языка/получение новых знаний и опыта».

Мотив перспективы – желание развиваться в профессии, планирование будущей профессиональной деятельности, стремление к карьерному росту.

На вопросы № 4, 5 75% респондентов ответили, что стремятся утвердить себя в профессии, достичь профессиональных успехов, сделать карьеру.

Мотив ответственности – мотив, влияющий на необходимость осознанного принятия обязательств по выполнению учебной и профессиональной деятельности.

Результаты ответов на вопросы № 4 и 5 подтвердили наличие у 50% обучающихся направленности на выполнение профессиональной деятельности переводчика РЖЯ, что можно проследить в таких ответах, как «осознал(а) значимость, сложность профессии / узнал(а), что важно при общении с глухими не только жесты, но и мимика и взгляд / появилось восхищение и уважение к представителям профессии / появилось уважение к людям занятым таким важным делом / обучение профессии стало захватывающим – как с преодолением различных трудностей, так и со множеством приятных эмоций / понял(а), что профессия подходит мне по душе больше, чем я себе представлял(а)».

Что касается коммуникативного тренинга на тему мотивационно-ценностной составляющей будущей профессии переводчика РЖЯ, то во время его проведения студенты выпускного курса отвечали на следующие вопросы: Хотите ли вы работать по выбранной специальности? Что ценно для вас в профессии? Что мотивирует в освоении профессии?

Ответы студентов согласуются с категорией мотивов, выделенных выше. При этом студенты отметили, «что раньше только смутно осознавалось, теперь было осознано, преобразовано в слова, а также выделено для себя то, что на самом деле ценно и что мотивирует в освоении профессии переводчика русского жестового языка».

Полученные данные по ответам студентов характеризуются преобладанием социального мотива 28% и коммуникативного мотива 24% что, подтверждает не только интерес к выбранной профессии, но и понимание своей миссии в профессии, идентификации и определении своих задач в будущей профессиональной деятельности. Это подтверждается такими ответами, как: «в моей будущей профессии буду просвещать слышащих людей о мире глухих, видеть эмоции удивления со стороны слышащих, которые узнают о культуре глухих», «нравится быть источником информации для глухих, принимать благодарность от глухих за передаваемую информацию, чувствовать

уважение глухих к переводчику», «творческая профессия, можно переводить на творческих мероприятиях, концертах, жестовое пение, творческий подход к переводу, воссоздание переводимой ситуации», «знания русского жестового языка дает возможность работать в различных сферах категории человек-человек, таким образом привлекать глухих в подобные сферы, взаимодействовать с глухими».

Согласуются с мотивом перспективы 14% ответов: «возможность заниматься наукой, изучающей русский жестовый язык, создавать учебные пособия по изучению жестового языка», «обучать русскому жестовому языку». О познавательном мотиве выбора профессии переводчика РЖЯ свидетельствуют 10% ответов: «получать новые знания в процессе переводческой деятельности», «изучение русского жестового языка как лингвистической системы».

Из прочих мотивирующих составляющих среди ответов можно было выделить потребность в самореализации и занятии творческой профессией.

Никто из студентов выпускного курса не сказал, что не хочет работать по получаемой в университете специальности. Возможно, имея внутренние предубеждения против работы с людьми с ограниченными возможностями здоровья, кто-то не захотел признаться в этом публично.

Преподаватели. Содержание ответов преподавателей на вопросы № 1–3 относительно мотивов выбора профиля обучения, в целом, совпадает с ответами студентов, включая наличие бюджетных мест, необычность языка и его особенности.

Что касается мотивации к выполнению функций переводчика РЖЯ, то, по мнению преподавателей, большое влияние на её рост оказывают «открытость сообщества глухих к тем, кто владеет РЖЯ», «пример опытных переводчиков РЖЯ», «друзья и знакомые из сообщества глухих», «возможность иметь необычную профессию», «ситуации успеха в непосредственном общении с глухими», «участие в мероприятиях с глухими».

В контексте опроса преподавателей наибольший исследовательский интерес заключался в определении того, что преподаватели делают для формирования и развития мотивации студентов к освоению профессии переводчика русского жестового языка. Из ответов становится понятно, что основным мотивирующим фактором является личный пример: все преподаватели являются носителями РЖЯ и имеют непосредственные связи с глухим сообществом, будучи либо людьми с ограниченными возможностями здоровья по слуху, либо детьми глухих родителей (CODA – children of deaf adults). Преподаватели отметили мотивирующий потенциал погружения в языковую среду, сопричастность, сопереживание, возможность практиковаться с носителями РЖЯ. Большой интерес у студентов вызывают экскурсии, мероприятия с участием глухих, просмотр и обсуждение видео на РЖЯ, беседы об особенностях культуры, мира глухих и волонтерская деятельность. Студенты имеют возможность наблюдать за работой

переводчиков-практиков и знакомятся с историями успеха переводчиков РЖЯ.

Обсуждение

Полученные результаты исследования позволяют определить мотивационные критерии формирования готовности к профессиональной деятельности переводчика РЖЯ, а именно:

- осознанность выбора профессиональной деятельности;
- интерес к освоению языковых и профессиональных навыков;
- интерес к сообществу глухих как к потенциальным клиентам;
- возможность погружаться в профессиональную среду на начальном этапе обучения.

Все эти мотивы имеют важное решающее значение в формировании готовности к профессиональной деятельности переводчика РЖЯ.

Осознанность выбора профессии свидетельствует о развитии целеполагания, что согласуется с зафиксированными профессиональным стандартом «Специалист в области перевода» необходимыми умениями переводчика, выполняющего сопроводительный перевод, как «сопровождение заказчика в соответствии с заранее согласованной программой с целью обеспечения межкультурной коммуникации» и «сохранение коммуникативной цели исходного сообщения» [14].

Интерес к освоению языковых и профессиональных навыков, имеющий основополагающее значение в подготовке лингвистов-переводчиков, влияет на развитие таких компетенций, как «осуществлять профессиональную коммуникацию с заказчиком», «переводить с одного языка на другой», «быстро переходить с одного языка на другой» [14]. Это согласуется с компетенциями, определенными международными организациями, связанными с обучением или профессиональной деятельностью переводчиков РЖЯ. Так, в Голландии выделяют семь основополагающих компетенций переводчика РЖЯ:

- межличностная компетенция;
- организационная компетенция;
- способность сотрудничать с коллегами;
- грамотно взаимодействовать с клиентами и их окружением (с сообществом глухих и др.);
- способность к рефлексии и саморазвитию;
- компетенция направленная на формирование техник и приемов переводческой деятельности, развитие навыков переводческой деятельности;
- языковая компетенция [15. С. 64–81].

Похожие компетенции находим в определении американских исследователей, пять ключевых областей в компетенциях переводчика национального жестового языка:

- компетенции в области знаний, включающие базовые лингвистические знания и знания о мире, необходимые для эффективной переводческой деятельности;

- компетенции в области человеческих отношений, способствующих эффективному общению и продуктивному сотрудничеству с коллегами, клиентами и работодателями;

- компетенция в сфере языковых умений и навыков, связанные с использованием национального жестового языка и звукового языка;

- компетенции в области перевода, определяющие владение техникой перевода в различных областях человеческой деятельности и в различных условиях;

- профессиональные компетенции, согласующиеся с профессиональными стандартами и практиками [16. С. 23–42].

Устойчивая мотивация к овладению знаниями и формированию профессионально значимых умений и качеств личности в период учебы в вузе свидетельствуют о наличии субъектной позиции студентов, что отражено в работе Малковой И.Ю. и Киселёвой П.В., которые утверждают, что «самоопределение в учебно-профессиональном поле происходит в юности, в период профессионального образования». Именно в это время, по мнению авторов, у студентов формируется субъектная позиция по отношению к своей учебной деятельности; причем эффективность процесса формирования субъектной позиции в значительной степени зависит от того, насколько этот процесс организован [17].

Возможность погружаться в среду изучаемого языка с начала обучения позволяет студентам глубже понимать культуру глухого сообщества, преодолевать влияние стереотипов, формировать психологическую готовность к общению с людьми с ограниченными возможностями здоровья. В своих ответах студенты отмечают, что «погружение в язык», «возможность практиковаться с «носителями» языка», «живые экскурсии», «беседы о мире глухих», «возможность наблюдать за профессиональными переводчиками РЖЯ» оказывают положительное влияние на их мотивацию к будущей профессиональной деятельности.

Это также способствует формированию профессиональной идентичности, о значимости которой пишет Н. Харвуд. Она связывает готовность к переводческой деятельности переводчика американского жестового языка с профессиональной идентичностью, мысленным образом профессионала и пониманием того, насколько соответствуют этому образу собственные ожидания [18. С. 96–107]. Неспособность идентифицировать себя в качестве переводчика может привести к избеганию контактов с глухим сообществом, что будет препятствовать успешной профессионализации переводчика жестового языка. У переводчиков могут возникнуть несоответствие между ожиданиями и реальностью, завышенный уровень притязаний и оценивание ситуации как, например, «отсутствие уважения к их способностям или статусу».

Мотивационный потенциал погружения в среду изучаемой культуры, наблюдение за деятельностью профессиональных переводчиков с первых дней обучения, включенность в общение с носителями языка отразились в 47% ответов студентов на четвертый вопрос анкеты об изменении их мнения о профессии

после начала обучения: «мнение изменилось в лучшую сторону», «узнала больше о профессии и осознала значимость и её сложность», «узнал(а), что при общении с глухими важны не только жесты, но и мимика и взгляд», «появилось уважение к представителям профессии», «обучение профессии стало захватывающим». Это согласуется с принципами социокультурного подхода, использование которого, по мнению О.А. Обдаловой, позволяет создать «культуроведческий информационный фон, преодолеть межкультурные языковые помехи <...> развивает у обучаемых социокультурный кругозор, коммуникативный потенциал, речевой такт, готовность и умение совместно действовать с людьми различных взглядов и убеждений» [19. С. 29].

Деятельность преподавателей РЖЯ по вовлечению студентов во внеаудиторные мероприятия с представителями глухого сообщества, несомненно, оказывает влияние на формирование социокультурной компетенции будущих переводчиков и способствует преодолению стереотипов о людях с проблемами слуха. О значимости внеаудиторной работы студентов для принятия образовательных инноваций, межличностной и межкультурной коммуникации с целью повышения уровня толерантности к представителям различных языков и культур пишет А.В. Фахрутдинова. Результаты проведенного ею исследования о потенциале организованного досуга и волонтерской деятельности студентов университета подтвердили, что «мероприятия локально-социальной значимости способствуют развитию эмпатии, развивают стремление быть полезным» [20. С. 56].

Однако то, что большая половина анкетированных не отметила изменения мнения о будущей профессии ни в положительную, ни в отрицательную сторону, может свидетельствовать о том, что студенты не обладают развитыми навыками критического мышления, которое, согласно Ю.Н. Корешниковой, И.Д. Фрумину и Т.В. Пашенко, является «совокупностью знаний, навыков и диспозиций, позволяющих рационально анализировать и оценивать информацию для аргументированного принятия решений» [21. С. 46]. Как отмечают авторы, неразвитое критическое мышление – это общая проблема не только студентов, но и профессорско-преподавательского состава большинства российских вузов, тогда как для работодателей способность сотрудников критически отбирать значимую информацию и на её основе приобретать и использовать необходимые для профессиональной деятельности знания является одним из самых важных качеств выпускников вуза [21]. Отсутствие четко выраженного отношения к будущей профессии может свидетельствовать о недостатке внутренней мотивации, что впоследствии скажется на готовности к профессиональной деятельности.

Заключение

Мотивация играет важную роль не только в выборе человеком профессиональной деятельности, но и в подготовке к её выполнению. Поступление в вуз может

осуществляться под воздействием как внутренних, так и внешних мотивов. Наличие внутренней мотивации свидетельствует об осознанности выбора и влияет на успешность овладения будущей профессией.

Как показали результаты исследования, большая часть студентов, участвовавших в опросе, осознанно выбрали профессию переводчика русского жестового языка, что было обусловлено как внешним (прагматическим) мотивом – наличием бюджетных мест, так и внутренними – интересом к необычному языку и культуре. Результаты беседы со студентами выпускного курса во время коммуникативного тренинга подтверждают осознанность их выбора профессии. Ведущими мотивами для половины ответивших являются социальный и коммуникативный. Следующими значимыми мотивами стали познавательный и мотив перспективы.

Большое значение для поддержания интереса к профессии переводчика РЖЯ и сохранения мотивации

имеет специально организованная среда обучения, включающая работу с преподавателями-носителями РЖЯ; наблюдение за работой переводчиков-практиков; выполнение пробных переводов под наблюдением преподавателя; погружение в культуру глухого сообщества через участие во внеаудиторных мероприятиях с лицами с ограниченными возможностями здоровья по слуху.

В данном исследовании не были подробно рассмотрены методы обучения переводу РЖЯ, которые также влияют на мотивацию и формирование готовности к профессиональной деятельности. Возможно, анализ методов обучения позволил бы объяснить отсутствие у половины студентов изменения мнения о будущей профессии в какую-либо сторону после начала учебы в вузе. Поэтому исследование процесса формирования готовности переводчиков РЖЯ к профессиональной деятельности будет продолжено.

Список источников

1. Педагогика : учеб. пособие / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов; под ред. В.А. Сластенина. М. : Издательский центр «Академия», 2002. 576 с.
2. Курлыгина О.Е. Компетентность как характеристика готовности будущего учителя к осуществлению профессиональной деятельности // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. URL: <http://science-education.ru/article/view?id=13430> (дата обращения: 31.07.2020).
3. Гревцева Г.Я., Котлярова И.О., Сериков Г.Н., Фахрутдинова А.В., Циулина М.В. Методологические подходы к подготовке студентов к профессиональной инновационной деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 462. С. 181–191. doi: 10.17223/15617793/462/22
4. Глуханюк Н.С. Психология профессионализации педагога. 2-е изд., доп. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2005. 261 с.
5. Реан А.А., Кудашев А.Р., Баранов А.А. Психология адаптации личности. СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. 479 с.
6. Маслоу А.Г. Мотивация и личность / пер. с англ. А.М. Татлыбаева. СПб. : Евразия, 1999. 479 с.
7. Мелёхина Е.А. Мотивация в профессиональной деятельности преподавателя иностранного языка вуза // Казанская наука. 2014. № 1. С. 234–238.
8. Павлютенков Е.М. Формирование мотивов выбора профессии / под ред. Б.А. Федоришина. Киев : Рад. школа, 1980. 143 с.
9. Басинский Н.М. Формирование готовности сотрудников органов внутренних дел к осуществлению охранной функции в процессе профессиональной подготовки : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Калининград, 2018. 22 с.
10. Никольская О.Л. Мотивы поступления будущих учителей на педагогический факультет педвуза и мотивы успешности в профессиональной деятельности // Современные наукоемкие технологии. 2015. № 12. С. 709–713.
11. Федеральный закон от 30.12.2012 № 296-ФЗ «О внесении изменений в статьи 14 и 19 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».
12. Deci E. and Ryan R. Self-Determination Theory: A Macrotheory of Human Motivation, Development, and Health // Canadian Psychology. 2008. Vol. 49, № 3. P. 182–185.
13. Chaudhuri J. Stimulating intrinsic Motivation in Millennial Students: A New Generation, a New Approach // Anatomical Sciences Education. 2020. № 13. P. 250–271.
14. Профессиональный стандарт «Специалист в области перевода», утвержденный Приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации № 134н от 18.03.2021, зарегистрирован в Министерстве юстиции РФ, № 63195 от 21.04.2021. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/04.015-spetcialist-v-oblasti-perevoda.html>
15. Hammer A., van den Bogaerde B. Sign language interpreting education Reflections on interpersonal skills // Teaching Dialogue Interpreting: Research-based proposals for higher education / ed. by L. Cerilla, N. Niemants. Netherlands, 2017. 393 p.
16. Witter-Merithew A., Johnson L., Taylor M. A national perspective on entry to practice competencies // E.M. Maroney (ed.) Proceedings of the 15th National Convention of the Conference of Interpreter Trainers. Washington, D.C. : Conference of Interpreter Trainers, 2004. P. 23–42.
17. Малкова И.Ю., Киселёва П.В. Особенности развития субъектной позиции студентов в процессе проектирования образовательной деятельности // Язык и культура. 2014. № 1 (25). С. 95–109.
18. Harwood N. Exploring professional identity: a study of American Sign Language/English interpreters (master's thesis). Western Oregon University, Monmouth, Oregon. 2017. 140 p. URL: <https://digitalcommons.wou.edu/theses/37>
19. Обдалова О.А. Иноязычное образование в XXI веке в контексте социокультурных и педагогических инноваций. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 180 с.
20. Фахрутдинова А.В. Формирование межэтнической толерантности студентов в условиях образовательной среды вуза // Вестник НЦБЖД. 2019. № 2 (40). С. 52–57.
21. Корешникова Ю.Н., Фрумин И.Д., Пашенко Т.В. Барьеры для создания педагогических условий развития критического мышления в российских вузах // Педагогика. 2020. Т. 84, № 9. С. 45–54.

References

1. Slastenin, V.A. (ed.) (2002) *Pedagogika* [Pedagogy]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Akademiya".
2. Kurlygina, O.E. (2014) Competence as a characteristic of preparedness of future teachers to carry out professional activities. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern problems of science and education*. 4. [Online] Available from: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=13430> (Accessed: 31.07.2020). (In Russian).
3. Grevtseva, G.Ya. et al. (2021) Methodological approaches to preparing students for professional innovative activity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 462. pp. 181–191. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/462/22
4. Glukhanyuk, N.S. (2005) *Psikhologiya professionalizatsii pedagoga* [Psychology of Teacher Professionalization]. 2nd ed. Yekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical University.
5. Rean, A.A., Kudashev, A.R. & Baranov, A.A. (2008) *Psikhologiya adaptatsii lichnosti* [Psychology of Personality Adaptation]. Saint Petersburg: Praym-EVROZNAK.
6. Maslow, A.G. (1999) *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and Personality]. Translated from English by A.M. Tatlybaev. Saint Petersburg: Evraziya.
7. Melekhina, E.A. (2014) Motivation in professional activity of a university foreign language teacher. *Kazanskaya nauka – Kazan Science*. 1. pp. 234–238. (In Russian).
8. Pavlyutenkov, E.M. (1980) *Formirovanie motivov vybora professii* [Formation of Motives for Choosing a Profession]. Kiev: Rad. shkola.
9. Basinskiy, A.M. (2018) *Formirovanie gotovnosti sotrudnikov organov vnutrennikh del k osushchestvleniyu okhrannoy funktsii v protsesse professional'noy podgotovki* [Formation of readiness of employees of internal affairs bodies for the implementation of the security function in the process of professional training]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Kaliningrad.
10. Nikol'skaya, O.L. (2015) Motives arrivals to of future teachers pedagogical faculty of teacher training universities and motives of success in professional activity. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii – Modern High Technologies*. 12–4. pp. 709–713. (In Russian).
11. Russian Federation. (2012) *On Amendments to Articles 14 and 19 of the Federal Law "On Social Protection of Disabled People in the Russian Federation"*. Federal Law No. 296-FZ of December 30, 2012. (In Russian).
12. Deci, E. & Ryan, R. (2008) Self-Determination Theory: A Macrotheory of Human Motivation, Development, and Health. *Canadian Psychology*. 3 (49). pp. 182–185.
13. Chaudhuri, J. (2020) Stimulating intrinsic Motivation in Millennial Students: A New Generation, a New Approach. *Anatomical Sciences Education*. 13. pp. 250–271.
14. Classinform.ru. (2021) *Professional'nyy standart "Spetsialist v oblasti perevoda", utverzhdenyy Priказom Ministerstva truda i sotsial'noy zashchity Rossiyskoy Federatsii № 134n ot 18.03.2021, zaregistrirovannyy v Ministerstve yustitsii RF, № 63195 ot 21.04.2021* [Professional standard "Specialist in Translation", approved by Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation No. 134n of March 18, 2021, registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation, No. 63195 of April 21, 2021]. [Online] Available from: <https://classinform.ru/profstandarty/04.015-spetsialist-v-oblasti-perevoda.html>.
15. Hammer, A. & van den Bogaerde, B. (2017) Sign language interpreting education Reflections on interpersonal skills. In: Cirillo, L. & Niemants, N. (eds.) *Teaching Dialogue Interpreting: Research-based proposals for higher education*. Netherlands: John Benjamins. pp. 64–81.
16. Witter-Merithew, A., Johnson, L. & Taylor, M. (2004) [A national perspective on entry to practice competencies]. *CIT: Still shining after 25 years*. Proceedings of the 15th National Convention of the Conference of Interpreter Trainers. Washington, D.C. 29 September – 3 October 2004. Washington, D.C.: Conference of Interpreter Trainers. pp. 23–42.
17. Malkova, I.Yu. & Kiseleva, P.V. (2014) Features of development of students' subject positions in the process of educational activity design. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 1 (25). pp. 95–109. (In Russian).
18. Harwood, N. (2017) *Exploring professional identity: a study of American Sign Language/English interpreters*. Master's thesis. Monmouth, Oregon. [Online] Available from: <https://digitalcommons.wou.edu/theses/37>.
19. Obdalo, O.A. (2014) *Inoyazychnoe obrazovanie v XXI veke v kontekste sotsiokul'turnykh i pedagogicheskikh innovatsiy* [Foreign Language Education in the 21st Century in the Context of Socio-Cultural and Pedagogical Innovations]. Tomsk: Tomsk State University.
20. Fakhrutdinova, A.V. (2019) Formation of inter-ethnic tolerance of students in polycultural environment of the higher educational institution. *Vestnik NTsBZhD*. 2 (40). pp. 52–57. (In Russian).
21. Koresnikova, Yu.N., Frumin, I.D. & Pashchenko, T.V. (2020) Barriers to creating pedagogical conditions for the development of critical thinking in Russian universities. *Pedagogika – Pedagogy*. 84 (9). pp. 45–54. (In Russian).

Информация об авторах:

Мелёхина Е.А. – канд. пед. наук, зав. кафедрой иностранных языков, декан факультета гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета (г. Новосибирск, Россия). E-mail: melexina@corp.nstu.ru

Минаева Е.С. – переводчик русского жестового языка, преподаватель кафедры иностранных языков Новосибирского государственного технического университета (г. Новосибирск, Россия). E-mail: alena29minaeva@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.A. Melekhina, Cand. Sci. (Pedagogy), head of the Department of Foreign Languages, Novosibirsk State Technical University; dean of the Faculty of Humanities Education, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: melexina@corp.nstu.ru

E.S. Minaeva, RSL interpreter, lecturer, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: alena29minaeva@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.08.2021;
одобрена после рецензирования 25.12.2021; принята к публикации 28.03.2022.

The article was submitted 05.08.2021;
approved after reviewing 25.12.2021; accepted for publication 28.03.2022.

Научная статья
УДК 378
doi: 10.17223/15617793/476/19

Научная социализация студента при подготовке к предметной олимпиаде

Татьяна Ерофеевна Болдовская¹,
Марина Владимировна Девятерикова², Ирина Ивановна Раскина^{3, 4}

¹Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

²Омский государственный технический университет, Омск, Россия

³Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

⁴Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева, Омск, Россия

¹teb73@mail.ru

²devy_m@mail.ru

^{3, 4}i_raskina@mail.ru

Аннотация. Анализируется проблема формирования мягких социальных навыков (soft-skills) выпускника вуза, таких как навыки командной работы, саморазвития, межличностного и межкультурного взаимодействия. Рассмотрен процесс научной социализации обучающихся как один из путей формирования soft-skills. Проведен анализ подготовки и участия курсантов военного вуза в олимпиадах по математике с точки зрения компетентностного подхода. Сделан вывод о научной социализации и самореализации участника предметной олимпиады через формирование универсальных компетенций.

Ключевые слова: soft-skills, научная социализация, профессиональное воспитание, универсальные компетенции, предметная олимпиада

Для цитирования: Болдовская Т.Е., Девятерикова М.В., Раскина И.И. Научная социализация студента при подготовке к предметной олимпиаде // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 176–183. doi: 10.17223/15617793/476/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/19

Students' scientific socialization in the preparation for subject olympiads

Tatiana E. Boldovskaya¹, Marina V. Devyaterikova², Irina I. Raskina^{3, 4}

¹Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

²Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation

³Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

⁴Military Academy of Logistics named after General of the Army A.V. Khrulev, Omsk, Russian Federation

¹teb73@mail.ru

²devy_m@mail.ru

^{3, 4}i_raskina@mail.ru

Abstract. The modern development of society imposes new requirements for the present-day graduates of the university. Today, the formation of professional hard skills is no longer enough for a competent specialist. The analysis of the labor market research shows that social soft skills of a graduate are currently in demand, for example, teamwork skills, self-development skills, high communication skills, interpersonal and intercultural interaction skills. Soft skills reflect the potential of the ability to learn and the social skills that are necessary for effective interaction. One of the ways to form soft skills for a graduate is the scientific socialization of a student through preparation and participation in subject olympiads of various levels. Scientific socialization is a cognitive activity, through the assimilation of knowledge, values and norms. The educational environment of the university becomes a platform for the scientific socialization of students, which, simultaneously with their professional training, is also an educational environment responsible for the development of their personal potential. Educational activity at the university is understood as the activity of managing, supporting and accompanying the process of becoming a person as a subject of professional culture. The article considers the scientific socialization of students on the example of preparation for olympiads in mathematics at various levels. Educational work in the process of preparing for the olympiads in mathematics at various levels is implemented, among other things, through the formation of the following universal competencies (UCs) among students: UC-1, system and critical thinking; UC-2, project development and implementation; UC-3, teamwork and leadership; UC-4, communication; UC-5, intercultural interaction; UC-6, self-organization and self-development. It is concluded that the olympiad movement at the university contributes to the deep assimilation of the fundamental foundations of the studied discipline; forms divergent thinking based on innate abilities, experience

of creative activity, curiosity and interest; educates a person's readiness for self-education based on internal motivation and conscious activity. The systematic participation of students in various olympiads contributes to improving the efficiency of the educational process and mobilizes the intellectual, creative and communicative abilities of the participant. Thus, the subject olympiad is one of the ways to form social soft skills.

Keywords: soft skills, scientific socialization, professional upbringing, universal competencies, subject olympiad

For citation: Boldovskaya, T.E. & Devyaterikova, M.V., Raskina, I.I. (2022) Students' scientific socialization in the preparation for subject olympiads. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 176–183. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/19

Введение

Современное развитие общества предъявляет к выпускнику вуза новые требования. Долгое время считалось, что успех в профессиональной деятельности выпускника зависит от умений и навыков, которыми он владеет. Однако на сегодняшний день для компетентного специалиста уже недостаточно сформированности жестких профессиональных навыков (hard-skills). Анализ исследования рынка труда показывает, что в настоящее время востребованными становятся мягкие социальные навыки выпускника (soft-skills), например, навыки командной работы, навыки саморазвития, высокие коммуникативные навыки, навыки межличностного и межкультурного взаимодействия. Soft-skills отражают потенциал умения учиться и необходимые для эффективного взаимодействия социальные навыки. Способность гибко реагировать на динамично изменяющиеся требования и условия профессиональной деятельности и решать задачи, связанные с профессиональным развитием, составляет понятие «адаптивность к карьере» (career adaptability), введенное М. Савискасасом [1].

В структуре «адаптивность к карьере» выделяют четыре основных компонента: планирование собственного профессионального будущего (career concern), любопытство и ориентировка в требованиях профессии, профессиональные ожидания (career curiosity), контроль и организация собственной жизни в соответствии с требованиями профессионального будущего (career control), степень уверенности и оценка собственной способности справиться с вызовами профессиональной деятельности и профессионального сообщества (career confidence) [2].

Одним из путей формирования soft-skills у выпускника является научная социализация обучающегося через подготовку и участие в предметных олимпиадах различного уровня. Понятие «социализация» (от лат. socialis – общественный) в социально-гуманитарных науках определяется как интеграция личности в существующую социальную систему в процессе усвоения и дальнейшего развития культурных норм и ценностей. По словам Т. Шибутани, «социализация относится к тем процессам, посредством которых люди научаются эффективно действовать в социальных группах» [3. С. 397]. В процессе социализации человек усваивает и активно воспроизводит социальный опыт, а также овладевает навыками практической и теоретической деятельности, осваивает различные социальные роли и социально адаптируется в конкретной ситуации. В контексте непрерывного образования процесс социализации гарантирует лич-

ности социальную и профессиональную востребованность, определяемую в качестве базовых продуктов и показателей успешности и конкурентоспособности личности [4].

Научная социализация – это процесс познавательной деятельности через усвоение знаний, ценностей и норм. В работе В.А. Ахтямовой субъект «познающий», приобретая социальный опыт, адекватен обществу по трем факторам: во-первых, способен к различным видам деятельности; во-вторых, включен в систему концептуального общения и, в-третьих, является системообразующим фактором в функционировании различных общественных связей и отношений [5. С. 15]. Платформой для научной социализации обучающегося становится образовательная среда вуза, которая одновременно является и воспитательной средой, отвечающей за развитие личностного потенциала человека.

Под воспитательной деятельностью в вузе понимается деятельность по управлению, поддержке и сопровождению процесса становления человека субъектом профессиональной культуры. Поэтому специфика профессионального воспитания состоит в оказании помощи в адаптации к изменению характера профессиональной деятельности, которая требует от человека освоения норм общества и профессии (социально-нормативный аспект), творческого саморазвития (индивидуально-смысловой аспект), профессионально-личностного самоутверждения (ценностно-деятельный аспект) [6. С. 25].

В настоящее время воспитательная деятельность в рамках образовательных программ в Российской Федерации регламентируется следующими нормативными документами: федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года от 29 мая 2015 г. № 996-р, Федеральный закон от 31.07.2020 № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся».

В педагогической науке раскрыты различные аспекты воспитательной деятельности в вузе: концептуальные вопросы воспитательного процесса (И.А. Зимняя, З.Н. Калинина, Н.М. Борытко и др.), проблемы формирования личных качеств молодежи (П.И. Бабочкин, Т.З. Козлова, И.М., А.В. Фатов и др.), проблемы формирования воспитательной среды вуза (А. В. Гаврилин, Л. И. Новикова, М.А. Горшкова и др.), вопросы адаптации к образовательному процессу (Г.И. Аксенова, С.Ю. Лачинов и др.). Кроме этого, в педагогических исследованиях рассматривается и вос-

питательный аспект научной социализации в системе высшего образования: психолого-педагогические особенности научно-исследовательских качеств будущего специалиста (Л.Ф. Авдеева, С.П. Арсенова, Е.И. Барчук и др.), разработка системы привлечения студентов к исследовательской деятельности (В.Н. Намазов, Л.М. Скворцов и др.).

Проблема и цели исследования

Среди различных форм воспитательной деятельности в образовательном учреждении, способствующих развитию и научной социализации студента, особое место занимают предметные олимпиады – интеллектуальные творческие мероприятия конкурсного характера, демонстрирующие знания, умения и практические навыки по учебным дисциплинам. Системе олимпиадного движения в вузах посвящены работы О.Ю. Корсуновой, А.И. Попова, Н.П. Пучкова и др. Однако, несмотря на обсуждение данного вопроса в научно-педагогической литературе, на наш взгляд, недостаточно отражено влияние участия студентов в олимпиадном движении на их интеграцию в научно-исследовательскую деятельность.

Цель данного исследования – показать взаимосвязь между участием студентов в олимпиадах по математике и их научной социализацией. Предполагается, что участие студентов в олимпиадах способствует процессу саморазвития и дальнейшей интеграции в профессиональную научно-исследовательскую среду. Актуальность данной работы обусловлена требованиями современного общества к выпускнику вуза, направленными на формирование мягких компетенций (soft-skills) посредством научной социализации обучаемых.

Основными методами исследования являются анализ научной литературы, посвященной проблемам организации подготовки к предметной олимпиаде; изучение регламентов олимпиад; обобщение опыта участия в олимпиадах различного уровня; эмпирические методы исследования. Методология данного исследования базируется на деятельностном подходе.

Результаты исследования

Опытно-экспериментальной базой исследования процесса научной социализации обучающихся выступал Омский автобронетанковый инженерный институт (ОАБИИ). Исследование проводилось в 2017/21 учебных годах на базе кафедры физико-математических дисциплин. В исследовании приняли участие более 60 курсантов 1–4-х курсов, в том числе иностранные военнослужащие, проходящие обучение в ОАБИИ. Основной акцент сделан на подготовке к всероссийскому этапу Международной олимпиады курсантов военных образовательных организаций высшего образования по математике.

Рассмотрим научную социализацию студентов в процессе подготовки к предметной олимпиаде путем формирования следующих универсальных компетенций.

УК-1 Системное и критическое мышление: способность осуществлять поиск, критический анализ информации, применять системный подход для решения поставленных задач.

Процесс подготовки к предметной олимпиаде является достаточно трудоемким для всех участников данного процесса. С позиции преподавателя процесс подготовки к занятиям с членами команды требует высокого профессионального мастерства и поиска новых методических приемов, а также разработки заданий и системы критериев их оценивания [7]. С позиции обучающихся решение олимпиадных задач требует от курсанта глубоких фундаментальных знаний предмета, понимания взаимосвязей понятий и методов из разных разделов математики, оригинального логического и пространственного мышления, креативного подхода к процессу решения.

Для развития творческого критического мышления большое значение имеет объем знаний по исследуемой теме, поэтому начальный этап подготовки должен быть нацелен на активизацию и систематизацию знаний по изучаемому разделу математики. На данном этапе подготовки важна ориентированность образовательного процесса на личность обучаемого для формирования благоприятных условий для его саморазвития, а также на усвоение им способов решения той или иной задачи и автоматизацию основных методов и алгоритмов при решении стандартных задач, на выявление степени достижения поставленной цели.

Далее в процессе подготовки рассматривались нестандартные схемы и приемы, опирающиеся на уже изученные методы. При этом решение задачи в процессе подготовки – это средство обучения, а не самоцель. Обсуждение найденного решения, поиск другого способа решения, закрепление методов и приемов решения – это возможность усвоить математические приемы, накопить опыт решения нестандартных задач, сформировать умение на олимпиаде творчески применить полученные знания. Здесь немаловажную роль играет поддержка субъектных креативных способностей студента, формирование и развитие умений творческой самостоятельной работы. Еще один из способов научиться решать нестандартные задачи – это конструирование задач. Умение составлять нестандартные задачи свидетельствует о культуре мышления и хорошо развитых математических способностях.

В психологии творчества существует множество подходов к выделению этапов творческого процесса [8. С. 45]. Процесс организации подготовки курсантов опирался на использование идеи Г. Уоллеса в части выделения и проработки этапов творческого мышления: подготовка, инкубация, озарение, проверка.

В процессе подготовки к олимпиаде целесообразно формировать у обучаемых умение осознанно управлять своими действиями, опираясь на стадии творческого критического мышления с учетом своих индивидуальных способностей.

УК-2 Разработка и реализация проектов: способность определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения

исходя из действующих правовых норм, имеющихся ресурсов и ограничений.

На этапе подготовки к предметной олимпиаде приоритетным является формирование у обучающихся умения находить различные способы решения проблемы, сравнивать возможные варианты действий, принимать оптимальные решения в условиях множественного выбора. Значительным потенциалом для развития гибкости мышления, необходимой при выборе оптимального способа решения, обладают задачи, удовлетворяющие критериям дивергентности. Дивергентность задачи подразумевает различные интерпретации заданных в условии объектов; различные способы решения задачи; неоднозначность, вариативность условия задачи; несколько правильных ответов.

Дивергентные задачи по математике направлены на достижение следующих целей [9]:

- демонстрация межпредметных связей между различными разделами математики;
- обобщение и систематизация знаний, выявление взаимосвязей между теоретическими фактами;
- выявление сущности определенных методов решения, оценка их отличительных особенностей при применении к конкретной задаче;
- выбор рационального, изящного решения и наглядный показ неоптимального решения, а также нахождение ошибок в рассуждениях;
- формирование уверенности обучаемого справиться с задачей в случае затруднения с помощью выбора другого способа решения;
- развитие исследовательской интуиции;
- формирование способности отделять сущность явления от формы его представления.

Решение дивергентных задач формирует навыки поиска рационального подхода к любой жизненной или профессиональной ситуации. Сформированная способность смотреть на один и тот же объект с разных сторон не погружает в дискомфортную ситуацию при наличии избыточных данных в условии задачи.

УК-3 Командная работа и лидерство: способность осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде.

Одним из факторов успешного участия в предметной олимпиаде является создание в вузе олимпиадной креативной среды. Под олимпиадной креативной образовательной средой будем понимать совокупность участников образовательного процесса, строящих свою деятельность в условиях интеграции обучения в команде и обучения в соревновании и нацеленности на достижение творческих, созидательных результатов [10. С. 23].

Профессиональное общение в процессе подготовки к олимпиаде, в ходе которого студенты обсуждают различные подходы к решению той или иной задачи, обмениваются опытом участия в олимпиадах различного уровня, формируют такие навыки командной работы, как умение аргументировано отстаивать свое мнение, способность слышать и соглашаться с аргументами собеседника и т.п. Работа в команде помогает формировать организаторские компетенции: умение принимать решения, организовывать свою работу, умение брать ответственность на себя; социально-

личностные компетенции: умение справляться со стрессовыми ситуациями в условиях ограниченного времени и неопределенности, готовность к саморазвитию. Командная работа позволяет выявлять и развивать коммуникативно-лидерские качества студентов, прививает навыки коллективного творчества, когда каждый участник работает на общий результат.

В олимпиадной креативной среде между всеми участниками процесса создаётся особая атмосфера сотрудничества и взаимопонимания, так как данный вид деятельности предполагает как со стороны студента, так и преподавателя увлеченность предметом, нацеленность на творческое саморазвитие.

Немаловажную роль для достижения высоких результатов играет отбор и формирование команды для участия в той или иной олимпиаде, так как при одном и том же уровне подготовки курсанты показывают разные результаты относительно друг друга на разных олимпиадах [11]. Это обусловлено формой проведения олимпиады, курсом обучения участников, уровнем сложности предложенных конкурсных заданий, критериями начисления баллов за представленное решение. В этой связи состав участников команды необходимо варьировать в зависимости от индивидуально-психологических особенностей и характерологических черт.

Олимпиадная креативная творческая среда является благодатной почвой для развития лидерских качеств участников соревновательного процесса. Как правило, лидер в команде – это старшекурсник с большим опытом участия в предметных олимпиадах. Лидер, с одной стороны, получает положительную оценку со стороны членов группы, а с другой – развивает в себе лидерские способности. В работе П. Секорда и К. Бакмана сделаны выводы, что положительный опыт лидерства в значительной степени мотивирует его на сохранение занимаемой позиции, в то время как успех лидера способствует снижению индивидуальной активности каждого члена команды [12]. В рассматриваемой ситуации олимпиадной студенческой среды этого не происходит, так как лидер в команде все время меняется и у каждого члена команды есть возможность проявить себя в этом качестве.

УК-4 Коммуникация: способность осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах).

Участие в олимпиадах по математике, как правило, предполагает не только решение задач, но и его грамотное оформление, при этом получение правильного ответа не гарантирует участнику максимальный балл. Для грамотного оформления решения задачи участник должен обладать высокой математической культурой и культурой русского языка, логическим мышлением, навыками корректного употребления математических понятий и символов для выражения различных количественных и качественных отношений. Например, на всероссийском этапе Международной олимпиады курсантов военных образовательных организаций высшего образования на решение и оформление одной задачи отводится в среднем 45 минут. Поэтому при подготовке к олимпиадам большое внимание уделяется строгой математической формализа-

ции задач и проверке полученного решения согласно установленным критериям. Письменное оформление решения задачи развивает умение представлять математические утверждения и их доказательства, задачи и их решения ясно и точно в терминах, понятных для профессиональной аудитории, как в письменной, так и устной форме. При этом у обучаемых формируются навыки анализа речевых конструкций, деления документа на логические части, использования профессиональной терминологии в устной и письменной речи.

УК-5 Межкультурное взаимодействие: способность воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контексте.

Совместная деятельность в ходе олимпиады обеспечивает содержательное взаимодействие между руководителем команды и курсантами, способствует передаче и закреплению социального опыта, формирует умение использовать силу слабых связей [13]. Участвуя в различных предметных олимпиадах, курсанты имеют возможность общения с увлечёнными людьми (как студентами и курсантами, так и преподавателями), а при участии в международном этапе олимпиады курсантов военных образовательных организаций высшего образования происходит общение с курсантами из других государств СНГ.

Вузы – организаторы всеармейского этапа олимпиад в свободное время между турами олимпиады проводят культурно-досуговые мероприятия, направленные на патриотическое, эстетическое, физическое воспитание курсантов. Познавательные экскурсии формируют бережное отношение к истории Отечества и культурным наследиям различных городов нашей страны, знакомят курсантов с традициями и обычаями русского народа, воспитывают чувство патриотизма и гордости за свой народ и свою Родину. Например, в городе-герое Смоленске курсантам провели обзорную экскурсию по городу, они посетили мемориальный комплекс «Катынь», Успенский кафедральный собор.

На торжественном закрытии международной олимпиады вуз-организатор проводит праздничный концерт с участием представителей разных стран и фотографирование участников олимпиады.

В результате такого общения формируется уважительное отношение к историческому наследию и социокультурным традициям различных социальных

групп, умение конструктивно взаимодействовать с людьми с учетом их социокультурных особенностей.

УК-6 Самоорганизация и саморазвитие: способность управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития на основе принципов образования в течение всей жизни.

Решение любых нестандартных задач, требующих творческого подхода, связано с механизмом внутренней мотивации, самоорганизацией и саморазвитием личности. Процесс решения олимпиадной задачи можно представить в виде следующей схемы: задача – стресс – анализ задачи – фундаментальные знания – формализация – решение – релаксация. Переломной точкой успешного решения задачи является стресс, преодоление которого требует от участника олимпиады высокой степени самоорганизации. Самоорганизация представляет собой процесс сознательной деятельности личности, направленный на управление собой с целью достижения поставленных целей [14]. Участник олимпиады должен уметь совладать со своими интеллектуальными эмоциями, чтобы найти оптимальное решение нестандартной задачи. Немаловажно для успешного выступления на олимпиаде и умение рационально распределять время между конкурсными задачами и собственными ресурсами. В процессе подготовки и участия в предметных олимпиадах у курсантов повышается уровень самоорганизации, что позволяет легче овладевать новыми методами решения задач, увереннее себя чувствовать в стрессовой ситуации, критически оценивать результаты своей работы, причем не только успехи, но и неудачи.

Диагностика формирования универсальных компетенций участников олимпиад осуществлялась посредством наблюдения в процессе подготовки; опросов; анализа результатов олимпиад, участия в научно-исследовательской деятельности вуза и дальнейшей профессиональной деятельности после выпуска.

В таблице приведены результаты участия курсантов ОАБВИ в 2017–2021 г. в олимпиадах по математике. Из таблицы видно, что в региональных олимпиадах участники занимали призовые места как в личном, так и в командном первенстве. Участие курсантов ОАБВИ во всеармейском этапе Международной олимпиады курсантов военных образовательных организаций высшего образования и Открытой международной студенческой Интернет-олимпиаде тоже можно признать успешным.

Таблица 1

Результаты участия курсантов ОАБВИ в олимпиадах по математике

Название	Организатор	Результаты
2017		
Всеармейский национальный этап Международной олимпиады курсантов образовательных организаций высшего образования (г. Москва)	Министерство обороны РФ	Командное <i>первенство</i> : 8-е место Личное <i>первенство</i> : 3-е место в номинации «Комплексные числа»
Межвузовская олимпиада по математике среди учащихся образовательных организаций высшего образования нематематических специальностей (г. Омск)	Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет	Командное <i>первенство</i> : 1-е место Личное <i>первенство</i> : 1-е место

2018		
Всеармейский национальный этап международной олимпиады курсантов образовательных организаций высшего образования (г. Пенза)	Министерство обороны РФ	<i>Командное первенство:</i> 8-е место <i>Личное первенство:</i> 12-е место, 19-е место
Межрегиональная межвузовская олимпиада по математике среди студентов и курсантов нематематических специальностей образовательных организаций высшего образования (г. Кострома)	Военная академия РХБ защиты им. С.К. Тимошенко	<i>Личное первенство:</i> 1-е, 2-е место
Региональная студенческая олимпиада по математике (г. Омск)	Министерство образования Омской области, Омский государственный технический университет	<i>Личное первенство:</i> 1-е, 3-е место среди студентов технических вузов; диплом за самое оригинальное решение
Межвузовская олимпиада по математике среди учащихся образовательных организаций высшего образования нематематических специальностей (г. Омск)	Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет	<i>Командное первенство:</i> 1-е место <i>Личное первенство:</i> 1, 2, 3-е место
2019		
Всеармейский национальный этап международной олимпиады курсантов образовательных организаций высшего образования (г. Смоленск)	Министерство обороны РФ	<i>Командное первенство:</i> 21-е место
Открытые международные студенческие интернет-олимпиады (г. Йошкар-Ола)	ООО «Национальный фонд поддержки инноваций в сфере образования»	<i>Личное первенство:</i> 8-е место во втором туре по РФ (1-е место в Сибирском федеральном округе)
Межвузовская олимпиада по математике среди учащихся образовательных организаций высшего образования нематематических специальностей (г. Омск)	Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет	<i>Командное первенство:</i> 2-е место <i>Личное первенство:</i> 2-е, 3-е место
Региональная студенческая олимпиада по математике (г. Омск)	Министерство образования Омской области, Омский государственный технический университет	<i>Личное первенство:</i> 1-е место среди студентов технических вузов
2020		
Межрегиональная межвузовская олимпиада по математике среди студентов и курсантов нематематических специальностей образовательных организаций высшего образования (г. Кострома)	Военная академия РХБ защиты им. С.К. Тимошенко	<i>Личное первенство:</i> 1-е место
Открытые международные студенческие интернет-олимпиады (г. Йошкар-Ола)	ООО «Национальный фонд поддержки инноваций в сфере образования»	<i>Личное первенство:</i> золотой призёр
2021		
Всеармейский национальный этап международной олимпиады курсантов образовательных организаций высшего образования (г. Балашиха)	Министерство обороны РФ	<i>Командное первенство:</i> 14-е место

Во Всеармейской олимпиаде курсантов принимают участие все вузы Министерства обороны РФ, а также научные роты и некоторые гражданские вузы, в которых имеются военные кафедры. Количество команд-участников варьировалось от 35 до 45, при этом каждая команда состояла из четырех человек. В интернет-олимпиаде по математике ежегодно принимают участие около 6 тыс. студентов 1–3-х курсов из более чем 150 вузов Российской Федерации, а также из Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Таджикистана, Туркменистана, Республики Узбекистан, Словении.

Заключение

Проведенный корреляционный анализ позволил установить зависимость между успешным участием курсантов в олимпиадах и их интегрированностью в научную деятельность. В качестве индикаторов интегрированности в профессиональную научную деятельность рассматривались такие показатели, как участие в НИР, различных профессиональных конкурсах, рационализаторские предложения, рас-

пределение после окончания вуза. Коэффициент корреляции рангов Спирмена ($r = 0,74$) показал значимую прямую корреляционную зависимость между рассматриваемыми факторами.

Таким образом, олимпиадное движение в вузе способствует глубокому усвоению фундаментальных основ изучаемой дисциплины; формирует дивергентное мышление, опирающееся на врожденные способности, опыт творческой деятельности, любознательность и интерес; воспитывает готовность личности к самообразованию на основе внутренней мотивации и осознанной деятельности. Систематическое участие обучающихся в различных олимпиадах повышает эффективность образовательного процесса, мобилизует интеллектуальные, творческие и коммуникативные способности участника. Курсанты – участники олимпиады, показавшие высокие результаты, имеют хорошие шансы при распределении попасть на службу в научно-исследовательские институты и научные роты Вооруженных сил РФ.

В настоящее время роль предметных олимпиад существенно изменилась. Кроме соревновательного аспекта олимпиады выполняют ряд воспитательных

и научных функций, определяемых социальным заказом. Развитие современного общества предполагает, что будущий специалист способен действовать в условиях ограниченного времени и ресурсов,

а также нести ответственность за принимаемые им решения. Предметные олимпиады становятся одним из механизмов научной социализации обучающихся.

Список источников

1. Savickas M.L., Porfeli E.J. The Career Adapt-Abilities Scale: Construction, reliability, and measurement equivalence across 13 countries // *Journal of Vocational Behavior*. 2012. Vol. 80 (3). P. 661–673. doi: 10.1016/j.jvb.2012.01.011 (дата обращения: 20.06.2021).
2. Savickas M.L. Career adaptability: An integrative construct for life-span, life-space theory // *The Career Development Quarterly*. 1997. Vol. 45. P. 247–259. doi: 10.1002/j.2161-0045.1997.tb00469.x (дата обращения: 20.06.2021).
3. Шибутани Т. Социальная психология. М. : Высшее образование, 2002. 539 с.
4. Судына Л.Н., Козырев Н.А., Козырева О.А. Социализация и самореализация личности в конструктах научного поиска и научно-педагогического исследования // *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*. 2018. № 6 (69). С. 253–269.
5. Ахтямова В.А. Социализация научной деятельности : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чебоксары, 2009. 21 с.
6. Борятко Н.М. Система профессионального воспитания в вузе : учеб.-метод. пособие / науч. ред. Н.К. Сергеев. М. : АПКИПРО, 2005. 120 с.
7. Болдовская Т.Е., Девятерикова М.В. Методические особенности процесса подготовки к олимпиадам по математике в военном вузе // *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. 2020. № 1 (39). С. 164–170.
8. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности: Серия «Мастера психологии». СПб. : Питер, 2009.
9. Крачковский С.М. О различных подходах к понятию дивергентной математической задачи // *Образование и общество*. 2015. № 5 (94). С. 44–48.
10. Пучков Н.П., Попов А.И. Олимпиадное движение как форма организации обучения в вузе: учебно-методическое пособие. Тамбов : Изд-во ТамГТУ, 2009. 180 с.
11. Болдовская Т.Е., Девятерикова М.В. Принципы отбора курсантов для участия в международных и региональных олимпиадах по математике // *Актуальные проблемы преподавания математики в техническом вузе*. Омск : Изд-во ОмГТУ, 2019. № 7. С. 54–58.
12. Secord P., Backman C. *Social Psychology*. New York, 1964.
13. Грановеттер М. Сила слабых связей // *Экономическая социология*. 2009. Т. 10, № 4. С. 31–50.
14. Косарева С.А. Диагностика уровня самоорганизации студентов // *Гуманизация образовательного пространства. Сборник научных статей по материалам Международного Форума*. Саратов, 2020. С. 61–67.

References

1. Savickas, M.L. & Porfeli, E.J. (2012) The Career Adapt-Abilities Scale: Construction, reliability, and measurement equivalence across 13 countries. *Journal of Vocational Behavior*. 3 (80). pp. 661–673 (Accessed: 20.06.2021). DOI: 10.1016/j.jvb.2012.01.011
2. Savickas, M.L. (1997) Career adaptability: An integrative construct for life-span, life-space theory. *The Career Development Quarterly*. 45. pp. 247–259 (Accessed: 20.06.2021). DOI: 10.1002/j.2161-0045.1997.tb00469.x
3. Shibutani, T. (2002) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Moscow: Vysshee obrazovanie.
4. Sud'ina, L.N., Kozyrev, N.A. & Kozyreva, O.A. (2018) Socialization and self-realization of personality in constructs of scientific search and scientific-pedagogical research. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta – Newsletter of North-Caucasus Federal University*. 6 (69). pp. 253–269. (In Russian). DOI: 10.37493/2307-907X-2018-69-6-253-269
5. Akhtyamova, V.A. (2009) *Sotsializatsiya nauchnoy deyatel'nosti* [Socialization of scientific activity]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Cheboksary.
6. Borytko, N.M. (2005) *Sistema professional'nogo vospitaniya v vuzе* [The System of Professional Education at the University]. Moscow: APKIPRO.
7. Boldovskaya, T.E. & Devyaterikova, M.V. (2020) Methodological specifics of training for the olympiad in mathematics at the military institution. *Nauka o cheloveke: humanitarnye issledovaniya – The Science of Person: Humanitarian Researches*. 1 (39). pp. 164–170. (In Russian). DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.39.164
8. Il'in, E.P. (2009) *Psikhologiya tvorchestva, kreativnosti, odarennosti: Seriya "Masterya psikhologii"* [Psychology of Creativeness, Creativity, Giftedness: The series "Masters of Psychology"]. Saint Petersburg: Piter.
9. Krachkovskiy, S.M. (2015) O razlichnykh podkhodakh k ponyatiyu divergentnoy matematicheskoy zadachi [On different approaches to the concept of a divergent mathematical problem]. *Obrazovanie i obshchestvo – Education and Society*. 5 (94). pp. 44–48.
10. Puchkov, N.P. & Popov, A.I. (2009) *Olimpiadnoye dvizheniye kak forma organizatsii obucheniya v vuzе* [The Olympiad Movement as a Form of Organization of Education at a University]. Tambov: Tambov State Technical University.
11. Boldovskaya, T.E. & Devyaterikova, M.V. (2019) Printsipy otbora kursantov dlya uchastiya v mezhdunarodnykh i regional'nykh olimpiadakh po matematike [Principles of selection of cadets for participation in international and regional Olympiads in mathematics] *Aktual'nye problemy prepodavaniya matematiki v tekhnicheskoy vuzе*. 7. pp. 54–58. (In Russian). DOI: 10.25206/2307-5430-2019-7-54-58
12. Secord, P. & Backman, C. (1964) *Social Psychology*. New York: McGraw-Hill.
13. Granovetter, M. (2009) The strength of weak ties. *Ekonomicheskaya sotsiologiya – Journal of Economic Sociology*. 4 (10). pp. 31–50. (In Russian).
14. Kosareva, S.A. (2020) [Diagnostics of the level of self-organization of students]. *Gumanizatsiya obrazovatel'nogo prostranstva* [Humanization of the Educational Space]. Proceedings of the International Forum. Saratov. 27–28 February 2020. Saratov: Saratov Chernyshevsky State University. pp. 61–67. (In Russian).

Информация об авторах:

Болдовская Т.Е. – канд. техн. наук, доцент кафедры “Кибернетика” Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (г. Омск, Россия). E-mail: teb73@mail.ru

Девятерикова М.В. – канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры “Прикладная математика и фундаментальная информатика” Омского государственного технического университета (г. Омск, Россия). E-mail: devy_m@mail.ru

Раскина И.И. – д-р пед. наук, зав. кафедрой прикладной математики и информатики Омского государственного педагогического университета; профессор кафедры физико-математических дисциплин Омского филиала Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева (г. Омск, Россия). E-mail: i_raskina@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.E. Boldovskaya, Cand. Sci. (Engineering), associate professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: teb73@mail.ru

M.V. Devyaterikova, Cand. Sci. (Physics and Mathematics), associate professor, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: devy_m@mail.ru

I.I. Raskina, Dr. Sci. (Pedagogy), head of the Department of Applied Mathematics and Computer Science, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation); professor, Military Academy of Logistics named after General of the Army A.V. Khrulev, Branch in Omsk (Omsk, Russian Federation). E-mail: i_raskina@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.10.2021;
одобрена после рецензирования 01.12.2021; принята к публикации 28.03.2022.*

*The article was submitted 03.10.2021;
approved after reviewing 01.12.2021; accepted for publication 28.03.2022.*

Научная статья
УДК 796
doi: 10.17223/15617793/476/20

Методика оценки развития специальной выносливости легкоатлетов-спринтеров на этапе начальной спортивной специализации

Светлана Павловна Романова¹

¹Московский финансово-юридический университет, Москва, Россия, romansp.ru@mail.ru

Аннотация. Представлена методика оценки развития специальной выносливости легкоатлетов-спринтеров на этапе начальной спортивной специализации, разработанная с учетом их возрастных особенностей, периода спортивной подготовки, потребностей вида спорта. Данная методика включает комплекс тестовых заданий, процедуру их применения и интерпретацию результатов. Описан ход исследовательской работы по проверке результативности данной методики и сделан вывод о возможности ее применения в спортивной практике.

Ключевые слова: легкоатлетический спринт, специальная выносливость, этап начальной спортивной специализации, оценка

Для цитирования: Романова С.П. Методика оценки развития специальной выносливости легкоатлетов-спринтеров на этапе начальной спортивной специализации // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 184–190. doi: 10.17223/15617793/476/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/20

Methods of assessing the development of special stamina in female sprinters during the initial sports specialization

Svetlana P. Romanova¹

¹Moscow Finance and Law University, Moscow, Russian Federation, romansp.ru@mail.ru

Abstract. The article presents a methodology for assessing the development of special stamina in female sprinters during the initial sports specialization training. The methodology was developed taking into account their age characteristics, the period of sports training, the needs of the kind of sport. The theoretical justification of this technique is based on the following factors: (1) the insufficiency of generally accepted tests for identifying the reasons limiting the special stamina development and slowing sports achievement results down; (2) various kinds of special sprinter stamina manifestations by running different distances (for example, 0–30 meters for speed and strength stamina, 30–90 meters for alactic and anaerobic stamina, 90–150 meters for alactate-lactate anaerobic stamina); (3) the possibility of individualizing the development of special stamina, depending on what distance segments the speed decreases. According to the developed methodology, special stamina development is assessed during training through preliminary, operational and final control. The main idea of its development is the usage of a generally recognized set of test exercises, such as the flying 30 m sprint test, 60-meter standing start (fixed in the Federal Standard for Athletic Sports Training) in combination with 150-meter sprint in segments: 0–30 m, 30–90 m, 90–150 m, which is an additional test similar in structure to competitive activity. The analysis of taking generally accepted tests makes it possible to determine the maximum speed capabilities, speed-strength abilities, and speed stamina, to reveal the athlete's reserves for further special stamina development. The analysis of taking the 150-meter sprint test allows clarifying information about the performance of female sprinters' special stamina at the distance segments, thereby determining the reasons that limit the achievement of the special stamina development and slow athletics sprint sports results down. Based on the data obtained within the framework of various types of control, the coach can individualize the process of special physical training in sprint. The effectiveness of the methods for assessing the development of special stamina for female sprinters during the initial sports specialization was confirmed itself during the research. A conclusion was made about the possibility of its application in sports practice.

Keywords: track and field sprint, special stamina, initial sports specialization, assessment

For citation: Romanova, S.P. (2022) Methods of assessing the development of special stamina in female sprinters during the initial sports specialization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 184–190. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/20

Введение. В спринте достижение высоких спортивных результатов в основном зависит от уровня специальной подготовленности легкоатлетов, в частности, от уровня развития специальной выносливости. Специальная выносливость – это способность противостоять утомлению в условиях специфической тренировочной и соревновательной деятельности при максимальной мобилизации функциональных возможностей [1]. Различают скоростную, скоростно-силовую, силовую, координационно-двигательную и другие виды специальной выносливости. Уровень развития специальной выносливости легкоатлетов, специализирующихся в беге на короткие дистанции, зависит от их максимальных скоростных возможностей, скоростно-силовых способностей, силовой выносливости, экономичности и устойчивости техники.

Анализ научно-методической литературы позволяет говорить о широком освещении в ней вопросов развития специальной выносливости бегунов на короткие дистанции. Специалисты выделяют и классифицируют методы и средства развития различных видов специальной выносливости, описывают варианты и условия их эффективного применения на тренировках [2–4]. Однако в настоящее время имеется дефицит работ, посвященных оценке степени реализации специальной выносливости бегунов в условиях, максимально приближенных к соревновательным. При этом большинство показателей, используемых специалистами для данной оценки, отражают лишь преимущественное развитие тех или иных способностей и далеко не всегда в необходимой степени полно раскрывают целостную структуру специальной подготовленности спринтеров [5]. Это затрудняет выявление причин, лимитирующих дальнейший рост результатов.

Противоречие между необходимостью роста спортивных результатов в легкоатлетическом спринте на этапе начальной спортивной специализации и слабой разработанностью вопросов оценки специальной выносливости спринтеров в условиях соревновательного упражнения позволило сформулировать проблему исследования: «Какова методика оценки специальной выносливости спринтеров, занимающихся легкой атлетикой на этапе начальной спортивной специализации?» и определить цель исследования – разработать методику оценки специальной выносливости легкоатлетов 12–14 лет, специализирующихся в беге на короткие дистанции, и определить результативность ее применения. Гипотеза исследования состояла в том, что контроль за развитием специальной выносливости легкоатлетов-спринтеров этапа начальной спортивной специализации станет более информативным и индивидуализированным, если методика оценки развития данной выносливости, наряду с батареей общепринятых тестов, прописанных в Федеральном стандарте по спортивной подготовке вида спорта легкая атлетика, дополнительно будет включать тест «Бег 150 м отрезками: 0–30 м, 30–90 м, 90–150 м».

Методы и материалы исследования. Исследование проводилось на базе МБУДО «Дворец спорта для детей и юношества» пос.Чунский Иркутской области. В нем участвовало 15 девочек 12–14 лет, занимаю-

щихся легкой атлетикой на начальном этапе спортивной специализации. Для достижения цели исследования были применены методы анализа и обобщения научно-методической и специальной литературы, педагогического тестирования, сравнения, методы математической статистики.

Анализ и обобщение научно-методических источников позволил, во-первых, выявить особенности развития специальной выносливости у легкоатлетов 12–14 лет, специализирующихся в беге на короткие дистанции. Это пубертатный период и связанное с ним ускорение в развитии двигательных способностей, в частности, статической, динамической силовой и скоростной выносливости, т.е. в данный возрастной период у девушек создаются благоприятные условия для развития специальной выносливости. Во-вторых, теоретически обосновать и разработать методику оценки развития специальной выносливости легкоатлетов-спринтеров 12–14 лет. В основу обоснования методики легли следующие положения: о недостаточности проведения общепринятых тестов для выявления причин, лимитирующих развитие специальной выносливости и тормозящих спортивные результаты; о различных проявлениях специальной выносливости на участках дистанции 0–30 м, 30–90 м и 90–150 м; о возможности индивидуализации развития специальной выносливости в зависимости от того, на каких отрезках дистанции снижается скорость.

Педагогическое тестирование заключалось в применении тестовых заданий – физических упражнений в строго заданных и одинаковых для всех участников исследования условиях. Спортсменки в начале и по окончании исследовательской работы выполняли следующие тесты: «Бег 30 м с ходу», «Бег 60 м с высокого старта», «Бег 150 м с высокого старта». «Бег 150 м отрезками 30 м, 30–90 м, 90–150 м».

Метод сравнения использовался для сопоставления участников исследования по признаку принадлежности к одному из выделенных «коридоров» (табл. 1). Определялась доля спортсменок (от общего количества в группе исследуемых участников), результаты которых соответствовали диапазону величин «коридора 1», «коридора 2» и «коридора 3». Данной процедуре предшествовало определение диапазонов величин в «коридорах». При этом мы исходили из того, что:

- показатели нижней границы «коридора 1» («удовлетворительно») соответствовали минимальному значению результатов для зачисления в группы на этап начальной подготовки, указанному в Федеральном стандарте спортивной подготовки по виду спорта легкая атлетика;

- показатели верхней границы «коридора 2» («хорошо») соответствовали минимальному значению результатов для зачисления в группы на тренировочный этап подготовки (см. Федеральный стандарт спортивной подготовки по виду спорта легкая атлетика);
- значения результатов, которые выше «коридора 2», соответствовали показателям границ «коридора 3» («отлично»);

- следует использовать равномерную шкалу распределения между «коридорами».

Таблица 1

«Коридоры» распределения результатов развития специальной выносливости исследуемых девушек-спринтеров

Тест	«Коридоры»		
	1 (удовлетворительно)	2 (хорошо)	3 (отлично)
Бег 60 м с высокого старта, с	10,3–10,1	10,0–9,9	9,8 и меньше
Бег 150 м с высокого старта, с	27,8	27,7	27,6 и меньше
Бег 30 м с ходу, с	4,1	3,9–3,8	3,7 и меньше

Для обработки полученных в ходе исследования данных с помощью методов математической статистики вычислялись среднее арифметическое, средне-квадратическое отклонения, ошибка среднего арифметического, Т-критерий Уилкоксона.

Результаты и их обсуждение. Оценка развития специальной выносливости легкоатлетов-спринтеров на начальном этапе спортивной специализации осуществляется на тренировках в ходе предварительного, оперативного и итогового контроля. Предварительный контроль проводится для оценки начального уровня развития специальной выносливости, ориен-

тирован на уточнение задач, подбор адекватных средств и методов развития данных способностей. Оперативный контроль применяется для регулирования нагрузки на тренировочном занятии, итоговый контроль – для выявления положительных и отрицательных сторон в ее развитии, для постановки новых задач спортивной подготовки [6]. В рамках перечисленных видов контроля для оценки специальной выносливости спринтеров традиционно используется комплекс тестовых упражнений, прописанных в Федеральном стандарте по спортивной подготовке вида спорта легкая атлетика (табл. 2).

Таблица 2

Тестовые упражнения на развитие специальной выносливости и направленность их применения

Тест	Направленность применения
Бег с ходу на 30 м	Определение максимально доступной скорости бега (оценка реализации скоростных возможностей осуществляется по отношению средней соревновательной скорости на дистанции к величине максимальной скорости)
Бег 60 м с высокого старта	Определение скоростной выносливости и средней скорости на соревновательной дистанции (60 м – на этапе начальной спортивной специализации, 100 м – на этапе спортивного совершенствования)
Бег 150 м с видеорегистрацией техники	Определение устойчивости и экономичности техники на старте и по дистанции
Бег 30 м с низкого старта	Определение уровня развития скоростно-силовых способностей
Прыжок в длину с места	

Исходя из данных, представленных в табл. 2, можно сделать вывод, что рекомендуемые Федеральным стандартом и традиционно используемые в практике легкой атлетики тесты позволяют определять различные стороны проявления специальной выносливости. Однако очевидно, что с их помощью не представляется возможным в достаточной степени точно определить причины, лимитирующие развитие уровня специальной выносливости и тормозящие спортивные результаты в легкоатлетическом спринте.

В этой связи авторами статьи разработана методика оценки развития специальной выносливости, суть которой заключается в том, что в рамках оперативного контроля в тренировочном процессе девушек-спринтеров 12–14 лет наряду с общепринятыми тестами используется тест «Бег 150 м отрезками: 0–30 м, 30–90 м, 90–150 м». С помощью данного теста тренер фиксирует скорость прохождения спортсменом каждого отрезка дистанции 150 м и определяет наиболее «западающие» в плане скорости отрезки. В зависимости от того, на каком участке дистанции снижается скорость, можно понять, какой работы в

тренировочном процессе недостаточно, на чем необходимо сделать акцент. Так, снижение скорости на отрезке пробегания дистанции 0–30 м говорит о необходимости «сделать акцент» на развитии скоростно-силовой выносливости, на отрезке 30–90 м – алактатно-анаэробной выносливости, 90–150 м – алактатно-лактатной анаэробной выносливости.

На основе полученной информации подбираются средства, методы и методические приемы развития специальной выносливости. Отрезок 0–30 м дает информацию о том, как спортсмен использует скоростно-силовые качества в стартовом разгоне, как быстро набирает скорость. Низкая скорость на данном отрезке говорит о необходимости развивать «взрывную силу» и совершенствовать стартовый разгон. Для этого рекомендуется использовать бег с ходу, разнообразные прыжки, бег в усложненных условиях (в гору, с отягощением, сопротивлением партнера), броски набивного мяча и др. Упражнения должны быть относительно простыми, чтобы была возможность выполнять их с околоредельной (70–80%) и предельной скоростью (100%). Работа с

предельной скоростью должна сочетаться с работой на умеренных и максимальных скоростях на развитии межмышечной координации.

Для развития быстроты реакции применяются разнообразные упражнения в максимальном темпе под звуковой сигнал, имитирующие отдельные моменты спринтерского бега (работа рук, бег на месте в упоре и др.), а также различные подвижные и спортивные игры, включающие быстрый кратковременный бег, прыжки, метания. Все упражнения должны выполняться в анаэробных условиях. Интервал отдыха между упражнениями должен составлять от 30 с до 1 мин, а между сериями – от 3 до 3,5 мин.

Для совершенствования старта и стартового разгона очень важную роль играют скоростно-силовые качества мышц разгибателей ног и туловища; используются прыжки и упражнения с различными отягощениями.

Отрезок 30–90 м позволяет оценить проявление скоростной выносливости на дистанции. Физиологической основой скоростной выносливости являются анаэробные возможности организма с алактатной и лактатной фазами. Основным внешним показателем скоростной выносливости является время, на протяжении которого удастся поддерживать заданную скорость, темп движений или соотношение скоростей, достигаемых на частях дистанции. В течение первых 10 с работы максимальной интенсивности имеет место гликолиз. Для развития скоростной выносливости используются упражнения продолжительностью от 6 до 15 с повторным методом с максимальной интенсивностью (90–95%). Такие упражнения выполняются сериями по 3–5 раз в зависимости от длины дистанции. Это могут быть старты и пробежки до 80 м. Повторные пробежки выполняются с интервалами отдыха 2–4 мин так, чтобы к началу пробежки частота пульса составляла не более 120 уд/мин.

Отрезок 90–150 м поможет оценить способность спортсмена поддерживать скорость и противостоять утомлению из-за накопления молочной кислоты в мышцах. По истечении 10–15 с в работу вступает анаэробный гликолиз, за счет которого в мышечной ткани содержание молочной кислоты (лактата) возрастает в 5 раз, что является причиной ощущения тяжести в мышцах. Упражнения, способствующие повышению лактатных анаэробных способностей, – это темповый бег, интервальный бег, бег на дистанцию длиннее соревновательной, «фартлек», продолжительность работы 30–60 с, субмаксимальная интенсивность 85–90%, отдых между пробежками 30–60 с. Преимущественно используется интервальный метод.

Определить уровень специальной выносливости можно по разнице времени преодоления первого (30–90 м) и второго (90–150 м) отрезков; чем меньше разница между результатами, тем лучше скоростная выносливость. Спринтеры, имеющие высокие показатели скоростной выносливости, достигают улучшения

результатов в основном за счет развития максимальных скоростных возможностей. Те, у которых низкие показатели скоростной выносливости, достигают улучшения результатов за счет использования более длинных отрезков, чем соревновательная дистанция. В этой связи легкоатлеткам, у которых результат по дистанции на отрезках 30–90 м и 90–150 м практически не меняется, рекомендуется тренироваться с акцентом на развитие максимальных скоростных возможностей (анаэробно-алактатная зона). Спортсменкам, у которых результат по дистанции на отрезке 90–150 м значительно ухудшается в сравнении с отрезком 30–90 м, предлагается тренироваться преимущественно в анаэробно-гликолитической зоне с использованием более длинных отрезков. Так, если скорость заметно снижается на второй половине дистанции, необходимо сделать акцент на преодоление отрезков длиннее соревновательной дистанции, а если результат сравнительно одинаковый на отрезках дистанции, нужно сделать акцент на развитие максимально скоростных возможностей и т.п.

Проверка результативности представленной методики происходила в естественных условиях тренировочного процесса. Результаты, полученные с помощью применения общепринятых тестов «Бег 30 м с ходу», «Бег 60 м с высокого старта», «Бег 150 м с высокого старта» на момент начала исследовательской работы, были сопоставлены со значениями диапазонов «коридоров» распределения (рис. 1).

Сопоставление и анализ результатов тестирования, полученных в результате проведения тестов «Бег 30 м с ходу», «Бег 60 м с высокого старта», «Бег 150 м с высокого старта», со значениями диапазонов «коридоров» распределения позволило говорить, что на момент начала исследовательской работы:

- развитие скоростных способностей в группе легкоатлетов в целом находится на удовлетворительном уровне: доля спортсменок, имеющих уровень «удовлетворительно», составляет 67% от общего количества исследуемых, «хорошо» – 20%, «отлично» – 13%, что говорит о наличии «резерва» для развития скоростных способностей у большинства участников в группе;

- развитие скоростно-силовых способностей в группе исследуемых легкоатлетов в целом находится на уровне, приближенном к «хорошему»: доля спортсменок, имеющих уровень «удовлетворительно», составляет 47%, «хорошо» – 47%, «отлично» – 6% соответственно, данная способность у легкоатлетов-спринтеров имеет определенный потенциал для развития;

- развитие скоростной выносливости в группе исследуемых легкоатлетов в целом находится на удовлетворительном уровне: доля спортсменок, имеющих уровень «удовлетворительно», составляет 47%, «хорошо» – 27%, «отлично» – 26%, что говорит о необходимости повышения скоростной выносливости.

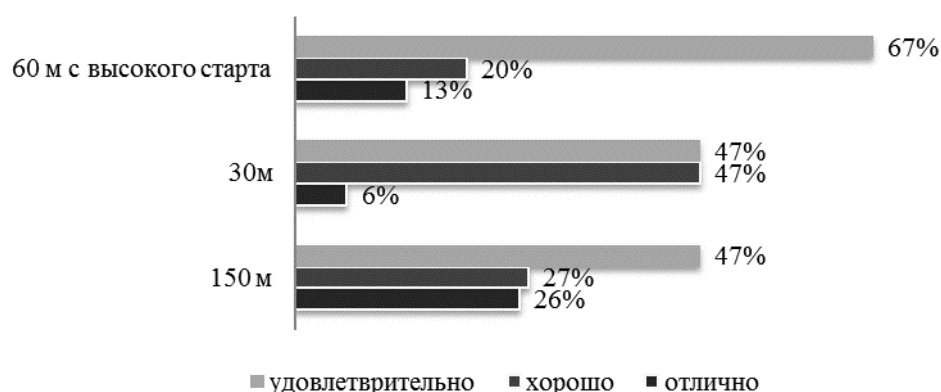

Рис. 1. Сопоставление результатов тестирования участников, полученных в ходе применения общепризнанных тестов со значениями диапазонов «коридоров распределения» на момент начала исследовательской работы

Кроме того, выявлено, что в начале исследования у спортсменок индекс скоростных возможностей равен 0,79, т.е. находится на достаточно хорошем уровне.

Таким образом, данные, полученные в результате тестирования на основе использования общепринятых тестовых заданий, позволили определить состояние различных сторон специальной выносливости в группе исследуемых легкоатлетов-спринтеров и на этой основе сделать выводы о наличии «резерва» для повышения специальной выносливости и необходимости

проведения работы в направлении «западающих» способностей.

На момент начала исследовательской работы с помощью применения теста «Бег 150 м отрезками: 0–30 м, 30–90 м, 90–150 м» были получены результаты, позволяющие дополнить информацию о состоянии специальной выносливости участников исследования, и на основании этого скорректировать и индивидуализировать их тренировочный процесс (табл. 3).

Таблица 3

Результаты теста «Бег 150 м отрезками: 0–30 м, 30–90 м, 90–150 м», полученные в начале и по окончании исследовательской работы

Участни ики	Отрезки									
	0–30 м		30–90 м		90–150 м		150 м		Разница 30–90 м и 90–150 м	
	начало	конец	начало	конец	начало	конец	начало	конец	начало	конец
М ± m	4,91 ± 0,2	4,85 ± 0,8	11,26 ± 0,2	11,10 ± 0,2	11,67 ± 0,3	11,55±0,2	27,77 ± 0,2	27,53 ± 0,2	0,47 ± 0,5	0,39 ± 0,3
При рост	1,5%		1,4%		0,5%		1%		9%	
Тэмп	28		25		6		1		30	
Ткр	30									
p	< 0,05		< 0,05		< 0,05		< 0,05		< 0,05	

Сопоставление и анализ результатов тестирования, полученных в результате проведения дополнительного теста на момент начала исследовательской работы, позволили определить спортсменок, у которых результат по дистанции на отрезках 30–90 м и 90–150 м практически не менялся (разница во времени прохождения отрезков 30–90 м и 90–150 м – от 0 до 0,4 с). Эти участники во время проведения исследований тренировались с акцентом на развитие максимальных скоростных возможностей (анаэробно-алактатная зона). Также были выявлены спортсменки, результат которых по дистанции на отрезке 90–150 м значительно ухудшился в сравнении с отрезком 30–90 м (разница во времени прохождения отрезков 30–90 м и 90–150 м – от 0,4 и выше). Данная группа участников во время исследования тренировалась преимущественно в анаэробно-гликолитической зоне с использованием более длинных отрезков в рамках предложенной программы

тренировок. В целом легкоатлетки в период проведения исследования придерживались программы тренировки спринтеров Н.И. Волкова [1], которая включает в себя нагрузки анаэробно-алактатного и лактатного воздействия и содержит локальную и интегральную подготовку. Кроме того, в тренировочный процесс были внесены различные упражнения силового и скоростно-силового характера, специальные беговые упражнения.

По окончании исследовательской работы проведен сравнительный анализ изменений показателей специальной выносливости участников, полученных в ходе выполнения общепринятых тестовых заданий и в тесте «Бег 150 м отрезками: 0–30 м, 30–90 м, 90–150 м». Сопоставление результатов тестирования участников, полученных в ходе применения общепризнанных тестов, со значениями диапазонов «коридоров» распределения по окончании исследовательской работы представлены на рис. 2.

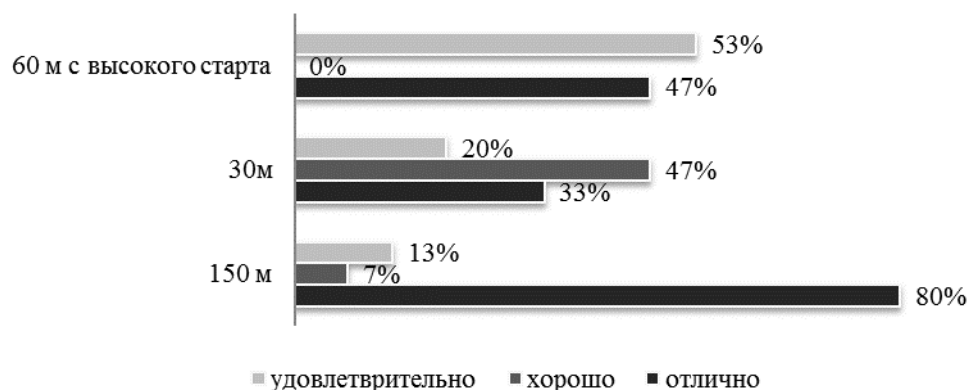

Рис. 2. Сопоставление результатов тестирования участников, полученных в ходе применения общепризнанных тестов, со значениями диапазонов «коридоров» распределения по окончании исследовательской работы

Очевидно, что после проведения исследовательской работы произошло смещение в «коридорах» распределения участников. Так, доля участников, развитие скоростных способностей которых по окончании исследования соответствовало уровню «удовлетворительно», снизилась на 14%, уровню «хорошо» – на 20%, а доля участников с уровнем «отлично» выросла на 34%. Развитие данных способностей в группе в целом стало соответствовать уровню «хорошо». Доля участников, развитие скоростно-силовых способностей которых по окончании исследования соответствовало уровню «удовлетворительно», снизилась на 27%, доля участников с уровнем «хорошо» не изменилась, с уровнем «отлично» – выросла на 27% от общего количества; развитие данных способностей в группе соответствует уровню «хорошо». Доля спортсменок, развитие скоростной выносливости которых по окончании исследования соответствовало уровню «удовлетворительно», снизилась на 34%, доля участников с уровнем «хорошо» – на 20%, доля участников с уровнем «отлично» выросла на 54%. Развитие данных способностей в группе стало соответствовать уровню «отлично». При этом индекс скоростных возможностей в исследуемой группе легкоатлетов-спринтеров стал соответствовать значению 0,78. В совокупности с положительной динамикой в результатах этот показатель подтверждает эффективность тренировочного процесса. Таким образом, выявлено положительное смещение долей «коридоров» у исследуемых легкоатлетов-спринтеров.

В тесте «Бег 150 м отрезками 30 м, 30–90 м, 90–150 м» результаты участниц стали лучше на всех отрезках дистанции (табл. 2). Задача повысить показатели прохождения первой половины (30–90 м) и второй половины (90–150 м) дистанции с минимальным снижением скорости была выполнена. Рост составил 9%, что говорит о положительном влиянии более тщательного анализа дистанции и корректировки тренировочного процесса.

Выводы Разработанная методика оценки развития специальной выносливости легкоатлетов-спринтеров на этапе начальной специализации, представленная на основании комплексного проведения батареи общепринятых тестов и теста «Бег 150 м отрезками 30 м, 30–90 м, 90–150 м», является результативной и может применяться в спортивной практике. Результаты, полученные в ходе проведения тестов «Бег 30 м с ходу», «Бег 60 м с высокого старта», «Бег 150 м с высокого старта», позволяют определить уровень проявления различных сторон специальной выносливости и сделать вывод о «резерве» развития данных способностей. Показатели, полученные в ходе проведения теста «Бег 150 м отрезками 30 м, 30–90 м, 90–150 м», позволяют выявить возможности каждого атлета проявлять данные способности в совокупности, по ходу пробегания отрезков дистанции, т.е. в условиях, максимально приближенных к соревновательным, и на основании этих данных индивидуализировать процесс его специальной физической подготовки.

Список источников

1. Волков Н.И., Лапин В.И. Анализ кривой скорости в спринтерском беге // Теория и практика физической культуры. 1971. № 10. С. 5–11.
2. Аванесов В.У. Взаимосвязь биоэнергетических систем с двигательными способностями спринтеров в беге на 100 метров // Известия Тульского государственного университета. 2013. № 5. С. 102–110.
3. Катенков А.Н., Анисимова Е.А., Новикова Е.М. Обоснование условий и факторов, определяющих скорость бега на короткие дистанции // Теория и практика физической культуры. 2020. № 2. С. 83–86.
4. Марцинович Л.И. Эффективность скоростно-силовой подготовки легкоатлетов-спринтеров на начальном этапе учебно-тренировочного процесса // Материалы XXIV Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов «Наука – образованию, производству, экономике». Витебск : ВГУ им. П.М. Машерова, 2019. С. 179–181.
5. Фискалов В.Д., Усков М.А. Специальная подготовленность спринтеров и критерии оценки ее реализации // Тренер. 2007. № 2. С. 67–71.
6. Приходько А.Ю., Климов В.М., Айзман Р.И. Комплексная оценка критериев успешного прогноза спортивных результатов в циклических видах спорта // Человек. Спорт. Медицина 2021. Т. 21, № 3. С. 137–146.

References

1. Volkov, N.I. & Lapin, V.I. (1971) Analiz krivoy skorosti v sprinterskom bege [Analysis of the speed curve in sprint running]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 10. pp. 5–11. (In Russian).
2. Avanesov, V.U., Bugaev, G.V. & Shcheglov, V.N. (2013) Relationship bioenergy systems with motor abilities sprinters in the women's 100 meters. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaya kul'tura. Sport – Izvestiya Tula State University. Physical Culture. Sport*. 3. pp. 70–75. (In Russian).
3. Katenkov, A.N., Anisimova, E.A. & Novikova, E.M. (2020) Theoretical and methodological substantiation of running speed rating conditions and factors. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 2. pp. 83–86. (In Russian).
4. Martsinovich, L.I. (2019) [Efficiency of speed and strength training of sprinters at the initial stage of the training process]. *Nauka – obrazovaniyu, proizvodstvu, ekonomike* [Science – Education, Production, Economy]. Proceedings of the 71st Regional Conference. Vitebsk. 14 February 2019. Vitebsk: P. M. Masherov Vitebsk State University. pp. 179–181. (In Russian).
5. Fiskalov, V.D. & Uskov, M.A. (2007) Spetsial'naya podgotovlennost' sprinterov i kriterii otsenki ee realizatsii [Special preparedness of sprinters and criteria for evaluating its implementation]. *Trener*. 2. pp. 67–71.
6. Prikhod'ko, A.Yu., Klimov, V.M. & Ayzman, R.I. (2021) Comprehensive assessment of prognostic criteria in cyclic sports. *Chelovek. Sport. Meditsina – Human. Sport. Medicine*. 3 (21). pp. 137–146. (In Russian). doi: 10.14529/hsm210317

Информация об авторе:

Романова С.П. – канд. пед. наук, преподаватель кафедры физического воспитания Московского финансово-юридического университета (Москва, Россия). E-mail: romansp.ru@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.P. Romanova, Cand. Sci. (Pedagogy), lecturer, Moscow Finance and Law University (Moscow, Russian Federation). E-mail: romansp.ru@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.01.2022;
одобрена после рецензирования 15.02.2022; принята к публикации 28.03.2022.*

*The article was submitted 16.01.2022;
approved after reviewing 15.02.2022; accepted for publication 28.03.2022.*

Научная статья
УДК 378
doi: 10.17223/15617793/476/21

Дистанционное образование без дистанции: гармонизация педагогического общения на занятиях по русскому языку как иностранному в вузе

Ирина Викторовна Салосина^{1, 2, 3}, Татьяна Александровна Демидова^{1, 4},
Любовь Михайловна Гриценко^{1, 5}

¹Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия

²Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

³salosinaiv@tpu.ru

⁴demidtanya@yandex.ru

⁵grluba@rambler.ru

Аннотация. Решается проблема теоретического обоснования психолого-педагогических условий гармонизации педагогического общения в процессе обучения студентов русскому языку как иностранному в контексте перехода университетов на дистанционное образование в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции 2020–2021 гг. Сделан вывод о необходимости реализации текстоориентированного подхода при разработке образовательного контента. Обоснованы принципы использования информационных ресурсов Zoom, Moodle, Kahoot, Miro. Приведены результаты опроса иностранных студентов Национального исследовательского Томского политехнического университета.

Ключевые слова: педагогическое общение, гармонизация общения, дистанционное образование, иностранные студенты, текстоориентированный подход

Для цитирования: Салосина И.В., Демидова Т.А., Гриценко Л.М. Дистанционное образование без дистанции: гармонизация педагогического общения на занятиях по РКИ в вузе // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 191–200. doi: 10.17223/15617793/476/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/21

Distance education without distance: Harmonization of pedagogical communication in the RFL classroom at the university

Irina V. Salosina^{1, 2, 3}, Tatyana A. Demidova^{1, 4}, Lubov M. Gritsenko^{1, 5}

¹National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

²Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

³salosinaiv@tpu.ru

⁴demidtanya@yandex.ru

⁵grluba@rambler.ru

Abstract. The article presents a study of the problem of creating a language environment in the context of distance education. The article is aimed at solving the problem of theoretical substantiation of the psychological and pedagogical conditions for harmonizing pedagogical communication in the process of teaching students Russian as a foreign language in the context of the transition of universities to distance education in connection with the 2020–2021 pandemic, which led to a global transformation of the communication channel in pedagogical communication. The aim of the study is to identify the psychological and pedagogical conditions for the harmonization of pedagogical communication in the process of teaching Russian as a foreign language at a university in the context of the transition to a distance learning format. Pedagogical communication is considered as the main technology for the implementation of educational activities, a tool for interaction between the subjects of the educational process. The components of pedagogical communication are educational speech situations and their components: communicants, external circumstances, internal circumstances (N.I. Formanovskaya). The key is the presentation of pedagogical communication in the form of a “communicative circle”, formulated within the framework of a text-oriented approach to teaching the Russian language (N.S. Bolotnova). The harmonization of pedagogical communication is understood as the implementation of psychological and pedagogical conditions that provide maximum comfort for the subjects of educational activity in order to develop their creative and cognitive activity in the information educational environment. The study was conducted on the basis of the National Research Tomsk Polytechnic University during the period of full transition to distance learning in the 2020–2021 academic year. The main research methods are: pedagogical observa-

tion, questioning, analysis of the results of students' activities. As a result of the study, psychological and pedagogical conditions for the harmonization of pedagogical communication were identified in accordance with its functions: information and communication, regulation and communication, education and communication, the function of intercultural interaction. In conclusion, the psychological and pedagogical conditions are systematized, allowing to achieve the harmonization of pedagogical communication in the RFL classroom with a full transition to a distance learning format: the development of personalized educational content, the integrated use of online services; the use of information services as a tool for creating a space for the development of students' personal qualities; the formation of a group as an international team with experience in intercultural communication, professional skills and personal qualities of a teacher.

Keywords: pedagogical communication, harmonization of communication, distance education, foreign students, text-oriented approach

For citation: Salosina, I.V., Demidova, T.A. & Gritsenko, L.M. (2022) Distance education without distance: Harmonization of pedagogical communication in the RFL classroom at the university. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 191–200. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/21

Введение

Цифровизация системы преподавания русского языка как иностранного в вузах – это процесс, который начался задолго до начала перехода университетов на дистанционный формат обучения в условиях пандемии. В науке уже достаточно широко описаны информационные сервисы и ресурсы, обеспечивающие эффективность такого процесса обучения, однако открытой, по мнению исследователей в области методики РКИ, остается проблема создания языковой среды в условиях дистанционного образования [1]. Одним из аспектов ее решения, по нашему мнению, является гармонизация педагогического общения.

С точки зрения современной науки, педагогическое общение традиционно рассматривается как особый вид совместной деятельности педагога и учащихся, которая направлена на формирование знаний, умений, личностное развитие и повышение мотивации овладения предметом [2. С. 192]. С этих позиций педагогическое общение можно рассматривать в качестве основной технологии реализации образовательной деятельности, инструмента взаимодействия субъектов образовательного процесса. Формирующей базой педагогического общения является особый образовательный контент, прогнозируемый и генерируемый преподавателем, а каналом связи – межличностное общение участников реализации программы обучения. Данный канал обеспечивает не только мониторинг освоения определенных знаний, но и позволяет отслеживать психологическое состояние учащихся и оперативно реагировать на их познавательные запросы. Это особо важно при реализации курсов русского языка для иностранных учащихся, поскольку от результатов обучения зависит их успешность в овладении программами профессиональной подготовки в российских университетах, а также социокультурная адаптация и интеграция в общество принимающего региона. Однако современная общемировая ситуация 2020–2021 гг., вызванная пандемией, привела к глобальной трансформации именно канала связи в педагогическом общении, поскольку вся вузовская система образования была переведена на дистанционный формат обучения. В ситуации, когда невозможна передача информации по каналу **человек – человек**, поскольку в настоящее время исполь-

зуется канал **человек – компьютер – человек**, создается определенный барьер восприятия и понимания текстов как информационной составляющей обучения, студенты часто не понимают поставленных перед ними задач, не говоря уже о том, что в данной ситуации практически нивелируется межличностная составляющая педагогического общения. Кроме того, возникает проблема формирования и объединения интернационального студенческого коллектива, хотя тот факт, что степень сплоченности студенческой группы оказывает положительное влияние на результативность обучения, не вызывает сомнения. Реалии современного мира формируют ситуацию географической разобщенности учащихся, когда большая часть студентов находится в странах проживания, часть – осталась в России. Группу, которую следует рассматривать отдельно, составляют слушатели подготовительного отделения, которые ни разу в жизни не видели друг друга, не были в России и никогда не изучали русский язык. Перед преподавателем встает вопрос: каким образом координировать деятельность такого коллектива?

Необходимо отметить, что сам дистанционный формат обучения породил в научно-педагогическом и студенческом сообществе большое количество разногласий и споров: от полного неприятия до нежелания «выходить» из онлайн-режима. Наблюдается тенденция к увеличению количества информационных ресурсов, платформ, онлайн-школ, предлагающих иностранцам разнообразные курсы по изучению русского языка дистанционно. Проведенные исследования оценки удовлетворенности качеством обучения в онлайн-режиме часто демонстрируют негативное отношение к работе в дистанционном формате. Для преподавателей это связано «с разрушением привычного уклада жизни и необходимостью по-иному рассматривать свое рабочее место, искать индивидуальные подходы к обучению» [3], с позиции иностранных студентов наблюдается снижение мотивации к обучению [4].

Ответы на эти вызовы в настоящее время пытаются найти ученые, работающие в контексте «позитивной психологии». Ключевыми факторами, обеспечивающими эффективность и развитие образования, на их взгляд, являются принятие современных условий обучения и «адаптация к новым формам общения»

посредством коммуникативно-психологических заданий [5. С. 256]. Необходимость анализа и систематизации психологических факторов, негативно повлиявших на качество обучения, отмечают также зарубежные исследователи, которые говорят о том, что причиной может быть не столько сама дистанционная форма обучения, сколько комплекс проблем, связанных с пандемией в целом [6].

Поскольку сама ситуация для мировой практики высшего образования сложилась уникальная, несмотря на изученность вопросов использования электронных средств обучения в формате реализации отдельных программ либо в контексте смешанного обучения, глобально и многоаспектно проблему полного перехода на дистанционное образование в науке не исследовали. Одним из способов решения проблемы, с нашей точки зрения, является разработка и реализация психолого-педагогических условий гармонизации педагогического общения, благодаря которым возможно стирание границ между офлайн- и онлайн-обучением путем повышения эффективности обучения и мотивации учащихся, поскольку, на наш взгляд, онлайн-формат содержит все необходимые элементы (сервисы, технологии, ресурсы), которые позволяют организовать учебный процесс эффективно и качественно.

Это позволило сформулировать **цель исследования**: выявить психолого-педагогические условия гармонизации педагогического общения в процессе обучения русскому языку как иностранному в вузе в контексте перехода на дистанционную форму обучения.

Методология исследования

Сложность рассмотрения феномена педагогического общения заключается в междисциплинарности подходов к его изучению. Данное понятие рассматривается в контексте педагогики, психологии, лингвистики, педагогической риторики, методики преподавания.

Впервые теоретические представления о структуре и особенностях педагогического общения были сформулированы в работах В.А. Кан-Калика, Г.А. Ковалева, А.А. Леонтьева. В.А. Кан-Калик выделяет и его функциональную составляющую: обмен информацией, межличностное познание, организация и регуляция взаимоотношений, самопрезентация личности педагога [7. С. 9].

Для нашего исследования принципиальным будет положение о том, что составляющими педагогического общения являются учебно-речевые ситуации и их компоненты: коммуниканты (**кто-кому**), внешние обстоятельства (**где-когда**), внутренние обстоятельства (**почему-зачем**) [8. С. 56]. В данном аспекте особенно важным является способ трансляции (**как**), который в качестве компонента вносит Т.А. Ладыженская [9. С. 57].

Ключевым является представление педагогического общения в виде «коммуникативного круга», сформулированное в рамках текстоориентированного подхода к преподаванию русского языка, в кон-

тексте которого модель коммуникации в образовательном процессе представляется как специфическое взаимодействие субъектов образовательного процесса (автора и адресата) посредством генерации текстов (в основном учебных), передаваемых через определенный канал связи [10]. Текстцентризм обозначен также в качестве базового принципа в современной методике преподавания русского языка как иностранного, где текст рассматривается как средство и предмет обучения [11, 12].

В основу исследования положена идея гармонизации общения как достижение «понимания, душевного отклика, эмоционального контакта» [13], берущая начало в работах М.М. Бахтина, развиваемая в исследованиях А.П. Сковородникова, А.К. Михальской Т.А. Ладыженской и других в рамках педагогической риторики. Ю.В. Щербинина рассматривает данную проблему как концепцию гармонизации педагогического дискурса посредством реализации прагматического, гносеологического, эстетического и этического компонентов [14, 15]. Поскольку для данного исследования принципиальным является трансформация канала связи в педагогическом общении (использование электронных сервисов и платформ), то особое значение имеют выводы ученых об использовании дистанционных технологий в процессе обучения русскому языку как иностранному [1]. Отдельные исследователи отмечают, что дистанционное образование отличается от традиционного только формой передачи информации, а представления о цели (формирование иноязычной коммуникативной компетенции) и содержании обучения остаются неизменными [16].

Таким образом, основные компоненты педагогического общения будут рассмотрены следующим образом: **текст** – образовательный контент для создания электронных курсов, устные и письменные сообщения в системах видеоконференций, чатах, мессенджерах; **канал связи** – информационные сервисы и платформы; **адресат** – учащийся, чаще всего находящийся вне языковой среды, с ограниченными возможностями использования интернета; отдельная категория – учащийся, никогда не изучавший русский язык. Частным случаем реализации педагогического общения с данным типом адресата является отсутствие возможности использовать язык-посредник для установления первоначального контакта (например, многочисленная группа китайских студентов без знания английского языка); **адресант** – преподаватель, обладающий определенным набором профессиональных компетенций в сфере использования информационно-коммуникативных технологий; **код** – иностранный (русский) язык.

Результаты и обсуждение

Под гармонизацией педагогического общения мы понимаем реализацию психолого-педагогических условий, обеспечивающих максимальный комфорт субъектам образовательной деятельности для развития их творческой и познавательной активности в информационной образовательной среде, а также эф-

фективное осуществление функций педагогического общения: информационно-коммуникативной, регуляционно-коммуникативной, воспитательно-коммуникативной [9]. В ситуации, когда педагогическое общение является инструментом взаимодействия интернационального коллектива, считаем необходимым добавить функцию межкультурного взаимодействия, которая реализуется как в направлении *преподаватель* (носитель русской культуры) и *иностранцы* (представители различных культур), так и в межкультурной коммуникации всех участников образовательного процесса.

Исследование проводилось на базе Национального исследовательского Томского политехнического университета (НИ ТПУ) в период полного перехода на дистанционную форму обучения в 2020/21 учебном году. Основными методами исследования являются: педагогическое наблюдение, анкетирование, анализ результатов деятельности учащихся. При разработке опросника использовались материалы исследования НИУ «Высшая школа экономики» [17]. В опросе приняли участие 19 иностранных студентов НИ ТПУ. Из них 58% опрошенных – студенты КНР, находившиеся во время обучения на территории КНР, остальные – студенты из Индии, Индонезии, Камеруна, Мальдив, Сенегала, Сирии, Ирана (по одному представителю страны).

В результате исследования были выявлены психолого-педагогические условия гармонизации педагогического общения в соответствии с его функциями.

Эффективная реализация информационно-коммуникативной функции обеспечивается разработ-

кой персонализированного образовательного контента (как совокупности текстов, выполняющих дидактическую функцию) для размещения в информационной образовательной среде. Под персонализацией мы понимаем учет уровня освоения языка, профессиональную направленность, культурные особенности и образовательные потребности учащихся.

Вслед за Ю.В. Щербининой [14], определим основополагающие принципы формирования такого контента: согласованность элементов (прагматический компонент), смысловая связанность элементов (гносеологический компонент). Несмотря на то что данный контент может и должен обладать гипертекстуальностью, возможностью перехода на различные ресурсы интернета, важным принципом, которому необходимо следовать, является централизация – размещение и систематизация всех предлагаемых материалов на одном ресурсе, будь то электронный курс на платформе Moodle, в Google Classroom, либо в специально созданной группе в любой доступной для студентов социальной сети. Такой ресурс должен обеспечивать возможность вернуться к изученному материалу и выполнить задания многократно. Кроме того, он должен обладать открытостью в представлении результатов, что помогает учащимся самостоятельно контролировать качество обучения и при необходимости корректировать свои знания по отдельным темам. Наиболее подходящим ресурсом, позволяющим реализовать все эти принципы, является платформа LMS Moodle, это подтверждают результаты опроса студентов, которые показаны на рис. 1.

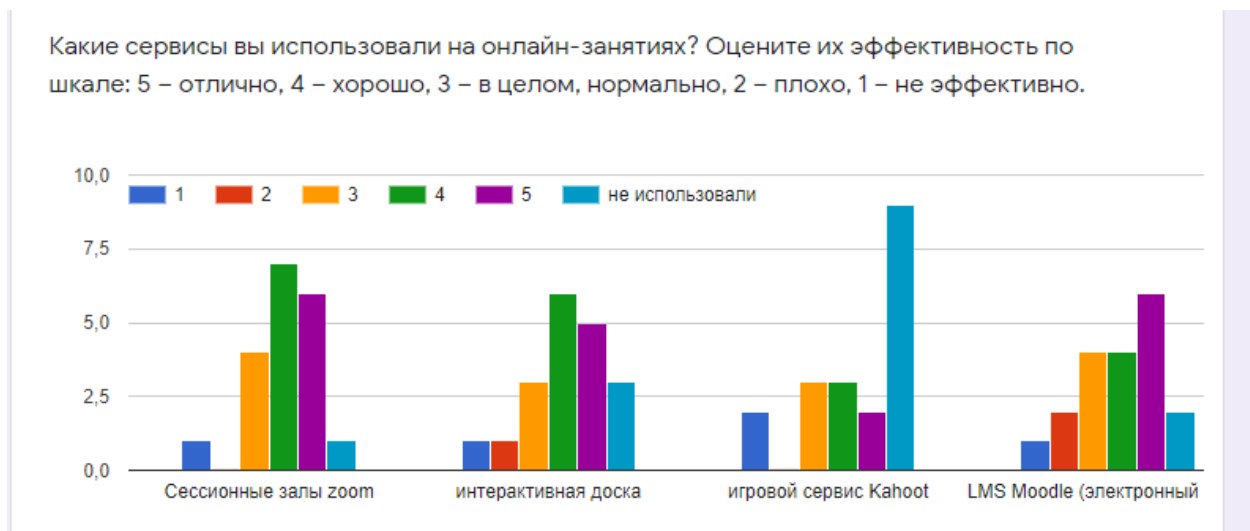

Рис. 1. Оценка эффективности онлайн-сервисов

Основной принцип формирования контента – реализация модели «шаг за шагом» с возможностью вернуться, выполнить задание несколько раз, до достижения более высокого результата. Ресурс позволяет создавать курс в формате электронного учебника, структурировать материал и комплексно активизировать все виды речевой деятельности в контексте изучения од-

ной лексико-грамматической темы: чтение, письмо, аудирование, говорение – что чаще всего невозможно при использовании традиционного учебника.

Одним из преимуществ платформы Moodle также является возможность осуществлять мониторинг за деятельностью учащихся, в частности, отслеживать время работы, количество попыток, которые осуществляет

пользователь. Анализ полученных данных педагогического наблюдения за деятельностью учащихся в электронном курсе «РКИ. Второй сертификационный уровень. Субтест “Письмо”» позволил выделить инструменты «Тест» и «Лекция» как наиболее востребованные студентами. Была проанализирована активность выполнения курса: из 40 учащихся 40 обратились к этим инструментам повторно. Следует отметить, что студенты обращались к предложенным тестам несколько раз (в среднем – три раза), большинство учащихся стремились к выполнению теста на максимально возможный балл. Кроме того, наиболее активные и мотивированные студенты (в каждой группе 1–2 человека) работают на опережение и выполняют задания последующих тем, что не снижает их активности во время проведения занятия.

В момент, когда университеты экстренно перешли на дистанционный формат обучения, преподаватели не были готовы обеспечить образовательный процесс учебно-методическими материалами, ориентирован-

ными на данный формат. В связи с чем студенты в большинстве случаев получали задания по электронной почте либо через мессенджеры и отправляли таким же способом, делая фотографии тетради, что затрудняло контроль выполнения, анализ и систематизацию работ, а также осложняло проверку правильности выполнения заданий. Помимо низкой результативности такой деятельности, организация учебного процесса таким образом приводила к психологическим проблемам со стороны как преподавателя, так и студентов. Однако длительный период дистанционной работы сформировал устойчивую мотивацию преподавателей к овладению современными средствами электронного обучения.

По результатам анкетирования в конце учебного года большая часть студентов, в целом, положительно оценивает уровень готовности преподавателей к использованию дистанционных технологий обучения. Данные представлены на рис. 2.

Как вы считаете, вуз и ваши преподаватели оказались готовы к экстренному переходу на дистанционный формат?

19 ответов

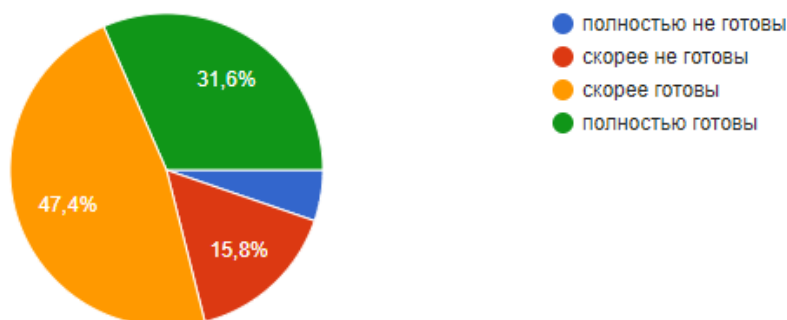

Рис. 2. Оценка уровня готовности вуза и преподавателей к использованию дистанционных технологий обучения

Анализ оценки эффективности использованных информационных сервисов в процессе дистанционного обучения позволил выделить условие реализации регуляционно-коммуникативной функции: управление познавательной активностью учащихся посредством системы использования образовательных сервисов и платформ, которые обеспечивают канал связи педагогического общения.

Интересным представляются результаты исследования ВШЭ, где, отвечая на вопрос «Как сейчас проходят ваши занятия в дистанционном формате по дисциплинам, идущим в этом семестре?», часть студентов отмечают, что очные занятия заменены на онлайн-курсы без участия преподавателя (30% – первая волна перехода на дистанционное обучение; 26% – вторая волна) [17]. С нашей точки зрения, в ситуации обучения русскому языку иностранных студентов это не допустимо.

Согласно проведенному опросу, наиболее сложным в процессе дистанционного изучения языка для

иностранцев было овладение навыками говорения. Данные представлены на рис. 3.

Этот факт обусловил необходимость одновременного использования на занятии сервисов, обеспечивающих проведение видеоконференций (например, Zoom), и электронных курсов, и платформ.

Функционал видеоконференции Zoom.us предоставляет условия для решения проблемы развития навыков устной коммуникации: работа в сессионных залах дает возможность организовать индивидуальную работу со студентом (онлайн-консультация), групповую работу, проектную деятельность. Кроме того, ресурс позволяет студентам общаться между собой и с преподавателем, обсуждая в том числе не только учебные вопросы, но и актуальные для них темы.

Принимая во внимание данные опроса иностранных студентов НИ ТПУ, можем сделать вывод о равнозначности положительных оценок использования как ресурсов электронного курса, так и видеоконфе-

ренций Zoom (см. рис. 1). На наш взгляд, электронный курс на занятии выполняет функцию учебника и тетради, в связи с чем важно одновременное исполь-

зование видеоконференции и курса, что создает эффект работы в аудитории и обеспечивает эффективную обратную связь.

Что было наиболее сложным в процессе изучения русского языка?

19 ответов

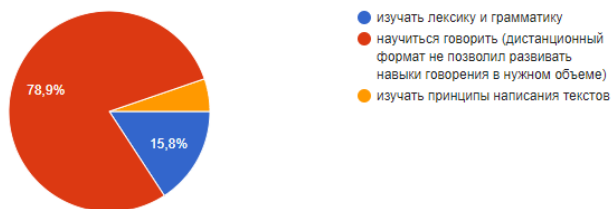

Рис. 3. Оценка проблемных зон в процессе онлайн-обучения

Комплексное использование онлайн-сервисов обеспечивает эффективность образовательного процесса, повышает мотивацию к обучению, поскольку позволяет использовать различные виды деятельности на занятии: от тренировки отдельных грамматических навыков до создания проектов, в том числе и в микро-группах.

Основные принципы, реализуемые в процессе дистанционного образования в контексте преподавания русского языка как иностранного: наглядность, доступность, интерактивность. Рассмотрим особенности использования отдельных информационных сервисов в данном контексте. Интерактивная доска Miro является универсальной платформой, имеющей функционал для размещения любого материала (аудио/видео, таблицы, схемы, задания), она также дает возможность учащимся активно участвовать в учебном процессе: выполнять задания на доске, возвращаться к изученному материалу и т.д. Кроме того, исследователи отмечают эффективность геймифицированных цифровых сервисов (напри-

мер, Kahoot.it), поскольку геймификация способствует формированию позитивного восприятия изучаемой дисциплины, позволяет разнообразить учебный процесс через смену деятельности, а также предоставляет возможность проводить экспресс-контроль с мгновенным получением результатов, комментированием и систематизацией. При этом студенты не могут использовать вспомогательный материал благодаря функции ограничения по времени [18, 19]. Отзывы студентов демонстрируют позитивное восприятие игровых технологий, которые делают процесс обучения интересным. В настоящее время платформа Moodle также позволяет встраивать игровые инструменты, такие как кроссворд, sudoku, игры «Миллионер», «Криптекс», «Спрятанная картинка» и т.д.

В таблице представлены некоторые сервисы и ресурсы, использованные авторами на занятиях по русскому языку как иностранному в течение 2020/21 учебного года, указаны возможности онлайн-платформ, выделены их ключевые функции.

Сервисы и ресурсы, использованные на занятиях по РКИ в 2020/21 учебном году

Сервис	Функция	Возможности
Платформа для организации видеоконференций Zoom	Обучающая. Организация коммуникативного взаимодействия в устной форме. Развитие навыков говорения	Демонстрация сторонних ресурсов (в том числе электронных курсов, учебников и т.д.). Возможность комментирования в чатах. Возможность совместного использования
Образовательная платформа LMS Moodle	Обучающая. Контролирующая	Создание индивидуального контента с учетом потребностей каждого обучающегося и потребностей группы. Возможность интеграции в сторонние ресурсы (учебники//ссылки)
Интерактивная доска Miro	Обучающая. Контролирующая	Наглядность. Возможность многократного возвращения. Индивидуальная / групповая работа. Интеграция со сторонними сервисами. Возможность редактирования контента
Игровой сервис Kahoot	Организация коммуникативного взаимодействия. Контролирующая. Мотивирующая	Командная и индивидуальная работа. Отсутствие необходимости в регистрации. Экспресс-опрос. Возможность добавлять видеоизображение. Возможность онлайн-анализа результатов. Понятный интерфейс

Не вызывает сомнения тот факт, что профессиональная подготовленность преподавателя также служит важным условием успешного освоения дисциплины (рис. 4). Подавляющее большинство студентов считают, что «эффективно организовать процесс онлайн-обучения возможно, это зависит от преподава-

тели» (рис. 4). Подавляющее большинство студентов считают, что «эффективно организовать процесс онлайн-обучения возможно, это зависит от преподава-

теля» (18 человек); следовательно, необходима информационная поддержка преподавателя, обеспече-

ние вузом возможности прохождения соответствующих курсов повышения квалификации.

Насколько преподаватели вуза владеют методиками онлайн-обучения?

19 ответов

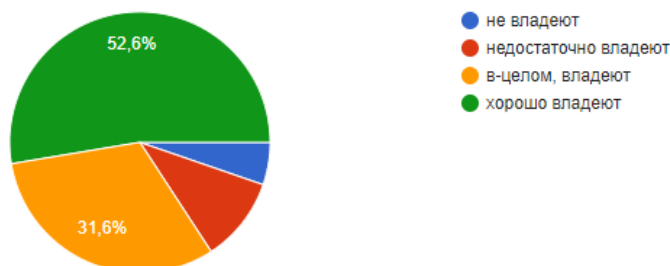

Рис. 4. Оценка владения преподавателями методиками онлайн-обучения

В качестве реализации воспитательно-коммуникативной функции педагогического общения мы рассматриваем комплексное использование информационных сервисов, представляющих собой инструмент для создания пространства развития личностных качеств обучающихся, и прежде всего, для формирования навыков самоорганизации. Значительная часть респондентов отмечают, что «получать знания в нужном объеме при работе онлайн можно, если правильно организовать себя» (14 человек из 19). Было замечено, если электронный курс разработан с учетом образовательных потребностей обучающихся, студенты старших курсов проявляют большую самостоятельную активность и часто работают на опережение, выполняя задания последующих тем. Многие из них неоднократно обращаются к заданиям до достижения 100%-го результата. Вот почему важно давать возможность видеть результат и выполнять несколько раз один тест, используя его настройки.

Вторым аспектом реализации данной функции является максимальное проявление языковой личности автора (преподавателя) при выборе платформы для реализации педагогического общения. Возможности преподавателя привлечь к себе внимание как личности ограничены дистанционным форматом. Особо остро проблема стоит, если преподаватель работает с группой первый год, еще сложнее реализация дистанционного формата обучения на начальном уровне освоения языка, поэтому основной способ установления контакта между преподавателем и студентами – это наполнение электронных образовательных ресурсов. От качества и точного соответствия образовательным потребностям обучающихся представляемого образовательного контента зависит, состоится ли межличностное взаимодействие (будет ли работать «коммуникативный круг» педагогического общения), умение смотреть и видеть, слышать и слушать. Первый индикатор эффективности – работа с видео или без видео (при наличии технической возможности), что определяет уровень мотивации обучающихся идти на контакт. В результате педагогического наблюдения было отмечено, что по мере развития межлич-

ностных отношений между преподавателем и студентами, а также внутри группы, учащиеся стремятся визуализировать свой образ, чтобы быть узнаваемым в коллективе, а при отсутствии возможности работать с видео постоянно, стараются включать веб-камеру на время своего ответа, на момент приветствия и прощания, размещают фотографию.

Особенностью педагогического общения в поликультурной образовательной среде является реализация функции межкультурного взаимодействия. Безусловно, дистанционный формат обучения затрудняет процесс формирования группы как интернациональной команды, работающей над достижением единого образовательного результата – сформировать определенный уровень иноязычной коммуникативной компетенции. Однако это возможно, во-первых, путем свободного доступа к видеоконференцсвязи на платформе Zoom, когда преподаватель устанавливает в настройках свободный вход участников. В этой ситуации группа может войти в «аудиторию» раньше преподавателя, а иногда без преподавателя и обсуждать волнующие темы, не ощущая психологического барьера, связанного с виртуальным каналом связи. Во-вторых, это представляется возможным благодаря тематическому наполнению курсов, обязательному включению тем страноведческого характера на основе знаний о культурных особенностях представителей конкретного студенческого коллектива.

Интересным представляется сравнение результатов диагностики уровня удовлетворенности студентов по итогам обучения на курсе «Научный стиль речи» на этапе предвузовской (предмагистерской) подготовки. Учащимся предлагалось анонимно ответить на вопросы анкеты «Организация учебной дисциплины и педагогические компетенции преподавателя». В 2020/21 учебном году, который был реализован полностью в дистанционном формате, на вопросы, касающиеся организационной стороны занятия, были получены следующие ответы: *преподаватель умеет вызвать интерес и поддержать интерес к своему курсу; мне были понятны цели и результаты изучения материала дисциплины; преподаватель эффективно*

использует время на занятиях. В итоге был получен максимально возможный балл (во всех группах) – 4.

На вопросы, касающиеся непосредственно педагогического общения: *преподаватель ясно и доступно излагает материал* – средний балл 3,9 из 4 возможных; *преподаватель отслеживает реакцию аудитории и умеет снять напряжение* – 3,8; *преподаватель задает вопросы и побуждает студентов к дискуссии* – 3,95.

В 2018/19 учебном году при обучении в очном формате ни один параметр не был отмечен всеми группами на максимальный балл. Вопросы, связанные с организацией коммуникативного взаимодействия на занятии, были оценены по-разному, средний балл составил: 3,7; 3,4; 3,6 соответственно. С нашей точки зрения, это можно объяснить тем, что электронная платформа позволяет визуализировать целостное представление о курсе и его результатах, делает понятным содержание обучения и объем информации, необходимый для усвоения, дает возможность самостоятельно проходить последующие задания и возвращаться к предыдущему материалу, тем самым снимая психологическое напряжение. Задача преподавателя на занятии – побуждение к речемыслительной деятельности на основе содержания электронного курса, т.е. вербализация, оречевление образовательного контента, трансформация его в материал для дискуссии.

Заключение

Таким образом, были выявлены психолого-педагогические условия, позволяющие достичь

гармонизации педагогического общения на занятиях по русскому языку как иностранному при полном переходе на дистанционный формат обучения:

1. Разработка персонализированного образовательного контента (как совокупности текстов, выполняющих дидактическую функцию) для размещения в информационной образовательной среде.
2. Комплексное использование онлайн-сервисов.
3. Использование информационных сервисов в качестве инструмента для создания пространства развития личностных качеств обучающихся.
4. Формирование группы как интернациональной команды, имеющей опыт межкультурной коммуникации, знающей и уважающей особенности культуры всех ее представителей.
5. Профессиональное мастерство и личностные качества преподавателя, проявляющиеся в эффективном использовании информационных технологий обучения и в способности самостоятельно разрабатывать образовательный контент в соответствии с потребностями обучающихся.

Реализация данных условий позволяет достигать основного результата обучения вне зависимости от формата канала связи в педагогическом общении. Большинство опрошенных, несмотря на наличие трудностей, все-таки отмечают удовлетворенность результатами организации дистанционного обучения в вузе (рис. 5).

Удовлетворены ли вы обучением в дистанционном формате?

19 ответов

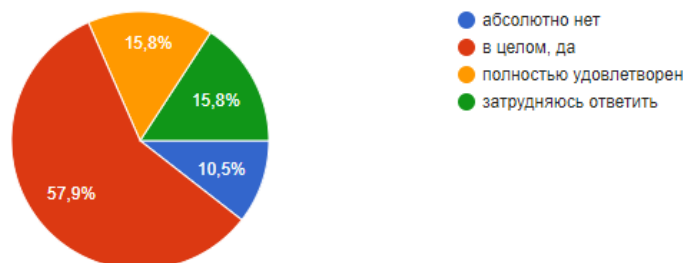

Рис. 5. Оценка удовлетворенности обучением в дистанционном формате

Список источников

1. Дунаева Л.А., Левина Г.М., Богомолов А.Н., Васильева Т.В. Цифровизация области преподавания РКИ: первые итоги и перспективы // Русский язык за рубежом. 2020. № 5. С. 4–9. doi: 10.37632/PI.2020.282.5.001.
2. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. М. : Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
3. Рогозин Д.М. Преподаватели российских вузов о развитии онлайн-среды в условиях пандемии // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 14 (116). URL: <https://www.ranepa.ru/documents/26-05-2020-rogozin.pdf> (дата обращения: 01.07.2021).
4. Mehmet Firat, Hakan Kılınç, Tevfik Volkan Yüzer. Level of intrinsic motivation of distance education students in e-learning environments. // Journal of Computer Assisted Learning. 2017. Vol. 34, Is. 1. P. 63–70. doi: 10.1111/jcal.12214.
5. Поршнева Е.Р., Краснова М.А. Обучение иностранному языку в контексте позитивной психологии // Язык и культура. 2021. № 53. С. 255–269. doi: 10.17223/19996195/53/16.
6. İdris Göksu, Naif Ergün, Zafer Özkan, Halis Sakız. Distance education amid a pandemic: Which psycho-demographic variables affect students in higher education? // Journal of Computer Assisted Learning. 2021. P. 1–4. doi: 10.1111/jcal.12544
7. Кан-Калик В.А., Ковалев Г.А. Педагогическое общение как предмет теоретического и прикладного исследования // Вопросы психологии. 1985. № 4. С. 9–16.
8. Формановская Н.И. Речевое общение и коммуникативное взаимодействие // Русская речь. № 4. 2014. С. 55–58.

9. Риторика: учебник / З.С. Смелкова, Н.А. Ипполитова, Т.А. Ладыженская и др. ; под. ред. Н.А. Ипполитовой. М. : ТК Велби; Проспект, 2006. 448 с.
10. Болотнова Н.С. Текстовая компетенция // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник. Электронное издание. Красноярск : Изд-во СФУ, 2014. С. 671–672.
11. Сухотерина Т.П., Бобина К.Р. Региональный текст как средство обучения русскому языку как иностранному: методический аспект // Педагогическое образование на Алтае. 2018 № 1. С. 102–106.
12. Гончар И.А. Звучащий текст как объект методики в аспекте РКИ // Русский язык за рубежом. 2011. № 2. С. 25–31.
13. Болотнова Н.С. Гармонизация речевого общения // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник. Электронное издание. Красноярск : Изд-во СФУ, 2014. С. 90–91.
14. Щербинина Ю.В. Основные направления гармонизации педагогического дискурса // Преподаватель XXI век. 2009. № 1. С. 162–169.
15. Щербинина Ю.В. Педагогический дискурс: типическое и архитипическое // Наука и школа. 2010. № 2. С. 36–40.
16. Ускова О.А., Ипполитова Л.В. Дистанционная форма обучения русскому языку как иностранному: проблемы и перспективы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2017. № 5. С. 42–50.
17. Опрос студентов российских вузов об условиях дистанционного обучения // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://cim.hse.ru/covidsurvey>
18. Alawadhi A., Abu-Ayyash E.A.S. Students' perceptions of Kahoot!: An exploratory mixed-method study in EFL undergraduate classrooms in the UAE // Education and Information Technologies. 2021. doi: 10.1007/s10639-020-10425-8.
19. Barrio C.M., Organero M.M., Soriano J.S. Can Gamification improve the benefits of student response Systems in Learning? An experimental study // IEEE Transactions on Emerging Topics in Computing. 2016. Vol. 4 (3). P. 429–438. doi: 10.1109/TETC.2015.2497459.

References

1. Dunaeva, L.A. et al. (2020) Digitalization of the Russian as a foreign language area: first results and perspectives. *Russkiy yazyk za rubezhom – Russian Language Abroad*. 5 (282). pp. 4–9. (In Russian). doi: 10.37632/PL.2020.282.5.001
2. Azimov, E.G. & Shchukin, A.N. (2009) *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [A new dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching)]. Moscow: Izdatel'stvo IKAR.
3. Rogozin, D.M. (2020) Prepodavately rossiyskikh vuzov o razvitiy onlayn-sredy v usloviyakh pandemii [Teachers of Russian universities on the development of the online environment in a pandemic]. *Monitoring ekonomicheskoy situatsii v Rossii. Tendentsii i vyzovy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya*. 14 (116). [Online] Available from: <https://www.ranepa.ru/documents/26-05-2020-rogozin.pdf> (Accessed: 01.07.2021).
4. Firat, M., Kilinc, H. & Volkan Yüzer, T. (2017) Level of intrinsic motivation of distance education students in e-learning environments. *Journal of Computer Assisted Learning*. 1 (34). pp. 63–70. doi: 10.1111/jcal.12214
5. Porshneva, E.R. & Krasnova, M.A. (2021) Foreign language teaching in the context of positive psychology. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 53. pp. 255–269. (In Russian). doi: 10.17223/19996195/53/16
6. Göksu, I. et al. (2021) Distance education amid a pandemic: Which psycho-demographic variables affect students in higher education? *Journal of Computer Assisted Learning*. pp. 1–4. doi: 10.1111/jcal.12544
7. Kan-Kalik, V.A. & Kovalev, G.A. (1985) Pedagogicheskoe obshchenie kak predmet teoreticheskogo i prikladnogo issledovaniya [Pedagogical communication as a subject of theoretical and applied research]. *Voprosy psikhologii*. 4. pp. 9–16.
8. Formanovskaya, N.I. (2014) Rechevoe obshchenie i kommunikativnoe vzaimodeystvie [Speech communication and communicative interaction]. *Russkaya rech' – Russian Speech*. 4. pp. 55–58. (In Russian).
9. Ippolitova, N.A. (ed.) (2006) *Ritorika* [Rhetoric]. Moscow: TK Velbi; Prospekt.
10. Bolotnova, N.S. (2014) Tekstovaya kompetentsiya [Textual competence]. In: Skovorodnikov, A.P. (ed.) *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii)* [Effective Speech Communication (Basic competencies)]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. pp. 671–672.
11. Sukhoterina, T.P. & Bobina, K.R. (2018) Regional text as a mean of teaching russian as a foreign language: methodical aspect. *Pedagogicheskoe obrazovanie na Altaye*. 1. pp. 102–106. (In Russian).
12. Gonchar, I.A. (2011) The sounding text as an object of methodics in the framework of Russian as a foreign language. *Russkiy yazyk za rubezhom – Russian Language Abroad*. 2 (225). pp. 25–31. (In Russian).
13. Bolotnova, N.S. (2014) Garmonizatsiya rechevogo obshcheniya [Harmonization of speech communication]. In: Skovorodnikov, A.P. (ed.) *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii)* [Effective Speech Communication (Basic competencies)]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. pp. 90–91.
14. Shcherbinina, Yu.V. (2009) Osnovnye napravleniya garmonizatsii pedagogicheskogo diskursa [The main directions of harmonization of pedagogical discourse]. *Prepodavatel' XXI vek*. 1-1. pp. 162–169.
15. Shcherbinina, Yu.V. (2010) Pedagogical discourse: typical and archetypal. *Nauka i shkola – Science and School*. 2. pp. 36–40. (In Russian).
16. Uskova, O.A. & Ippolitova, L.V. (2017) Computer-assisted learning and teaching of Russian as a second language: challenges and perspectives. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki – Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and teaching*. 5 (782). pp. 42–50. (In Russian).
17. HSE University. (2020) *Opros studentov rossiyskikh vuzov ob usloviyakh distantsionnogo obucheniya* [Survey of students of Russian universities on the conditions of distance learning]. [Online] Available from: <https://cim.hse.ru/covidsurvey>.
18. Alawadhi, A. & Abu-Ayyash, E.A.S. (2021) Students' perceptions of Kahoot!: An exploratory mixed-method study in EFL undergraduate classrooms in the UAE. *Education and Information Technologies*. doi: 10.1007/s10639-020-10425-8
19. Barrio, C.M., Organero, M.M. & Soriano, J.S. (2016) Can Gamification improve the benefits of student response Systems in Learning? An experimental study. *IEEE Transactions on Emerging Topics in Computing*. 3 (4). pp. 429–438. doi: 10.1109/TETC.2015.2497459

Информация об авторах:

Салосина И.В. – канд. пед. наук, доцент отделения русского языка Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета; доцент кафедры деловой коммуникации на русском и иностранном языках Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: salosinaiv@tpu.ru

Демидова Т.А. – канд. филол. наук, доцент отделения русского языка Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: demidtan-ya@yandex.ru

Гриценко Л.М. – канд. филол. наук, доцент отделения русского языка Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: grluba@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.V. Salosina, Cand. Sci. (Pedagogy), associate professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation), Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: salosinaiv@tpu.ru

T.A. Demidova, Cand. Sci. (Pedagogy), associate professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: demidtanya@yandex.ru

L.M. Gritsenko, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: grluba@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.07.2021;
одобрена после рецензирования 16.12.2021; принята к публикации 28.03.2022.*

*The article was submitted 14.07.2021;
approved after reviewing 16.12.2021; accepted for publication 28.03.2022.*

Научная статья
УДК 37.011.33
doi: 10.17223/15617793/476/22

Теоретико-методологические основы системного подхода в педагогической науке

Вадим Сергеевич Сосуновский¹, Александра Ивановна Загrevская²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹vadim14sergeevich@gmail.com

²a-zagrevskaya@ya.ru

Аннотация. Рассматривается системный подход в педагогике как общеметодологический принцип науки. Приводятся точки зрения на понимание терминов «система», «системный подход», «педагогическая система», а также их отличие от таких понятий, как «целостный подход» и «комплексный подход». Анализируются содержание педагогической системы, ее компоненты, структура, функционирование и значение в практическом применении. Приводятся рекомендации по реализации системного подхода в педагогической деятельности.

Ключевые слова: системный подход, педагогическая система, система, системность, методология

Для цитирования: Сосуновский В.С., Загrevская А.И. Теоретико-методологические основы системного подхода в педагогической науке // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 201–207. doi: 10.17223/15617793/476/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/22

Theoretical and methodological foundations of a systems approach in pedagogical science

Vadim S. Sosunovsky¹, Alexandra I. Zagrevskaya²

^{1, 2}National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹vadim14sergeevich@gmail.com

²a-zagrevskaya@ya.ru

Abstract. The concept of “system” is used in various fields of knowledge, since each science deals with the study and practical application of complex system objects and must find ways to accurately describe, study and build them. Not a single science can do without the use of systems research methods. The purpose of the systems approach is to single out integral systemic phenomena as objects of study, find integration mechanisms, identify necessary and sufficient conditions for the existence of a certain systemic phenomenon, study integrative systemic qualities, design an object that realizes a certain goal. The aim of the study is to determine the theoretical and methodological foundations of a systems approach in pedagogical science. To reach this aim, scientific and methodological literature were analyzed in the work to define the concepts of system, systems approach, and pedagogical system; to identify the main components of the systems approach, its structure, functioning and significance in practical application; and to identify differences between the systems approach and holistic and integrated approaches. At present, in educational activity there is a need for integration and differentiation of its components, aimed at the processes of intensification. In this regard, the question arises about the mechanisms for minimizing the constituent elements of the system without losing its quality and functioning. Consistency in pedagogical activity is often considered from a theoretical and managerial point of view. The theoretical meaning of this concept includes the creation of a pedagogical system based on methodological principles and conceptual approaches to building educational activities. The managerial meaning of the system lies in the control and regulation of educational activities aimed at their improvement. The systems approach is considered more broadly than the integrated and holistic approaches because it includes connections that are both at the same and different ordinal levels. In turn, holistic and integrated approaches can be considered as identical concepts that have mutually conditioning relationships. The systems approach in pedagogical activity plays a role not only in systematizing the elements of the system (determining their place and location in it), but also in their hierarchy, revealing interdependent relationships that imply the creation of more effective educational activities.

Keywords: systems approach, pedagogical system, system, consistency, methodology

For citation: Sosunovsky, V.S. & Zagrevskaya, A.I. (2022) Theoretical and methodological foundations of a systems approach in pedagogical science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 201–207. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/22

Во все времена педагоги задумывались не только над разработкой содержания педагогического процесса, но и над условиями, методами, принципами и подходами его осуществления. Данный вопрос остается актуальным и на сегодняшний день. Известно, что в XIX и XX вв. в науку эффективно внедрялись количественные методы, особенно заметно это отражалось в технических и в ряде других наук, но в педагогической деятельности математические методы не находили своей методологической основы и, как следствие, не принимались многими учеными. Применение количественных методов в педагогике стало возможным после рассмотрения их в моделировании общей системы педагогической деятельности, где на базисный план выходило построение образования в качестве системного подхода. Осознание педагогической деятельности в качестве технологизированного процесса и системного подхода создало новый вектор развития педагогики как науки.

В.Г. Афанасьев и В.Н. Мальцев в своих работах рассматривают систему как совокупность компонентов, которые находятся во взаимодействии друг с другом, что в итоге приводит к качественному результату системы [1. С. 276–279].

В работах Т.Г. Трушниковой указано, что системный подход рассматривает педагогический процесс как единую систему, направленную на исследование закономерности и сущности современных свойств образовательной деятельности, таких как воспитание и обучение. Системный подход выявляет комплекс взаимосвязанных форм, средств и методов, направленных на творческое развитие, а также на формирование мировоззрения личности. Ориентация образовательного процесса на системный подход позволяет освоить учебный материал в кратчайшие сроки [2. С. 21–28].

В исследованиях П.К. Анохина система определяется как совокупность не различных, а специально отобранных компонентов, которые рассматриваются в обусловленной взаимосвязи, при этом данная совокупность приобретает новые качественные свойства, которые не проявлялись в отдельных частях, составляющих систему [3. С. 5–92].

Символически система определяется как сумма множеств элементов системы ($\{M\}$), множеств связей и отношений между ними ($\{x\}$), а также функция системы (новое свойство), характеризующая ее целостность и интегративность (F), ($\Sigma: \{\{M\}, \{x\}, F\}$) [4. С. 197–199].

В работах И.В. Блауберга и Э.Г. Юдина системный подход рассматривается как методологическое направление, задачами которого является подбор методов, средств и принципов для изучения элементов системы [5].

Освоение теоретических знаний, формирование умений и навыков посредством осуществления системного подхода изучения учебного материала в работах П.Н. Гапонюк и соавт. отмечаются как способ систематизации разрозненных параметров образовательного процесса и сведение их в целостную струк-

туру взаимосвязанных компонентов, взаимодействующих друг с другом [6. С. 21–30].

В труде Г.В.Ф. Гегеля «Наука логики» отмечено, что любой исследуемый предмет или явление необходимо рассматривать как саморазвивающуюся систему, которая является содержанием системы ступеней, содержание каждой последующей ступени ориентируется на предыдущую ступень. Таким образом, совершенствование систем происходит поступенчато в зависимости от сложности их содержания и характеризуется взаимообусловленностью [7].

И. Кант в своем труде «Архитектоника чистого разума» рассматривает систему как единство многообразных знаний, находящихся в динамическом процессе развития [8].

Термин «системный подход» в учебно-тренировочном процессе применяют в управленческом смысле, рассматривая процесс обучения как целостную систему освоения двигательных умений и навыков, развития физических качеств и т.д., при этом учитывая каждый элемент системы, его свойства и функции внутри целого. Термин «системный подход» также рассматривается в теоретико-методологическом смысле для описания педагогической системы, ее структуры и основных элементов [9. С. 13–23].

В педагогической деятельности применяются понятия комплексного и целостного подхода. При этом стоит отметить, что системный подход рассматривается шире комплексного и целостного подходов, так как включает в себя связи, находящиеся на одном уровне, и связи, находящиеся на разных порядковых уровнях. В свою очередь целостный и комплексные подходы можно рассматривать как тождественные понятия, которые имеют взаимообуславливающие связи.

Комплексный подход в педагогической деятельности применяется при проектировании и организации образовательной деятельности, ориентирующейся на взаимодействие элементов педагогической системы. Комплексность в педагогической деятельности нацелена на формирование гармоничной и всесторонне развитой личности за счет единства и взаимосвязи форм, методов и содержания образовательной деятельности.

Целостный подход в педагогике используется при рассмотрении целенаправленных педагогических воздействий на личность человека, обладающей индивидуальными (психологическими, морфофункциональными и др.) характеристиками и особенностями.

Целостный подход, как и комплексный подход, рассматривается как одна из характеристик системности образовательной деятельности, характеризующейся целостностью средств, приемов, целей, задач, методов, форм и технологий педагогического процесса.

Системность педагогического процесса нацелена на зону актуального развития человека и содержит в себе решение проблем, возникающих на данном образовательном этапе. В связи с этим педагогическая

система является сложноорганизованным объектом, не обладающим истощением своих элементов, но обладающим укреплением связей между составляющими компонентами.

Стоит отметить, что в настоящее время процесс обучения должен идти не по пути увеличения объема учебного материала, а по обеспечению его интенсификации за счет сокращения сроков обучения и повышения качества образовательного процесса. Построение учебного процесса на основе системного подхода позволяет добиться высокого уровня результативности, при этом снизить срок освоения в различных направлениях подготовки.

Для реализации системного подхода необходимо опираться на его основные принципы: ориентирование на сознательное освоение материала; строгая логичная систематизация образовательного процесса; взаимосвязанность освоения тем учебного плана; преемственность процесса обучения на разных этапах становления личности (детский сад, школа, вуз, послевузовское обучение); выделение основной информации учебного материала; ориентация на освоение учебного материала в совершенной степени; четкое воспроизведение изученного материала; строгое разделение учебного материала на блоки; освоение учебного материала по спиралеобразному способу (при недостаточном освоении темы не переходить к следующей, а добиться ее усвоения и затем продолжить изучение в соответствии с учебным планом); использование в образовательном процессе формы для дистанционной работы с применением современных информационных систем обучения; ориентация на интериоризацию нравственных качеств, стремление к саморазвитию и самосовершенствованию.

В связи с представленными принципами реализации системного подхода в образовательном процессе можно выделить несколько факторов, которые необходимо учитывать. Распределение участников образовательных отношений необходимо ранжировать не по случайному распределению в группы, а по их подготовленности. При этом после освоения каждой темы состав группы может изменяться неоднократно. Такой способ позволяет изучить прошедший материал в качестве понимания и применения, а не оставлять его на уровне неосвоения. Необходимо создавать условия преемственности образовательных учреждений за счет сетевого взаимодействия между их педагогами. Применение в образовательном процессе форм для саморазвития, самообучения за счет внедрения современных информационных систем обучения (электронные онлайн-платформы и т.д.). Добиваться перехода из внешнего состояния формирования морально-нравственных качеств во внутреннее освоение этих качеств, формирования их в качестве «достояния» внутреннего мира личности (процесс интериоризации). Тщательный подготовительный этап по разработке учебного плана, выделение основного, наиболее важного материала. Проведение мониторинга после изучения отдельного материала, оценка освоения полученных знаний, умений и навыков. Своевременная рефлексия полученных результатов

участников образовательных отношений, корректировка индивидуального плана по изучению учебного материала.

Стоит отметить, что одной из проблем современного образовательного процесса является изучение отдельного учебного материала без учета его взаимосвязи с другими предметными направлениями. Рассматривая обучение как систему, необходимо проводить взаимосвязанные элементы познавательного процесса с практическим применением освоенных знаний. Таким образом системность образовательного процесса проявляется через выявление отдельных свойств, составных частей и сведение данных элементов, через процесс обобщения к единой целостной структуре.

В процессе построения системности обучения и воспитания человека необходимо учитывать иерархичность данных категорий педагогики, которая рассматривает каждый компонент системы как отдельную систему, в свою очередь, совокупность меньших систем составляет систему более высшего порядка, при этом необходимо установить четкую структуру по взаимообусловленности систем меньшего порядка. Системообразующий фактор рассматривает педагогический процесс в целостном виде через интеграцию и синтез отдельных составляющих подсистем.

В исследованиях Э.Н. Гусинского было выявлено, что системный подход имеет междисциплинарный характер и включает в себя такие особенности, как открытость, нелинейность, неравновесность и самоорганизация [10].

Открытость системы характеризуется становлением взаимообусловленного общения между ее субъектами, направленного на решение общих задач, а также свободным внедрением заинтересованных субъектов. Нелинейность системы характеризуется предоставлением субъектам образовательных отношений условий выбора, направленного на достижение процесса обучения. Нелинейность системы заключается в ее многовариантности и многоуровневости, система разбивается на подсистемы, в свою очередь подсистемы могут быть как автономными, так и взаимосвязанными. Неравновесность системы выражается в сосуществовании в ней различных парадигм, моделей, технологий, не всегда обеспечивающих полный консенсус возможности входа и выхода из нее субъектов деятельности. Процессы неравновесности системы может скорректировать ее самоорганизация, которая проявляется в процессе самоорганизации, направленного на обеспечение внутренней целостности и устойчивости. Самоорганизация системы является важнейшим компонентом в ее построении, потому как позволяет усовершенствовать содержание системы, ее структуру и основные компоненты в зависимости от индивидуальных характеристик субъектов образовательных отношений, а также от различных явлений, присущих определенной системе.

Возникает вопрос об оптимальном количестве подсистем в педагогической системе, их увеличение влияет на сложность самой системы, а также на ее неравновесность, но при этом позволяет достичь по-

ставленного результата в кратчайшие сроки за счет связности отдельных элементов системы. Однако более важным вопросом будет являться наличие функциональной полноты структурных элементов содержания системы, что можно отнести в отдельный принцип ее построения. В данном принципе затрагивается вопрос об эффективном функционировании системы и ее функционировании вообще. Таким образом, для реализации принципа функциональной полноты системы необходим определенный набор ее структурных компонентов, которые будут направлены на достижение цели системы. При этом функционирование системы имеет компенсаторный характер, который проявляется в том случае, если в содержании системы имеются пробелы из-за потери ее компонента или отсутствия эффективности одного из ее компонентов. В таком случае отстающая роль системы распределяется на ее составные части, имеющиеся в ней подсистемы.

Личность человека является сложной самоуправляющей системой, характеризующейся своей целостностью, тем самым построение образовательного процесса в качестве системы является приоритетным подходом приобретения знаний, умений, навыков и формирования психологических свойств личности.

В работе Я.А. Коменского «Великая дидактика» процесс воспитания выделен в отдельную категорию педагогики и рассматривается как системный подход по формированию и развитию всего общества в целом. В воспитательном процессе, реализованном на системном подходе и направленном на активное, сознательное освоение мира, Я.А. Коменский выделяет ряд последовательных действий: знакомство ребенка с окружающим миром, его предметами и явлениями должно проходить через восприятие органами чувств; второй задачей является освоение образов окружающих предметов; на основе полученных представлений, знаний, умений и навыков можно переходить к активному взаимодействию [11].

И. Песталотци в своей работе «Избранные педагогические сочинения» рассматривает процесс воспитания и обучения как неразрывные категории педагогической деятельности, предусматривающие взаимообогащение между учеником и учителем, тем самым объединяя их в одну систему, направленную на формирование гармоничной личности [12].

Целостность процессов обучения и воспитания отражена в работах И.Ф. Гербарта, где говорится об их взаимообусловленности, обучение без формирования нравственных установок, без их принятия человеком (переходом во внутреннее состояние, установление как достояние личности) теряет свою цель и не способствует процессу самообучения [13].

В работах А. Дистервега указывается, что процесс обучения нужно совмещать с процессом воспитания, в котором необходимо воспитание нравственных норм и ценностных установок личности, направленных на становление ее гуманности [14].

В трудах К.Д. Ушинского обучение и воспитание указываются как целенаправленные, организованные и систематические процессы, что позволяет рассмат-

ривать их в качестве системного подхода. При этом в процессе воспитания существует преднамеренное и непреднамеренное воздействие на личность воспитуемого, что подтверждается наличием в педагогических системах неравновесности [15].

Идея системного подхода в исследованиях В.Г. Белинского, Н.И. Пирогова, А.И. Герцена проявляется в необходимости для общества специального образования на основе общего образования, тем самым говорится о преемственности образовательных этапов как системы [16–18].

С возникновением концепции ноосферы В.И. Вернадского о взаимодействии общества и природы, о влиянии человеческой деятельности на биосферу системный подход рассматривается в различных сферах деятельности человека, в том числе и педагогической [19]. Идеи философии всеединства, мировой гармонии и целостности, отраженные в работах В.С. Соловьева, П.А. Флоренского, Н.Ф. Федорова, становятся определяющим фактором развития общества и педагогической деятельности в рамках ее системности, иерархичности и взаимосвязанности отдельных элементов [20–22].

Системность отражается в идеи космизма К.Э. Циолковского, которая проявляется в убеждении отсутствия хаотичности природных явлений, все упорядочено, совокупность всего живого представляет собой единство, целостность. Космизм ориентируется на расширение, исследование макромира «со стороны», что подразумевает рассмотрение системы в целом (насколько это возможно) [23].

Педагогические системы необходимо рассматривать с двух позиций: в первую очередь со статической, как объект, созданный осознанной мыслительной деятельностью человека, и как объект, которому присущи развитие, саморазвитие, эволюционирование, преобразование и функционирование – с динамической позиции. В процессе моделирования системы необходимо опираться на факторы ее построения, в зависимости от ее положения (статическое, динамическое). Статическая позиция разрабатываемой системы включает в себя принадлежность системы, установление ее связей и функций в системе более высокого иерархического уровня, таким образом разрабатываемая система является системой метасистемы; установление содержания системы, ее основных компонентов и структуры, определение взаимосвязи всех составляющих системы. Динамическая позиция разрабатываемой системы затрагивает следующие аспекты: установление связей созданной системы с окружающим миром; функционирование системы, которое рассматривается с позиции ее развития, самостоятельности, автоматизма и способности создания систем более низшего порядка, или же переход в систему (становление частью) высшего порядка.

Рассматривая подсистемы как структурные элементы системы, следует разделить их по признаку автономности. Как уже было сказано, система более высокого иерархического уровня имеет ряд структурных компонентов, называемых подсистемами, их совокупность и взаимосвязанность определяют целост-

ность системы. Однако стоит указать, что подсистема может обладать самостоятельной автономной целостностью, таким образом, ее легко можно внедрить в другую систему, тем самым усилить содержательный компонент. В связи с этим в педагогической деятельности возникает возможность усиления одной системы различными системами низшего порядка, привнося новый вектор развития данной системе и рассмотрения ее содержания в условиях изменяющейся среды. Также в структуру системы входят имплицитные компоненты, которые неразрывно связаны с ее содержанием и могут существовать только в рамках одной системы.

В настоящее время в образовательной деятельности возникает необходимость интеграции и дифференциации составляющих ее компонентов, направленных на процессы интенсификации. В этой связи встает вопрос о механизмах минимизации составных элементов системы без потери ее качества и функционирования [24, 25].

В работах В.П. Беспалько отмечается, что при построении педагогической системы одним из ведущих системообразующих факторов является цель, которая ориентируется на социальные цели (социальный заказ), цели педагогического процесса, протекающего в его элементарных формах (занятие, урок, воспитательное мероприятие, воспитательный акт), а также учитывается позиция самой личности [26. С. 105–113].

Рассматривая педагогический процесс как элемент системного подхода, Г.Н. Александров, Н.И. Иванкова, Т.Л. Чшиева, Н.В. Тимошкина отталкиваются от понятия процесса, который характеризует состояние системы, подверженной постоянному изменению своих параметров, определяющих свойства (характеристики) системы [27. С. 134–149].

Педагогический процесс следует рассматривать как специально организованный, целенаправленный и систематический процесс, являющийся частью педагогической системы и оказывающий влияние на достижение поставленной цели, проявляющейся в показателях умственного, физического, психомоторного развития обучающегося и его воспитанности. В данном определении акцентируется внимание на цели, которая рассматривается как многоуровневая структура системы и является ее образующим фактором [28. С. 986–1005].

Одни из важных подсистем в педагогической системе – элементы, характеризующие взаимодействие участников педагогических отношений, а также их отношение к компонентам системы. Таким образом выделяют следующие подсистемы педагогической системы: «учитель – ученик», «ученик – содержание», «ученик – средства», «учитель – содержание», «учитель – средства», «ученик – ученик» (рис. 1) [29. С. 39–51].

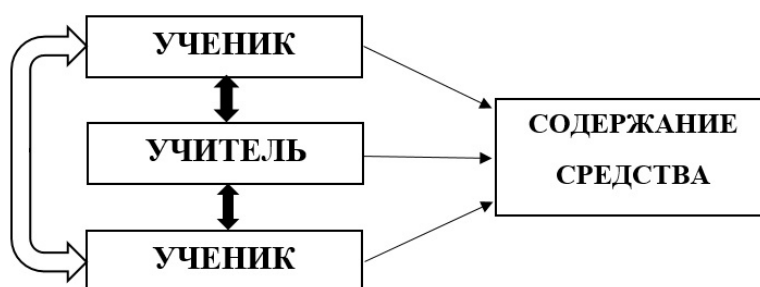

Рис. 1. Схема взаимодействия участников педагогических отношений

В свою очередь, например, подсистема «учитель – ученик» разбивается на несколько элементов, к ним будет относиться стиль педагогического общения между учителем и учеником.

В построении образовательной системы стоит уделить внимание системному анализу, который направлен на изучение связей подсистем и систем разного ранга в структуре системы высшего порядка.

Традиционная модель образовательного процесса в дошкольных учреждениях сводится к логической схеме «занятие – воспитатель – воспитанник», тогда как современная структура образовательного процесса подчиняется схеме «воспитанник – развивающая предметно-пространственная среда – мотивация к действию – совместная образовательная деятельность – самостоятельная, свободная деятельность –

воспитанник». Данная схема ориентируется на воспитание субъектных свойств личности.

В работах Н.В. Блауберга и Э.Г. Юдина отмечены признаки больших педагогических систем, которые проявляются наличием в них участников образовательных отношений, имеющих свободу действий в пределах реализации системы, а также невыполнимостью создания полной информационной модели педагогической системы [5].

В заключение стоит отметить, что системный подход в педагогической деятельности играет роль не только в систематизации элементов системы (определение их места и расположения в ней), но и в их иерархичности, раскрывающей взаимообусловленные связи, предполагающие создание более эффективной образовательной деятельности.

Системность в педагогической деятельности часто рассматривается с теоретической и управленческой точек зрения. Теоретический смысл данного понятия включает в себя создание педагогической системы, опирающейся на методологические принципы и кон-

цептуальные подходы построения образовательной деятельности. Управленческий же смысл системы заключается в контроле и регулировании образовательной деятельности, направленной на ее совершенствование.

Список источников

1. Афанасьев В.Г., Мальцев В.Н. Система комплектования учебных групп в вузе по типам высшей нервной деятельности // Физическое воспитание и студенческий спорт глазами студентов : материалы III Всерос. науч.-метод. конф. с междунар. участием. 2017. С. 276–279.
2. Трушников Т.Г. Системная педагогика как инновационное направление в педагогике // Обучение и воспитание: методики и практика. 2014. № 14. С. 21–28.
3. Анохин П.К. Системный анализ интегративной деятельности нейрона // Успехи физиологических наук. 1974. Т. 25, № 5. С. 5–92.
4. Веденская Т.Е. Понятие «система» и системный подход в педагогике // Теория и практика общественного развития. 2015. № 7. С. 197–199.
5. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М. : Наука, 1973. 272 с.
6. Гапонюк П.Н., Карпова Н.К., Мареев В.И., Щипанкина Е.С. Особенности применения системного подхода в педагогике // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2012. № 11. С. 21–30.
7. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М. : Мысль, 1998. 559 с.
8. Кант И. Архитектоника чистого разума. М. : АСТ, 2018. 160 с.
9. Камалеева А.Р. Системный подход в педагогике // Научно-педагогическое обозрение. 2015. № 3 (9). С. 13–23.
10. Гусинский Э.Н. Построение теории образования на основе междисциплинарного системного подхода. М. : Школа, 1994. 184 с.
11. Коменский Я.А. Великая дидактика. СПб. : Симашко, 2012. 310 с.
12. Песталоцци И.Г. Избранные педагогические сочинения. М. : Педагогика, 2017. 420 с.
13. Гербарт И.Ф. Психология. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2007. 288 с.
14. Дистервег А. Избранные педагогические сочинения. М. : Учпедгиз, 1956. 374 с.
15. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2004. 576 с.
16. Белинский В.Г. Избранные сочинения. М. : Юрайт, 2017. 237 с.
17. Пирогов Н.И. Избранные сочинения. М. : Юрайт, 2017. 386 с.
18. Герцен А.И. Избранные произведения. М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2009. 21 с.
19. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. Белград : Логос, 2012. 627 с.
20. Флоренский П.А. Макрокосм и микрокосм // Богословские труды. М., 1983. № 24. С. 233–241.
21. Соловьев В.С. Философские начала цельного знания. М. : Проспект, 2014. 154 с.
22. Федоров Н.Ф. Сочинения. М. : Мысль, 1982. 709 с.
23. Циолковский К.Э. Философия космической эпохи. М. : Академический Проспект, 2014. 240 с.
24. Соснуковский В.С. Структура и содержание психомоторной подготовленности детей 11–12 лет // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 236–240.
25. Соснуковский В.С. Влияние олимпийского образования на самооценку детей в условиях детского образовательно-оздоровительного лагеря // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 392. С. 199–201.
26. Беспалько В.П. Качество образования и качество обучения // Народное образование. 2017. № 3-4 (1461). С. 105–113.
27. Александров Г.Н. и др. Педагогические системы, педагогические процессы и педагогические технологии в современном педагогическом знании // Образовательные технологии и общество. 2000. Т. 3, № 2. С. 134–149.
28. Никулина Н.Н., Давитян М.Г., Шевченко С.Н. Системный подход в педагогике как общеметодологический принцип науки // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 111. С. 986–1005.
29. Леднев В.С. Системный подход в педагогике // Метафизика. 2014. № 4 (14). С. 39–51.

References

1. Afanas'ev, V.G. & Mal'tsev, V.N. (2017) [The system of recruitment of study groups at the university by types of higher nervous activity]. *Fizicheskoe vospitanie i studencheskiy sport glazami studentov* [Physical Education and Student Sports Through the Eyes of Students]. Proceedings of the 3rd International Conference. Kazan. 1–2 December 2017. Kazan: KNITU-KAI. pp. 276–279. (In Russian).
2. Trushnikova, T.G. (2014) *Sistemnaya pedagogika kak innovatsionnoye napravleniye v pedagogike* [System pedagogy as an innovative direction in pedagogy]. *Obucheniye i vospitanie: metodiki i praktika*. 14. pp. 21–28.
3. Anokhin, P.K. (1974) *Sistemnyy analiz integrativnoy deyatel'nosti neyrona* [Systems analysis of integrative activity of a neuron]. *Uspekhi fiziologicheskikh nauk – Progress in Physiological Science*. 5 (25). pp. 5–92.
4. Vedenskaya, T.E. (2015) The concept of “system” and the systems approach in pedagogy. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 7. pp. 197–199. (In Russian).
5. Blauberger, I.V. & Yudin, E.G. (1973) *Stanovleniye i sushchnost' sistemnogo podkhoda* [Formation and Essence of the System Approach]. Moscow: Nauka.
6. Gaponyuk, P.N. et al. (2012) Features of systems approach application in pedagogy. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki – Proceedings of South Federal University. Pedagogical Sciences*. 11. pp. 21–30. (In Russian).
7. Hegel, G.W.F. (1998) *Nauka logiki* [The Science of Logic]. Moscow: Mysl'.
8. Kant, I. (2018) *Arkhitektonika chistogo razuma* [Architectonics of Pure Reason]. Moscow: AST.
9. Kamaleeva, A.R. (2015) Systems approach in pedagogics. *Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye – Pedagogical Review*. 3 (9). pp. 13–23. (In Russian).
10. Gusinskiy, E.N. (1994) *Postroeniye teorii obrazovaniya na osnove mezhdistsiplinarnogo sistemnogo podkhoda* [The Construction of the Theory of Education Based on an Interdisciplinary Systems Approach]. Moscow: Shkola.
11. Comenius, J.A. (2012) *Velikaya didaktika* [Great Didactic]. Translated from Latin. Saint Petersburg: Simashko.
12. Pestalozzi, J.H. (2017) *Izbrannyye pedagogicheskiye sochineniya* [Selected Pedagogical Works]. Translated from German. Moscow: Pedagogika.
13. Herbart, J.F. (2007) *Psikhologiya* [Psychology]. Translated from German. Moscow: Izdatel'skiy dom “Territoriya budushchego”.
14. Diesterweg, A. (1956) *Izbrannyye pedagogicheskiye sochineniya* [Selected Pedagogical Works]. Translated from German. Moscow: Uchpedgiz.
15. Ushinskiy, K.D. (2004) *Chelovek kak predmet vospitaniya* [Man as an Object of Education]. Moscow: FAIR-PRESS.
16. Belinskiy, V.G. (2017) *Izbrannyye sochineniya* [Selected Works]. Moscow: Yurayt.
17. Pirogov, N.I. (2017) *Izbrannyye sochineniya* [Selected Works]. Moscow: Yurayt.

18. Herzen, A.I. (2009) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: TERRA-Knizhnyy klub.
19. Vernadskiy, V.I. (2012) *Biosfera i noosfera* [Biosphere and Noosphere]. Belgrad: Logos.
20. Florenskiy, P.A. (1983) Makrokosm i mikrokosm [Macrocosm and microcosm]. *Bogoslovskie Trudy – Theological Studies*. 24. pp. 233–241.
21. Solov'ev, V.S. (2014) *Filosofskie nachala tsel'nogo znaniya* [Philosophical Principles of Integral Knowledge]. Moscow: Prospekt.
22. Fedorov, N.F. (1982) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Mysl'.
23. Tsiolkovskiy, K.E. (2014) *Filosofiya kosmicheskoy epokhi* [Philosophy of the Space Age]. Moscow: Akademicheskii Prospekt.
24. Sosunovskiy, V.S. (2015) The structure and content of psychomotor preparedness of children aged 11–12. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 399. pp. 236–240. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/399/38
25. Sosunovskiy, V.S. (2015) Effects of the olympic education on the self-esteem of children in children's educational and health camps. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 392. pp. 199–201. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/392/33
26. Bespal'ko, V.P. (2017) Kachestvo obrazovaniya i kachestvo obucheniya [Quality of education and quality of training]. *Narodnoe obrazovanie – Public Education*. 3-4 (1461). pp. 105–113. (In Russian).
27. Aleksandrov, G.N. et al. (2000) Pedagogicheskie sistemy, pedagogicheskie protsessy i pedagogicheskie tekhnologii v sovremennoy pedagogicheskoy znaniy [Pedagogical systems, pedagogical processes and pedagogical technologies in modern pedagogical knowledge]. *Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo – Educational Technology & Society*. 2 (3). pp. 134–149. (In Russian).
28. Nikulina, N.N., Davityan, M.G. & Shevchenko, S.N. (2015) The systems approach in pedagogy as a general methodological principle of science. *Politematicheskii setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta – Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University*. 111. pp. 986–1005. (In Russian).
29. Lednev, V.S. (2014) The systems approaching pedagogics. *Metafizika*. 4 (14). pp. 39–51. (In Russian).

Информация об авторах:

Сосуновский В.С. – канд. пед. наук, доцент кафедры теоретических основ и физкультурно-спортивных технологий Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск, Россия). E-mail: vадim14sergeevich@gmail.com

Загrevская А.И. – д-р пед. наук, доцент, заведующая кафедрой теоретических основ и физкультурно-спортивных технологий Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск, Россия). E-mail: a-zagrevskaya@ya.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.S. Sosunovskiy, Cand. Sci. (Pedagogy), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vадim14sergeevich@gmail.com

A.I. Zagrevskaya, Dr. Sci. (Pedagogy), associate professor, head of the Department of Theoretical Foundations and Physical Culture and Sports Technologies, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: a-zagrevskaya@ya.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.02.2022;
одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 28.03.2022.

The article was submitted 16.02.2022;
approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 28.03.2022.

Научная статья
УДК 81'243:342.813+378.147
doi: 10.17223/15617793/476/23

Межкультурный коммуникативный тренинг и его роль в формировании межкультурной компетенции обучающихся иностранному языку

Мухаммед Фатих Чам^{1, 2}, Людмила Юрьевна Минакова^{1, 3}

¹Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

²muhammed.fatih.camm@gmail.com

³ludmila_jurievna@mail.ru

Аннотация. Проанализирована роль коммуникативных тренингов в формировании межкультурной компетенции при обучении иностранному языку. Дана характеристика межъязыковому и межкультурному тренингу, выявлены отличия в их использовании при формировании межкультурной компетенции. Проведен подробный анализ целей, задач, этапов проведения тренингов по развитию умений межкультурной компетенции. Обозначены основные компоненты межкультурной компетенции, на формирование которых должна быть нацелена работа в ходе коммуникативных тренингов.

Ключевые слова: межкультурная компетенция, коммуникативный тренинг, поликультурное образование, развитие поликультурной личности, методологические подходы к обучению, образовательные технологии

Для цитирования: Чам М.Ф., Минакова Л.Ю. Межкультурный коммуникативный тренинг и его роль в формировании межкультурной компетенции обучающихся иностранному языку // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 208–219. doi: 10.17223/15617793/476/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/23

Intercultural communications training and its role in the formation of cross-cultural competence of foreign language learners

Muhammed F. Cam^{1, 2}, Ludmila Y. Minakova^{1, 3}

¹National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

²muhammed.fatih.camm@gmail.com

³ludmila_jurievna@mail.ru

Abstract. In preparing this article, the aim was to substantiate the methodological foundations for the development of intercultural communications training and to carry out its practical testing in the framework of teaching a Turkish language course for different students. The material for the applied research was the content of *Gökkuşagi Türkçe Ders Kitabı*, a modern textbook for students of non-linguistic specialties. The methodological foundations of the communications training were the traditional procedures of group work, such as exercises, reflection of experience, interactive modeling, simulation, group discussions. In the course of the study, the authors summarized the modern scientific and methodological foundations for the development of intercultural communications trainings. The characteristic of cross-language and cross-cultural training is given, the differences in their use in the formation of cross-cultural competence are revealed. A detailed analysis of the goals, objectives, and stages of cross-cultural competence training is carried out. The main components of cross-cultural competence, whose formation is the aim of intercultural communications trainings, are identified. Practical testing of the presented intercultural communications training in the framework of teaching a Turkish language course for different students was carried out. When designing tasks of communications training, a system of didactic requirements has been developed; compliance with them allows optimizing the learning process, making exercises more accessible to perform, stimulating the acquisition and consolidation of communication skills and abilities, removing the psychological barrier, and motivating students to take an active part in tasks. As part of the preparation of the intercultural training, a number of exercises were selected to train, develop and consolidate foreign language skills. At the same time, the basic criteria that should be used in the selection of training exercises were identified (situationality, saturation with information, time efficiency, and creation of conditions for foreign language communication in the context of professional interaction). The complex of communicative exercises of the intercultural training includes tasks of a professionally oriented nature that optimize the development of students' foreign-language communicative competence, their professionally significant skills. The work on the proposed set of exercises contributed to the enrichment of the developing, educating, organizing and educational potential of students and the improvement of their overall intercultural competence in general.

Based on the experience of developing an intercultural communications training, the authors formulated methodological recommendations for conducting such trainings while teaching foreign languages.

Keywords: cross-cultural competence, cross-language training, cross-cultural training, multicultural education, development of a multicultural personality, methodological approaches to learning, communicative activity approach, sociocultural approach

For citation: Cam, M.F. & Minakova, L.Yu. (2022) Intercultural communications training and its role in the formation of cross-cultural competence of foreign language learners. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 208–219. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/23

Введение

В условиях современного общества, широко охваченного процессами глобализации во всех своих сферах – от бытовой жизни людей до экономики, политики, культуры, особую роль приобретает межкультурная компетенция при обучении иноязычному общению.

Исследовательский фокус на межкультурной компетенции как цели иноязычного образования в современных условиях не случаен. Она представляет собой сложное личностное, лингводидактическое и социокультурное явление, которое в недостаточной степени изучено с учетом новых условий поликультурного общества [1]. Отметим, что под межкультурной компетенцией, вслед за К.Е. Строгановой [2], следует понимать опирающуюся на кросс-культурные знания, умения и навыки, а также личностные установки и стратегии, способность и внутреннюю готовность личности вести успешный диалог с представителями иных культур посредством вербальных и невербальных средств коммуникации. В своих работах О.А. Обдалова [3–5] отмечает, что межкультурная коммуникация – это всегда межличностное общение в специальном контексте, в котором партнеры по коммуникации проявляют особенности принадлежности к разным лингвосоциумам. Следовательно, в процессе изучения иностранного языка, необходимого для реализации межкультурного диалога, необходимо знать и уметь применять группы умений межкультурной коммуникации.

Помимо этого, сложен сам процесс формирования данной компетенции. Он имеет комплексный характер и включает в себя одновременно три ключевых компонента: когнитивный, поведенческий, прагматический [18]. Выделенные три ракурса формирования межкультурной компетенции позволяют рассматривать её с разных точек зрения. В работах [6, 7] подчеркивается, что межкультурная коммуникация может осуществляться либо на групповом уровне, либо на индивидуальном, при этом поведение каждого человека определяется ценностями и нормами той культуры, в которую он включен. Этим объясняется комплексный характер межкультурной коммуникации, когда каждый ее участник располагает своей собственной системой правил, обусловленных его социокультурной принадлежностью. Поэтому при непосредственном общении представители разных культур стоят перед необходимостью преодоления не только языковых различий, но и различий социокультурного и этнического характера. Когнитивный компонент межкультурной компетенции предполагает обогаще-

ние внутреннего мира человека необходимым объемом знаний и представлений об иных культурах и их представителях, достаточных для выработки у личности эффективных поведенческих моделей взаимодействия с представителями данных культур, развития толерантного отношения к ним. Формирование поведенческого компонента межкультурной компетенции имеет целью выработку новых и адаптацию ранее сформированных паттернов социального поведения личности, которые будут обеспечивать ее эффективное взаимодействие с представителями иных культур в среде поликультурного социума. Наконец, прагматический компонент предполагает формирование у человека комплекса навыков и умений, позволяющих ему в процессе общения с представителями других культур добиваться поставленных целей и решения прикладных задач с учетом особенностей конкретных ситуаций коммуникации [8].

В настоящее время представителями отечественной педагогической науки (В.А. Бардиловская [1], В.В. Криворот [9] и др.) глубоко и подробно исследованы различные способы повышения компетентности личности в сфере межкультурной коммуникации, дана их развернутая классификация по различным критериям: методу обучения (дидактическому или эмпирическому), содержанию обучения (общекультурному или культурно-специфичному), сфере, в которой необходимо достичь желаемых результатов (когнитивная, эмоциональная, поведенческая). Среди множества возможных форм развития межкультурных компетенций выделены ключевые, такие как просвещение, ориентирование, инструктаж и тренинг. Однако в выделенных исследованиях не выявлены трудности в обучении межкультурной коммуникации, особенно в определении причин возникновения межкультурных барьеров и обнаружения способов их преодоления, принимая во внимание ситуацию иноязычного общения. На это направлено исследование в рамках данной статьи.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составляют фундаментальные научные труды по особенностям поликультурного образования (Г.Ж. Фахрутдинова [10], П.В. Сысоев [11]), положения по общепедагогическим подходам в обучении (лично-ориентированный, деятельностный), частично-методические подходы (межкультурный, коммуникативный), труды в области теории и практики обучения иностранным языкам. Авторы исследования опираются на лично-ориентированный

(А.А. Леонтьев [12]) и личностно-деятельностный подходы (И.А. Зимняя [13]), коммуникативный подход (Е.И. Пассов [14]), межкультурный и поликультурный подходы (В.В. Сафонова [15]), где целью обучения является развитие поликультурной языковой личности, способной к межкультурному общению в полилингвальном пространстве.

Теоретической основой исследования послужили работы по теории образовательных технологий обучения (О.А. Обдалова [3, 16]), в том числе по технологии коммуникативного тренинга (А.И. Ладисов, Н.И. Мосунова [17]), исследования в области теории и методики обучения иноязычному общению (О.А. Обдалова [3, 6], Н.Д. Гальскова [18]), работы по теории и методике обучения иноязычному устному общению (Е.И. Пассов [14], И.В. Рахманов [19]) и работы, раскрывающие природу межкультурной коммуникации и трудности, сопровождающие её (О.А. Обдалова, Л.Ю. Минакова, А.В. Соболева [20, 21]), а также сущность использования коммуникативного тренинга в методике обучения иностранным языкам (А.А. Атабекова, Н.М. Беленкова, М.М. Степанова [8, 22, 23]).

Проведенный анализ вышеуказанных работ показал, что можно выделить некоторые особенности обучения межкультурному общению на современном этапе, которые будут приведены в основной части нашего исследования.

Современная тенденция в методике языкового образования четко проявляется в доминировании коммуникативного подхода в обучении иностранным языкам. Одни приверженцы коммуникативного подхода считают, что он реализуется только тогда, когда на занятии происходит раскрепощенное общение. В такой модели обучения основное внимание уделяется лишь устно-речевому общению в раскрепощенной обстановке. При этом недооценивается роль упражнений, предназначенных для совершенствования лексической и грамматической сторон речи, роль чтения, письма и значение родного языка [24. С. 371].

Для целенаправленного обучения межкультурной коммуникации необходимо активизировать ситуации максимального приближения к реальной коммуникации такого рода, когда становится рефлексивно необходимым процесс порождения высказывания и предвосхищения возможного ответа с учетом разнообразных факторов контекста коммуникации. Этот предвосхищаемый ответ, в свою очередь, будет оказывать соответствующее воздействие на ответное высказывание [25. С. 150]. В связи с этим возникает необходимость использования эффективных форм закрепления и развития, сформированных у обучающихся межкультурных умений в учебном процессе, которые были бы направлены на глубокое проникновение в социокультурные особенности изучаемого языка, в специфику иноязычного дискурса и контекста межкультурной коммуникации.

Иноязычный дискурс, представляющийся в качестве важнейшей составляющей процесса коммуникации между людьми на иностранном языке, крайне важен в обучении межкультурному общению. Он должен выступать объектом анализа со стороны обучающихся,

предполагающим их погружение в иноязычный и инокультурный контекст коммуникации посредством активизации когнитивных процессов восприятия, переработки и смыслоизвлечения [26. С. 210].

Требования ФГОС 3+++ ставят перед методикой обучения иностранному языку цель развить у обучающихся способности и качества личности, необходимых для достижения взаимопонимания и эффективного общения с представителями изучаемой иноязычной культуры. Введение межкультурного аспекта в обучение иностранному языку требует от преподавателя иностранного языка построения учебного процесса с учетом специфики взаимодействия представителей разных лингвокультур, развития способности решать коммуникативные задачи, адекватно заданным характеристикам межкультурной коммуникации. Это содержательное наполнение учебного процесса влияет на выбор арсенала дидактических средств обучения [27. С. 148], которые мы рассмотрим далее.

Межкультурный коммуникативный тренинг в формировании умений иноязычного общения в поликультурной среде

Современная практика преподавания иностранных языков показывает, что в настоящее время большое внимание уделяется развитию активных, самостоятельных форм приобретения и актуализации знаний обучающихся. Активное коммуникативное взаимодействие участников образовательного процесса способствует развитию способов познания, навыков взаимодействия в группе, умению вырабатывать свою точку зрения, терпимо принимать позиции других, одним из наиболее востребованных и позитивно воспринимаемых методов, используемых для развития межкультурной коммуникации в процессе обучения иностранным языкам [25. С. 208]. На сегодняшний день одним из эффективных методов закрепления полученных знаний является тренинг с опорой на изучение социокультурных особенностей иноязычной коммуникации, поскольку его применение создает условия для формирования умений межкультурного общения на основе нивелирования трудностей, возникающих при появлении межкультурных барьеров в общении. Рассмотрим это ключевое понятие с точки зрения методики обучения межкультурной коммуникации.

Современной практике преподавания иностранных языков известно два основных вида тренингов, ориентированных на развитие межкультурной компетенции обучающихся:

- межъязыковые;
- межкультурные [17. С. 52–58].

При их типологической близости, тем не менее, между ними существуют определенные различия. Особенностью межъязыковых тренингов является то, что главный акцент в них ставится, прежде всего, на освоение феноменов чужого языка «в его преломлении через культурологический аспект» [17. С. 54]. Такие тренинги позволяют отрабатывать главным образом модели речевого поведения обучающихся,

расширять их языковую эрудицию в части выбора наиболее отвечающих ситуации общения слов, понятий, выражений.

Как отмечают исследователи, в межъязыковых тренингах акцент может ставиться на следующем:

- правильное произношение языковых единиц иностранного языка;
- адекватный перевод имен собственных, географических названий, обозначений предприятий, достопримечательностей и т.д.;
- изучение случаев несовпадения семантической структуры коррелятивных слов и особенностей логико-семантической и лексической сочетаемости слов в русском и иностранном языках;
- практическое использование в ситуациях межкультурного взаимодействия различных фразеологических единиц;
- отработка навыков уместного употребления речевых штампов, языковых клише чужого языка, которые собой «очерчивают узус страны изучаемого языка» [17. С. 55].

В отличие от межъязыковых тренингов, содержание межкультурных тренингов (или собственно тренингов межкультурной коммуникации) существенно шире. Оно нацелено на формирование навыков не только сугубо языкового, но и в целом культуросообразного поведения человека в поликультурной среде. Соответственно, в ходе межкультурных тренингов отрабатываются не только речевые навыки, но и поведенческие, которые помогут обучающимся в дальнейшем взаимодействовать с представителями чужой культуры в различных ситуациях в поликультурной среде.

Как отмечает В.В. Криворот, тренинг по формированию умений межкультурной коммуникации в сравнении с другими формами развития межкультурной компетенции имеет целый ряд преимуществ. В частности, он «в большей степени отвечает специфическим требованиям и трудностям межкультурного обучения благодаря своей близости к практике и интенсивности обучения» [9].

В силу указанных особенностей, межкультурный тренинг в большей мере позволяет формировать поведенческий и прагматический компоненты межкультурной коммуникации, поскольку:

- во-первых, предполагает кратковременное погружение обучающихся в конкретные практико-ориентированные ситуации языкового общения;
- во-вторых, требует от них непосредственных поведенческих действий в предлагаемых ситуациях, что в конечном итоге способствует формированию навыков ситуационно обусловленного межкультурного поведения.

По причине своей выраженной практической ориентированности тренинги по формированию умений межкультурной коммуникации способствуют эффективному, глубоко личностному и деятельностному по своей природе усвоению тех ценностей, норм, правил поведения, которые характерны для представителей иных культур и которые

первоначально были усвоены обучающимся умозрительно, отвлеченно, на уровне абстрактных понятий и представлений. Межкультурный тренинг позволяет перевести эти абстрактные знания в прикладную, утилитарную плоскость, ситуативно прожить их, пропустить сквозь призму собственных действий и поведенческих реакций, что позволяет эффективно увязать между собой когнитивный компонент межкультурной компетенции с поведенческим и прагматическим компонентами.

С.А. Бардиловская и В.В. Пахирко полагают, что использование тренингов межкультурной коммуникации в процессе обучения иностранным языкам дает возможность решать как минимум две важнейшие задачи:

- «познакомить обучаемых с межкультурными различиями в межличностных отношениях, что требует участия в проигрывании ситуаций, которые протекают по-разному в разных культурах;
- сделать возможным перенос полученных знаний на новые ситуации, что достижимо, если обучающийся знакомится с самыми характерными особенностями другой для него культуры» [1].

В связи с тем, что тренинг по формированию умений межкультурной коммуникации, как правило, ориентирован на выработку практических навыков межкультурного поведения в конкретных ситуациях общения, предпосылкой его эффективного проведения можно считать наличие у обучающегося необходимых знаний и представлений относительно культуры другого народа, понимания межкультурных различий и значимых особенностей, способных как негативно, так и позитивно повлиять на характер межкультурного общения с представителями той или иной национальной культуры.

Помимо этого, каждый участник тренинга должен обладать необходимыми фоновыми знаниями, в частности:

- знать теоретические основы межкультурной коммуникации;
- знать основные понятия культуры, социализации и инкультурации;
- понимать сущность этноцентризма и культурного релятивизма;
- понимать психологию межкультурных различий;
- осознавать круг проблем, которые могут возникать при освоении чужой культуры, прежде всего, проблемы понимания в межкультурной коммуникации;
- понимать причины, симптомы и способы преодоления культурного шока;
- знать базовые виды межкультурной коммуникации (вербальная, невербальная);
- знать природу межкультурных конфликтов и способы их преодоления;
- знать природу этнокультурных стереотипов и предрассудков и способы их корректировки;
- понимать, какие барьеры могут препятствовать эффективному общению;
- осознавать особенности межкультурной коммуникации в конкретной социальной сфере общения и взаимодействия [7. С. 3–4].

Представленный комплекс знаний означает, что переходить к использованию межкультурных тренингов в процессе обучения иностранным языкам, направленных на формирование необходимого «багажа» кросс-культурных знаний, преждевременно, поскольку не позволит достичь ожидаемого эффекта в виде развития качественных умений в области межкультурной компетенции обучающегося.

В то же время изучение практики работы преподавателей иностранных языков показывает, что межкультурные тренинги, когда они вводятся в программу обучения после освоения необходимых базовых знаний в области межкультурного общения, позволяют:

- во-первых, закрепить полученные межкультурные знания обучающихся на практике;
- во-вторых, личностно переосмыслить их через собственный опыт проживания и действия в конкретных ситуациях межкультурной коммуникации;
- в-третьих, углубить представления о специфике межкультурного общения с представителями иной культуры через уточнение, дополнение, корректировку ранее полученных теоретических представлений [23].

В соответствии с выделенными выше тремя компонентами межкультурной компетенции следует говорить и о трех уровнях решения указанных задач и достижения общей цели использования межкультурных тренингов в процессе обучения иностранным языкам, которые выделяются нами на основе анализа литературного обзора по теме исследования.

Первый уровень – когнитивный. В рамках него осуществляется повышение межкультурной информированности обучающихся о структуре языка, многогранности выражения интенций в процессе говорения, осмысленности своей речевой деятельности в ситуациях межкультурного взаимодействия с представителями иной культуры [16, 28].

Второй уровень – эмоционально-аффективный и поведенческий. На этом уровне создаются условия для развития у обучающихся умения чувствовать и определять контекст ситуации межкультурного общения и проявлять адекватные поведенческие реакции в зависимости от специфики конкретной ситуации. В конечном итоге на этом уровне происходит формирование, развитие, углубление и совершенствование поведенческих навыков, что служит основой формирования поведенческой межкультурной компетенции [26, 27].

Наконец, третий уровень – конативный. На данном уровне происходит формирование у обучающихся устойчивой позитивной мотивации и воли к эффективному взаимодействию в ситуациях межкультурной коммуникации [28].

Для качественного развития межкультурной компетенции обучающихся на всех вышеперечисленных уровнях и для формирования всех ключевых ее компонентов программа межкультурного тренинга должна включать в себя две базовые части – теоретическую и практическую.

В теоретическую часть программы тренинга по формированию умений межкультурной коммуникации необходимо включать в соответствии с выбранной ситуацией общения требуемый для ее понимания теоретический материал (или актуализировать тот, который был освоен обучающимися ранее) – представления о специфических культурных универсалиях чужой культуры: ритуалах, обычаях, речевых формулах, особенностях поведения (дистанция, жестикация, мимика и пр.). Это позволяет обучающимся переключиться с внутреннего этно- и культуроцентризма, с собственных этнокультурных установок и моделей поведения, как препятствующих формированию эффективной модели межкультурной коммуникации, на установки и модели поведения, характерные для представителей другой культуры. На данном этапе важно запустить у обучающихся внутреннюю рефлексию – процесс анализа и осознания того, какие аспекты коммуникации им необходимо скорректировать, выстроить, адаптировать с учетом этнокультурных особенностей общения представителей другой культуры [29].

Теоретические знания и представления о чужой культуре, правильно актуализированные на начальном этапе проведения тренинга, позволяют обучающимся эффективно вступить во вторую его часть, практическую, т.е. перейти к ситуативной отработке непосредственных практических навыков построения коммуникации с представителями чужой культуры на основе имеющихся знаний.

Полученные ранее и актуализированные на начальном этапе тренинга теоретические представления о чужой культуре позволяя выработать у обучающихся осознанный подход к управлению самой ситуацией общения и своим поведением в ней дают возможность предупреждать негативные поведенческие реакции партнера по межкультурному общению путем коррекции собственных действий и речевых высказываний.

В рамках практической части тренинга может быть предусмотрено неоднократное погружение обучающегося в одну и ту же ситуацию межкультурного взаимодействия. Это позволяет ему осознать возможности вариативного построения межкультурной коммуникации в зависимости от тех или иных особенностей и «входных условий» конкретной ситуации общения.

При построении программы тренинга межкультурной коммуникации важно правильно соотносить между собой временные затраты на каждую из его частей. Очевидно, что, исходя из специфики самой формы межкультурного тренинга, а именно из его практико-ориентированности, основная доля времени в нем должна уделяться отработке практических коммуникативных навыков и речевых умений в различных ситуациях взаимодействия.

Блок теоретических сведений должен быть кратким, обзорным или справочным по своему характеру и содержать широкий и разнообразный круг новых для обучающихся сведений о чужой культуре. Это позволяет освоить обучающимся информацию, необ-

ходимую для ее анализа и применения в непосредственных ситуациях межкультурной коммуникации.

Важно, что завершать тренинг следует небольшой резюмирующей частью, в которой должны подводиться итоги освоения обучающимися практических навыков межкультурной коммуникации в предложенных ситуациях взаимодействия с представителями иной культуры. Достигнутые обучающимися результаты должны быть соотнесены с полученными или актуализированными в начале тренинга теоретическими знаниями и представлениями. Лучше, если это будет сделано сначала самими участниками тренинга (актуализируется самосознание и саморефлексия), а затем – преподавателем.

Для эффективного формирования и развития отдельных умений межкультурного общения и взаимодействия в рамках тренинга по межкультурной коммуникации важно сочетать между собой самые разные методические приемы и технологии. Опыт показывает, что для достижения цели и решения практических задач развития навыков межкультурной коммуникации в рамках тренингов высокую эффективность имеют, в частности, психогимнастические упражнения, дискуссии-беседы, ролевые игры, симуляции, групповые дискуссии, интерактивное моделирование. Применение этих и иных методов дает возможность качественно подготовить обучающихся к практическим контактам с представителями чужой культуры, научить их проживать, прочувствовать и анализировать как собственное поведение, так и поведение представителей иных культур [19].

В методическом отношении авторам настоящей статьи представляется целесообразным регулярное, систематическое проведение тренингов по формированию умений межкультурной коммуникации в их тесной содержательной и временной взаимосвязи. Это обусловлено тем, что сфера межкультурного взаимодействия требует от обучающихся освоения не одного, а целого комплекса практических навыков межкультурной коммуникации, а добиться этого в рамках 1–2 отдельных тренингов невозможно. Для формирования комплекса умений и навыков, позволяющих сформировать устойчивые умения межкультурной коммуникации, необходимо использовать систему межкультурных тренингов, которая представляет собой взаимосвязанные части, в результате реализации которых последовательно развиваются и закрепляются умения в области межкультурной коммуникации.

В результате реализации системного подхода, подразумевающего под собой поэтапное, последовательное формирование межкультурной компетенции обучающихся, у них должен сформироваться целостный комплекс умений межкультурного общения. Приоритетное значение должно быть отдано формированию таких умений в области межкультурной коммуникации, как:

– умение применять приобретенные языковые и кросс-культурные знания в практической межкультурной деятельности, в конкретных ситуациях межкультурного взаимодействия;

– умение эффективно (быстро, правильно) ориентироваться в многообразии межкультурных коммуникативных процессов в современном обществе;

– умение правильно интерпретировать различные виды межкультурного коммуникативного поведения;

– умение ориентироваться в многообразии культур, выделять их типы и особенности;

– умение преодолевать стереотипы и предрассудки в межкультурной коммуникации;

– умение адекватно использовать вербальные и невербальные средства в процессе межкультурного взаимодействия [30].

В свою очередь среди межкультурных навыков важнейшими в результате прохождения межкультурных тренингов должны стать:

– навыки учета характерных особенностей национальной культуры в процессе межкультурной коммуникации;

– навыки открытого психологического настроя на кооперацию в процессе общения с представителями другой культуры, на глубинное познание чужой культуры;

– навыки отличать коллективные и индивидуально обусловленные качества коммуникативного поведения представителей других культур;

– навыки владения набором коммуникативных средств и алгоритмами их правильного выбора в зависимости от ситуации межкультурного общения;

– навыки использования механизмов конструктивного взаимодействия и межкультурной коммуникации в различных социальных ситуациях;

– навыки соблюдения этикетных норм общения своей и чужой культуры в их балансе;

– навыки толерантного отношения к другим культурам и их представителям [7].

По тому, насколько у обучающегося, прошедшего цикл тренингов по формированию умений межкультурной коммуникации, сформировались названные выше умения и поведенческие навыки, можно в конечном итоге судить об эффективности тренинговой программы, используемых в ней методах проведения тренинговых занятий.

Таким образом, проведенный нами анализ показал, что межкультурный тренинг является эффективной современной образовательной технологией, которая позволяет перевести абстрактные знания обучающихся в области изучаемого языка и культуры в прикладную плоскость, сформировать и гармонизировать между собой все уровни развития межкультурной компетенции и ее компоненты.

Практическое использование межкультурного коммуникативного тренинга

Экспериментальная часть исследования заключается в апробации представленной выше методики проведения тренингов по формированию умений межкультурной коммуникации в рамках преподавания курса турецкого языка в языковой школе. Прикладное исследование опиралось на содержание современного учебного пособия для студентов неязыковых специальностей «Gökkuşagi Türkçe Ders Kitabı»

[31]. Базой для проведения исследования стала языковая школа. Исследование проводилось в одной группе русскоязычных обучающихся с продвинутым уровнем знания языка в языковой школе, которые проходили обучение языковому курсу «Турецкий язык». Общее число испытуемых составило 9 человек в возрасте от 18 до 50 лет, гендерный состав – женский (100%). Всего было проведено 20 занятий в группе общей продолжительностью 40 ч. Эксперимент проводился со 2 по 29 декабря 2020 г.

Учебное пособие состоит из 20 уроков, содержащих грамматические пояснения и упражнения к ним, а также тексты по основам специальности с упражнениями для овладения специальной лексикой. Фонетический раздел включает в себя обзор звуков, основные правила чтения и интонации и соответствующие тренировочные упражнения. Грамматические упражнения обеспечивают усвоение активного грамматического минимума, обслуживающего устную речь и чтение на начальном этапе обучения иностранному языку. Тексты, содержащие информацию о культуре страны изучаемого языка и о традициях общения, отобраны в соответствии с актуальностью тематики, информативностью и познавательной ценностью. К каждому тексту разработаны задания для контроля понимания прочитанного и для обсуждения в аудитории. Полученная информация межкультурного характера применяется в межкультурном тренинге для достижения адекватности в иноязычном общении.

При конструировании заданий межкультурного тренинга были приняты во внимание следующие дидактические требования:

- обеспечивать разнообразие видов деятельности (диалогическая, монологическая речь, обсуждение), осуществляемых в группах, парах, а также индивидуально;
- уделять пристальное внимание различным способам презентации речевого материала с учетом особенностей межкультурной коммуникации, с соблюдением норм общения, принятых в стране изучаемого языка (наиболее эффективными способами презентации автором исследования признаются устное изложение материала в ситуационно-обусловленном контексте и его обсуждение в межкультурном диалоге и полилоге);
- обеспечить максимальную вовлеченность всех обучающихся в процесс межкультурного общения путем использования разнообразных технологий (например, проблемного диалога, геймификация, ограничение ситуации коммуникации коротким временным отрезком и др.);
- следовать логической связи подачи учебного материала от простого к сложному, от известного к неизвестному, анализировать межкультурную специфику изучаемых материалов;
- использовать творческий потенциал обучающихся на всех этапах изучения материала;
- создать благоприятную учебную атмосферу на занятиях.

Задание 6. Составьте предложения, соблюдая правила построения предложений.

- 1- öğrenciler / okuyorlar / kitap / sınıfta (студенты / читают / книгу / в классе)
- 2- bakıyor / penceresinden / babam / evin (смотрит / из окна / мой папа / дома)
- 3- anlatıyor / ders / öğretmen / dil / okulunda (преподает / урок / преподаватель / в языковой / школе)

Анализ результатов проведения межкультурного тренинга показал, что соблюдение этих требований оптимизирует процесс обучения и делает задания данного тренинга более доступными в исполнении, стимулирует приобретение и закрепление коммуникативных навыков и умений, способствует снятию психологического барьера и мотивирует обучающихся принимать активное участие в коммуникативных упражнениях, а также проявлять инициативу. В рамках подготовки межкультурного тренинга был разработан комплекс упражнений на тренировку, развитие и закрепление иноязычных умений и навыков в опоре на такие базовые критерии, как ситуативность, информационная насыщенность, экономичность во времени и создание условий для иноязычного общения в условиях профессионального взаимодействия.

Разработанный авторами комплекс коммуникативных упражнений межкультурного тренинга вобрал в себя задания коммуникативного характера, оптимизирующие процесс развития иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся, их профессионально-значимые умения. В состав системы упражнений коммуникативного тренинга (таблица), направленных на формирование межкультурных навыков и развитие межкультурных умений обучающихся турецкому языку, вошли следующие виды упражнений:

- репродуктивные;
- ситуативно-тематические, диалоговые, проблемно-ориентированные;
- профессионально ориентированные;
- поисковые;
- аналитические;
- творческие.

Целью проведения межкультурного тренинга было формирование устойчивых умений реализации межкультурного общения на турецком языке в зависимости от ситуации общения, а также с учетом социокультурных особенностей иноязычной коммуникации.

Для каждого этапа тренинга были разработаны свои виды упражнений, нацеленные на решение различных образовательных целей (таблица).

Цель достигалась путем многократного повторения диалогов в различных их проявлениях за счет активизации речемыслительных процессов обучающихся, изучение культурных особенностей иноязычного общения, симуляции реальной коммуникации в учебном процессе. Для сравнительного анализа эффективности проведения эксперимента студентам были предложены тесты в начале и по завершении обучения в соответствии с разработанными заданиями.

Тесты охватывали вопросы на умения адекватно реагировать на вопросы собеседника с учетом традиций и правил общения в Турции, а также на знание грамматических основ построения предложений. Тест включал в себя 11 вопросов, приведем пример.

Задание 10. Напишите вопросы, соответствующие ответам ниже.

1. Bu ? Bu Ali. Это ? Это Али.
 2. Şu ? Şu kitap. Этот ? Эта книга.
 3. Bu ? Bu bilgisayar. Это ? Это компьютер.
 4. O ? O, kardeşim Mehmet. Тот ? Тот человек мой брат Мехмет.
- Результаты тестов представлены на рис. 1.

**Система упражнений для формирования межкультурных компетенций обучающихся турецкому языку
в рамках коммуникативного тренинга**

№	Этап тренинга	Цель упражнений	Виды упражнений
1	Подготовительно-речевой	– развитие фонетических навыков; – развитие лексических навыков; – отработка грамматических конструкций в предложениях – формирование навыков построения предложений по образцу; – формирование умения репродуцирования диалогического текста с опорой и без нее – активизация навыков употребления изученной лексики и грамматики в заданных ситуациях; – формирование умений коммуникативного взаимодействия в различных ситуациях общения	Репродуктивные: – фонетические упражнения; – лексические упражнения; – грамматические упражнения – репродуктивно-продуктивные; – работа с диалогическим текстом Репродуктивные: отработка ситуативно-тематических диалогов с включением проблемных зон
2	Проблемно-практический	– отработка фраз, вызывающих трудности в общении, в диалогах; – знакомство с традициями и культурой общения в Турции	Продуктивно-репродуктивные: – упражнения социокультурного характера на употребление общепринятых фраз в общении; – отработка умений вербального и невербального характера общения, принятых в турецкой культуре
3	Подготовительно-аналитический	Формирование умений находить необходимую текстовую информацию о Турции, чтение текстов с межкультурными проблемами, использовать поисковое чтение, выделить эти проблемы и отвечать вопросы	– поисковые упражнения; – аналитические упражнения; – отработка умений задавать вопросы и отвечать на них
4	Творческий	Развитие творческих умений	Продуктивные упражнения: – выбор обучающимися тем и ситуаций для обсуждения с учетом правил межкультурного общения

Рис. 1. Результаты тестов на владение определенным лексическим, грамматическим материалом и правил общения для реализации коммуникации на турецком языке в процентном отношении правильных ответов студентов к общему количеству заданий в тесте

Результаты теста показали, что у обучающихся в начале эксперимента знание грамматических основ построения предложений и правил общения на турецком языке составляло 55,7%. После тестирования у обучающихся выявлены проблемные области в грамматических знаниях и причины возникновения межкультурного барьера, а именно: правила построения

предложений на турецком языке и недостаточное знание традиций страны изучаемого языка, проблемы с фонетикой и грамматикой. Учащиеся затруднялись воспроизводить речевые высказывания с использованием таких грамматических форм, как словообразование с аффиксами, употребление числительных и построение предложений в *Şimdiki zaman* (настоящее

время), употреблять правильно личные местоимения, произносить некоторые звуки турецкого языка, например [ö],[ü],[ğ], а также испытывали трудности в коммуникации с использованием общепринятых фраз приветствия, просьбы, уточнения информации, обсуждения проблем и т.д.

На занятиях был использован разработанный межкультурный тренинг, основанный на системе упражнений, описанной выше. По завершении обучения результаты повторно проведенного теста показали, что владение необходимыми грамматическими умениями, а также общепринятыми фразами для общения у обучающихся выросло до 94,8%, т.е. увеличилось на 39,1%. Кроме того, по наблюдениям преподавателя, у обучающихся были нивелированы межкультурные барьеры в общении на заданные темы. Они стали активно вступать в общение на турецком языке, соблюдая традиции, принятые в турецком обществе. Например, все учащиеся правильно ответили на вопросы итогового теста.

С какой фразы обычно начинают общение на турецком языке с незнакомым человеком?

- Kolay gelsin! (Пусть придет легко!)
- Boşver. (Забудь)
- Güle güle gidin. (Иди/Ступай смеясь)
- Merhaba! (Правильный ответ) (Здравствуйте)

На работе к любому сотруднику мужского пола следует обращаться, используя приставку?

- Bey. (Правильный ответ) (Господин)
- Hanım. (Дама)
- Oğlum. (Мой сын)
- Evladım. (Дитя мое)

Таким образом, доказана эффективность разработанного коммуникативного тренинга, снимающего трудности в межкультурном общении у русскоязычных обучающихся, изучающих турецкий язык как иностранный. Результаты апробации межкультурного тренинга показали, что методика работы с опорой на предложенный комплекс упражнений способствовала формированию указанного комплекса умений межкультурной коммуникации у обучающихся.

Заключение

Проанализировав результаты проведенного педагогического эксперимента, мы пришли к выводу, что для проведения тренингов по межкультурной коммуникации необходимо соблюдать следующие методические рекомендации:

1. Задания межкультурного тренинга должны составляться и проводиться систематически по мере выявления проблем в общении обучающихся. Частое использование коммуникативных заданий в тренинге, активизирующих решение проблем в коммуникации, будет способствовать формированию речевых умений обучающихся, обучению основам межкультурного общения с учетом его правил и традиций, снятию психологического барьера при актуализации иноязычной речи.

2. Межкультурные тренинги рекомендуется проводить в начале или конце занятия на протяжении не более 15–25 минут, отводя остальное время на выполнение традиционных заданий. Согласно наблюдениям авторов, большее количество времени, затраченное на выполнение коммуникативных заданий в формате тренинговой технологии в силу активной нагрузки на речемыслительные механизмы приводит к снижению мотивации их выполнения, а также к снижению общей работоспособности обучающихся.

3. Для проведения межкультурного тренинга преподавателю требуется разрабатывать необходимые дидактические средства для их использования в образовательном процессе. В рамках разработанного автором тренинга по формированию умений межкультурной коммуникации для этих целей были подобраны специальные материалы социокультурной и лингвокультурной направленности. Данные материалы органично дополняют материалы учебного пособия, используемого в учебном процессе. Особенно это касается проблем преодоления межкультурных барьеров, чему в учебнике не уделяется должного внимания. Учебное пособие использовалось для знакомства с грамматическими правилами и соответствующей лексикой по прорабатываемым темам. В ходе межкультурного тренинга отрабатывались умения иноязычного общения на основе разработанных диалогов и с привлечением текстов по проблемам межкультурной коммуникации.

4. Для повышения эффективности проведения межкультурного тренинга целесообразно проводить его согласно предложенной системе, переходя от простых репродуктивных упражнений к более сложным, носщим продуктивный характер. Для реализации межкультурного тренинга стоит разделять его участников на группы, пары. Также допускается индивидуальное выполнение заданий. Это, в конечном итоге, зависит от выбранного типа заданий.

5. Межкультурный тренинг можно проводить в различных формах, в том числе в форме диалога, когда участники дополняют мысли друг друга, или в форме спора, который отражается в отстаивании личной позиции говорящего, а также противопоставлении взглядов и идей обучающихся.

6. Поскольку эффективность выполнения упражнений межкультурного тренинга зависит от адекватности восприятия обучающимися друг друга, важно соблюдение регламента. Преподавателю следует обеспечить определенные условия работы в группе, а именно: чтобы участники тренинга внимательно слушали, не перебивая друг друга, не повторялись, защищали свое мнение аргументированно и рационально, не допускали личностного противоборства, не оценивали выступающих в ходе их ответа на то или иное задание, придерживались определенных ролей при их наличии в конкретном задании.

7. При выборе тренинговых ситуаций необходимо следить за тем, чтобы содержание ситуации и характер обсуждения проблем были адекватны действительности, чтобы содержание ситуации отвечало интересам обучающихся и соответствовало целям тре-

нингового задания по отработке умений адекватного реагирования на реплики партнера по коммуникации, вербального и невербального поведения в процессе общения.

8. Контроль выполнения заданий следует проводить исходя из принципа индивидуализации. В зависимости от уровня развитости устных речевых умений обучающихся упражнения могут выполняться ими спонтанно или подготовленно. То есть процесс выполнения упражнений участниками тренинга, чей уровень сформированности иноязычных речевых умений позволяет порождать спонтанную речь, рекомендуется организовывать фактически, с момента получения ими задания. Обучающимся, уровень коммуникативных умений которых не позволяет выполнять задания без подготовки речи, следует выделять время в зависимости от объема и сложности задания, что в среднем составляет 4–7 минут.

Обобщение результатов работы по проектированию и проведению тренинга по формированию умений межкультурной коммуникации в рамках курса преподавания турецкого языка для обучающихся языковой школы показало, что внедрение предложенной

методики в процесс обучения позволяет в той или иной мере вовлечь всех членов группы в процесс практического развития личностных навыков межкультурной коммуникации. При этом у обучающихся практически снимаются выявленные в начале обучения проблемы межкультурного барьера в общении, позволяя им легче вступать в иноязычную коммуникацию, адекватно реагировать на высказывание партнера. Углубленное изучение турецкой культуры, традиции общения, многократное их использование при реализации диалогов в различных ситуациях способствует формированию умений иноязычного общения с учетом вербальных и невербальных его характеристик. Такой подход к обучению языку и формированию межкультурной компетенции способствует разрешению одновременно нескольких задач. Он позволяет совершенствовать коммуникативные умения и навыки, способствует установлению эмоциональных контактов между обучающимися, позволяя им проживать во время занятий ситуации, близкие к реальному общению, учит прислушиваться к мнению других участников коммуникации, тем самым закрепляя навыки межкультурного общения.

Список источников

1. Бардиловская С.А., Пахирко В.В. Формирование межкультурной компетенции. URL: http://media.miu.by/files/store/items/uses/xxiii/mim_uses_xxiii_10002.pdf (дата обращения: 18.01.2021).
2. Строгонова К.Е. Структура межкультурной компетенции и место в ней невербального компонента // Электронная библиотека БГУ. URL: <https://elbib.bsu.by/bitstream/123456789/193110/1/306-310.pdf> (дата обращения: 18.01.2021).
3. Обдалова О.А. Когнитивно-дискурсивная технология в обучении иноязычной межкультурной коммуникации // Язык и культура. 2018. № 44. С. 279–305. doi: 10.17223/19996195/44/18
4. Обдалова О.А. Когнитивно-дискурсивный подход как методологическая основа формирования межкультурной компетенции в современном иноязычном образовании // Новые подходы в лингвистике и педагогическом образовании = New Approaches in Linguistics and Pedagogical Education / отв. ред. Р.М. Шамилов. Н. Новгород : НГЛУ, 2020. С. 103–128.
5. Обдалова О.А., Одегова О.В. Межкультурная и межъязыковая коммуникация как новая реальность в контексте глобализации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 70–81. doi: 10.17223/1998863X/44/7
6. Обдалова О.А. Иноязычное образование в 21 веке в контексте социокультурных и педагогических инноваций. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 180 с.
7. Практикум межкультурной коммуникации: Учебная программа для учреждения высшего образования по учебной дисциплине для специальности 1-25 01 13 «Экономика и управление туристской индустрией» / сост. С.И. Яковлева. Минск : БГЭУ, 2014. 18 с.
8. Атабекова А.А. Иноязычные специальные концепты в межкультурной профессионально ориентированной коммуникации. М. : Изд-во РУДН, 2008. 190 с.
9. Криворот В.В. Подходы и методы изучения культурных систем и межкультурных ситуаций // Электронная библиотека БГУ. URL: <https://elbib.bsu.by/bitstream/123456789/15028/3/Криворот%20В.В.%20Подходы%20и%20методы%20изучения%20культурных%20систем.pdf> (дата обращения: 18.01.2021).
10. Фахрутдинова Г.Ж., Соловьева Е.Г. Культурологическая интерпретация игры в контексте поликультурной подготовки будущих педагогов // Современное педагогическое образование. 2020. № 7. С. 36–40.
11. Сысоев П.В. Языковое поликультурное образование в XXI веке // Язык и культура. 2009. № 2 (6). С. 96–110.
12. Леонтьев А.А. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации / под ред. А.С. Маркосян, Д.А. Леонтьева, Ю.А. Сорокина. М. : Смысл, 2008. 271 с.
13. Зимняя И.А., Мазаева И.А., Лаптева М.Д. Коммуникативная компетентность, речевая деятельность, вербальное общение. М. : Экспресс-Пресс, 2020. 400 с.
14. Пассов Е.И. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: метод. пособие для преподавателей русского языка как иностранного / Е.И. Пассов, Н.Е. Кузовлева. М. : Рус. яз. Курсы, 2010. 568 с.
15. Сафонова В.В. Лингвокультурная медиация как стратегическое общеевропейское направление в развитии современного языкового образования // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация (сборник научных трудов). М., 2018. С. 179–183.
16. Obdalova O.A. Modelling Conditions for Students' Communication Skills Development by Means of Modern Educational Environment // Bridging the Gap between Education and Employment: English Language Instruction in EFL Contexts. 2015. Vol. 198. P. 73–89. doi: 10.3726/978-3-0351-0842-2
17. Ладисов А.И., Мосунова Н.И. Межъязыковые и межкультурные тренинги в преподавании иностранных языков студентам-переводчикам // Инновационные образовательные технологии. 2011. № 4. С. 52–58.
18. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика. М. : Издательский центр «Академия», 2005. 336 с.
19. Рахманов И.В. Обучение устной речи на иностранном языке : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 1980.
20. Обдалова О.А., Минакова Л.Ю., Соболева А.В. Исследование роли контекста в адекватности репрезентации иноязычной речи в непрямой коммуникации // Язык и культура. 2017. № 40. С. 93–106. doi: 10.17223/19996195/40/7
21. Обдалова О.А., Минакова Л.Ю., Соболева А.В. Исследование роли контекста в интерпретации социокультурно-маркированного дискурса на основе дискурсивно-когнитивного подхода // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 38–45. doi: 10.17223/15617793/413/6

22. Беленкова Н.М., Атабекова А.А. Коммуникативный тренинг формирования иноязычной коммуникативной компетенции и студентов в разноразмерной поликультурной учебной группе. М. : Изд-во РУДН, 2010. 326 с.
23. Степанова, М.М. Уровни владения методической компетенцией учителем иностранного языка и их оценка // Аксиология иноязычного образования в контексте подготовки педагога будущего : материалы междунар. науч.- практ. форума, посвященного 65-летию кафедры методики преподавания (г. Москва, 6–7 дек. 2019 г.) / отв. ред.: А.К. Крупченко, А.В. Малёв. М. : МПГУ, 2020. С. 219–227.
24. Обдалова О.А. Реализация коммуникативного подхода в обучении иностранным языкам // Язык и культура в евразийском пространстве : сб. ст. XVII Международной научной конференции, 19–21 апреля 2004 г. Т. 2. 2004. С. 371–380.
25. Обдалова О.А., Минакова Л.Ю. Взаимосвязь когнитивных и коммуникативных аспектов при обучении иноязычному дискурсу // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. Т. 1, № 7. С. 148–153.
26. Обдалова О.А., Минакова Л.Ю., Соболева А.В. Дискурс как единица коммуникативного и речемыслительного процесса в коммуникации представителей разных лингвокультур // Язык и культура. 2017. № 37. С. 205–228. doi: 10.17223/19996195/37/14
27. Соболева А.В., Обдалова О.А. Когнитивная готовность к межкультурному общению как необходимый компонент межкультурной компетенции // Язык и культура. 2015. № 1 (29). С. 146–155.
28. Kecskes I., Obdalova O., Minakova L., Soboleva A. A study of the perception of situation-bound utterances as culture-specific pragmatic units by Russian learners of English // System. 2018. Vol. 76. P. 219–232. doi: 10.1016/j.system.2018.06.002
29. Обдалова О.А. Некоторые аспекты использования информационной образовательной среды при обучении иностранному языку // Информатизация образования 2010: педагогические аспекты создания информационно-образовательной среды: сб. ст. Междунар. науч. конф. Минск, 27–30 окт. 2010 г. Минск, 2010. С. 365–369.
30. Обдалова О.А. Особенности новой педагогической среды при обучении иностранным языкам // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 322. С. 207–211.
31. Tuncay Öztürk. Gökkuşuğu Türkçe Ders Kitabı. DiLSET. İstanbul, 2005. 250 p.

References

1. Bardilovskaya, S.A. & Pakhirko, V.V. (2014) *Formirovanie mezhkul'turnoy kompetentsii* [Formation of intercultural competence]. [Online] Available from: http://media.miu.by/files/store/items/uses/xxiii/mim_uses_xxiii_10002.pdf (Accessed: 18.01.2021).
2. Stroganova, K.E. (2017) *Struktura mezhkul'turnoy kompetentsii i mesto v ney neverbal'nogo komponenta* [The structure of intercultural competence and the place of the non-verbal component in it]. [Online] Available from: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/193110/1/306-310.pdf> (Accessed: 18.01.2021).
3. Obdalova, O.A. (2018) Cognitive-discursive technology in teaching foreign language intercultural communication. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 44. pp. 279–305. (In Russian). doi: 10.17223/19996195/44/18
4. Obdalova, O.A. (2020) Cognitive discourse approach as a methodological basis for forming intercultural competence in modern foreign language education. *Novye podkhody v lingvistike i pedagogicheskom obrazovanii – New Approaches in Linguistics and Pedagogical Education*. pp. 103–128. (In Russian).
5. Obdalova, O.A. & Odegova, O.V. (2018) Intercultural and interlingual communication as a new reality in the context of globalization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 44. pp. 70–81. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863Kh/44/7
6. Obdalova, O.A. (2014) *Inoyazychnoe obrazovanie v 21 veke v kontekste sotsiokul'turnykh i pedagogicheskikh innovatsiy* [Foreign Language Education in the 21st Century in the Context of Socio-Cultural and Pedagogical Innovations]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Yakovleva, S.I. (ed.) (2014) *Praktikum mezhkul'turnoy kommunikatsii: Uchebnaya programma dlya uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya po uchebnoy discipline dlya spetsial'nosti 1-25 01 13 "Ekonomika i upravlenie turistskoy industriy"* [Workshop of Intercultural Communication: Curriculum for institutions of higher education in the academic discipline for the specialty 1-25 01 13 "Economics and Management of the Tourism Industry"]. Minsk: Belarusian State Economic University.
8. Atabekova, A.A. (2008) *Inoyazychnye spetsial'nye kontsepty v mezhkul'turnoy professional'no orientirovannoy kommunikatsii* [Foreign-language special concepts in intercultural professionally oriented communication]. Moscow: RUDN.
9. Krivorot, V.V. *Podkhody i metody izucheniya kul'turnykh sistem i mezhkul'turnykh situatsiy* [Approaches and methods of studying cultural systems and intercultural situations]. [Online] Available from: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/15028/3/Krivorot%20V.V.%20Podkhody%20i%20metody%20izucheniya%20kul'turnykh%20sistem.pdf> (Accessed: 18.01.2021).
10. Fakhrutdinova, G.Zh. & Solov'eva, E.G. (2020) Cultural interpretation of the game in the context of multicultural training of future teachers. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie – Modern Pedagogical Education*. 7. pp. 36–40. (In Russian).
11. Sysoev, P.V. (2009) Foreign language multicultural education in the 21st century. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 2 (6). pp. 96–110. (In Russian).
12. Leont'ev, A.A. (2008) *Prikladnaya psikholingvistika rechevogo obshcheniya i massovoy kommunikatsii* [Applied Psycholinguistics of Speech Communication and Mass Communication]. Moscow: Smysl.
13. Zimnyaya, I.A., Mazaeva, I.A. & Lapteva, M.D. (2020) *Kommunikativnaya kompetentnost', rechevaya deyatel'nost', verbal'noe obshchenie* [Communicative Competence, Speech Activity, Verbal Communication]. Moscow: Ekspres-Press.
14. Passov, E.I. (2010) *Osnovy kommunikativnoy teorii i tekhnologii inoyazychnogo obrazovaniya* [Fundamentals of Communicative Theory and Technology of Foreign Language Education]. Moscow: Russkiy yazyk. Kursy.
15. Safonova, V.V. (2018) Lingvokul'turnaya mediatsiya kak strategicheskoe obshcheevropeyskoe napravlenie v razvitiy sovremennogo yazykovogo obrazovaniya [Linguistic and cultural mediation as a strategic pan-European direction in the development of modern language education]. In: *Yazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikatsiya* [Language. Culture. Translation. Communication]. Moscow: KDU; Dobrosvet. pp. 179–183.
16. Obdalova, O.A. (2015) Modelling Conditions for Students' Communication Skills Development by Means of Modern Educational Environment. In: Al-Mahrooqi, R. & Denman, Ch. (eds) *Bridging the Gap between Education and Employment: English Language Instruction in EFL Contexts*. Vol. 198. Peter Lang. pp. 73–89. doi: 10.3726/978-3-0351-0842-2
17. Ladisov, A.I. & Mosunova, N.I. (2011) Mezhyazykovye i mezhkul'turnye treniny v prepodavanii inostrannykh yazykov studentam-perevodchikam [Interlanguage and intercultural trainings in teaching foreign languages to students-translators]. *Innovatsionnye obrazovatel'nye tekhnologii*. 4. pp. 52–58.
18. Gal'skova, N.D. & Gez, N.I. (2005) *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam: Lingvodidaktika i metodika* [Theory of Teaching Foreign Languages: Linguodidactics and methodology]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Akademiya".
19. Rakhmanov, I.V. (1980) *Obuchenie ustnoy rechi na inostrannom yazyke* [Teaching Oral Speech in a Foreign Language]. Moscow: Vysshaya shkola.
20. Obdalova, O.A., Minakova, L.Yu. & Soboleva, A.V. (2017) A study of the role of the context in the adequacy of the representation of foreign speech in indirect communication. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 40. pp. 93–106. (In Russian). doi: 10.17223/19996195/40/7
21. Obdalova, O.A., Minakova, L.Yu. & Soboleva, A.V. (2016) The study of the role of context in sociocultural discourse interpretation through the discursive-cognitive approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 413. pp. 38–45. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/413/6

22. Belenkova, N.M. & Atabekova, A.A. (2010) *Kommunikativnyy trening formirovaniya inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentsi i studentov v raznouronovnoy polikul'turnoy uchebnoy gruppe* [Communicative Training for the Formation of Foreign Language Communicative Competence and Students in a Multi-Level Multicultural Study Group]. Moscow: RUDN.
23. Stepanova, M.M. (2020) [Levels of methodological competence of a foreign language teacher and their evaluation]. *Aksiologiya inoyazychnogo obrazovaniya v kontekste podgotovki pedagoga budushchego* [Axiology of Foreign Language Education in the Context of Teacher Training of the Future]. Proceedings of the International Forum. Moscow. 6–7 December 2019. Moscow: Moscow State Pedagogical University. pp. 219–227. (In Russian).
24. Obdalova, O.A. (2004) [Implementation of a communicative approach in teaching foreign languages]. *Yazyk i kul'tura v evraziyskom prostranstve* [Language and Culture in the Eurasian Space]. Proceedings of the 17th International Conference. Vol. 2. Tomsk. 19–21 April 2004. Tomsk: Tomsk State University. pp. 371–380. (In Russian).
25. Obdalova, O.A. & Minakova, L.Yu. (2013) Interconnection of cognitive and communicative aspects in teaching foreign language discourse. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 7-1 (25). pp. 148–153. (In Russian).
26. Obdalova, O.A., Minakova, L.Yu. & Soboleva, A.V. (2017) Discourse as a unit of communicative and cognitive processes in interaction between the representatives of different linguocultures. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 37. pp. 205–228. (In Russian). doi: 10.17223/19996195/37/14
27. Soboleva, A.V. & Obdalova, O.A. (2015) Cognitive readiness for intercultural communication as an essential component of intercultural competence. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 1 (29). pp. 146–155. (In Russian). doi: 10.17223/19996195/29/16
28. Kecskes, I. et al. (2018) A study of the perception of situation-bound utterances as culture-specific pragmatic units by Russian learners of English. *System*. 76. pp. 219–232. doi: 10.1016/j.system.2018.06.002
29. Obdalova, O.A. (2010) [Some aspects of the use of the information educational environment in teaching a foreign language]. *Informatizatsiya obrazovaniya 2010: pedagogicheskie aspekty sozdaniya informatsionno-obrazovatel'noy sredy* [Informatization of education – 2010: Pedagogical aspects of the development of information educational environment]. Proceedings of the International Conference. Minsk. 27–30 October 2010. Minsk: Belarusian State University. pp. 365–369. (In Russian).
30. Obdalova, O.A. (2009) Peculiarities of the new pedagogical educational environment when teaching foreign languages. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 322. pp. 207–211. (In Russian).
31. Öztürk, T. (2005) *Gökkuşuğu Türkçe Ders Kitabı*. İstanbul: DiLSET.

Информация об авторах:

Чам М.Ф. – преподаватель, аспирант кафедры английского языка естественнонаучных и физико-математических факультетов Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск, Россия). E-mail: muhammed.fatih.camm@gmail.com

Минакова Л.Ю. – канд. пед. наук, доцент кафедры английского языка естественнонаучных и физико-математических факультетов Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск, Россия). E-mail: ludmila_jurievna@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.F. Cam, postgraduate student, lecturer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: muhammed.fatih.camm@gmail.com

L.Yu. Minakova, Cand. Sci. (Pedagogy), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ludmila_jurievna@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.09.2021;
одобрена после рецензирования 25.11.2021; принята к публикации 28.03.2022.

The article was submitted 10.09.2021;
approved after reviewing 25.11.2021; accepted for publication 28.03.2022.

ПРАВО

Научная статья
УДК 343
doi: 10.17223/15617793/476/24

Проблемы законодательного конструирования уголовно-правовых норм, направленных на защиту объектов топливно-энергетической инфраструктуры Российской Федерации

Максим Викторович Бавсун¹

¹Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, kafedramvd@mail.ru

Аннотация. Формулируются проблемы, связанные с законодательным конструированием уголовно-правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам либо приведение их в негодность. Продемонстрирована внутренняя рассогласованность и противоречивость предписаний ст. 215³ Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), связанная с чрезмерной перегруженностью и принципиальной несовместимостью признаков состава преступления в рамках одной нормы УК РФ. Сформированы предложения по изменению редакции ст. 215³ УК РФ и других норм уголовного закона.

Ключевые слова: преступные последствия, нефтепровод, незаконное подключение, уголовная ответственность, аналогия

Для цитирования: Бавсун М.В. Проблемы законодательного конструирования уголовно-правовых норм, направленных на защиту объектов топливно-энергетической инфраструктуры Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 220–224. doi: 10.17223/15617793/476/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/24

Problems of the legislative design of criminal law norms aimed at protecting fuel and energy infrastructure facilities of the Russian Federation

Maksim V. Bavsun¹

¹Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, kafedramvd@mail.ru

Abstract. Within the framework of the article, the author formulates problems associated with the legislative design of criminal law norms that provide for criminal liability for unauthorized connection to oil pipelines, oil product pipelines, and gas pipelines, or for making them unusable. The aim of the article was to develop and formulate approaches to the elimination of legal conflicts arising from the incorrect formulation of criminal law norms and to improve the practice of applying the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, provided for by Art. 215³ of the Criminal Code of the Russian Federation. The article is based on the doctrinal provisions of the science of criminal law concerning the legal technique of designing criminal law norms, as well as materials of law enforcement practice. As a result of the study, the author demonstrates an internal inconsistency in the prescriptions of Art. 215³ of the Criminal Code of the Russian Federation, associated with excessive overload and fundamental incompatibility of signs of corpus delicti within the framework of one norm of the Criminal Code of the Russian Federation. In particular, mandatory signs of a particularly qualifying corpus delicti must include a special subject, a person subjected to administrative punishment for a similar act, and consequences, in the form of disruption of the normal operation of the oil pipeline and selfish or hooligan motives in the perpetrator's behavior. Thus, it is impossible to apply the provisions in practice without violating the principle of legality and using the analogy of criminal law. The author states that in many ways the nature of the origin of the problems that we have to speak about more and more often are constant questions about the competition between general and specific norms, and, if these questions are undecidable, we have to speak about the widespread use of the banned analogy. The conclusions of the study are: the author's proposals on amending Art. 215³ of the Criminal Code of the Russian Federation and other norms of the criminal law; an indication of the need to eliminate unnecessary duplication of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation and to create more and more highly specialized special norms that compete with general criminal law prohibitions. In addition, the ways of changing approaches to the qualification of these acts have been identified; these ways allow for a consistent counteraction to negative socially dangerous acts and respect for the interests and rights of citizens.

Keywords: criminal consequences, oil pipeline, illegal connection, criminal liability, analogy

For citation: Bavsun, M.V. (2022) Problems of the legislative design of criminal law norms aimed at protecting fuel and energy infrastructure facilities of the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 220–224. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/24

Отмеченная в заголовке работы законодательная конструкция представляет собой по-настоящему уникальное явление, демонстрирующее крайне сложный законодательный продукт. В особенности это касается ч. 5 ст. 215³ УК РФ, привлечение к уголовной ответственности по которой в сочетании с ч. 3 этой же статьи становится возможным лишь при наличии принципиально отличающихся друг от друга последствий (или даже потенциальной возможности их наступления), указанных в законе, наряду с мотивационной деятельностью виновного (корыстные или хулиганские побуждения, ч. 3 ст. 215³ УК РФ). В итоге для привлечения лица к ответственности, во-первых, необходимо установить факт разрушения, повреждения или приведения иным способом в негодное для эксплуатации состояние нефтепроводов; во-вторых, перечисленные действия, причиняющие при этом самостоятельные последствия, должны дополнительно повлечь за собой нарушение нормальной работы указанных в статье объектов инфраструктуры или даже только создать угрозу нарушения их функционирования; в-третьих, согласно ч. 5 этой статьи, которая применима в том числе и в сочетании с ч. 3, должны наступить последствия в виде смерти или иных тяжких последствий; в-четвертых, все перечисленные последствия (в обеих частях статьи) должны быть объединены корыстным или хулиганским мотивом. Соответственно, любой другой мотив, даже при наличии всех последствий, указанных в обеих частях статьи, исключает уголовную ответственность как по ч. 3, так и по ч. 5 ст. 215³ УК РФ, делая бесполезным сам факт существования нормы в таком ее изложении. Вполне естественно, что сочетание различных по своей сути последствий (а также возможность их отсутствия, что добавляет свои особенности в уголовно-правовую оценку данного преступления) с совершенно разрозненными мотивами, каждый из которых вызывает самостоятельные вопросы как в доктрине, так и в практической деятельности, не может не создавать дополнительные сложности в применении исследуемой статьи¹ [1. С. 127–128].

Впрочем, пик противоречивости приходится даже не на перечисленные выше условия (и их несовместимость) применения исследуемой нормы, а на принципиальную неспособность сосуществования в рамках квалификации ч. 5 с ч. 1 одной и той же статьи (ст. 215³ УК РФ). Дело в том, что обязательным требованием диспозиции статьи является совершение данного преступления лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, и только оно может быть привлечено к ответственности по ч. 5 статьи по признаку наступления одного из последствий. Соответственно, если будет осуществлено самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам или газопроводам, при этом по

неосторожности будет причинена смерть другому человеку, однако сам виновный ранее не был привлечен к административной ответственности за аналогичное деяние, то реализация уголовной ответственности в его отношении становится невозможной по специально созданному для этого положению уголовного закона. Нарушается одно из обязательных и незыблемых правил о конкуренции норм, закрепленное в ч. 3 ст. 17 УК РФ. Скорее всего, в ситуациях подобного рода будет подбираться аналогичная статья как, например, соответствующая часть ст. 109 УК РФ или что-то другое, максимально близкое в соответствии с конкретными обстоятельствами отдельно взятого события (соответствующие части ст. 247, 250, 252, 254 УК РФ и др.), но только не ч. 5 исследуемой статьи. Юридическая оценка содеянного по ее признакам, в связи с несочетаемостью обязательных условий применения диспозиции нормы с последствиями, указанными в числе особо квалифицирующих обстоятельств, исключается априори, делая невозможным формирование даже минимальной практики применения ч. 5 ст. 215³ УК РФ.

Собственно, отсюда и статистические показатели, которые начиная с момента появления нормы в июле 2018 г. и по сегодняшний день применительно к ч. 5 ст. 215³ УК РФ являются нулевыми. Именно об этом свидетельствует анализ форм статистической отчетности Судебного департамента Российской Федерации. В частности, форма 10-а «Отчет о числе всех осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации», а также форма 10-1 «О числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания» – «пустые», что не просто констатирует сам факт отсутствия лиц, привлеченных и осужденных по исследуемой норме, а косвенно указывает на причины нулевого баланса деятельности правоприменителя в данной части², которые лежат в плоскости юридической техники, требующей определенной корректировки. Все это позволяет вести речь не о высокой превентивной роли данного положения закона, обеспечивающей такую статистику, а о мертворожденности тех изменений, которые произошли в 2018 г. и которые, собственно, и лежат в основе такого состояния дел в данном направлении.

На этом фоне вполне логичными видятся предложения, высказываемые в современной уголовно-правовой доктрине, относительно возможных вариантов корректировки данного законодательного предписания. В частности, А.И. Приходько совершенно справедливо указывает на необходимость упрощения уже самой диспозиции статьи, что вполне возможно за счет исключения из нее мотивов данного посяательства. Также автором предлагается исключить указание на то, что названные в диспозиции деяния по-

влекли или могли повлечь нарушение нормального функционирования, поскольку любое несанкционированное вмешательство в работу объекта топливно-энергетического комплекса (ТЭК) нарушает его штатный режим работы³ [2. С. 10]. Не вдаваясь в детали высказываемых предложений, лишь отметим, что все они направлены на упрощение конструкции, а это сегодня жизненно необходимо как для статьи в целом, так и для ее части пятой в особенности. Подобные изменения требуются для повышения эффективности противодействия, безусловно, опасному и достаточно распространенному явлению в структуре современной преступности. Более того, на фоне все возрастающих угроз в отмеченном направлении, дополнительные сложности в правовом регулировании лишь усугубляют ситуацию, не позволяя использовать ни предупредительный, ни карательный потенциал уголовного законодательства Российской Федерации.

Особенно это важно на фоне того, что фактические данные о состоянии преступности в исследуемой сфере указывают на возрастающую потребность в принятии и реализации срочных мер, к коим относятся и совершенствование (в данном случае упрощение) законодательной техники. Так, Росфинмониторингом отмечается сохранение высокого уровня угроз именно в топливно-энергетическом комплексе. Причем эти угрозы не ограничиваются собственно хищениями, а выступают в роли основы для криминализации значительно больших групп общественных отношений. В частности, указывается на провоцирующую роль теневых оборотов в топливно-энергетической сфере для коррупционных проявлений, влияние организованных преступных групп на функционирование субъектов ТЭК, совершение налоговых преступлений, нарушение таможенного законодательства, вывод денежных средств предприятий ТЭК за рубеж, хищение бюджетных средств, выделяемых на реализацию федеральных целевых программ и крупных государственных контрактов, и многое другое⁴. При этом прямой ущерб от собственно хищений в топливно-энергетическом комплексе в одном только Северо-Западном федеральном округе Российской Федерации и только лишь в одном 2020 г. составил 1,6 млрд руб.⁵. Как общий итог – это криминализация всей отрасли, тянущей за собой смежные направления экономической (и не только) деятельности. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за последние 2,5 года вскрыто свыше 55 тыс. нарушений в исследуемой сфере. В суды направлено около 5 тыс. исков и заявлений, привлечено к дисциплинарной и административной ответственности свыше 15 тыс. лиц, расследовано более 1,5 тыс. уголовных дел о преступлениях в сфере ТЭК в отношении порядка 2 тыс. лиц⁶.

Аналогичные данные приводятся и по Северному Кавказу, а также по другим регионам страны, для которых нефтегазодобыча является одним из направлений экономической деятельности. Так, сумма ущерба от преступлений в сфере топливно-энергетического комплекса в Северокавказском регионе только в

2019 г. превысила 2,3 млрд руб.⁷. Речь, безусловно, идет лишь о фактически установленной сумме, при этом о потенциальных суммах ущерба, который был причинен в результате латентных преступлений, никто даже не рассуждает, так как определить его объем просто невозможно.

Вполне естественно, что противодействие столько масштабному для нашей страны негативному явлению при не просто сложном, а с серьезными внутренними противоречиями законодательстве если и не невозможно, то существенно затруднено. Следует отметить, что с высокой степенью актуальности упрощения законодательной конструкции ч. 5 ст. 215³ УК РФ согласились и практические работники из числа следователей Следственного комитета Российской Федерации, в чью подследственность, согласно ст. 151 УПК РФ, входит расследование преступлений, предусмотренных данной частью указанной статьи. Так, по результатам анкетирования 72 следователей данного ведомства в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области, а также в г. Омске и Омской области, проведенного в 2021 г., подавляющее большинство (92,5%) высказались за необходимость изменения ч. 1 ст. ст. 215³ УК РФ, которое должно произойти по пути исключения из ее диспозиции указания на предыдущее привлечение к административной ответственности за аналогичное деяние. Именно такая корректировка позволит применять квалифицированные составы данной статьи и ее часть пятую в частности⁸. Остальная часть специалистов в ходе анкетирования не высказали однозначной позиции по исследуемому вопросу.

И дело в данном случае не только в несовместимости обязательных условий, указанных в первой и пятой частях одной и той же статьи УК РФ, а в самостоятельной общественной опасности тех последствий, которые указаны законодателем в ч. 5 ст. ст. 215³ УК РФ. Для привлечения к уголовной ответственности при их фиксации не должно требоваться каких-либо дополнительных условий за исключением собственно противоправного деяния, описание которого находит соответствующее выражение в диспозиции нормы. Более того, для настоящего уголовного закона именно такой подход является характерным, а выход за него – нетипичным, противоречащим не только логике изложения материала, но и в целом принципу формирования статей УК РФ. Так, если посмотреть на аналогичные нормы уголовного законодательства, в которых используются последствия в виде наступления смерти по неосторожности или иные тяжкие последствия (например, ч. 2 ст. 215, ч. 2–5 ст. 267, п. «в» ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 127 УК РФ и др.), то видно, что связь между деяниями, описание которых происходит в диспозиции нормы, и последствиями, отраженными в квалифицированных составах, является непосредственной. Дополнительные условия для квалификации в виде административной преюдиции, как правило, не требуется либо таковая может быть в диспозиции нормы, но при этом выделяться в качестве самостоятельного состава. Соответственно последствия, выступающие сейчас в ролиотягчающих обстоя-

ств, должны стать составообразующими, пусть даже и в рамках второй и последующих частей статьи. В противном случае при сложившемся подходе, во-первых, данная законодательная конструкция по-прежнему будет неприменимой, а во-вторых, также будет провоцироваться аналогия уголовного закона, неизбежность которой не вызывает сомнений, несмотря на ее прямой запрет в ч. 2 ст. 3 УК РФ. Фактически она уже существует. В дальнейшем рост случаев ее применения просто получит соответствующим образом выраженную тенденцию.

В свою очередь такое положение дел вынуждает задуматься о целесообразности самого факта существования нормы, предусмотренной ст. 215³ УК РФ. Способность государства защитить данную сферу общественных отношений при отсутствии исследуемого положения уголовного закона представляется очевидной. Для этого сегодня есть весь спектр уголовно-правовых норм, необходимых для реализации уголовной ответственности за исследуемое деяние, суть которого сводится либо к хищению, либо к одному из перечисленных в различных частях статьи последствий. И те и другие в отечественном Уголовном кодексе предусмотрены, а собственно врезка в нефтепроводы может выступать в качествеотягающих их обстоятельств, что отчасти уже сейчас находит соответствующее выражение в отдельных положениях уголовного закона (например, п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ). С юридико-технической точки зрения предусмотреть квалифицирующие признаки в статьях, регламентирующих ответственность за блок «экологических преступлений», не составляет труда⁹. Более того, реализация данного подхода позволит привести в соответствие объект уголовно-правовой охраны, который при нынешнем положении вещей размыт за счет того, что лишен конкретики, определяемой характером причиняемого ущерба. В итоге мы изначально имеем искусственное образование, помещенное законодателем в главу «Преступления против общественной безопасности», последствия от которого в целом к нарушению таковой никакого отношения не имеют. И здесь как никогда полезным представляется зарубежный опыт правовой регламентации данного вопроса, который полностью подтверждает высказанное предположение. Так, В.В. Алиадзе, А.Г. Волеводз и М.К. Татаринев в своем исследовании отмечают,

что «в уголовном законодательстве абсолютного большинства государств, участвующих в производстве, транспортировке, перераспределении энергоресурсов, нет такого понятия, как преступления в сфере ТЭК или энергетические преступления» [3. С. 98]. Весь блок объектов, регламентируемых законодательством зарубежных государств в рассматриваемом нами случае, сводится к трем основным аспектам: право собственности, энергетическая общественная безопасность, экологическая общественная безопасность (экологические преступления в сфере энергетики)¹⁰.

Реализованная за рубежом идея, безусловно, не лишена своего смысла и, что самое главное, логического законодательного выражения. Ее претворение в жизнь позволяет, во-первых, акцентировать внимание уголовного законодательства в данной части на охрану не просто общественной безопасности как максимально широкого явления, а именно его определенной части, что немаловажно для усиления уголовно-правовой охраны данной группы общественных отношений; во-вторых, обеспечить экономию законодательного материала, профилирование которого в отечественном правовом регулировании уже давно стала неким постоянно восходящим и неуправляемым трендом. Собственно, во многом и природа происхождения тех проблем, о которых приходится вести речь все чаще, – это постоянные вопросы о конкуренции общих и специальных норм, а при их неразрешимости – повсеместное использование находящейся под запретом аналогии. В качестве третьего, очевидного для правовой регламентации данного вопроса в отечественном уголовном законодательстве позитивного аспекта, выступает фактор снятия уже накопившихся проблем в конструировании, а соответственно, и применении непосредственно ст. 215³ УК РФ.

Обеспечение каждого из отмеченных аспектов зависит от выбора направления совершенствования, которое может быть сведено к трансформации самого предписания либо в целом подхода к уголовно-правовому регулированию ответственности за исследуемое деяние. В то же время каждый из них имеет право на самостоятельное существование и, что самое главное, реализацию, позволив при этом создать необходимые предпосылки для более эффективного противодействия исследуемому явлению негативного характера.

Примечания

¹ Так, А.С. Туманов совершенно справедливо отмечает, что наличие корыстного мотива при совершении действий, указанных в ч. 3 ст. 215³ УК РФ, неизбежно уводит нас в направлении п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, заставляя делать выбор либо вынуждая квалифицировать по совокупности преступлений. Однако здесь возникает вопрос, обоснованность которого не вызывает сомнений: как мы можем дважды при совершении одного действия вменять лицу один и тот же, в данном случае – корыстный, мотив? Хотя нельзя не отметить, что судебная практика нередко идет именно по этому пути. См.: Бюллетень судебной практики Московского областного суда за второе полугодие 2020 г. Красноярск, 2021. Извлечение из апелляционного определения от 3 декабря 2020 г. по делу № 22-6675/2020. URL: https://www.mosoblsud.ru/ss_detale.php?id=150473.

Не менее спорной является ситуация и с хулиганским побуждением, которое применительно к данному составу выглядит как искусственное и нежизнеспособное образование, имеющее, тем не менее, статус одного из обязательных условий квалификации по ч. 5 исследуемой статьи. См. об этом более подробно [1].

² См.: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5669>; URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5259>; URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=4894>.

³ См. об этом более подробно: [2]. Важно отметить, что данная работа была защищена (а соответственно, и готовилась) до появления в конструкции ст. 215³ УК РФ части пятой, т.е. до ее дополнительного усложнения за счет включения в конструкцию новых и часто несочетаемых признаков. Дело в том, что до июля 2018 г., когда произошла законодательная трансформация в данной части, применение

исследуемой статьи уже сталкивалось с серьезными проблемами, обусловленными именно особенностями законодательной техники исследуемого предписания.

⁴ Федеральная служба по финансовому мониторингу. URL: <https://www.fedsfm.ru/content/files/documents/2020/отчет%2019.pdf>

⁵ См.: Патрушев посетовал на высокий уровень преступности в ТЭК на северо-западе РФ. URL: <https://www.interfax.ru/russia/712474>

⁶ См.: В Генпрокуратуре призвали очистить российский ТЭК от воровства и коррупции. URL: <https://www.interfax.ru/business/677087>

⁷ См. об этом более подробно: URL: <https://tass.ru/v-strane/7654405>; URL: <https://journals.eco-vector.com/byusu/article/view/61600/44671>; Ущерб «Транснефти» от криминальных врезок в 2020 году превысил 600 млн рублей. URL: <https://www.transneft.ru/pressReleases/view/id/13131/>

⁸ Следует отметить, что абсолютное большинство респондентов не расследовали уголовных дел не только по ч. 5 ст. 215³ УК РФ, но и по любой другой части данной статьи. Выбор категории анкетируемых осуществлялся по критерию подследственности.

⁹ Например, загрязнение атмосферы (ст. 251 УК РФ) или загрязнение морской среды (ст. 252 УК РФ) и др. в результате самовольного подключения к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам либо приведения их в негодность.

¹⁰ См.: [З. С. 100–101].

Список источников

1. Туманов А.С. Квалификация кражи из трубопровода, сопряженной с приведением его в негодное состояние // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 1. С. 127–128.
2. Приходько А.И. Уголовно-правовая характеристика посягательств на объекты топливно-энергетического комплекса (ТЭК) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
3. Алиадзе В.В., Волеводз А.Г., Татаринов М.К. Правовая безопасность в сфере топливно-энергетического комплекса: постановка проблемы // SOCAR Proceedings. 2019. № 3.

References

1. Tumanov, A.S. (2021) Qualification of theft from a pipeline associated with bringing it into a state of disrepair. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta – Juridical Journal of Samara University*. 1 (7). pp. 127–128. (In Russian). DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-1-126-130
2. Prikhod'ko, A.I. (2018) *Ugolovno-pravovaya kharakteristika posyagatel'stv na ob'ekty toplivno-energeticheskogo kompleksa (TEK)* [Criminal and legal characteristics of encroachments on objects of the fuel and energy complex (TEK)]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
3. Aliadze, V.V., Volevodz, A.G. & Tatarinov, M.K. (2019) Legal security in fuel and energy complex: statement of problem. *Nauchnyye Trudy NIPi NEFTEGAZ GNKAR – SOCAR Proceedings*. 3. (In Russian). DOI: 10.5510/OGP20190300403

Информация об авторе:

Бавсун М.В. — д-р юрид. наук, зам. начальника по научной работе Санкт-Петербургского университета МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия). E-mail: kafedramvd@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.V. Bavsun, Dr. Sci. (Law), deputy head for research affairs, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: kafedramvd@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.09.2021;
одобрена после рецензирования 06.12.2021; принята к публикации 28.03.2022.

The article was submitted 27.09.2021;
approved after reviewing 06.12.2021; accepted for publication 28.03.2022.

Научная статья
УДК 342.71
doi: 10.17223/15617793/476/25

Защита права мигрантов на семейную жизнь в странах Северной Европы

Андрей Викторович Безруков^{1, 2, 3}, Илья Саматович Иксанов⁴,
Анастасия Александровна Исаева⁵, Алина Павловна Федорова⁶

¹ Академия управления МВД России, Москва, Россия

² Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

³ Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

⁴ Департамент правового регулирования экономической деятельности Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

⁵ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

⁶ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

^{1, 2, 3} abezrukov@bk.ru

⁴ isiu@mail.ru

⁵ tess@mail2000.ru

⁶ jurfak@fa.ru

Аннотация. Рассмотрена миграционная политика и закрепление на законодательном уровне права иностранных граждан на защиту и уважение семейной жизни в государствах Северной Европы. Особое внимание уделяется Швеции и Финляндии. Анализируется правоприменительная практика, связанная с охраной и защитой прав иностранных семей с детьми на международном уровне. Сделан вывод о том, что приоритет должен отдаваться поиску путей сотрудничества между национальным и международным законодательствами.

Ключевые слова: миграционная политика, мигранты, защита прав детей, ювенальная юстиция

Для цитирования: Безруков А.В., Иксанов И.С., Исаева А.А., Федорова А.П. Защита права мигрантов на семейную жизнь в странах Северной Европы // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 225–232. doi: 10.17223/15617793/476/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/25

Protecting migrants' right to family life in the Nordic countries

Andrey V. Bezrukov^{1, 2, 3}, Ilya S. Iksanov⁴, Anastasia A. Isaeva⁵, Alina P. Fedorova⁶

¹ Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

² Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

³ South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

⁴ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

⁵ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

⁶ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract. In this study, the authors refer to the migration policy of the Nordic countries and the consolidation in them at the legislative level of the right of foreign citizens to protect and respect family life. The issue under consideration is extremely relevant in this period of time, since there are problems generated by the Scandinavian juvenile justice that are directly related to the systematic violation of the rights of foreign citizens. The novelty of the article lies in the fact that it analyzes judicial practice, as well as decisions of international bodies, in particular the European Court of Human Rights, that reflect the specifics of juvenile justice in the states under consideration. The aim of the study is to carry out a comparative analysis of the legislation of Northern Europe and the decisions of the European Court of Human Rights in specific cases in the field of protection of the rights of foreign citizens. The study is based on the theoretical material of the works of Russian authors (M.A. Mogunova, E.A. Orlova, N.S. Plevako, O.V. Chernysheva, et al.), the national legislation and international legal acts and decisions. The article analyzes the law enforcement practice of the European Court of Human Rights, which reflects the main principles that make up the objective opinion of this body, taking into account the main provisions of international legal documents, including the norms of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, the Convention on the Rights of the Child, the Hague Convention Abolishing the Requirement for Legalization of Foreign Public Documents. The methodological basis of the research was the dialectical, comparative legal and formal legal methods. In particular, the use of the dialectical method contributed to the study of legislation that enshrines the rights of foreign citizens to protect and respect family life in the states of Northern Europe. The use of comparative legal and formal legal methods helped to identify trends in the development of legislation on citizenship and the legal status of foreign citizens in the states of Northern Europe. As a result, the authors note a tendency for the authorities of

some Scandinavian states to revise their attitude towards children from foreign and mixed families, which is happening under, among other reasons, the “pressure” of international bodies specializing in the protection of individual rights and freedoms. Special instructions are being introduced that explain to guardianship officials the need to cooperate with the immigration authorities if the officials are considering children’s documents, and the need to react to requests from foreign authorities (in particular, embassies). Employees of the Scandinavian guardianship services should facilitate the establishment of contact between the family and the embassy of the state with which they have expressed a desire to contact for one reason or another.

Keywords: migration policy, migrants, protection of children’s rights, juvenile justice

For citation: Bezrukov, A.V., Iksanov, I.S., Isaeva, A.A. & Fedorova, A.P. (2022) Protecting migrants’ right to family life in the Nordic countries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 225–232. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/26

На протяжении всего исторического периода каждая из стран Скандинавии развивалась обособленно, в качестве однородного общества. Однако в связи с массовой иммиграцией названные государства стали этническими и многокультурными.

На современном этапе политика государств Северной Европы в отношении иммигрантов базируется на принципах равенства в правах и обязанностях между коренными жителями и иммигрантами, на свободе культурного выбора и, самое главное, на принципе сотрудничества между гражданами данных стран и иммигрантами, на взаимной терпимости и уважении. Однако стоит отметить, что данные принципы существуют лишь в теории. Так, введение в Швеции в 1996 г. поста омбудсмана по борьбе с этнической дискриминацией демонстрирует, что с соблюдением данных принципов как в Швеции, так и в остальных скандинавских странах все обстоит не так благополучно [1. С. 17]. Несмотря на то что государство предпринимает значительные меры для поддержки иностранных граждан, например, предоставляет иммигрантам недорогое коммунальное жилье [2], не возникает их интеграции в шведское общество с его законами и традициями. Достаточно сложно получить работу даже тем иммигрантам, которые владеют шведским языком. В последнее время многие факторы, одним из которых является повышение уровня безработицы, вызывают у шведов желание не принимать «приезжих». Однако пополнение населения иммигрантами за счет стран восточно-европейского и постсоветского пространства не дает оснований шведам для негативного отношения к ним.

В европейском праве как иностранцев рассматривают граждан третьих стран, а граждан Союза, в случае реализации ими собственного права на свободу передвижения, а также права на самостоятельный выбор места жительства, фактически приравнивают по правовому положению к гражданам государства пребывания. Причем выбор гражданами государств, которые состоят в Европейском Союзе, места жительства на его территории рассматривают с точки зрения реализации их прав, а не с точки зрения вопросов миграционной политики.

Говоря о миграционной политике, стоит упомянуть Амстердамский договор, вступивший в силу 1 мая 1999 г. [3]. Он внес на наднациональном уровне некоторые изменения в регламентацию миграционной политики. В рамках данного договора была выдвинута задача по становлению Европейского союза, куда

также входят государства Северной Европы, а именно Дания, Финляндия, Швеция, как зоны свободы, справедливости и безопасности. В настоящий момент в Договоре о Европейском сообществе содержится специальный раздел IV, который посвящен визовой политике, предоставлению убежища, иммиграционной политике и остальным направлениям политики, которые связаны со свободой передвижения лиц. Согласно положениям данного раздела, Совету было предписано на протяжении пяти лет после вступления в действие Амстердамского договора заниматься разработкой мер, которые бы определяли условия въезда и пребывания, выдачи долгосрочных виз и вида на жительство [4].

В 1985 г. Комиссией Европейского союза было издано Решение 85/381, в рамках которого вводилась процедура консультаций, предварительного уведомления о миграционной политике в отношении тех государств, которые не входили в состав Сообщества, а также необходимость учитывать общую политику и меры, которые предпринимаются в рамках Сообщества [5. С. 18]. Вопросы, представляющие общий интерес для государств-членов, в частности такие, как политика в отношении предоставления убежища, правила по регулированию пересечения внешних границ государств – членов Сообщества и реализация контроля, вопросы иммиграционной политики и политики в отношении граждан третьих стран, рассмотрены в рамках Маастрихтского договора [6. С. 18].

Государства вправе самостоятельно определять условия для допуска иностранных граждан на собственную территорию и также определять приоритеты иммиграционной политики согласно общим принципам международного права.

Обратимся к шведскому закону «О статусе иностранцев», принятому в 1989 г. В нем указано, что иностранные граждане, не относящиеся к категории лиц, получающих в Швеции убежище, должны получить специальное разрешение, т.е. вид на временное либо постоянное проживание [1. С. 17]. В этой связи стоит подчеркнуть, что право на убежище не предоставляется лицам, приезжающим по экономическим, а также социальным причинам. Данным правом не обладают граждане Российской Федерации, которая признается государством с демократической системой правления.

Такой фактор, как владение недвижимостью, также не дает безусловного права получить вид на жительство в Швеции. Для того чтобы получить данное раз-

решение, гражданину необходимо в своем государстве в посольство либо консульское учреждение Швеции представить письменное заявление, приглашение гражданина Швеции или же работодателя, если речь идет о трудовой деятельности, согласно специальной форме, которая утверждена Государственным управлением рынка труда и по согласованию данного процесса с местным советом по рынку труда. Разрешение на въезд будет дано в случае, если в Швеции существует потребность в работе по определенной специальности и нет других претендентов на данное место. Максимальный срок пребывания будет составлять четыре года. Виза дается на тот же срок и членам семьи иммигранта. Указанные лица получают вид на жительство в пределах такого же срока [1. С. 17; 7. С. 18].

По причине высокого уровня безработицы у данных государств нет особой необходимости в реализации экономической деятельности на их территории иностранными гражданами. В пояснительной записке к Докладу Комитета по гражданским свободам, юстиции и внутренним делам Европейского парламента содержатся значимые критерии: уровень образования, профессиональная квалификация и стаж работы, присутствие трудовых отношений, знание языка и семейные связи мигранта. Предпочтения Европейского союза содержатся в одной из Директив, которая предусматривает специфические условия въезда и пребывания, а также использование «синей карты» для этих лиц [8. С. 17].

Нет необходимости в получении вида на жительство для целей, связанных с работой или учебой, жителями других стран Северной Европы, у которых существует возможность свободно въезжать в Швецию, а также выезжать из нее в безвизовом порядке. Они также имеют право на образование, социальное обеспечение, право на осуществление трудовой деятельности без соблюдения тех условий, которые требуются от других иммигрантов. Следовательно, для граждан Российской Федерации в подобных случаях необходимо получение визы.

После того как иностранный гражданин прожил на постоянной основе в Швеции более пяти лет, он вправе рассчитывать на получение шведского гражданства, но лишь при условии закрепления за ним хорошей репутации и ведения респектабельного образа жизни. В наличии у иностранного гражданина должны быть доказательства того, что он обладает имуществом или какими-либо средствами, сопоставимыми по уровню жизни среднестатистического шведа. Кроме того, он не должен совершать деяния, которые противоречат нормативно-правовым актам, принятым в государстве. В случае наличия мотивов, связанных с публичной политикой, общественной безопасностью или охраной здоровья, могут быть введены ограничения на въезд и проживание, соответствующие принципу соразмерности и основанные на поведении лица. За совершение преступления иностранца могут также выслать из страны. Решения о высылке из государства не могут приниматься в отношении граждан, которые прожили в странах Скандинавии, состоящих в Европейском союзе более 10 лет, а также в отношении несовершеннолет-

них лиц, если это не обеспечивает их интересы. Данные вопросы решает Правительство по представлению Государственного управления по миграционной политике [1. С. 17].

Право граждан иностранных государств на равноценное обращение с гражданами государства пребывания устанавливается статьей 24 Директивы. Также в данном документе закрепляются случаи, при которых возможно отступление от указанного принципа [9. С. 17].

Иностранцам гражданам так же, как и гражданам Скандинавских государств, предоставляются экономические, правовые и организационные гарантии. Часть ученых включают в их число и идеологические гарантии. Для стран Северной Европы, обладающих высоким уровнем общей и правовой культуры, это наиболее принципиально. Говоря о понятии правового статуса иностранных граждан, отметим, что это не просто определенная совокупность прав, свобод и обязанностей личности, а целая система правовых норм, которые устанавливают права, свободы и обязанности иностранного гражданина. Для того чтобы личность могла их реализовывать, они должны быть закреплены в конституции. По мнению финских юристов Пекко Халлберга и Марины Яймя, «раньше было принято рассматривать основные права как сферу личности, свободную от действий органов власти, но в сегодняшнем государстве помимо сохранения повышения уровня свободы личности встречается стремление к расширению основной правовой защиты в сторону фактического равноправия, а также в сторону экономических, социальных и культурных прав» [7. С. 18]. Конституционные права являются важной частью правового государства. Юристы признают, что огромное и в какой-то степени решающее влияние на объем и содержание социально-экономических прав граждан оказывают экономические возможности стран на соответствующем этапе их развития. В силу этого на законодательном уровне закреплён лишь минимальный стандарт социальных прав. Экономические гарантии конституция также вывела за свои рамки, однако на практике они используются довольно широко. Страны Скандинавии характеризуются всеобщим благосостоянием, поэтому во многих правах иностранцы уравниваются с гражданами Швеции, особенно в личных (гражданских) и политических правах. Стоит упомянуть также социально-экономические права: как и в отношении шведских граждан, конституция содержит лишь нормы ограниченного перечня.

Страны Северной Европы занимают промежуточное положение между англосаксонской правовой системой, основанной на таком принципе «разрешено все, что не запрещено законом», и континентальной европейской системой. Конституционные акты в данных государствах достаточно детально определяют круг демократических свобод и прав, их перечень соответствует международно-правовым и европейским стандартам. Действие этих актов обеспечивает защиту прав и свобод различных категорий лиц.

Особую заботу граждане проявляют по отношению к здоровью, нравственному воспитанию и обра-

зованию младшего поколения. Согласно закону, дети не только имеют право, но также и обязаны получить общее среднее образование как в бесплатных государственных образовательных учреждениях, так и в частных. Система здравоохранения для младшего поколения также бесплатна. Родители получают помощь от государства на содержание детей до 12 лет. В случае необходимости семьи в помощи службы защиты ребенка ей назначается личный социальный работник. Во взаимодействии с семьей он разрабатывает определенный план поддержки: в нее включается семейная работа на дому, материальная помощь и при необходимости содействие в лечении.

В государствах Северной Европы в основе законодательства об охране детства лежат положения Конвенции ООН по правам ребенка, как определяющие меры социальной защиты детей, так и регламентирующие вопросы опеки над ними [10. С. 17]. Однако характерной чертой Скандинавии является запрет телесных наказаний детей в любом виде, закрепленный на законодательном уровне. При малейшем возникновении угрозы жизни или здоровью ребенка государство в лице работников социального обеспечения принимает меры для его ограждения от источника агрессии. Стоит отметить, что изъятие ребенка из родной семьи – это исключительная мера [11. С. 19]. Во всех случаях национальные органы должны иметь для ее применения достаточно веские основания. При этом более тщательный анализ определенной ситуации требуется, когда происходит ограничение права родителей на доступ к ребенку или вовсе лишение их родительских прав.

Целью законодателей является защита детей, которым в родной семье угрожает опасность. Однако социальные работники и судьи административных судов в последнее время часто используют законодательство в данной области волюнтаристски, применяя его в случаях, где очевидных и законных причин изымать ребенка из семьи нет [12. С. 18]. Они также искажают саму суть законодательства, решая с его помощью проблемы своих граждан: бездетные пары зачастую усыновляют детей, изъятых из семей иммигрантов, в том числе граждан Российской Федерации. Замещающие семьи в большинстве случаев имеют корыстные цели, пользуясь возможностью зарабатывать на приемных детях, получая крупные пособия за опеку над ребенком. Формулировка, используемая в законах, «или иные домашние обстоятельства», демонстрирует то, какая свобода толкования предоставляется органам опеки в вопросе изъятия детей.

В Скандинавских странах имеют место случаи, когда чиновники считают тех или иных родителей, к которым относятся семьи иммигрантов, неспособными исполнять свои обязанности. Также объектом повышенного внимания со стороны социальных работников становятся больные дети, дети-инвалиды и даже дети, отличающиеся низкой успеваемостью в школе [13. С. 18].

В этой связи необходимо отметить, что права детей рассматриваются в контексте прав лица, так как, согласно Конвенции, ребенок – формирующаяся лич-

ность. Правоприменительная практика Европейского Суда по правам человека, связанная с охраной и защитой прав ребенка, складывается вокруг характерных нарушений ст. 3 «О запрещении пыток», ст. 6 «Право на справедливое судебное разбирательство», ст. 8 «Право на уважение частной и семейной жизни», ст. 9 «Свобода мысли, совести и религии» и ст. 14 «Запрещение дискриминации» Конвенции о защите прав человека и основных свобод [14. С. 17]. На сегодняшний день отмечается бесчисленное количество жалоб и постановлений ЕСПЧ по проблемам, связанным с охраной прав и свобод детей.

Современная ювенальная юстиция – система законов, учреждений и организаций, осуществляющих правосудие по делам несовершеннолетних, – имеет глубокие корни в традициях стран Скандинавии [15. С. 18]. Особенно это касается Швеции. Комитет ООН, обеспокоенный значительным числом случаев изъятия детей из семей иностранных граждан и последующей передачей их в детские дома или приемные семьи, давно заинтересовался шведской ювенальной юстицией и порекомендовал властям Швеции сосредоточить все усилия на защите семьи как естественной для ребенка среды. Стоит назвать вопиющим поведение шведских органов опеки, которые, по мнению ряда судей Европейского Суда по правам человека, «едва ли не открыто высказывают неуважение к судам своей страны и Европейскому Суду» и «в своих действиях не обращают внимания на несомненную любовь родителей к своим детям» [12. С. 18].

Одним из подобных фактов, получивших общественную огласку, стала недавняя история российской семьи. В 2012 г. семья Дениса Лисова переехала на постоянное место жительства в Швецию, где спустя два года получила статус беженцев. После наступившей болезни жены органы ювенальной юстиции приняли решение о передаче детей в ливанскую семью, ссылаясь на то, что отец не сможет самостоятельно справиться с воспитанием детей. Несмотря на российское гражданство детей, государство «распорядилось» ими, совершенно не учитывая их мнения и желания воспитываться в родной семье. Более того, из-за постоянных переживаний у них возникли серьезные проблемы со здоровьем. Вследствие этого отец пошел на «крайние меры» и в 2019 г. выкрал детей из приемной мусульманской семьи, после чего был объявлен Швецией в международный розыск. Власти Польши предоставили россиянину убежище, отказав Швеции в его экстрадиции и отметив «безвыходное положение» Дениса Лисова. Данная ситуация вынудила сторону защиты семьи Лисовых обратиться для отстаивания своих прав в Европейский Суд по правам человека [16. С. 18].

Согласно статье 8 Конвенции, на внутренние органы власти налагается особое процессуальное обязательство для того, чтобы при рассмотрении заявления о возвращении ребенка суды имели возможность учитывать аргументированные утверждения об «очень серьезном риске» для него после возвращения и только после этого выносили решение, изложив конкретные причины [14. С. 17]. Говоря об «очень серьезном

риске», стоит отметить, что в данном контексте подразумевается исключение, предусмотренное статьей 13 Гаагской конвенции, применяющееся в ситуациях, в которых возвращение ребенка поставит его в «невыносимые условия» [17. С. 17].

Европейский Суд по правам человека признает права детей на принятие ими самостоятельного решения, когда вопрос стоит о том, нужно ли им сохранять отношения со своим биологическим родителем. Страсбургский суд в своих постановлениях неоднократно подчеркивал, что интересы ребенка первичны даже в отношении интересов родителей [18]. Обязанностью государства является принятие разумных мер в целях обеспечения права посещения, причем приоритетным при выборе средств является мнение ребенка.

В Финляндии, по сравнению с остальными государствами Северной Европы, выявлено наибольшее количество случаев с изъятием детей из семей, в которых хотя бы один из родителей имеет российское происхождение. Самый громкий и вопиющий случай произошел в 2012 г., когда финские органы опеки, подозревая гражданку Российской Федерации и её мужа, имеющего гражданство Судана, в физическом насилии по отношению к собственным детям, забрали у них четырех детей, в том числе новорожденного, и полностью ограничили к ним доступ [19. С. 18]. Суды Финляндии достаточно часто предпринимают чрезвычайные меры по взятию ребенка под опеку, пытаясь таким образом заставить семьи подчиняться воле властей. В данном случае семью обязали проживать под постоянным наблюдением в центре социальной реабилитации, тем самым нарушая их личные права. Финские правозащитники обратились в Европейский Суд по правам человека против власти Финляндии, которые, по их мнению, нарушили права человека, пренебрегая положениями Конвенции ООН о защите детей. Данный прецедент вызвал общественный резонанс, где многие также усмотрели признаки расовой дискриминации в отношении проживающих в Финляндии россиян.

За последние годы количество случаев принудительного разлучения родителей с детьми при участии российских семей возросло [13. С. 18]. Особенности законодательства Финляндии в области ювенальной юстиции лишь осложняют подобные ситуации. Отметим, что социальный работник единолично принимает решение об изъятии детей. Он вправе руководствоваться своим субъективным мнением. Согласно финским законам, отмена решения социального работника является исключительно компетенцией социальной службы. По этой причине доказать правомерность действий органов опеки достаточно сложно.

В связи с этим Европейский Суд по правам человека подчеркивает, что любого рода вмешательство во взаимоотношения детей и родителей необходимо в демократическом обществе в случаях, когда власти имеют на то достаточные основания с учетом фактических, эмоциональных, психологических, материальных и медицинских обстоятельств в конкретной ситуации. Если сохранение семейных связей каким-либо образом наносит ребенку вред, родители не вправе требовать сохранения связей [20. С. 17].

В практике Европейского Суда по правам человека существует множество постановлений по судебным делам, связанным с тем, что один из супругов самовольно ограничивает доступ к ребенку для другого родителя, принимая решение без его согласия увезти ребенка в другую страну с целью смены постоянного места жительства. Борьба с ростом международных похищений детей всегда должна основываться на возможности и стремлении защитить интересы каждого ребенка. Право находиться в стране, которая большую часть жизни ребенка являлась для него основным местом проживания, а также право поддерживать связь с каждым из родителей после расторжения ими брака, отражает наиболее объективный пример того, что собой представляют интересы ребенка. В судебном деле от 18.06.19 «Ушаков против Российской Федерации» заявитель подал жалобу на то, что было нарушено его право на уважение семейной жизни, гарантированное ст. 8 Конвенции, в связи с отказом российского суда принять решение о возвращении его дочери в Финляндию в соответствии с Гаагской конвенцией 1980 г. «О гражданских аспектах международного похищения детей» [21. С. 18].

Ссылаясь на статью 13 (b) Гаагской конвенции, мать ребенка утверждала, что их дочь уже обосновалась в новой для нее среде в России и на финском языке она не говорит [17. С. 17]. Она также утверждала, что возвращение ребенка в Финляндию способствует разделению матери и дочери, тем самым психологически травмируя их. Европейский Суд по правам человека пришел к выводу, что выдворение ребенка нарушило право заявителя на опеку, так как местом постоянного проживания ребенка являлась Финляндия, и высылка ребенка из данного государства произошла без согласия заявителя. Ведь согласно финскому законодательству, опека над ребенком, рожденным в Финляндии, распределяется между его родителями, если они были женаты на момент рождения ребенка [7. С. 18]. Суд отметил, что, согласно статье 3 Гаагской конвенции, «удаление или удержание ребенка» необходимо признать незаконным в случае, если «это является нарушением прав опеки, закрепленных за лицом в соответствии с законодательством государства, в котором ребенок проживал непосредственно перед вывозом или удержанием» [22. С. 17].

Европейский Суд по правам человека установил, что действительно не существовало никаких оснований для того, чтобы предоставить исключение для немедленного возвращения ребенка в соответствии со статьей 13 (b) Гаагской конвенции: аргумент относительно риска того, что дочери заявителя будет причинен психологический вред в случае возвращения в Финляндию, был признан необоснованным. Возвращение ребенка в Финляндию не сможет повлечь ее разлуки с матерью по той причине, что финский суд определил: стороны должны иметь совместную опеку над ребенком, а также установил подробный график общения ребенка с каждым из родителей [21. С. 18].

По мнению судей ЕСПЧ, ребенок является истинной жертвой подобного «похищения детей», так как он стра-

дает от нарушения его стабильной жизни, от потери контакта с родителем, отвечающим за его воспитание, от неуверенности, сопровождающей необходимость адаптироваться к чужому языку, незнакомым культурным условиям, учителям и родственникам [9. С. 17].

Согласно преамбуле Гаагской конвенции, интересы ребенка являются ключевыми в вопросах, касающихся его опеки. Однако данное положение стоит считать противоречивым по некоторым причинам. Гаагская конвенция сосредотачивает внимание на понятии опеки, а не на определении наилучших интересов ребенка [10. С. 17]. Стоит отметить, что «наилучшие интересы ребенка» не ограничиваются вопросом опеки над ним. В данном судебном деле российские суды установили, что ребенок не являлся интегрированным в финское общество, находясь в русскоязычной среде с рождения до момента переезда с матерью в Россию. Однако определяя главную цель Гаагской конвенции, стоит выделить именно защиту права на опеку. Гаагской конвенцией не регулируются ситуации, такие как в настоящем деле, когда родители вправе вести совместную опеку [23. С. 17].

Суд определяет, что фундаментальным элементом «семейной жизни», по смыслу статьи 8 Конвенции, является взаимное использование родителями и ребенком компании друг друга. «Уважение» к семейной жизни человека подразумевает обязательство государства предпринимать действия, способствующие развитию этих связей [14. С. 17].

Государства не должны дискриминировать детей: к ним следует прислушиваться и активно привлекать к принятию касающихся их решений. Дети имеют полное право на то, чтобы их ограждали от любых форм насилия и эксплуатации [10. С. 17]. В Северной Европе, согласно последним ежегодным заключениям Европейского комитета по социальным правам, право каждого на защиту семейной жизни в отношении членов семей иммигрантов зачастую нарушается. Основная позиция Европейского Суда по правам человека состоит в том, что властям лишь в исключительных обстоятельствах разрешено прерывать отношения между родителем и детьми. Позитивные и негативные обязанности государства в данном контексте четко не различаются, но в любом случае необходимо достичь разумного равновесия между интересами двух сторон. Если принимается решение забрать у родителя ребенка, следует тщательно взвесить необходимость данной меры, ведь это может привести к устойчивому прерыванию связи между ними [20. С. 17].

Отношения, при которых родитель и ребенок имеют возможность общаться друг с другом, образуют основополагающий элемент права на защиту семейной жизни (даже в случае прекращения отношений между родителями), и внутренние меры государства, препятствующие взаимному общению, равносильны вмешательству в осуществление права, защищаемого на международном уровне. Тот факт, что существует возможность поместить ребенка на воспитание в более благоприятную обстановку, не оправдывает его принудительное изъятие у биологиче-

ских родителей. Необходимы другие обстоятельства, указывающие на «важность» подобного вмешательства в право родителей на самостоятельное воспитание своего ребенка [20. С. 17].

В настоящий момент Правительства государств Северной Европы нацелены на улучшение качества жизни как коренных жителей, так и иммигрантов, проживающих в данных странах. Демократические ценности и культ семьи в Скандинавии развиты довольно широко. Даже рабочий день установлен таким образом, чтобы члены семьи имели возможность достаточное количество времени проводить друг с другом. Однако, основываясь на данных критериях, нельзя прийти к выводу о том, что в государствах Северной Европы созданы наилучшие условия проживания для семей с детьми [13. С. 18].

Действительно, начинавшаяся как благое дело защиты детей от проявления насилия со стороны отдельных не справляющихся со своими обязанностями родителей, скандинавская система ювенальной юстиции породила различные проблемы, которые на сегодняшний день поднимают на международном уровне многие юристы, правозащитники, психологи и педагоги.

Под действие ювенальной юстиции рискуют попасть даже те семьи иммигрантов, члены которых имеют высшее образование и престижную работу. Ведь в сферу социальной опеки власти рассматриваемых Скандинавских стран вкладывают огромные деньги, которые достаточно успешно осваиваются и приносят значительный доход, несмотря на психологический вред, который неизбежно наносится детям и их родителям. Стараясь извлечь из подобных историй небольшую прибыль, органы опеки ставят собственные интересы выше семейных ценностей, пренебрегая международными стандартами в области неотъемлемых прав и свобод человека.

Однако на данный момент отмечается тенденция пересмотра властями некоторых Скандинавских государств, в частности Норвегии, отношения к детям из иностранных и смешанных семей, в том числе и под «давлением» международных органов, специализирующихся на охране и защите прав и свобод личности [12. С. 18]. В случае, если у ребенка имеется тесная связь с другим государством, к компетенциям социальной службы необходимо отнести оценку факта об имеющейся возможности для ребенка сопровождать его за границу, перед тем как вынести решение о взятии его под опеку, а именно о передаче из родной семьи в приемную. Вводятся специальные инструкции, которые дают разъяснение сотрудникам службы опеки по поводу необходимости сотрудничества с иммиграционными властями в случае, если документы детей находятся у них на рассмотрении, и по поводу реакции на запросы иностранных властей, в частности посольств. Сотрудники скандинавских служб опеки должны содействовать установлению контакта между семьей и посольством государства, с которым они выразили желание по той или иной причине связаться.

В заключение необходимо уделить особое внимание деятельности международных органов, заключающейся не в номинальной составляющей, а в том, что их реше-

ния носят как рекомендательный характер, так и включают в себя беспристрастное расследование всех обстоятельств конкретного дела с вынесением объективных выводов. В связи с этим роль Европейского Суда по правам человека во всем мире возрастает, и рассматри-

ваемые государства Северной Европы принимают все необходимые меры по исполнению международного законодательства в сфере защиты прав и свобод личности, где особое внимание уделяется частым нарушениям прав незащищенной категории лиц – иммигрантам.

Список источников

1. Могунова М.А. Государственное право Швеции. М. : Норма, 2009. 383 с.
2. Плевако Н.С., Чернышева О.В. Можно ли стать шведом? Политика адаптации и интеграции иммигрантов в Швеции после Второй мировой войны. М. : Красанд, 2012. 320 с.
3. Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts, on 2 October 1997. URL: <https://www.europarl.europa.eu/topics/treaty/pdf/amst-en.pdf> (дата обращения: 05.06.2021).
4. Treaty on European Union (Consolidated version 2016) // EU Law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/collection/eu-law/treaties/treaties-overview.html#new-2-51> (дата обращения: 05.06.2021).
5. Commission Decision 85/381/EEC of 8 July 1985 setting up a prior communication and consultation procedure on migration policies in relation to non-member countries // Official Journal. L. 217. 14.08.1985. P. 25–26.
6. Наднациональный и межправительственные методы интеграции в пространстве свободы, безопасности и правосудия европейского союза. Договор о Европейском Союзе (Маастрихтский договор). URL: <https://zodorov.ru/nadnacionalenij-i-mejpravitelestvennij-metodi-integracii-v-pro.html?page=4> (дата обращения: 05.06.2021).
7. Могунова М.А. Государственное право Финляндии. М. : Городец, 2005. 367 с.
8. Директива 2009/50/ЕС Совета от 25 мая 2009 г. «Об установлении условий въезда и пребывания граждан третьих стран в целях высококвалифицированной работы» // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://base.garant.ru/2568909/> (дата обращения: 05.06.2021).
9. Директива 2004/38/ЕС Европейского Парламента и Совета от 29 апреля 2004 г. «О праве граждан Союза и членов их семей свободно передвигаться и проживать на территории государств-членов» // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <http://base.garant.ru/2564504/> (дата обращения: 05.06.2021).
10. Конвенция о правах ребенка (принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года и вступила в силу 2 сентября 1990 года) // United Nations. URL: <http://www.un.org/russian/document/convents/childcon.htm> (дата обращения: 05.06.2021).
11. Орлова Е.А. Ювенальная юридическая психология. М. : КноРус, 2017. 542 с.
12. Доклад о случаях изъятия детей из семей в Швеции и соседних Скандинавских странах. URL: <https://ru.scribd.com/document/126233385/Доклад-о-случаях-изъятия-детей-из-семей-в-Швеции-и-соседних-Скандинавских-странах> (дата обращения: 05.06.2021).
13. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения: 05.06.2021).
14. «Изъятие ребенка из семьи происходит в считанные часы, а на его возврат уходят годы» // Банки Сегодня. 25.08.2020. URL: <https://bankstoday.net/mnenie/izyatie-rebenka-iz-semi-proishodit-v-schitannye-chasy-a-vot-na-ego-vozvrat-uhodyat-gody-yurist-o-zashhite-detej> (дата обращения: 05.06.2021).
15. Ювенальная юстиция // Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ювенальная_юстиция (дата обращения: 05.06.2021).
16. Россиянин Денис Лисов и его дочери наконец вернулись в Россию // Российская газета. 04.11.2019. URL: <https://rg.ru/2019/11/04/reg-dfo/rossiianin-lisov-vmeste-s-docherimi-vernulsia-na-rodinu.html> (дата обращения: 05.06.2021).
17. Гаагская конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов (Заключена в г. Гааге 05.10.1961) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2713/ (дата обращения: 05.06.2021).
18. Постановление ЕСПЧ от 24.09.2012 «Дело «Y.C. против Соединенного Королевства» (жалоба № 4547/10) // European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-109557>
19. Дело Анастасии Завгородней // Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дело_Анастасии_Завгородней (дата обращения: 05.06.2021).
20. Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 7 (2020) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365642/ (дата обращения: 05.06.2021).
21. Дело № 15122/17 «Владимир Ушаков против России» // Центр Международного права на Чистых прудах. URL: <http://european-court-help.ru/delo/15122-17-vladimir-ushakov-protiv-rossii/> (дата обращения: 05.06.2021).
22. Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года, вступившая в силу для Российской Федерации 1 октября 2011 года // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://base.garant.ru/2556180/> (дата обращения: 05.06.2021).
23. Постановление ЕСПЧ от 26.11.2013 «Дело "X" (X) против Латвии» (жалоба № 27853/09) // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=389668#0633925004227482> (дата обращения: 05.06.2021).

References

1. Mogunova, M.A. (2009) *Gosudarstvennoe pravo Shvetsii* [State Law of Sweden]. Moscow: Norma.
2. Plevako, N.S. & Chernysheva, O.V. (2012) *Mozhno li stat' shvedom? Politika adaptatsii i integratsii immigrantov v Shvetsii posle vtoroy mirovoy voyny* [Is It Possible to Become a Swede? The policy of adaptation and integration of immigrants in Sweden after the Second World War]. Moscow: Krasand.
3. European Communities. (1997) *Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts*. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities. [Online] Available from: <https://www.europarl.europa.eu/topics/treaty/pdf/amst-en.pdf> (Accessed: 05.06.2021).
4. EU Law. (2016) *Treaty on European Union (Consolidated version 2016)*. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/collection/eu-law/treaties/treaties-overview.html#new-2-51> (Accessed: 05.06.2021).
5. Commission of the European Communities. (1985) Commission Decision 85/381/EEC of 8 July 1985 setting up a prior communication and consultation procedure on migration policies in relation to non-member countries. *Official Journal*. L. 217. 14 August. pp. 25–26.
6. Referaty: Meditsina, zdorov'e [Reports: Medicine & Health]. (n.d.) *Nadnatsional'nyy i mezhpriatel'stvennyy metody integratsii v prostranstve svobody, bezopasnosti i pravosudiya evropeyskogo soyuza. Dogovor o Evropeyskom Soyuze (Maastrikhtskiy dogovor)* [Supranational and intergovernmental methods of integration in the space of freedom, security and justice of the European Union. Treaty on the European Union (Maastricht Treaty)]. [Online] Available from: <https://zodorov.ru/nadnacionalenij-i-mejpravitelestvennij-metodi-integracii-v-pro.html?page=4> (Accessed: 05.06.2021).
7. Mogunova, M.A. (2005) *Gosudarstvennoe pravo Finlyandii* [State Law of Finland]. Moscow: Gorodets.
8. Garant. (2009) *Directive 2009/50/EC of the Council of May 25, 2009 "On the establishment of conditions for entry and stay of third-country nationals for the purpose of highly qualified work"*. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/2568909/> (Accessed: 05.06.2021). (In Russian).

9. Garant. (2004) *Directive 2004/38/EC of the European Parliament and of the Council of April 29, 2004 "On the right of citizens of the Union and their family members to move freely and reside in the territory of the Member States"*. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/2564504/> (Accessed: 05.06.2021). (In Russian).
10. United Nations. (1989) *Konventsia o pravakh rebenka (prinyata rezolyutsiei 44/25 General'noy Assamblei ot 20 noyabrya 1989 goda i vstupila v silu 2 sentyabrya 1990 goda)* [Convention on the Rights of the Child (adopted by General Assembly resolution 44/25 of November 20, 1989 and entered into force on September 2, 1990)]. [Online] Available from: <http://www.un.org/russian/document/convents/childcon.htm> (Accessed: 05.06.2021).
11. Orlova, E.A. (2017) *Yuvenal'naya yuridicheskaya psikhologiya* [Juvenile Legal Psychology]. Moscow: KnoRus.
12. Nordiska Kommittén för Mänskliga Rättigheter. (2012) *Doklad o sluchayakh iz "yatiya detey iz semey v Shvetsii i sosednikh Skandinavskikh stranakh* [Report on cases of removal of children from families in Sweden and neighboring Scandinavian countries]. [Online] Available from: <https://ru.scribd.com/document/126233385/Doklad-o-sluchayakh-iz-yatiya-detey-iz-semey-v-Shvetsii-i-sosednikh-Skandinavskikh-stranakh> (Accessed: 05.06.2021).
13. Consultant Plus. (1950) *Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Concluded in Rome November 4, 1950)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (Accessed: 05.06.2021). (In Russian).
14. Golovchenko, A. (2020) "Iz'yatie rebenka iz sem'i proiskhodit v schitannye chasy, a na ego vozvrat ukhodyat gody" ["The removal of a child from the family takes place in a matter of hours, and it takes years to return them"]. *Banki Segodnya*. 25 August. [Online] Available from: <https://bankstoday.net/mnenie/izyatie-rebenka-iz-semi-proiskhodit-v-schitannye-chasy-a-vot-na-ego-vozvrat-uhodyat-gody-yurist-o-zashhite-detey> (Accessed: 05.06.2021).
15. Wikipedia. (n.d.) *Yuvenal'naya yustitsiya* [Juvenile Justice]. *Wikipedia*. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Yuvenal'naya_yustitsiya (Accessed: 05.06.2021).
16. Rokossovskaya, A. (2019) *Rossiyanin Denis Lisov i ego docheri nakonets vernulis' v Rossiyu* [Russian Denis Lisov and his daughters have finally returned to Russia]. *Rossiyskaya gazeta*. 4 November. [Online] Available from: <https://rg.ru/2019/11/04/reg-dfo/rossiyanin-lisov-vmeste-s-docherimi-vernulsia-na-rodinu.html> (Accessed: 05.06.2021).
17. Consultant Plus. (1961) *The Hague Convention abolishing the requirement of legalization of foreign official documents (Concluded in The Hague October 5, 1961)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2713/ (Accessed: 05.06.2021). (In Russian).
18. European Court of Human Rights. (2012) *ECHR Ruling of September 24, 2012 "The case of Y.C. v. the United Kingdom" (complaint No. 4547/10)*. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-109557>.
19. Wikipedia. (n.d.) *Delo Anastasii Zavgorodney* [The case of Anastasia Zavgorodnya]. *Wikipedia*. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Delo_Anastasii_Zavgorodney (Accessed: 05.06.2021).
20. Consultant Plus. (2020) *Review of the practice of interstate bodies for the protection of human rights and fundamental freedoms No. 7*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365642/ (Accessed: 05.06.2021). (In Russian).
21. Tsentr Mezhdunarodnogo prava na Chistykh prudakh [Center for International Law on Chistye Prudy]. (2019) *Delo № 15122/17 "Vladimir Ushakov protiv Rossii"* [Case No. 15122/17 "Vladimir Ushakov v. Russia"]. [Online] Available from: <http://european-court-help.ru/delo-15122-17-vladimir-ushakov-protiv-rossii/> (Accessed: 05.06.2021).
22. Garant. (2011) *Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction of October 25, 1980, which entered into force for the Russian Federation on October 1, 2011*. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/2556180/> (Accessed: 05.06.2021). (In Russian).
23. Consultant Plus. (2013) *ECHR Ruling of November 26, 2013 "Case "X (X) v. Latvia" (Complaint No. 27853/09)*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=389668#0633925004227482> (Accessed: 05.06.2021). (In Russian).

Информация об авторах:

Безруков А.В. – д-р юрид. наук, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России (Москва, Россия); профессор кафедры конституционного, административного и муниципального права Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия); ведущий научный сотрудник кафедры конституционного и административного права Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск, Россия). E-mail: abezrukov@bk.ru

Иксанов И.С. – канд. юрид. наук, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: isiur@mail.ru

Исаева А.А. – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и международного права Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tess@mail2000.ru

Федорова А.П. – лаборант Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: jurfak@fa.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.V. Bezrukov, Dr. Sci. (Law), chief researcher, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation); professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation); leading researcher, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: abezrukov@bk.ru

I.S. Iksanov, Cand. Sci. (Law), associate professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: isiur@mail.ru

A.A. Isaeva, Cand. Sci. (Law), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tess@mail2000.ru

A.P. Fedorova, assistant, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: jurfak@fa.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.06.2021;
одобрена после рецензирования 28.10.2021; принята к публикации 28.03.2022.*

*The article was submitted 05.06.2021;
approved after reviewing 28.10.2021; accepted for publication 28.03.2022.*

Научная статья
УДК 342.565.2
doi: 10.17223/15617793/476/26

Эволюция статуса органов конституционного правосудия в Кыргызской Республике

Олег Викторович Брежнев¹

¹ Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия, obrezhnev@yandex.ru

Аннотация. Проанализирована эволюция статуса органов конституционного правосудия в Кыргызской Республике. На примере Кыргызстана показаны общие проблемы в сфере конституционного правосудия, характерные для стран, существующих на пространстве бывшего СССР. Определены основные задачи по совершенствованию организации и осуществления конституционного правосудия в Кыргызстане.

Ключевые слова: конституционное правосудие, эволюция, статус, суд, контроль, спор, толкование

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках НИР по государственному заданию на 2022 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).

Для цитирования: Брежнев О.В. Эволюция статуса органов конституционного правосудия в Кыргызской Республике // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 233–247. doi: 10.17223/15617793/476/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/26

Evolution of the status of constitutional justice bodies in the Kyrgyz Republic

Oleg V. Brezhnev¹

¹Southwest State University, Kursk, Russian Federation, obrezhnev@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the main trends and features inherent in the evolution of the status of constitutional justice bodies in the Kyrgyz Republic. The aim of this research is to identify both the common features characteristic of this process in the countries existing in the post-Soviet space and the specific ones due to the peculiarities of the state and legal development of Kyrgyzstan. In the course of the research, a comparative legal method was used to analyze individual elements of the legal status of the Constitutional Court and the Constitutional Chamber of the Supreme Court of Kyrgyzstan (organization, competence, status of judges, legal force of decisions, etc.) in accordance with the constitutions of the Kyrgyz Republic of 1993, 2010, and 2021, the laws in force that regulated the organization and procedure for the implementation of constitutional justice, as well as when compared with the development of this institution in the Russian Federation and other CIS member states. In addition, analytical, formal legal and other methods were used, which made it possible to formulate the main conclusions. Based on a systems analysis of the legislation of the Kyrgyz Republic on constitutional justice, decisions of the Constitutional Court and the Constitutional Chamber of the Supreme Court of Kyrgyzstan, a study of the works of leading Russian (N.V. Vitruk, A.A. Klishas, I.A. Kravets, M.A. Mityukov, et al.) and Kyrgyz (A.A. Arabaev, B.I. Borubashov, R.M. Myrzalimov, B.T. Toktobaev, et al.) scientists in this field, the main tasks to improve the organization and implementation of constitutional justice in Kyrgyzstan were identified. These include: consistent strengthening of the independence of the Constitutional Court from other public authorities; a more detailed delineation of the powers of the Constitutional Court and other courts related to normative control, taking into account the processes of the formation of administrative justice; a more detailed regulation of the procedures of constitutional proceedings, including procedural differentiation of the procedure for exercising various powers of the Constitutional Court, modification of the norms on the legal force, and the procedure for the execution of its acts, including recognition of a certain discretion of the Court in determining measures necessary for the implementation of its decisions; improving the procedures for written proceedings and expanding the further use of information and communication technologies in constitutional proceedings, etc. The implementation of these tasks should be associated with general measures to increase the level of political and legal culture in society.

Keywords: constitutional justice, evolution, status, court, control, dispute, interpretation

Funding: The reported study was prepared within the framework of the research project “Transformation of private and public law in the conditions of evolving personality, society and the state” (number 0851-20200033).

For citation: Brezhnev, O.V. (2022) Evolution of the status of constitutional justice bodies in the Kyrgyz Republic. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 233–247. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/26

Введение

Конституционно-правовое развитие государств Центральной Азии, образовавшихся после распада Советского Союза, достаточно противоречиво. С одной стороны, оно связано с отрицанием советской формы организации власти, а также закреплением некоторых традиционалистских элементов, характерных для общественной жизни конкретного государствообразующего этноса. С другой стороны, данное развитие, как правило, предполагает и рецепцию западных конституционно-правовых институтов, реализация которых в условиях этих государств неизбежно обретает существенную специфику, не характерную, например, для европейских государств [1. С. 195–198]. К числу подобных «заимствований» относится и институт конституционного правосудия, в разных организационно-правовых формах существовавший в большинстве стран Центральной Азии, ранее входивших в качестве союзных республик в состав СССР [2. С. 1–3].

Конституционное правосудие представляет собой особую юрисдикционную деятельность судебных органов власти, содержанием которой является проверка конституционности законов и иных нормативных правовых актов, правоприменительной практики, разрешение споров о компетенции и реализация иных полномочий, направленных на правовую охрану Конституции. Не существует какой-либо одной организационной или компетенционной модели конституционного правосудия: исходя из правовых и исторических особенностей конкретного государства, соответствующая деятельность может осуществляться всеми судами, только высшим судебным органом общей юрисдикции или специализированным судом [3–5; 6. С. 185].

Определенный интерес в этой связи представляет анализ эволюции статуса органов конституционного правосудия в Кыргызской Республике, что связано со следующими обстоятельствами.

Во-первых, в постсоветский период в Кыргызстане происходило очень интенсивное конституционное развитие, что обусловлено перманентным обострением социально-экономических и политических противоречий между различными общественными силами, разрешение которых в 2005 и 2010 гг. приобрело революционную форму, т.е. было связано с насильственным прекращением деятельности в то время органов власти и поисками более рациональных форм устройства государства. В Кыргызстане принимались и действовали конституции 1993, 2010 и 2021 гг., причем в Конституцию 1993 г. вносилось множество изменений и дополнений, неоднократно принимались ее новые редакции. Все эти конституционные реформы затрагивали статус органов конституционного правосудия. Последние нередко принимали активное участие в конституционных преобразованиях.

Во-вторых, сделав изначально выбор в пользу «кельзеновской» модели конституционного правосудия, предполагающей создание специализированного судебного органа конституционного контроля, Кыргызстан столкнулся со сложностями ее реализации, что обусловило попытки модификации этой модели, а затем и ликвидацию Конституционного Суда в 2010 г. с последующим воссозданием этого органа в 2021 г.

В-третьих, на примере Кыргызской Республики можно увидеть проблемы, характерные для конституционно-правового развития и других стран данного региона, проследить тенденции, свойственные этому процессу в целом и эволюции отдельных государственных институтов в частности [7. С. 9–11].

Учреждение Комитета конституционного надзора

В качестве «предтечи» конституционного правосудия в Кыргызстане можно рассматривать учреждение Комитета конституционного надзора Кыргызской ССР в соответствии с Законом Кыргызской ССР от 23 сентября 1989 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Кыргызской ССР» [8]. Впоследствии, 14 апреля 1990 г. был принят Закон Кыргызской ССР «О конституционном надзоре в Кыргызской ССР» [9]. Комитет конституционного надзора учреждался «в целях обеспечения соответствия актов государственных органов и общественных организаций Конституции Кыргызской ССР, охраны конституционных прав и свобод личности, прав народов, проживающих на территории Кыргызской ССР, демократических основ советского общества». Комитет должен был избираться Верховным Советом Кыргызской ССР сроком на десять лет из числа специалистов в области политики и права в составе Председателя, заместителя Председателя и семь членов Комитета. Предложения о персональном составе Комитета конституционного надзора представлял Верховному Совету Кыргызской ССР его Председатель [10. С. 248]. Данный несудебный орган был наделен полномочиями, преимущественно надзорными, по проверке соответствия Конституции Кыргызской ССР как законопроектов, так и принятых законов Кыргызской ССР, постановлений и распоряжений Совета министров Кыргызской ССР, решений областных, районных, городских, районных в городах Советов народных депутатов, международных договорных и иных обязательств Кыргызской ССР, актов других государственных органов и общественных организаций, в отношении которых в соответствии с Конституцией Кыргызской ССР не осуществлялся прокурорский надзор. В целом его полномочия в сфере правовой охраны Конституции, так же как и аналогичного органа, который действовал на уровне СССР, сложно назвать эффективными. Заключение Комитета конституционного надзора подлежали обязательному рассмотрению теми государственными органами, которые приняли

соответствующие акты, признанные Комитетом неконституционными (ст. 17 и 18 Закона от 14 апреля 1990 г.). Именно на данные органы возлагалось устранение обнаруженных Комитетом несоответствий Конституции. Только в том случае, если Комитет приходил к выводу о том, что проверяемым нормативным правовым актом нарушались основные права и свободы человека, закрепленные в Конституции и в международных актах, участником которых являлась Кыргызская ССР, заключение Комитета непосредственно влекло за собой утрату юридической силы соответствующим актом (ч. 3 ст. 19 Закона от 14 апреля 1990 г.). Подобное регулирование с неизбежностью должно было порождать проблему исполнения решений Комитета. Отметим также, что Верховный Совет Кыргызской ССР был вправе отклонить заключение Комитета двумя третями голосов от общего числа народных депутатов (ч. 3 ст. 20 Закона от 14 апреля 1990 г.).

В отличие от соседних с Кыргызстаном Узбекистана и Таджикистана, Комитет конституционного надзора Кыргызской ССР так и не был сформирован в полном составе: Постановлением Верховного Совета Кыргызской ССР от 14 апреля 1990 г. № 51-ХІІ был избран лишь его Председатель – заслуженный юрист Кыргызской ССР Тилекеев Муктар Тилекеевич [11. С. 81]. Соответственно, осуществлять свои полномочия этот орган не мог. Законом Кыргызской ССР от 14 декабря 1990 г. № 260-ХІІ «О реорганизации системы органов государственной власти и управления в Кыргызской ССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Кыргызской ССР» Комитет конституционного надзора был упразднен и учрежден Конституционный Суд Кыргызской ССР [12]. Статус этого органа законодательно был установлен уже в постсоветский период.

Законодательное регулирование, организация и деятельность Конституционного Суда Кыргызской Республики в 1993–2010 гг.

Конституция Кыргызской Республики, принятая 5 мая 1993 г., определила правовое положение Конституционного Суда как органа, входящего в судебную систему этого государства [13]. Данный орган был сформирован в полном составе и начал осуществлять свои полномочия в 1995 г.

Конституция (ч. 1 ст. 82) определила Конституционный Суд как «высший орган судебной власти по защите Конституции Кыргызской Республики», тем самым указывая на его ведущую роль в обеспечении конституционной законности в стране.

Правовой основой деятельности Конституционного Суда являлись Конституция Кыргызской Республики, Закон от 18 декабря 1993 г. № 1335-ХІІ «О Конституционном Суде Кыргызской Республики» (действовал с учетом изменений и дополнений вплоть до признания этого Закона утратившим силу в 2011 г.), Закон от 18 декабря 1993 г. № 1337-ХІІ «О конституционном судопроизводстве Кыргызской Республики» (20 июля 2009 г. был принят новый Закон № 235 «О

конституционном судопроизводстве Кыргызской Республики», который действовал до 2011 г.), Регламент Конституционного Суда [14, 15].

Отметим, что Кыргызстан являлся одним из немногих государств на постсоветском пространстве, где были законодательно разграничены регламентация организационно-структурных и процессуальных аспектов осуществления судебного конституционного контроля. С одной стороны, подобный подход все же предпочтительнее принятого, например, в Республике Узбекистан, где первичное регулирование процессуальных вопросов реализации конституционного правосудия осуществляется Регламентом Конституционного Суда, принимаемым самим Судом [6. С. 186]. С другой стороны, очевидна взаимосвязь данных аспектов, тем более что конституционное судопроизводство осуществляется одним органом – Конституционным Судом, в силу чего подобная дифференцированная регламентация скорее затрудняет применение соответствующих норм, создает угрозы противоречий в регулировании института конституционного правосудия. Кроме того, как показывает опыт Кыргызстана, она не всегда обеспечивает и должную детализацию в регламентации процедур конституционного судопроизводства – именно этим было обусловлено принятие нового Закона «О конституционном судопроизводстве Кыргызской Республики» 2009 г.

Конституционный Суд Кыргызской Республики состоял из девяти судей: Председателя, заместителя Председателя и семи судей. К кандидатам на должности судей Конституционного Суда предъявлялись следующие требования: судьей мог быть избран гражданин Кыргызской Республики не моложе 35 и не старше 70 лет, имеющий высшее юридическое образование и стаж работы по специальности не менее 10 лет (позднее было предусмотрено, а затем исключено дополнительное требование – опыт работы судьей не менее 5 лет, что неоправданно ограничивало возможность выбора кандидатов только из судейской корпорации). Срок полномочий судьи составлял 15 лет, потом был сокращен до 10 лет, затем изменен – до достижения судьей предельного возраста в 70 лет.

Следует отметить, что особенностью Кыргызстана являлось то, что все ключевые вопросы, касающиеся статуса судей Конституционного Суда, первоначально решались не самим Судом или органами судейского сообщества, а Парламентом – Жогорку Кенешем Кыргызской Республики, как правило, по представлению Президента. Это, в частности, касалось: избрания судей Конституционного Суда; дачи согласия Президенту на назначение на должности Председателя и заместителя Председателя Конституционного Суда; лишения неприкосновенности судей (позднее это полномочие было отнесено к ведению Национального совета по делам правосудия); досрочного прекращения полномочий судей (ч. 5 ст. 83, ч. 2 ст. 84 Конституции Кыргызской Республики в редакции Закона от 15 января 2007 г., ч. 2 ст. 8 Закона от 18 декабря 1993 г.). Подобное регулирование в значительной мере ставило судьбу судей Конституционного Суда в

зависимость от воли неустойчивого политического большинства в Жогорку Кенеше, несло в себе риски умаления независимости Суда, и, как показывала практика, в некоторых случаях использовалось для политического давления на Конституционный Суд.

Первоначально Конституция Кыргызской Республики 1993 г. (ч. 3 ст. 82) закрепила за Конституционным Судом следующие полномочия:

- 1) проверка конституционности законов и иных нормативных правовых актов;
- 2) разрешение споров, связанных с действием, применением и толкованием Конституции;
- 3) дача заключения о правомерности выборов Президента Кыргызской Республики;
- 4) дача заключения по вопросу об отрешении от должности Президента Кыргызской Республики, а также отстранения от должности судей Конституционного Суда, Верховного Суда, Высшего Арбитражного Суда Кыргызской Республики;
- 5) дача согласия на привлечение судей местных судов к уголовной ответственности;
- 6) дача заключения по вопросу об изменениях и дополнениях Конституции Кыргызской Республики;
- 7) отмена решений органов местного самоуправления, противоречащих Конституции Кыргызской Республики;
- 8) проверка конституционности правоприменительной практики, затрагивающей конституционные права граждан.

Анализ данных полномочий с учетом их практической реализации позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, можно отметить так называемые *нетипичные полномочия* Конституционного Суда Кыргызской Республики, которые по своей природе не относятся к сфере конституционной юрисдикции, поскольку не связаны с осуществлением судебного конституционного контроля. К ним следует отнести: дачу заключения по вопросу об отстранении от должности судей Верховного Суда, Высшего Арбитражного Суда Кыргызской Республики, дачу согласия на привлечение судей местных судов к уголовной ответственности. Сформировавшаяся в 1994–2006 гг. достаточно обширная практика рассмотрения Конституционным Судом дел о даче согласия на привлечение судей местных судов к уголовной ответственности с очевидностью показывает, что, реализуя это полномочие, Конституционный Суд вынужден был исследовать фактические обстоятельства, установленные в ходе расследования уголовных дел, проверять обоснованность их правовой квалификации, т.е. решать вопросы, относящиеся к сфере уголовного судопроизводства. Не случайно впоследствии данное полномочие было исключено из компетенции Конституционного Суда и отнесено к ведению органов судейского сообщества.

Во-вторых, в отличие от Казахстана и Узбекистана, законодательство Кыргызской Республики о конституционном правосудии на всех этапах своего развития предусматривало *институт конституционной жалобы* [16. С. 97–98]. Первоначально граждане об-

ладали правом на обращение в Конституционный Суд с ходатайствами о проверке конституционности правоприменительной практики (схожее полномочие было предусмотрено Законом РСФСР от 12 июля 1991 г. № 1599-1 «О Конституционном Суде РСФСР» [17]). В соответствии с Законом Кыргызской Республики от 15 января 2007 г. данное полномочие было усилено: физические лица теперь могли оспаривать в Конституционном Суде непосредственно законы и иные нормативные правовые акты, затрагивающие их права. Сформировалась обширная практика рассмотрения Конституционным Судом ходатайств граждан [18. С. 92–93]. В Конституции 1993 г. (ч. 4 ст. 85) была закреплена следующая норма: «Судебные акты, основанные на нормах законов, признанных неконституционными, пересматриваются судом в каждом конкретном случае по жалобам граждан, чьи права и свободы были затронуты». Допускались и обращения судов общей юрисдикции в Конституционный Суд с запросами о проверке конституционности применяемых ими нормативного правового акта.

В-третьих, иные полномочия Конституционного Суда Кыргызской Республики в период его деятельности также претерпевали существенные изменения. В 2003 г. законодатель предоставил этому органу полномочие по проверке конституционности деятельности политических партий, общественных объединений, религиозных организаций; практической реализации оно не получило и в 2007 г. было исключено из компетенции Конституционного Суда. Законом от 15 января 2007 г. Суд был наделен полномочием по даче заключения к проекту Конституции и новой редакции Конституции, что выглядело небесспорным, учитывая, что принятие конституционного акта – прерогатива учредительной власти и всегда является выражением политической воли господствующих общественных сил. Одновременно Закон от 15 января 2007 г. исключил из компетенции Конституционного Суда полномочие по отмене решений органов местного самоуправления, противоречащих Конституции. Закон от 23 октября 2007 г. преобразовал полномочие по разрешению споров, связанных с действием, применением и толкованием Конституции, в полномочие по официальному толкованию Конституции, одновременно исключив из компетенции Конституционного Суда вышеупомянутое полномочие по даче заключения к проекту Конституции и новой редакции Конституции. Очевидно, что Конституционному Суду было достаточно сложно осуществлять правосудие в условиях такой законодательной «чехарды», связанной с частыми изменениями его компетенции.

В-четвертых, законодательство Кыргызской Республики о конституционном правосудии не содержало детальной регламентации многих процессуальных вопросов, которые возникали или могли возникать в деятельности Конституционного Суда. Так, Закон «О конституционном судопроизводстве Кыргызской Республики» не предусматривал регулирования особенностей осуществления отдельных полномочий Конституционного Суда. Не было законоположений, которые позволяли бы четко разграничить компетенцию

Конституционного и других судов в сфере нормоконтроля, нуждались в детализации вопросы юридической силы и порядка исполнения решений Конституционного Суда. Закон «О конституционном судопроизводстве Кыргызской Республики» 2009 г. (гл. 4) должным образом разграничил субъектов права на обращение в Конституционный Суд. Он предусмотрел, в частности, что правом на обращение о признании неконституционными законов и иных нормативных правовых актов обладали: Президент, Жогорку Кенеш, депутаты Жогорку Кенеша, Правительство, Премьер-министр, суды, Генеральный прокурор, Центральная комиссия по выборам и проведению референдумов Кыргызской Республики, местные кенешы; омбудсмен (акыйкатчы) – по вопросам соответствия законов и иных нормативных правовых актов Кыргызской Республики, затрагивающих права и свободы человека и гражданина, Конституции; граждане и юридические лица – по вопросам, непосредственно затрагивающим их конституционные права и свободы, если они не подведомственны другим судам (ст. 18). А правом на обращение о даче официального толкования норм Конституции обладал гораздо более узкий круг субъектов: Президент, Жогорку Кенеш, депутаты Жогорку Кенеша и Правительство (ст. 19). Отметим, что в отличие от Узбекистана и Таджикистана (до 2003 г.), законодательство Кыргызской Республики о конституционном правосудии не допускало рассмотрения Конституционным Судом каких-либо дел по собственной инициативе, а также не наделяло его правом внесения законопроектов в Парламент [19. С. 92–93, 96, 100].

Анализируя практику конституционного правосудия в Кыргызской Республике, необходимо отметить, что Конституционный Суд далеко не во всех случаях сумел себя зарекомендовать как орган, независимый от законодательной и исполнительной власти. Его правовые позиции, вопреки очевидной конституционно-правовой логике, иногда явно были направлены на оправдание не вполне правомерных притязаний действующей власти. В период президентства А.А. Акаева (1990–2005 гг.) Конституционный Суд в рамках своей компетенции поддержал все его инициативы (1996, 1998, 2003 гг.), связанные с изменением конституционных норм в части существенного усиления президентских полномочий.

Представляет в этой связи интерес Решение Конституционного Суда Кыргызской Республики от 13 июля 1998 г., принятое по представлениям депутатов Жогорку Кенеша, о разрешении спора, связанного с применением п. 2 ст. 43 Конституции Кыргызской Республики (запрещавшего одному и тому же лицу быть избранным на должность Президента более двух сроков подряд), о возможности участия Президента Кыргызской Республики А.А. Акаева в очередных выборах Президента в 2000 г. [20] Как известно, к моменту рассмотрения дела А.А. Акаев уже дважды (в 1991 и 1995 гг.) избирался посредством прямых выборов на должность Президента. Тем не менее Конституционный Суд указал, что избрание его в 1991 г. имело место до принятия действующей Кон-

ституции Кыргызской Республики 1993 г. и являлось «объективной вынужденной процедурой, направленной на обеспечение легитимности Президента независимого государства – Республики Кыргызстан и его полномочий». С учетом того что Конституция 1993 г. существенно изменила объем и структуру полномочий Президента Республики, Конституционный Суд пришел к выводу, что первым сроком президентских полномочий А.А. Акаева должен рассматриваться тот, который исчисляется с момента его избрания в 1995 г., что открывает возможность его участия и в президентских выборах 2000 г.

Отметим, что в том же 1998 г. аналогичную проблему в части права Б.Н. Ельцина выдвинуть свою кандидатуру на выборах Президента РФ в 2000 г. рассматривал Конституционный Суд РФ и разрешил ее совершенно иным образом. В Определении Конституционного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 134-О по делу о толковании ч. 3 ст. 81 и п. 3 раздела второго «Заключительные и переходные положения» Конституции РФ [21] сформулирована правовая позиция о том, что по Конституции РФ 1993 г. Президент РФ действовал до истечения срока, на который он был избран в 1991 г., при этом *прежний (первый) срок полномочий Президента РФ с принятием новой Конституции РФ не прерывался и не начинал исчисляться заново*. Конституция РФ не содержит специальной оговорки о том, что указанный в п. 3 ее раздела второго «Заключительные и переходные положения» срок полномочий Президента РФ не включается в сроки, предусмотренные ч. 3 ст. 81 Конституции РФ. Таким образом, первый Президент РФ утратил право участвовать в президентских выборах 2000 г. в качестве кандидата. Данный пример показывает, насколько разными могут быть правовые позиции органов конституционного правосудия в контексте определенной общественно-политической ситуации по, казалось бы, одному и тому же вопросу.

Во время президентства К.С. Бакиева (2005–2010 гг.) Конституционный Суд Кыргызской Республики принял также ряд неоднозначных решений. Наибольший общественный резонанс вызвало решение от 14 сентября 2007 г., которым была признана неконституционной гл. 16-1 Закона «О Регламенте Жогорку Кенеша Кыргызской Республики». События развивались в период начавшегося противостояния Президента К.С. Бакиева и депутатского большинства Жогорку Кенеша. 8 ноября 2006 г. Жогорку Кенеш дополнил Закон «О Регламенте Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» гл. 16-1, детализирующей порядок принятия Конституции и внесения в нее изменений. На основании данных норм оппозиционная Президенту часть депутатского корпуса добилась принятия последовательно в ноябре и декабре 2006 г. новых редакций Конституции Кыргызской Республики. После этого двое депутатов обратились в Конституционный Суд с представлениями о признании неконституционными норм гл. 16-1 Закона «О Регламенте Жогорку Кенеша Кыргызской Республики». Рассмотрев данное дело, Конституционный Суд пришел к выводу, что положения гл. 16-1 противоречат

Конституции в редакции от 18 февраля 2003 г. (т.е. до принятия новых редакций ноября и декабря 2006 г.), поскольку позволяют Жогорку Кенешу изменять Конституцию вне конституционной процедуры, предполагающей соблюдение определенных сроков и учет заключения Конституционного Суда.

Необычность данного дела состояла в том, что, во-первых, орган конституционного правосудия сопоставлял проверяемый акт не с актуальным на момент проверки конституционным текстом, а с тем, который действовал до его принятия (редакция 2003 г.), т.е. Конституционный Суд а-приори отказался признавать ноябрьскую и декабрьскую 2006 г. редакции Конституции действующими. Как образно выразился по этому поводу депутат Жогорку Кенеша Болотбек Шерниязов, «рассматривать вопрос о легитимности ноябрьского варианта Основного Закона – это все равно, что судить мертвого человека» [22].

Во-вторых, Конституционный Суд, признав неконституционными нормы Закона «О Регламенте Жогорку Кенеша Кыргызской Республики», придал своим правовым позициям ретроактивное действие, установив, что его решение *влечет отмену действия законов «О новой редакции Конституции» от 9 ноября и 30 декабря 2006 года, принятых без соблюдения обязательных конституционных процедур и сроков, предусмотренных Конституцией, действовавшей в момент их принятия*. Таким образом, Конституционный Суд своим решением фактически восстановил действие Конституции Кыргызской Республики в редакции от 18 февраля 2003 г. Подобное вмешательство конституционного правосудия в сферу учредительной власти не прошло незамеченным: Венецианская комиссия в своем Заключении о конституционной ситуации в Кыргызской Республики, принятом на 73-м Пленарном заседании (14–15 декабря 2007 г.), отметила: «Действительно, очень необычно, если не беспрецедентно, что Конституционный Суд объявляет весь текст действующей Конституции неконституционным» [23].

Решение Конституционного Суда существенно обострило общественно-политическую ситуацию в Республике. Жогорку Кенеш указал на неправомерность данного решения, выразил недоверие Суду и сформировал депутатскую комиссию по изучению его деятельности. Прозвучали призывы ликвидировать Конституционный Суд или объединить его с Верховным Судом. Председатель Конституционного Суда Ч. Баекова обратилась к Президенту К.С. Бакиеву с просьбой обеспечить нормальное функционирование органа конституционного правосудия. Ответ Президента не заставил себя долго ждать: Указом от 22 октября 2007 г. УП № 457 Жогорку Кенеш был распущен, полномочия депутатов прекращены [24. С. 15–17]. Таким образом, Президент использовал конституционное правосудие и возникшую ситуацию в своих политических целях.

Еще одним резонансным решением стало Заключение Конституционного Суда Кыргызской Республики от 21 января 2010 г. по проекту Закона «О внесении изменений в Конституцию Кыргыз-

ской Республики», внесенное Президентом К.С. Бакиевым на рассмотрение Жогорку Кенеша [25]. Среди предлагаемых конституционных новелл следует выделить создание такого органа, как Президентское совещание, состав которого должен был определяться Президентом. Казалось бы, появится просто еще один совещательный орган при главе государства. Но в Конституции предлагалось закрепить норму о том, что решение об исполнении обязанностей Президента в случае невозможности осуществления им полномочий должно было принимать именно президентское совещание большинством голосов от общего числа его членов. Прежний порядок, при котором соответствующие полномочия переходили к Тораге Жогорку Кенеша (председателю парламента), предлагалось отменить. Данное регулирование существенно усиливало дискрецию Президента в части, касающейся механизма передачи его конституционных полномочий. Но Конституционный Суд посчитал, что сам по себе коллегиальный порядок для решения подобных вопросов не противоречит основам конституционного строя, однако соответствующий орган, наделенный таким полномочием, не должен иметь статус совещательного органа при Президенте. Прежний конституционный порядок, предполагающий переход полномочий Президента к руководителю законодательного органа власти, Конституционный Суд счел дефектным с точки зрения принципа разделения властей.

После насильственного свержения власти К.С. Бакиева Временным Правительством Кыргызстана был издан Декрет от 12 апреля 2010 г. ВП № 2 «О расформировании Конституционного Суда Кыргызской Республики» [26]. В нем констатировалось, что Конституционный Суд «не оправдал возложенные на него надежды», «фактически не смог выполнить возложенные на него функции по защите Конституции и превратился в орган, содействовавший укреплению власти одного человека». При этом содержались ссылки на некоторые из вышеупомянутых решений Конституционного Суда. В связи с этим предписывалось расформировать Конституционный Суд «до особого решения Временного Правительства Кыргызской Республики». Хотя определенные упреки в адрес Конституционного Суда, содержащиеся в этом Декрете, вряд ли можно считать необоснованными, все же в целом он является актом правового нигилизма – пришедшее к власти нелегитимным путем Временное Правительство взяло на себя миссию давать оценку конкретным судебным решениям и деятельности органа конституционного правосудия в целом, определять его судьбу, руководствуясь «революционной целесообразностью».

Принятая 27 июня 2010 г. новая Конституция Кыргызской Республики сохранила конституционное судопроизводство как самостоятельную форму судебной власти (ч. 2 ст. 93). Однако институциональные основы ее реализации изменились: для осуществления конституционного правосудия была образована Конституционная палата Верховного Суда Кыргызской Республики.

Конституционная палата Верховного Суда Кыргызской Республики: особенности правового статуса и практика ее деятельности

Конституция 2010 г. (ч. 1 ст. 97) лаконично определила Конституционную палату Верховного Суда как орган, осуществляющий конституционный контроль. Конституционный закон Кыргызской Республики от 13 июня 2011 г. № 37 «О Конституционной палате Верховного Суда Кыргызской Республики» [27] предусмотрел более объемное определение, раскрывающее статус этого органа: Конституционная палата Верховного Суда Кыргызской Республики являлась высшим судебным органом, самостоятельно осуществляющим конституционный контроль посредством конституционного судопроизводства.

Правовыми основами деятельности Конституционной палаты Верховного Суда являлись Конституция Кыргызской Республики, упомянутый Конституционный закон и Регламент данного органа. Отметим, что киргизский законодатель теперь отказался от разделения правовой регламентации организационно-структурных и процессуальных аспектов конституционного правосудия между разными законодательными актами в пользу единого закона, регулирующего данную сферу общественных отношений.

При определении статуса Конституционной палаты Верховного Суда законодатель использовал прием *юридической фикции*. Казалось бы, название данного института говорит о том, что он являлся неким *структурным подразделением Верховного Суда Кыргызской Республики*. В соответствии с ч. 3 ст. 93 Конституции 2010 г. «судебная система Кыргызской Республики устанавливается Конституцией и законами, состоит из Верховного Суда и местных судов. В составе Верховного Суда действует Конституционная палата». Однако в действительности речь шла о *самостоятельном органе судебной власти, осуществляющем конституционное правосудие*.

Анализ законодательства Кыргызской Республики показывает отсутствие прямых организационно-правовых связей между Верховным Судом и Конституционной палатой Верховного Суда: решения палаты не могли быть оспорены в каких-либо судебных инстанциях Верховного Суда (ч. 8 ст. 97 Конституции 2010 г., ч. 1 ст. 51 Конституционного закона от 13 июня 2011 г.); руководство Верховного Суда не обладало какими-либо организационно-распорядительными полномочиями в отношении Конституционной палаты, ими были наделены Председатель, заместитель Председателя и судья-секретарь Конституционной палаты (ч. 3 и 4 ст. 97 Конституции 2010 г., ст. 8–10 Конституционного закона от 13 июня 2011 г.); в Конституционной палате создавался собственный аппарат, обособленный от аппарата Верховного Суда, общее руководство которым осуществлял Председатель Конституционной палаты, который назначал на должность и освобождал от нее руководителя аппарата (ч. 1 и 2 ст. 55 Конституционного закона от 13 июня 2011 г.); Конституционная палата самостоятельно, т.е. без согласования с Верховным

Судом, разрабатывала проект бюджета на очередной финансовый год, который включался в бюджет без изменений и представлялся Совету судей Кыргызской Республики (ч. 2 ст. 54 Конституционного закона от 13 июня 2011 г.); Конституция 2010 г. (ч. 5 ст. 94 и ч. 2 ст. 97) разделяла должности судьи Верховного Суда и судьи Конституционной палаты Верховного Суда, требования к кандидатам на эти должности не являлись идентичными: в первом случае требовался стаж работы по юридической профессии не менее 10 лет, во втором – не менее 15 лет; правовая основа организации и деятельности Верховного Суда и Конституционной палаты Верховного Суда также была разделена, причем законодательный акт о Верховном Суде принимался в форме Закона Кыргызской Республики и регламентировал только организационно-структурные основы его статуса и статуса местных судов, а соответствующий акт в отношении Конституционной палаты имел форму Конституционного закона Кыргызской Республики и регулировал, как уже отмечалось, в том числе процессуальные аспекты конституционного правосудия, что корреспондировало конституционным положениям о том, что Верховный Суд являлся высшим судебным органом по гражданским, уголовным, экономическим, административным и иным делам и осуществлял пересмотр судебных актов по обращениям участников судебного процесса в порядке, определяемом законом, а Конституционная палата являлась органом, осуществлявшим конституционный контроль, т.е. реализующим конституционное судопроизводство (ч. 1 ст. 96 и ч. 1 ст. 97 Конституции 2010 г.); Закон Кыргызской Республики от 18 июля 2003 г. № 153 «О Верховном Суде Кыргызской Республики и местных судах» (ч. 1 ст. 12) устанавливал, что «судьи Конституционной палаты не входят в Пленум Верховного Суда» [28]; вопросы внутренней организации деятельности Верховного Суда и Конституционной палаты Верховного Суда регулировались различными регламентами, каждый из которых принимался соответствующим органом.

Сказанное позволяет сделать вывод, что, упразднив Конституционный Суд и вроде бы отказавшись тем самым от «кельзеновской» модели конституционного правосудия, киргизский законодатель в завуалированной форме сохранил основные черты данной модели, несколько ее модифицировав и изменив по причинам политического характера название органа конституционного правосудия. Как справедливо отмечает А.Н. Медушевский, «Конституция 2010 г. предложила чрезвычайно спорную конструкцию судебной власти. Аналогии этой системы трудно обнаружить в мировой практике» [29. С. 23, 25].

Конституционная палата Верховного Суда Кыргызской Республики состояла из одиннадцати судей: Председателя, заместителя Председателя и девяти судей. В отличие от ранее действовавшего регулирования, Конституционный закон Кыргызской Республики от 13 июня 2011 г. (ч. 1 ст. 6) устанавливал, что «собрание судей Конституционной палаты избирает из своего состава Председателя, заместителя Предсе-

дателя и судью-секретаря сроком на три года. Один и тот же судья не может быть избран Председателем, заместителем Председателя Конституционной палаты два срока подряд». Подобный порядок был призван гарантировать, с одной стороны, обновляемость руководства палаты, а с другой стороны, обеспечить независимость этого процесса от других органов власти.

Вопросы статуса судей Конституционной палаты Верховного Суда теперь регламентировались Конституционным законом Кыргызской Республики от 9 июля 2008 г. № 141 «О статусе судей Кыргызской Республики» [30]. В соответствии с этим Конституционным законом (ч. 1 и 2 ст. 15) судьей Конституционной палаты Верховного Суда мог быть гражданин Кыргызской Республики не моложе 40 и не старше 70 лет, имевший высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее пятнадцати лет, владеющий государственным и официальным языками; судьи Конституционной палаты Верховного Суда избирались Жогорку Кенешем по представлению Президента, основанному на предложении Совета по отбору судей, с учетом гендерного представительства не более семидесяти процентов лиц одного пола. В первый раз они избирались сроком на 7 лет, в последующем – до достижения предельного возраста, установленного Конституцией (70 лет). Интересно отметить, что был предусмотрен конкурсный порядок замещения должности судьи Конституционной палаты Верховного Суда: организация конкурса и его проведение возлагались на Совет по отбору судей как орган судейского сообщества (ч. 3 ст. 15 Конституционного закона от 9 июля 2008 г.).

Конституция 2010 г. (ч. 5 ст. 97) сохранила возможность досрочного прекращения полномочий судьи Конституционной палаты Верховного Суда Жогорку Кенешем большинством не менее двух третей голосов от общего числа его депутатов по представлению Президента на основании предложения Совета судей. Однако Конституционный закон от 9 июля 2008 г. (ч. 6 ст. 28) ограничил возможность реализации этой процедуры только случаями совершения судьей дисциплинарного проступка, «в исключительных случаях как крайняя мера дисциплинарного взыскания за нарушение судьей требований безупречности, подтвержденная решением Дисциплинарной комиссии при Совете судей».

Компетенция Конституционной палаты Верховного Суда была ограничена тремя полномочиями:

- 1) проверка конституционности законов и иных нормативных правовых актов;
- 2) дача заключения о конституционности не вступивших в силу международных договоров, участником которых являлась Кыргызская Республика;
- 3) дача заключения к проекту закона об изменениях в Конституцию.

При этом в Конституции 2010 г. (ч. 7 ст. 97) была сохранена следующая норма: «Каждый вправе оспорить конституционность закона и иного нормативного правового акта, если считает, что ими нарушаются права и свободы, признаваемые Конституцией». Это означало признание и сохранение в Кыргызстане ин-

ститута конституционной жалобы по типу *actio popularis*, реализация которого, как и ранее, не предполагала в качестве обязательного условия применение оспариваемого нормативного правового акта судом в конкретном деле [18. С. 93–96]. Таким образом, для обращений граждан в Конституционную палату Верховного Суда не было установлено требование исчерпания всех иных внутригосударственных средств судебной защиты. Конституционной палатой сформирован достаточно большой массив правовых позиций, направленных на обеспечение национальной безопасности, защиту конституционных прав и свобод граждан [31].

В соответствии с ч. 1 ст. 20 Конституционного закона от 13 июня 2011 г. право на обращение в Конституционную палату Верховного Суда о проверке законов и иных нормативных правовых актов принадлежало: физическому или юридическому лицу, если оно считает, что законами и иными нормативными правовыми актами нарушаются его права и свободы, признаваемые Конституцией; Жогорку Кенешу; фракции (фракциям) Жогорку Кенеша; Президенту; Правительству; Премьер-министру; судье (судьям) Кыргызской Республики; органам местного самоуправления; Генеральному прокурору; Акыйкатчы (Омбудсмену).

Органы и должностные лица направляли в Конституционную палату обращения в форме представления, физические и юридические лица – ходатайства, а судья (судьи) – запроса. Помимо проверки конституционности законов и иных нормативных правовых актов Жогорку Кенеш, его фракции, Президент, Правительство могли обращаться и по вопросу о конституционности не вступившего в силу международного договора и в связи с внесением проекта закона об изменении Конституции, Премьер-министр – в отношении проверки международного договора, акыйкатчы (омбудсмен) – в связи с предполагаемыми изменениями в Конституции.

Конституционный закон от 13 июня 2011 г. (гл. 7) существенно упорядочил многие процедуры конституционного судопроизводства. Особенно это касается стадии предварительного рассмотрения обращения. Если ранее определение о возбуждении конституционного судопроизводства выносилось судьей единолично (ст. 22 Закона «О конституционном судопроизводстве Кыргызской Республики» 1993 г., ст. 25, 26 аналогичного Закона 2009 г.), то теперь это решение принималось коллегией из трех судей (ст. 28 Конституционного закона от 13 июня 2011 г.). Определение об отказе в принятии обращения к производству либо о его принятии могло быть обжаловано сторонами в Конституционную палату. По результатам рассмотрения этого вопроса Конституционной палатой принималось отдельное постановление.

В качестве интересного примера из практики Конституционной палаты Верховного Суда, связанного с предварительным рассмотрением поступивших обращений, следует отметить Решение от 14 января 2014 г. № 02-р по делу о проверке конституционности ч. 4 ст. 28 Конституционного закона «О Конституци-

онной палате Верховного Суда Кыргызской Республики» в связи с обращением гражданина Етекбаева Рината Изтаевича [32]. Заявитель попытался оспорить в Конституционной палате один из нормативных актов Министерства здравоохранения Кыргызской Республики, считая его неконституционным. Конституционная палата пришла к выводу о том, что оспариваемые нормативные положения уже утратили силу, поэтому отказала в принятии соответствующего обращения. Тогда Р.И. Етекбаев оспорил в Конституционной палате норму ч. 4 ст. 28 Конституционного закона от 13 июня 2011 г., в соответствии с которой отмена или утрата силы акта, конституционность которого оспаривается, влечет за собой отказ в принятии обращения к производству Конституционной палатой. В данном Решении сформулирована правовая позиция о том, что «конституционное правосудие, осуществляя свою функцию конституционного контроля, преследует цель – защитить права и свободы граждан от нарушений действием нормативных правовых актов, противоречащих Конституции. Следовательно, реализация функции конституционного контроля возможна посредством признания неконституционными действующих нормативных правовых актов. Данный вывод подтверждается еще и правовыми последствиями реализации конституционных полномочий органа конституционного контроля. Так, установление Конституционной палатой неконституционности законов или их положений отменяет их действие на территории Кыргызской Республики (часть 9 статьи 97 Конституции)». При этом Конституционная палата обязана рассмотреть отмененный или утративший силу нормативный правовой акт в случае, если действием этого акта были нарушены конституционные права и свободы физических и юридических лиц (п. 3 ч. 1 ст. 41 Конституционного закона от 13 июня 2011 г.). Как указала Конституционная палата, «подобное обязывание продолжать проверку конституционности отмененного или утратившего свою силу нормативного правового акта обусловлено случаем конкретного нарушения конституционных прав и свобод граждан, что предполагает наличия бремени доказывания на обращающейся стороне. В ситуации, когда действующий нормативный правовой акт, по которому начата проверка его конституционности, отменяется нормотворческим органом, и при очевидных нарушениях конституционных прав и свобод граждан, доказанных в процессе рассмотрения Конституционной палатой, орган конституционного контроля в целях обеспечения защиты прав и свобод граждан обязан принять акт реагирования, чтобы не допустить возможного принятия нового нормативного правового акта такого же содержания». Интересно, что подобное регулирование рассматриваемых вопросов ранее содержалось в Федеральном конституционном законе от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ст. 43) [33].

Конституционный закон от 20 июля 2017 г. № 136 внес поправки в Закон «О Конституционной палате Верховного Суда Кыргызской Республики», более детально, чем это было ранее предусмотрено, регла-

ментировав вопросы юридической силы и порядка исполнения решений Конституционной палаты [34]. Отметим, что сама Конституционная палата интерпретировала юридическую силу своих решений о признании нормативного правового акта неконституционным таким образом, что проверяемый акт утрачивал юридическую силу с момента его принятия: «...исходя из правовых последствий решений Конституционной палаты по проверенным нормативным правовым актам, решение указанного органа государственной власти отменяет неконституционный акт с момента его вступления в силу, тогда как отмена акта нормотворческим органом прекращает его действие с момента принятия акта о его отмене или утрате его действия» (п. 4 мотивировочной части Решения Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики от 14 января 2014 г. № 02-р), т.е. применялось правило *ex tunc*, что достаточно необычно для органов конституционного правосудия, как правило, предпочитающих распространять свои правовые позиции только на будущее время (правило *ex nunc*), что обеспечивает соблюдение принципа правовой определенности.

Механизм исполнения решений Конституционной палаты Верховного Суда, предусмотренный ст. 52 Конституционного закона от 13 июня 2011 г., был основан на обязанности соответствующих органов власти внести изменения в законодательство: отменить неконституционный акт, дополнить действующее регулирование, принять новый акт, восполняющий правовой пробел [35, 36]. В целом он был схож с порядком исполнения решений Конституционного Суда РФ (ст. 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»), однако Конституционная палата, в отличие от Конституционного Суда РФ, обладала и правом вынесения частных определений в отношении государственных органов, должностных лиц, органов местного самоуправления, юридических лиц, нарушивших законодательство.

Восстановление института Конституционного Суда

Конституция Кыргызской Республики, принятая референдумом (всенародным голосованием) 11 апреля 2021 г., *восстановила институт Конституционного Суда*. При этом Законом от 5 мая 2021 г. № 59 «О Конституции Кыргызской Республики» (ч. 1 и 3 ст. 5) предусмотрена трансформация действующей Конституционной палаты Верховного Суда в Конституционный Суд [37]. В целом правовое регулирование статуса Конституционного Суда Кыргызской Республики во многом основано на принципе преемственности.

Конституция 2021 г. (ч. 1 ст. 97) определяет Конституционный Суд как высший орган судебной власти, осуществляющий конституционный контроль посредством конституционного судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспече-

ния верховенства и прямого действия Конституции. Правовыми основами деятельности Конституционного Суда являются Конституция, Конституционный закон от 15 ноября 2021 г. № 133 «О Конституционном Суде Кыргызской Республики» [38], регулирующий как организационно-структурные, так и процессуальные аспекты его деятельности, а также Регламент этого органа.

Конституционный Суд состоит из девяти судей: Председателя, заместителя Председателя и семи судей. Судей Конституционного Суда может быть гражданин Кыргызской Республики не моложе 40 и не старше 70 лет, имеющий высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее 15 лет. Судьи Конституционного Суда избираются не менее чем половиной голосов от общего числа депутатов Жогорку Кенеша до достижения предельного возраста (70 лет). Председатель Конституционного Суда назначается Президентом по предложению Совета судей и с согласия не менее половины голосов от общего числа депутатов Жогорку Кенеша из числа судей Конституционного Суда сроком на 5 лет. Заместитель Председателя Конституционного Суда назначается Президентом по представлению Председателя Конституционного Суда сроком на 5 лет. Сохранена ранее установленная применительно к Конституционной палате Верховного Суда норма о том, что судьи могут быть досрочно освобождены от занимаемой должности Жогорку Кенешем большинством не менее двух третей голосов от общего числа депутатов по представлению Президента, основанному на предложении Совета судей, в случае нарушения требований безупречности.

Определенные изменения претерпела компетенция органа конституционного правосудия. В соответствии с ч. 2 ст. 97 Конституции Кыргызской Республики 2021 г. Конституционный Суд обладает следующими полномочиями:

- 1) дает официальное толкование Конституции;
- 2) разрешает дела о соответствии законов и иных нормативных правовых актов Кыргызской Республики Конституции;
- 3) дает заключение о конституционности не вступивших в силу международных договоров, участницей которых является Кыргызская Республика;
- 4) разрешает споры о компетенции между ветвями государственной власти;
- 5) дает заключение к проекту закона об изменении и дополнениях в Конституцию;
- 6) дает заключение о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения против Президента.

Полномочиями по разрешению споров о компетенции, официальному толкованию Конституции и даче заключения о соблюдении порядка выдвижения обвинения против Президента не была наделена Конституционная палата Верховного Суда.

Право на обращение в Конституционный Суд принадлежит: физическому или юридическому лицу, если оно считает, что законами и иными нормативными правовыми актами нарушаются права и

свободы, признаваемые Конституцией; Президенту; Жогорку Кенешу, его фракциям, депутатским группам; Кабинету Министров; Верховному Суду; органам местного самоуправления; Генеральному прокурору; Акыйкатчы (Омбудсмену); судье (судьям) Кыргызской Республики.

Как и ранее, Конституционный Суд не имеет права рассматривать какие-либо дела по собственной инициативе и не обладает правом внесения законопроектов в Парламент.

Новый Конституционный закон «О Конституционном Суде Кыргызской Республики» 2021 г. призван усовершенствовать процессуальный порядок осуществления конституционного правосудия.

Сохраняется ранее предусмотренный механизм предварительного рассмотрения обращения коллегией из 3 судей с возможностью обжалования ее решения непосредственно в Конституционный Суд.

Впервые в истории конституционного правосудия Кыргызстана устанавливается «письменная процедура» для рассмотрения определенных категорий дел, что является выражением общемировой тенденции развития процессуальных форм конституционного судопроизводства. Данная процедура предполагает рассмотрение Конституционным Судом в отсутствие участников судебного разбирательства следующих категорий дел:

- 1) об официальном толковании Конституции;
- 2) о даче заключения о конституционности не вступивших в силу для Кыргызской Республики международных договоров;
- 3) по запросу судьи (судей);
- 4) о рассмотрении жалобы на определение коллегии судей об отказе или о принятии обращения к производству.

Указанные дела рассматриваются по «письменной процедуре», за исключением случаев, когда необходимость устного судебного разбирательства будет признана Конституционным Судом по собственной инициативе либо по ходатайству участников конституционного судопроизводства. Использование письменной формы разбирательства не только обеспечивает процессуальную экономию при разрешении соответствующих категорий дел, но и способствует сохранению единообразия в понимании и толковании конституционных норм при осуществлении судебного конституционного контроля. Поэтому целесообразно распространить ее применение и на те случаи, когда по предмету рассмотрения Конституционным Судом ранее уже формулировались правовые позиции [39. С. 383–386].

Новое законодательство о конституционном правосудии учитывает и возможности использования современных информационно-коммуникационных технологий в судебном процессе, впервые допуская разбирательство в режиме онлайн.

Выводы

Проведенное исследование позволяет на примере Кыргызстана указать следующие *общие проблемы*

конституционного правосудия, характерные для стран, существующих на постсоветском пространстве:

- конституционное развитие данных государств (особенно стран Центральной Азии) сопряжено с поиском оптимальной организационно-правовой формы конституционного контроля, при этом нередко подвергается значительной модификации существующая «кельзеновская» модель конституционного правосудия или даже имеет место отказ от нее;

- каждое из государств пытается найти и наиболее эффективную форму законодательного регулирования статуса органа конституционного правосудия, связанную либо с закреплением соответствующих норм в одном законодательном акте или (как это имело место в Кыргызстане в 1993–2011 гг.) отдельной регламентацией материально-правовых и процессуальных аспектов рассматриваемого института;

- осуществление конституционного правосудия в этих странах происходит нередко в условиях частых изменений законодателем компетенции соответствующих органов, не всегда сопровождаемых надлежащим процессуальным обеспечением. Иногда данным органам предоставляются нетипичные полномочия, не связанные прямо с реализацией конституционного контроля;

- с одной стороны, значительное влияние на осуществление конституционного правосудия в рассматриваемых государствах оказывают политические факторы, с другой стороны, исполнение решений соответствующих органов в существенной мере зависит от политической ситуации в стране, их авторитета и доверия к ним общества;

- в современный период возникает необходимость установления законодателем дополнительных гарантий, обеспечивающих доступ граждан к осуществлению конституционного правосудия, в том числе на основе использования средств «электронного правосудия»;

- национальные законодатели пытаются добиться оптимального сочетания процедур устного и письменного производства в органе конституционного правосудия с тем, чтобы обеспечивалась эффективная реализация его компетенции при надлежащем гарантировании процессуальных прав сторон;

- существует потребность во взаимном учете и использовании опыта организации и осуществления конституционного правосудия в странах, существующих на постсоветском пространстве. При этом следует признать в качестве значимого фактора влияние, которое оказывает российское законодательство в исследуемой области и деятельность Конституционного Суда РФ на развитие конституционного правосудия государств, ранее входивших в состав СССР.

Проведенный анализ показывает, что в некоторых случаях (особенно если речь идет о защите прав и свобод граждан) правовые позиции органа конституционного правосудия Кыргызстана содержательно аналогичны позициям, сформулированным Конституционным Судом РФ, что обусловлено отчасти и опорой на единые для обоих государств нормы международного права, имплементированные в национальное

законодательство. В других случаях (это касается проблем организации публичной власти) между решениями соответствующих органов имеются различия в подходах, касающихся одних и тех же проблем, иногда весьма существенные.

Для Российской Федерации исследование эволюции органов конституционного правосудия в Кыргызстане имеет значимость в силу следующих обстоятельств.

В России продолжают дискуссии о том, какая организационно-правовая форма конституционного контроля предпочтительна для нашей страны. Федеральный законодатель уже принял решение об изменении такой формы на уровне субъектов РФ, допустив возможность создания конституционных (уставных) советов вместо упраздняемых конституционных (уставных) судов [40]. Таким образом, российская модель конституционного контроля также определенным образом эволюционирует, что вызывает интерес к опыту Кыргызстана, который в течение относительно небольшого исторического периода «апробировал» различные подходы к организации конституционного контроля, имеющие свои достоинства и недостатки.

Заслуживает внимания и может быть учтен при совершенствовании российского законодательства и опыт реализации отдельных институтов конституционного правосудия в Кыргызстане, например сложившаяся практика участия Конституционного Суда в процедурах внесения поправок в Конституцию: в России федеральный орган конституционного правосудия был наделен соответствующим полномочием только в 2020 г., а в Кыргызстане оно реализуется уже достаточно давно, сформированы определенные правовые позиции, касающиеся критериев и юридических последствий проверки данных законопроектов. Интересна реализация Конституционной палатой Верховного Суда и Конституционным Судом Кыргызской Республики полномочия по принятию частных определений в отношении государственных органов, нарушающих законодательство.

В качестве наиболее важных задач по совершенствованию организации и осуществления конституционного правосудия в Кыргызстане в современный период можно отметить следующие.

1. Необходимо всемерно укреплять независимость Конституционного Суда по отношению к иным государственным органам. В связи с этим предпочтительно, чтобы организационные вопросы, затрагивающие конституционное правосудие, решались преимущественно самим Судом или органами судейского сообщества. Полномочия Президента и Жогорку Кенеша в этом отношении должны быть ограничены.

2. В связи с начавшимися в Кыргызстане процессами становления административной юстиции, связанными с принятием в 2017 г. Административно-процессуального кодекса, созданием системы административных судов, необходимо более детальное разграничение полномочий Конституционного и других судов, связанных с нормоконтролем, с учетом того, что согласно п. 4 ч. 1 ст. 15 Административно-

процессуального кодекса Кыргызской Республики дела о признании недействительным подзаконного нормативного правового акта административного органа или представительного органа местного самоуправления должны рассматриваться в порядке административного судопроизводства.

3. Не является излишней более детальная регламентация процедур конституционного судопроизводства, включая процессуальную дифференциацию порядка осуществления различных полномочий Конституционного Суда, модификацию норм о юридической силе и порядке исполнения его актов, в том числе

признание определенной дискреции Суда в части определения мер, необходимых для реализации его решений.

4. Эффективность конституционного правосудия прямо зависит от общего состояния правовой и политической культуры в обществе [41]. Необходимо законодательно обеспечить возможность проявления Конституционным Судом в определенных ситуациях «разумной сдержанности» по отношению к вопросам, носящим явно выраженный политический характер, дабы исключить использование конституционного правосудия как средства в политической борьбе.

Список источников

1. Аничкин Е.С., Ряховская Т.И. Конституционное право Российской Федерации и стран Центральной Азии: уникальное и универсальное // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 195–203.
2. Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии. Сборник нормативных актов / отв. ред. М.А. Митюков. М.: Зерцало, 1998.
3. Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие в зарубежных странах. Сравнительно-правовое исследование. 2-е изд., доп. М.: Международные отношения, 2015.
4. Кравец И.А. Конституционное правосудие. Теория судебного конституционного права и практика судебного конституционного процесса. М.: Юстицинформ, 2017.
5. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2012.
6. Брежнев О.В. Развитие института конституционного правосудия в Республике Узбекистан: проблемы теории и практики // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451. С. 185–195.
7. Мырзалымов Р.М. Органы конституционной юстиции в странах Центральной Азии: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013.
8. Закон Киргизской ССР от 23 сентября 1989 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Киргизской ССР» // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/ru-ru/npakr/search> (дата обращения: 20.08.2021).
9. Закон Киргизской ССР от 14 апреля 1990 г. № 52-ХІІ «О конституционном надзоре в Киргизской ССР» // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/ru-ru/npakr/search> (дата обращения: 20.08.2021).
10. Юсупалиев И.К., Нарматов Х.Б. Становление и развитие Конституции и государственности в Кыргызской Республике на протяжении XX века // Известия вузов Кыргызстана. 2015. № 5. С. 244–248.
11. Шульженко Ю.Л. Конституционный контроль в России. М.: ИГП РАН, 1995.
12. Закон Киргизской ССР от 14 декабря 1990 г. № 260-ХІІ «О реорганизации системы органов государственной власти и управления в Киргизской ССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Киргизской ССР» // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/ru-ru/npakr/search> (дата обращения: 20.08.2021).
13. Баскова Ч.Т. О конституционном правосудии в Кыргызской Республике. URL: <https://www.concourt.am/hr/ccl/vestnik/4.14-1.15/baskova.htm> (дата обращения: 20.08.2021).
14. Закон Кыргызской Республики от 18 декабря 1993 г. № 1335-ХІІ «О Конституционном Суде Кыргызской Республики» // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/ru-ru/npakr/search> (дата обращения: 20.08.2021).
15. Закон Кыргызской Республики от 20 июля 2009 г. № 235 «О конституционном судопроизводстве Кыргызской Республики» // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/ru-ru/npakr/search> (дата обращения: 20.08.2021).
16. Остапович И.Ю. Конституционный Совет Республики Казахстан: вопросы теории и практики. Посвящается двадцатилетию Конституции Республики Казахстан. Усть-Каменогорск, 2015.
17. Закон РСФСР от 12 июля 1991 г. № 1599-І «О Конституционном Суде РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 30. Ст. 1017.
18. Кухливский В.С. Конституционная жалоба как элемент правозащитного механизма в Российской Федерации и иных государствах-членах СНГ : дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГИМО, 2016.
19. Холиков К.Н. Конституционный Суд Республики Таджикистан: статус, организация и деятельность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009.
20. Решение Конституционного Суда Кыргызской Республики от 13 июля 1998 г. по представлениям депутатов Собрания народных представителей Жогорку Кенеша Кыргызской Республики Дилия В.И., Исмаилова Э.Ж. и депутатов Законодательного Собрания Жогорку Кенеша Кыргызской Республики Гогаева Б.Х., Мадумарова А.К. о разрешении спора, связанного с применением п. 2 ст. 43 Конституции Кыргызской Республики о возможности участия Президента Кыргызской Республики Аскара Акаева в очередных выборах Президента Кыргызской Республики в 2000 г. // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/ru-ru/npakr/search> (дата обращения: 20.08.2021).
21. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 134-О по делу о толковании ч. 3 ст. 81 и п. 3 раздела второго «Заключительные и переходные положения» Конституции Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 46. Ст. 5701.
22. Метедбеков Р. Решение Конституционного Суда о признании неконституционной главы 16-1 Закона «О Регламенте Жогорку Кенеша» является неправосудным. URL: <http://24.kg/archive/ru/politic/24325-2007/09/18/62299.html> (дата обращения: 20.08.2021).
23. Заключение Венецианской комиссии «О конституционной ситуации в Кыргызской Республике» // European Commission for Democracy through Law (Venice Commission). Opinion on the Constitutional Situation in the Kyrgyz Republic. Opinion no. 457/2007. CDL-AD(2007)045. 14–15 December 2007. URL: http://www.venice.coe.int/site/dynamics/N_Series_ef.asp?Y=2007&S=1&L=E (дата обращения: 20.08.2021).
24. Исакова Г. Респект Парламента в Кыргызской Республике: конституционные нормы и политическая реальность // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 5. С. 12–20.
25. Заключение Конституционного Суда Кыргызской Республики от 21 января 2010 г. по проекту Закона Кыргызской Республики «О внесении изменений в Конституцию Кыргызской Республики» // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/ru-ru/npakr/search> (дата обращения: 20.08.2021).

26. Декрет Временного Правительства Кыргызской Республики от 12 апреля 2010 г. ВП № 2 «О расформировании Конституционного Суда Кыргызской Республики» // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/ru-ru/npakr/search> (дата обращения: 20.08.2021).
27. Конституционный закон Кыргызской Республики от 13 июня 2011 г. № 37 «О Конституционной палате Верховного Суда Кыргызской Республики» // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/ru-ru/npakr/search> (дата обращения: 20.08.2021).
28. Закон Кыргызской Республики от 18 июля 2003 г. № 153 «О Верховном Суде Кыргызской Республики и местных судах» // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/ru-ru/npakr/search> (дата обращения: 20.08.2021).
29. Медушевский А.Н. Революция в Киргизии: итоги и перспективы конституционных преобразований // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 1. С. 13–32.
30. Конституционный закон Кыргызской Республики от 9 июля 2008 г. № 141 «О статусе судей Кыргызской Республики» // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/ru-ru/npakr/search> (дата обращения: 20.08.2021).
31. Айдарбекова Ч. Роль органа конституционного контроля в вопросах защиты национальной безопасности // Вестник Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики. 2016. № 5. С. 362–367.
32. Решение Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики от 14 января 2014 г. № 02-р по делу о проверке конституционности ч. 4 ст. 28 Конституционного закона Кыргызской Республики «О Конституционной палате Верховного Суда Кыргызской Республики» в связи с обращением гражданина Етекбаева Рината Изтаевича // Официальный Интернет-портал Конституционного Суда Кыргызской Республики. URL: <https://constot.kg/wp-content/uploads/2014/01/resheniya-po-delu-Etekbayeva.pdf> (дата обращения: 20.08.2021).
33. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.
34. Конституционный закон Кыргызской Республики от 20 июля 2017 г. № 136 «О внесении изменений в Конституционный закон Кыргызской Республики “О Конституционной палате Верховного Суда Кыргызской Республики”» // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/ru-ru/npakr/search> (дата обращения: 20.08.2021).
35. Токтобаев Б.Т. Решение Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики – как источник права: за и против // Вестник Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики. 2017. № 2. С. 395–398.
36. Мырзалимов Р.М. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционной палаты как источника права // Вестник Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики. 2017. № 2. С. 363–369.
37. Закон Кыргызской Республики от 5 мая 2021 г. № 59 «О Конституции Кыргызской Республики» // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/ru-ru/npakr/search> (дата обращения: 20.08.2021).
38. Конституционный закон Кыргызской Республики от 15 ноября 2021 г. № 133 «О Конституционном Суде Кыргызской Республики» // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/ru-ru/npakr/search> (дата обращения: 29.11.2021).
39. Борубашов Б.И. Правовые позиции Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики // Вестник Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики. 2017. № 2. С. 381–388.
40. Федеральный конституционный закон от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 50 (ч. 1). Ст. 8029.
41. Арабаев А.А., Береналиева А.А. Конституция Кыргызской Республики и институционализация демократической политической системы общества: основные проблемы теории и практики // Конституционные идеалы и ценности в практической демократии : материалы и доклады XII Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В.В. Полянского, В.Э. Волкова. Самара : Изд-во СамГУ, 2017. С. 12–23.

References

1. Anichkin, E.S. & Ryakhovskaya, T.I. (2019) Constitutional law of the Russian Federation and central asian countries: the unique and the universal. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 440. pp. 195–203. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/440/27
2. Mityukov, M.A. (ed.) (1998). *Konstitutsionnoe pravosudie v stranakh SNG i Baltii. Sbornik normativnykh aktov* [Constitutional Justice in the CIS and Baltic Countries. Collection of normative acts]. Moscow: Zertsalo.
3. Klishas, A.A. (2015) *Konstitutsionnyy kontrol' i konstitutsionnoe pravosudie v zarubezhnykh stranakh. Sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [Constitutional Control and Constitutional Justice in Foreign Countries. Comparative legal research]. 2nd ed. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
4. Kravets, I.A. (2017) *Konstitutsionnoe pravosudie. Teoriya sudebnogo konstitutsionnogo prava i praktika sudebnogo konstitutsionnogo protsessa* [Constitutional Justice. Theory of judicial constitutional law and practice of judicial constitutional process]. Moscow: Yustitsinform.
5. Vitruk, N.V. (2012) *Konstitutsionnoe pravosudie. Sudebno-konstitutsionnoe pravo i protsess* [Constitutional Justice. Judicial and Constitutional law and Process]. 4th ed. Moscow: Infra-M.
6. Brezhnev, O.V. (2020) The development of the institution of constitutional justice in the Republic of Uzbekistan: problems of theory and practice. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 451. pp. 185–195. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/451/25
7. Myrzalimov, R.M. (2013) *Organy konstitutsionnoy yustitsii v stranakh Tsentral'noy Azii: problemy teorii i praktiki* [Bodies of constitutional justice in the countries of Central Asia: problems of theory and practice]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
8. Tsentralizovanny bank dannykh pravovoy informatsii Kyrgyzskoy Respubliki [Centralized database of legal information of the Kyrgyz Republic]. (1989) *Zakon Kirgizskoy SSR ot 23 sentyabrya 1989 g. "Ob izmeneniyakh i dopolneniyakh Konstitutsii (Osnovnogo Zakona) Kirgizskoy SSR"* [The Law of the Kyrgyz SSR of September 23, 1989 “On amendments and additions to the Constitution (Basic Law) of the Kyrgyz SSR”]. [Online] Available from: <http://cbd.minjust.gov.kg/ru-ru/npakr/search> (Accessed: 20.08.2021).
9. Tsentralizovanny bank dannykh pravovoy informatsii Kyrgyzskoy Respubliki [Centralized database of legal information of the Kyrgyz Republic]. (1990) *Zakon Kirgizskoy SSR ot 14 aprelya 1990 g. № 52-XII "O konstitutsionnom nadzore v Kirgizskoy SSR"* [Law of the Kyrgyz SSR of April 14, 1990 No. 52-XII “On constitutional supervision in the Kyrgyz SSR”]. [Online] Available from: <http://cbd.minjust.gov.kg/ru-ru/npakr/search> (Accessed: 20.08.2021).
10. Yusupaliev, I.K. & Narmatov, Kh.B. (2015) The formation and development of the constitution and statehood in the Kyrgyz Republic during the 20th century. *Izvestiya vuzov Kyrgyzstana*. 5. pp. 244–248. (In Russian).
11. Shul'zhenko, Yu.L. (1995) *Konstitutsionnyy kontrol' v Rossii* [Constitutional Control in Russia]. Moscow: Institute of State and Law RAS.
12. Tsentralizovanny bank dannykh pravovoy informatsii Kyrgyzskoy Respubliki [Centralized database of legal information of the Kyrgyz Republic]. (1990) *Zakon Kirgizskoy SSR ot 14 dekabrya 1990 g. № 260-XII "O reorganizatsii sistemy organov gosudarstvennoy vlasti i upravleniya v Kirgizskoy SSR i vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Konstitutsiyu (Osnovnoy Zakon) Kirgizskoy SSR"* [Law of the Kyrgyz SSR of

- December 14, 1990 No. 260-XII "On the reorganization of the system of state authorities and management in the Kyrgyz SSR and amendments and additions to the Constitution (Basic Law) of the Kyrgyz SSR". [Online] Available from: <http://cbd.minjust.gov.kg/ru-ru/npakr/search> (Accessed: 20.08.2021).
13. Baekova, Ch.T. (n.d.) *O konstitutsionnom pravosudii v Kyrgyzskoy Respublike* [On constitutional justice in the Kyrgyz Republic]. [Online] Available from: <https://www.concourt.am/hr/ccl/vestnik/4.14-1.15/baekova.htm> (Accessed: 20.08.2021).
 14. Tsentralizovannyi bank dannykh pravovoy informatsii Kyrgyzskoy Respubliki [Centralized database of legal information of the Kyrgyz Republic]. (1993) *Zakon Kyrgyzskoy Respubliki ot 18 dekabrya 1993 g. № 1335-XII "O Konstitutsionnom Sude Kyrgyzskoy Respubliki"* [Law of the Kyrgyz Republic No. 1335-XII of December 18, 1993 "On the Constitutional Court of the Kyrgyz Republic"]. [Online] Available from: <http://cbd.minjust.gov.kg/ru-ru/npakr/search> (Accessed: 20.08.2021).
 15. Tsentralizovannyi bank dannykh pravovoy informatsii Kyrgyzskoy Respubliki [Centralized database of legal information of the Kyrgyz Republic]. (2009) *Zakon Kyrgyzskoy Respubliki ot 20 iyulya 2009 g. № 235 "O konstitutsionnom sudoproizvodstve Kyrgyzskoy Respubliki"* [Law of the Kyrgyz Republic No. 235 of July 20, 2009 "On Constitutional legal proceedings of the Kyrgyz Republic"]. [Online] Available from: <http://cbd.minjust.gov.kg/ru-ru/npakr/search> (Accessed: 20.08.2021).
 16. Ostapovich, I.Yu. (2015) *Konstitutsionnyy Sovet Respubliki Kazakhstan: voprosy teorii i praktiki. Posvyashchaetsya dvadtsatiletiyu Konstitutsii Respubliki Kazakhstan* [Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan: issues of theory and practice. Dedicated to the twentieth anniversary of the Constitution of the Republic of Kazakhstan]. Ust-Kamenogorsk: Kazakh-American Free University.
 17. Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov RSFSR i Verkhovnogo Soveta RSFSR. (1991) *Zakon RSFSR ot 12 iyulya 1991 g. № 1599-I "O Konstitutsionnom Sude RSFSR"* [Law of the RSFSR of July 12, 1991 No. 1599-I "On the Constitutional Court of the RSFSR"]. *Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov RSFSR i Verkhovnogo Soveta RSFSR*. 30. Art. 1017.
 18. Kukhlivskiy, V.S. (2016) *Konstitutsionnaya zhaloba kak element pravozashchitnogo mekhanizma v Rossiyskoy Federatsii i inykh gosudarstvakh-chlenakh SNG* [Constitutional complaint as an element of the human rights mechanism in the Russian Federation and other CIS member states]. Law Cand. Diss. Moscow: Moscow State Institute of International Relations.
 19. Kholikov, K.N. (2009) *Konstitutsionnyy Sud Respubliki Tadzhikistan: status, organizatsiya i deyatel'nost'* [Constitutional Court of the Republic of Tajikistan: status, organization and activity]. Moscow: Moscow State University.
 20. Tsentralizovannyi bank dannykh pravovoy informatsii Kyrgyzskoy Respubliki [Centralized database of legal information of the Kyrgyz Republic]. (1998) *Reshenie Konstitutsionnogo Suda Kyrgyzskoy Respubliki ot 13 iyulya 1998 g. po predstavleniyam deputatov Sobraniya narodnykh predstaviteley Zhogorku Kenesha Kyrgyzskoy Respubliki Dilya V.I., Ismailova E.Zh. i deputatov Zakonodatel'nogo Sobraniya Zhogorku Kenesha Kyrgyzskoy Respubliki Gogaeva B.Kh., Madumarova A.K. o razreshenii spora, svyazannogo s primeneniem p. 2 st. 43 Konstitutsii Kyrgyzskoy Respubliki o vozmozhnosti uchastiya Prezidenta Kyrgyzskoy Respubliki Askara Akaeva v ocherednykh vyborah Prezidenta Kyrgyzskoy Respubliki v 2000 g.* [The decision of the Constitutional Court of the Kyrgyz Republic of July 13, 1998 on the submissions of deputies of the Assembly of People's Representatives of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic V.I. Dilya, E.Zh. Ismailov and deputies of the Legislative Assembly of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic B.H. Gogaev, A.K. Madumarov on the resolution of a dispute related to the application of paragraph 2 of Article 43 of the Constitution of the Kyrgyz Republic on the possibility of participation of the President Askar Akayev of the Kyrgyz Republic in the regular presidential elections of the Kyrgyz Republic in 2000]. [Online] Available from: <http://cbd.minjust.gov.kg/ru-ru/npakr/search> (Accessed: 20.08.2021).
 21. Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. (1998) *Opreделение Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 5 noyabrya 1998 g. № 134-O po delu o tolkovanii ch. 3 st. 81 i p. 3 razдела второго "Zaklyuchitel'nye i perekhodnye polozeniya" Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 5, 1998 No. 134-O in the case of interpretation of Part 3 of Article 81 and paragraph 3 of Section Two "Final and Transitional provisions" of the Constitution of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 46. Art. 5701.
 22. Metedbekov, R. (2007) *Reshenie Konstitutsionnogo Suda o priznanii nekonstitutsionnoy glavy 16-1 Zakona "O Reglamente Zhogorku Kenesha" yavlyayetsya nepravosudnym* [The decision of the Constitutional Court to recognize unconstitutional Chapter 16-1 of the Law "On the Regulations of the Jogorku Kenesh" is unlawful]. 24.kg. [Online] Available from: <http://24.kg/archive/ru/politic/24325-2007/09/18/62299.html> (Accessed: 20.08.2021).
 23. European Commission for Democracy through Law (Venice Commission). (2007) *Zaklyuchenie Venetsianskoy komissii "O konstitutsionnoy situatsii v Kyrgyzskoy Respubliki"* [Opinion on the Constitutional Situation in the Kyrgyz Republic]. Opinion no. 457/2007. CDL-AD(2007)045. 14–15 December 2007. [Online] Available from: http://www.venice.coe.int/site/dynamics/N_Series_ef.asp?Y=2007&S=1&L=E (Accessed: 20.08.2021).
 24. Iskakova, G. (2013) The dissolution of parliament in the Republic of Kyrgyzstan: constitutional rules and political reality. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review*. 5 (96). pp. 12–20. (In Russian).
 25. Tsentralizovannyi bank dannykh pravovoy informatsii Kyrgyzskoy Respubliki [Centralized database of legal information of the Kyrgyz Republic]. (2010) *Zaklyuchenie Konstitutsionnogo Suda Kyrgyzskoy Respubliki ot 21 yanvarya 2010 g. po proektu Zakona Kyrgyzskoy Respubliki "O vnesenii izmeneniy v Konstitutsiyu Kyrgyzskoy Respubliki"* [Conclusion of the Constitutional Court of the Kyrgyz Republic of January 21, 2010 on the draft Law of the Kyrgyz Republic "On Amendments to the Constitution of the Kyrgyz Republic"]. [Online] Available from: <http://cbd.minjust.gov.kg/ru-ru/npakr/search> (Accessed: 20.08.2021).
 26. Tsentralizovannyi bank dannykh pravovoy informatsii Kyrgyzskoy Respubliki [Centralized database of legal information of the Kyrgyz Republic]. (2010) *Dekret Vremennogo Pravitel'stva Kyrgyzskoy Respubliki ot 12 aprelya 2010 g. VP № 2 "O rasformirovani Konstitutsionnogo Suda Kyrgyzskoy Respubliki"* [Decree of the Provisional Government of the Kyrgyz Republic of April 12, 2010 VP No. 2 "On the dissolution of the Constitutional Court of the Kyrgyz Republic"]. [Online] Available from: <http://cbd.minjust.gov.kg/ru-ru/npakr/search> (Accessed: 20.08.2021).
 27. Tsentralizovannyi bank dannykh pravovoy informatsii Kyrgyzskoy Respubliki [Centralized database of legal information of the Kyrgyz Republic]. (2011) *Konstitutsionnyy zakon Kyrgyzskoy Respubliki ot 13 iyunya 2011 g. № 37 "O Konstitutsionnoy palate Verkhovnogo Suda Kyrgyzskoy Respubliki"* [Constitutional Law of the Kyrgyz Republic No. 37 of June 13, 2011 "On the Constitutional Chamber of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic"]. [Online] Available from: <http://cbd.minjust.gov.kg/ru-ru/npakr/search> (Accessed: 20.08.2021).
 28. Tsentralizovannyi bank dannykh pravovoy informatsii Kyrgyzskoy Respubliki [Centralized database of legal information of the Kyrgyz Republic]. (2003) *Zakon Kyrgyzskoy Respubliki ot 18 iyulya 2003 g. № 153 "O Verkhovnom Sude Kyrgyzskoy Respubliki i mestnykh sudakh"* [Law of the Kyrgyz Republic No. 153 of July 18, 2003 "On the Supreme Court of the Kyrgyz Republic and local courts"]. [Online] Available from: <http://cbd.minjust.gov.kg/ru-ru/npakr/search> (Accessed: 20.08.2021).
 29. Medushevskiy, A.N. (2011) *Revolutsiya v Kirgizii: itogi i perspektivy konstitutsionnykh preobrazovaniy* [Revolution in Kyrgyzstan: results and prospects of constitutional transformations]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review*. 1 (80). pp. 13–32.
 30. Tsentralizovannyi bank dannykh pravovoy informatsii Kyrgyzskoy Respubliki [Centralized database of legal information of the Kyrgyz Republic]. (2008) *Konstitutsionnyy zakon Kyrgyzskoy Respubliki ot 9 iyulya 2008 g. № 141 "O statute sudey Kyrgyzskoy Respubliki"* [Constitutional Law of the Kyrgyz Republic No. 141 of July 9, 2008 "On the status of judges of the Kyrgyz Republic"]. [Online] Available from: <http://cbd.minjust.gov.kg/ru-ru/npakr/search> (Accessed: 20.08.2021).
 31. Aydarbekova, Ch. (2016) Rol' organa konstitutsionnogo kontrolya v voprosakh zashchity natsional'noy bezopasnosti [The role of the constitutional control body in matters of national security protection]. *Vestnik Konstitutsionnoy palaty Verkhovnogo Suda Kyrgyzskoy Respubliki*. 5. pp. 362–367.

32. Constitutional Court of the Kyrgyz Republic. (2014) *Reshenie Konstitutsionnoy palaty Verkhovnoy Suda Kyrgyzskoy Respubliki ot 14 yanvarya 2014 g. № 02-r po delu o proverke konstitutsionnosti ch. 4 st. 28 Konstitutsionnogo zakona Kyrgyzskoy Respubliki "O Konstitutsionnoy palate Verkhovnoy Suda Kyrgyzskoy Respubliki" v svyazi s obrashcheniem grazhdanina Etekbayeva Rinata Iztaevicha* [The decision of the Constitutional Chamber of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic of January 14, 2014 No. 02-r on the case of checking the constitutionality of Part 4 of Article 28 of the Constitutional Law of the Kyrgyz Republic "On the Constitutional Chamber of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic" in connection with the appeal of citizen Etekbayev Rinat Iztaevich]. [Online] Available from: <https://constsot.kg/wp-content/uploads/2014/01/resheniya-po-delu-Etekbayeva.pdf> (Accessed: 20.08.2021).
33. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. (1994) *Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 21 iyulya 1994 g. № 1-FKZ "O Konstitutsionnom Sude Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of July 21, 1994 "On the Constitutional Court of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 13. Art. 1447.
34. Tsentralizovanny bank dannykh pravovoy informatsii Kyrgyzskoy Respubliki [Centralized database of legal information of the Kyrgyz Republic]. (2017) *Konstitutsionnyy zakon Kyrgyzskoy Respubliki ot 20 iyulya 2017 g. № 136 "O vnesenii izmeneniy v Konstitutsionnyy zakon Kyrgyzskoy Respubliki "O Konstitutsionnoy palate Verkhovnoy Suda Kyrgyzskoy Respubliki" v svyazi s obrashcheniem grazhdanina Etekbayeva Rinata Iztaevicha"* [Constitutional Law of the Kyrgyz Republic No. 136 of July 20, 2017 "On Amendments to the Constitutional Law of the Kyrgyz Republic "On the Constitutional Chamber of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic"]. [Online] Available from: <http://cbd.minjust.gov.kg/ru-ru/npakr/search> (Accessed: 20.08.2021).
35. Toktobaev, B.T. (2017) *Reshenie Konstitutsionnoy palaty Verkhovnoy Suda Kyrgyzskoy Respubliki – kak istochnik prava: za i protiv* [The decision of the Constitutional Chamber of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic – as a source of law: pros and cons]. *Vestnik Konstitutsionnoy palaty Verkhovnoy Suda Kyrgyzskoy Respubliki*. 2. pp. 395–398.
36. Myrzalimov, R.M. (2017) *Normativno-doktrinal'naya priroda resheniy Konstitutsionnoy palaty kak istochnika prava* [Normative-doctrinal nature of decisions of the Constitutional Chamber as a source of law]. *Vestnik Konstitutsionnoy palaty Verkhovnoy Suda Kyrgyzskoy Respubliki*. 2. pp. 363–369.
37. Tsentralizovanny bank dannykh pravovoy informatsii Kyrgyzskoy Respubliki [Centralized database of legal information of the Kyrgyz Republic]. (2021) *Zakon Kyrgyzskoy Respubliki ot 5 maya 2021 g. № 59 "O Konstitutsii Kyrgyzskoy Respubliki"* [Law of the Kyrgyz Republic No. 59 of May 5, 2021 "On the Constitution of the Kyrgyz Republic"]. [Online] Available from: <http://cbd.minjust.gov.kg/ru-ru/npakr/search> (Accessed: 20.08.2021).
38. Tsentralizovanny bank dannykh pravovoy informatsii Kyrgyzskoy Respubliki [Centralized database of legal information of the Kyrgyz Republic]. (2021) *Konstitutsionnyy zakon Kyrgyzskoy Respubliki ot 15 noyabrya 2021 g. № 133 "O Konstitutsionnom Sude Kyrgyzskoy Respubliki"* [Constitutional Law of the Kyrgyz Republic No. 133 of November 15, 2021 "On the Constitutional Court of the Kyrgyz Republic"]. [Online] Available from: <http://cbd.minjust.gov.kg/ru-ru/npakr/search> (Accessed: 29.11.2021).
39. Borubashov, B.I. (2017) *Pravovye pozitsii Konstitutsionnoy palaty Verkhovnoy Suda Kyrgyzskoy Respubliki* [Legal positions of the Constitutional Chamber of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic]. *Vestnik Konstitutsionnoy palaty Verkhovnoy Suda Kyrgyzskoy Respubliki*. 2. pp. 381–388. (In Russian).
40. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. (2020) *Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 8 dekabrya 2020 g. № 7-FKZ "O vnesenii izmeneniy v otdel'nye federal'nye konstitutsionnye zakony"* [Federal Constitutional Law No. 7-FKZ of December 8, 2020 "On Amendments to Certain Federal Constitutional Laws"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 50. Part 1. Art. 8029.
41. Arabaev, A.A. & Berenalieva, A.A. (2017) [The Constitution of the Kyrgyz Republic and the institutionalization of the democratic political system of society: the main problems of theory and practice]. *Konstitutsionnye idealy i tsennosti v prakticheskoy demokratii* [Constitutional Ideals and Values in Practical Democracy]. Proceedings of the 12th International Conference. Samara. 29 September – 02 October 2016. Samara: Samara State University. pp. 12–23. (In Russian).

Информация об авторе:

Брежнев О.В. – д-р юрид. наук, профессор кафедры финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства Юго-Западного государственного университета (г. Курск, Россия). E-mail: obrezhnev@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.V. Brezhnev, Dr. Sci. (Law), professor, Southwest State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: obrezhnev@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.08.2021;
одобрена после рецензирования 09.02.2022; принята к публикации 28.03.2022.

The article was submitted 31.08.2021;
approved after reviewing 09.02.2022; accepted for publication 28.03.2022.

Научная статья
УДК 343.61:343.97
doi: 10.17223/15617793/476/27

Уголовно-правовые аспекты профилактической деятельности в условиях «новой нормальности»

Данил Аркадьевич Корецкий¹, Елена Сергеевна Стешич²

¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

²Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

¹ koretski@mail.ru

² esteshich@mail.ru

Аннотация. Предлагается введение в научно-практический оборот термина «новая нормальность», под которой понимается совокупность форм поведения, которые традиционно и устойчиво противоречили принципам юриспруденции и нормам морали, но в настоящее время получили распространение и в силу многократного неосуждаемого повторения постепенно закрепляются в общественном сознании и практике в качестве нормы. Законотворчество периода «новой нормальности», согласно исследованию авторов, весьма противоречиво и, с одной стороны, необоснованно завышает уровень уголовно-правового потенциала, а с другой – столь же необоснованно смягчает оценку некоторых деяний.

Ключевые слова: новая нормальность, упреждающая профилактика, предотвращение, пресечение, «группы смерти», законотворчество, правоприменение

Для цитирования: Корецкий Д.А., Стешич Е.С. Уголовно-правовые аспекты профилактической деятельности в условиях «новой нормальности» // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 248–256. doi: 10.17223/15617793/476/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/27

Criminal and legal aspects of preventive activities in the conditions of the “new normality”

Danil A. Koretsky¹, Elena S. Steshich²

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

²Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

¹ koretski@mail.ru

² esteshich@mail.ru

Abstract. The article proposes an introduction to the scientific and practical use of the term “new normality”, which is understood as a set of behaviors that traditionally and consistently contradicted the principles of jurisprudence and moral norms, but have now become widespread, and, due to repeated non-judgmental repetition, are gradually being fixed in the public consciousness and practice as a norm. In the course of a specific criminological study, the authors come to the conclusion that the novels of the “new normality” have become widely used at the stage of prevention of criminal law norms, although their general and special prevention is already in effect when a crime has been committed and the perpetrator has been criminally punished. In addition, this stage involves the elimination of the causes and conditions that contribute to the crime, and currently a prohibitive and restrictive approach to the turnover of objects or instruments of crimes and accidents prevails. The authors note that the lawmaking of the “new normality” period is very contradictory and, on the one hand, unreasonably overestimates the level of criminal legal potential; on the other hand, it also unreasonably softens the criminal legal assessment of some acts. The authors note that when planning preventive work, it should be assumed that suicides of minors and numerous previously unknown acts of violence by young people (beatings of peers and elementary school students with video recording and subsequent posting on the Internet, similar actions with brutal killings of animals, shootings with the police, murders and stabbings in schools followed by perpetrators’ suicide) are based on internal causes of modern Russian society: alienation of an individual, indifference to each other, dissatisfaction with their position, social frustration, coarsening of morals, aggression and violence, unprecedented stratification of society according to material and power characteristics that replaced the Marxian division of society into classes in connection with the attitude to ownership of the means of production, selective operation of the law, lack of justice.

Keywords: new normality, proactive prevention, prevention, suppression, “death groups”, lawmaking, law enforcement

For citation: Koretsky, D.A. & Steshich, E.S. (2022) Criminal and legal aspects of preventive activities in the conditions of the "new normality". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 248–256. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/27

С первых дней советской власти правоохранительные органы не оперировали термином «профилактика». В то время упор делался на войне с преступностью – преступниками были представители свергнутых классов, да и представители свергнутых классов априори считались преступниками. Основным и универсальным термином являлось понятие «социальная защита», предусмотренное в разделе третьем УК РСФСР «Общие начала уголовной политики РСФСР».

В каком смысле использовалось эта формулировка, становится ясно, когда читаешь о высшей мере социальной защиты – расстреле, об объявлении врагом трудящихся, лишении гражданства, изгнании из СССР, об уголовной ответственности несовершеннолетних с двенадцати лет и т.п.

Нет необходимости анализировать профилактический потенциал мер социальной защиты, ибо эти меры достаточно хорошо изучены и получили общественное и государственное осуждение на XX съезде КПСС, который в то время являлся де-факто высшим органом государственной власти, а впоследствии, после принятия Конституции РСФСР 1978 г., получил юридический статус высшего органа «руководящей и направляющей силы советского общества, ядра его политической системы, государственных и общественных организаций».

К 60-м гг. прошлого века уголовная политика смягчилась, появились уголовно- и административно-правовые меры, специально направленные на предотвращение преступлений. К ним относится уголовно-правовой запрет тунеядства, бродяжничества и попрошайничества, проживания без прописки, возможность помещения в лечебно-трудовые профилактории хронических алкоголиков и наркоманов, а также помещение в воспитательно-трудовые профилактории бродяг и попрошайек. Надо сказать, что эти меры действительно позволяли профилактировать те виды отклоняющегося поведения, которые предшествуют и, как правило, заканчиваются совершением преступлений, но они противоречили Всеобщей декларации прав человека и, по мере интеграции СССР в европейское сообщество, были отменены.

В начале 70-х гг. значимость теории профилактики преступлений и правонарушений сильно возросла, ее проблемы стали изучать выдающиеся ученые-криминологи Г.А. Аванесов, М.М. Бабаев, А.И. Долгова, А.Э. Жалинский, В.К. Звирбуль, К.Е. Игошев, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев, А.Г. Лекарь, Г.М. Миньковский, Э.Ф. Побегайло, А.Б. Сахаров и др.

В результате была выработана четкая система понятий борьбы с преступностью, ее предупреждения и структурных элементов: профилактики, предотвращения и пресечения преступлений. Основным постулатом предупредительной деятельно-

сти стало представление о том, что на общесоциальном уровне осуществляется собственно профилактика – устранение причин и условий мерами экономического, культурно-образовательного, организационно-управленческого, правового и т.п. характера. Впрочем, не все поддерживали такой подход. Так, Р.В. Жубрин, соглашаясь, что преимущества предупреждения преступности в ряду основных направлений борьбы с ней особенно рельефно проявляются в криминологической профилактике, которая представляет собой наиболее раннее вмешательство в цепь явлений, процессов и событий, детерминирующих преступность, высказал иное мнение: «Вопреки традиционному и общепринятому в отечественной криминологии тезису отсутствуют основания для выделения так называемого общесоциального уровня предупреждения преступности, под которым понимается прогрессивное развитие общества. Последнее является не самым предупреждением, а его необходимой предпосылкой. И в этом своем качестве оно обладает значительным антикриминальным потенциалом, для реализации которого требуются целенаправленные усилия» [1. С. 627–637].

С такой позицией можно частично согласиться: общесоциальные меры направлены на совершенствование общества, которое, достигнув идеала, само собой избавится от преступности. Но пока до идеала далеко, и хотя уголовно-правовые нормы в полной мере работают *post faktum*, уже после совершения преступлений реализуя заложенную в них частную и общую превенцию, сам факт их существования оказывает психологическое превентивное воздействие на граждан и, теоретически приближает нас к желаемому идеалу. Ниже изображена структура предупредительно-профилактических мер, являющихся значимым элементом борьбы с преступностью, и каждая составляющая их стадия имеет свой объем уголовно-правовых мер.

На уровне профилактики, как уже отмечалось, преобладают меры общесоциального характера, уголовно-правовые меры применяются на личностно-микросредовом уровне, начиная с точек 2 или 3, и их интенсивность нарастает по мере приближения действий лица, взаимодействующего с конкретной криминологической ситуацией, к моменту совершения преступления – точке 4, после чего снижается до точки 8. В соответствии с темой настоящей статьи, мы рассматриваем применение уголовно-правовых мер только на первом отрезке: от точки 2 до точки 4. На стадиях предотвращения и пресечения уголовно-правовые нормы могут применяться за конкретные преступления, которые готовятся или уже начаты.

Рис. 1. Структура предупредительно-профилактических мер

При этом следует особо обратить внимание на то, что на стадии предотвращения применение уголовно-правовых мер возможно только при реальном совершении вполне конкретных действий: приискания, изготовления, приспособления средств или орудий, приискания соучастников, сговора, либо иного умышленного создания условий для совершения преступления. Обнаружение умысла на преступление само по себе не позволяет применять меры уголовно-правового воздействия, хотя может служить основанием для оперативно-профилактических мероприятий.

Однако в последние годы эти казавшиеся незыблемыми и аксиоматичными постулаты предупредительно-профилактической работы претерпели существенные изменения, и стали элементами «новой нормальности», под которой понимается совокупность форм поведения, которые традиционно и устойчиво считались ненормальными и противоречили принципам юриспруденции, нормам нравственности и морали, но в настоящее время получили широкое распространение, не прямое или явное одобрение, а в некоторых случаях – нейтралитет, выливающийся в попустительство со стороны властных и общественных структур, и в силу многократного неосуждаемого повторения постепенно закрепляются в общественном сознании, юриспруденции и государственной идеологии в качестве нормы [2. С. 9–16; 3. С. 184; 4. С. 123–131].

Новеллами «новой нормальности» стало все более широкое использование **на стадии профилактики** уголовно-правовых норм, хотя совершенно очевидно, что они в принципе не могут достигать подобной цели: общая и специальная превенция действует (с разной степенью эффективности) уже тогда, когда преступление совершено и виновный подвергся уголовному наказанию!

Так, массовые расстрелы, ранее регулярно повторяющиеся в США, к сожалению, вошли в последние годы и в российскую криминальную практику. Последние имели место совсем недавно в Нижегород-

ской области, где 12.10.20 г. 18-летний М. застрелил четверых и ранил двоих родственников и посторонних лиц, и в Казани, где 11.05.21 г. 19-летний Г. открыл огонь в казанской гимназии № 175 из законно хранимого охотничьего ружья. В результате нападения погибли 9, пострадали 22 человека.

По сведениям общего характера, почерпнутым из СМИ, можно сделать вывод о том, что «массовые расстрелы» совершали лица, испытывающие фрустрацию, озлобленные на всех, или отдельные социальные группы (соученики, учителя, сослуживцы, сотрудники правоохранительных органов, соседи), таким образом мстящие якобы «виновным» в их неудавшейся жизни. Этот вывод вполне коррелируется с ростом в обществе напряженности, агрессивности, конфликтности, выливающейся в драки в общественном транспорте, кровавые стычки между участниками дорожного движения, убийства родителями детей и детьми родителей, немотивированные уличные убийства, суициды (в том числе и групповые) несовершеннолетних и молодежи, жестокие избиения подростками людей или убийства животных с видеофиксацией и последующим выкладыванием в интернет, массовые расстрелы, совершаемые ими же... [5].

Однако перечисленные негативные явления не становятся предметом пристального и целенаправленного изучения, причины и условия их не выявляются, а нередко и наоборот – скрываются. В период «новой нормальности» возобладал и получил значительное распространение запретительно-ограничивающий подход к обороту предметов или орудий преступлений и несчастных случаев (например, гражданского оружия, спиртосодержащих жидкостей) вместо устранения причин и условий, которые, как известно, носят социальный характер и требуют большой, кропотливой и затратной работы, которую не заменит ни один самый быстрый и дешевый (а иногда и приносящий доход бюджету) запрет!

Так, на фоне «резонансных» вооруженных преступлений и необоснованных спекуляций о повышен-

ной криминогенности огнестрельного оружия ограниченного поражения (ОООП) возраст его приобретения был безосновательно повышен с 18 до 21 года, при этом возраст для приобретения куда более опасных, смертоносных охотничьих ружей оставался прежним – 18 лет, и мог быть снижен при определенных условиях на 2 года! Каждый последующий массовый расстрел: Керченский (2018 г.) [6], Нижегородский (2020 г.) [7], Казанский (2021 г.), вызывал оживленные дебаты на эту тему, а после последнего возраст приобретения огнестрельного гражданского оружия был все-таки поднят до 21 года. Но этот порог не обоснован ни криминологическими исследованиями, ни анализом статистики, ни мнением специалистов. Между тем, по данным криминологических исследований, вооруженные преступления совершаются в основном следующими возрастными группами: 22–28 лет (50% одиночных и 33% групповых преступлений); 29–39 лет (25,7% одиночных и 26% групповых). В имеющейся выборке лица старше 45 лет вооруженных преступлений не совершали [8. С. 33]. Но вряд ли кому-нибудь придет в голову предложить поднять возраст приобретения оружия до 45 лет!

Кроме того, после каждого расстрела поднимается вопрос об ужесточении психиатрического освидетельствования кандидата, оформляющего лицензию на приобретение оружия. При этом авторы подобной инициативы забывают о том, что даже печально известный Чикатило и другие маньяки, на счету которых десятки садистских убийств, при стационарных экспертизах в институте Сербского признавались вменяемыми.

Нелогичность запретительных новелл проявляется и в том, что количество находящегося во владении лица нелетального ОООП ограничено двумя единицами, в то время как смертоносного оружия разрешается иметь гораздо больше – до 5 гладкоствольных охотничьих ружей и до 10 единиц нарезного спортивного и охотничьего оружия, а при коллекционировании их число не ограничено! (ст. 13 ч. 11).

Перестраховочность и избыточное недоверие законодателя даже к гражданам, проверенным многолетней безупречной службой, связанной с владением табельным оружием, проявляется и в том, что исключены из числа лиц, не обязанных при перерегистрации оружия проходить проверку знаний правил и наличия навыков безопасного обращения с ним, пенсионеры силовых структур (ст. 13 ч. 19), хотя такой льготой они пользуются при приобретении оружия впервые (ст. 13 ч. 18), а до недавнего времени пользовались и при перерегистрации, что совершенно логично и оправданно.

Стоит рассмотреть вопрос: насколько обоснованно производится ужесточение законодательства, регулирующего законный оборот оружия? В 2017 г. начальник Главного управления государственного контроля и лицензионно-разрешительной работы Росгвардии генерал-майор полиции Леонид Веденев в интервью «Российской Газете» сообщил, что в законном обороте находится более 5 186 000 единиц гладкоствольного и нарезного охотничьего оружия. Случаев криминального исполь-

зования любого зарегистрированного оружия, включая травматiku (ОООП), совсем немного – стабильно 4–5 сотен в год. При общем числе владельцев 4,34 миллиона – это более, чем удовлетворительный показатель (0,01%). Одна из застарелых ошибок общественного мнения – считать, будто чаще всего преступники используют огнестрельное оружие ограниченного поражения. Просто такие случаи вызывают резонанс, поскольку в них нередко фигурируют медийные персонажи. Из общего числа стволов в 6,6 миллиона на травматiku приходится 909 тысяч, за последний год произошло снижение этого количества почти на 32 тысячи, а число преступлений с таким оружием не превосходит полутора сотен в год (0,02%) [9. С. 1, 5].

Надо отметить, что тенденция необоснованного, без каких-либо криминологических исследований, заключения специалистов, анализа статистики либо иных объективных факторов, принятия новых запретительных законов якобы для профилактики преступлений касается не только «оружейных» законов и имеет тенденцию к росту, причем законы зачастую принимаются после очередного «резонансного» преступления или по усмотрению отдельного депутата, либо депутатской группы. Дело доходит до смешного: например, учащение взрывов бытового газа повлекло абсурдное предложение... исключить газ из бытового оборота!

Уходу от оценки реальных причин и условий преступности и подмене большой, затратной и эффективной профилактической работы принятием скоропалительных и заведомо неработоспособных законов сопутствует маскировка подлинных причин и условий мнимыми, но более удобными.

Так, в последние годы депутаты и журналисты били тревогу в связи с якобы увеличением числа детских самоубийств, связывая это с появлением так называемых групп смерти, склоняющих к суицидальному поведению посредством сети Интернет и управляемых из-за рубежа. В связи с подобной «тревогой» в уголовный закон введены два новых состава преступления: «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» (ст. 110.1 УК РФ) и «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства» (ст. 110.2 УК РФ).

Однако при предметном исследовании данного вопроса оказывается, что с 2010 по 2019 г. количество самоубийств несовершеннолетних не только не росло, но наоборот – снизилось в два раза (с 781 до 372), так же как и число самоубийств взрослых лиц (с 32 500 до 16 700)!

Оказалось также, что никакой разветвленной на всю страну «сети групп смерти» не существует и никакой целенаправленной деятельности по склонению подростков к самоубийству никем не ведется, а многократно упоминавшийся в СМИ злобный «Синий Кит» встречается только в татуировках и выдумках подростков, страдающих психолого-психиатрическими заболеваниями, токсикоманией и имеющих сложные отношения в семье или со сверстника-

ми. При этом, судя по установленным фактам, речь идет не о целенаправленном доведении до самоубийства, а об обычных конфликтах и фрустрациях подростков в ходе общения в Сети.

Этот вывод полностью подтверждается статистикой и судебной практикой. В 2017–2020 гг. в России по ст. 110.1 зарегистрировано 85, а по ст. 110.2 УК РФ – 21 преступление, а осуждено соответственно 11 и 2 человека. Вменяемые одному из них, Будейкину, 15 из 17 фактов склонения к суициду не подтвердились.

Таким образом, есть основания говорить о существовании целого комплекса факторов, определяющих суицидальное поведение детей и требующих целенаправленной и сложной профилактической работы, а «группы смерти» – всего лишь «ложная мишень», которая позволяет отвлечь внимание общества от объективных причин и избежать затратных профилактических мероприятий [10. С. 280–299; 11. С. 207–214; 12. С. 54–55; 13].

Перечень криминологически необоснованных уголовно-правовых запретов, принятых на «потребу дня» и не отвечающих требованиям криминальной ситуации, а потому не применяющихся вообще либо применяющихся в единичных случаях, можно продолжить. Так, не зарегистрировано ни одного преступления по ст. 144.1 УК РФ «Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста» (введена в 2018 г.); ст. 149 УК РФ «Воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования» (действует с 2003 г.); 185.1 УК РФ «Злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством РФ о ценных бумагах» (с 2009 г.); ст. 185.2 УК

РФ «Нарушение порядка учета прав на ценные бумаги» (с 2009 г.); ст. 215.4 УК РФ «Незаконное проникновение на охраняемый объект» (с 2015 г.).

Статья 141.1 УК РФ «Нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума» действует с 2003 г., применялась один раз; ст. 185.4 «Воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг» с 2009 г. применена дважды; ст. 185.6 УК РФ «Неправомерное использование инсайдерской информации» с 2013 г. применялась дважды.

Принятие законов, устанавливающих или усиливающих уголовную ответственность по единичным фактам резонансных преступлений или в силу складывающейся политической конъюнктуры, объясняют, как правило, профилактическими целями. Между тем благое стремление профилировать мерами уголовно-правовой репрессии часто приводит к тому, что уголовная ответственность устанавливается за действия, которые сами по себе не являются общественно опасными, хотя, в принципе, могут перерасти в таковые, а могут, с такой же степенью вероятности, и не перерасти, от чего их «преступная сущность» не изменится.

Последствия такой «упреждающей криминализации» можно наглядно увидеть, если обратиться к удачному, на наш взгляд, определению преступности, данному профессором Я.И. Гилинским: «Преступность есть негативно-отклоняющееся поведение, достигшее степени общественной опасности, определяемой уголовным законом» [14. С. 78]. Схематически это изображено на рис. 2.

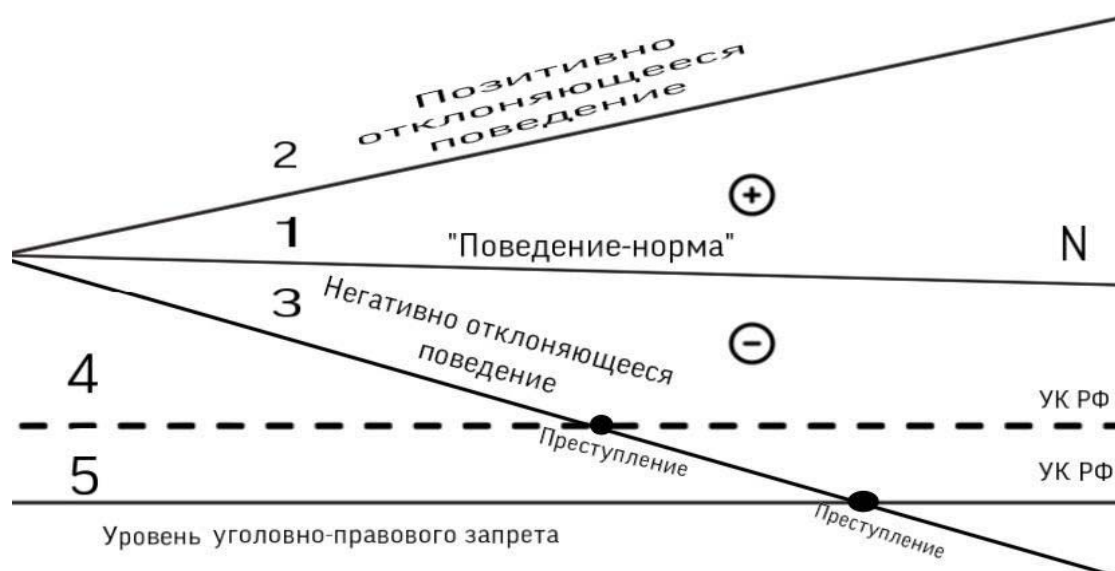

Рис. 2. Схема варианта повышения уровня уголовно-правовых требований

Позитивное поведение (линия 2) отклоняется от общепризнанной усредненной нормы (линия 1) в положительную сторону (участие лица в работе общественных организаций, волонтерство, творческая деятельность,

благотворительность и т.п.), это, безусловно, положительное явление, которое должно одобряться и всемерно поддерживаться обществом. Социально-негативное поведение (рис. 2, линия 3) связано с чрезмерным употреб-

лением алкоголя, совершением административных и аморальных проступков, бытовыми конфликтами, небрежным оформлением служебных документов и т.п. Естественно, оно осуждается обществом, но не является уголовно наказуемым до нарушения уровня уголовно-правового запрета (линия 5), после которого становится преступным со всеми вытекающими последствиями. Если же уровень уголовно-правовых требований будет повышен (линия 4), то момент криминализации смещается назад и преступными становятся действия, которые до этого таковыми не являлись. Это достаточно опасный момент, ибо зачастую таким образом вводится уголовная ответственность за действия, которые сами по себе не обладают общественной опасностью, хотя в дальнейшем и могут привести к совершению преступления. Но, несмотря на лишь вероятностную возможность этого, совершающие их лица становятся преступниками.

Непонятно, какую общественную опасность представляет собой незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ст. 138.1 УК РФ), и кому угрожает их нахождение в свободном обороте. Ведь сами по себе записывающие ручки, часы, брелки и т.п. совершенно безвредны и могут использоваться для обеспечения личной безопасности, в быту и других общественно полезных целях. Другое дело, если данные приборы используются в целях шантажа, незаконного получения секретных сведений, нарушения персональных данных и т.д. Вот тогда виновные должны нести уголовную ответственность за фактически совершенные преступления! В настоящее время применение ст. 138.1 УК РФ вызывает много вопросов, тем не менее в 2019 г. в суд направлено 128 дел этой категории, хотя однажды такое дело было прекращено после личного вмешательства Президента [15] и даже по этому поводу было принято постановление Пленума Верховного Суда! [16]. Не является общественно опасным и не связан с возможностью совершения преступлений ремонт находящегося в законном владении гражданского оружия – это во многом вынужденная мера, ибо специализированных мастерских практически нет даже в крупных городах. Но отремонтировавший свою вещь владелец оружия может быть привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 223 УК РФ.

Вряд ли представляет общественную опасность «привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства РФ об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости» (ст. 200.3 УК). При отсутствии умысла на мошенничество надлежащие документы могут быть оформлены уже после сбора денег, как нередко и бывает.

Кроме практики *профилактики уголовно-правовыми средствами*, тревожным является и то, что на *стадии претотвращения* уголовные дела стали возбуждаться не по факту конкретных действий, направленных на приготовление к преступлению, и даже не при обнаружении умысла на его совершение (хотя умысел не является законным основанием для уголовно-правового реагирования), но при обнаружении любых фактов, которые толкуются правоприменителями как приготовление, даже если оснований для этого нет и такое толкование

смехотворно. Так, к уголовной ответственности по обвинению в склонении к террористической деятельности и в подготовке теракта (ч. 1 ст. 205.1 и п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ) был привлечен курсант Военно-космической академии имени Можайского Вадим О., который «составил схему казармы и план ее захвата».

С какой целью и какими силами Вадим О. собирался воплощать в жизнь этот безумный план, Московский окружной военный суд не выяснил и принял решение о направлении его на лечение в психиатрическую больницу [17]. Хотя как курсант столь серьезного военного вуза, прошедший строгую специальную проверку, медкомиссии, психофизиологическое тестирование и сдавший вступительные экзамены, мог оказаться невменяемым, также непонятно, как и реальность вменяемого ему умысла. Ведь признание негодности всех фильтров, пропустивших невменяемого агрессора в Военно-космическую академию, должно повлечь применение оргштатных и правовых мер к виновным должностным лицам!

По поводу нижегородского стрелка М. тоже выдвигается «версия» о том, что он «готовил бойню в своем интернате» [18] хотя при ближайшем рассмотрении это не версия, а ни на чем не основанные догадки, которым обстоятельства совершения преступления (в другом месте, против других лиц, в том числе и своих родственников с последующим самоубийством) явно противоречат.

Надо сказать, что законодательство периода «новой нормальности» весьма противоречиво и, с одной стороны, по непонятным причинам необоснованно завышает уровень уголовно-правового потенциала, а с другой – столь же необоснованно смягчает уголовно-правовую оценку деяний.

Так, эффективность предупреждения более тяжких посягательств применением уголовно-правовых норм с «двойной превенцией» никогда не вызывала сомнений и неоднократно отмечалась в трудах таких известных ученых, как В.Н. Кудрявцев, А.И. Долгова, Э.Ф. Побегайло, В.Е. Эминов, В.В. Лунеев, А.И. Алексеев, С.И. Герасимов, А.Я. Сухарев. Однако с определенного периода времени неоспоримый профилактический потенциал этих норм стал игнорироваться законодателем. Фактическая декриминализация хулиганства в 2003 г. и перевод его в административно-правовую сферу привели к тому, что уже к концу 2004 г. регистрируемая часть этого вида преступлений снизилась более чем в пять раз (со 129,5 тыс. до 24,8 тыс.), а к началу 2020 г. – более чем в 60 раз (зарегистрировано 2 тыс. преступлений). Опираясь на официальные данные, можно предположить, что в стране практически не осталось хулиганов, хотя это не так и хулиганские мотивы лежат в основе значительного количества насильственных преступлений. Аналогичная картина наблюдается и вследствие декриминализации побоев. Если в 2016 г. было зарегистрировано более 70 тыс. подобных преступлений, то к 2021 г. их число снизилось в 12 раз. При этом в связи с нанесением побоев лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние (ст. 116.1 УК РФ), в 2020 г. зарегистрировано 4 272 деяния.

Поэтому законодательные решения, связанные с декриминализацией преступлений, посягающих на личность, следует признать прямо противоречащими научным принципам профилактики и способствующими разрушению нравственных основ уголовного права. Допустимым и фактически оправданным начинает считаться то, что прежде категорически отрицалось.

То, что сегодня реальные приоритеты в борьбе с преступностью не связаны с решением главной задачи – обеспечения личной безопасности граждан и восстановления прав потерпевших от преступлений, следует из анализа принятого ФЗ «Об основах системы профилактики». В документе не только наблюдается смешение криминологической терминологии («профилактика», «предупреждение», «пресечение»), но и отсутствует описание конкретных механизмов профилактики. К индивидуальной профилактике, в частности, относится необходимость оказания помощи жертвам преступлений и лицам, подверженным риску стать таковыми. Но в действительности перемен произошло не так много, о чем свидетельствуют результаты конкретных криминологических исследований. В 2020 г. сумма, подлежащая возмещению от преступлений, составила 629,9 млн рублей, при этом в реальности исполнено 0,3% (1,8 млн) [19]. Следует учесть, что восстановление имущественных прав потерпевших – далеко не все обязательства, стоящие перед государством. В секторе работы, связанном с оказанием психологической, правовой, социальной, медицинской и иной поддержки указанным лицам, осуществляемой в соответствии с законодательством Российской Федерации (ст. 27 ФЗ «Об основах системы профилактики»), вопросов значительно больше. Выборочный мониторинг результатов работы региональных межведомственных комиссий по профилактике правонарушений показывает, что из предусмотренных законодательством форм помощи (в целях минимизации последствий правонарушений либо снижения риска стать пострадавшими от правонарушений) упоминаются только направленные на предупреждение наркомании, алкоголизма и правонарушений несовершеннолетних. Таким образом, о мероприятиях по психологической, социальной, медицинской и иной поддержке жертв уже совершенных преступлений, а также контактной работе с ними в обозначенных направлениях ничего не говорится вообще.

Не следует забывать, что успешная профилактическая работа предполагает восприятие гражданами правоприменительной практики и всей деятельности правоохранительных органов как справедливых. Однако жизнь дает наглядные примеры, прямо противоположные справедливости. Так, депутат Госдумы Белоусов, обвиняемый в получении в составе группы взятки в 3 млрд рублей, до суда оставлен под подпиской о невыезде, причем его дипломатический паспорт хотя и признан недействительным, но не изъят, «так как парламентарий потерял его, или оставил в частном владении в Испании» [20]. В то же время взят под стражу глава комитета мэрии Новосибирска Лобыня, получивший взятку в 200 тыс. рублей и не имеющий дипломатического паспорта [21].

Как необоснованная криминализация, так и неоправданная декриминализация, несомненно, являются негативными явлениями. И все же первая тенденция вызывает большую тревогу. Максимальная криминализация, по выражению А.Д. Антонова, одинаково опасна как для общества, так и для правонарушителя [22]. Давно предостерегают об избыточности криминализации ученые-сторонники «маленького, но жесткого» Уголовного кодекса, по мнению которых, преступлениями могут быть лишь самые опасные деяния, причиняющие существенный вред охраняемым объектам: убийство, изнасилование, разбой, государственная измена и т.п. [23. С. 310; 24. С. 309].

В этой связи по-прежнему актуальна сформулированная Ч. Беккариа аксиома относительно роли уголовных запретов в сфере противодействия преступлениям, чрезмерность которых оказывает не предупредительный, а прямо противоположный эффект: «Запрещать множество безразличных действий – не значит предупреждать преступления», а произвольное расширение круга уголовно-наказуемых деяний увеличивает вероятность их совершения [22. С. 150].

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы:

1. В условиях «новой нормальности» возобладал ряд негативных тенденций принятия и применения уголовных норм в целях предупреждения преступлений. В частности, их пытаются использовать на стадии профилактики, когда задачей является нейтрализация причин и условий на общесоциальном уровне путем устранения социальных недостатков и диспропорций с помощью экономических, культурно-воспитательных, организационно-управленческих и подобных мер.

2. Принятие и применение новых уголовных законов зачастую носит хаотический и бессистемный характер, не основанный на глубоком криминологическом изучении ситуации и нередко вызванный «резонансным» преступлением или субъективным усмотрением законодателя. Вследствие этого законодательство постоянно меняется в сторону криминализации, а ряд принятых законов не применяется или не достигает своей цели.

3. Вместо воздействия на причины и условия преступности с целью их нейтрализации меры профилактики зачастую обращают на предметы, орудия и средства совершения преступлений, вводя ограничительные и запретительные режимы для их оборота. Вполне естественно, что цели профилактики при этом не достигаются. «Упреждающая профилактика» приводит к криминализации деяний, не обладающих общественной опасностью и имеющих лишь вероятность перерастания в преступление.

4. На стадии предотвращения преступлений, когда применение уголовно-правовых норм является допустимым, появилась опасная тенденция возбуждения уголовных дел не по факту конкретных действий, направленных на приготовление к преступлению, и даже не при обнаружении умысла на его совершение, но при обнаружении любых фактов, которые толкуются как приготовление, даже если никаких оснований для этого нет.

5. С сожалением приходится констатировать встречающееся затушевывание подлинных причин преступности мнимыми, связанными с неким «внешним» воздействием. Это возврат к старому: в советские времена уже отрицалось наличие причин преступности в обществе, строящем коммунизм, а существование преступности объяснялось пережитками прошлого в сознании отдельных людей и влиянием капиталистического окружения. В свое время этот постулат был подвергнут разгромной критике и, думается, что возвращаться к столь сомнительному утверждению в XXI в. не стоит.

6. Планируя предупредительно-профилактическую работу, следует исходить из того, что самоубийства несовершеннолетних и многочисленные, ранее неизвестные акты насилия со стороны молодых людей (избиения сверстников и младшеклассников с видеозаписью и последующим размещением в интернете, анало-

гичные действия с жестокими убийствами животных, перестрелки с полицией, убийства и поножовщины в школах с последующим самоубийством виновных) основаны на внутренних причинах современного российского общества. Отчужденность отдельного человека, равнодушие друг к другу, неудовлетворенность своим положением, социальная фрустрация, огрубление нравов, агрессия и насилие, беспрецедентное расхождение общества по материальным и властным признакам, заменившим марксовское деление общества на классы в связи с отношением к собственности на средства производства, избирательное действие закона, отсутствие справедливости, стрессы, вызванные пресловутым ЕГЭ, – в этом надо искать причины упомянутых негативных явлений. «Перевод стрелок» на «группы смерти» и «иностранных эмиссаров» играет плохую роль, ибо отвлекает внимание от истинных причин и препятствует борьбе с ними.

Список источников

1. Жубрин Р.В. Предупреждение преступности на современном этапе развития Российского общества: понятие, содержание, принципы // Российский криминологический журнал. 2016. № 10/4.
2. Корецкий Д.А. «Новая нормальность» в общественном сознании и юриспруденции: норма или патология? // Уголовная политика Российской Федерации: проблемы формирования и реализации : сб. материалов Всерос. науч.-теоретической конф. 19 мая 2017 г. Ч. 2. Ростов-на-Дону : РЮИ МВД РФ, 2017.
3. Корецкий Д.А. Феномен «новой нормальности» в юриспруденции // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (4-е Саратовские уголовно-правовые чтения). Саратов, 2019.
4. Корецкий Д.А. Терминологические новеллы «новой нормальности» и их юридические последствия // Уральский журнал правовых исследований. 2020. № 4 (11).
5. Melanda F.N., Salvagioni D.A., Mesas A.E. recurrence of violence against teachers: two-year follow-up study // Journal of interpersonal violence. 2019. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0886260519861659>
6. Совет Федерации предложит повысить возраст для покупки оружия // Керчь ИНФО. URL: <https://kerchinfo.com/13526-sovet-federacii-predlozhit-povysit-vozrast-dlya-pokupki-oruzhiya.html> (дата обращения: 18.10.2018).
7. После расстрела в Нижнем Новгороде в госдуме предложили повысить возраст владения оружием // Национальная служба новостей. URL: <https://nsn.fm/society/gosduma-mozhet-povysit-vozrast-vladieniya-oruzhiem-posle-rasstre-la-v-nizhnem-novgorode> (дата обращения: 14.10.2020)
8. Корецкий Д.А., Землянухина Л.М. Личность вооруженного преступника и предупреждение вооруженных преступлений. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003.
9. Фалалеев М. «Стволы цветут» // Российская газета. 02.02.2017.
10. Стешич Е.С. Криминология гомицида. М. : Юрлитформ, 2019. 540 с.
11. Корецкий Д.А., Стешич Е.С. Самоубийства как элемент изучения гомицидальной преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 2. С. 207–214.
12. Barnes D. The truth about suicide / R.N. Golden (general editor), F.L. Peterson (general editor) ; D.H. Barnes (principal author). New York, 2010. 160 p.
13. Sher L., Vilens A. Internet and Suicide. New York : Nova Science PublisherS, INC., 2009. 452 p.
14. Гилинский Я.И. Понятие преступности в современной криминологии // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ. 2001. № 3. С. 78–90.
15. Пичурина В. Крупный рогатый шпион // Российская газета – Неделя № 94(7557). URL: <https://rg.ru/2018/05/03/prokuratura-izvinilas-pered-fermerom-za-delo-o-gps-maiachke-dlia-korovy.html> (дата обращения: 03.05.2018).
16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС КонсультантПлюс.
17. Черкасов В. Дело курсанта Вадима Осипова // Агора. URL: <https://agora.legal/cases/show/Delo-kursanta-Vadima-Osipova/177>
18. Нечаусова Е. «Нижегородский стрелок» готовил бойню в своем интернете // Экспресс газета. URL: <https://www.eg.ru/society/accident/959730-nijegorodskiy-strelok-gotovil-boynyu-v-svoem-internete/> (дата обращения: 13.10.2020).
19. Основные показатели работы судебных приставов-исполнителей за январь–декабрь 2020 года. Форма 011, раздел 5 // Федеральная служба судебных приставов. URL: <http://fssprus.ru/statistics>
20. Дело депутата Госдумы о взятке в три миллиарда рублей направлено в Москву // Аргументы и Факты. URL: https://aif.ru/society/law/delo_deputata_gosdumy_o_vzyatke_v_tri_milliarda_rubley_napravleno_v_moskvu
21. Взяточник из Новосибирска пробудет под арестом два месяца // Народные новости. URL: <https://nation-news.ru/region/novosib/559515-vzyatochnik-iz-novosibirska-probudet-pod-arestom-dva-mesyaca>
22. Антонов А.Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 182 с.
23. Гилинский Я.И. Криминология. Курс лекций. СПб. : Питер, 2002. 378 с.
24. Шестаков Д.А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире : учебник. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2006. 561 с.
25. Беккариа Ч. Преступление и наказание. М. : ИНФРА-М, 2018. 184 с.

References

1. Zhubrin, R.V. (2016) Preduprezhdenie prestupnosti na sovremennom etape razvitiya Rossiyskogo obshchestva: ponyatie, sodержanie, printsipy [Crime prevention at the present stage of development of Russian society: concept, content, principles]. *Rossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 10/4. pp. 627–637. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).627-637

2. Koretskiy, D.A. (2017) ["New normality" in public consciousness and jurisprudence: norm or pathology?]. *Ugolovnaya politika Rossiyskoy federatsii: problemy formirovaniya i realizatsii* [Criminal Policy of the Russian Federation: Problems of Formation and Implementation]. Proceedings of the All-Russian Conference. Part 2. Rostov-on-Don. 19 May 2017. Rostov-on-Don: RYul MVD RF. (In Russian).
3. Koretskiy, D.A. (2019) [The phenomenon of "new normality" in jurisprudence]. *Ugolovno-pravovoe vozdeystvie i ego rol' v preduprezhdenii prestupnosti* [Criminal Law Impact and Its Role in Crime Prevention]. Proceedings of the 4th All-Russian Conference. Saratov. 30 September – 01 October 2019. Saratov: Saratov State Academy of Law. (In Russian).
4. Koretskiy, D.A. (2020) Terminological innovations of "new normality" and legal consequences of them. *Ural'skiy zhurnal pravovykh issledovaniy – Ural Journal of Legal Research*. 4 (11). (In Russian). DOI: 10.34076/2658-512X-2020-4-123-131
5. Melanda, F.N., Salvagioni, D.A. & Mesas, A.E. (2019) recurrence of violence against teachers: two-year follow-up study. *Journal of interpersonal violence*. [Online] Available from: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0886260519861659>. DOI: 10.1177/0886260519861659
6. Kerch' INFO. (2018) Sovet Federatsii predlozhit povysit' vozrast dlya pokupki oruzhiya [The Federation Council will propose to raise the age for buying weapons]. *Kerch' INFO*. [Online] Available from: <https://kerchinfo.com/13526-sovet-federatsii-predlozhit-povysit-vozrast-dlya-pokupki-oruzhiya.html> (Accessed: 18.10.2018).
7. Natsional'naya sluzhba novostey (NSN). (2020) Posle rasstrela v Nizhnem Novgorode v gosdume predlozhili povysit' vozrast vladeniya oruzhiem [After the shooting in Nizhny Novgorod, the State Duma proposed to raise the age of gun ownership]. *Natsional'naya sluzhba novostey (NSN)*. [Online] Available from: <https://nsn.fm/society/gosduma-mozhet-povysit-vozrast-vladeniya-oruzhiem-posle-rasstrela-v-nizhnem-novgorode> (Accessed: 14.10.2020).
8. Koretskiy, D.A. & Zemlyanukhina, L.M. (2003) *Lichnost' vooruzhennogo prestupnika i preduprezhdenie vooruzhennykh prestupleniy* [The Identity of an Armed Criminal and the Prevention of Armed Crimes]. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
9. Falaleev, M. (2017) "Stvoly tsvetut" ["Trunks bloom"]. *Rossiyskaya gazeta*. 2 February.
10. Steshich, E.S. (2019) *Kriminologiya gomitsida* [Criminology of Homicide]. Moscow: Yurlitform.
11. Koretskiy, D.A. & Steshich, E.S. (2019) Suicides as an element of studying homicidal crime. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 2 (13). pp. 207–214. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).207-214
12. Barnes, D.H. (2010) *The Truth about Suicide*. New York: Facts on File.
13. Sher, L. & Vilems, A. (2009) *Internet and Suicide*. New York: Nova Science PublisherS, INC.
14. Gilinskiy, Ya.I. (2001) Ponyatie prestupnosti v sovremennoy kriminologii [The concept of crime in modern criminology]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo yuridicheskogo instituta General'noy prokuratury RF*. 3. pp. 78–90.
15. Pichurina, V. (2018) Krupnyy rogatyy shpion [Large horned spy]. *Rossiyskaya gazeta*. 94 (7557). [Online] Available from: <https://rg.ru/2018/05/03/prokuratura-izvinilas-pered-fermerom-za-delo-o-gps-maichke-dlia-korovy.html> (Accessed: 03.05.2018).
16. Consultant Plus. (2018) *Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018 No. 46 "On some issues of judicial practice in cases of crimes against the Constitutional rights and freedoms of man and citizen (Articles 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Criminal Code of the Russian Federation)"*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
17. Cherkasov, V. (n.d.) Delo kursanta Vadima Osipova [The case of cadet Vadim Osipov]. *Agora*. [Online] Available from: <https://agora.legal/cases/show/Delo-kursanta-Vadima-Osipova/177>.
18. Nechausova, E. (2020) "Nizhegorodskiy strelok" gotovil boynyu v svoem internate ["Nizhny Novgorod shooter" was preparing a massacre in his boarding school]. *Ekspress gazeta*. [Online] Available from: <https://www.eg.ru/society/accident/959730-nijegorodskiy-strelok-gotovil-boynyu-v-svoem-internate/> (Accessed: 13.10.2020).
19. Federal Bailiffs Service. (2020) *Osnovnye pokazateli raboty sudebnykh pristavov-ispolniteley za yanvar' – dekabr' 2020 goda. Forma 011, razdel 5* [The main performance indicators of bailiffs for January – December 2020. Form 011, section 5]. [Online] Available from: <http://fssprus.ru/statistics>.
20. Argumenty i Fakty. (2020) Delo deputata Gosdumy o vzyatke v tri milliarda rubley napravleno v Moskvu [The case of a State Duma deputy about a bribe of three billion rubles was sent to Moscow]. *Argumenty i Fakty*. 25 September. [Online] Available from: https://aif.ru/society/law/delo_deputata_gosdumy_o_vzyatke_v_tri_milliarda_rubley_napravleno_v_moskvu.
21. Narodnye novosti. (2020) Vzyatochnik iz Novosibirsk probudet pod arestom dva mesyatsa [A bribe taker from Novosibirsk will stay under arrest for two months]. *Narodnye novosti*. 27 September. [Online] Available from: <https://nation-news.ru/region/novosib/559515-vzyatochnik-iz-novosibirsk-probudet-pod-arestom-dva-mesyaca>.
22. Antonov, A.D. (2001) *Teoreticheskie osnovy kriminalizatsii i dekriminalizatsii* [Theoretical foundations of criminalization and decriminalization]. Law Cand. Diss. Moscow.
23. Gilinskiy, Ya.I. (2002) *Kriminologiya. Kurs lektsiy* [Criminology. Course of lectures]. Saint Petersburg: Piter.
24. Shestakov, D.A. (2006) *Kriminologiya: Nove podkhody k prestupleniyu i prestupnosti. Kriminogennye zakony i kriminologicheskoe zakonodatel'stvo. Protivodeystvie prestupnosti v izmenyayushchemsya mire* [Criminology: New approaches to crime and criminality. Criminogenic laws and criminological legislation. Countering crime in a changing world]. Saint Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr Press.
25. Beccaria, C. (2018) *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment]. Translated from Italian. Moscow: INFRA-M.

Информация об авторах:

Корецкий Д.А. – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: koretski@mail.ru

Стешич Е.С. – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: esteshich@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Danil A. Koretsky, Dr. Sci. (Law), professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: koretski@mail.ru

E.S. Steshich, Dr. Sci. (Law), professor, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Rostov-on-Don, Russian Federation), E-mail: esteshich@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.09.2021;
одобрена после рецензирования 03.12.2021; принята к публикации 28.03.2022.

The article was submitted 26.09.2021;
approved after reviewing 03.12.2021; accepted for publication 28.03.2022.

Научная статья
УДК 342.7
doi: 10.17223/15617793/476/28

Биометрическая идентификация в интернете: тенденции правового регулирования в России и за рубежом

Светлана Сергеевна Кузнецова^{1, 2}, Артур Николаевич Мочалов^{1, 3},
Марат Сабирьянович Саликов^{1, 4}

¹Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия

²kss001@usla.ru

³artur.mochalov@usla.ru

⁴kp@usla.ru

Аннотация. На основе сравнительного изучения правового регулирования биометрической идентификации в США, Китае и Европейском союзе выделены три модели регулирования. В основе каждой из них лежит собственная конституционно-правовая концепция установления баланса между правами личности и публичными интересами. Дается оценка состоянию российского законодательства в данной сфере регулирования с точки зрения конституционно-правовых гарантий прав человека, в частности неприкосновенности частной жизни.

Ключевые слова: биометрическая идентификация, биометрическая информация, биометрические персональные данные, Интернет, права человека, неприкосновенность частной жизни

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-29-16204.

Для цитирования: Кузнецова С.С., Мочалов А.Н., Саликов М.С. Биометрическая идентификация в интернете: тенденции правового регулирования в России и за рубежом // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 257–267. doi: 10.17223/15617793/476/28

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/28

Biometric identification on the Internet: Trends of legal regulation in Russia and in foreign countries

Svetlana S. Kuznetsova^{1, 2}, Artur N. Mochalov^{1, 3}, Marat S. Salikov^{1, 4}

¹Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation

²kss001@usla.ru

³artur.mochalov@usla.ru

⁴kp@usla.ru

Abstract. The past few years saw the world's increased interest in biometric identification of Internet users. Biometric data differ from other identifiers: they are immutable and inalienable from their carriers, so any theft (including as a result of leakage) can lead to irreparable consequences. The aim of the article is to study the legal regulation of online biometric identification and processing of biometric data in the United States of America, China, and the European Union, as well as to assess the Russian legal regulation of this area in the light of world experience. For this, the authors use a comparative legal methodology. Each of the cases selected as research material illustrates one of the three regulatory models the authors identified. Each of the models is based on a certain constitutional concept of establishing a balance between users' private interests, on the one hand, and public interests, on the other. The US regulatory model is based on the establishment of minimum government guarantees of human rights observance in the processing of biometric data, while operators of Internet platforms remain with wide discretion in determining the procedure for processing biometric information. The Asian model, implemented, in particular, in China, proceeds from the priority of public interests over the privacy interests of individuals. States that implement such a model in their national legislation form centralized databases of subjects' biometric data, actively involving private Internet service providers in this process. The European model, which is based on the General Data Protection Regulation adopted in the European Union, on the contrary, proceeds from the recognition of the priority of the interests of the individual over public interests, establishing for this purpose strict rules regarding the processing of biometric data by Internet service providers and making it almost impossible to create centralized databases for

accumulation of such information. Analyzing the trends in Russian legislation, the authors come to the conclusion that legal regulation in Russia tends to the Asian model and note that its implementation is associated with significant risks to human rights and freedoms, including in connection with data leaks from biometric databases. The emphasis is made on the fact that Russia, unlike Asian countries, is a member of the Council of Europe and is bound by the human rights standards laid down in its international documents. These standards should be taken into account when legislating in this area.

Keywords: biometric identification, biometric information, biometric personal data, Internet, human rights, privacy

Financing: The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-29-16204.

For citation: Kuznetsova, S.S., Mochalov, A.N. & Salikov, M.S. (2022) Biometric identification on the Internet: Trends of legal regulation in Russia and in foreign countries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 257–267. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/28

Число уникальных пользователей интернета достигло 4,66 млрд человек, что составляет 59,5% населения планеты¹. Цифровые следы, оставляемые человеком в Сети, «позволяют создать его цифровую копию, которая может существовать и действовать в киберфизическом пространстве независимо от того, по-прежнему ли существует данное лицо в реальном мире» [1. С. 147]. В начале существования глобальная Сеть была анонимной: ее протоколы не предусматривали передачи данных о пользователях, а действия последних не требовали раскрытия личности. Поэтому задача соотнесения «виртуальных личностей», скрывавшихся под никнеймами и аватарами, с реальными людьми не была актуальной. Однако с появлением цифровых платформ, на которых стало возможным заказывать банковские и страховые продукты, пользоваться государственными услугами, заключать договоры, возникла потребность в идентификации пользователей в качестве реально существующих субъектов права. Для этого стали использоваться «привязанные» к телефонным номерам коды и пароли, электронные подписи и т.д.

Биометрическая идентификация долгое время не получала распространения в интернет-среде, хотя именно она позволяет с высокой степенью достоверности соотносить виртуальную личность с физическим телом конкретного человека, стирая границу между офлайн- и онлайн-пространством. Причиной тому была высокая нагрузка на сети и устройства при обработке и хранении объемной и ресурсоемкой биометрической информации. Развитие технологий обработки данных (в том числе на основе искусственного интеллекта), появление информационных носителей нового поколения и «скоростных» сетей связи 4G и 5G открыло возможность широкого использования технологий удаленной биометрической идентификации и аутентификации.

В основе концепции юридически значимой идентификации лица на основе его физиологических данных лежат работы французского правоведа и криминалиста А. Бертильона, обосновавшего возможность использования индивидуальных внешних признаков человека для регистрации преступников [2]. Еще одним основоположником биометрической идентификации считается современник Бертильона английский исследователь Ф. Гальтон, впервые описавший статисти-

стический инструмент измерения и сопоставления антропометрических характеристик.

Сущность технологии биометрической идентификации и аутентификации заключается в создании «контрольного шаблона», представляющего собой срез некоторых индивидуальных антропометрических и физиологических характеристик конкретного человека (например, черт лица, рисунка радужной оболочки глаза, папиллярных узоров, рисунка вен, голоса, пропорций тела, геномной информации и т.д.) для последующего «узнавания» данного человека путем сопоставления его характеристик с записями, хранящимися в «контрольном шаблоне»². Несмотря на то, что узнавание человека по его внешним признакам (например, по лицу, фигуре, голосу) используется нами в повседневной жизни, о биометрической идентификации можно говорить в том случае, когда для этого применяются специальные программно-технические средства и лежащие в основе их действия алгоритмы.

По прогнозам экспертов, к 2024 г. порядка 66% населения мира будут использовать технологии биометрической идентификации в повседневной жизни. Катализатором развития удаленной биометрической идентификации в интернете послужила пандемия COVID-19: она стала активно использоваться, например, в сфере образования и в трудовых отношениях [3. Р. 7]. Биометрическая идентификация в системах видеонаблюдения с функцией распознавания лиц применяется государствами для обеспечения национальной безопасности, в том числе в качестве меры противодействия террористическим угрозам и массовым беспорядкам [4. С. 348]. Потребность в биометрической идентификации существенно возрастает и с развитием «интернета вещей» (*Internet of things*). В совокупности с технологиями анализа биометрических данных он находит практическое применение в приложениях для «умных домов», финансового сектора, промышленности, здравоохранения и т.д. [5. Р. 4461–4462].

Однако в отличие от паролей, которые легко сменить и которые не являются неотъемлемыми атрибутами личности, биометрические параметры, непосредственно связанные со своим субъектом-носителем, остаются неизменными на протяжении всей жизни человека; от них нельзя избавиться, их невозможно изменить [6. С. 38; 7. С. 110]. В случае

компрометации биометрических идентификаторов (неправомерного завладения третьими лицами, в том числе утечек данных из баз хранения контрольных шаблонов) будет крайне сложно найти им альтернативу и восстановить нарушенные права потерпевших субъектов. Эта угроза приобретает особую актуальность при использовании биометрической идентификации в интернете, предполагающей передачу соответствующих данных по сетям общего пользования. Благодаря технологиям «облачного» хранения информации обработка биометрических данных нередко приобретает трансграничный характер [8. Р. 1284–1285], а значит, потенциальный доступ к таким данным появляется у разных государств и частных операторов.

Указанная особенность биометрических данных (наряду с другими свойствами, такими как универсальность, уникальность, устойчивость [7, 9]) возводит проблемы регулирования их оборота в разряд конституционно-правовых. От того, насколько адекватным является правовое регулирование в данной сфере, напрямую зависит реализация человеком базовых конституционных прав, таких как право на неприкосновенность частной жизни и ее уважение, право на личную тайну, право на имя, идентичность, достоинство и т.д. Правовое регулирование во всяком случае должно включать установление стандартов безопасности биометрических данных и гарантии реализации индивидами своих прав в связи с оборотом биометрических данных, а также механизмы защиты от злоупотреблений. Изучению особенностей регулирования биометрической идентификации и обработки биометрических данных посвящен ряд недавно вышедших работ отечественных ученых [7, 9, 10]. Вместе с тем научный интерес представляет также опыт иностранных государств в правовом регулировании указанной сферы. Тенденции развития законодательства разных стран позволяют говорить о формировании трех моделей регулирования. Они будут рассмотрены в настоящей работе на примерах США, Китайской Народной Республики и Европейского союза.

Выбор материала для анализа является хотя и в некоторой степени произвольным (опыт других государств также достоин изучения), но вместе с тем не случайным: каждое из названных государственно-политических образований является в определенном смысле пионером в выработке соответствующей модели регулирования. Целью статьи является не только сравнительное изучение зарубежного опыта, но и оценка перспектив регулирования биометрической идентификации в законодательстве Российской Федерации в свете этого опыта.

Соединенные Штаты Америки. Первая модель правового регулирования биометрической идентификации и обработки биометрических данных представлена Соединенными Штатами Америки (США). Особенности правовой системы данной страны с учетом федеративной формы государственного устройства и ведущей роли судебных прецедентов обусловили отсутствие в ней единообразного регулирования данной сферы. Многие аспекты регламентации обработки

персональных данных (в том числе биометрических) здесь оставлены на усмотрение самих провайдеров интернет-услуг. Само же государственное регулирование остается крайне фрагментированным и ситуативным и нередко зависит от того, какую сферу представляет оператор, обрабатывающий биометрические данные.

Специальных законов, регулирующих оборот биометрической информации, на федеральном уровне не существует. На биометрические данные распространяются режимы защиты личных данных, устанавливаемые многочисленными отраслевыми законодательными актами, в основе которых лежат Первая и Четвертая поправки к Конституции. В частности, гарантируется правовая защита личных данных, обрабатываемых в рамках деятельности федеральных органов исполнительной власти (Закон «О частной жизни» (*Privacy Act*), Закон «О защите частной жизни водителя» (*The Driver's Privacy Protection Act*)), оказания услуг медицинского страхования и медицинской помощи (Закон «О мобильности и подотчетности медицинского страхования» (*Health Insurance Portability and Accountability Act*)), финансовых услуг (Закон «О финансовой модернизации» (*Financial Services Modernization Act*, также известный как «закон Грэмма–Лича–Блайли», Стандарт защиты данных в сфере использования карт оплаты (*Payment Card Industry Data Security Standard*)), телекоммуникационных услуг (Закон «О защите конфиденциальности видео» (*Video Privacy Protection Act*), Закон «О политике кабельной связи» (*Cable Communications Policy Act*) и др.), образовательных отношений (Закон «О правах семьи в сфере образования и частной жизни» (*Family Educational Rights and Privacy Act*)), а также личных данных несовершеннолетних пользователей интернета (Закон «О защите частной жизни детей онлайн» (*Children's Online Privacy Protection Act*)). Все указанные законы по-разному раскрывают содержание личных данных, распространяют действие на разные категории операторов и устанавливают различный порядок реализации субъектами своего права на защиту данных субъектом.

В Законе «О частной жизни», регламентирующем обработку личных данных граждан и постоянных резидентов США федеральными органами исполнительной власти, биометрические данные признаются частью так называемой записи (*record*) – «отдельного элемента, базы или категории информации об индивиде, которая хранится агентством, в том числе информация об его образовании, финансовых операциях, истории болезни, информация о судимостях, а также трудовой истории, и которая содержит его имя или идентификационный номер, символ или другую идентифицирующую личность информацию, такую как отпечаток пальца, аудиозапись голоса или фотографию». Данный закон предусматривает возможность раскрытия информации, содержащейся в записи, исключительно при наличии письменного согласия субъекта данных, однако не предусматривает аналогичного требования к иным формам обработки, например, к сбору информации. Отсутствие правового

го регулирования условий раскрытия информации частными субъектами «позволяет органам государственной власти обойти установленные законом ограничения путем обращения к информации из негосударственных центров обработки» [11. Р. 66].

Федеральное законодательство не предусматривает специальных требований к защите биометрической информации корпорациями и иными негосударственными объединениями. В частности, не существует единых требований к поставщикам интернет-услуг, в том числе порядка информирования пользователей о том, каким образом будет использоваться их личная информация [12. Р. 297] (за исключением случаев обработки данных о несовершеннолетних, а также данных пользователей при предоставлении им финансовых услуг). В литературе отмечается необходимость принятия федерального закона, регулирующего порядок обработки биометрических данных физическими и юридическими лицами в процессе осуществления коммерческой деятельности [13. Р. 161–192; 14. Р. 637–671; 15. Р. 328]. В 2020 г. в Сенат Конгресса США был внесен проект Национального закона о конфиденциальности биометрической информации (*National Biometric Information Privacy Act*), основывающийся на положительном опыте регулирования данной сферы на уровне отдельных штатов (в частности Иллинойса и Калифорнии). К настоящему моменту (декабрь 2021 г.) законопроект по-прежнему находится на рассмотрении Комитета Сената по судебной власти³.

Отсутствие на федеральном уровне единообразного регулирования порядка обработки и защиты биометрических данных в частноправовых отношениях, в том числе в онлайн-пространстве, обусловило принятие соответствующих нормативных правовых актов на уровне штатов. В основном региональное законодательство сосредоточивается на вопросах сбора и обработки данных с помощью цифровых устройств, а также данных, связанных с биометрическими идентификаторами личности [16. Р. 191]. В законодательной практике штатов сформировалось два подхода: первый предполагает принятие отдельного нормативного правового акта, предметом регулирования которого являются исключительно отношения по обработке и использованию биометрических данных (Иллинойс, Вашингтон, Техас); второй – создание механизмов защиты биометрической информации в рамках общего акта о защите персональных данных граждан штата (Калифорния, Нью-Йорк, Аризона, Луизиана, Орегон, Арканзас и др.).

Штаты, избравшие первый подход, гарантируют особый режим защиты биометрической информации, отличный от защиты иных персональных данных. Так, например, в соответствии с п. 15 закона штата Иллинойс «О конфиденциальности биометрической информации» (*Biometric Information Privacy Act*) 2008 г. обработка биометрических идентификаторов оператором возможна только в случае, если субъект данных дал письменное согласие на такую обработку. При этом запрещаются продажа, сдача в аренду или иные способы передачи биометрических данных с целью

получения прибыли. Законодательство штата Вашингтон и Техаса предоставляет субъекту обработки биометрической информации право ее использования в коммерческих целях только в случае получения на то согласия субъекта информации, однако законы не запрещают передачу биометрии третьим лицам, в том числе ее продажу, и не определяют форму получения согласия. Например, в Техасе оператор может продавать биометрические данные в случае «исчезновения или смерти» пользователя. В штате Вашингтон разрешено продавать биометрические данные третьим лицам, если последние «по контракту обещают» не раскрывать информацию [17. Р. 602]. В случае нарушения закона в Иллинойсе субъект может сам обратиться в суд. В двух других штатах предусмотрен публичный механизм защиты нарушенного права – путем обращения в суд прокурора штата. В числе жалоб, подаваемых в суды Иллинойса, присутствуют жалобы на использование систем видеонаблюдения; на сайты и приложения, которые используют программы распознавания лиц или требуют загрузки образцов голоса и т.д. [18. Р. 44].

Законы большинства штатов, которые избрали вторую модель регулирования защиты биометрических данных, часто применяют к биометрической информации общий режим защиты персональных данных. Закон штата Калифорния «О частной жизни потребителя» (*California Consumer Privacy Act*) 2018 г. не налагает на операторов особых обязательств в отношении биометрической информации, при этом предусматривает режим подразумеваемого согласия на обработку любых данных и их продажу. Закон гарантирует субъектам широкий перечень прав: получать информацию о собранных персональных данных, требовать удаления персональных данных, отказаться от продажи персональной информации. В законодательстве штата Арканзас определены лишь минимальные стандарты защиты персональных данных – обеспечение физической безопасности в разумном объеме, уничтожение информации в разумные сроки после достижения целей обработки, уведомление о факте утечки информации. В Орегоне закон направлен только на защиту персональной информации от кражи, однако не предоставляет субъекту информации права контролировать ее обработку.

Различается от штата к штату и содержание понятия биометрической информации. Закон Калифорнии «О частной жизни потребителя» трактует такую информацию предельно широко – «психологические, физические и поведенческие особенности личности, включая ДНК, которые могут быть использованы самостоятельно или в совокупности с иной идентифицирующей информацией с целью установления личности субъекта». Биометрической информацией признаются любые данные, из которых могут быть извлечены идентификаторы, такие как цифровое изображение лица, образец голоса, а также особенности нажатия клавиш или ритма, особенности походки или ее ритма, сон, состояние здоровья, информация о физических нагрузках и т.д. – все, что содержит идентифицирующую конкретного человека информацию. В

Иллинойсе в соответствии с разделом 10 названного выше закона штата биометрической признается любая информация, в основе которой лежит биометрический идентификатор человека – независимо от того, как эта информация собирается, конвертируется, хранится или передается. Под биометрическими идентификаторами понимаются сканы радужной оболочки, сетчатки глаза и руки, отпечатки пальцев, образец голоса, геометрия лица. Не признаются в качестве биометрических идентификаторов почерк, фотографии лица, демографические данные, описания внешности (рост, вес, цвет волос и глаз), татуировок, пробы анализов, отбираемые с целью научного исследования, а также донорские органы. Аналогичный подход используется в Техасе. В штате Вашингтон понятие биометрических идентификаторов еще уже. К таковым относятся «данные, полученные в результате автоматических измерений биологических характеристик человека, таких как отпечаток пальца, образец голоса, сетчатка глаза, радужная оболочка или другие уникальные биологические образцы или характеристики, которые используются для идентификации конкретного человека». Исключение из категории биометрических идентификаторов геометрии лица, а также признание в качестве таковых лишь информации, собираемой в процессе автоматических измерений, оставляют субъектов уязвимыми перед технологиями распознавания.

Вопрос о законности использования в интернет-приложениях алгоритмов распознавания лиц возник и в Иллинойсе. В решении по делу «Монро против Шаттерфлай» (*Monroy v. Shutterfly, Inc.*) 2017 г. суд округа признал тот факт, что «информация, полученная путем сканирования фотографии истца, не может быть признана в качестве биометрической, так как закона штата Иллинойс исключает фотографию из перечня биометрических идентификаторов». Однако суд не согласился с доводом ответчика, что биометрические идентификаторы могут быть получены только лично: «Отпечатки пальцев и сканы сетчатки глаза могут быть получены из изображений и фотографий... и даже если определенные виды биометрических идентификаторов не могут быть извлечены из фотографий в настоящий момент, учитывая скорость технологического развития, преждевременно говорить о том, что получение соответствующих данных не может быть реализовано в будущем». В результате суд признал наличие нарушений в действиях ответчика – администрации социальной сети «Шаттерфлай», которая не предоставила пользователям исчерпывающую информацию о порядке обработки биометрических идентификаторов и биометрической информации.

Китайская Народная Республика. Китайская Народная Республика (КНР) служит иллюстрацией следующей модели правового регулирования биометрической идентификации, особенностями которой являются создание централизованных государственных биометрических баз и широкое вовлечение в этот процесс как государственных органов, так и частных компаний. В отличие от США, в Китае регулирование

рассматриваемой сферы осуществляется централизованно. Однако и здесь долгое время (до ноября 2021 г.) не существовало специального закона, посвященного обработке персональных данных: вопрос регулировался главным образом правовыми актами в сфере безопасности. В 2016 г. был принят Закон «О кибербезопасности», глава IV которого посвящена вопросам сбора, обработки и защиты личных данных пользователей операторами сетей. В соответствии со ст. 31 Закона коммуникационные и информационные услуги, финансовая сфера и «электронное правительство» образуют критически важную информационную инфраструктуру государства, нарушение безопасности которой может поставить под угрозу национальную безопасность, национальное благосостояние, общественные интересы. Поэтому китайский подход к вопросам организации киберпространства «отличается большей концентрированностью государства на вопросах кибербезопасности, чем это характерно для стран западной демократии» [19. Р. 4]. Это проявляется в том числе в принятии мер по борьбе с анонимностью и установлении обязанности всех пользователей раскрывать свою подлинную личность при использовании глобальной Сети. Данный императив получил отражение и в регулировании сбора и последующей обработки биометрических данных интернет-пользователей.

Статья 76 Закона «О кибербезопасности» понимает под «личной информацией» «все виды информации, записанные в электронном виде или с помощью других средств, взятые отдельно или вместе с другой информацией, достаточные для идентификации личности физического лица, включая, помимо прочего, полные имена, даты рождения, национальные идентификационные номера, биометрические данные, информацию о месте жительства, номере телефона и т.д.». Признавая биометрические данные разновидностью личной информации, Закон не предусматривает специального режима их защиты и предоставляет операторам широкие возможности самостоятельно определять правила обработки личной информации, закрепляемые в собственных политиках обработки личной информации.

В 2021 г. в Китае вступили в силу сразу два закона – 1 сентября и 1 ноября соответственно: «О безопасности данных» и «О защите персональных данных». Раздел II последнего посвящен особенностям обработки «чувствительных» данных, к которым, помимо прочего, относится и биометрическая информация. Большинство норм этого раздела отсылают к другим законам и содержат лишь рамочное регулирование. В частности, ст. 29 Закона требует получения от субъекта данных отдельного согласия на сбор «чувствительной» информации, а ст. 30 обязывает операторов уведомлять субъектов о целях сбора информации и о том, какое влияние сбор такой информации может оказать на их права и интересы (Закон предусматривает в ст. 18, что нормативными правовыми актами могут предусматриваться исключения из этого правила). Отдельно регулируется порядок сбора персональных данных операторами интернет-

платформ со значительным числом пользователей. Они должны создавать системы контроля защиты данных в соответствии с установленными государственными требованиями, принимать правила платформ в соответствии с принципами прозрачности, ясности и справедливости, регулярно публиковать отчеты о деятельности в области защиты персональных данных и т.д.

Ни один нормативный акт не регулирует детально порядок передачи личной информации о пользователях операторами органам государства. Лишь Закон «О безопасности данных» 2021 г. в ст. 38 указывает, что государственные органы, собирающие или использующие данные для реализации своих полномочий, должны действовать исключительно в рамках, предписанных правовыми актами, и сохранять конфиденциальность персональных данных и личной информации. Закон «О защите персональных данных» также предусматривает некоторые правила, в частности обязанность органов государства уведомлять субъектов об обработке их данных. В то же время такое уведомление не требуется, если оно, например, будет «препятствовать органу власти осуществлять возложенные на него законом полномочия» (ст. 35). Расплывчатость подобных формулировок создает для государства фактически безграничные возможности по сбору и обработке личной информации, касающейся физических лиц, в том числе их биометрических персональных данных, и использовать их для целей биометрической идентификации.

В 2017 г. неправительственная организация *Human Rights Watch* обвинила китайскую компанию *iFlytek* в формировании для правительства НКНР базы данных образцов голосов граждан страны⁴. Несмотря на то, что никакого официального подтверждения этих подозрений представлено не было, логика законодательства Китая не исключает возможности обращения государственных органов к частным организациям, в том числе операторам интернет-платформ, за содействием при формировании биометрических баз, причем без ведома субъектов, к которым относится эта информация. Таким образом, концепция правового регулирования обработки биометрических данных в онлайн-пространстве построена на сочетании двух начал: с одной стороны, формирование высоких стандартов обработки биометрических данных частными организациями, с другой – предоставление фактически неограниченных возможностей их использования государством в национальных интересах. Несмотря на то, что принятые в 2021 г. законодательные акты во многом воспроизводят положения, присутствующие, в частности, в Общем регламенте Европейского союза по защите персональных данных, названная концепция осталась неизменной: частные интересы в ней во многом подчинены публичным интересам, реализуемым государством и его органами.

В рамках данной концепции осуществляется формирование государственной биометрической базы, причем активную роль в этом также играют частные компании – провайдеры интернет-услуг. Самым популярным приложением среди населения Китая явля-

ется *WeChat*, его используют 78% населения страны. *WeChat* представляет собой виртуальное пространство, в котором пользователи могут искать и получать информацию, общаться, играть, осуществлять финансовые транзакции и получать государственные услуги, в том числе доступ к правосудию. Использование многих функций приложения (в том числе в сфере финансов и госуслуг) требует идентификации субъекта с помощью сканирования геометрии его лица. В ряде регионов страны данное приложение используется и в качестве электронного удостоверения личности (в скором времени, вероятно, данная функция будет реализована на всей территории НКНР). В результате в Китае создается единая биометрическая база данных, контролируемая государством, но используемая для осуществления идентификации клиентов финансовыми и другими частными компаниями. Существующие в Китае государственные требования устанавливают, что при использовании программ распознавания лиц биометрические данные должны храниться отдельно от других идентификационных данных субъектов. Вместе с тем практически не ограниченный законом доступ государства к таким сведениям, обрабатываемым частными операторами, во многом ставит под сомнение существование в данной стране неприкосновенности частной жизни.

Европейский союз. В странах Европейского союза (ЕС) реализована еще одна модель правового регулирования биометрической идентификации. В отличие от Китая, где во главу угла поставлены вопросы обеспечения безопасности, в ЕС на первый план выходит обеспечение неприкосновенности частной жизни субъектов и обеспечения конфиденциальности их личных данных. Как и в США, правовое регулирование порядка обработки персональных данных (в том числе биометрических) осуществляется в ЕС на двух уровнях, однако законодательство верхнего (наднационального) уровня отличается от федерального законодательства США тем, что является кодифицированным. Оно представлено главным образом Общим регламентом по защите персональных данных (*General Data Protection Regulation – GDPR*, далее также Регламент). На уровне отдельных стран также существует национальное законодательство, но оно не должно противоречить Регламенту. В статье 4 GDPR биометрические данные определяются как «персональные данные, полученные в результате специальной технической обработки, которые касаются физических, физиологических или поведенческих черт физического лица, а также позволяют произвести или подтверждают однозначную идентификацию этого физического лица, например изображение лица или дактилоскопические данные».

Регламентом устанавливается специальный режим обработки биометрических данных, предполагающий общий запрет на совершение с ними каких-либо действий, кроме случаев, когда такая обработка прямо допускается. Среди оснований обработки биометрических данных названы явное согласие субъекта данных в рамках одной или нескольких определенных целей, исполнение обязанностей контролера в сфере

трудового законодательства, социального обеспечения и социальной защиты субъекта данных, защита жизненно важных интересов субъекта в случаях, когда сам субъект не в состоянии (физически или юридически) высказать свое явное согласие, обработка данных, которые субъект явным образом сделал публичными, обработка в рамках осуществления правосудия, важного публичного интереса и т.д. Этот перечень не является закрытым: государства – члены Европейского союза могут в своих законодательных актах предусмотреть и иные случаи обработки биометрических данных.

Применительно к онлайн-пространству наибольший интерес представляют два основания обработки биометрических данных: согласие субъекта персональных данных и размещение таких данных самим субъектом публично. Концепция согласия в соответствии с GDPR значительно отличается от тех, которые применяются в Соединенных Штатах Америки или в Китае и предполагает соблюдение не только принципов информированности и явности его выражения, но также принципов свободы и конкретности. В соответствии с Методическими рекомендациями Европейского Совета по защите персональных данных согласие необходимо рассматривать как «свободное» только в случае, если субъекту представляется реальная возможность:

- отказаться от дачи согласия, не испытывая страха несения негативных последствий;
- отозвать согласие, при этом процедура отзыва должна быть такой же простой, как и предоставления согласия.

Если согласие дается во исполнение договора, оно не должно являться неизменным условием такого договора, исполнение которого не может быть связано с наличием или отсутствием согласия. Кроме того, субъект персональных данных не должен находиться в социальной или экономической зависимости от контролера персональных данных.

Важным требованием к согласию на обработку биометрических данных (как и других «чувствительных» персональных данных) является его конкретность. В соответствии со ст. 9 Регламента согласие быть явным по отношению к одной или нескольким целям обработки. Субъекту данных должна быть предоставлена возможность высказать согласие или отказаться от его предоставления в отношении каждой из целей в отдельности, а сама формулировка цели обработки должна быть сформулирована предельно четко. Требование конкретности препятствует созданию единых баз биометрических данных, доступ к которой могли бы получать различные юридические лица при оказании услуг клиенту, как это практикуется в Китае, а с недавнего времени и в России.

Публичное размещение субъектом информации о себе в сети Интернет в ЕС не рассматривается в качестве достаточного основания для обработки биометрических данных. Пользователь может разместить в социальной сети свое изображение, аудиозапись голоса или фотографию своей руки, однако данные электронные записи не рассматриваются в качестве био-

метрических данных, поскольку таковые – как следует из приведенного выше определения – могут быть получены только в результате специальной технической обработки. В то же время извлечение биометрических данных из указанной личной информации, размещенной в интернете, может осуществляться при наличии иных оснований, предусмотренных ст. 9 Регламента. Применительно к поставщикам интернет-услуг в большинстве случаев единственным основанием для этого остается согласие субъекта данных.

С учетом существующего регулирования поставщики интернет-услуг, зарегистрированные в ЕС, значительно реже прибегают к обработке биометрических данных, нежели компании, зарегистрированные в Соединенных Штатах Америки или в некоторых странах Азии.

Российская Федерация. Регулирование обработки биометрических данных в Российской Федерации в настоящее время в большей степени тяготеет к модели, выбранной Китаем и рядом других стран Азии (Сингапуром, Индией, Турцией и др.). В основе регулирования лежит ст. 11 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Закон о персональных данных), согласно которой биометрическими персональными данными признаются сведения, которые, во-первых, характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность, и, во-вторых, используются оператором персональных данных для установления личности субъекта⁵. Важно отметить, что действие указанного Закона распространяется на обработку не любых сведений, относящихся к физиологическим и биологическим характеристикам индивида, а именно тех, которые используются для его идентификации [10. С. 87; 20. С. 253].

Часть 1 ст. 11 Закона о персональных данных устанавливает правило, согласно которому обработка биометрических данных возможна только с согласия субъекта. Вместе с тем в ч. 2 содержится ряд исключений. Не требуется получать согласие в следующих случаях:

- в связи с реализацией международных договоров Российской Федерации о реадмиссии;
- при осуществлении правосудия и исполнении судебных актов;
- в связи с проведением обязательной государственной дактилоскопической регистрации;
- если обработка биометрических данных предусмотрена законодательством Российской Федерации об обороне, о безопасности, о противодействии терроризму, о транспортной безопасности, о противодействии коррупции, об оперативно-разыскной деятельности, о государственной службе; уголовно-исполнительным законодательством, законодательством о порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию, о гражданстве, а также о нотариате.

Таким образом, в России биометрическая идентификация субъектов может осуществляться без их согласия только в публично-правовых отношениях и

если это специально предусмотрено федеральным законом [20. С. 262]. В иных ситуациях (в том числе в частноправовых отношениях, включая идентификацию пользователей интернет-сервисов) получение согласия является обязательным условием. В отличие от США, где регулирование обработки биометрических данных допускается как на федеральном уровне, так и на уровне штатов, в России регулирование прав человека, информационных технологий, а также обеспечение безопасности личности при обороте цифровых данных относятся к сфере исключительно федерального ведения (п. «в», «и», «м» ст. 71 Конституции РФ).

С 29 декабря 2020 г. к числу оснований обработки биометрических данных без согласия субъекта добавилось установление личности гражданина, обратившегося за совершением нотариальных действий, в соответствии с законодательством РФ о нотариате (федеральные законы от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ и от 30 декабря 2020 г. № 537-ФЗ). Данное нововведение связано с созданием в России единой биометрической системы и открытия к ней доступа нотариусов с целью биометрической идентификации граждан.

Федеральным законом от 31 декабря 2017 г. № 482-ФЗ в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации) была введена ст. 14.1, регулирующая использование информационных технологий в целях идентификации граждан Российской Федерации, в том числе на основе биометрических персональных данных. Именно в ней был законодательно установлен правовой режим единой биометрической системы (ЕБС) – централизованной государственной базы данных, содержащей биометрические контрольные шаблоны, предназначенные для идентификации граждан без их личного присутствия. В связи с изменениями, внесенными в Закон об информации Федеральным законом от 29 декабря 2020 г. № 479-ФЗ, установленные в нем требования были распространены на идентификацию любых физических лиц, а не только граждан РФ. Создание ЕБС было анонсировано Минкомсвязи России еще в 2016 г., и в последующие годы проходила последовательная подготовка законодательной почвы для реализации этой инициативы.

Отбор биометрических данных для их внесения в ЕБС допускается только государственными органами, банками и другими организациями в случаях, когда это предусмотрено федеральными законами; с согласия лица и при его личном присутствии. В последующем обращение к ЕБС для аутентификации лица (путем сопоставления его биометрических данных с хранящимся в системе контрольным шаблоном) может осуществляться и иными организациями и индивидуальными предпринимателями, а также нотариусами. При этом Закон содержит следующие требования:

– лицо должно выразить согласие на проведение его аутентификации путем обращения к ЕБС (за исключением проведения аутентификации нотариусами);

– организации и индивидуальные предприниматели, использующие ЕБС для аутентификации физических лиц, должны отвечать установленным в п. 18.8 ст. 14.1 Закона об информации критериям, целью которых является пресечение мошеннических и иных недобросовестных действий с использованием биометрической информации. В частности, данные субъекты, а также члены органов управления организаций не должны быть причастны к терроризму или экстремизму; у индивидуального предпринимателя или у единоличного исполнительного органа организации не должно быть неснятой или непогашенной судимости, а в отношении организации в Едином государственном реестре юридических лиц не должно содержаться записи о недостоверности адреса.

Наряду с ЕБС (которая с 30 декабря 2021 г. приобретает статус государственной информационной системы) Закон об информации разрешает использовать для сбора, хранения и иной обработки биометрических данных также частные информационные системы. До начала использования соответствующие информационные технологии и технические средства должны получить подтверждение соответствия требованиям, которые устанавливаются Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ (Минцифры России). Обновленные требования, а также порядок обработки биометрических персональных данных (в части изображений лиц и голосов) утверждены приказом Минцифры России от 10 сентября 2021 г. № 930 и вступят в силу с 1 марта 2022 г. (до этого времени применяется приказ Минкомсвязи России от 25 июня 2018 г. № 321).

Анализ практики правового регулирования биометрической идентификации и обработки биометрических данных в рассмотренных странах позволяет сделать вывод о формировании трех основных моделей. В основе каждой из них лежит определенная конституционно-правовая концепция установления баланса между интересами личности в сохранении неприкосновенности частной жизни и публичными интересами.

Первая концепция, воплощенная в американской модели правового регулирования, основана на идее свободы субъектов в распоряжении своими биометрическими данными. Государство исходит из необходимости саморегулирования в сфере биометрической идентификации и обработки личной информации, оставляя широкий простор для установления правил и процедур в пользовательских соглашениях и политиках, принимаемых провайдерами интернет-услуг, и обеспечивая лишь минимально необходимые законодательные гарантии соблюдения прав гражданина – главным образом в тех сферах, где субъекты являются наименее защищенными (финансовые услуги, отношения с участием несовершеннолетних и т.д.).

Вторая концепция получила развитие в модели, которая была описана на примере Китая и которую можно назвать «азиатской» (поскольку она характерна для многих других стран этого региона – Турции, Объединенных Арабских Эмиратов, Сингапура, Бахрейна, Пакистана, Бангладеш, а также начинает ак-

тивно применяться в африканских странах – Нигерии, Уганде, Танзании и в ряде стран Латинской Америки). Данная концепция поощряет развитие биометрической идентификации – причем как в онлайн-пространстве, так и в офлайн-среде. С этой целью государство строит регулирование таким образом, чтобы планомерно собирать данные о пользователях с частных провайдеров интернет-услуг и операторов связи и формировать централизованные базы биометрической информации для их использования в целях удаленной идентификации субъектов – как в государственных интересах или при предоставлении публичных услуг, так и при обращении субъектов к негосударственным операторам, имеющим доступ к таким базам. Пользовательские соглашения и политики, принимаемые операторами обработки данных в интернет-пространстве, должны соответствовать жестким государственным стандартам. Публичные интересы, заключающиеся, в частности, в обеспечении национальной безопасности, в этом случае превалируют над частными интересами отдельных субъектов в сохранении конфиденциальности своих данных.

Третья концепция лежит в основе европейской модели регулирования. Она признает необходимость детального регулирования обработки биометрической информации, однако, в отличие от предыдущей концепции, нацелена на защиту интересов субъектов в сохранении неприкосновенности частной жизни. Возможность обработки биометрической информации в интернете практически всегда зависит от явно выраженной воли субъекта данных и сопряжена с довольно жесткими требованиями к деятельности операторов и контролеров данных. Кроме того, концепция фактически отрицает идею единой базы биометрических данных для обеспечения идентификации пользователей в онлайн-пространстве, в том числе в связи с тем, что создание подобных централизованных баз не может обеспечить достаточного уровня безопасности данных о пользователях. Риски нарушения приватности в случае утечки данных рассматриваются в данном случае как неоправданные.

Законодательное регулирование оборота биометрической информации в России в большей степени основано на второй концепции и развивается в рамках модели, характерной для азиатских стран. «Азиатская» модель правового регулирования, вероятно, в большей степени (в сравнении с двумя другими моделями) способствует максимально широкому внедрению технологий биометрической идентификации в онлайн-среду. За счет применения «сквозных» технологий, допускающих биометрическую идентификацию личности как в интернете, так и в физической реальности, стирается граница между виртуальным и физическим мирами. «Виртуальная личность» интернет-пользователя при этом все больше становится не просто цифровым отражением или аватаром «физического» субъекта, а его частью и юридическим продолжением.

По этой причине возрастают и риски. Первый из них заключается в серьезном ограничении приватно-

сти субъектов, их права на сохранение тайны частной жизни в результате фактической утраты контроля за обрабатываемыми биометрическими данными. Второй (возможно, даже еще более значимый) – риск злоупотреблений, в том числе в случае утечки данных из биометрических баз. Как показывает практика, в России случаи утечки персональных данных из государственных баз, увы, не являются редкостью [20. С. 260–261], а неправомерный доступ к биометрическим данным – ввиду наличия у них таких свойств, как неизменяемость и неотчуждаемость от субъекта-носителя – способен повлечь негативные последствия, исправить которые будет крайне сложно. Риски введения в России ЕБС уже отмечались отечественными учеными [7. С. 113; 21].

Главной проблемой по-прежнему остается недостаточное качество правового регулирования получения согласий субъектов на обработку биометрических персональных данных (в том числе извлекаемых в автоматизированном режиме из размещенных в интернете изображений), допускающее получение таких согласий в упрощенной форме (например, путем выражения пользователем согласия с политикой конфиденциальности интернет-сервиса). Цели сбора и обработки биометрической информации часто прописываются в таких политиках общими фразами, без должной конкретизации (например, «для улучшения работы сервиса»), что допускает практически безграничное использование персональных данных операторами и фактически лишает субъектов возможности контролировать дальнейший оборот предоставленных данных. Существуют и проблемы, связанные с установлением требований к технологиям обработки биометрических персональных данных владельцами интернет-сервисов, в том числе при предоставлении государственных услуг. Имеющиеся технические требования не в полной мере защищают данные о пользователях от возможных утечек. В частности, следовало бы на уровне федерального закона установить в качестве гарантии прав личности требование отдельного хранения биометрических идентификаторов (причем обязательно в зашифрованном виде) и данных о лице, которому такие идентификаторы принадлежат. Наконец, ответственность операторов и их должностных лиц за нарушения порядка обработки персональных данных, предусмотренная, в частности, ст. 13.11 Кодекса РФ об административных правонарушениях, также является весьма мягкой в сравнении с мерами, существующими, например, в Китае или в ряде европейских стран. Названные проблемы, существующие в России, делают человека уязвимым перед лицом технологий обработки биометрической информации в онлайн-среде.

В отличие от Китая и других азиатских стран, а также стран Африки и Латинской Америки, Россия является членом Совета Европы, международные документы которого задают высокие стандарты в области прав человека, в том числе прав, связанных с неприкосновенностью частной жизни. По этой причине регулирование обработки биометрической информации и порядка биометрической идентификации в интернете, вводимое в

нашей стране, должно учитывать не только позитивный опыт Китая или Сингапура в части технических реше-

ний, но и принятые Россией международные обязательства по защите прав личности.

Примечания

¹ Статистические данные приведены по данным сайта: <https://www.statista.com/statistics/617136/digital-population-worldwide> (дата обращения: 01.11.2021).

² Как в теории, так и на практике процедуры идентификации и аутентификации, как правило, различают, понимая под «идентификацией» процесс первичного установления личности субъекта и создания идентификатора, а под «аутентификацией» - проверку подлинности личности субъекта путем удостоверения принадлежности ему соответствующего идентификатора. Для целей настоящей статьи мы будем использовать термин «идентификация» в широком значении как любой процесс установления, подтверждения или проверки подлинности личности субъекта на основе биометрических данных, включающий в себя не только первичную идентификацию, но и последующие акты аутентификации.

³ Официальное наименование законопроекта S.4400 – National Biometric Information Privacy Act of 2020. Прохождение законопроекта можно отследить на сайте Конгресса США: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/4400> (дата обращения: 01.11.2021).

⁴ China: Voice Biometric Collection Threatens Privacy. URL: <https://www.hrw.org/news/2017/10/22/china-voice-biometric-collection-threatens-privacy> (дата обращения: 01.11.2021).

⁵ Положения нормативных правовых актов Российской Федерации приведены по состоянию на 1 ноября 2021 г. При подготовке статьи использована справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

Список источников

1. Laptev V., Fedin V. Legal Awareness in a Digital Society // Russian Law Journal. 2020. Vol. 8, № 1. P. 138–157. doi: 10.17589/2309-8678-2020-8-1-138-157
2. Bertillon A. Identification anthropométrique: instructions signalétiques. Melun: Imprimerie Administrative, 1893. 148 p.
3. Gomez-Barrero M., Drozdowski P., Rathgeb C. et al. Biometrics in the Era of COVID-19: Challenges and Opportunities (February 2021). URL: <https://arxiv.org/pdf/2102.09258.pdf> (дата обращения: 01.11.2021).
4. Григорьев В.Н. Информационные технологии в расследовании массовых беспорядков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. № 2. С. 334–355. doi: 10.21638/spbu14.2021.206
5. Ang K.L., Seng K.P. Biometrics-based Internet of Things and Big data design framework // Mathematical Biosciences and Engineering. 2021. Vol. 18, № 4. P. 4461–4476. doi: 10.3934/mbe.2021226
6. Daly M.P., Deal K., Duffy S.C. et al. Biometrics Litigation: An Evolving Landscape (Practical Law Litigation, April – May 2016). URL: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/w-001-8264?_lrTS=20170720182117024&transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/w-001-8264?_lrTS=20170720182117024&transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true) (дата обращения: 01.11.2021).
7. Рассолов И.М., Чубукова С.Г., Микурова И.В. Биометрия в контексте персональных данных и генетической информации: правовые проблемы // Lex russica (Русский закон). 2019. № 1. С. 108–118.
8. Huang J. Applicable Law to Transnational Personal Data: Trends and Dynamics // German Law Journal. 2020. Vol. 21. № 6. P. 1283–1308. doi:10.1017/glj.2020.73
9. Платонова Н.И. Современные правовые подходы к пониманию биометрических данных // Информационное право. 2018. № 1. С. 22–27.
10. Кривогиин М.С. Особенности правового регулирования биометрических персональных данных // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 80–89.
11. Nguyen F.Q. The Standard for Biometric Data Protection // Journal of Law & Cyber Warfare. 2018. Vol. 7, № 1. P. 61–84.
12. Voss W., Houser K. Personal Data and the GDPR: Providing a Competitive Advantage for U.S. Companies // American Business Law Journal. 2019. Vol. 56, Is. 2. P. 287–344. doi: 10.1111/ablj.12139
13. Benson B. Fingerprint Not Recognized: Why the United States Needs to Protect Biometric Privacy // North Carolina Journal of Law & Technology. 2018. Vol. 19, Is. 4. P. 161–192.
14. Zimmerman H. The Data of You: Regulating Private Industry's Collection of Biometric Information // Kansas Law Review. 2018. Vol. 66, Is. 3. P. 637–671.
15. Bock M.E. Biometrics and Banking: Assessing the Adequacy of the Gramm-Leach-Bliley Act // North Carolina Banking Institute. 2020. Vol. 24, Is. 1. P. 309–330.
16. Illman E.J. Data Privacy Laws Targeting Biometric and Geolocation Technologies // The Business Lawyer. 2018. Vol. 73, № 1. P. 191–197.
17. Rivera M.A. Face Off: An Examination of State Biometric Privacy Statutes & Data Harm Remedies // Fordham Intellectual Property, Media and Entertainment Law Journal. 2019. Vol. 29, № 2. P. 571–610.
18. Ropiequet J.L., Doss A.F., Pennacchio V.G. The Next Big Thing: Current Issue Under the Illinois Biometric Information Privacy Act // Quarterly Report. 2020. Vol. 74, № 1. P. 43–69.
19. Swaine M.D. Chinese Views on Cybersecurity in Foreign Relations // China Leadership Monitor. 2013. № 42. P. 4.
20. Савельев А.И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». 2-е изд. М.: Статут, 2021. 468 с.
21. Матюхина Е.Н. Российское и германское законодательство о персональных данных: сравнительный анализ подходов и практики применения // Lex russica (Русский закон). 2019. № 4. С. 170–178. doi: 10.17803/1729-5920.2019.149.4.170-178

References

1. Laptev, V. & Fedin, V. (2020) Legal Awareness in a Digital Society. *Russian Law Journal*. 1 (8). pp. 138–157. DOI: 10.17589/2309-8678-2020-8-1-138-157
2. Bertillon, A. (1893) *Identification anthropométrique: instructions signalétiques*. Melun: Imprimerie Administrative.
3. Gomez-Barrero, M. et al. (2021) *Biometrics in the Era of COVID-19: Challenges and Opportunities*. [Online] Available from: <https://arxiv.org/pdf/2102.09258.pdf> (Accessed: 01.11.2021).
4. Grigor'ev, V.N. (2021) Information technology in the investigation of riots. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo – Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2 (12). pp. 334–355. (In Russian). DOI: 10.21638/spbu14.2021.206
5. Ang, K.L. & Seng, K.P. (2021) Biometrics-based Internet of Things and Big data design framework. *Mathematical Biosciences and Engineering*. 4 (18). pp. 4461–4476. DOI: 10.3934/mbe.2021226
6. Daly, M.P. et al. (2016) Biometrics Litigation: An Evolving Landscape (Practical Law Litigation, April – May 2016). *Practical Law*. [Online] Available from: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/w-001-8264?_lrTS=20170720182117024&transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/w-001-8264?_lrTS=20170720182117024&transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true) (Accessed: 01.11.2021).

7. Rassolov, I.M., Chubukova, S.G. & Mikurova, I.V. (2019) Biometrics in the context of personal data and genetic information: legal issues. *Lex russica (Russkiy zakon)*. 1 (146). pp. 108–118. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2019.146.1.108-118
8. Huang, J. (2020) Applicable Law to Transnational Personal Data: Trends and Dynamics. *German Law Journal*. 6 (21). pp. 1283–1308. DOI:10.1017/glj.2020.73
9. Platonova, N.I. (2018) Modern legal approaches to interpretation of biometric data. *Informatsionnoe pravo – Information Law*. 1. pp. 22–27. (In Russian).
10. Krivogin, M.S. (2017) Peculiarities of legal regulating biometric personal data. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2. pp. 80–89. (In Russian). DOI: 10.17323/2072-8166.2017.2.80.89
11. Nguyen, F.Q. (2018) The Standard for Biometric Data Protection. *Journal of Law & Cyber Warfare*. 1 (7). pp. 61–84.
12. Voss, W. & Houser, K. (2019) Personal Data and the GDPR: Providing a Competitive Advantage for U.S. Companies. *American Business Law Journal*. 2 (56). pp. 287–344. DOI: 10.1111/ablj.12139
13. Benson, B. (2018) Fingerprint Not Recognized: Why the United States Needs to Protect Biometric Privacy. *North Carolina Journal of Law & Technology*. 4 (19). pp. 161–192.
14. Zimmerman, H. (2018) The Data of You: Regulating Private Industry's Collection of Biometric Information. *Kansas Law Review*. 3 (66). pp. 637–671.
15. Bock, M.E. (2020) Biometrics and Banking: Assessing the Adequacy of the Gramm-Leach-Bliley Act. *North Carolina Banking Institute*. 1 (24). pp. 309–330.
16. Illman, E.J. (2018) Data Privacy Laws Targeting Biometric and Geolocation Technologies. *The Business Lawyer*. 1 (73). pp. 191–197.
17. Rivera, M.A. (2019) Face Off: An Examination of State Biometric Privacy Statutes & Data Harm Remedies. *Fordham Intellectual Property, Media and Entertainment Law Journal*. 2 (29). pp. 571–610.
18. Ropiequet, J.L., Doss, A.F. & Pennacchio, V.G. (2020) The Next Big Thing: Current Issue Under the Illinois Biometric Information Privacy Act. *Quarterly Report*. 1 (74). pp. 43–69.
19. Swaine, M.D. (2013) Chinese Views on Cybersecurity in Foreign Relations. *China Leadership Monitor*. 42. pp. 4.
20. Savel'ev, A.I. (2021) *Nauchno-prakticheskiy postateynnyy kommentariy k Federal'nomu zakonu "O personal'nykh dannykh"* [Scientific and practical article-by-article commentary on the Federal Law "On Personal Data"]. 2nd ed. Moscow: Statut.
21. Matyukhina, E.N. (2019) Russian and German legislation on personal data: comparative analysis of approaches and practices. *Lex russica (Russkiy zakon)*. 4 (149). pp. 170–178. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2019.149.4.170-178

Информация об авторах:

Кузнецова С.С. – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург, Россия). E-mail: kss001@usla.ru.

Мочалов А.Н. – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург, Россия). E-mail: artur.mochalov@usla.ru.

Саликов М.С. – д-р юрид. наук, зав. кафедрой конституционного права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург, Россия). E-mail: kp@usla.ru.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.S. Kuznetsova, Cand. Sci. (Law), associate professor, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: kss001@usla.ru

A.N. Mochalov, Cand. Sci. (Law), associate professor, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: artur.mochalov@usla.ru

M.S. Salikov, Dr. Sci. (Law), head of the Department of Constitutional Law, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: kp@usla.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.12.2021;
одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 28.03.2022.

The article was submitted 20.12.2021;
approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 28.03.2022.

Научная статья
УДК 343.1
doi: 10.17223/15617793/476/29

Особенности мотивировки и обжалования приговора в части применения заключения под стражу

Владислав Александрович Филатьев^{1, 2}

¹Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия
²Адвокатское бюро «Филатьев, Уваров и партнеры», Калининград, Россия
^{1, 2}vlad_filatyev@mail.ru

Аннотация. Обосновывается, что заключение подсудимого под стражу при постановлении приговора, когда судом не выявлены фактические обстоятельства, подтверждающие необходимость применения этой меры пресечения независимо от установления события преступления, виновности в его совершении и назначения наказания, нарушает принцип презумпции невиновности. Запрет ее самостоятельного обжалования, если рассмотрение приводимых стороной доводов возможно без проверки приговора, ограничивает право на судебную защиту.

Ключевые слова: презумпция невиновности, избрание меры пресечения, постановление приговора, заключение под стражу при вынесении приговора, взятие под стражу в зале суда, самостоятельное обжалование.

Для цитирования: Филатьев В.А. Особенности мотивировки и обжалования приговора в части применения заключения под стражу // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 268–277. doi: 10.17223/15617793/476/29

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/29

Features of the motivation and appeal of a sentence in part of applying remand in custody

Vladislav A. Filatyev^{1, 2}

¹Russian State University Of Justice, Moscow, Russian Federation
²Filatyev, Uvarov, and Partners Law Office, Kaliningrad, Russian Federation
^{1, 2}vlad_filatyev@mail.ru

Abstract. The study aims to (1) determine whether it is legitimate to choose a custodial measure of restraint to ensure the execution of the penalty of imprisonment under a sentence that has not entered into legal force and (2) assess, from the perspective of the principle of completeness and effectiveness of judicial protection, the possibility of appeal against the measure of restraint separately from the sentence. To reach the aim, constitutional legal and comparative legal approaches to the study of criminal procedural regulation and practice of its application were used. The author analyzed materials of criminal cases that ended with a sentence with a measure of restraint, including those subsequently appealed, conducted a survey and interviews with judges, used personal experience as a defense lawyer and representative of applicants in preparing and filing complaints to the Constitutional Court of the Russian Federation. As a result, the author found that the courts regard a guilty sentence with a sentence of real imprisonment as sufficient grounds for remanding a defendant in custody. Differences with the practice of several countries in Western Europe, in which persons convicted to imprisonment who are not in custody independently follow to the place of serving their sentence, were established. The author shows that the Russian practice of the “automatic” remanding in custody of a convicted person under the sentence which has not come into legal force contradicts the principle of presumption of innocence. It is recommended that in such cases the necessity for remanding in custody be assessed with due regard to the factor of the convicted person’s evasion of punishment. The author demonstrates that the law does not provide a mechanism allowing the court to draw a reliable conclusion about a significant increase – in connection with the sentence – in the risk of evasion and to motivate its decision on the issue of the measure of restraint. The very possibility of creating such a mechanism is questioned. The author gives a critical assessment of the legal positions of the Constitutional Court of Russian Federation which do not allow to appeal the custodial measure of restraint separately from the sentence. The author concludes that the arguments given in the complaint on the measure of restraint, which are not related to challenging the sentence, can be considered by the court of appeal without delay. Proposals on the need to adjust the current legislation and law enforcement practice are formulated.

Keywords: presumption of innocence, selection of preventive measure, sentencing, detention at sentencing, taking into custody in courtroom, independent appealing

For citation: Filatyev, V.A. (2022) Features of the motivation and appeal of a sentence in part of applying remand in custody. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 268–277. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/29

При вынесении приговора суд решает вопрос о том, следует ли отменить или изменить меру пресечения в отношении подсудимого в целях обеспечения исполнения назначенного наказания, в связи с чем в его резолютивной части должно быть указано решение о мере пресечения до вступления приговора в законную силу (ч. 2 ст. 97, п. 17 ч. 1 ст. 299 и п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ). В случае назначения лицу, находящемуся на свободе, наказания в виде лишения свободы суд, как правило, избирает в его отношении меру пресечения в виде заключения под стражу. Распоряжение об этом уточняется указанием на необходимость взятия подсудимого под стражу в зале суда.

Полагая, что имеются основания для отмены решения о мере пресечения, сторона защиты предпринимает меры к его апелляционному обжалованию. Однако добиться освобождения осужденного до завершения рассмотрения дела вышестоящим судом невозможно. Единичные случаи, в которых заключение под стражу было пересмотрено, нельзя принимать во внимание ввиду их исключительности.

Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека еще в 2018 г. выразил озабоченность сложившимся положением и подготовил предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части, касающейся применения меры пресечения в виде заключения под стражу до вступления приговора в законную силу. Но эта инициатива поддержана не была¹ – правоохранительные органы представили на нее отрицательные отзывы, а Верховный Суд РФ указал, что предложение о целесообразности корректировки существующей практики будет принято во внимание в ходе дальнейшей работы. Прошло уже три года, но в данном отношении ничего не изменилось. В связи с этим возникает вопрос о самом существовании проблемы.

Поскольку заключение под стражу применяется судом практически ко всем лицам, осужденным к реальному лишению свободы, может возникнуть уверенность в том, что суды исходят из презумпции их недобросовестности. Но ведь любому гражданину, имеющему представление о презумпции невиновности, закрепленной в ч. 1 ст. 49 Конституции РФ, очевидно, что для применения презумпции недобросовестности нет оснований «уже потому, что обвиняемый после вынесения приговора хотя и именуется осужденным, виновным еще не признан» [1. С. 23]. Как верно отмечает К.Б. Калиновский, «презумпция невиновности ограничивает применение мер пресечения в целях обеспечения исполнения приговора. Меры пресечения обеспечивают исполнение приговора, который еще не вступил в законную силу (апелляция, кассация) или которого еще не существует (предвари-

тельное расследование, предание суду). Поэтому и сам приговор, и наказание еще являются предметом спора сторон, они еще вероятны, сомнительны. Такие сомнения должны толковаться в пользу обвиняемого» [2. С. 194].

Практика «автоматического» заключения под стражу как пережиток советского прошлого представляет собой нерешенную проблему постольку, поскольку вызывает у подсудимого, поддерживающих позицию о необоснованности его осуждения граждан и сторонних наблюдателей чувство несправедливости из-за откровенно преждевременного применения судом мер государственного принуждения, а также фактически приводит к несправедливости в том случае, если под стражей оказывается лицо, невиновность которого устанавливается впоследствии. Отзывы властей, о которых упоминалось выше, по нашему мнению, служат прямым свидетельством того, что проявления инициативы в изменении ситуации от них ожидать не следует. Учитывая высокую вероятность вступления в силу вынесенного приговора и, соответственно, ничтожно малую по статистике вероятность судебной ошибки, сложившийся порядок их вполне устраивает. Особенности применения заключения под стражу в качестве меры пресечения в свете позиций Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ, Европейского Суда по правам человека учеными уделяется повышенное внимание². Вместе с тем рассматриваемый нами аспект применения мер пресечения в науке исследован недостаточно. Мы попытались системно проанализировать правовое регулирование в целях отыскания в нем дефектов и определения способов их устранения юридическими средствами. В результате были выявлены две основные причины, одна из которых обуславливает существование проблемы – это неограниченное усмотрение суда при мотивировании заключения под стражу одновременно с постановлением приговора, а другая тому способствует – правовая позиция Конституционного Суда РФ о недопустимости самостоятельного обжалования этой меры пресечения, о чем будет сказано далее.

Практика избрания заключения под стражу при постановлении приговора

Основания для заключения под стражу лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, определяются ч. 1 ст. 97 УПК РФ, из которой следует, что данная мера пресечения применяется в его отношении при наличии достаточных оснований полагать, что оно скроется от дознания, предварительного следствия или суда, может продолжать заниматься преступной деятельностью, угрожать участ-

никам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. В силу ч. 2 ст. 97 УПК РФ мера пресечения может избираться для обеспечения исполнения приговора. Согласно ст. 99 УПК РФ при решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления и определения ее вида при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 настоящего Кодекса, должны учитываться также тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства.

Частью 1 ст. 110 УПК РФ предусмотрено, что мера пресечения отменяется, когда в ней отпадает необходимость, или изменяется на более строгую или более мягкую, когда изменяются основания для избрания меры пресечения, предусмотренные ст. 97 и 99 настоящего Кодекса.

Как разъяснил Конституционный Суд РФ в Определении от 18 июля 2017 г. № 1541-О, положения ч. 2 ст. 97 УПК РФ, допуская в системе уголовно-процессуального регулирования избрание в целях обеспечения исполнения наказания меры пресечения до вступления приговора в законную силу, действуют с учетом предусмотренных ч. 4 ст. 75.1 УИК РФ ограничений на применение меры пресечения в виде заключения под стражу. Указанная статья устанавливает особый порядок направления осужденных в колонию-поселение, что обусловлено его самостоятельным следованием к месту отбывания наказания за счет государства, а также определяет, что осужденный может быть заключен под стражу и направлен в колонию-поселение под конвоем в порядке, предусмотренном ст. 75 и 76 УИК РФ, в случаях уклонения его от следствия или суда, нарушения им меры пресечения или отсутствия у него постоянного места жительства на территории Российской Федерации. Выявление судом хотя бы одного из названных обстоятельств может давать достаточные основания для избрания этой меры пресечения.

Таким образом, установив в качестве правила, что в целях обеспечения исполнения приговора суд одновременно с его постановлением вправе избрать или изменить меру пресечения соответственно назначенному наказанию, федеральный законодатель предусмотрел исключение из данного правила, согласно которому при осуждении подсудимого к лишению свободы в колонии-поселении оно действует с учетом вышеперечисленных ограничений.

Аналогичные ограничения применения меры пресечения предусмотрены для осужденного за совершение им преступлений, предусмотренных ч. 1–4 ст. 159, 159.1–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 и 201 УК РФ, если эти преступления совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены чле-

ном органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, а также ч. 5–7 ст. 159, ст. 171, 171.1, 171.3–172.3, 173.1–174.1, 176–178, 180, 181, 183, 185–185.4 и 190–199.4 УК РФ (ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ).

Применяя к подсудимому при вынесении приговора такую меру пресечения, как заключение под стражу, суд наряду с перечисленными в ст. 99 УПК РФ обстоятельствами, перечень которых является открытым, учитывает результаты судебного следствия и прений сторон, в которых они имеют возможность высказать свое мнение по всем вопросам, подлежащим разрешению в приговоре. Установленные в состязательном процессе с участием сторон на основе собранных и подтвержденных в ходе судебного разбирательства доказательств событие преступления, виновность лица в его совершении и назначенное ему наказание в виде реального лишения свободы, соответствующее характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, дают основание и для избрания при постановлении приговора указанной меры пресечения, чтобы обеспечить его исполнение, без проведения отдельной (самостоятельной, дополнительной) процедуры проверки фактических обстоятельств, с учетом которых судья принял такое решение³.

Как свидетельствует сложившаяся судебная практика, в таких случаях в отношении подсудимого, на которого не распространяются специальные ограничения, установленные в законе, суд избирает меру пресечения в виде заключения под стражу, расценивая вынесение приговора в качестве обстоятельства, определяющего возникновение достаточных оснований для ее применения⁴.

Мотивирование решения о мере пресечения

В силу п. 3 ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо в срочном порядке доставляется к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть и оно имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение. Содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, не должно быть общим правилом, но освобождение может ставиться в зависимость от представления гарантий явки на суд, явки на судебное разбирательство в любой другой его стадии и, в случае необходимости, явки для исполнения приговора.

Приведенные положения закрепляют в качестве гарантии права каждого на свободу и личную неприкосновенность положение, согласно которому каждый имеет право на освобождение не только в стадии рассмотрения дела судом первой инстанции, но и в любой другой его стадии, которое может ставиться в

зависимость от предоставления гарантий явки. Они в полной мере применимы к лицу, осужденному к лишению свободы, которое не было согласно с предъявленным ему обвинением и не находилось под стражей до вынесения приговора, поскольку велика вероятность апелляционного обжалования им такового, а значит – в ожидании судебного разбирательства предстать перед судом апелляционной инстанции, наделенным правом пересмотреть уголовное дело по существу.

Согласно ч. 4 ст. 7 УПК РФ определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными. Следовательно, решение об избрании заключения под стражу должно быть мотивировано судом. При этом, однако, его принятие не является обязательным.

Из этих же соображений исходит и Верховный Суд РФ, который в Постановлении Пленума от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» [5] обращал внимание судов на то, что при вынесении обвинительного приговора суду первой инстанции в соответствии с п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ надлежит указать меру пресечения до вступления приговора в законную силу; это решение должно быть мотивировано в приговоре (п. 57). Каким образом должно быть выполнено требование о мотивировании этого решения, Пленум не разъяснил.

В соответствии с предписаниями ст. 15 УК РФ тяжесть преступления, в совершении которого подозревается или обвиняется лицо, определяется размером наказания, которое может быть назначено в случае его осуждения и которое ему, возможно, придется отбывать. Принимая во внимание превентивный характер любой меры пресечения, применяемой к лицу, подозреваемому или обвиняемому в совершении преступления, в том числе подсудимому или осужденному, приговор в отношении которого не вступил в законную силу, избрание этому лицу заключения под стражу в целях обеспечения исполнения приговора предполагает необходимость установления риска уклонения от его исполнения. Поэтому сформулированное в ст. 99 УПК РФ требование учитывать тяжесть преступления, до постановления приговора подразумевающее необходимость учета вероятности, а уже после вынесения обвинительного приговора – фактов осуждения и назначения наказания, следует рассматривать в качестве положения, преследующего цель – ее учета как обстоятельства, способного свидетельствовать о наличии риска уклонения от исполнения приговора.

Исходя из ч. 2 ст. 252 УПК РФ, согласно которой изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту, – подсудимый не может быть осужден за совершение более тяжкого преступления, обвинение в котором ему не было предъявлено на стадии предварительного

расследования. Ввиду того, что при постановлении обвинительного приговора тяжесть преступления, как подлежащее учету при решении вопроса о мере пресечения обстоятельство, может быть либо уменьшена, либо оставаться неизменной, нельзя утверждать, что осуждение подсудимого и назначение ему наказания в виде реального лишения свободы во всех случаях влечет за собой появление достаточных оснований для избрания заключения под стражу. Об этом может свидетельствовать только такой приговор, который вследствие повышения вероятности отбывания наказания за совершенное преступление существенно увеличивает риск уклонения от его исполнения, предоставляя суду единственно необходимый мотив для принятия решения об избрании этой меры пресечения в рассматриваемых нами случаях.

Между тем системы критериев, позволяющих применительно к обстоятельствам конкретного дела устанавливать влияние повышения такой вероятности на решимость подсудимого уклониться от исполнения приговора и тем самым дифференцированно подходить к решению вопроса о необходимости избрания в его отношении меры пресечения соответственно назначенному наказанию, не существует. Введение специального регулирования, о котором указано ранее, о наличии таковой не свидетельствует. Распределение граждан, принадлежащих к одной категории лиц, осужденных к отбыванию лишения свободы, на осужденных по «предпринимательским статьям», к отбыванию наказания в колонии-поселении и на всех остальных, которым оно назначено в иных видах исправительных учреждений, с тем чтобы применять в их отношении принципиально различные подходы к решению вопроса о необходимости избрания заключения под стражу в качестве меры пресечения, объективного и разумного оправдания не находит. Иное позволяло бы утверждать, что все осужденные к отбыванию лишения свободы не в колонии-поселении и не относящиеся к числу лиц, перечисленных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, вне зависимости от назначенных им сроков отбывания наказания, видов исправительных учреждений и других значимых факторов – даже если они имеют постоянное место жительства на территории Российской Федерации, не нарушали меру пресечения и не уклонялись от следствия или суда – более склонны в связи с постановлением приговора изменить свое отношение в вопросе о том, уклоняться от назначенного наказания или нет, в пользу уклонения и заслуживают непременно заключения под стражу, а не применения к ним иной, более мягкой меры пресечения.

Непонятно, почему в схожих условиях «предприниматели» законом фактически признаются менее склонными к уклонению от отбывания назначенного им наказания, притом что они располагают для этого большими ресурсами и мотивацией. Неясно, в связи с чем осужденный к отбыванию лишения свободы в колонии-поселении сроком на шесть лет в силу закона находится в более привилегированном положении в сравнении с осужденным к отбыванию наказания сроком на шесть месяцев в колонии общего режима или даже на больший срок, если в его отношении, к

примеру, действует мера пресечения в виде домашнего ареста.

Применение в правовом регулировании такого подхода, по нашему мнению, означает нарушение вытекающих из Конституции РФ принципов справедливости, юридического равенства, гуманизма, соразмерности и правовой определенности, которые по своему существу относятся к основам конституционного правопорядка и являются обязательными для законодателя и правоприменительных органов. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что любая дифференциация правового регулирования, приводящая к различиям в правах и обязанностях субъектов права, должна осуществляться законодателем с соблюдением требований Конституции РФ, в том числе вытекающих из принципа равенства (ст. 19, чч. 1 и 2), в силу которого различия допустимы, если они объективно оправданы, обоснованы и преследуют конституционно значимые цели, а используемые для достижения этих целей правовые средства соразмерны им. Соблюдение данного принципа означает, помимо прочего, запрет вводить такие различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания⁵.

Федеральный законодатель, по всей видимости, понимая проблему, существование которой обусловлено неконкретизированностью определяющих основания для избрания соответствующей назначенному наказанию меры пресечения нормативных положений, и намереваясь принять меры, направленные на гуманизацию уголовного процесса, не сумел разработать соответствующую систему критериев, применить которую было бы возможно ко всем лицам, входящим в категорию осужденных к отбыванию лишения свободы, и своими поправками в закон, вводящими специальное регулирование в отношении двух групп лиц из указанной категории, усугубил ситуацию.

Отсюда можно прийти к выводу о том, что положения ст. 97, 99 и ч. 1 ст. 108 УПК РФ противоречат перечисленным конституционным принципам в той мере, в какой не устанавливают в отношении лиц, осужденных к отбыванию лишения свободы, общий запрет на применение при постановлении приговора заключения под стражу в качестве меры пресечения в случае отсутствия обстоятельств, свидетельствующих о том, что они не имеют постоянного места жительства на территории Российской Федерации, нарушили ранее избранную меру пресечения, уклонились от следствия или суда, и тем самым без разумного и объективного оправдания ставят одних лиц из указанной категории граждан, не перечисленных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ и ч. 4 ст. 75.1 УИК РФ и которые могут быть заключены под стражу, в заведомо неблагоприятное положение по отношению к оказавшимся в схожих ситуациях другим лицам из той же категории, которые в этих нормах приведены и подвергнуты этой мере пресечения быть не могут.

Каким образом требующее оценки повышение вероятности отбывания наказания отражается на изменении риска уклонения подсудимого от его исполне-

ния в конкретном деле, как определять изменение степени этого риска, в каких случаях при постановлении обвинительного приговора он становится реальным, а значит – способным вызвать появление достаточных оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и служить мотивом для принятия такого решения?

Удалившись в совещательную комнату после заслушивания последнего слова, суд должен разрешить эти вопросы. Однако ни один судья не находился на месте подсудимого, а потому не обладает соответствующими знаниями в силу собственного жизненного опыта. Официальные данные о случаях уклонения осужденных от отбывания наказания при оставлении их на свободе не систематизированы, не обобщены и даже не отражаются в статистической отчетности. Системы применимых в судебной практике критериев, позволяющих спрогнозировать и учесть поведение осужденного в будущем, наукой не выработано и, как было сказано, в законе не приведено. Действительно, постановление приговора способно привести к повышению риска уклонения от его исполнения. Но повышение вероятности отбывания наказания, которое может быть определено на основе статистических данных о вступлении в законную силу судебных решений, не может выступать в качестве достаточного критерия оценки этого риска. Признать изменение его степени позволяющим принять решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу только на основе данного критерия нельзя, поскольку иначе, вопреки конституционно-правовому смыслу института мер пресечения, исключалась бы необходимость учета других имеющих значение обстоятельств, в частности характеризующих личность лица, осуждаемого к отбыванию лишения свободы. Тем самым обеспечивалось бы не только действие презумпции недобросовестности подсудимого, но – при сложившихся в стране высоких показателях стабильности обвинительных приговоров – и презумпции их правосудности до вступления в законную силу, что вступало бы в явное противоречие с принципом презумпции невиновности.

Таким образом, ответить на указанные вопросы при помощи логических приемов обоснования суд не способен. De facto он в принципе не может объективно оценить постановление приговора в совокупности с иными обстоятельствами дела, с тем чтобы на основе внутреннего убеждения, с соблюдением предусмотренных законом правил оценки доказательств (ст. 17, 87 и 88 УПК РФ) сделать вывод о наличии существенного изменения риска уклонения подсудимого от исполнения наказания и мотивировать этим принятие решения о мере пресечения.

Почему же тогда на практике почти всегда принимается решение о заключении под стражу? Что побуждает суд поступать именно таким образом, каковы его истинные мотивы? Ведь, казалось бы, правовая неопределенность, как способный приводить в схожих ситуациях к различным правоприменительным решениям дефект нормы, должна исключать безальтернативное избрание судом этой меры пресечения. В

рассматриваемом же случае она, напротив, приводит к тому, что суды даже не делают попыток надлежаще мотивировать ее избрание в отношении подсудимого при назначении ему наказания в виде реального лишения свободы. Вышестоящие суды констатируют правильность подобных решений, вследствие чего понять, почему была избрана мера пресечения, причем в виде заключения под стражу, а не какая-либо иная, – невозможно.

По нашему мнению, парадоксальность этого явления объясняется следующим. В соответствии с законом суд вправе при постановлении приговора избрать или изменить подсудимому меру пресечения соответственно назначенному наказанию. Поскольку же в действительности суд лишен возможности определить и учесть изменение степени вероятности уклонения подсудимого от исполнения приговора в связи с его постановлением, а принять решение по вопросу меры пресечения до вступления приговора в законную силу он обязан, указанное право на практике воспринимается им в качестве полномочия, от реализации которого нельзя уклониться. При этом для суда, который не может расписаться в собственном бессилии и возразить законодателю, сформировать внутреннее убеждение по поводу решения о мере пресечения исходя из ее превентивного характера единственным рациональным способом, основанным на здравом смысле и за использование которого его трудно упрекнуть в применении произвольного подхода, является учет фактора вероятности отмены приговора. Так как при вынесении приговора суд приходит к выводу о невозможности исправления подсудимого без изоляции от общества, а вероятность отмены приговора мала, в условиях непримиримой борьбы с коррупцией этот фактор выходит на главное место. Его воздействие на суд дополняет невозможность пересмотра решения о мере пресечения вышестоящим судом отдельно от приговора (этот фактор рассмотрен в следующем параграфе, а другие нами исследовались ранее ⁶). В иной ситуации, когда решение по вопросу о мере пресечения, принимаемое при вынесении приговора, подлежало бы самостоятельному обжалованию и подвергалось риску отмены, а равно если бы приговоры чаще отменялись, это способствовало бы более внимательному рассмотрению данного вопроса, понижая значимость при его разрешении фактора стабильности приговоров.

Совокупность воздействующих на суд факторов, согласующихся с буквальным содержанием законоположения, определяющего в качестве цели избрания мер пресечения обеспечение исполнения приговора, настолько значима, что, по сути, полностью вытесняет собой необходимость реального учета изменения степени риска уклонения подсудимого от исполнения назначенного наказания, сводит на нет роль этого риска при решении вопроса об избрании меры пресечения, а потому – предопределяет применение заключения под стражу в обеспечительных, но не в превентивных целях.

Вряд ли когда-либо удастся получить официальные сведения в подтверждение того, что суды, при-

нимая решение об избрании данной меры пресечения при вынесении приговора, не учитывают указанный риск и не выясняют существенность его изменения, а руководствуются не имеющими отношения к возможности обструктивного поведения подсудимого соображениями о затруднениях при исполнении приговора, которые могут возникнуть после его вступления в законную силу. Но это так, и о применении такого подхода свидетельствуют полученные нами результаты анонимного анкетирования и интервьюирования судей⁷. Верховный Суд РФ по этому вопросу занимает неоднозначную позицию. В одних случаях он указывает, что для избрания судом при постановлении приговора соответствующей назначенному наказанию меры пресечения достаточно лишь того, что это решение принимается в целях обеспечения исполнения наказания. То есть мотив, которым должен руководствоваться суд, отождествляется с обеспечительной целью мер пресечения⁸. В других случаях он просто ссылается на то, что под обстоятельством, способным оказать на суд сдерживающее от применения заключения под стражу воздействие, следует понимать наличие данных о невозможности содержания осужденного в условиях следственного изолятора⁹.

Изложенное позволяет утверждать, что положения ст. 97, 99, ч. 1 ст. 108, ст. 255, п. 17 ч. 1 ст. 299, п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ, уполномочивающие суд одновременно с постановлением обвинительного приговора избрать или изменить меру пресечения соответственно назначенному наказанию в условиях отсутствия реальной возможности достоверно выявить изменения в результате постановления этого приговора степени вероятности уклонения подсудимого от его исполнения на основе объективной оценки обстоятельств конкретного дела, позволяют на практике избирать меру пресечения в виде заключения под стражу в случаях осуждения подсудимого к отбыванию лишения свободы исходя из предположения (презумпции) о существенном повышении такой вероятности либо вовсе без учета указанного обстоятельства.

Но неужели человек, до завершения рассмотрения своего уголовного дела в суде находившийся на свободе – поскольку к нему отнеслись благосклонно и в которого поверили – должен изменить свое отношение к вопросу явки в вышестоящий суд или к месту отбывания наказания только потому, что ему вынесли приговор? Почему он, заслуживший доверие, в один миг может это доверие утратить, причем не в силу своего поступка? Разве он не мог просто не явиться на провозглашение приговора и, узнав его результат, скрыться, но таким образом не поступил? Эти вопросы не требуют ответа. Некоторые, не сумев самим себе ответить на вопросы «чего это ты к нему проникаешь?» или «а кто потом будет за ним бегать?», вспоминают поговорку «Раньше сядешь – раньше выйдешь». Будут утверждать, что в следственном изоляторе за осужденным присмотрят и ему не удастся наложить на себя руки. Но нельзя забывать, что есть и другие случаи. Например, совсем недавно, когда подсудимый, понимая, что будет взят под

стражу в случае вынесения ему обвинительного приговора, пронес в суд пистолет и после провозглашения такового – застрелился (события произошли 12 февраля 2020 г. в Чертановском районном суде г. Москвы с Виктором Свиридовым, полковником милиции в отставке, который добивался оправдания, но был осужден к трем годам лишения свободы). Кто скажет, свел бы он счеты с жизнью по результатам апелляции или остался жив?

Если только признать, что пересмотр судом в связи с постановлением приговора собственной позиции, занимаемой по вопросу достаточности оснований для применения заключения под стражу в качестве меры пресечения, ввиду указанных выше причин осуществляется недолжным образом, станет совершенно ясно – сложившаяся практика недопустима в правовом государстве, императивом которого является верховенство права, и снижает авторитет суда и доверие к нему как органу правосудия, поскольку откровенно нарушает принципы презумпции невиновности и справедливости.

Размышления о возможных способах изменения положения приводят к мысли о том, что системы разумных и объективных критериев, обеспечивающей возможность применения дифференцированного подхода, выработано быть не может, да и дело-то, собственно, не в ней. Чтобы это понять, необходимо избавиться от формализма, свойственного позитивистскому подходу, и попытаться встать на позиции естественной справедливости. Для сравнения можно сказать, что странам Западной Европы, например, таким как Великобритания, Дания или Норвегия, рассматриваемая нами проблема вообще неизвестна. Осужденные к лишению свободы после вступления приговора в законную силу там самостоятельно следуют к месту исполнения наказания, порой предварительно месяцами ожидая своей очереди. Готово ли наше общество к подобным изменениям? Думается, что принятие в 2020 г. поправок в Конституцию РФ может подсказать ответ на этот вопрос. Как отмечается в юридической литературе, на современном этапе развития «стало назреть понимание настоятельной необходимости разрешения проблемы применения обоснованного, подтвержденного совокупностью фактических обстоятельств дела заключения под стражу на основании судебного решения» [7. С. 73]. Важно учитывать, что сам по себе приговор – до момента вступления в законную силу – нельзя рассматривать в качестве такого фактического обстоятельства¹⁰. По нашему убеждению, заключение под стражу при его постановлении – плохая традиция, от которой нужно избавляться. Во всяком случае, избрание этой меры пресечения недопустимо, если конкретных фактических обстоятельств, подтверждающих необходимость ее применения вне зависимости от установления события преступления, виновности подсудимого в его совершении и назначения ему наказания, судом не выявлено.

Обжалование решения о мере пресечения

Для стадии предварительного расследования в отношении решений о заключении обвиняемого под

стражу и продлении сроков его действия в ч. 11 ст. 108 УПК РФ предусмотрен обеспечивающий соблюдение требований безотлагательности специальный порядок обжалования, согласно которому постановление судьи об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу может быть обжаловано в апелляционном порядке в течение трех суток со дня его вынесения, при этом суд апелляционной инстанции принимает решение по жалобе не позднее чем через трое суток со дня её поступления.

В соответствии с ч. 10 и 11 ст. 108, ч. 4 ст. 255 и ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ контроль принятия промежуточных судебных решений, связанных с избранием меры пресечения в виде заключения под стражу, на стадии судебного разбирательства в суде первой инстанции до постановления приговора осуществляется судом апелляционной инстанции в таком же специальном порядке. В пункте 52 ранее указанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 разъяснено, что сокращенные сроки подачи и рассмотрения апелляционных жалобы или представления на решения об избрании заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей распространяются и на случаи, когда они приняты после поступления уголовного дела в суд для рассмотрения по существу.

Конституционный Суд РФ ранее обращался к вопросам пересмотра вышестоящей судебной инстанцией в безотлагательном порядке решений о применении меры пресечения в виде заключения под стражу или продлении сроков ее применения. Из смысла Постановления от 2 июля 1998 г. № 20-П вытекает, что право обвиняемого на судебное разбирательство без неоправданной задержки в случае обжалования им судебного решения о применении меры пресечения в виде заключения под стражу может считаться обеспеченным при соблюдении трехсуточного срока пересмотра подобных решений вышестоящим судом. Это сохраняющее свою силу Постановление может быть распространено *mutatis mutandis* на правоотношения, возникающие в связи с апелляционным обжалованием решений об избрании судом при постановлении приговора заключения под стражу в качестве меры пресечения.

Вместе с тем такие решения в соответствии с требованиями п. 17 ч. 1 ст. 299, ч. 1 ст. 303, п. 5 ст. 307 и п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ становятся составной частью приговора. Как указал Конституционный Суд РФ, по смыслу положений Уголовно-процессуального кодекса РФ (ч. 11 ст. 108, ст. 255, ч. 2 и 3 ст. 389.2, 389.3 и 389.4), самостоятельному обжалованию и в сокращенный срок подачи и рассмотрения жалобы судебное решение, связанное с избранием меры пресечения в виде заключения под стражу, подлежит до вынесения приговора. Названная мера пресечения, избранная судом при постановлении приговора для обеспечения его исполнения и соответствующая по характеру ограничений назначенному наказанию, как часть этого процессуального решения, может быть обжалована в апелляционном порядке одновременно с приговором. Иное приводило бы к тому, что в апел-

ляционном порядке отдельно рассматривались бы взаимосвязанные вопросы законности, обоснованности и справедливости приговора, являющегося предметом судебного разбирательства в апелляционном порядке, а также его законности и обоснованности в части избрания при его постановлении меры пресечения в виде заключения под стражу, применяемой лишь при назначении в качестве наказания лишения свободы и только на срок до вступления приговора в законную силу. В системе уголовно-процессуального регулирования не предполагается бессрочное и не контролируемое судом содержание подсудимого под стражей по не вступившему в законную силу и не обращенному к исполнению приговору, равно как и принятие вне надлежащей судебной процедуры соответствующего решения, которое может быть оспорено вместе с приговором¹¹.

Исходя из этой правовой позиции, можно предположить, что определяющее значение в вопросе допустимости отдельного от приговора самостоятельного апелляционного обжалования судебных решений имеет наличие либо отсутствие взаимосвязи между приговором как решением по существу уголовного дела и решением, которое оспаривается отдельно от приговора. Если такая взаимосвязь усматривается, решение может быть проверено лишь вместе с приговором. При этом неважно, является это решение частью приговора или же оно вынесено в виде отдельного постановления (определения) одновременно с приговором либо после его вынесения.

На завершающем этапе производства в суде первой инстанции, следующем за разрешением уголовного дела по существу, может возникнуть необходимость в принятии судебных решений по вопросам, затрагивающим права и интересы участников уголовного судопроизводства, входящим в предмет уголовно-процессуального регулирования по данному делу, но оставшимся неразрешенными, поскольку в силу буквального содержания ч. 1 ст. 299 и ст. 313 УПК РФ они не относятся к таким, на которые суд отвечает при вынесении приговора или одновременно с ним.

Такие вопросы, по смыслу ст. 119 УПК РФ, могут быть разрешены судом, постановившим приговор и в производстве которого продолжает находиться уголовное дело, на основании соответствующего ходатайства, заявленного осужденным, его защитником, государственным обвинителем, потерпевшим, его представителем и иным лицом, права и законные интересы которых затронуты в ходе досудебного или судебного производства, для обеспечения прав и законных интересов лица, заявившего ходатайство, либо представляемого им лица. Согласно же ст. 122 УПК РФ судебное решение, принятое по этому ходатайству, может быть обжаловано в апелляционном порядке, но с учетом особенностей, предусмотренных для обжалования промежуточных судебных решений.

Однако, с нашей точки зрения, правовой подход Конституционного Суда РФ, при его понимании в качестве не допускающего самостоятельное обжалование взаимосвязанных с приговором судебных решений ни при каких обстоятельствах, – нельзя при-

знать бесспорным. Если невозможность самостоятельного оспаривания их обоснованности серьезных вопросов не вызывает, то абсолютный запрет обжалования тех же решений в аспекте законности нуждается в корректировке.

Необходимо различать как минимум два вида такого обжалования: когда стороной оспаривается соблюдение процедуры их принятия или когда оспаривается наличие правовых оснований для их вынесения. Однако и в том и в другом случае, если в жалобах или представлениях имеются ссылки на нарушения, не связанные с приговором как итоговым решением по существу дела, для рассмотрения таких доводов отдельно от обжалования приговора объективных препятствий не существует.

Таким образом, самостоятельное апелляционное обжалование законности принятых судом одновременно с приговором решений (например, по вопросам применения обеспечительных мер, передачи несовершеннолетних детей осужденного на попечение иных лиц и т.п.), хотя и находящихся в определенной взаимосвязи с приговором, но оспариваемых в аспекте нарушения процедуры их принятия, а также отсутствия достаточных правовых оснований для их вынесения, является допустимым и до момента пересмотра приговора в апелляционном порядке в целом отдельно от него и в сокращенный срок, если промедление в защите предположительно нарушенных конституционных прав ставит под сомнение саму возможность их восстановления в будущем и, следовательно, делает срок рассмотрения дела в этой части неразумным.

Представим себе, что в нарушение требований закона о необходимости немедленного освобождения подсудимого из-под стражи в случае его осуждения к наказанию, не связанному с лишением свободы, судом одновременно с вынесением приговора принято решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу либо о ее сохранении. Исходя из буквального содержания сформулированной Конституционным Судом РФ правовой позиции, она верна постольку, поскольку мера пресечения в виде заключения под стражу применяется лишь при назначении в качестве наказания лишения свободы и только на срок до вступления приговора в законную силу. Но как быть, если эти условия судом не были соблюдены или же решение по вопросу о мере пресечения было мотивировано откровенно произвольно (либо вовсе не было мотивировано)? Разумный ответ на вопрос, почему в таких случаях нельзя обжаловать решение суда по вопросу о мере пресечения отдельно от приговора, найти не получится.

Между тем в правоприменительной практике приведенная правовая позиция Конституционного Суда РФ, при внимательном изучении которой кто-то может усмотреть даже признаки софистики, воспринята так, будто обжалование в вышестоящий суд принятого при вынесении приговора решения об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу в предусмотренном законом специальном порядке запрещено¹².

В связи с тем что конституционные гарантии от произвольного или избыточного ограничения свободы и личной неприкосновенности должны обеспечиваться на любом этапе уголовного судопроизводства, а возможность самостоятельного обжалования решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу исключена, – реализация права подсудимого на обжалование такого решения в безотлагательном порядке должна быть обеспечена в общем порядке апелляционного обжалования приговора в целом.

Однако добиться этого нельзя. Учитывая предусмотренный ч. 1 ст. 389.4 УПК РФ общий срок апелляционного обжалования, запрет на истребование уголовного дела в течение этого срока из суда первой инстанции (ч. 2 ст. 389.4 УПК РФ) и возможность направления уголовного дела в вышестоящий суд только после его истечения (ч. 2 ст. 389.8 УПК РФ), рассмотрение уголовного дела в апелляционном порядке не может быть начато ранее десяти суток с момента постановления приговора. Законом не установлены сроки пересылки уголовного дела в суд вышестоящей инстанции. Не предусмотрен срок, в который должно быть завершено рассмотрение этого дела. Поэтому на практике суд апелляционной инстанции не ранее чем через два-три месяца с момента вынесения приговора лишь приступает к рассмотрению уголовного дела. Бывает и так, что время, проведенное под стражей на основании не вступившего в законную силу приговора, исчисляется годами¹³.

Совокупность перечисленных обстоятельств представляет собой ограничение права на судебную защиту, которое не может обуславливаться целями, перечисленными в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

При этом какими-либо средствами защиты нарушенных прав, которые бы могли считаться эффективными, сторона защиты не располагает. Проверка решения о заключении под стражу при пересмотре приговора в целом в общем порядке апелляционного обжалования является бессмысленной, поскольку интерес обвиняемого как раз и заключается в нахождении

на свободе до пересмотра приговора. Нельзя отнести к таким средствам защиты возможность заявить ходатайство об отмене или изменении этой меры пресечения до передачи уголовного дела в суд апелляционной инстанции, поскольку вряд ли разумно ожидать от суда отмены принятого им самим решения, а правом истребовать дело вышестоящий суд не располагает. Пересмотр решения об избрании заключения под стражу отдельно от приговора и восстановление нарушенных прав исключены и после поступления уголовного дела в вышестоящий суд, так как при отсутствии новых, не известных суду на момент постановления приговора обстоятельств наличие оснований для содержания осужденного под стражей подразумевалось бы.

Можно сделать вывод о том, что положения ч. 11 ст. 108, ст. 255, п. 17 ч. 1 ст. 299, п. 10 ч. 1 ст. 308, ч. 2 и 3 ст. 389.2, ст. 389.3 и 389.4 УПК РФ в той мере, в какой, предусматривая, что осужденный вправе обжаловать в апелляционном порядке принятое при постановлении приговора решение об избрании в его отношении меры пресечения в виде заключения под стражу только одновременно с приговором, не позволяют суду учесть специфику такого обжалования по основаниям, не требующим проверки приговора в апелляционном порядке по взаимосвязанным вопросам его законности, обоснованности и справедливости, а также законности и обоснованности в части избрания меры пресечения, и в случаях, когда апелляционная жалоба содержит соответствующие указанные основания доводы, рассмотреть их по существу в процедуре отдельного от приговора в целом апелляционного обжалования, – произвольно препятствуют возможности эффективной реализации осужденным права на безотлагательную проверку судом решения о заключении под стражу и тем самым ограничивают его право на судебную защиту.

Выявленные дефекты правового регулирования могут быть устранены как путем внесения изменений в действующее законодательство, так и посредством осуществления конституционного судопроизводства.

Примечания

¹ Предложения СПЧ по вопросам изменения меры пресечения подсудимому, а также ответы и отзывы правоохранительных органов и Верховного Суда РФ. URL: <http://president-sovet.ru/documents/read/592/#doc-1> (дата обращения: 09.04.2021).

² См. подробнее: [3, 4].

³ Определения Конституционного Суда РФ от 26 марта 2019 г. № 653-О, от 27 сентября 2019 г. № 2275-О и от 28 мая 2020 г. № 1310-О.

⁴ См., например: приговор Ленинградского районного суда г. Калининграда от 18 июля 2017 г. по делу № 1-9/2017; апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Калининградского областного суда от 13 декабря 2017 г. по делу № 22-1274/2017; Постановление судьи Верховного Суда РФ от 25 мая 2018 г. по делу № 71-УК18-45.

⁵ Постановления Конституционного Суда РФ от 31 октября 2019 г. № 32-П и от 26 марта 2020 г. № 13-П.

⁶ См.: [6].

⁷ Анкетирование 13 судей показало: 53% опрошенных отрицательно относятся к возможности неприменения заключения под стражу при вынесении приговора; 58% находят его неприменение при осуждении к реальному лишению свободы свидетельством противоречивости приговора; 62% указали на предерженность заключения под стражу наказанием вне зависимости от фактора уклонения; 69% высказались о возможности возникновения затруднений при исполнении приговора в случае неприменения этой меры пресечения, треть из них назвала их причиной вероятности обструктивного поведения, никто не высказался о повышении степени вероятности такового.

⁸ Допускается запрещенная в логике подмена тезиса (лат. *ignoratio elenchi*). См., например, Постановление судьи Верховного Суда РФ от 24 марта 2021 г. по делу № 71-УК21-14-КЗ.

⁹ См., например, письмо заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 18 марта 2021 г. по делу № 71-УК20-104-КЗ.

¹⁰ Иначе во избежание нарушения права на защиту подсудимому после постановления приговора следовало бы обеспечить возможность высказаться по вопросу о необходимости избрания в его отношении меры пресечения соответственно назначенному наказанию и представить доказательства в подтверждение своей позиции – до принятия судом решения об этом (см. подробнее: [8. С. 13]).

¹¹ Определения Конституционного Суда РФ от 27 марта 2018 г. № 862-О и от 26 ноября 2018 г. № 2869-О.

¹² См., например: Постановление судьи Калининградского областного суда от 28 июля 2017 г. по делу № 22-1035/2017; Постановление судьи Верховного Суда РФ от 21 ноября 2017 г. по делу № 71-УКС17-207.

¹³ См., например, уголовное дело № 1-10/2020, рассмотренное 2-м Западным окружным военным судом, приговор по которому вынесен в апреле 2020 г., в суд апелляционной инстанции уголовное дело не направляется более года (карточка дела – https://2zovs-msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srvc_num=1&name_op=case&case_id=953237&case_uid=6c10ca77-4bc7-4f45-8740-e659afcc49d6_&delo_id=1540006).

Список источников

1. Дикарев И.С. Разрешение судом вопроса о мере пресечения при постановлении приговора // Мировой судья. 2008. № 11. С. 23–25.
2. Калининский К.Б. Законность применения меры пресечения в целях исполнения приговора в российском уголовном процессе // Обеспечение законности в российском уголовном судопроизводстве : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Саранск, 7–8 дек. 2006 г.) МГУ им. Н.П. Огарева, Мордовский гуманитарный институт; [ред. кол.: Л.Д. Калинкина (отв. ред.), Н.Р. Мухудинова, О.А. Сухова]. Саранск : Мордов. Кн. изд-во, 2006. С. 192–195.
3. Качалова О.В., Качалов В.И. Заключение под стражу в качестве меры пресечения: обоснованность применения и продления : учеб.-метод. материалы, подгот. в рамках программы сотрудничества Совета Европы и Российской Федерации. М. : Деловой стиль, 2019.
4. Загорский Г.И., Кобзарев Ф.М., Шалумов М.С. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу и сроки содержания под стражей: некоторые теоретико-правовые вопросы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 38. С. 42–50.
5. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.
6. Филатьев В.А. Решение о заключении под стражу как часть приговора: проблема детерминированности // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 124–132.
7. Давыдов В.А., Качалова О.В. Современные тенденции развития российского уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 29. С. 69–78.
8. Андреева О.И., Зайцев О.А. О праве обвиняемого самостоятельно защищаться от уголовного преследования и пределах его ограничения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 32. С. 5–18.

References

1. Dikarev, I.S. (2008) Razreshenie sudom voprosa o mere presecheniya pri postanovlenii prigovora [The court's resolution of the question of the measure of restraint when passing a sentence]. *Mirovoy sud'ya*. 11. pp. 23–25.
2. Kalinovskiy, K.B. (2006) [Legality of the use of a preventive measure in order to execute a sentence in the Russian criminal process]. *Obespechenie zakonnosti v rossiyskom ugolovnom sudoproizvodstve* [Ensuring Legality in the Russian Criminal Proceedings]. Proceedings of the International Conference. Saransk. 7–8 December 2006. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo. pp. 192–195. (In Russian).
3. Kachalova, O.V. & Kachalov, V.I. (2019) *Zaklyuchenie pod strazhu v kachestve mery presecheniya: obosnovannost' primeneniya i prodleniya: ucheb.-metod. materialy, podgotovlennye v ramkakh programmy sotrudnichestva Soveta Evropy i Rossiyskoy Federatsii* [Detention as a Preventive Measure: Validity of application and extension : studies.- method. materials prepared within the framework of the cooperation program of the Council of Europe and the Russian Federation]. Moscow: Delovoy stil'.
4. Zagorskiy, G.I., Kobzarev, F.M. & Shalumov, M.S. (2020) The use of remand in custody and periods of detention: some theoretical and legal issues. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 38. pp. 42–50. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/38/5
5. Byulleten' Verkhovnogo Suda RF. (2014) O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva o merakh presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu, domashnego aresta i zaloga: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 19 dekabrya 2013 g. № 41 [On the practice of court application of legislation on preventive measures in the form of detention, house arrest and bail: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 41 of December 19, 2013]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 2.
6. Filat'ev, V.A. (2020) Remand in custody as part of a sentence: problem of determination. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava Actual Problems of Russian Law*. 1. pp. 124–132. (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.124-132
7. Davydov, V.A. & Kachalova, O.V. (2018) Current trends of development of the Russian criminal legal proceedings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 29. pp. 69–78. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/29/6
8. Andreeva, O.I. & Zaitsev, O.A. (2019) On the right of the accused to defend themselves against criminal prosecution and its restrictions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 32. pp. 5–18. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/32/1

Информация об авторе:

Филатьев В.А. – аспирант Российского государственного университета правосудия (Москва, Россия); адвокат, управляющий партнер Адвокатского бюро «Филатьев, Уваров и партнеры» (Калининград, Россия). E-mail: vlad_filatyev@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.A. Filatyev, postgraduate student, Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation); lawyer, managing partner, Filatyev, Uvarov, and Partners Law Office (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: vlad_filatyev@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.03.2021;
одобрена после рецензирования 10.08.2021; принята к публикации 28.03.2022.

The article was submitted 21.03.2021;
approved after reviewing 10.08.2021; accepted for publication 28.03.2022.

Научная статья
УДК 347.751 + 341.932.3
doi: 10.17223/15617793/476/30

Способы защиты прав покупателя по договорам международной купли-продажи в случае поставки товаров из государств, применяющих экономические санкции к России

Наталья Юрьевна Чельешева¹

¹Уральский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия, chelysheva@list.ru

Аннотация. Предпринята попытка выявить механизмы защиты прав российского покупателя по договору поставки иностранных товаров. Анализируются правомерность и добросовестность поведения сторон договора поставки; определены способы защиты прав покупателя в случае поставки товара, запрещенного к ввозу на территорию России и, как следствие, изъятого таможенными органами; также определены материально-правовые основания исков, которые могут быть предъявлены к иностранному поставщику.

Ключевые слова: поставка, качество товара, информация о товаре, добросовестность, обход закона

Для цитирования: Чельешева Н.Ю. Способы защиты прав покупателя по договорам международной купли-продажи в случае поставки товаров из государств, применяющих экономические санкции к России // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 278–289. doi: 10.17223/15617793/476/30

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/30

Ways to protect the rights of the buyer under international sales contracts in the case of the supply of goods from states applying economic sanctions to Russia

Natalia Yu. Chelysheva¹

¹Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russian Federation, chelysheva@list.ru

Abstract. The recent increase in attempts to import into the territory of Russia goods produced in states applying economic sanctions against Russian citizens and organizations invariably entails an increase in statistics on bringing business entities to administrative responsibility and, as a result, an increase in the number of complaints to arbitration courts against the actions of customs authorities. The proposed study focuses on identifying possible civil legal ways to protect the rights of participants in trade, violated due to the application of economic sanctions or counter-sanctions to one of the parties to the contract of international sale. The aim of the study is to identify mechanisms for protecting the rights of the Russian buyer under the contract for the supply of foreign goods, which are the recognition of the transaction as invalid and the termination of the contract. Within the framework of the aim, the following objectives are to be achieved: (1) to assess the legality and integrity of the conduct of the foreign supplier and the Russian buyer in the performance of contractual obligations; (2) to determine how to protect the rights of the buyer in case of delivery of goods prohibited for import into the territory of Russia, and, as a result, seized by customs authorities; (3) to identify the substantive grounds for claims that may be brought against a foreign supplier. The subject of the study is the scientific and practical substantiation of the requirements of the Russian buyer to a foreign supplier to declare the transaction concluded between them invalid, as well as to terminate the contract due to improper performance by the supplier of its obligations. On the basis of a synthesis of the latest jurisprudence, the author made recommendations on what way to protect the violated rights of the buyer should be chosen in a specific situation. So, according to the author, the buyer, to whom the goods of the country of origin prohibited for import into the territory of Russia are delivered, should, as a matter of priority, sue the supplier to invalidate the transaction as circumvented by the law due to the contradiction of its content to the super-imperial norms of Russian law. This will allow the buyer to recover in restitution all losses caused by such a delivery. In the absence of legal grounds for invalidating the transaction, the Russian buyer is further entitled to demand the termination of this contract, since the fact of the loss of the opportunity for the buyer to acquire ownership of goods delivered from abroad and seized by customs authorities indicates the supplier's improper performance of its contractual obligations.

Keywords: delivery, quality of goods, information about goods, integrity, circumvention of law

For citation: Chelysheva, N.Yu. (2022) Ways to protect the rights of the buyer under international sales contracts in the case of the supply of goods from states applying economic sanctions to Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 278–289. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/30

Участившиеся за последнее время попытки ввоза на территорию России товаров, произведенных в государствах, применяющих экономические санкции в отношении российских граждан и организаций, неизменно влекут увеличение статистики привлечения субъектов предпринимательской деятельности к административной ответственности и, как следствие, увеличение количества жалоб в арбитражные суды на действия таможенных органов. Практически всегда в проигрыше остаются интересы бизнеса, несущего риск как применения к ним санкций со стороны таможенных органов, так и гражданско-правовой ответственности перед контрагентами в результате неисполнения обязательств, обусловленных запретом на поставку товаров из того или иного государства. В рамках предстоящего исследования мы не будем дискутировать относительно оснований принятия таких мер, как экономические санкции. Неоспорим тот факт, что сложившаяся политическая ситуация существенно подрывает интересы как российский предпринимателей, так и их зарубежных партнеров. Предлагаемое исследование ориентировано на выявление возможных гражданско-правовых способов защиты прав участников торгового оборота, нарушенных вследствие применения экономических санкций либо контрсанкций к одной из сторон договора международной купли-продажи.

Зачастую российский предприниматель, заключая контракт на поставку товаров иностранного производства на территорию Российской Федерации, действует добросовестно, полагая, что иностранный поставщик осведомлен о наличии запретов на ввоз на территорию России товаров из определенных государств. Например, в случае, когда контракт на поставку заключается с организацией государства, не применяющего экономические санкции к России, входящей в состав какого-либо объединения (холдинга, финансово-промышленной группы), участники которого расположены по всему миру, в том числе и на территории государств, применяющих санкции к России. В ряде случаев, обычно в целях сокращения транспортных расходов, поставка товара российским покупателям производится от имени поставщика, указанного в контракте, но с территории другого государства, о чем российский покупатель мог не знать до момента поставки.

Если местом отправления товара является государство, применяющее санкции к России, то российские таможенные органы в безусловном порядке признают такой товар запрещенным к ввозу на территорию Российской Федерации в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 07.08.2014 № 778 (далее – Постановление № 778), которым утвержден Перечень сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия (далее – Перечень), страной происхождения которых являются США, страны ЕЭС, Ка-

нада, Австралия, Королевство Норвегия, Украина, Республика Албания, Черногория, Республика Исландия, Княжество Лихтенштейн и Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и которые по 31 декабря 2021 г. запрещены к ввозу в Российскую Федерацию [1. Ст. 4798]. Перемещение по территории России товаров из перечисленных государств возможно только при помещении товара под таможенную процедуру таможенного транзита, соблюдение которой позволит транспортировать товар под таможенным контролем (проследить его следование и исключить его реализацию на территории России). Приведенная правовая норма служит обоснованием ответных специальных экономических мер России как реакции на недружественные меры третьих стран. Практика Верховного Суда РФ к настоящему моменту утвердила позицию о том, что попытки ввоза в Россию соответствующих товаров для последующей реализации на территории России или любых других целей, кроме транзитной перевозки, представляют собой действия в обход закона, поскольку позволяют беспрепятственно ввозить в страну товары, в отношении которых властью этой страны в ответном порядке применены меры экономического характера [2].

Напомним, что, согласно п. 1 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), действия в обход закона с противоправной целью не допускаются [3. Ст. 3301]. В современной доктрине под обходом закона понимается такое «действие субъекта гражданского права, которое совершается с намерением не выполнять установленные законодательством требования или не применять иные установленные законодательством положения без их непосредственного нарушения» [4. С. 7–8]. Основываясь на данном определении, судебная практика относит к действиям в обход закона сделки, во исполнение которых на территорию России поступают товары, запрещенные к ввозу Правительством РФ. При этом страна происхождения таких товаров, как правило, в договоре может быть не указана.

Ключевым условием отнесения ввоза товаров в Россию к действиям в обход закона является факт производства ввозимых товаров в одном из государств, включенных в Перечень. Факт местонахождения поставщика в другом государстве либо факт прохождения товаром таможенного оформления на территории государства, не включенного в Перечень, не имеют правового значения и не освобождают стороны договора поставки от неблагоприятных последствий своего поведения, квалифицируемого российскими правоприменительными органами как действия в обход закона.

Российские суды отмечают, что с 2018 г. подобная практика получила повсеместное распространение [5]. В свою очередь, российские профессиональные участники отношений поставок и их зарубежные

контрагенты, допускающие факты ввоза в Россию товаров, включенных в Перечень, не проявляют должной осмотрительности при легализации ввозимого товара и действуют по меньшей мере неразумно. Зарубежный поставщик, являясь профессиональным участником внешнеэкономической деятельности, в силу такого общепризнанного принципа международной торговли, как добросовестность, обязан заранее планировать логистику перемещения товаров. В частности, избегать поставки товаров, произведенных в конкретных государствах, включенных в Перечень, с учетом требований законодательства государства-покупателя о специальных экономических мерах.

В сложившейся ситуации открытым остается вопрос о выборе способа защиты права российского покупателя, подвергнутого административной ответственности со стороны таможенных органов России и не получившего ожидаемый товар от зарубежного поставщика. Анализ правовых норм об отношениях поставки, осложненных иностранным элементом, предлагает два способа защиты прав российского покупателя в случае поставки товаров из государств, применяющих экономические санкции к России, с последующим их изъятием таможенными органами. Во-первых, применение последствий недействительности договора поставки, совершенного в обход закона и, во-вторых, расторжение договора поставки вследствие вины действующего в обход закона поставщика. Важно правильно выбрать адекватный способ защиты, в том числе верно сформулировать искомые требования именно на стадии предъявления иска, так как в ходе дальнейшего рассмотрения дела изменение формулировки исковых требований будет представлять собой одновременное изменение предмета и основания иска, что представляется недопустимым в силу прямого указания ст. 39 ГПК [6. Ст. 4532] и ст. 49 АПК РФ [7. Ст. 3012]. Вместе с тем каждый из названных способов защиты может быть применен при соблюдении необходимых условий, подробный анализ которых приведен далее.

Обоснование недействительности договора международной купли-продажи в случае поставки товаров из государств, применяющих экономические санкции к России. В случае выявления факта поставки товара из государств, включенных в Перечень, целесообразным представляется в первоочередном порядке предъявить иск о применении последствий недействительности этого договора поставки (международной купли-продажи). Это позволит покупателю взыскать в порядке реституции все убытки, причиненные такой поставкой. Пороком таких договоров, служащим основанием для их недействительности, является противоречие их содержания сверхимперативным нормам российского законодательства.

Условие о поставке товаров из государств, включенных в Перечень, противоречит сверхимперативным нормам или нормам непосредственного применения российского законодательства, что само по себе влечет ничтожность такого договора. Из содержания п. 1 ст. 1192 ГК РФ в ее взаимосвязи с абз. 3 п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от

09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» [8] следует, что сверхимперативные нормы представляют собой отдельные предписания конкретного законодательства, относящиеся к категории императивных норм. Они подлежат применению к отношениям, осложненным иностранным элементом, независимо от выбранного сторонами, определенного судом или международным коммерческим арбитражем права, подлежащего применению к конкретному договору [9. С. 21–23]. Данный институт является проявлением одностороннего подхода в международном частном праве. Последний подразумевает разрешение проблемы применимого права при помощи рассмотрения особенности действия конкретных материально-правовых норм, связанных со спорным правоотношением. Главная задача норм непосредственного применения – защита публичного интереса, в том числе реализация внешнеполитических интересов (например, введение санкций, эмбарго) [10. С. 139–140]. У данного типа норм своя собственная пространственно-персональная сфера действия, т.е. применяется вне зависимости от выбранного сторонами права. При решении вопроса о сверхимперативных нормах правоприменительная практика, в том числе судебная, должна исходить из тех правовых предписаний, в рамках которых ведется разбирательство. При этом данные рамки оформляются не только соглашением сторон и применимым к правоотношению правом, но и отношением судов по месту рассмотрения дела и месту исполнения решения к игнорированию сверхимперативных предписаний [9. С. 191].

Следует отметить, что на практике подобные споры часто рассматриваются третейскими судами (арбитражами). Действующее российское законодательство признает их арбитрабельность. Однако необходимо учитывать, что исторически расширение возможности международных коммерческих арбитражей рассматривать определенные вопросы, которые национальные правовые порядки считали особо значимыми, ставилось государственными судами этих стран под условие применения арбитрами сверхимперативных норм. В частности, при рассмотрении конкретных дел Верховный Суд США [11–13], а также Европейский Суд по правам человека [14] прямо указали на обязанность арбитров руководствоваться правом Европейского Союза. Данный вывод исходит из того, что одной из главных целей третейского разбирательства является вынесение исполнимого решения. Юридическая сила решений третейского суда обеспечивается поддержкой со стороны национального законодателя, необходимой для обеспечения признания и исполнения вынесенных третейскими судами решений. В противном случае постоянное игнорирование арбитрами сверхимперативных норм может привести к признанию споров, затрагивающих выражаемые сверхимперативными предписаниями интересы, неарбитрабельными [15. Р. 170]. Тогда третейское разбирательство станет неэффективным средством разрешения правовых споров, соответственно, метод, по которому арбитры определяют, какие нормы подлежат

применению в конкретном деле, должен отображать указанные обстоятельства.

Наиболее подходящей для этих целей является теория «специальной связи» как пример гибкого коллизионного регулирования в международном частном праве [10. С. 298]. Ее преимущество – в обеспечении применения сверхимперативных норм всех связанных с конкретным рассматриваемым отношением государств, что позволяет вынести исполнимое решение. В соответствии со «смешанным», или материально-правовым, подходом раскрытия содержания данной теории при определении правопорядка, имеющего наиболее тесную связь с отношением, следует учитывать географические контакты и факторы, находящиеся в плоскости материального права и учета материально-правового результата [10. С. 306; 16. С. 104]. В частности, последнее подразумевает учет публичных интересов, под которыми понимаются закрепленные в императивных нормах права сбалансированные общие интересы, направленные на удовлетворение общих потребностей (потребности личности, общества и государства) [16. С. 104]. Применение данного принципа подтверждается практикой международного коммерческого арбитража и иных арбитражных институтов [9. С. 179; 17. Р. 341–346]. Российские сверхимперативные нормы имеют тесную связь со спорами о применении последствий недействительности договоров поставки, предусматривающими ввоз на территорию России товаров, включенных в Перечень, из стран, применяющих экономические санкции к российским гражданам и организациям. Практика и теория идут по тому пути, что применение сверхимперативных норм места исполнения обязательства (*lex loci solutionis*) должно учитываться судьями и арбитрами, так как это соответствует «разумным ожиданиям» сторон. Контрагенты не могут не осознавать того, что исполнение обязательства должно происходить в соответствии с законодательством государства, в котором происходит такое исполнение. Эта позиция отражена в решении Международного коммерческого арбитража ICC Award № 1859 [9. С. 187].

Кроме того, подобные договоры затрагивают публичные интересы Российской Федерации в силу прямого запрета на ввоз товаров, установленного Постановлением № 778 [1. Ст. 4543]. Наличие соглашения сторон о применении права какого-либо конкретного государства не исключает применения сверхимперативных норм других правопорядков. Данный вывод поддерживается иностранными правовыми актами и актами «мягкого права». Так, Римская конвенция о праве, применимом к договорным обязательствам, 1980 года в ст. 7(2) [18] и пришедший ему на смену Регламент Рим I в ст. 9(2) [19] устанавливают, что суд должен прибегать к нормам непосредственного применения, тесным образом связанным со спорным правоотношением, безотносительно того, какое право выбрали стороны. Схожее положение содержится и в американском праве. Так, п. 187 *Restatement (Second)*

Conflict of Law предписывает, что право, выбранное сторонами, не должно применяться, если это будет противоречить фундаментальным основам правопорядка места арбитража [20].

Таким образом, договоры, заключаемые российскими предпринимателями с зарубежными поставщиками, должны соответствовать сверхимперативным нормам российского законодательства. Наличие заключенного между сторонами соглашения о подчинении договора праву иного государства не исключает необходимости применения российских сверхимперативных норм. Игнорирование судами названного правила будет способствовать нарушению санкционных норм Российской Федерации.

Нормы, запрещающие ввоз в Россию товаров из конкретных государств и закрепленные в Постановлении № 778, являются сверхимперативными. Это следует из того, что данное Постановление принято во исполнение Указа Президента РФ от 06.08.2014 № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» [21. Ст. 4470], где в п. 1 сказано, что санкции вводятся «в целях защиты национальных интересов Российской Федерации и в соответствии с федеральными законами от 30.12.2006 № 281-ФЗ “О специальных экономических мерах и принудительных мерах” и от 28.12.2010 № 390-ФЗ “О безопасности”». Следовательно, ее целью является защита публичного интереса, связанного с основами построения российской экономической и политической системы, что свидетельствует о сверхимперативности нормы. Судебная практика также признает за санкционными нормами характер сверхимперативности. Так, в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа было установлено, что ст. 417 ГК РФ (предусматривающая прекращение обязательства на основании акта органа государственной власти или местного самоуправления) в сочетании с запретом на ввоз товара является сверхимперативной, т.е. подлежит применению в силу ее особого значения для защиты публичных интересов независимо от того, каким правом регулируется договор [22]. Согласно указанной позиции, в части, в которой к договору применяется Постановление № 778, должны действовать нормы российского права. Данный вывод не вступает в противоречие с оговоркой о выборе сторонами права какого-либо другого государства, поскольку сверхимперативные нормы применяются вне зависимости от применимого к соглашению права в силу особой юридической природы, которая отражена в норме п. 1 ст. 1192 ГК РФ.

Аналогичное понимание смысла сверхимперативных норм закреплено в Регламентах ЕС, в соответствии с которыми применимое иностранное право «не должно наносить ущерба применению» сверхимперативных норм (п. 3 ст. 3 «Рим I»; п. 2 ст. 14 «Рим II») [19]. Таким образом, иные условия договора, которые не подвержены влиянию сверхимперативных норм российского права, регулируются правом государства, избранного сторонами. Следовательно, баланс между автономией воли сторон договора и интересами свя-

занных с правоотношением правопорядков соблюдается. Вместе с тем договор является нарушающим указанные санкционные сверхимперативные нормы российского правопорядка, если он дает возможность ввоза на территорию РФ запрещенной продукции.

В связи с этим договор является недействительным на основании п. 2 ст. 168 ГК РФ, что подтверждается следующими аргументами.

Во-первых, примечательно, что в нормах Постановления № 778 отсутствуют правовые санкции, касающиеся вопроса юридической судьбы соглашений, нарушающих предписания указанного постановления. Однако в целях квалификации соответствующих договоров недействительными российское право допускает «восполнение» подобного рода пробелов судебным нормотворчеством. Так, в п. 74 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление № 25) указано, что «договор, условия которого противоречат существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательства, может быть квалифицирован как ничтожный полностью или в соответствующей части, даже если в законе не содержится прямого указания на его ничтожность» [23]. Доктрина также придерживается того мнения, что обычным последствием нарушения сверхимперативных норм является недействительность сделки [24. С. 379]. В свою очередь, п. 2 ст. 168 ГК РФ содержит как бы «отсутствующую» правовую санкцию. Кроме того, принцип виртуальной ничтожности, действующий в подавляющем большинстве правопорядков, предполагает, что «для того, чтобы сделка считалась ничтожной, нет необходимости, чтобы ее ничтожность была прямо предусмотрена законом в качестве последствия нарушения установленной им императивной нормы; достаточно самого нарушения этой последней» [25].

Во-вторых, аргументом ничтожности рассматриваемых договоров также является то, что нарушения требования Постановления № 778 влекут посягательства на публичные интересы, а именно защиту жизни и здоровья граждан, безопасность государства. Понятие публичного интереса раскрывается в Постановлении № 25, где, в соответствии с п. 75, под публичными интересами следует понимать «интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, обороны и безопасности государства, а также охраны окружающей среды» [23]. Указанные цели полностью соответствуют интересам и ценностям, защищаемым сверхимперативными нормами. Применение п. 2 ст. 168 ГК РФ при нарушении сверхимперативных норм поддерживается и в судебной практике. Так, Десятый арбитражный апелляционный суд, признав п. 5 ст. 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» сверхимперативной нормой, применил ст. 167 и 168 ГК РФ как раскрывающие и дополняющие смысл указанной статьи [26].

В-третьих, поскольку п. 2 ст. 168 ГК РФ является необходимым для достижения целей, указанных в

диспозиции данной статьи (т.е. защита публичного интереса, прав и законных интересов человека и т.д.), то сам п. 2 ст. 168 ГК РФ соответствует установленным в ГК РФ критериям сверхимперативности. Данное умозаключение обосновывается в исследовании О.Ф. Засемковой, призывающей признать п. 2 ст. 168 ГК РФ сверхимперативной нормой по смыслу п. 1 ст. 1192 ГК РФ [9. С. 84], тем самым обусловив ее совместное применение с нормами Постановления № 778.

В-четвертых, сохранение юридического эффекта за договорами, содержащими нарушения запрета постановления Правительства № 778, предполагает необходимость его исполнения, что приводит к противоречию с российским публичным порядком, так как подразумевает нарушение императивных норм РФ, запрещающих ввоз на территорию России товаров из конкретных стран (см. Перечень) [1. Ст. 4543]. Подобные соглашения просто нивелируют суть законодательного регулирования, что является явно недозволительным с точки зрения любого правопорядка. Например, в решении № 1491 от 20.07.1992, вынесенном Арбитражным судом при Палате национального и международного арбитража в Милане, арбитры признали недействительным соглашение сторон (которое было подчинено праву третьей страны) ввиду действия положений об эмбарго против Ирака, являющихся частью итальянского права (*lex loci arbitri*) [27. С. 153].

Исходя из вышесказанного, договоры, во исполнение которых на территорию России поставляются товары из государств, включенных в Перечень, являются недействительными как сделки, нарушающие требования федеральных законов от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» [28. Ст. 44] и от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» [29. Ст. 2] и при этом посягающие на публичные интересы.

Необходимо учитывать, что в случае, если какой-либо третейский суд (арбитраж) оставит договор в силе и разрешит дело в пользу иностранного поставщика, то у российского государственного суда будет достаточно оснований, чтобы установить нарушение требований публичного порядка России. Согласно п. 2(б) ст. 5 Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, в признании и приведении в исполнение арбитражного решения может быть также отказано, если компетентная власть страны, в которой испрашивается признание и приведение в исполнение, найдет, что признание и приведение в исполнение этого решения противоречат публичному порядку этой страны [30]. Названная Конвенция ратифицирована Российской Федерацией. Под публичным порядком понимается особая юридическая конструкция, которую можно определить как совокупность нормативных принципов, составляющих основу социально-экономической организации и правовой системы конкретного государства [27. С. 49]. При этом сверхимперативные нормы также могут быть включены в состав публичного порядка. Так, в соответствии с п. 2 Информаци-

онного письма ВАС РФ № 156 от 26.02.2013, в признании и исполнении решения, вынесенного с нарушением сверхимперативных норм, может быть отказано лишь в том случае, когда в результате такого исполнения: 1) наносится ущерб суверенитету или безопасности России; 2) затрагиваются интересы больших социальных групп; 3) происходит нарушение конституционных прав и свобод отдельных категорий лиц. Российская судебная практика придерживается позиции включения норм непосредственного применения в состав публичного порядка РФ [31]. Так, уже в приводившемся ранее постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25.09.2018 № Ф07-10993/2018 по делу № А21-4708/2018 суд отказал в признании и приведении в исполнение решения международного коммерческого арбитража по причине его противоречия российскому публичному порядку. Данный вывод суда базировался на нарушении сверхимперативных норм РФ [22].

Иностранная судебная практика и доктрина также часто идут по пути включения норм непосредственного применения в состав публичного порядка, если арбитражное решение противоречило императивным нормам государства суда в области правового регулирования вопросов конкуренции, защиты прав потребителей, правил о валютном регулировании или запретах на экспорт и импорт или если арбитражное решение противоречило национальным интересам государства суда [32]. Данную позицию поддержала Ассоциация международного права в статье 1(d) резолюции № 2/2002. В частности, там указано следующее: «Международный публичный порядок включает: (i) фундаментальные принципы, касающиеся справедливости и морали, которые государство стремится защитить; (ii) правила, призванные служить политическим, социальным и экономическим интересам государства, известные под названием “нормы непосредственного применения” или “законы публичного порядка”, и (iii) обязанность государства соблюдать свои обязательства по отношению к другим государствам или международным организациям» [33].

Таким образом, рассматривая споры между российскими покупателями и зарубежными товаропроизводителями и выявляя при этом факты ввоза на территорию России товаров из государств, применяющих экономические санкции к Российской Федерации, судам следует учитывать сверхимперативные нормы российского правопорядка, нарушение которых влечет ничтожность сделок, заключенных в их нарушение. Именно такое исковое требование надлежит предъявлять к иностранному поставщику в случае, если поставленный им товар изъят российскими таможенными органами во исполнение Постановления Правительства РФ от 07.08.2014 № 778.

Обоснование расторжения договора международной купли-продажи в случае поставки товаров из государств, применяющих экономические санкции к России. В случае если суд, рассматривающий спор, возникший из факта поставки товара из государств, включенных в Перечень, признает соответствующий договор действительным, российский по-

купатель в дальнейшем вправе требовать расторжения такого договора. Трудность здесь представляется в связи с возможностью взыскать убытки с зарубежного поставщика. Однако если российский покупатель вообще не получил товар в результате его изъятия таможенными органами, то возложение ответственности за возникшие убытки на зарубежного поставщика представляется обоснованным.

Необходимо учитывать, что к большинству подобных договоров применяются нормы Венской конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (заключена в г. Вене 11.04.1980; далее – Венская конвенция) [34]. Для стран – участников этой Конвенции иерархия источников права заключается в том, что международные договоры имеют приоритет над иными источниками права (кроме положений Конституции) [35]. Исключение возможно в случаях, если в конкретном договоре поставки содержится условие о неприменимости положений Венской конвенции к отношениям из этого договора. Из содержания Венской конвенции можно выявить совокупность условий, составляющих ответственность продавца перед покупателем в результате изъятия у последнего партии поставленного товара и, как следствие, утраты покупателем возможности приобретения права собственности на соответствующий товар.

Первое условие ответственности продавца – это ненадлежащее качество товара. Товар, не соответствующий нормам о введении контрсанкций, является товаром ненадлежащего качества. Для целей применения ст. 25 Венской конвенции качество товара следует понимать не только как «физические характеристики товара», но и как «все фактические и юридические обстоятельства, касающиеся товара». Происхождение товара является частью качественных характеристик [36. Р. 596], поскольку существуют особые правила, касающиеся соблюдения так называемых «стандартов публичного права», а именно норм национального законодательства о защите прав потребителей, о безопасности продукции и о происхождении товаров на основании возможности их экспорта или импорта в определенные страны [36. Р. 604]. В рассматриваемых ситуациях поставщиками поставляется товар, запрещенный к ввозу на территорию России, соответственно, нарушающий «стандарты публичного права», т.е. товар ненадлежащего качества.

Поставка товара ненадлежащего качества (ввиду запрета на импорт данного товара в Россию), как правило, влечет конфискацию и уничтожение товара таможенными органами. Тем самым допускается существенное нарушение договора, поскольку право собственности на товар, который являлся предметом договора, не переходит к покупателю. В связи с данными обстоятельствами соответствующий договор должен быть расторгнут на основаниях, изложенных в ст. 49 Венской конвенции. В соответствии с п. 1 ст. 49 Венской конвенции, покупатель может заявить о расторжении договора, если неисполнение продавцом любого из его обязательств по договору или по Конвенции составляет существенное нарушение догово-

ра. Договорное обязательство, к которому применяется критерий существенности, может быть в том числе стандартным обязательством, предусмотренным договором купли-продажи или самой Венской конвенцией, включая обязательства, указанные в п. 1 ст. 49. При этом специальное указание в договоре не требуется, достаточно того, что следует из положений Венской конвенции [36. Р. 420]. Согласно ст. 25 Венской конвенции, нарушение договора, допущенное одной из сторон, является существенным, если оно влечет за собой такой вред для другой стороны, что последняя в значительной степени лишается того, на что вправе была рассчитывать на основании договора, за исключением случаев, когда нарушившая договор сторона не предвидела такого результата и разумное лицо, действующее в том же качестве при аналогичных обстоятельствах, не предвидело бы его. В рассматриваемых ситуациях между сторонами заключены договоры поставки, по которым покупатели правомерно рассчитывают на приобретение права собственности на товар. Таким образом, имеет место существенное нарушение договора, поскольку товар, поставленный продавцом (поставщиком), не соответствует наиболее важным, основным договорным обязательствам (essential content), что влечет наступление убытков у покупателей, которые в значительной степени лишаются договорных ожиданий (substantial deprivation). Также п. 2 ст. 35 Венской конвенции указывает, что товар не соответствует договору, если он: а) не пригоден для тех целей, для которых товар того же описания обычно используется. Поставляемый товар должен, прежде всего, быть пригодным для коммерческих целей. Это означает, что если покупатель занимается перепродажей, должна быть возможность перепродать его [36. Р. 600]. В результате же последующей конфискации и уничтожения товара покупатели лишены возможности его реализации на рынке. Следует учитывать и то обстоятельство, что в отношениях международной купли-продажи покупатель, как правило, имеет основания полагаться на компетенцию и суждение продавца (skill and judgement).

В соответствии с практикой применения ст. 35 Венской конвенции [37, 38], а также с доктринальными источниками [39. Р. 181; 40], существенное нарушение условий договора как основание для его расторжения является крайним средством (the last resort). Сторона может прибегнуть к нему только в случае, если все остальные средства правовой защиты оказались неудовлетворительными. Критериями для установления существенного нарушения являются: 1) вред, который в значительной степени лишает сторону договорных ожиданий (substantial deprivation), и 2) предвидимость нарушившей стороной такого вреда (foreseeability) [41. Р. 64]. На практике были разработаны два теста для установления факта существенного нарушения [41. Р. 65]. Первый тест гласит, что нарушение не является существенным, если потерпевшая сторона может разумно использовать товар с его нынешними недостатками (reasonable use test) [36. Р. 52, 449]. Поскольку партия товара, как правило, уничтожается из-за неосмотрительного поведения продавца,

покупатель не приобретает право собственности на товар ввиду его уничтожения и, следовательно, не приобретает возможность использовать его по назначению. Таким образом, в рассматриваемых спорах имеет место существенное нарушение договора со стороны продавца. Второй тест заключается в том, что нарушение не является существенным до тех пор, пока нарушение можно исправить (curability test) посредством ремонта товара ненадлежащего качества, либо доставкой нового товара надлежащего качества, и данная мера будет предпринята другой стороной без неразумной задержки, не создавая для покупателя неразумных неудобств или неопределенности в отношении компенсации продавцом расходов, понесенных покупателем, в соответствии с п. 1 ст. 48 Венской конвенции [42. Р. 4a].

Формулировка, используемая в ст. 25 Венской конвенции относительно вреда, который в значительной степени лишает сторону договорных ожиданий, имеет в доктрине и правоприменительной практике две основные интерпретации. В соответствии с первым подходом нарушение тогда является существенным, когда нарушаются наиболее важные, основные договорные обязательства (essential content). То есть если бы потерпевшая сторона знала о том, какое нарушение совершит другая сторона, она бы не заключила договор вообще [43]. Вторая концепция состоит в том, что для установления факта существенного нарушения потерпевшая сторона должна доказать серьезность последствий данного нарушения для нее [44. Р. 338–349]. Такое толкование основывается на комментарии Секретариата UNCITRAL 1978 года, который рекомендует учитывать при установлении существенного нарушения экономическую цель, преследуемую сторонами договора, денежный ущерб, причиненный нарушением, или степень, в которой нарушение препятствует другой деятельности потерпевшей стороны [45]. Как правило, на практике ненадлежащее исполнение продавцом своих обязательств по договору влечет за собой нарушение разумных ожиданий покупателя относительно исполнения основного договорного обязательства – передачи права собственности на товар надлежащего качества в целях дальнейшей реализации на рынке, т.е. имеет место существенное нарушение договора.

Второе условие ответственности продавца перед покупателем заключается в том, что продавец, во всяком случае, должен знать о введении контрсанкций в отношении страны происхождения товара, поскольку данная информация является общеизвестным фактом. Применительно к рассматриваемой категории споров из договора международной купли-продажи факт поставки продавцом товара ненадлежащего качества следует трактовать как «игнорирование общеизвестных фактов», поскольку факт установления контрсанкций со стороны России, так же как и причины их установления, получил колоссальную мировую огласку и широкую репрезентацию в СМИ [46–48]. Для установления необходимой осведомленности о наличии общеизвестного факта при квалификации действий продавца в практике применения Венской кон-

венции используется knowledge test. Факты, характеризующиеся при проведении knowledge test как те, о которых продавец «знал или не мог не знать», определяются как факты, которые «очевидны или могут быть легко обнаружены» [49]. При этом оценивается не фактическая осведомленность, а то, какую именно информацию продавец «знал или мог знать» [49]. Многочисленные сообщения в СМИ о введении Россией контрсанкций в отношении товаров, произведенных в странах ЕС, подтверждают, что факты являются очевидными либо продавец мог «легко обнаружить» данную информацию.

Постановление Правительства РФ, на основании которого товар подлежит конфискации и уничтожению, как правило, принято и опубликовано до заключения соответствующих договоров с иностранными поставщиками (т.е. договоры должны быть заключены позднее 7 августа 2014 г.). Таким образом, данное обстоятельство не является «непредвиденным» для продавца. Исходя из принципа добросовестности и обычаев честной деловой практики (good faith and fair dealing), а также в целях применения ст. 40 Венской конвенции на продавцов возлагается обязанность предпринять меры по согласованию с российскими покупателями отгрузки товаров иностранного происхождения.

Говоря о третьем условии ответственности продавца, отметим, что часто в рассматриваемых случаях продавцы заранее не раскрывают покупателям информацию о стране происхождения товара, чем нарушают стандарт добросовестности. Продавец обязан добросовестно предоставить покупателю информацию о качестве товара. Правовым последствием невыполнения продавцом данной обязанности является невозможность ссылаться на отсутствие уведомления о несоответствии товара со стороны покупателя [50]. Добросовестность при исполнении обязательства (включая информирование, содействие, учет прав и интересов друг друга) означает, что поведение стороны обязательства должно соответствовать не только условиям договора и императивным или не исключенным сторонами диспозитивным нормам закона, но и стандарту честной деловой практики (fair dealing) [51. С. 942]. Данный принцип, кроме того, закреплён в различных международных актах унификации частного права (см. ст. III. –1:103, III. –1:104 Модельных правил европейского частного права [52. С. 519], ст. 1.7 Принципов УНИДРУА). Так, например, согласно п. 1 ст. III. –1:103 Модельных правил европейского частного права, при исполнении обязанностей и осуществлении права на исполнение все лица обязаны действовать в соответствии с требованиями добросовестности и честной деловой практики [52. С. 727]. И хотя нарушение этой обязанности непосредственно не является основанием для использования мер защиты от нарушения какой-либо иной обязанности, оно может воспрепятствовать нарушителю использовать возражение, которое было бы доступно такому лицу в отсутствие нарушения (п. 3 ст. III. –1:103). Таким образом, иностранным поставщикам, опираясь на принцип добросовестности и учитывая при этом интересы покупателей, следует заблаговременно информиро-

вать покупателей о происхождении товара в уведомлении об отгрузке или предпринимать меры для получения согласия покупателей на отгрузку товара конкретной страны происхождения. В свою очередь российский покупатель сможет уведомить продавца о несоответствующем качестве товара до момента его принятия. Таким образом, в рассматриваемой в настоящем исследовании категории споров действия продавца идут вразрез с подходом, принятым в честной деловой практике (fair dealing).

Кроме того, в соответствии со ст. 40 Венской конвенции продавец лишается возможности ссылаться на отсутствие уведомления о несоответствии товара со стороны покупателя, если данное несоответствие связано с фактами, о которых продавец знал или не мог не знать и о которых он не сообщил покупателю. Как правило, продавец располагает точной информацией о стране происхождения поставляемого им товара. Не предоставив эту информацию покупателю, продавец принимает на себя риск несоответствия товара условиям договора [36. Р. 677].

Сведениями о происхождении товара для целей применения Венской конвенции являются сведениями о качестве товара. Поскольку в данном случае утрата товара есть следствие ненадлежащего исполнения продавцом своих обязательств по раскрытию информации о качественных характеристиках товара, покупатель освобождается от обязанности уплатить цену товара. То есть покупатель вправе взыскать с продавца денежные средства, уплаченные в качестве аванса.

Согласно п. 1 ст. 81 Венской конвенции, расторжение договора освобождает обе стороны от их обязательств по договору при сохранении права на взыскание убытков. Следует подчеркнуть, что продавец обязан вернуть покупателю авансовые платежи, независимо от того, произошел ли переход риска случайной гибели товара на покупателя, поскольку продавец изначально направил покупателю товар ненадлежащего качества, что и обусловило факт утраты товара (изъятие и уничтожение товара таможенными органами России).

Условия поставки CIP Мурманск, Инкотермс 2020 (Carriage and Insurance Paid to) предполагают переход рисков в момент доставки товара в определенное место. В соответствии с базисным условием поставки CIP в правилах Инкотермс 2020 продавец обязан оплатить расходы и фрахт, необходимые для страхования и доставки товара в указанное место назначения, выполнить экспортное таможенное оформление для вывоза товара с оплатой экспортных пошлин и иных сборов в стране отправления, однако продавец не обязан выполнять таможенные формальности для ввоза товара, уплачивать импортные таможенные пошлины или выполнять иные импортные таможенные процедуры при ввозе [53. С. 11]. Однако, согласно п. 1 ст. 36 Венской конвенции, продавец несет ответственность по договору за любое несоответствие товара, которое существует в момент перехода риска на покупателя, даже если это несоответствие становится очевидным позднее. В рассматриваемых случаях несоответствие товара договору (его происхождение,

исключающее возможность использования в стране покупателя) имеет место задолго до перехода риска на покупателя, а именно в момент отгрузки товара страны происхождения, запрещенного к ввозу на территорию страны покупателя. Таким образом, продавец должен нести ответственность за нарушение договора, даже если несоответствие товара стало очевидным лишь по прибытии товара в порт страны покупателя – Российскую Федерацию.

Кроме того, в соответствии со ст. 66 Венской конвенции, утрата или повреждение товара после того, как риск перешел на покупателя, не освобождают его от обязанности уплатить цену, если только утрата или повреждение не были вызваны действиями или упущениями продавца. Для целей применения ст. 66 Венской конвенции предпочтительнее использовать критерий разумности продавца относительно «действия или бездействия» в контексте перехода риска [36. Р. 965]. Значит, несмотря на то, что риски перешли на покупателя в момент доставки товара на территорию России, продавец обязан возратить денежные средства, уплаченные в качестве аванса.

Если в сложившейся ситуации отсутствуют основания для применения последствий недействительности сделки, то в любом случае факты поставки товара ненадлежащего качества, непредоставления покупателю информации о месте происхождения товара, игнорирование сверхимперативных правовых норм внутреннего законодательства покупателя позволяют квалифицировать поведение поставщика как существенное нарушение договорных обязанностей, что, в свою очередь, дает покупателю право требовать расторжения договора и возмещения причиненных убытков.

По итогам проведенного исследования можно сформулировать вывод о том, что информация, которой рас-

полагает каждый из участников договорных отношений, является индикатором добросовестности его поведения. Состав такой информации образуют сведения о предмете договора, интересах контрагента, обстоятельствах, которые обуславливают возможность либо невозможность надлежащего исполнения договорных обязательств. Тот факт, что поставщик, располагая соответствующими сведениями, избирает для себя неадекватный вариант поведения, считается бесспорным доказательством его недобросовестности, что позволяет его контрагенту использовать механизмы реституции либо расторжения договора в качестве способов защиты своих прав.

Резюмируя изложенный материал, следует подчеркнуть, что в условиях, когда вводятся экономические санкции либо контрсанкции, фактически идет экономическая война, происходит существенное изменение условий хозяйствования в стране. Возникающий фактор ограничительных либо запретительных экономических мер не может не учитываться в повседневной хозяйственной деятельности (при принятии управленческих решений, ведении переговоров, заключении сделок, выполнении предписаний и др.). Проведенный анализ действующего российского законодательства показал, что в настоящее время оно касается исключительно публичной сферы, оставляя значительное число пробелов в сфере частноправового регулирования. Как справедливо отмечено А.А. Моховым, «необходима разработка механизмов, направленных на защиту прав и законных интересов хозяйствующих субъектов (гарантии, формы и способы защиты и др.), несущих на себе бремя проводимой санкционной политики» [54. С. 62]. При этом частноправовые механизмы защиты прав участников оборота должны быть встроены в действующее законодательство о санкционных режимах, а не находиться обособленно.

Список источников

1. О мерах по реализации указов Президента Российской Федерации от 06.08.2014 № 560, от 24.06.2015 № 320, от 29.06.2016 № 305, от 30.06.2017 № 293, от 12.07.2018 № 420, от 24.06.2019 № 293 и от 21.11.2020 № 730 : Постановление Правительства РФ от 7 августа 2014 г. № 778 (ред. от 09.06.2021) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 32. Ст. 4543; 2021. № 25. Ст. 4798.
2. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 05.11.2020 № 309-ЭС20-6309 по делу № А76-43058/2018 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.06.2021).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. 28.06.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301 (Российская газета. 2021. 2 июля).
4. Попова И.Ю. Совершение сделок в обход закона в гражданском праве России и США : автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 27 с.
5. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.12.2020 № 18АП-4186/2020 по делу № А76-19092/2019 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.06.2021).
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. 30.04.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532 (Российская газета. 2021. 5 июля).
7. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 96-ФЗ (ред. 24.02.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012 (Российская газета. 2021. 6 июля).
8. О применении норм международного частного права судами Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 10.
9. Засемкова О.Ф. Сверхимперативные нормы международного частного права: понятие, признаки, практика применения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 250 с.
10. Асосков А.В. Основы коллизионного права. М. : Инфотропик Медиа, 2012. 352 с.
11. Scherck v. Alberto Culver Co. (1974). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/417/506/> (дата обращения: 19.06.2021).
12. Mitsubishi Motors Corporation v. Soler Chrysler-Plymouth Inc. (1986). URL: https://ru.xcv.wiki/wiki/Mitsubishi_Motors_Corp._v._Soler_Chrysler-Plymouth,_Inc. (дата обращения: 19.06.2021).
13. Shearson/American Express, Inc. et al. v. Eugene McMahon et al. (1987). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/482/220/> (дата обращения: 19.06.2021).
14. Решение Европейского суда по делу Nordsee Deutsche Hochseefischerei GmbH v. Reederei Mond Hochseefischerei Nordstern AG & Co. and Reederei Friedrich Busse Hochseefischerei Nordstern AG & Co. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61981CJ0102> (дата обращения: 19.06.2021).
15. Lando O. The Law Applicable to the Merits of the Dispute // Essays on International Commercial Arbitration / P. Sarcevic. 1989. 300 p.
16. Шулаков А.А. Современные подходы к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи в международном частном праве // Lex Russica. 2018. № 1.

17. ICC Award N 8528 // YB Com. Arb. XXV. 2000. P. 341–346.
18. О праве, применимом к контрактным обязательствам: Конвенция (заключена в г. Рим 19.06.1980) (Российская Федерация участницей не является). URL: <https://docs.cntd.ru/document/901889343> (дата обращения: 19.06.2021).
19. О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («Рим I»): Регламент N 593/2008 Европейского парламента и Совета Европейского Союза (принят в г. Страсбурге 17.06.2008) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.06.2021).
20. Restatement (Second) Conflict of Law. URL: <https://www.britannica.com/topic/Restatement-of-the-Law-Second-Conflict-of-Laws> (дата обращения: 19.06.2021).
21. О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 06.08.2014 № 560 (ред. от 19.06.2020, с изм. от 21.11.2020) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 32. Ст. 4470; 2020. № 25. Ст. 3880.
22. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25.09.2018 № Ф07–10993/2018 по делу № А21–4708/2018. Выводы суда поддержаны Определением Верховного Суда РФ от 15.02.2019 № 307–ЭС18–25447 2019 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.06.2021).
23. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.
24. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части третьей (постатейный). 4-е изд., испр. и доп. / отв. ред. Н.И. Маршнев, К.Б. Ярошенко. М.: КОНТРАКТ, 2014. 577 с.
25. Тузов Д.О. Lex quasi perfecta? О новой редакции ст. 168 Гражданского кодекса РФ и фундаментальных цивилистических понятиях // Закон. 2015. № 9.
26. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 17.10.2017 по делу №А41– 78484/15. С выводами по данному делу согласился Верховный Суд РФ в Определении от 17.10.2017 № 305–ЭС17– 3665(7) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.06.2021).
27. Жильцов А.Н. Применимое право в международном коммерческом арбитраже (императивные нормы) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 188 с.
28. О специальных экономических мерах и принудительных мерах : Федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ (ред. 01.05.2019) // Собрание законодательства РФ. 2007 № 1. Ч. I. Ст. 44; 2019. № 18. Ст. 2207.
29. О безопасности: Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 09.11.2020) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2; 2020. № 46. Ст. 7209.
30. О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений: Конвенция ООН (Заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1993. № 8.
31. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2013. № 5.
32. Руководство по Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений: Секретариат ЮНСИТРАЛ. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1604041_ebook-r.pdf (дата обращения: 19.06.2021).
33. Де Варей-Соммьер П., Гетьман-Павлова И.В. Нарушение «сверхимперативных» норм как основание для отказа в признании и исполнении иностранных арбитражных решений (судебная практика Франции и России). URL: <https://www.hse.ru/data/2015/04/20/1095377875/Getman-Pavlova.pdf> (дата обращения: 19.06.2021).
34. О договорах международной купли-продажи товаров: Конвенция ООН (заключена в г. Вене 11.04.1980) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1994. № 1.
35. Séminaire ACA Europe du 18 décembre 2013 – ACA Europe seminar – December 18, 2013 Notes sur la hiérarchie des normes – Notes on the hierarchy of norms. URL: <http://www.aca-europe.eu/seminars/Paris2013bis/Espagne.pdf> (дата обращения: 19.06.2021).
36. Schroeter in Schlechtriem & Schwenzer. UN-Convention on the International Sales of Goods (CISG), A Commentary. 4th ed. Oxford University Press, 2016.
37. Bundesgerichtshof, 3 April 1996, № VIII ZR 51/95. URL: <https://cisgw3.law.pace.edu/cases/960403g1.html> (дата доступа: 19.06.2021).
38. Bundesgericht (Switzerland), 18 May 2009, № 4A_68/2009. URL: <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/090518s1.html> (дата обращения: 19.06.2021).
39. Koch R. The Concept of Fundamental Breach of Contract under the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG). Kluwer Law International, 1999. P. 245.
40. Huber P. in Huber/Mullis The CISG: a new textbooks for students and practioners. Sellier European Law Publishers, 2007.
41. Yasutoshi Ishida, Identifying Fundamental Breach of Articles 25 and 49 of the CISG: The Good Faith Duty of Collaborative Efforts to Cure Defects – Make the Parties Draw a Line in the Sand of Substantiality, 41 MICH. J. INT'L L. 63 (2020).
42. Advisory Council Opinion № 5, 4.a.
43. Bundesgericht (Switzerland), 15 сентября 2000, FCF S. A v Adriafile Commerciale S. r. l., 4P.75/2000, aa. URL: <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/000915s1.html> (дата обращения: 19.06.2021).
44. Graffi L. Case law on the concept of "Fundamental breach" in the Vienna Sales Convention // International Business Law Journal. 2003. Vol. 3.
45. Commentary on the Draft Convention on Contracts for the International Sale of Goods prepared by the Secretariat, ("Secretariat Commentary") / UN DOC. A/CONF. 1978. 97/5 (комментарий к бывшей ст. 23; сейчас ст. 25).
46. Russia hits West with food import ban in sanctions row Published, 7 August 2014. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-28687172> (дата обращения: 19.06.2021).
47. Russian import ban on EU products. URL: https://ec.europa.eu/food/safety/international_affair (дата обращения: 19.06.2021).
48. Putin no cede y prorrotga otro año más el veto ruso a los alimentos europeos, hasta diciembre de 2020. URL: <https://agroinformacion.com/putin-no-cede-y-prorrotga-otro-ano-mas-el-veto-ruso-a-los-alimentos-europeos-hasta-diciembre-de-2020/> (дата обращения: 19.06.2021).
49. The Knowledge Test Under the CISG – A Global Threefold Distinction of Negligence, Gross Negligence and De Facto Knowledge. URL: https://www.researchgate.net/publication/296683952_The_Knowledge_Test_Under_the_CISG_A_Global_Threefold_Distinction_of_Negligence_Gross_Negligence_and_De_Facto_Knowledge (дата обращения 19.06.2021).
50. Oil Int'l Ltd. v. Empresa Estatal Petroleos de Ecuador, 332 F.3d 333 (5th Cir. 2003). URL: <https://www.lexisnexis.com/community/casebrief/p/casebrief-bp-oil-int-ltd-v-empresa-estatal-petroleos-de-ecuador-petroecuador> (дата обращения: 19.06.2021).
51. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к ст. 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М–Логос, 2017. 1120 с.
52. Модельные правила Европейского частного права / СПб. гос. ун-т; науч. ред. Н.Ю. Рассказова; пер. с англ. М.А. Александрова и др. М.: Статут, 2013. 987 с.
53. Шестакова М.П. Международные торговые обычаи: Инкотермс 2020 // Международное публичное и частное право. 2020. № 2. С. 9–12.
54. Право и экономическое развитие: проблемы государственного регулирования экономики / кол. авт.; МГУ имени М.В. Ломоносова, Моск. отд-е Ассоциации юристов России; отв. ред В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2017. 432 с.

References

1. Sbranie zakonodatel'stva RF. (2021) O merakh po realizatsii ukazov Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 06.08.2014 № 560, ot 24.06.2015 № 320, ot 29.06.2016 № 305, ot 30.06.2017 № 293, ot 12.07.2018 № 420, ot 24.06.2019 № 293 i ot 21.11.2020 № 730: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 7 avgusta 2014 g. № 778 (red. ot 09.06.2021) [On measures to implement Decrees of the President of the Russian Federation No. 560 of

- August 6, 2014, No. 320 of June 24, 2015, No. 305 of June 29, 2016, No. 293 of June 30, 2017, No. 420 of July 12, 2018, No. 293 of June 24, 2019 and No. 730 of November 21, 2020: Decree of the Government of the Russian Federation of August 7, 2014 No. 778 (ed. of June 9, 2021)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 25. Art. 4798.
2. Consultant Plus. (2020) *Decision of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 309-ES20-6309 of November 5, 2020 in case No. A76-43058/2018*. Moscow: Consultant Plus (Accessed: 19.06.2021). (In Russian).
3. Rossiyskaya gazeta. (2021) Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. 28.06.2021) [The Civil Code of the Russian Federation (part one) No. 51-FZ of November 30, 1994 (ed. June 28, 2021)]. *Rossiyskaya gazeta*. 2 July.
4. Popova, I.Yu. (2018) *Sovershenie sdelok v obkhod zakona v grazhdanskom prave Rossii i SShA* [Making transactions bypassing the law in the civil law of Russia and the USA]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
5. Consultant Plus. (2020) *Resolution of the Eighteenth Arbitration Court of Appeal of December 15, 2020 No. 18AP-4186/2020 in case No. A76-19092/2019*. Moscow: Consultant Plus (Accessed: 19.06.2021). (In Russian).
6. Rossiyskaya gazeta. (2021) Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. 30.04.2021) [Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ of November 14, 2002 (ed. April 30, 2021)]. *Rossiyskaya gazeta*. 5 July.
7. Rossiyskaya gazeta. (2021) Arbitrazhnyy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 24.07.2002 № 96-FZ (red. 24.02.2021) [Arbitration Procedural Code of the Russian Federation No. 96-FZ of July 24, 2002 (ed. February 24, 2021)]. *Rossiyskaya gazeta*. 6 July.
8. Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. (2019) O primeneni norm mezhdunarodnogo chastnogo prava sudami Rossiyskoy Federatsii: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 09.07.2019 № 24 [On the application of the norms of private international law by the courts of the Russian Federation : Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 9, 2019 No. 24]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 10.
9. Zasemkova, O.F. (2017) *Sverkhimperativnye normy mezhdunarodnogo chastnogo prava: ponyatie, priznaki, praktika primeneniya* [Superimperative norms of private international law: concept, signs, practice of application]. Law Cand. Diss. Moscow.
10. Asoskov, A.V. (2012) *Osnovy kollizionnogo prava* [Fundamentals of Conflict of Laws]. Moscow: Infotopik Media.
11. Justia. U.S. Supreme Court. (1974) *Scherk v. Alberto-Culver Co.*, 417 U.S. 506 (1974). [Online] Available from: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/417/506/> (Accessed: 19.06.2021).
12. Abcdef.wiki. (1986) *Mitsubishi Motors Corporation v. Soler Chrysler-Plymouth Inc.* (1986). [Online] Available from: https://ru.xcv.wiki/wiki/Mitsubishi_Motors_Corp._v._Soler_Chrysler-Plymouth,_Inc (Accessed: 19.06.2021).
13. Justia. U.S. Supreme Court. (1987) *Shearson/American Express v. McMahon*, 482 U.S. 220 (1987). [Online] Available from: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/482/220/> (Accessed: 19.06.2021).
14. European Court Reports. (1982) Judgment of the Court of 23 March 1982. – Nordsee Deutsche Hochseefischerei GmbH v Reederei Mond Hochseefischerei Nordstern AG & Co. KG and Reederei Friedrich Busse Hochseefischerei Nordstern AG & Co. KG. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61981CJ0102> (Accessed: 19.06.2021).
15. Lando, O. (1989) The Law Applicable to the Merits of the Dispute. In: Šarčević, P. (ed.) *Essays on International Commercial Arbitration*. London; Boston: Graham & Trotman/M. Nijhoff.
16. Shulakov, A.A. (2018) Modern approaches to defining the closest connection principle in private international law. *Lex Russica*. 1 (134). pp. 103–114 (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2018.134.1.103-114
17. Van Den Berg, A.J. (ed.) (2000) ICC Award N 8528. *Yearbook Commercial Arbitration*. XXV. pp. 341–346.
18. Elektronnyy fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov [Electronic Fund of Legal and Regulatory Documents]. (1980) *O prave, primenimom k kontraktnym obyazatel'stvam: Konventsia (Rim 19.06.1980)* [On the law applicable to contractual obligations: Convention (Rome, June 19, 1980)]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/901889343> (Accessed: 19.06.2021).
19. Consultant Plus. (2008) *On the law to be applied to contractual obligations ("Rome I"): Regulation No. 593/2008 of the European Parliament and of the Council of the European Union (adopted in Strasbourg on June 17, 2008)*. Moscow: Consultant Plus (Accessed: 19.06.2021). (In Russian).
20. Britannica. (n.d.) *Restatement (Second) Conflict of Law*. [Online] Available from: <https://www.britannica.com/topic/Restatement-of-the-Law-Second-Conflict-of-Laws> (Accessed: 19.06.2021).
21. Sobranie zakonodatel'stva RF. (2020) O primeneni otdel'nykh spetsial'nykh ekonomicheskikh mer v tselyakh obespecheniya bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii: Ukaz Prezidenta RF ot 06.08.2014 № 560 (red. ot 19.06.2020, s izm. ot 21.11.2020) [On the application of certain special economic measures in order to ensure the security of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of August 6, 2014 No. 560 (ed. of June 19, 2020, with amendments of November 21, 2020)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 25. Art. 3880.
22. Consultant Plus. (2019) *Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District of September 25, 2018 No. F07–10993/2018 in case No. A21–4708/2018. The court's conclusions are supported by the Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of February 15, No. 307–ES18–2019–25447 2019*. Moscow: Consultant Plus (Accessed: 19.06.2021). (In Russian).
23. Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. (2015) O primeneni sudami nekotorykh polozheniy razdela I chasti pervoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 23.06.2015 № 25 [On the application by courts of Certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25 of June 23, 2015]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 8.
24. Maryshev, N.I. & Yaroshenko, K.B. (eds) (2014) *Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii chasti tret'ey (postateyny)* [Commentary to the Civil Code of the Russian Federation Part Three (Article-by-article)]. 4th ed. Moscow: KONTRAKT.
25. Tuzov, D.O. (2015) Lex 'quasi' perfecta? On the new edition of the art. 168 of the Russian Civil Code and fundamental concepts of the civil law theory. *Zakon – Statute*. 9. pp. 34–38. (In Russian).
26. Consultant Plus. (2017) *Resolution of the Tenth Arbitration Court of Appeal of October 17, 2017 in case No. A41– 78484/15. The Supreme Court of the Russian Federation agreed with the conclusions on this case in the Ruling of October 17, 2017 No. 305– ES17– 3665(7)*. Moscow: Consultant Plus (Accessed: 19.06.2021). (In Russian).
27. Zhil'tsov, A.N. (1998) *Primenimoe pravo v mezhdunarodnom kommercheskom arbitrazhe (imperativnye normy)* [Applicable law in international Commercial arbitration (mandatory norms)]. Law Cand. Diss. Moscow.
28. Sobranie zakonodatel'stva RF. (2019) O spetsial'nykh ekonomicheskikh merakh i prinuditel'nykh merakh: Federal'nyy zakon ot 30.12.2006 № 281-FZ (red. 01.05.2019) [On Special economic measures and coercive measures: Federal Law No. 281-FZ of December 30, 2006 (as amended on May 1, 2019)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 18. Art. 2207.
29. Sobranie zakonodatel'stva RF. (2020) O bezopasnosti: Federal'nyy zakon ot 28.12.2010 № 390-FZ (red. ot 09.11.2020) [On security: Federal Law No. 390-FZ of December 28, 2010 (ed. of November 19, 2020)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 46. Art. 7209.
30. Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF. (1993) O priznanii i privedenii v ispolnenie inostrannykh arbitrazhnykh resheniy: Konventsia OON (Zaklyuchena v g. N'yu-Yorke v 1958 g.) [On the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards: The UN Convention (Concluded in New York in 1958)]. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF*. 8.
31. Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF. (2013) Obzor praktiki rassmotreniya arbitrazhnymi sudami del o primeneni ogovorki o publicnom poryadke kak osnovaniya otkaza v priznanii i privedenii v ispolnenie inostrannykh sudebnykh i arbitrazhnykh resheniy: Informatsionnoe pis'mo Prezidiuma VAS RF ot 26.02.2013 № 156 [Review of the practice of consideration by arbitration courts of cases on the application of a public procedure clause as grounds for refusal to recognize and enforce foreign judicial and arbitration decisions: Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 26.02.2013 No. 156]. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF*. 5.

32. United Nations Commission on International Trade Law (UNCITRAL). (1958). *Rukovodstvo po Konventsii o priznanii i privedenii v ispolnenie inostrannykh arbitrazhnykh resheniy* [Guide to the Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards]. [Online] Available from: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1604041_ebook-r.pdf (Accessed: 19.06.2021).
33. de Vareilles-Sommieres, P. & Get'man-Pavlova, I.V. (2015) Violating Super-imperative Norms as Grounds to Refuse the Recognition and Execution of Foreign Arbitrage Decisions (Judicial Practice of France and Russia). *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 1. pp. 22–42. [Online] Available from: <https://www.hse.ru/data/2015/04/20/1095377875/Getman-Pavlova.pdf> (Accessed: 19.06.2021). (In Russian).
34. Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF. (1994) O dogovorakh mezhdu narodnoy kupli-prodazhi tovarov: Konventsiya OON (zaklyuchena v g. Vene 11.04.1980) [On Contracts for the International Sale of Goods: UN Convention (concluded in Vienna on April 11, 1980)]. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF*. 1. (In Russian).
35. Turkey. Council of State. (2013) Notes on the hierarchy of norms. *ACA Europe seminar*. December 18. [Online] Available from: <http://www.aca-europe.eu/seminars/Paris2013bis/Espagne.pdf> (Accessed: 19.06.2021).
36. Schwenzer, I. (ed.) (2016) *Schlechtriem & Schwenzer. UN-Convention on the International Sales of Goods (CISG). A Commentary*. 4th ed. Oxford University Press.
37. Bundesgerichtshof. (1996) CLOUT case 171. No. VIII ZR 51/95. *Neue Juristische Wochenschrift (NJW)*. [Online] Available from: <https://cisgw3.law.pace.edu/cases/960403g1.html> (Accessed: 19.06.2021).
38. Bundesgericht (Switzerland). (2009) No. 4A_68/2009. 18 May 2009. [Online] Available from: <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/090518s1.html> (Accessed: 19.06.2021).
39. Koch, R. (1999) *The Concept of Fundamental Breach of Contract under the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG)*. Kluwer Law International. P. 245.
40. Huber, P. & Mullis, A. (2007) *The CISG: A new textbook for students and practitioners*. Munich: Sellier European Law Publishers.
41. Ishida, Y. (2020) Identifying Fundamental Breach of Articles 25 and 49 of the CISG: The Good Faith Duty of Collaborative Efforts to Cure Defects – Make the Parties Draw a Line in the Sand of Substantiality, 41. *Michigan Journal of International Law*. 63. DOI: 10.36642/mjil.41.1.identifying
42. Advisory Council Opinion. 5, 4.a.
43. Bundesgericht (Switzerland). (2000) *FCF S. A v Adriafil Commerciale S. r. l.*, 4P.75/2000, aa. 15 September 2000. [Online] Available from: <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/000915s1.html> (Accessed: 19.06.2021).
44. Graffi, L. (2003) Case law on the concept of “Fundamental breach” in the Vienna Sales Convention. *International Business Law Journal*. 3. P. 338.
45. United Nations. (1991) Commentary on the Draft Convention on Contracts for the International Sale of Goods prepared by the Secretariat, (“Secretariat Commentary”). UN DOC. A/CONF. 97/5. In: *United Nations Conference on Contracts for the International Sale of Goods*. New York: United Nations. pp. 14–100.
46. BBC. (2014) Russia hits West with food import ban in sanctions row. *BBC*. 7 August. [Online] Available from: <https://www.bbc.com/news/world-europe-28687172> (Accessed: 19.06.2021).
47. European Commission. (n.d.) *Russian import ban on EU products*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/food/safety/international_affair (Accessed: 19.06.2021).
48. Agroinformacion.com. (2020) *Putin no cede y prorroga otro año más el veto ruso a los alimentos europeos, hasta diciembre de 2020*. [Online] Available from: <https://agroinformacion.com/putin-no-cede-y-prorroga-otro-ano-mas-el-veto-ruso-a-los-alimentos-europeos-hasta-diciembre-de-2020/> (Accessed: 19.06.2021).
49. Fogt, M. (2016) The Knowledge Test Under the CISG – A Global Threefold Distinction of Negligence, Gross Negligence and De Facto Knowledge. *Journal of Law and Commerce*. 34 (1). [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/296683952_The_Knowledge_Test_Under_the_CISG_A_Global_Threefold_Distinction_of_Negligence_Gross_Negligence_and_De_Facto_Knowledge (Accessed: 19.06.2021). DOI: 10.5195/jlc.2015.98
50. LexisNexis. (2003) *Oil Int'l Ltd. v. Empresa Estatal Petroleos de Ecuador*, 332 F.3d 333 (5th Cir. 2003). [Online] Available from: <https://www.lexisnexis.com/community/casebrief/p/casebrief-bp-oil-int-ltd-v-empresa-estatal-petroleos-de-ecuador-petroecuador> (Accessed: 19.06.2021).
51. Karapetov, A.G. (ed.) (2017) *Dogovornoe i obyazatel'stvennoe pravo (obshchaya chast')*: postateyny kommentariy k st. 307–453 *Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Contract and Obligation Law (General part): Article-by-article commentary to Articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow: M-Logos.
52. Rasskazov, N.Yu. (ed.) (2013) *Model'nye pravila Evropeyskogo chastnogo prava* [Model rules of European private law]. Translated from English. Moscow: Statut.
53. Shestakova, M.P. (2020) International trade practices: Incoterms 2020. *Mezhdu narodnoye publichnoye i chastnoye pravo – International Criminal Law and International Justice*. 2. pp. 9–12. (In Russian). DOI: 10.18572/1812-3910-2020-2-9-12
54. Vaypan, V.A. & Egorova, M.A. (eds) (2017) *Pravo i ekonomicheskoe razvitiye: problemy gosudarstvennogo regulirovaniya ekonomiki* [Law and Economic Development: Problems of State Regulation of the Economy]. Moscow: Yustitsinform.

Информация об авторе:

Челышева Н.Ю. – канд. юрид. наук, зав. кафедрой гражданского права и процесса Уральского института управления (филиала) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Екатеринбург, Россия). E-mail: chelysheva@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.Yu. Chelysheva, Cand. Sci. (Law), head of the Department of Civil Law and Procedure, Ural Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: chelysheva@list.ru

The author declares no conflicts of interests

*Статья поступила в редакцию 13.07.2021;
одобрена после рецензирования 25.02.2022; принята к публикации 28.03.2022.*

*The article was submitted 13.07.2021;
approved after reviewing 25.02.2022; accepted for publication 28.03.2022.*

Научная статья
УДК 334.025; 338.242.4
doi: 10.17223/15617793/476/31

Публично-частное партнерство в сфере транспорта: основные механизмы и перспективы совершенствования правового регулирования

Константин Валерьевич Черкасов^{1, 2, 3, 4}, Анна Викторовна Пиптюк⁴

¹Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия

²Вятский государственный университет, Киров, Россия

³Всероссийский государственный университет юстиции, Москва, Россия

⁴Российский государственный гуманитарный университет, Домодедово, Россия

^{1, 2, 3, 4}CherkasovKV1978@yandex.ru

⁴rggu2020@mail.ru

Аннотация. Предпринята попытка определить наиболее оптимальный механизм публично-частного партнерства. В качестве гипотез выдвигаются тезисы о недостаточной прозрачности конкурсных процедур и о целесообразности осуществления конкурсных процедур исключительно в электронной форме. По результатам исследования вносятся ряд предложений, в числе которых – переход в бездокументарную форму, а также использование технологий, позволяющих исключить любые манипуляции при проведении конкурсных процедур (блокчейн).

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, публично-частное партнерство, государственные закупки, цифровизация, блокчейн

Для цитирования: Черкасов К.В., Пиптюк А.В. Публично-частное партнерство в сфере транспорта: основные механизмы и перспективы совершенствования правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 290–297. doi: 10.17223/15617793/476/31

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/31

Public-private partnership in the field of transport: Main mechanisms and prospects for improving legal regulation

Konstantin V. Cherkasov^{1, 2, 3, 4}, Anna V. Pipyuk⁴

¹Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russian Federation

²Vyatka State University, Kirov, Russian Federation

³All-Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

⁴Russian State University for the Humanities, Domodedovo Branch, Domodedovo, Russian Federation

^{1, 2, 3, 4}CherkasovKV1978@yandex.ru

⁴rggu2020@mail.ru

Abstract. Transport infrastructure is one of the most important elements of human livelihood throughout the lifetime of humankind. The level of the State's economic, social and defence security, which determines its further development and status in the international community, is directly related to the quality of the sector in question. At the same time, the establishment and maintenance of transport facilities go beyond the competence of public authorities. Moreover, in times of economic crisis, the state budget does not always have the amount of money needed to maintain existing and build new transport links. This determines the need to involve private partners in the tasks of the public sector. In the context of the present study, the authors attempt to identify the best public-private partnership arrangement. In preparing the presented work, the provisions of normative legal acts and the practice of their application, scientific sources of both monographic and periodic nature by Russian and foreign authors, and statistical data were used. The basis of information processing was general (analysis, synthesis, historical) and specific (statistical and dogmatic) scientific methods. Their application made it possible to formulate the main conclusions and proposals for improving the current legislation in the area under analysis. As hypotheses, the authors put forward theses (1) on the lack of transparency of competitive procedures provided by law to select the party to the public-private (municipal-private) partnership agreement and concession agreement, which results in the low efficiency of contractual structures; (2) on the appropriateness of competitive procedures preceding the conclusion of any public-private agreement (contract) exclusively in electronic form. According to the results of the study, the authors conclude that the key criterion for determining the effectiveness of a public-private agreement is the transparency of the procedures preceding its conclusion. Among the conceptual proposals for improving the current

legislation are the transition to a document-free form, as well as the use of technologies that allow excluding any manipulation in competitive procedures (blockchain).

Keywords: public-private partnership, government procurement, digitalization, blockchain

For citation: Cherkasov, K.V. & Pipyuk, A.V. (2022) Public-private partnership in the field of transport: main mechanisms and prospects for improving legal regulation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 290–297. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/31

Сфера транспорта является одной из ключевых в экономике любого государства. Исторический опыт показывает, что хорошая транспортная доступность всегда была и остается основой развития человеческих поселений. Данное обстоятельство обусловлено рядом причин не только социально-экономического характера, но и военно-оборонительного содержания. К примеру, строительство Крымского моста в России можно рассматривать, с одной стороны, как стимул экономических преобразований в данном регионе. С другой, – как возведение стратегического объекта, объединяющего материковую часть страны с полуостровом, имеющим важные морские коммуникации и являющимся в силу этого одним из ключевых элементов системы обороны¹.

Развитая транспортная инфраструктура создает предпосылки для финансовой безопасности и стабильности территориальных образований, что обусловлено формированием и укреплением торговых связей, усилением миграционных процессов, созданием дополнительных рабочих мест. В качестве примера приведем Транссибирскую железную дорогу, которая обеспечивает более 60% общего объема грузовых перевозок из Китая в Европу. Общий грузооборот между странами Азиатско-Тихоокеанского региона и Европы составляет 13 млн TEU² [2. С. 110]. Экономическое значение магистрали определяется спецификой ее расположения. По пути ее пролегания сосредоточены регионы, в которых сконцентрировано свыше 80% промышленно-производственного потенциала современной России. Транссибирская железнодорожная магистраль в лице филиала ОАО «РЖД» – Забайкальской железной дороги является крупнейшим работодателем Забайкальского края и Амурской области: по данным на 2019 г., там трудятся свыше 45 тыс. человек [3. С. 144, 146].

По данным Росстата на конец 2019 г., протяженность автомобильных дорог общего пользования в России составляет 1,5 млн километров, что на 749,5 тыс. (почти вдвое) больше по сравнению с концом 2009 г. [4]. Строительство новых транспортных путей, как и их дальнейшее содержание, требует серьезных финансовых затрат. Так, по данным Министерства транспорта Российской Федерации за 2018 г., средняя стоимость строительства 1 км одной полосы движения составляет 18 403,921 тыс. руб., реконструкции – 27 423,369 тыс. руб. [5. С. 2–3] Вместе с тем осуществление деятельности непосредственно по созданию и обслуживанию объектов транспортной инфраструктуры выходит за рамки полномочий государственных и муниципальных органов, наделенных административными функциями. Кроме того, в России, как и в большинстве стран, механизмы публично-частного партнерства (ПЧП) направлены на преодо-

ление общих ограничений государственного сектора: (1) отсутствие государственного капитала³; и (2) отсутствие потенциала государственного сектора – ресурсов и специальных знаний для разработки, управления и эксплуатации инфраструктурных активов [7]. В силу указанных причин государством на разных условиях к реализации проектов в сфере транспорта привлекаются хозяйствующие субъекты, осуществляющие деятельность на основе частной собственности, – частные партнеры.

В исследовании мы исходим из того, что основными формами публично-частного партнерства в сфере транспорта являются государственные и муниципальные контракты, контракты жизненного цикла (КЖЦ), бюджетные закупки, соглашения о государственно-частном партнерстве (ГЧП), концессионные соглашения. О единстве их правовой природы свидетельствуют присущие им характеристики: одной из сторон возникающих правоотношений всегда выступает публичный партнер; распределение рисков между сторонами [8. Р. 308]; заключению контракта (соглашения) всегда предшествует проведение конкурсных процедур. Общим является также использование в качестве источника финансирования проектов (закупок) денежных средств из бюджетов разных уровней. При этом какие-либо фискальные критерии, по которым механизмы ПЧП могут быть отграничены друг от друга, в правоприменительной практике не прослеживаются. Так, сумма государственного контракта на выполнение работ по проектированию и строительству транспортного перехода через Керченский пролив (Крымского моста), заключенного в соответствии с Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [9] составила 212 529 726 тыс. руб. в ценах 2015 г. [10]. С приведенным примером по объему работ сопоставим общий размер финансирования строительства Центральной кольцевой автомобильной дороги в Московской области, которое производилось в соответствии с Федеральным законом от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» [11] (далее – ФЗ № 115-ФЗ). Он составил 313 270,6 млн рублей государственных средств [12] и инвестиций в размере 88 млрд руб. (строительно-пусковой комплекс № 4), 81 млрд руб. (строительно-пусковой комплекс № 3) [6. С. 12].

В научной литературе отсутствует единство мнений относительно соотношения различных механизмов ПЧП. К примеру, В.А. Вайпан рассматривает ГЧП как альтернативу другим, традиционным способам реализации органами власти их функций и полномочий [13]. Позиция, близкая нашей, нашла отра-

жение в работах Я.В. Коженко, которая приходит к выводу, что институт государственных закупок – это отдельная форма ГЧП [14. С. 227]. Заслуживает внимания подход И.С. Ракитиной, Н.Н. Березиной, А.А. Гуськова, которые характеризуют рассматриваемые правовые категории как механизм реализации совместных проектов [15]. Также, на наш взгляд, резонно мнение О.С. Троценко о том, что одна из возможностей развития ГЧП связана с системой государственных закупок, они должны дополнять друг друга, а не конкурировать. Кроме того, автором отмечается наличие коллизии правовых норм, в силу которой не представляется возможным отграничение КЖЦ в государственных закупках и КЖЦ в ГЧП [16. С. 156].

В рамках настоящего исследования будет предпринята попытка определить наиболее оптимальный механизм ПЧП. В качестве гипотез авторами выдвигаются тезисы: о недостаточной прозрачности конкурсных процедур, предусмотренных законодательством для выбора стороны соглашения о государственно-частном (муниципально-частном) партнерстве и концессионного соглашения, как следствие – низкой эффективности самих договорных конструкций; о целесообразности осуществления конкурсных процедур, предшествующих заключению любого публично-частного соглашения (контракта), исключительно в электронной форме.

Становление института государственно-частного партнерства на законодательном уровне применительно к сфере транспорта имело поступательный характер, во многом определяясь социально-экономической ситуацией в стране. В течение 15 лет с момента перехода на рыночные принципы хозяйствования, Россия фактически прошла два этапа своего развития. В это время формировался институт публично-частного партнерства.

Первый этап охватывал 1990-е гг. и был направлен на преодоление масштабного макроэкономического кризиса, создание базовых экономических и политических институтов [17. С. 17]. В этот период создание нормативной основы ПЧП происходило импульсивно, что проявлялось в принятии новых нормативных источников каждые 2–5 лет (в 1992 [18], 1994 [19] и 1999 гг. [20]).

В действующем на тот момент законодательстве был представлен исключительно механизм закупок для государственных нужд (в редакции ФЗ от 13 декабря 1994 г. № 60-ФЗ – федеральных государственных нужд). Форма проведения закупок была «бумажной», заявки представлялись участниками в запечатанных конвертах. Такой подход, безусловно, не был рациональным, поскольку не позволял в полной мере избежать манипуляций в процессе выбора поставщика, полностью исключить коррупционные факторы при заключении и исполнении контрактов. Согласимся также с К.В. Кичик в том, что законы о государственных закупках 1992 и 1994 гг., ввиду их небольшого содержания, не устанавливали четкой процедуры размещения заказов, что приводило к невозможности реализации на практике заложенных в них идей [21].

Второй этап пришелся на 2000–2003 гг. и был ознаменован формированием базовых институтов, включая трансформацию естественных монополий, снижение административных барьеров, препятствующих развитию бизнеса [17. С. 17]. Именно на этот период пришлись коренные преобразования в бюджетной сфере, послужившие предпосылками для пересмотра принципов финансирования транспортного сектора. На примере автодорожной отрасли процессы преобразования выглядели следующим образом. До 2001 г. содержание и развитие дорог общего пользования осуществлялись за счет разветвленной системы действовавших на тот момент налогов. Получаемые средства аккумулировались в дорожных фондах, созданных в 1992 г. после принятия в октябре 1991 г. Закона «О дорожных фондах в РСФСР» [22; 23. С. 81–82].

В 2001 г. был упразднен Федеральный дорожный фонд [24. С. 3386], а с 1 января 2005 г. утратил юридическую силу и сам Закон «О дорожных фондах» [25]. При этом введенный гл. 28 Налогового кодекса РФ транспортный налог вошел в число источников формирования доходной части региональных бюджетов [24. С. 3386]. Расходы на содержание дорожного хозяйства стали покрываться аналогично другим отраслям, то есть без поступлений из обособленных источников дохода [23. С. 81–82]. Итогом нововведений стало недофинансирование транспортной отрасли в начале 2000-х гг. [26]. Кроме того, в целом по стране с начала нового российского периода до 2005 г. наблюдался хронический отток капитала из частного сектора экономики [27], что затрагивало все сферы жизнедеятельности общества.

Одним из вариантов решения сложившейся ситуации могло послужить привлечение в данную отрасль инвесторов. Законодательной основой для частных инвестиций стал принятый 21 июля 2005 г. Федеральный закон № 115-ФЗ. Благодаря введению в правовое поле концессий в качестве инструмента финансирования, были созданы предпосылки для дополнительных вложений в сферу транспорта. Однако исключение законодателем возможности возникновения права собственности на создаваемые объекты в целом снижало их инвестиционную привлекательность. Кроме того, в числе иных недостатков данного закона отмечались установление закрытого перечня объектов, в отношении которых могут быть заключены концессионные соглашения, наличие обязательных типовых форм концессионных соглашений [28. С. 55], исключения в некоторых случаях гибкость в регламентации взаимоотношений сторон.

В 2011 г., после внесения поправок в Бюджетный кодекс РФ, вновь был создан Федеральный дорожный фонд, в 2012-м – региональные фонды, а с 2014 г. – местные. Возрождаемые фонды, однако, не имели собственных бюджетов. Источниками финансирования дорожного хозяйства являлись региональный и местный бюджеты с установлением для регионов и муниципалитетов минимального объема обязательных расходов на дороги [23. С. 81–82]. Однако данная мера не позволяла в должной степени обеспечить достаточный уровень финансирования автодорожной отрасли.

Результатом поиска наиболее удачного соотношения частно-публичных интересов стало принятие 13 июля 2015 г. Федерального закона № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [29] (далее Закон № 224-ФЗ). Следует отметить, что к ожидаемому эффекту введение в действие указанного законодательного акта не привело. Как отмечается в информационно-аналитическом обзоре Министерства экономического развития Российской Федерации, по состоянию на февраль 2020 г. наибольший объем инвестиций (42%) предусмотрен в рамках концессионных соглашений, заключенных на федеральном уровне, из которых 96% приходится на транспортную инфраструктуру. Соглашения о ГЧП, муниципально-частном партнерстве в российской практике не получили широкого распространения. На всех административных уровнях заключено всего 25 таких соглашений с общим объемом инвестиционных обязательств порядка 60 млрд руб. [6. С. 3].

Давая оценку целесообразности принятия Закона № 224-ФЗ, согласимся с позицией, согласно которой концессионное соглашение является формой государственно-частного партнерства, как это изначально предлагалось в проекте Закона о государственно-частном (муниципально-частном) партнерстве [30]. В продолжение тезиса отметим об импонировании точке зрения о текстуальном сходстве Закона № 224-ФЗ и № 115-ФЗ, ввиду чего в российских условиях вполне можно было объединить оба закона в один, обозначив его как Федеральный закон «О публично-частных партнерствах в Российской Федерации» [31].

ПЧП является одной из самых распространенных схем реализации государством возложенных на него распорядительных функций. Относясь к единой группе, каждый из актов публично-частного партнерства обладает специфическими чертами. На наш взгляд, ключевым критерием, позволяющим определить эффективность публично-частного соглашения, является прозрачность процедур, предшествующих его заключению. Данный подход обосновывается тем, что аффилированность заказчика и исполнителя либо исполнителей между собой [32] при выборе частной стороны партнерства влечет за собой негативные последствия для всех стадий существования соглашения (контракта). В их числе – завышение стоимости контракта; нарушение технологии при проведении работ, влекущей их фактическое удешевление за счет ухудшения качества; невыполнение исполнителем существенных условий соглашений, оформленное, однако, подписанными обеими сторонами актами выполненной работы и иное.

Относительно прозрачны процедуры, предшествующие заключению контрактов в сфере государственных и муниципальных закупок товаров (работ, услуг), в силу того, что они проводятся в электронной форме. Однако и это не является панацеей от манипуляций при выборе «желательного» поставщика, «удобного» на стадии освоения бюджетных средств.

В качестве примера можно привести многоуровневый механизм коррупционного преступления при формировании и расходовании денежных средств дорожного фонда, который был выявлен на основании ряда уголовных дел, возбужденных в отношении курирующего дорожно-строительную сферу заместителя губернатора Новгородской области и иных участников. Рассматриваемое преступление характеризуется большим субъектным составом, участием лица, занимающего федеральную государственную должность (члена Совета Федерации Федерального Собрания России). Суть реализованного преступного замысла сводилась к тому, что взяточник (далее – организатор преступления) при содействии члена Совета Федерации Федерального Собрания России («покровителя») был назначен на должность первого заместителя органа исполнительной власти региона по вопросам дорожного хозяйства. На последующих этапах организатор определял дорожно-строительные работы и проекты для последующего финансирования, формы их реализации в рамках контрактной системы. Ключевым моментом было совершение незаконных действий в сфере государственных закупок, направленных на ограничение конкуренции и беспрепятственный выигрыш аукционов аффилированными компаниями. За ним следовали подписание контракта, проведение дорожно-строительных мероприятий с нарушением установленных технических требований и объемов, составление фиктивных отчетов, перечисление денег на счета аффилированных исполнителей для последующего обналичивания с целью распределения между участниками группы, включая «покровителя» [33].

В наименьшей степени прозрачны и в наибольшей степени коррупциогенны процедуры, предусмотренные законами № 115-ФЗ и № 224-ФЗ. В первую очередь, в силу того, что они проводятся в бумажной форме. В связи с этим считаем целесообразным расставить следующие акценты. Части 8, 9 ст. 10 ФЗ № 224-ФЗ предполагают прием публичным партнером заявлений в письменной форме от лиц, намеренных участвовать в конкурсе на право заключения соглашения. Это означает, что потенциальные частные партнеры становятся известны еще до проведения конкурсных процедур, в силу чего возникают предпосылки для реализации различных антиконкурентных схем. К примеру, убеждение предпринимателя отказаться от участия в конкурсе [34]; удержание всеми участниками предлагаемой цены на одном уровне; предложение различных субподрядных схем с целью установления максимальной цены соглашения для наиболее выгодного раздела рынка.

Сама конкурсная документация, как было отмечено выше, согласно требованиям анализируемых Законом № 115-ФЗ (ст. 27), Законом № 224-ФЗ (ст. 19) представляется на бумажном носителе. В условиях цифровизации экономики мы убеждены в недопустимости подобного подхода, нисходящего к законодательству о государственных закупках редакции 1990-х гг. Бумажные документы не позволяют в полной мере исключить их замену, фальсификацию, внесение изменений

в части цены в конкурсное предложение аффилированного участника с учетом других заявок. Бумажные конверты не имеют защиты от просвечивания, распечатывания и применения иных незаконных способов получения информации о конкурсном предложении до момента официального рассмотрения заявок.

Безусловно, такой подход нуждается в пересмотре путем создания законодательных предпосылок для перевода конкурсных процедур, направленных на выбор стороны соглашения о ГЧП, МЧП, а также концессионных соглашений, в электронный формат. Вероятность манипуляций при выборе частного партнера ПЧП в целом снижает эффективность его механизмов. В наибольшей степени их проявление может быть опасным, когда речь идет о реализации положений Закона № 224-ФЗ, что объясняется возможностью передачи создаваемого объекта в частную собственность.

Изложенное позволяет резюмировать, что публично-частное партнерство является одним из перспективных вариантов финансирования транспортной сферы. Так сложилось исторически, в условиях длительного недофинансирования анализируемой отрасли, усиливающегося в разные периоды в большей или меньшей степени с учетом состояния российской экономики. Кризисные явления традиционно создают предпосылки для поиска наиболее оптимальных вариантов решения стоящих перед обществом юридически значимых задач. ПЧП может выступать в качестве оптимальной конструкции, позволяющей привлекать дополнительные денежные средства в экономику государства. Однако адекватных вложениям результатов можно добиться только при условии оптимизации действующей в настоящее время системы ПЧП, исходя из специфики транспортной сферы, а также опыта применения законодательства.

Реализация ПЧП осуществляется при помощи набора механизмов, результативность которых имеет особенное значение ввиду значимости транспортной отрасли для экономики страны. Нами определено, что эффективность механизмов ПЧП находится в прямой зависимости от уровня прозрачности процедур, предшествующих заключению публично-частного соглашения (контракта). Указанное свидетельствует об обоснованности тезиса о более низкой результативности соглашений о ГЧП и МЧП, концессионных соглашений, по сравнению с другими механизмами.

Гипотеза о целесообразности перевода всех конкурсных процедур, осуществляемых в рамках ПЧП, в электронный формат находит подтверждение лишь частично. На наш взгляд, отказ от бумажной формы предполагает увеличение уровня прозрачности процедур, однако абсолютно не дает гарантий в том, что это поможет избежать нарушений при их проведении. В этой связи отношения по государственно-частному партнерству необходимо не просто переводить в цифровое пространство, а использовать технологии, позволяющие исключить любые манипуляции. Вариантом такой технологии может послужить блокчейн. Ее введение необходимо осуществлять постепенно, начиная именно со сферы транспорта, как одной из наиболее коррупциогенных, но вместе с тем – стратегически и экономически значимых.

Предлагаемые преобразования потребуют серьезных изменений на законодательном уровне. Вместе с тем они могут создать основу для унификации всего законодательство о ПЧП с целью обеспечения его системности и более качественного регулирования схожих по своей природе отношений.

Примечания

¹ Так, в годы Великой Отечественной войны Гитлер рассматривал полуостров Крым в качестве одного из главных участков Восточного фронта, по этой причине считал оборону полуострова важнейшей задачей [1. С. 5].

² TEU – 20-футовый эквивалент, единица грузоподъемности [2. Р. 110].

³ По данным Министерства экономического развития РФ, страна испытывает нехватку инвестиций в инфраструктурные объекты; в период с 2020 по 2040 г. эта нехватка будет ежегодно составлять 1,9% от ВВП, по оценке Global Infrastructure Hub [6. С. 2].

Список источников

1. Крым в истории России: к 70-летию освобождения. 1944–2014. Материалы военно-исторической конференции / под общ. ред. С.А. Макарова. 112 с. URL: http://encyclopedia.mil.ru/files/morf/Krime_konferencia_2014.pdf (дата обращения: 11.10.2021).
2. Zaitseva L., Racheva S. The Silk Road of Social Partnership // Russian Law Journal. 2020. Vol. 8 (4). P. 109–139. DOI: 10.17589/2309-8678-2020-8-4-109-139
3. Колесников А.Е. Роль и значение Транссибирской железнодорожной магистрали в построении диалога и коммуникации в направлении «Восток-Запад»: международный и национальный аспекты // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность. Иркутск, 2020. С. 142–148.
4. Протяженность автомобильных дорог общего пользования // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/search?q=протяженность+дорог> (дата обращения: 11.10.2021).
5. Доклад о стоимости строительства, реконструкции, капитального ремонта, ремонта и содержания 1 км автомобильных дорог общего пользования Российской Федерации (2018 год) // Официальный сайт Министерства транспорта Российской Федерации. URL: <https://mintrans.gov.ru/documents/11/10433?type=11> (дата обращения: 11.10.2021).
6. Информационно-аналитический обзор «О развитии государственно-частного партнерства в Российской Федерации», подготовлен Министерством экономического развития РФ. Февраль 2020 г. 14 с. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/6b5f12f3140cf044f1f715d18dfdef0a/gchp%2021.02.2020.pdf.pdf> (дата обращения: 11.10.2021).
7. Jooste S., Scott W. Organizations enabling public-private partnerships: An organization field approach // W. Scott, R. Levitt, R. Orr (Eds.) GLOBAL Projects: Institutional and Political Challenges. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. P. 377–402. doi: 10.1017/CBO9780511792533.013.
8. Halit Shabani, Vlora Berisha, Vjosa Hajdari Impact of the ownership form on cost management: A public-private partnership perspective // Problems and Perspectives in Management. 2021. Vol. 19, Is. 1. P. 305–316.
9. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 14. Ст. 1652.

10. Об определении ООО «Стройгазмонтаж» единственным исполнителем работ по проектированию и строительству транспортного перехода через Керченский пролив, закупку которых осуществляет ФКУ «Управление федеральных автомобильных дорог «Тамань» Федерального дорожного агентства»: распоряжение Правительства РФ от 30 января 2015 г. №118-р (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 6. Ст. 990.
11. О концессионных соглашениях: федеральный закон от 21 июля 2005 г. №115-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30 (часть II). Ст. 3126.
12. О федеральной целевой программе «Модернизация транспортной системы России (2010–2021 годы)»: постановление Правительства РФ от 5 декабря 2001 г. № 848 (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 51. Ст. 4895.
13. Вайпан В.А. Реализация принципа социальной справедливости в правовом регулировании предпринимательской деятельности. М. : Юстицинформ, 2020. 696 с.
14. Коженко Я.В. Теоретико-концептуальный анализ дефиниций и соотношений государственно-частного партнерства и государственных закупок // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2017. № 2. С. 225–228.
15. Ракитина И.С., Березина Н.Н., Гуськов А.А. Финансовые аспекты государственно-частного партнерства в социальной сфере // Экономика. Налоги. Право. 2017. № 4 (том 10). URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77500583/paragraph/1/doclist/693> (дата обращения: 11.10.2021).
16. Троценко О.С. Правовые проблемы соотношения механизма государственно-частного партнерства системы государственных закупок Российской Федерации // Менеджмент и предпринимательство в парадигме устойчивого развития. Материалы I Международной научно-практической конференции : в 2 т. Уральский государственный экономический университет, 2018. С. 153–159.
17. Российская экономика в 2005 году. Тенденции и перспективы. Вып. 27 / под ред. Е. Гайдара, С. Синельникова-Мурылева, Н. Главацкой. М. : ИЭПП, 2006. 646 с.
18. О поставках продукции и товаров для государственных нужд: закон РФ от 28 мая 1992 г. № 2859-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 27. Ст. 1558.
19. О поставках продукции для федеральных государственных нужд: федеральный закон от 13 декабря 1994 г. № 60-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 34. Ст. 3540.
20. О конкурсах на размещение заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд: федеральный закон от 6 мая 1999 г. № 97-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 19. Ст. 2302.
21. Кичик К.В. Государственный (муниципальный) заказ России: правовые проблемы формирования, размещения и исполнения. Юстицинформ, 2012. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/58096563/paragraph/1746/doclist/840> (дата обращения: 11.10.2021).
22. О дорожных фондах в Российской Федерации: закон РФ от 18 октября 1991 г. № 1759-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1991. № 44. Ст. 1426.
23. Голованова Н.В. Региональные дорожные фонды: нужно ли закреплять доходы на федеральном уровне // Финансовый журнал / Financial journal. 2016. № 6. С. 81–89.
24. Воропаева О.А., Лариончикова В.Н., Петровская М.В. Реформация транспортного налога в России // Российское предпринимательство / Russian Journal of Entrepreneurship. 2016. Т. 17. № 23. С. 3383–3392. doi: 10.18334/rp.17.23.37172
25. О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: федеральный закон от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 35. Ст. 3607.
26. Волобуев А. Дороги обходятся России дорожее, чем освоение космоса. URL: <https://www.rbc.ru/economics/27/02/2013/570404279a7947fcbcd446276> (дата обращения: 11.10.2021).
27. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития России) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/ (дата обращения: 11.10.2021).
28. Андерсен А.П. Обзор основных положений Федерального Закона о государственно-частном партнерстве // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 1. С. 55–59.
29. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 13 июля 2015 г. №224-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Российская газета. 2015. № 156.
30. Леонтьев С.Е. Комментарий к Федеральному закону от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (3-е изд., перераб. и доп.). М. : Деловой двор, 2021. 255 с.
31. Гриценко Е.В., Дмитрикова Е.А., Долгов А.К., Дружинин Е.И., Жмулина Д.А., Килинкар В.В., Килинкар Е.В., Макаревич К.А., Попондопуло В.Ф., Шевелева Н.А. Комментарий к Федеральному закону «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» / под ред. В.Ф. Попондопуло и В.В. Килинкарова. М. : Инфотропик Медиа, 2016. 352 с.
32. Беляева О.А. Картельный сговор в электронной закупке: доказательства, предположения, фикции // Белова С.Н., Белых В.С., Беляева О.А., Булгакова М.А., Волкова Т.В., Гагарина И.В., Городов О.А., Егорова М.А., Кванина В.В., Максимов С.В., Маслов А.О., Молчанов А.В., Пращук С.А., Петров Д.А., Писенко К.А., Радченко Т.А., Самолысов П.В., Серёгин Д.И., Шаститко А.Е. Актуальные вопросы конкурентного права современные тенденции и перспективы развития / отв. ред. д.ю.н., проф. М.А. Егорова. М. : Юстицинформ, 2020. 208 с.
33. Габоев Н.В. Механизмы совершения коррупционных преступлений при формировании и расходовании средств дорожных фондов // Научный портал МВД России. 2020. № 1. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77300279/paragraph/1:0> (дата обращения: 11.10.2021).
34. Белоусова Н., Кцоева Р. Как участники торгов доказывают их невиновность/непричастность к картельному сговору // Адвокатская газета. 2021. № 4. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77253670/paragraph/1/doclist/1301> (дата обращения: 11.10.2021).

References

1. Makarov, S.A. (ed.) (2014) *Krym v istorii Rossii: k 70-letiyu osvobodzheniya. 1944–2014* [Crimea in the History of Russia: to the 70th Anniversary of Liberation. 1944–2014]. Proceedings of the Conference. Sevastopol. 28 May 2014. Moscow: Nauchno-issledovatel'skiy institut voennoy istorii Voennoy akademii General'nogo shtaba VS RF. [Online] Available from: http://encyclopedia.mil.ru/files/morf/Krime_konferencia_2014.pdf (Accessed: 11.10.2021).
2. Zaitseva, L. & Racheva, S. (2020) The Silk Road of Social Partnership. *Russian Law Journal*. 4 (8). pp. 109–139. DOI: 10.17589/2309-8678-2020-8-4-109-139
3. Kolesnikov, A.E. (2020) [Role and significance of Trans-Siberian railway in the forward of the “East-West” dialogue and communication: international and national aspects]. *Sibir' v izmenyayushchemsya mire. Istoriya i sovremennost'* [Siberia in a Changing World. History and Modernity]. Proceedings of the All-Russian Conference. Irkutsk. 28 April 2020. Irkutsk: Ottisk. pp. 142–148. (In Russian).

4. Federal State Statistics Service. (2016) *Protyazhennost' avtomobil'nykh dorog obshchego pol'zovaniya* [The length of public roads]. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/search?q=protyazhennost'+dorog> (Accessed: 11.10.2021).
5. Ministry of Transport of the Russian Federation. (2018) *Doklad o stoimosti stroitel'stva, rekonstruktsii, kapital'nogo remonta, remonta i soderzhaniya 1 km avtomobil'nykh dorog obshchego pol'zovaniya Rossiyskoy Federatsii (2018 god)* [Report on the cost of construction, reconstruction, overhaul, repair and maintenance of 1 km of public roads of the Russian Federation (2018)]. [Online] Available from: <https://mintrans.gov.ru/documents/11/10433?type=11> (Accessed: 11.10.2021).
6. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. (2020) *Informatsionno-analiticheskiy obzor "O razvitiy gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossiyskoy Federatsii"* [Information and analytical review "On the development of public and private partnership in the Russian Federation"]. [Online] Available from: <https://www.economy.gov.ru/material/file/6b5f12f3140cf044f1f715d18dfdef0a/gchp%2021.02.2020.pdf.pdf> (Accessed: 11.10.2021).
7. Jooste, S. & Scott, W. (2011) Organizations enabling public-private partnerships: An organization field approach. In: Scott, W., Levitt, R. & Orr, R. (eds.) *Global Projects: Institutional and Political Challenges*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 377–402. DOI: 10.1017/CBO9780511792533.013
8. Shabani, H., Berisha, V. & Hajdari, V. (2021) Impact of the ownership form on cost management: A public-private partnership perspective. *Problems and Perspectives in Management*. 1 (19). pp. 305–316. DOI: 10.21511/ppm.19(1).2021.26
9. Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. (2013) O kontraktnoy sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd: federal'nyy zakon ot 5 aprelya 2013 g. № 44-FZ (s posled. izm. i dop.) [On the contract system in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs: Federal Law No. 44-FZ of April 5, 2013 (with the latest amendments and additions)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 14. Art. 1652.
10. Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. (2015) Ob opredelenii OOO "Stroygazmontazh" edinstvennym ispolnitelem rabot po proektirovaniyu i stroitel'stvu transportnogo perekhoda cherez Kerchenskiy proliv, zakupku kotorykh osushchestvlyayet FKU "Upravlenie federal'nykh avtomobil'nykh dorog "Taman" Federal'nogo dorozhnogo agentstva": rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 30 yanvarya 2015 g. № 118-r (s posled. izm. i dop.) [On the determination of Stroygazmontazh LLC as the sole contractor for the design and construction of a transport crossing through the Kerch Strait, the purchase of which is carried out by the Federal State Institution "Management of Federal Highways 'Taman' of the Federal Highway Agency": Decree of the Government of the Russian Federation of January 30, 2015 No. 118-r (with the latest amendments and additions)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 6. Art. 990.
11. Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. (2005) O kontsessionnykh soglasheniyakh: federal'nyy zakon ot 21 iyulya 2005 g. № 115-FZ (s posled. izm. i dop.) [On concession agreements: Federal Law No. 115-FZ of July 21, 2005 (with the latest amendments and additions)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 30. Part 2. Art. 3126.
12. Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. (2001) O federal'noy tselevoy programme "Modernizatsiya transportnoy sistemy Rossii (2010–2021 gody)": postanovlenie Pravitel'stva RF ot 5 dekabrya 2001 g. № 848 (s posled. izm. i dop.) [On the federal target program "Modernization of the transport system of Russia (2010–2021)": Decree of the Government of the Russian Federation No. 848 of December 5, 2001 (with the latest amendments and additions)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 51. Art. 4895.
13. Vaypan, V.A. (2020) *Realizatsiya printsipa sotsial'noy spravedlivosti v pravovom regulirovanii predprinimatel'skoy deyatel'nosti* [Implementation of the Principle of Social Justice in the Legal Regulation of Entrepreneurial Activity]. Moscow: Yustitsinform.
14. Kozhenko, Ya.V. (2017) Theoretical-conceptual analysis definitions and relationships of public-private partnerships and public procurement. *Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A.P. Chekhova – Journal of the A.P. Chekhov Taganrog Institute*. 2. pp. 225–228. (In Russian).
15. Rakitina, I.S., Berezina, N.N. & Gus'kov, A.A. (2017) Financial aspects of public-private partnership in the social sphere. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. 4 (10). pp. 56–61. [Online] Available from: <https://internet.garant.ru/#/document/77500583/paragraph/1/doclist/693> (Accessed: 11.10.2021). (In Russian).
16. Trotsenko, O.S. (2018) [Legal problems of the correlation between the mechanism of public-private partnership and the system of public procurement in Russian federation]. *Menedzhment i predprinimatel'stvo v paradigme ustoychivogo razvitiya* [Management and Entrepreneurship in the Sustainable Development Paradigm]. Proceedings of the 1st International Conference. Yekaterinburg. 24 May 2018. Yekaterinburg: Ural State University of Economics. pp. 153–159. (In Russian).
17. Gaydar, E., Sinel'nikov-Murylev, S. & Glavatskaya, N. (eds) (2006) *Rossiyskaya ekonomika v 2005 godu. Tendentsii i perspektivy* [The Russian Economy in 2005. Trends and prospects]. Vol. 27. Moscow: IEPP.
18. Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov i Verkhovnogo Soveta Rossiyskoy Federatsii. (1992) O postavkakh produktsii i tovarov dlya gosudarstvennykh nuzhd: zakon RF ot 28 maya 1992 g. № 2859-I [On the supply of products and goods for state needs: RF Law No. 2859-I of May 28, 1992]. *Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov i Verkhovnogo Soveta Rossiyskoy Federatsii*. 27. Art. 1558.
19. Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. (1994) O postavkakh produktsii dlya federal'nykh gosudarstvennykh nuzhd: federal'nyy zakon ot 13 dekabrya 1994 g. № 60-FZ (s posled. izm. i dop.) [On the supply of products for federal state needs: Federal Law No. 60-FZ of December 13, 1994 (with the latest amendments and additions)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 34. Art. 3540.
20. Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. (1999) O konkurakh na razmeshchenie zakazov na postavki tovarov, vypolnenie rabot, okazanie uslug dlya gosudarstvennykh nuzhd: federal'nyy zakon ot 6 maya 1999 g. № 97-FZ [On tenders for placing orders for the supply of goods, performance of works, provision of services for state needs: Federal Law No. 97-FZ of May 6, 1999]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 19. Art. 2302.
21. Kichik, K.V. (2012) *Gosudarstvennyy (munitsipal'nyy) zakaz Rossii: pravovye problemy formirovaniya, razmeshcheniya i ispolneniya* [State (Municipal) Order of Russia: Legal problems of formation, placement and execution]. Moscow: Yustitsinform. [Online] Available from: <https://internet.garant.ru/#/document/58096563/paragraph/1746/doclist/840> (Accessed: 11.10.2021).
22. Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov RF i Verkhovnogo Soveta RF. (1991) O dorozhnykh fondakh v Rossiyskoy Federatsii: zakon RF ot 18 oktyabrya 1991 g. № 1759-I [On Road Funds in the Russian Federation: Law of the Russian Federation No. 1759-I of October 18, 1991]. *Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov RF i Verkhovnogo Soveta RF*. 44. Art. 1426.
23. Golovanova, N.V. (2016) Regional road funds: should their revenue sources be determined at the federal level? *Finansovyy zhurnal – Financial journal*. 6. pp. 81–89. (In Russian).
24. Voropaeva, O.A., Larionchikova, V.N. & Petrovskaya, M.V. (2016) Reforms of the transport tax in Russia. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo – Russian Journal of Entrepreneurship*. 23 (17). pp. 3383–3392. (In Russian). DOI: 10.18334/rp.17.23.37172
25. Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. (2004) O vnesenii izmeneniy v zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii i priznanii utrativshimi silu nekotorykh zakonodatel'nykh aktov Rossiyskoy Federatsii v svyazi s prinyatiem federal'nykh zakonov "O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Federal'nyy zakon "Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti sub"ektov Rossiyskoy Federatsii" i "Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii": federal'nyy zakon ot 22 avgusta 2004 g. № 122-FZ (s posled. izm. i dop.) [On Amendments to Legislative Acts of the Russian Federation and Invalidation of Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of Federal Laws "On Amendments and Additions to the Federal Law 'On General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation' and 'On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation Federation'": Federal Law No. 122-FZ of August 22, 2004 (with the latest amendments and additions)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 35. Art. 3607.

26. Volobuev, A. (2013) *Dorogi obkhodyatsya Rossii dorozhe, chem osvoenie kosmosa* [Roads cost Russia more than space exploration]. *RBC*. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/economics/27/02/2013/570404279a7947fcbdd446276> (Accessed: 11.10.2021).
27. Consultant Plus. (2021) *Forecast of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2030 (developed by the Ministry of Economic Development of Russia)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/ (Accessed: 11.10.2021). (In Russian).
28. Andersen, A.P. (2016) Review of key aspects of Russian federal law on public-private partnership. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian Legislation*. 1. pp. 55–59. (In Russian).
29. Rossiyskaya gazeta. (2015) O gosudarstvenno-chastnom partnerstve, munitsipal'no-chastnom partnerstve v Rossiyskoy Federatsii i vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 13 iyulya 2015 g. №224-FZ (s posled. izm. i dop.) [On Public-Private Partnership, Municipal-Private Partnership in the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 224-FZ of July 13, 2015 (with the latest amendments and additions)]. *Rossiyskaya gazeta*. 156.
30. Leont'ev, S.E. (2021) Kommentariy k Federal'nomu zakonu ot 21 iyulya 2005 g. N 115-FZ "O kontsessionnykh soglasheniyakh" [Commentary to Federal Law No. 115-FZ of July 21, 2005 "On Concession Agreements"]. 3rd ed. Moscow: Delovoy dvor.
31. Popondopulo, V.F. & Kilinkarov, V.V. (eds) (2016) *Kommentariy k Federal'nomu zakonu "O gosudarstvenno-chastnom partnerstve, munitsipal'no-chastnom partnerstve v Rossiyskoy Federatsii i vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii"* [Commentary on the Federal Law "On Public-Private Partnership, Municipal-Private Partnership in the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation"]. Moscow: Infotropik Media.
32. Belyaeva, O.A. (2020) Kartel'nyy sgovor v elektronnoy zakupke: dokazatel'stva, predpolozheniya, fiktsii [Cartel collusion in electronic procurement: proofs, assumptions, fictions]. In: Egorova, M.A. (ed.) *Aktual'nye voprosy konkurentnogo prava sovremennye tendentsii i perspektivy razvitiya* [Topical Issues of Competition Law. Modern Trends and Prospects of Development]. Moscow: Yustitsinform.
33. Gaboev, N.V. (2020) Mekhanizmy soversheniya korruptsionnykh prestupleniy pri formirovani i raskhodovanii sredstv dorozhnykh fondov [Mechanisms of committing corruption crimes in the formation and expenditure of road funds]. *Nauchnyy portal MVD Rossii*. 1. [Online] Available from: <https://internet.garant.ru/#/document/77300279/paragraph/1:0> (Accessed: 11.10.2021).
34. Belousova, N. & Ktsioeva, R. (2021) Kak uchastniki trgov dokazyvayut ikh nevinovnost' / neprichastnost' k kartel'nomu sgovoru [How bidders prove their innocence/non-involvement in a cartel]. *Advokatskaya gazeta*. 4. [Online] Available from: <https://internet.garant.ru/#/document/77253670/paragraph/1/doclist/1301> (Accessed: 11.10.2021).

Информация об авторах:

Черкасов К.В. – д-р юрид. наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (г. Сыктывкар, Россия); профессор кафедры конституционного, административного права и правового обеспечения государственной службы Вятского государственного университета (г. Киров, Россия); профессор кафедры административного и финансового права Всероссийского государственного университета юстиции (г. Москва, Россия); зав. кафедрой юридических дисциплин филиала Российского государственного гуманитарного университета в г. Домодедово (г. Домодедово, Россия). E-mail: CherkasovKV1978@yandex.ru

Пиптюк А.В. – канд. юрид. наук, доцент кафедры юридических дисциплин филиала Российского государственного гуманитарного университета в г. Домодедово (г. Домодедово, Россия). E-mail: rggu2020@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

K.V. Cherkasov, Dr. Sci. (Law), professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation); professor, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation); professor, All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of the Russian Federation) (Moscow, Russian Federation); head of the Department of Legal Disciplines, Russian State University for the Humanities, Domodedovo Branch (Domodedovo, Russian Federation). E-mail: CherkasovKV1978@yandex.ru

A.V. Pipyuk, Cand. Sci. (Law), associate professor, Russian State University for the Humanities, Domodedovo Branch (Domodedovo, Russian Federation). E-mail: rggu2020@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.11.2021;
одобрена после рецензирования 22.12.2021; принята к публикации 28.03.2022.*

*The article was submitted 15.11.2021;
approved after reviewing 22.12.2021; accepted for publication 28.03.2022.*

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2022. № 476. Март

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 31.03.2022 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 31. Усл. печ. л. 29. Тираж 50 экз.
Заказ № 5083. Цена свободная.

Дата выхода в свет 28.07.2022 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием.
Учредитель – Томский государственный университет.
«Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru